

ФГАОУ ВО «Крымский федеральный университет имени В. И. Вернадского»
Институт филологии
Крымское отделение Союза переводчиков России
ГБУК РК «Крымская республиканская универсальная научная библиотека
им. И. Я. Франко»

**ПЕРЕВОДЧЕСКИЙ ДИСКУРС:
МЕЖДИСЦИПЛИНАРНЫЙ ПОДХОД**

Материалы VII международной научно-практической конференции

*Симферополь
27–28 апреля 2023 года*

Симферополь
ИТ «АРИАЛ»
2023

УДК 81'25
ББК 81.2–7
П 27

Главный редактор:

д. филол. н., доц. М. В. Норец

Редакционная коллегия:

д. филол. н., проф. А. Д. Петренко (Симферополь, Россия)
д. филол. н., проф. Т. А. Казакова (Санкт-Петербург, Россия)
д. филол. н., проф. С. А. Кочетова (Горловка, Россия)
д. филос. н., проф. О. Р. Демидова (Санкт-Петербург, Россия)
д. филол. н., проф. Г. И. Лушникова (Ялта, Россия)
д. филол. н., проф. О. В. Резник (Симферополь, Россия)
д. филол. н., проф. М. Г. Меркулова (Москва, Россия)
д. филол. н., доц. О. А. Джумайло (Ростов-на-Дону, Россия)
д. культурологии, доц. О. Б. Элькан (Санкт-Петербург, Россия)

П 27 Переводческий дискурс: междисциплинарный подход: материалы VII международной научно-практической конференции, Симферополь, 27–28 апреля 2023 г. / гл. ред. М. В. Норец. – Симферополь: ИТ «АРИАЛ», 2023. – 428 с.

ISBN 978-5-907656-91-8

В сборнике представлены статьи по докладам участников VII международной научно-практической конференции «Переводческий дискурс: междисциплинарный подход», которая проводилась в г. Симферополь 27–28 апреля 2023 г. Рассматриваются актуальные проблемы теории и практики перевода, современного литературоведения, прикладные аспекты и жанровые стратегии перевода, перевод и межкультурная коммуникация, а также вопросы методики преподавания иностранных языков и переводоведческих дисциплин и научно-библиографической деятельности библиотек.

УДК 81'25
ББК 81.2–7

Сборник печатается в авторской редакции. За содержание статей, достоверность данных, цитат, имен и названий ответственность несут авторы публикаций. Редакция не всегда разделяет взгляды авторов.

ISBN 978-5-907656-91-8

© Коллектив авторов, текст, 2023
© Н. К. Норец, верстка, дизайн, 2023
© ИТ «АРИАЛ», макет, оформление, 2023

УДК 81'322.4:811.512.145

СТРАТЕГИИ МАШИННОГО ПЕРЕВОДА В КОНТЕКСТЕ КРЫМСКОТАТАРСКОГО ЯЗЫКА

А. М. Адживапов,

*аспирант кафедры восточной филологии, Института филологии,
Крымский федеральный университет имени В. И. Вернадского,
Симферополь*

И. А. Меметов,

*кандидат филологических наук, доцент кафедры восточной филологии,
Института филологии, Крымский федеральный университет имени
В. И. Вернадского, Симферополь*

Аннотация. В данной статье предложен взгляд на сущность машинного перевода и особенности функционирования крымскотатарского языка, как исходного. Прежде всего раскрыто определение машинного перевода, который представлен ответом на вызовы, поставленные обществом информации перед современным переводчиком. В дальнейшем раскрываем особенности стратегий машинного перевода с учётом его преимуществ и недостатков и рассматриваем, демонстрируя процесс автоматического перевода с участием крымскотатарского и русского языков, предварительно предлагая наиболее эффективные на наш взгляд подходы к реализации такого перевода. В качестве вывода обозначается важность развития подобных исследований с учётом продемонстрированной результативности.

Ключевые слова: машинный перевод, грамматический машинный перевод, статистический машинный перевод, крымскотатарское языкознание, сравнение, языки.

Summary. This article suggests a look at the essence of machine translation and the features of the functioning of the Crimean Tatar language as a source language. First of all, the definition of machine translation is opened, whereas the last is presented as a response to the challenges posed by the information society to a modern translator. Next, we reveal the features of machine translation strategies, taking into account its advantages and disadvantages, and illustrate the process of automatic translation with the participation of the Crimean Tatar and Russian languages, firstly in history offering the most effective approaches to the implementation of such translation as well. As a conclusion, the importance of developing such studies, considering the demonstrated effectiveness, is indicated.

Keywords: machine translation, rule-based machine translation, statistical machine translation, Crimean Tatar linguistics, comparison, languages.

Понятие машинный перевод следует интерпретировать как минимум в двух смыслах. Прежде всего, машинный перевод является областью научных исследований, комбинирующих инструменты и принципы наук о языках с одной стороны, и информационных наук с другой. Главной целью при этом является построение систем, обеспечивающих реализацию перевода.

В частности, под машинным переводом следует понимать процесс перевода определённого текста с одного языка на другой, который частично или полностью выполняется компьютером. В процессе машинного перевода в качестве исходных данных предоставляется простой текст, не содержащий каких-либо специальных маркеров или указателей. В качестве результата система формирует текст на целевом языке, который является переводом исходного. Стоит отметить, что при этом процесс обработки исходного текста не требует вмешательства человека, а все необходимые манипуляции выполняются автоматически по предварительно определённым правилам и алгоритмам.

Необходимо отметить некоторые главные преимущества машинного перевода:

- Высокая скорость. Вычислительные способности компьютеров многократно превосходят человеческие, что обусловило гораздо более высокую скорость обработки любых текстов для перевода.
- Низкая стоимость. Исходя из высокой скорости, время, затраченное на переводческую работу, значительно сокращается, а следовательно, сокращается работа переводчика, которую необходимо оплатить.
- Универсальность. Алгоритмы машинного перевода предусматривают работу с переводом текстов из множества областей, в то время как профессиональный переводчик преимущественно узкоспециализирован.

На сегодняшний день принято выделять два типа систем машинного перевода:

- Грамматические системы;
- Статистические системы.

Грамматические системы (Rule-Based Machine Translation) основаны на заданных грамматических правилах и выполняют анализ исходного и результирующего текстов. Результирующий текст при этом формируется на основе встроенных баз данных. Такие базы данных, как правило, включают словари, а также грамматические правила, отражающие морфологические, синтаксические и, реже, семантические закономерности рабочих языков. На основе этих данных исходный текст проходит последовательную обработку, преобразуется в универсальную грамматическую карту, из которой в итоге формируется текст на требуемом языке. Главный принцип работы систем такого типа – взаимодействие посредством универсализации структур исходного и результирующего текстов.

Говоря об оценке эффективности таких систем, то следует, среди преимуществ выделить точность и стабильность, которые обусловлены самой философией данного подхода. Грамматические и синтаксические шаблоны здесь точно предопределены, что означает, результат не как не

может быть скомпрометирован никакими внешними факторами. В то же время, эта же самая философия определяет главный недостаток: громоздкость. Системы, информационная база которых содержит строго организованную информацию, нуждаются в соответственном уровне организации на всех этапах работы системы. Кроме того, это обстоятельство лишает систему гибкости, так как грамматические правила строго внесены и используются как отправная точка в процессе работы. Любое изменение или дополнение в этом случае требует всесторонней структурной работы, что в свою очередь, может быть весьма дорогостоящим шагом в ресурсном плане.

В противовес вышеописанной философии **статистические системы** (Statistical Machine Translation, SMT) основаны на принципах статистики и статистического анализа. В качестве базы данных системы данного типа используют синхронные тексты рабочих языков, представленные в виде двуязычного языкового корпуса. Анализ языкового корпуса заключается в установлении взаимоотношений грамматических конструкций двух языков между собой. Примечательной особенностью статистического метода является его способность к расширению – размер базы данных определяет точность перевода. Это означает, что погрешность результата тем ниже, чем больше объём загруженных текстов языковых корпусов. Также эту особенность можно описать как самообучаемую. Однако, ввиду того что строго определённые грамматические характеристики и шаблоны не фигурируют в системе, она вместо этого полагается исключительно на статистику, что обуславливает появление грамматических ошибок и неточностей в результирующих текстах.

Также необходимо отметить **смешанные системы**, которые сочетают в себе методы, описанные выше. Главной задачей появления таких систем является устранение недостатков и сохранение преимуществ грамматических и статистических систем машинного перевода.

Стратегии машинного перевода в контексте крымскотатарского языка

Говоря о машинном переводе в контексте крымскотатарского языка необходимо прежде всего определить метод, который способен наиболее эффективно обеспечить функционирование языка в электронной среде. В этой связи, анализируя существование крымскотатарского языка в средствах массовой информации в интернете и на прочих электронных носителях, мы можем предположить, что статистический метод машинного перевода окажется не самым эффективным. Такой вывод следует из того, что статистический метод основывается на массиве параллельных текстов целевых языков. Такие тексты, разумеется, существуют и доступны для использования, в частности в контексте систем машинного перевода. Однако их количество, по-нашему мнению, едва ли способно соответствовать количественным требованиям систем статистического анализа, что в свою очередь влечёт за собой потерю точности работы

системы машинного перевода и ведёт к значительной потере качества, делая такую систему неприемлемой для пользования.

Следовательно, в данном случае и на данный момент системы на основе грамматических правил, на наш взгляд, являются более эффективными и реализуемыми. В таких системах статистический фактор не имеет настолько серьёзного значения, в то время как разработанность и налаженность грамматической теории играет решающую роль.

Прежде чем перейти к описанию стратегии грамматического метода машинного перевода в контексте крымскотатарского языка, считаем необходимым выделить несколько главных этапов данного процесса:

1. Разбор исходного текста на лексические элементы и установление границ предложений.
2. Анализ исходного текста
 - a. Морфологический анализ – транспонирование словоформ в кодовые обозначение морфологических форм.
 - b. Синтаксический анализ – формирование синтаксической карты.
 - c. Семантический анализ – формирование семантической карты.
3. Согласование карт – семантический, синтаксический и морфологический синтез двух языков.

Данный алгоритм описывает процесс машинного перевода в нескольких общих этапах. Отдельные элементы этого алгоритма и примеры из применения мы обнаружили в крымскотатарско-русском и русско-крымскотатарском электронном словаре «Luğatçıq». В данном словаре разработан прежде всего морфологический анализ, в то время как синтаксический и семантический усечены или отсутствуют. Такое ограничение, вероятно, обусловлено тем, что перевод реализован не для целых предложений, но только для слов и фраз, для которых синтаксическая и семантическая составляющие имеют меньшую значимость. Мы осознаём, что такая система не может по праву считаться примером полноценного машинного перевода, однако данная система – единственная из доступных функционирующих систем, которая представляет крымскотатарский язык в контексте машинного перевода. В этой связи мы считаем справедливым взять за описательную основу её принципы, а также дополнить описательную составляющую недостающих элементов, используя собственный опыт.

Для более наглядной иллюстрации процесса машинного перевода возьмём случай с переводом простого предложения с крымскотатарского на русский язык:

Исходное предложение
<i>Мен сени севем</i>

Процесс машинного перевода начинается с обработки исходного предложения, а точнее с разбора этого предложения на отдельные составляющие – слова. В данном случае, разделителем является знак пробела « », и в результате получается массив слов: «мен», «сени», «севем».

В случаях, когда предложение содержит знаки препинания, они анализируются отдельно и не влияют на процесс разбиения предложений на слова.

Следующим шагом является анализ исходного текста, а точнее – морфологический анализ. В данном случае каждое слово интерпретируется морфологически в формулу, представляющую собой набор тегов, описывающих слово морфологически. Так, например, слово «сеvem» имеет следующий шаблон:

«**VERB**|pres|defn|indc|1per|sing|asex|impf|afm»

Этот шаблон понимается системой как набор тегов, где **VERB** – глагол, **pres** – настоящее время, **defn** – простое время и т.д.

Таким образом система работает с морфологической картой:

NPRO 1per sing asex nomn all	мен
NPRO 2per sing asex accs all	сени
VERB pres defn indc 1per sing asex impf afm	севем

Далее система анализирует синтаксические особенности исходного предложения. В данном случае упрощённый синтаксический шаблон выглядит следующим образом «**Подлежащее** (мен) + **Дополнение** (сени) + **Сказуемое** (севем)». В случае сложных предложений алгоритм установления шаблонов не изменяется – данные о шаблонах заранее заданы и хранятся в базе данных.

Семантический анализ в случае с данным примером выполняется на этапе синтеза. Это обусловлено структурными особенностями электронного словаря «Luğatçiq», в котором сопоставление слов двух языков осуществляется посредством семантической карты. В этой семантической карте слова выполняют только одну функцию – графическое выражение семантических значений. Семантическая карта выглядит таким образом:

мен	обозначение говорящим, пишущим самого себя
сени	обозначение второго лица, собеседника
севем	чувствовать глубокую привязанность к кому-, чему-либо

На этапе синтеза система ищет в базе данных формулы русского языка, которые соответствуют полученной формуле нашего примера:

(Подлежащее) NPRO 1per sing asex nomn all
(Дополнение) NPRO 2per sing asex accs all
(Сказуемое) VERB pres defn indc 1per sing asex impf afm

Запись в базе данных, которая соответствует нашему запросу имеет следующий вид:

(Подлежащее) NPRO 1per sing asex nomn all
(Сказуемое) VERB pres defn indc 1per sing asex impf afm
(Дополнение) NPRO 2per sing asex accs all

Следует отметить, что результат, который возвращает на этапе синтеза может возвращать несколько шаблонов. Таким образом система показывает несколько возможных вариантов перевода, сортируя их по достоверности от самого точного до самого неточного.

Далее синтез касается преобразования шаблонов русского языка по

образцу крымскотатарского, но в обратную сторону:

NPRO 1per sing asex nomn all (обозначение говорящим, пишущим самого себя)	я (я)
VERB pres defn indc 1per sing asex impf aftm (чувствовать глубокую привязанность к кому-, чему-либо)	люблю (любить)
NPRO 2per sing asex accs all (обозначении второго лица, собеседника)	тебя (ты)

Результат перевода имеет вид: «Я люблю тебя», что соответствует исходному «Мен сени севем».

Таким образом, для реализации крымскотатарского языка в контексте машинного перевода, более эффективно использовать систему, основанную на грамматических правилах, так как она является более точной, а также потому, что на данный момент объём крымскотатарских текстов недостаточен для реализации машинного перевода на базе статистических систем. Мы искренне надеемся, что в ближайшее время разработчики сумеют предоставить пользователям и исследователям крымскотатарского языка больше инструментов для работы и исследований, что в свою очередь проложит путь для ещё более инновационных достижений в сфере компьютерной лексикографии и открытий в области машинного перевода.

Список использованных источников

1. Апресян Ю. Д. Лингвистический процессор для сложных информационных систем. – М.: Наука, 1992.
2. Зубов А. В. Информационные технологии в лингвистике: учебное пособие для студентов лингвистических факультетов высших учебных заведений. – М., 2004.
3. Кулагина О. С. О современном состоянии машинного перевода // Математические вопросы кибернетики. Вып. 3. – М., 1991.
4. Нелюбин Л. Л. Компьютерная лингвистика и машинный перевод. – М., 1991.
5. Ревзин И. И., Розенцвейг В. Ю. Основы общего и машинного перевода. – М., 1964.
6. Рублева О. С. Слово в электронном словаре (с позиций пользователя электронными ресурсами) – URL: <http://university.tversu.ru/aspirants/abstracts/docsNew/212.263.03/10.02.19/08-02-2010-1.doc> (дата обращения: 07.04.2022).
7. Тараскин А. А. Электронные словари и их применимость для традиционного машинного перевода. – URL: <http://roman.by/r-39667.html> (дата обращения: 07.01.2023).
8. Шалапина З. М. Текст как объект автоматического перевода. – М., 1988.
9. Luġatçıq – Крымскотатарско-русский и русско-крымскотатарский словарь – URL: <https://lugat.diyar.im> (дата обращения: 13.01.2023).

УДК 81

МЕТАФОРИЗАЦИЯ ЛИНГВИСТИЧЕСКИХ ТЕРМИНОВ В АКАДЕМИЧЕСКОМ ДИСКУРСЕ В ПЕРЕВОДЧЕСКОЙ ПЕРСПЕКТИВЕ

Д. Р. Абдульмянова,

*кандидат филологических наук, старший преподаватель кафедры
языкознания и переводоведения, Институт иностранных языков,
Московский городской педагогический университет, Москва*

А. И. Арсентьева,

*обучающийся бакалавриата, кафедра языкознания и переводоведения,
Институт иностранных языков, Московский городской педагогический
университет, Москва*

Аннотация. В статье рассматриваются особенности метафоризации лингвистических терминов в академическом дискурсе на материале работ канадско-американского ученого, специалиста в области когнитивных наук – Стивена Пинкера. В результате проведенного исследования были выявлены основные способы передачи биоморфных и антропоморфных метафор при переводе их с английского языка на русский язык.

Ключевые слова: антропоморфная метафора, биоморфная метафора, академический дискурс, когнитивная лингвистика, перевод.

Summary. The article deals with the specifics of the metaphORIZATION of linguistic terms in academic discourse based on Steven Pinker's studies, a Canadian-American scientist and a specialist in the field of cognitive sciences. The research has revealed the key techniques to translate biomorphic and anthropomorphic metaphors from English into Russian.

Key words: anthropomorphic metaphor, biomorphic metaphor, academic discourse, cognitive linguistics, translation.

На современном этапе развития лингвистики представляется релевантным рассмотрение метафоры как когнитивной модели в академическом дискурсе, механизма репрезентации действительности в сознании человека [2, 9]. Как представляется, метафора играет немаловажную роль в текстах научного дискурса, выступая способом систематизации и интерпретации нового знания об окружающем мире, ключевой моделью познания [1]. Следует отметить то, что антропоморфные и биоморфные метафоры являются достаточно частотными в научных работах по лингвистике. Так, например, в работах известного ученого – Стивена Пинкера – они составляют около 42% (антропоморфные метафоры) и 26% (биоморфные метафоры) от общего количества метафорических единиц. Ученый наделяет языковые явления чертами человека или других живых организмов, что заметно облегчает понимание абстрактных научных понятий читателем, поскольку многие новые области знаний постигаются человеком в сравнении с наиболее знакомыми ему областями – им самим и окружающим его миром.

Итак, рассмотрим способы перевода данных метафор. Как отмечается,

одним из способов передачи метафор, используемых переводчиком, является дословный перевод или **калькирование**, при котором происходит сохранение исходного метафорического образа и его перенос из ИЯ в ПЯ. Данный способ иллюстрируют нижеприведенные примеры:

*It [polysemy] grows out of an interaction between memorized forms and combinatorial operations, the two main ingredients of language. – Она **вырастает** из взаимодействия между усвоенными формами и комбинаторными операциями, между двумя главными составляющими языка.*

*A language has been born before our eyes. – **Язык рождается** на наших глазах.*

Так, переводчик прибегает к дословному переводу с целью сохранения исходного биоморфного образа, где лингвистическому понятию приписываются свойства живого организма, способного рождаться, расти и развиваться.

В следующем рассматриваемом примере автор, описывая процесс формирования речевых навыков у ребенка, сравнивает его с цветением. Следует подчеркнуть то, что переводчик сохраняет метафору, используя прием калькирования:

*Between the late twos and the mid-threes, children's **language blooms** into fluent grammatical conversation so rapidly that it overwhelms the researchers who study it, and no one has worked out the exact sequence.*

*Начиная с конца второго года жизни и до середины третьего, детская **речь расцветает**, превращаясь в беглую и грамматически правильную такими темпами, что она захлестывает изучающих ее исследователей и никто не может проследить точную последовательность происходящего.*

Распространенным способом передачи метафор является подбор эквивалента в языке перевода. Так, проанализируем следующие примеры:

*Though **metaphors** are omnipresent in language, many of them are effectively **dead** in the minds of today's speakers. – Хотя **метафоры** в языке вездесущи, многие из них на самом деле **мертвы** в сознании сегодняшних говорящих.*

В данном примере метафорический образ сохраняется, переводчик использует устоявшийся вариант перевода, представляющий собой кальку с английского языка. Языковедческими проблемами занималось огромное количество зарубежных ученых, в связи с чем при переводе лингвистических текстов с английского языка термины также перевести [10]. Подобные термины-метафоры часто являются стертыми и передаются эквивалентными стертыми метафорами языка перевода:

*We have to abandon any strong version of the discontinuity claim that has characterized **generative grammar** for thirty years. – Нам нужно отказаться от любой убедительной версии разрыва непрерывности, что характеризует **генеративную грамматику** уже на протяжении тридцати*

лет.

Переводчик не прибегает к каким-либо трансформациям и использует устоявшийся в русском языке эквивалент, который фактически является калькой с английского языка.

В англоязычных научных текстах в целом чаще встречаются эмоционально окрашенные лексические элементы, которые при переводе на русский язык, следуя переводческой традиции русского языка, требуют прагматической адаптации (замена при переводе на более нейтральные слова и выражения) [6].

Так, в следующем примере переводчик использует нейтральный эквивалент английского термина, не содержащий метафорический образ:

“Radical Pragmatics” sounds like an oxymoron, but it alludes to the branch of linguistics called pragmatics, the study of how language is used in context in light of the knowledge and expectations of the conversants. – Название теории «радикальная прагматика» звучит как оксюморон, но оно указывает на **отрасль лингвистики**, которая называется прагматикой и которая изучает, как язык используется в том или ином контексте с учетом знаний и ожиданий людей, участвующих в общении.

A noun can consist of a noun stem followed by a noun inflection. – Имя существительное может состоять из **именной основы**, за которой следует именная флексия.

Анализируя вышеприведенный пример, необходимо отметить то, что для термина *noun stem*, который является стертой биоморфной метафорой, в русском языке существует нейтральный эквивалент *именная основа*.

Кроме того, при переводе метафор переводчик также может прибегать к перефразированию:

It is not that I doubt that language evolved only once, one of the assumptions behind the search for the ultimate mother tongue. – Не то, чтобы я сомневался в том, что **язык возник** лишь однажды – а это одно из положений, стоящих за поиском праматери всех языков.

В вышеприведенном примере при перефразировании переводчик использует нейтральную лексическую единицу, при этом метафорический образ утрачивается.

В ходе анализа способов передачи метафор можно отметить то, что Стивен Пинкер частотно использует олицетворение при описании языковых явлений. В данных примерах языковые явления наделяются человеческими чертами и моделями поведения [5]. Перевод данных единиц выполнен практически дословно и сохраняет метафорическую образность.

As you continue to Hoover up verbs over the months and years, you encounter other verbs that behave like load. – По мере того, как вы продолжаете усваивать глаголы на протяжении месяцев и лет, вы встречаете другие глаголы, которые **ведут себя** подобно глаголу *load*.

And in thousands of cases a verb refuses to appear in constructions that would seem to make perfect sense, given the verb’s meaning. – Во множестве

случаев глагол **отказывается** выступать в конструкциях, которые исходя из его значения были, казалось бы, совершенно осмысленными.

Now we see that the fourth major category in conceptual semantics, causality, also cares about our intentions and interests. – Теперь мы видим, что и четвертая важнейшая категория концептуальной семантики – причинность – тоже не безразлична к намерениям и интересам людей.

В следующем примере переводчик прибегает к перефразированию:

Since language works by evoking meanings, and since meanings are continuous with thoughts arrived at by other means, then if one uses the word language in a loose way to refer to meanings, then language affects thought – language is thought – by definition. – Поскольку язык функционирует, вызывая в мозгу значения, и поскольку значения соотносимы с понятиями, возникшими другим путем (например, посредством зрительного восприятия или умозаключения), тогда, если использовать слово язык в общем смысле, чтобы оно указывало только на значения (а не на реальные слова, словосочетания и конструкции, которые составляют язык), можно сказать, что язык влияет на мышление – тогда язык и есть мышление – по определению.

Для выражения *language works* переводчик предлагает вариант *язык функционирует*, тем самым, избегая буквализм. Однако при этом утрачивается исходный метафорический (антропоморфный) образ, где язык сравнивается с человеком, который выполняет определенную работу.

В следующих случаях переводчик подбирает эквивалент в языке перевода. Как представляется, данные метафоры являются стертыми и не вызывают трудностей при переводе, так как давно существуют во многих словарях и прочно закрепились в узусе общеупотребительной и научной лексики. Метафорические образы, выражающие общественные взаимоотношения, содержатся и в эквивалентах на русском языке.

As children learn their mother tongue, they, too, are solving an induction problem. – Изучая родной язык, дети тоже решают проблемы индукции.

According to many language mavens, in proper English the future auxiliary is shall for the first person but will for the second and third. – Согласно мнению экспертов в области лингвистики, в английском языке правильным служебным словом для первого лица является shall, а для второго и третьего – will.

Even in English the future tense has a different status from the other tenses. – Даже в английском языке статус будущего времени отличается от статуса других времен.

В некоторых случаях эквиваленты на языке перевода не являются метафорами. Образы, заложенные в единицах исходного языка, передать не представляется возможным:

And sometimes causation gets a verb of its own that stands alone in the clause while the effect is demoted to a subordinate clause, as in Karen made the window break. o'. – А иногда для выражения каузации используется особый

самостоятельный глагол, стоящий отдельно в главном предложении, тогда как результат переносится в **придаточное предложение**, как в английском *Karen made the window break* 'Карен сделала так, что окно разбилось'.

Whether a clause is a statement, question, negation, or imperative; another way of referring to some of the distinctions relevant to mood. – Свойство высказывания быть утверждением, вопросом, отрицанием или повелением; еще один способ обозначить отличия, характерные для **наклонения**.

Таким образом, необходимо отметить то, что при передаче метафор с английского языка на русский язык переводчик может прибегнуть к сохранению метафорического образа с помощью калькирования или снятию образа с помощью употребления нейтрального, неметафорического эквивалента или перефразирования, что напрямую связано с необходимостью соответствовать нормам академического дискурса в русском языке, поскольку русский научный текст традиционно характеризуется меньшей степенью экспрессивности по сравнению с английским языком.

Список использованных источников

1. Абдульмянова Д. Р. Моделирование как метод исследования коммуникативного взаимодействия: динамическая модель интернет-коммуникации / Д. Р. Абдульмянова // Известия Юго-Западного государственного университета. Серия: Лингвистика и педагогика. – 2022. – Т. 12. – № 1. – С. 30-43.
2. Абдульмянова Д. Р. Моделирование межличностного взаимодействия в интернет-коммуникации экспериментальное исследование: специальность 10.02.19 "Теория языка": автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата филологических наук / Абдульмянова Диана Рустамовна. – Москва, 2015. – 22 с.
3. Антрушина Г. Б. Лексикология английского языка: учебное пособие для студентов высших учебных заведений, обучающихся по педагогическим специальностям / Г. Б. Антрушина, О. В. Афанасьева, Н. Н. Морозова. – 7-е издание, стереотипное. – Москва: Общество с ограниченной ответственностью «ДРОФА», 2007. – 287 с.
4. Герасимова С. А. Антропоцентрический подход к языку / С. А. Герасимова // Вестник Московского городского педагогического университета. Серия: Филология. Теория языка. Языковое образование. – 2011. – № 2 (8). – С. 96-100.
5. Гринев-Гриневич С. В. Теория языка: антропологическая: учебное пособие / С. В. Гринев-Гриневич, Э. А. Сорокина, Л. Г. Викулова. – Москва: ВКН, 2021. – 256 с.
6. Джабраилова В. С., Косяк М. А. Передача экспрессивного потенциала современного англоязычного научного текста при переводе на русский язык // Филологический аспект. – 2017. – № 5. – С. 10-21.
7. Дискурс как универсальная матрица вербального взаимодействия /

Д. Д. Холодова, Г.Н. Манаенко, С.Н. Плотникова [и др.]. – Москва : Ленанд, 2018. – 320 с.

8. Лингвистические теории в интерпретации переводческих стратегий. Комплексный анализ переводческого процесса / О.А. Сулейманова, К.С. Карданова-Бирюкова, Н.В. Лягушкина [и др.]. – Москва: Ленанд, 2015. – 272 с.

9. Сулейманова О. А. Принципы и методы лингвистических исследований / О.А. Сулейманова, М.А. Фомина, И.В. Тивьяева. – 2-е изд., перераб. и доп. – Москва: Языки Народов Мира, 2020. – 352 с.

10. Черкащенко И. С. Особенности перевода метафорических терминов лингвистического дискурса // Вісник Сумського державного університету. Серія Філологічні науки. – 2004. – №4 (63). – С. 188-193.

УДК 81`25

**АНАЛИЗ ЛЕКСИЧЕСКИХ СРЕДСТВ ВЫРАЗИТЕЛЬНОСТИ КАК
ОСНОВЫ ИДИОСТИЛЯ АВТОРА И СПОСОБОВ ИХ ПЕРЕДАЧИ
НА РУССКИЙ ЯЗЫК (НА МАТЕРИАЛЕ ПРОИЗВЕДЕНИЯ Д. КИЗА
«ЦВЕТЫ ДЛЯ ЭЛДЖЕРНОНА»)**

М. В. Баканова,

*кандидат педагогических наук, доцент кафедры перевода и переводоведения, ФГБОУ ВО Пензенский государственный университет,
Пенза*

Е. Р. Станчина,

*обучающийся бакалавриата, кафедра перевода и переводоведения, ФГБОУ
ВО Пензенский государственный университет, Пенза*

Аннотация. В статье проведен анализ лексических стилистических приемов и способов их передачи на русский язык на материале произведения Д. Киза «Цветы для Элджернона». На основе проведенного анализа лексических стилистических приемов в указанном произведении и способов их передачи на русский язык делается вывод о том, что идиостиль автора не всегда удачно передается в тексте перевода.

Ключевые слова: идиостиль, аллюзия, метафора, олицетворение, эпитет, сравнение, переводческие трансформации

Summary. The article analyzes lexical stylistic techniques and the ways of their translation into Russian on the material of D. Keyes' work «Flowers for Algernon». Based on the analysis of examples of lexical stylistic techniques in D. Keyes' work «Flowers for Algernon» and ways of their translation into Russian, it is concluded that the author's idiosyle is not always successfully conveyed in the translation.

Key words: idiosyle, allusion, metaphor, personification, epithet, comparison, translation transformations

Данное исследование посвящено проблеме передачи идиостиля писателя в художественных произведениях на основе выявления

лексических стилистических приемов в художественном тексте как основе авторского стиля и определению способов их перевода на русский язык.

Материалом исследования послужил роман Д. Киза «Цветы для Элджернона». Анализ его произведений показал, что особенностями его идиостиля являются повествование от 1-го лица, намеренное нарушение лексической нормы через использование графонов и языковых средств выразительности (в особенности метафор, риторических вопросов и умолчания).

Наиболее ярко идиостиль Киза проявляется на лексическом уровне. Проанализировав роман на частоту использования лексических стилистических приемов, было обнаружено, что самыми употребляемыми являются: аллюзия (21), метафора (78), олицетворение (19), эпитет (96) и сравнение (43). Приведем примеры.

Использование аллюзии обусловлено тем, что вкрапления имен известных писателей, философов и ученых, а также их работ были оставлены Кизом в качестве маркеров превращения его персонажа в высокоинтеллектуального человека:

– «This week I read Great Gatsby, An American Tragedy, and Look Homeward, Angel» [2, с. 34]

– «Dostoevsky, Flaubert, Dickens, Hemingway, Faulkner – everything I can get my hands on...» [2, с. 50]

– «Debussy's La Mer. Do you like it?» [2, с. 69].

Метафорические образы появляются в речи героя уже после получения высокого IQ. С помощью метафоры Киз демонстрирует читателю насколько изменился Чарли, как глубоко и образно он стал мыслить.

Большинство метафор, употребленных Кизом, были подобраны с целью показать напряженное внутреннее состояние главного героя. Писатель смог показать эти эмоции в своем стиле, через искусно подобранные образы, при этом слегка романтизируя печаль Чарли, например:

– «The intelligence has driven a wedge between me and all the people I knew...» [2, с. 75].

– «... the memories that began as ripples now wash over me in high breaking waves» [2, с. 101].

– «I am pursued down the empty streets at night by ghostly figures» [2, с. 80].

Элементы сравнения также возникают в голове Чарли уже после операции. С их помощью Киз красноречиво демонстрирует на что похожи чувства главного героя, и то как ему представляется окружающий его мир:

– «Anyway, that is my memory of the time, clearer and more complete than anything I have ever experienced before. Like looking out of the kitchen window early when the morning light is still gray» [2, с. 47].

– «...all the other names that echo like great church bells in my mind» [2, с. 49].

Использование в речи эпитетов демонстрирует нам поэтичность мышления главного героя после операции:

– «violent effort» [2, с. 146], «frightening memories» [2, с. 117], «rotten time» [2, с. 122].

Олицетворение представлено в романе не столь широко, как например метафора, но играет не менее важную роль:

– «That crazy TV kept me up all night. How can I sleep with something yelling crazy things all night in my ears?» [2, с. 19].

– «The terror that waits in that cold tile room overwhelms him» [2, с. 53].

– «... the roar of the ovens, when Frank the door...» [2, с. 43].

Этим приемом автор показывает отношение Чарли к окружающей его действительности, его тонкое мироощущение, как будто неодушевленные предметы имеют собственную жизнь и эмоции. Здесь проводится параллель с неосторожными выражениями врачей, проводивших операцию над Чарли, из которых он подчеркнул для себя, что человеком его стали считать только после появления у него высокого интеллекта, а до этого его жизнь не несла особой ценности.

Исследуя ключевые лексические средства выразительности, через которые Д. Киз реализовал свой авторский стиль, необходимо определить, какие переводческие стратегии и трансформации использовались при адаптации произведения на русский язык С. Шаровым (единственный официальный вариант перевода), а также оценить, насколько успешно они реализуют идиостиль автора.

В нашем исследовании мы возьмем за основу классификацию переводческих трансформаций В. Н. Комиссарова.

Проанализируем следующие примеры метафор:

«I am pursued down the empty streets at night by ghostly figures» [2, с. 80] – «По ночным улицам за мной гоняются призраки» [1, с. 145].

Перевод этой метафоры осуществлен слишком буквально. Используется грамматическая перестановка, второстепенные члены предложения выносятся в начало, прилагательное «empty» опускается, являясь легко восполняемым из контекста, так как ночные улицы чаще всего пустые. Возможный вариант перевода: «По опустевшим ночным улицам меня преследуют призраки».

«The ice had broken between us and the gap was widening as the current of my mind carried me swiftly into the open sea» [2, с. 87] – «Лед треснул, и полоса чистой воды между нами становится все шире. Поток разума уносит меня в открытое море» [1, с. 157].

При переводе используется прием конкретизации – «the gap» (разрыв, пробел) заменяется на более детальное «полоса чистой воды»; опускается наречие – «swiftly», которое можно было сохранить, с целью демонстрации

быстроты происходящего. Переводчик также разделяет исходное предложение на две части. Считаем этот прием необоснованным, так как два метафорических образа в оригинале происходят одновременно, одно вытекает из другого: *«the gap was widening as...my mind carried me... into the open sea»* – полоса расширяется, так как поток мыслей уносит его в «открытое море», иными словами стремительно растущий интеллект Чарли все больше отдаляет его от близких людей, лишает их общих точек соприкосновения. В имеющемся переводе трудно проследить оригинальную выразительность, заложенную Кизом.

Переходим к рассмотрению трансформаций при переводе **аллюзий**:

«...well-polished brass plate with the name Warren State Home and Training School» [2, с. 154] – «... до блеска отполированная медная табличка: Государственная лечебница Специальная школа Уоррен» [1, с. 272].

В данном примере осуществляется замена «Home» («дом») на «лечебницу», «Training School» переводится как «Специальная школа», это помогает читателю понять назначение заведения, о котором идет речь, в остальном выполнен дословный перевод.

«I recall how wonderful Milton was. When I picked up Paradise Lost I could only remember it was about Adam and Eve and the Tree of Knowledge...» [2, с. 201] – «Вспоминаю, как восхищался Мильтоном. Но когда я взял с полки “Потерянный рай”, то припомнил только Адама, Еву и Древо Познания» [1, с. 353].

В данном примере был использован прием модуляции: *«how wonderful Milton was»* – «как хорош был Мильтон», то есть герой им «восхищался», наряду с конкретизацией «взял с полки».

Следующим шагом проанализируем способы перевода олицетворения.

«The oven is crackling and makes him sleepy» [2, с. 33] – «Печь потрескивает и нагоняет на него сон» [1, с. 64].

Выразительное средство сохранено в переводе при помощи синтаксического уподобления, то есть полного сохранения структуры оригинала.

«Sometimes the moustache twitches first, followed by the raising of both eyebrows, but sometimes the brows go up first and the moustache twitch follows» [2, с. 95] – «Иногда сначала подергиваются усы, а потом поднимаются брови, но иногда первыми взлетают вверх брови, а усы дергаются вслед им» [1, с. 172].

В данном переводе мы наблюдаем перестановку членов предложения и модуляцию *«followed»* – «с последующим», то есть «идушим вслед, затем» – «а потом», *«go up»* – «идущие вверх», то есть «взлетающие». Также присутствует замена части речи – глагола *«follows»* на наречие «вслед».

Для завершения рассмотрения перевода средств выразительности на

лексическом уровне проанализируем примеры перевода **сравнений и эпитетов**.

«*She is a birdlike woman...*» [2, с. 94] – «Она чем-то похожа на птицу...» [1, с. 170].

Перевод этого сравнения не вызывает затруднений. Аналогов составного слова “birdlike” в русском языке не встречается, можно было перевести его как «птицеподобная», но получившееся прилагательное не вписывается в текст романа, поэтому переводчик разделяет слово на две составляющие «bird» и «like» и получает перевод «чем-то похожа на птицу». «Woman» в конце фразы опускается, в связи с наличием местоимения «She» в начале.

«*The veil makes it look as if she were peering down at him through a wire screen*» [2, с. 94] – «Она смотрит на сына из-под вуали, словно из-за проволочного забора» [1, с. 170].

Все сравнение в целом подвергается импликации: переводчик опускает элементы начала предложения и осуществляет перестановку. В словосочетании «wire screen» («проволочный экран») последний элемент заменяется на «забор», что делает фразу более образной. Мы предлагаем также добавить в перевод к слову «вуаль» прилагательное «сетчатая», так как сейчас сравнение не совсем поддается визуализации: при слове «вуаль» в голове возникает образ чего-то легкого и струящегося и не совсем понятно откуда возникает сравнение с проволочным забором.

«*...ideas explode into my head like fireworks*» [2, с. 167] – «...идеи фейерверком взрываются в голове». [1, с. 294].

Здесь опускается элемент сравнения, и переводчик прибегает к метафоризации выражения, что вполне подходит как вариант интерпретации данного высказывания. Дословный перевод выглядел бы так: «...идеи взрываются в моей голове как фейерверки».

«*Absorbing interests*» [2, с. 68] – «Больше всего интересуют» [1, с. 125]

В примере выше мы наблюдаем утрату эпитета. Автор перевода применяет модуляцию с описательным переводом: интересы, которые поглощают Чарли, то есть «больше всего интересуют». В более широком контексте перевод выглядит так: «Сейчас меня больше всего интересуют этимология языков, новейшие работы по вариационному исчислению и история Индии.» [1, с. 218]. Но, если бы переводчик все же использовал эпитет, перевод получился бы более поэтичным: «Моими всепоглощающими интересами стали: этимология древних языков, новейшие работы по вариационному исчислению и история Индии».

«*Intense clarity*» [2, с. 80] – «Необыкновенная ясность» [1, с. 146], «*Damning labels*» [2, с. 106] – «Проклятые ярлыки» [1, с. 191].

Перевод этих выражений был выполнен дословно с сохранением оригинальной выразительности.

Были также обнаружены эпитеты, которые опущены при переводе: «*Embarrassed silence and unsatisfied longing*» [2, с. 87], «*Overwhelming*

insight» [1, с. 112].

Перевод этих эпитетов не включается в русскую адаптацию, что, по нашему мнению, недопустимо, если переводчик имеет своей целью сохранить авторский стиль произведения. Данные эпитеты крайне важны в тексте, так как они передают сложившиеся между главными героями отношения. Предложим свой вариант перевода: «*Смущенное молчание и неуемная тоска*»

Пример удачной адаптации эпитета: «*Feeble-minded shell*» [2, с. 113] – «*Пустая оболочка*» [1, с. 202].

Дословный перевод «*feeble-minded*» звучит как «слабоумный», что не сочетается со вторым компонентом «*shell*» – «скорлупа, оболочка», поэтому Шаров применяет лексическую замену и использует прилагательное «пустая».

Таким образом, по нашему мнению, лексический уровень оказывается самым трудным для адаптации. Во многих примерах перевод не отображает выразительность оригинала, то есть идиостиль Киза не учитывается. Переводчик также проецирует в переводе свое индивидуальное восприятие произведения, что искажает стилистику оригинального романа.

Список использованных источников

1. Киз Д. Цветы для Эджернона, [пер. с англ. С. Шарова]. – М.: Эксмо, 2020. – 384 с.
2. Keyes D. Flowers for Algernon. Orion Publishing Group, 2002. – 216 p.

УДК 81'42

ТРАНСЛАТОЛОГИЧЕСКАЯ СПЕЦИФИКА СВОДКИ МИНОБОРОНЫ РОССИИ КАК ВОЕННО-ИНФОРМАЦИОННОГО ТЕКСТА (РУССКО-АНГЛИЙСКОЕ НАПРАВЛЕНИЕ)

П. П. Банман,

кандидат филологических наук, доцент кафедры теории и практики перевода, Гуманитарный институт, Северо-Кавказский федеральный университет имени Ставрополь

Аннотация. Текст сводки Министерства обороны Российской Федерации трактуется в статье как военно-информационный текст, имеющий жесткую организацию и содержащий в себе когнитивную информацию, основными средствами выражения которой являются топонимы и военные термины. Основными облигаторными характеристиками текста сводки являются информативность, точность, логичность, последовательность изложения и отсутствие эмоциональности. Наиболее частотными трансформациями являются транскрипция/ транслитерация/ трансплантация, калькирование и перестановка. Их применение обусловлено как расхождением грамматических систем ИЯ и ПЯ, так и типом текста, его высокой терминологичностью и потенциальным реципиентом.

Ключевые слова: сводка, военно-информационный текст, военные термины, перестановка, транскрипция/ транслитерация, трансплантация, калькирование.

Summary. The Russian Defence Ministry report is interpreted in the article as a military information text, which is rigidly organized and contains cognitive information, the main means of which are toponyms and military terms. The obligatory characteristics of such reports are informativeness, accuracy, logic, consistency and lack of emotionality. The most frequent transformations are transcription/ transliteration/ transplation, calquing and transposition. Their use is conditioned both by the divergence between the grammatical systems of the source language and the target language, by the type of text, its high terminology and the potential recipient.

Key words: report, military information text, military terms, permutation, transcription/transliteration, transposition, calquing.

С момента начала специальной военной операции на Украине мы наблюдаем системную и последовательную однобокость в освещении западными средствами массовой информации событий, происходящих как на территории Украины, так и на территории самой Российской Федерации, касающихся военной тематики, понимаемой широко как все, что связано с военным делом. Полагаем, что сайт Министерства обороны Российской Федерации является надежным официальным источником в плане освещения текущих событий, предлагающим заинтересованным реципиентам всю имеющуюся на данный момент информацию. Материалом для нашего исследования послужили тексты сводок МО РФ на русском и английском языках, которые мы трактуем как военно-информационные тексты [3; 6]. Сводка представляет собой текст, содержащий в себе объединённые сведения о ходе проведения специальной военной операции, Тексты сводок содержат исключительно когнитивную информацию и относятся к примарно-когнитивным, поэтому они имеют высокую степень переводимости. Адресантом выступает профильный департамент МО РФ, реципиентом – усредненный адресат, имеющий определённый уровень информационного запаса относительно военного дела. Основными облигаторными характеристиками текста сводки являются военно-фактологическая информативность, точность, логичность изложения, безэмоциональность. К необлигаторным отнесем мультимедийность (сводка снабжена видеоматериалом, озвучена генерал-лейтенантом И. Е. Конашенковым, который является руководителем департамента МО РФ) и гипертекстуальность (наличие ссылки). Перевод видеоматериала на английском языке отсутствует. Целью исследования является выявление специфики перевода текстов сводок.

Данные тексты публикуются на русском языке в разделе «Лента новостей» на официальном сайте МО РФ [2], их перевод на английский язык также публикуется на сайте министерства [7]. За сутки в данной «Ленте» публикуется большое количество текстов военно-информационного

характера, однако не все они переводятся на английский язык: за 08.01.2023 было опубликовано 30 текстов на русском языке, из них на английский переведено всего лишь 4 текста. Проведенный анализ показал, что сводки о ходе проведения специальной военной операции на территории Украины переводятся ежедневно; также переводятся наиболее важные сообщения МО РФ из различных военных округов. Полагаем, что выбор текстов для перевода непосредственно коррелирует с их спецификой по классификации А. Нойберта [5], построенной на необходимости достижения прагматической эквивалентности при переводе. Публикуемые в «Ленте» тексты могут быть отнесены к текстам с разной степенью переводимости: ежедневную сводку отнесем к текстам первого типа, когда у текстов оригинала и перевода имеются общие цели, такие тексты обладают высшей степенью переводимости с прагматической точки зрения. Остальные тексты «Ленты» отнесем ко второму типу: они информируют преимущественно о локальных событиях и предназначены для аудитории исходного языка, соответственно специфика прагматических отношений исключает возможность их воспроизведения для аудитории ПЯ, они не вызывают схожего прагматического отношения к сообщаемому у реципиента и по А. Нойберту являются «принципиально непереводаемыми». Обратимся далее именно к специфике перевода ежедневных сводок о ходе проведения СВО и их переводу на английский язык.

Специфика сводки как военно-информационного текста на структурном уровне проявляется за счет его жесткой организации, которая полностью сохраняется и передается в переводе; на лексическом уровне – за счет наличия военных терминов, аббревиатур и топонимов. Сводка состоит из следующих облигаторных блоков:

1. Выходные данные:

а) указание на дату и точное время опубликования текста (перед заголовком текста);

б) указание на источник информации (в конце текста).

Выходные данные, дата и время, полностью передаются при переводе всех проанализированных текстов. При переводе указания на источник информации наблюдаем использование приема перестановки и опущения (названия министерства): *Департамент информации и массовых коммуникаций Министерства обороны Российской Федерации* – *Directorate of Media service and Information*. Считаем использование опущения оправданным, поскольку данная информация, опубликованная уже на официальном сайте МО РФ, оказывается избыточной для англоязычного реципиента.

2. **Заголовков.** При переводе заголовков используются разнообразные комплексные лексико-грамматические преобразования. В ряде случаев наблюдаем опущение указания на точную дату именно в заголовке, которое содержится в русскоязычном тексте. Данное опущение считаем оправданным, поскольку дата указана выше в выходных данных: 25.01.2023

(14:50) Сводка Минобороны России о ходе проведения специальной военной операции на территории Украины (**по состоянию на 25 января 2023 г.**) – 25.01.2023 (14:50) *Russian Defence Ministry report on the progress of the special military operation in Ukraine*. Кроме того, использованы разворачивание и конверсия при переводе названия министерства: Минобороны России – *Russian Defence Ministry*; а также калькирование: *специальная военная операция* – *special military operation*.

3. **Основной текст.** Можно выделить несколько смысловых блоков:

1. **Начальный блок**, который присутствует и полностью передается во всех проанализированных нами текстах (при помощи замены грамматической конструкции): *Вооруженными Силами Российской Федерации продолжается проведение специальной военной операции* – *The Armed Forces of the Russian Federation continue the special military operation*.

2. **Основной блок**, в котором перечисляются результаты, достигнутые по разным направлениям (топонимы переведены при помощи транскрипции и конверсии), например: *На Купянском направлении* – *In Kyryansk direction*; *На Красно-Лиманском направлении* – *In Krasniy Liman direction*; *На Донецком направлении* – *In Donetsk direction*. Затем предоставляется информация относительно военных действий в отдельных населенных пунктах: *В районах населенных пунктов Белогоровка, Первомайское и Артемовск Донецкой Народной Республики, Ингулец и Новобереслава Херсонской области* – *near Belogorovka, Pervomayskoye, and Artyomovsk (Donetsk People's Republic), Ingulets and Novobereslava (Kherson region)* и т.д. Опущенное генерализованное понятие *населенный пункт* компенсировано за счет использования *near*. Указание на республику и области осуществляется в текстах сводок в скобках. При переводе указания на направление, а также топонимов в ряде случаев используется их перестановка в конец предложения, что, полагаем, свидетельствует о том, что переводы выполняются разными переводчиками.

При переводе военной терминологии основного блока текста обращают на себя внимание следующие переводческие преобразования:

1. **Транскрипция/ транслитерация:** «*Мста-С*» – *Msta-S*; «*Гвоздика*» – *Gvozdika*; «*Град*» – *Grad*; «*Ураган*» – *Uragan*; «*Ольха*» – *Olha*;

2. **Трансплантация** подразумевает прямой перенос оригинального варианта написания, поэтому как в русскоязычном оригинале, так и в переводе на английский наблюдаем одно соответствие: *Panzerhabitze 2000* – *Panzerhabitze 2000*; *Krab* – *Krab*; *HIMARS* – *HIMARS*; *HARM* – *HARM*;

3. **Калькирование:** *диверсионно-разведывательная группа* – *sabotage and reconnaissance group*, *unmanned aerial vehicle* – *беспилотный летательный аппарат*;

4. **Комплексные преобразования:** перестановка и транскрипция/ транслитерация/ трансплантация: *самолет Су-27* – *Su-27 airplane*; *вертолет Ми-8* – *Mi-8 helicopter*; *системы залпового огня HIMARS* – *HIMARS multiple-launch rocket system*; калькирование, конверсия, перестановка и

транслитерация: *артиллерийская система производства США M-777 – US-made M-777 artillery system* и др.

5. **Опущение.** В предложении ниже опущен термин *огневое поражение*, восстанавливаемый и понятный из контекста предложения: *На Николаево-Криворожском направлении противнику нанесено **огневое поражение** российской артиллерией, штурмовой и армейской авиацией.* – *In Nikolayev-Krivoi Rog direction, the enemy has been neutralised by Russian artillery, Assault and Army Aviation.*

3. **Завершающий блок.** В конце текста перечислены достигнутые на данный момент результаты по уничтожению техники противника (самолеты, вертолеты, БПЛА, ЗРК, РСЗО и др.) При переводе данного блока внимание необходимо уделить оформлению числовой информации, т.е. использованию традиционных соответствий, принятых в англоязычной коммуникации: когда после числа ставится запятая.

Подводя итог, отметим, что задачей переводчика при переводе текста сводок является максимально полная передача всего объема когнитивной информации, содержащейся в тексте, а также сохранение его жесткой структуры. Все преобразования, выявленные нами при переводе текстов сводок, обусловлены общими причинами использования трансформаций, традиционно применяемыми в переводе, в том числе и в военном [см.: 1; 4]. Среди особенно значимых отметим высокую терминологичность текстов сводок; несовпадение в военных терминосистемах; лингвистические и экстралингвистические расхождения ИЯ и ПЯ; несовпадение в нормах употребления и согласования разных частей речи; речевой узус и контекст; необходимость достижения прагматической эквивалентности, специфику текста.

Проведенный анализ показывает интересную тенденцию при использовании таких трансформаций как транскрипция/ транслитерация/ трансплантация: транскрипция и транслитерация применяются при переводе российских, советских и украинских образцов вооружения, трансплантация – при переводе наименований западных образцов вооружения (немецких, польских, американских и др.). Отметим также, что в текстах сводок используется лишь вариант HIMERS, тогда как в остальных массмедийных текстах используются и варианты – «Химерс» и «Хаймерс». Перестановка применяется как при переводе отдельных лексических единиц (при переводе наименования видов вооружения и многокомпонентных терминов), так и при переводе на уровне предложений при указании на направление, где ведутся военные действия.

Полагаем, что тексты сводок имеют несомненный дидактический потенциал и могут широко использоваться при обучении военных переводчиков, способствуя не только расширению словарного запаса, но и формированию текстовой компетенции, подразумевающей обучение переводу разных типов текстов. Кроме того, сопоставительный анализ может пополнить имеющиеся словарные статьи русско-английских

словарей военной терминологии в связи с постоянным обновлением военной лексики и военной терминологии с целью выработки стандартизированных вариантов перевода вне зависимости от типа текста.

Список использованных источников

1. Архипов А. Ф. Письменный перевод с немецкого языка на русский. М.: КДУ, 2008. – 336 с.
2. В стране: министерство обороны Российской Федерации [Электронный ресурс]. – https://function.mil.ru/news_page/country.htm
3. Ефимов Р. В. Учебник военного перевода. Немецкий язык. Кн. 1: Общий курс. М.: Воениздат, 1985. – 400 с.
4. Катаев А. О. Смысловые и структурные критерии эквивалентности в военном переводе (на материале немецкого языка): автореф. дис ... канд. филол. наук. М., 2017. 26 с.
5. Нойберт А. Прагматические аспекты перевода // Вопросы теории перевода в зарубежной лингвистике: сб. ст. М.: Междунар. отношения, 1978. – С. 172–198.
6. Ульянова У. А. Композиционные особенности электронных военно-информационных текстов [Электронный ресурс] // Вестник Томского государственного педагогического университета. – 2020. – №5 (211). – <https://cyberleninka.ru/article/n/kompozitsionnye-osobennosti-elektronnyh-voenno-informatsionnyh-tekstov> (дата обращения: 22.01.2023).
7. News: Ministry of Defense of the Russian Federation [Electronic Resource]. – Mode of access: URL: https://eng.mil.ru/en/news_page/country.htm.

УДК 811.13

НАЦИОНАЛЬНО-ПРЕЦЕДЕНТНЫЕ ФЕНОМЕНЫ КАК ПЕРЕВОДЧЕСКАЯ ПРОБЛЕМА

А. В. Богомолова,

преподаватель кафедры перевода и переводоведения, Институт филологии, иностранных языков и медиакоммуникации, Иркутский государственный университет, Иркутск

Аннотация. Рассматриваются различные виды прецедентных феноменов (ПФ) – прецедентное имя, прецедентная ситуация, прецедентный текст – в текстах памфлетов Р. Дюма и Ж. Вержеса «Sarkozy sous VNL» и Ж.-Л. Меланшона «Le Hareng de Bismarck» в переводческом аспекте. На примере некоторых фрагментов показана роль и значимость ПФ, а также необходимость постепенной реконструкции дискурса в ходе перевода текста, содержащего ПФ.

Ключевые слова: прецедентный феномен, реконструкция дискурса, контекст ситуации, памфлет

Summary. The article considers different types of precedent phenomena (PF) – a precedent name, a precedent situation, a precedent text – in pamphlets of

R. Dumas and J. Vergès «Sarkozy sous BHL» and J.-L. Melenchon «Le Hareng de Bismarck» in the translation aspect. The role and importance of PF and the necessity of a gradual reconstruction of the discourse during the translation of a text full of PF are shown on the example of some fragments.

Key words: precedent phenomenon, discourse reconstruction, situation context, pamphlet

Одной из основных характеристик современного дискурса является его интертекстуальность, которая проявляется в использовании прецедентных феноменов (ПФ). Дискурс памфлета – не исключение. Сатирическое произведение, как правило, наполнено едкими и колкими оценочными суждениями личности или целого явления. Однако не всегда авторы готовы открыто высказывать свое мнение, что приводит к появлению в тексте ПФ.

Под прецедентным феноменом понимается явление «хорошо известное всем представителям национально-лингво-культурного сообщества, актуальное в когнитивном плане», а также «обращение, к которому постоянно возобновляется в речи представителей того или иного национально-лингво-культурного сообщества» [5, с. 170]. К прецедентным феноменам относят прецедентную ситуацию (ПС), прецедентный текст (ПТ), прецедентное высказывание и прецедентное имя (ПИ). В. В. Красных выделяет три категории ПФ – социумно-прецедентные, универсально-прецедентные и национально-прецедентные [Там же, с.173].

Использование национально-прецедентных феноменов, известных любому среднестатистическому представителю лингвокультуры, позволяет адресату прочувствовать скрытый посыл текста, а также сформировать необходимые образы. Однако, при переводе, реципиент как представитель другого лингво-культурного сообщества может не уловить отсылку, что приведет к тому, что часть смыслов останется закрытым для него. Перед переводчиком в таком случае стоит важная задача – девербализация скрытых смыслов, а затем их реституция в переводе.

В данной статье анализируются два злободневных памфлета французских авторов. Памфлет Р. Дюма и Ж. Вержеса «Sarkozy sous BHL» направлен на обличение Николя Саркози, бывшего президента Франции, которого авторы обвиняют в нарушении международного права, желании вернуться к старому колониальному режиму, а также в несоответствии занимаемой должности. Памфлет Ж.-Л. Меланшона «Le Hareng de Bismarck» описывает немецкую модель развития, или «немецкий яд» в представлении автора, которую власти Германии стремятся навязать европейским странам, в частности Франции. Однако Ж.-Л. Меланшон, используя все богатство французского языка, показывает, насколько пагубным может быть для его страны слепое следование такой модели.

В силу вышеизложенного оба произведения являются сугубо субъективными, направленными на уничтожение «противника», а, главное, что немаловажно, на «своего» читателя, что несомненно вызовет сложности

при переводе, так как в текстах упоминается факты, заведомо незнакомые реципиенту перевода.

Авторы памфлетов прибегают к использованию ПФ, чтобы сформировать желаемый образ критикуемого объекта – конкретной личности или целого явления. Как упоминалось выше, ПФ включают в себя несколько компонентов, один из которых прецедентное имя, позволяющее благодаря дифференциальным признакам сформировать определенные характеристики сравниваемой личности.

Так, в своем памфлете Р. Дюма и Ж. Вержес неоднократно упоминают известных личностей, будь то известные правители Франции Шарль де Голль или Людовик XIV, или великие писатели Жан Расин или Мольер, чьи имена безусловно знакомы русскому читателю.

Но в одном из фрагментов памфлета авторы проводят параллель между Никола Саркози и Шарлем де Голлем, добавляя имена Андре Мальро и Бернара-Анри Леви. Вероятно, знаменитый французский писатель и философ своего времени А. Мальро известен многим, однако не все знают, что он был министром культуры при Шарле де Голле, а также главным идеологом Пятой Республики, соратником генерала де Голля. Впрочем, скандально известный журналист и публицист Бернар-Анри Леви также малознакомая личность для русского читателя. Но авторы уделяют ему достаточное внимание на протяжении всего памфлета, что помогает читателю сформировать представление о нем. Авторы всеми способами стараются принизить Н. Саркози и показать, насколько недостоин он занимать должность президента Французской Республики. Они высмеивают его желание походить на генерала де Голля, его желание также иметь в кругу приближенных современного философа, с которым можно посоветоваться при удобном случае. Именно поэтому они сравнивают Шарля де Голля и его верного соратника Андре Мальро с бывшим президентом Франции и его верным «вассалом», который, по мнению авторов, явно уступает уровню А. Мальро.

Желая в очередной раз показать недостаточный уровень образованности Н. Саркози, авторы упрекают его в нелюбви к французской культуре и, в качестве аргумента упоминают выдающегося французского писателя, чьи произведения включены в обязательную школьную программу – Валери Ларбо:

(1) *Vous détestez la culture française et ne voyez pas pourquoi les futurs énarques devraient lire La Princesse de Clèves, alors que lire de chefs-d'oeuvre de notre littérature est un plaisir. C'est même, selon Valery Larbaud, un vice impuni, mais vous ne savez sans doute qui est Valery Larbaud* [7, p. 12].

В данном примере авторы делают отсылку к его эссе «Ce vice impuni, la lecture. Domaine anglais», в котором под «безнаказанным пороком» В. Ларбо понимает чтение. Именно в этом авторы и упрекают бывшего президента Франции – в нелюбви к чтению. А также высмеивают его эрудицию, будучи уверенными, что ему явно не знакомо творчество этого

писателя.

Что касается Ж.-Л. Меланшона, в своем памфлете автор старается показать, что именно Ангела Меркель, на тот момент действующий канцлер Германии, ответственна за распространение «немецкого яда» по всей Европе. Поэтому он неоднократно упоминает ее в своих обвинениях, обращаясь к ней по-разному: *Angela Merkel, Angela, Merkel, madame Merkel madame Angela Merkel, Frau Merkel, la «Mutti» Merkel*. Но наше внимание привлекло другое интересное обращение к А. Меркель – *la mère Fouettarde*:

(2) *Mais, bien sûr, les accusations de la mère Fouettarde ne sont pas seulement pleines de morgue et de mauvaise foi* [9, p. 92].

В современном французском языке выражение *la mère Fouettarde* является неологизмом с пейоративной коннотацией, который используют для описания властной и авторитарной женщины [8]. Этимологически он восходит к выражению *le père Fouettard*, не только обозначает антипод Святого Николая, но также используется для обозначения сурового мужчины. Образ Пера Фуэтара знаком каждому французу с детства. Именно этот мифический герой приходит к тем, кто плохо себя вел, и приносит угольки вместо подарков, или, как гласят легенды, уносит детей в лес, чтобы полакомиться ими в рождественский ужин.

При переводе нам не удалось избежать потери образа, так как русскому читателю такой сказочный герой чужд. В славянском фольклоре присутствуют герои со схожими описаниями, но в данном контексте такое сравнение звучало бы неуместно. Поэтому для раскрытия значения неологизма мы использовали описательный перевод: «*Но, конечно, обвинения авторитетной женщины полны не только высокомерия и двуличия*».

Помимо прецедентных имен, авторы также упоминают прецедентные ситуации, хорошо знакомые представителю лингвокультуры и имеющие «инвариант восприятия», за которым закреплены определенные знания и представления о самой ситуации, в том числе и коннотации [5, с. 183].

Например, преследуя цель в очередной раз унижить Николя Саркози, Р. Дюма и Ж. Вержес упрекают его в том, что он не видит оснований для чтения романа мадам де Лафайет «Принцесса Клевская», о чем он заявил в одном из интервью, вызвавшем широкий резонанс [1]. Используя ПС, авторы указывают на неподобающее поведение бывшего президента, когда упоминают, как Н. Саркози назвал одного из сограждан «тупой скотиной» на Сельскохозяйственной выставке [2].

В качестве ПС также могут выступать исторические события, например упоминание событий, связанных со Старым Летним дворцом Пекина. Напомним, что в памфлете авторы обвиняют Н. Саркози в незаконном вторжении в Ливию и в разжигании конфликта. Рассуждая о незаконности действий Саркози и несоблюдении международного права, авторы подчеркивают, что до открытого применения военных действий остался лишь один шаг:

(3) *C'est la dernière étape avant qu'il n'y ait plus que les rapports de force ouverts. Mais on n'est plus au XIXe siècle, au temps où l'on pouvait à Pékin piller impunément le Palais d'été, nous sommes au XXe siècle déjà* [7, p. 29].

Речь идет о событии, произошедшем во время Второй опиумной войны между Китаем и Великобританией с Францией. На исходе войны англичане и французы разрушили и разграбили этот памятник истории и остались безнаказанными. Старый Летний дворец стал символом национального унижения, а В. Гюго в письме капитану Батлеру сравнил англичан и французов с двумя бандитами, один из которых разграбил, а другой поджег, но оба довольные вернулись в Европу: *«Un jour, deux bandits sont entrés dans le Palais d'été. L'un a pillé, l'autre a incendié... L'un des deux vainqueurs a empli ses poches, ce que voyant, l'autre a empli ses coffres; et l'on est revenu en Europe, bras dessus, bras dessous, en riant»* [6].

К упоминанию ПС обращается и Ж.-Л. Меланшон, хотя последняя и не сразу интерпретируется в оригинале. Так, памфлет «Le Nageng de Bismarck» начинается с раздела «Avertissement», который заканчивается фразой:

(4) *«S'il faut se tenir la main dans la main, que ce soit pour vouloir le bien commun plutôt que pour déplorer la cause»* [9, p. 9].

Подчеркнем, что данный памфлет вышел в свет 7 мая 2015 г., спустя пять месяцев после теракта в редакции Charlie Hebdo 7 января 2015 г. Через несколько дней после теракта многие французы вышли на улицу в память о погибших, что впоследствии назвали «Маршем Республики». Примечательно то, что 11 января по улицам Парижа также прошли многие лидеры стран ЕС, взявшись за руки и показав, что они едины в борьбе с терроризмом. Именно к этому событию и апеллирует Ж.-Л.

Помимо прочего, в тексте памфлета можно отметить и использование прецедентного текста. Так, один из разделов в памфлете «Sarkozy sous VHL» назван «Attila le Petit s'en va-t-en guerre». Авторы в одном из фрагментов сравнивают Н. Саркози с великим гунном Атилой. Но здесь также присутствует отсылка к известной французской народной песне «Мальбрук в поход собрался» (от фр. «Marlbrough s'en va-t-en guerre»), которая некоторое время пользовалась популярностью в России и даже упоминалась в произведениях русской классики.

В памфлете Ж.-Л. Меланшона также прослеживается отсылка к католической рождественской песне «Il est né le divin enfant». Строфа «Sonnez hautbois, résonnez musettes» используется во французском языке иронично и шуливо, когда автор желает отметить какое-либо событие, и без того ожидаемое. В случае Ж.-Л. Меланшона, он употребляет строфу из песни после того, как якобы случайно употребляет словосочетание «немецкая Европа», упомянув в очередной раз про излишнее давление на страны Южной Европы со стороны Германии. Но на самом деле он лишь процитировал немецкого писателя Даниэля Кон-Бендита:

(5) *Horreur, j'ai dit «l'Europe allemande»! Sonnez, tocsons de la*

lapidation, résonnez, hautbois de l'expiation. Non : joker ! « L'Europe allemande » est le titre d'un livre en allemand, écrit par un Allemand : Daniel Cohn-Bendit [9, p. 168].

Приведенные примеры показывают необходимость внимательного прочтения оригинала перед началом перевода, а также необходимость постепенной реконструкции дискурса, целью которой является выяснение смысла фрагмента текста и его адекватная интерпретация. За каждым упоминанием ПФ может скрываться та самая недостающая деталь, которая поможет собрать «текстовый пазл» воедино. Без восстановления контекста ситуации многие детали могли бы ускользнуть от внимания читателей и дверь к пониманию навсегда бы осталась закрытой.

Что же в этом случае предпринять переводчику? Вопрос открытый. Традиционно в таких случаях переводчики стараются всё неизвестное и непонятное прокомментировать в сносках внизу страницы или в примечаниях в конце переведенного текста. За редким случаем переводчик может добавить внутритекстовый комментарий, близкий к небольшому уточнению, как это было сделано нами при переводе прецедентного высказывания «*rauvge son*» [2]. Однако есть опасения, что сноски и примечания могут нарушить ритм и динамику текста, в особенности это касается памфлетов, где «накал страстей» не утихает ни на секунду, а лишнее отвлечение на поиск информации где-то внизу страницы или в конце книги может сбить с того настроя, которого изначально хотел добиться автор. Появление прецедентных феноменов в исходном тексте становится настоящим вызовом для переводчика, от которого зависит верная и адекватная передача замысла автора.

Список использованных источников

1. Богомолова А. В., Горшкова В. Е. Дискурсивные характеристики памфлета (переводческий аспект) // Сб. науч. трудов. Серия «Язык. Культура. Коммуникация», Н.-Новгород: НГЛУ, 2019. – Вып. 22. – С. 25–34.
2. Богомолова А. В., Горшкова В. Е. Дискурсивная личность автора памфлета в переводческом аспекте // Вестник Московского университета. Серия 22. Теория перевода. – 2022. – № 4.
3. Красных В. В. «Свой» среди «чужих»: миф или реальность? М.: ИТДГК «Гнозис». – 2003. – 375 с.
4. Румянцева А. С. Драматическая судьба парка Юаньминьюань в Пекине [Электронный ресурс]. – 2019. – <https://www.nsartmuseum.ru/journal/id/232> (дата обращения: 27.01.2023).
5. Dumas R., Vergès J. Sarkozy sous BHL. Paris : PGDR, 2011. – 126 p.
6. Linternaute : Dictionnaire français [Электронный ресурс] – <https://www.linternaute.fr/dictionnaire/fr/> (дата обращения: 27.01.2023).
7. Mélenchon J.-L. Le hareng de Bismarck (Le poison allemand). Paris : Plon, 2015. – 211 p.

УДК 82-7:82.03

НЕКОТОРЫЕ ОСОБЕННОСТИ ПЕРЕВОДА КАРИКАТУР**Т. А. Болдова,***доктор педагогических наук, профессор кафедры ФМОП Московского государственного технического университета им. Н. Э. Баумана (МГТУ им. Н.Э. Баумана), Москва*

Аннотация: В статье обсуждаются вопросы перевода текстов современной карикатуры, решение которых требует сложных форм работы в ходе интерактивного общения для освоения техники перевода. Текст карикатуры – это единица семантического представления смысла и готовый блок вхождения в базу знаний определенной предметной области. В текстах карикатур закодирована не только мыслительная задача или комплекс проблем, но и ключ к их переводу, который необходим для дешифровки авторского коммуникативного намерения в условиях иноязычного социума.

Ключевые слова: перевод, иностранный язык, культура, сетевая коммуникация, единица семантического представления смысла, готовый блок, база знаний определенной предметной области.

Summary. The article discusses the translation of texts of modern cartoons, the solution of which requires paired, group and collective forms of work during interactive communication to master the translation technique. The text of the caricature is a unit of semantic representation of meaning and a ready-made block of entry into the knowledge base of a certain subject area. The cartoon texts encode not only a thought task or a complex of problems, but also a key to their translation, which is necessary to decrypt the author's communicative intention in a foreign-language society.

Key words: translation, foreign language, culture, network communication, unit of semantic representation of meaning, ready-made block, knowledge base of a certain subject area.

С момента глобальной победы интернета такие термины как мультимедийный гипертекст и текстовая фигура вошли в перевод иностранной литературы. Гипертекст – это текст, и это зафиксировано в словарях, но вопрос заключается в том, является ли этот термин «текст» вообще сравнимым с морфемой, фразой и т.д. Единого лингвистического текстового термина пока не существует. Хотя в последнее время говорят об инклюзивном текстовом термине, однако, этот текстовый термин очень обобщен. Он оказывается во многих ситуациях слишком кратким, но используется в качестве рабочего определения.

Работа с такими текстами при данном подходе понимается как система восприятия, адекватного понимания и перевода множества иноязычных текстов в культурном пространстве, которая заключена в специфический технологический каркас, где есть сообщения как представленный динамический элемент межкультурного диалога на различные темы [2, с. 47]

Текст карикатуры – это единица семантического представления

смысла и готовый блок вхождения в базу знаний определенной предметной области. В текстах карикатур закодирована не только мыслительная задача или комплекс проблем, но и ключ к их переводу, который, необходим по дешифровке авторского коммуникативного намерения в условиях иноязычного социума.

Текст карикатуры – это сложное динамическое и многомерное текстовое и коммуникативное пространство, где реализуется язык через обмен информацией.

Текст – представляет собой комплексную вариативную интеграцию возможностей различных носителей (условный вербально-письменный текст, рисунок, фото, мэм и т.п.), формирующий принципиально новый тип текста и коммуникаций на иностранном языке.

Текст карикатуры – это и полноценный генератор коммуникации, на основе которого можно комбинировать художественные формы и различные техники перевода для создания гибридной формы выразительности в творческой деятельности.

Проблему перевода карикатур можно прокомментировать примером, когда для выполнения одних переводов требуется умение абстрактного мышления, а для других - способы к быстрому анализу. Тогда картина перевода представляет собой наглядное поле знаний и умений по определенной теме карикатуры.

При этом объективной становится и сама оценка знаний и умений перевода, появляется возможность выведения себе перманентной оценки знаний и умений.

Работая с переводами карикатур, всегда сталкиваешься с целым рядом трудностей культурного и политического характера, которые часто можно разрешить через организацию помощи и взаимопомощи и с использованием новых технологий сети, позволяет эффективно осуществлять индивидуальные контакты, что является одним из способов перевода. Чем больше обмениваться друг с другом такими материалами в сети, тем более полно и интенсивно ими можно овладеть.

При этом формируются собственные понятия о культурно-тематическом содержании карикатур. Поэтому нельзя работая с текстами перевода, пренебрегать проблемами новых явлений – измененной средой коммуникации и появлением новых смыслов из текстов современных карикатур.

Такая работа по переводу способствует решению лингвистических и профессиональных задач, способствует проведению многокритериального и многопозиционного оценивания информации текстов, которая переводится с иностранного языка.

Обратимся к приемам перевода лексики в ходе использования культурных кластеров – это картинки-карикатуры, указание на контекст или ситуацию, похожие слова из родного языка, интернационализмы, иллюстрации, словари (когда в текстах повышенной трудности почти нет

интернационализмов, имен собственных, похожих слов из родного языка, иллюстраций т.п.).

Здесь иностранный язык является средством определения границ того самого смыслового пространства, в котором существует человек, это пространство зависит от социокультурных обстоятельств. Всегда можно использовать те же самые слова, но они приобретают иное значение. Только знания предмета помогут правильному переводу и пониманию смыслов иноязычной культуры. При переводе важна и интроспекция, то есть внутреннее наблюдение, внутренний взор за своим переводом.

Переводчик не должен быть дальтоником и видеть мир соответствующим образом. Например, в Китае используются иероглифы и нет прямой понятийной системы поэтому если вы переводите, например, китайский стих, вы должны рядом еще рисовать картинку, потому что иероглиф – это еще и визуальный образ. В ходе работы постепенно происходит насыщение предметного содержания текстов страноведческим материалом, используется структурно-функциональный подход к отбору и организации языкового материала на основе карикатур, а также использование моделирования в сети на уровне предложений, словосочетаний и сверхфразовых единств. При этом перевод идет от фактов языка к фактам культуры.

Лексика карикатуры предьявляется без эквивалентов, фоновые знания, присущих носителям языка и отсутствующих либо иначе трактуемых в иноязычной культуре. Часто в карикатурах используются невербальные средства общения, отражающие особенности национальной ментальности носителей языка, тактик речевого поведения в различных ситуациях общения как отражение культурных традиций в кино, литературе и художественных произведениях.

Культурная информация извлекается из самих единиц языка, а объектом рассмотрения смыслов таких текстов становятся особенности отражения в языке культуры его носителей. Так, понятие «*protean self*» вводится Лифтоном [4, с. 9]. Само слово «*protean*» в английском языке имеет значения «многообразный, изменчивый, разносторонний, многогранный», а в применении к театральным реалиям может означать актера, играющего несколько ролей в одной и той же пьесе.

Таким образом, перевод с иностранного языка происходит при выделении в качестве целевой доминанты точной передачи смысла карикатуры. При этом работа ориентирует на межкультурное общение, когда появляется интерес к культуре и образу жизни носителя языка как отражение социокультурной реальности, национальной и общечеловеческой, как диалога культур. Диалог подразумевает раскрытие одной культуры для понимания другой. Поэтому не всегда возможно простое заимствование или пересаживание культурных явлений на почву другой культуры при переводе.

При переводе текста карикатуры, мы входим в различные

интерактивные диалоги как в специфическую языковую среду, стимулирующую к обретению нового языкового опыта. Это доказывает важность обеспечения связи между языком и национальной культурой той области, где используется данный язык.

Тогда мы получаем правильный перевод, точное понимание значений формальных структур изучаемого языка, что позволяет определить, какая из них может быть использована в данном речевом сообщении, в данной конкретной ситуации межкультурного дискурса. Это включает в себя процесс перевода гуманитарных целей в технические цели, связывающие разные дискурсивные универсумы. Литература как коммуникативная система всегда вступает в структурные сопряжения с другими коммуникациями охватывающей ее системы (с политикой, религией и т. д.).

Проблема социальной комплексности литературы предполагает ряд коррекций, таких как междисциплинарных тенденций и появления социально-сетевой коммуникации, ее влияния на структурные сопряжения литературы с другими социальными системами [3, с.12].

Кратко объясним пересечение разных форм или областей знания, когда в эмерджентном интерфейсе возникают свойства, феномены или объекты, которые ведут себя как объекты, не имеющие, отчетливо распознаваемой границы. Они порождают рост сложности работы с ними вследствие трудностей интерпретации, поскольку находятся между двумя взаимно несоизмеримыми языками.

Общим контекстом для возникновения эмерджентного интерфейса является ситуация «неожиданной встречи» разных областей знания. Когда интерфейс представлен в многообразии лингвистических, семиотических средств, через которые мир реальный или виртуальный выходит к переводчику, тогда он применяет приёмы перевода по принципу стратиграфии (от лат. *statum*-слой) [1, с. 31].

Они представляют собой фиксированные шаги продвижения через тексты, представляя на выходе транспарентность (от англ. *transparent* – явный, очевидный), что облегчает перевод. Текст, напечатанный или написанный расскажет, как древняя книга, которая раньше была просто учебником, по которой изучали что-то, что она сложная культурная ценность. Таким образом, культура представляет собой текст с большой буквы, в котором зафиксированы значения, а значит, закодирован смысл.

Иностранная, другая культура – есть закодированный текст, с которым переводчик ведёт диалог, и постепенно он даёт полную расшифровку этого диалога. Здесь важна интуиция переводчика, которая складывается из собственного знания иностранного языка, образного мышления, умения работать с информационным полем. А результатом такой деятельности будет формирование нового знания, которое основывается на уже имеющемся, а затем даётся в переводе.

Мы имеем дело с личностным знанием, внутренним пониманием переводчика, который как мастер чувствует материал. Это и есть итог

творческого процесса. Чем более сложной является переводческая деятельность, тем в большей степени ее результаты определяются личностными знаниями переводчика, его креативностью.

Профессиональный переводчик обладает глубинными, внутренними знаниями. Он размышляет о предмете литературного перевода, что ему позволяет точно зафиксировать касающееся его знание, попросту говоря, обратить на него особое внимание, запомнить пришедшую в голову мысль. Это и есть имплицитное знание, неявное, латентное, его можно назвать личностным знанием, которое неразрывно связано со своим носителем. Это знание называют интуитивным.

В структуру перевода входит все то, что делает его фактом культуры, который сжат в литературном произведении до определённых признаков содержания; до современных ассоциаций; оценок, новых слов, которые не просто приплюсовываются к известным ранее, а встраиваются в живую функциональную речь. Такие образные ассоциации и аналогии, которые делают язык перевода живым, «привязывают» читателя к переводу.

– Was steht da auf Ihrer Weste ? – Abstand halten! Masken auf!

Переводчик должен быть готовым и способным к отбору литературных средств, соответствующих коммуникативному контексту и поставленным профессиональным задачам. Тогда происходит процесс диффузии дискурсов науки, культуры, литературы и общества, который расширяет культурологический, лингвистический и коммуникативный опыт переводчика, и который позволяет организовать работу по переводу через повышение уровня владения иностранным языком, уровень профессиональной подготовки переводчика как самостоятельной формы, через энергию языков, культуры и искусств, постигаемой переводчиком. В контексте современного подхода к иноязычному переводу важна готовность переводчика к осознанию социальной важности и значимости своей профессии, что определяется тем, что он является медиатором литератур и культур, проводником в постижении зарубежной литературы. Его работа основывается на самоконтроле и совершенствовании.

Список использованных источников

1. Болдова Т. А. Дорожная карта для изучения иностранных языков в гипертекстовой сети. Монография / Т. А. Болдова. – Киров, 2016. – 446с.
2. Болдова Т. А. Обучение студентов старших курсов иностранному языку на основе использования электронных гипертекстов (немецкий язык, языковой вуз); автореф. д-ра пед. наук. М., 2014. – 53 с.
3. Landow P., Hypertext 3. 0. Critical Theory and New Media in an Era of Globalization. Hopkins University Press. 2000. p. 135.
4. Lifton R. J. The Protean Self. Human Resilience in an Age of Fragmentation. N.Y., 1993.

УДК 81'42

ТОЛЕРАНТНОСТЬ КАК МЕНТАЛЬНЫЙ ФИЛЬТР ПОЗИТИВНОЙ КОММУНИКАЦИИ**Л. А. Борботько,***кандидат филологических наук, доцент кафедры языкознания и переводоведения, Институт иностранных языков, Московский городской педагогический университет, Москва***Е. Г. Ильина,***обучающийся магистратуры, кафедра языкознания и переводоведения, Институт иностранных языков, Московский городской педагогический университет, Москва*

Аннотация. В статье применяется лингвокультурологический подход к изучению категории толерантности. Актуализируется значимость осмысления феномена толерантности как культурного, языкового и социального явления. Рассматриваются наиболее частотные стратегии моделирования коммуникативной толерантности, а также основные цели их внедрения в коммуникацию. Эмпирической базой исследования являются тексты массмедиального дискурса, размещенные на онлайн-платформах.

Ключевые слова: толерантность, политкорректность, коммуникация, эвфемизация, медиадискурс, вежливость.

Summary. The article applies a linguoculturological approach to studying tolerance and political correctness. The paper emphasizes the relevance of considering tolerance to be a cultural, linguistic and social phenomenon. The analysis reveals most frequent strategies of modeling communicative tolerance, as well as the main objectives of their implementation in the context of communication. The empirical basis of the research involves the mass media texts available on online media platforms.

Key words: tolerance, political correctness, communication, euphemisms, media discourse, politeness.

Диахроническая перспектива изучения понятия толерантность в призме когнитивной лингвистики позволяет утверждать, что современное значение рассматриваемой категории приближено к англоязычным понятиям *inclusive language* и *neutral language*. Данные категории представляют собой языковое отражение толерантных установок, подразумевающих включение всех групп людей, подвергающихся дискриминации, в социальную среду и избавление данных групп от притеснения со стороны большинства.

Толерантность в целом характеризуется как соблюдение ряда норм, обеспечивающих отношение к *чужому* в рамках противопоставления *своей-чужой* как к равной личности [3, с. 57]. Иными словами, принцип толерантности подразумевает принятие идентичности на основании схожести группы в сравнении с другой группой, а также терпимость к проявлению инаковости *чужих*.

В настоящее время проявление интолерантности, то есть нетерпимости,

приводит к усилению оппозиции *свой / чужой* и ведет к обострению конфликтных ситуаций [2, с. 35].

Согласно гипотезе Э. Сепира и Б. Уорфа, реальность категоризируется в языке [8, с. 139]. Как следствие, наделение группы меньшинств противоположными признаками и маркирование представителей в качестве оппозиции к группе большинства ведет к появлению границ между обозначенными социальными группами. Рассматривая проблему поляризации социальных групп сквозь призму теории вежливости Брауна и Левинсона [9, с. 58], подчеркнем, что использование позитивной вежливости выражает солидаризацию со взглядами собеседника и приближает его к группе *своих*, в то время как негативная вежливость демонстрирует интенцию дистанцирования, то есть причисление собеседника к группе *чужие* [1, с. 121].

Отмечается прагматическая схожесть стратегий толерантности и вежливости, служащих для формирования положительно или нейтрально окрашенного текста [5, с. 10]. Так, лингвистическая толерантность рассматривается как средство вуалирования части предоставляемой информации с целью исключения языковых проявлений дискриминации.

Одним из проявлений моделирования толерантности в ходе коммуникации является политическая корректность. Само понятие политической корректности подразумевает изменение языкового кода населения с целью манифестации терпимости, экологичности, защиты мира [4, с. 47]. По мнению ряда исследователей, данный термин представляется неточным. Так, предлагается замена категории *политическая корректность* на *коммуникативная корректность*, поскольку прилагательное *политическая* указывает на политические цели изменения языкового кода в противовес этическим нормам, основанным на стремлении к доброжелательности и тактичности по отношению к различным общественным группам [7, с. 101].

Более того, высказывание, содержащее в себе элементы политкорректной лексики, в имплицитной форме указывает на взгляды говорящего, которые могут быть интерпретированы реципиентом. Так, использование гендерно нейтральной лексики в английском языке (*police officer* вместо *policeman*) и феминитивов в русском языке (*авторка* вместо *автор*) указывает на приверженность говорящего идеям феминизма и гендерного равноправия.

Дифференциальным признаком политической корректности относительно понятия коммуникативной толерантности является предоставление готовых аналогов ряда лингвистических единиц, являющихся уничижительными для той или иной языковой группы. Таким образом, в случае использования политкорректной лексики, целью внедрения новых единиц выступает закрепление в узусе языка более нейтральных обозначений.

С точки зрения языковых средств, посредством которых реализуется

коммуникативная стратегия толерантности, наиболее частотным приемом представляется эвфемизация. Существует ряд эвфемизмов, являющихся единицами политкорректной лексики, которые дифференцируются следующим образом: 1) эвфемизмы, исключаящие различные виды дискриминации в обществе; 2) эвфемизмы, позволяющие избежать обострения политических и экономических противоречий.

Рассмотрим первый тип эвфемизмов, направленных на избегание использования лексики с негативной коннотацией в ходе упоминания социальных меньшинств: *Dissatisfied by a gap in the market and a lack of diversity in the media, these five publications celebrate and provide honest representations of women of colour* [Dazed Magazine].

В данном отрывке прослеживается речевая линия толерантности, выраженная посредством эвфемизма, обозначающего представительниц темнокожего населения.

Обратим внимание на следующий пример: *When Emma D'Arcy, auditioned for the role, they had no idea they were reading for one of the most-anticipated projects of recent years nor had they seen the original series* [Vogue Magazine].

Данный отрывок является репрезентацией тенденции на использование нейтрального языка, характерной для англоязычных стран. Так, в ходе представления новости, посвященной актрисе, определяющей себя в качестве небинарной персоны, используется нейтральное местоимение *they*, что маркирует уважение к интервьюируемому, а также признание данной социальной группы медиаресурсом, на котором размещена статья.

Рассматривая эвфемизацию в качестве языкового средства сглаживания противоречий, приведем пример заголовка статьи *The New Yorker*, посвященной протестам против предложения президента Франции Эммануэля Макрона реформировать пенсионную систему: *The Strikes in France Look to the Future and the Past: Emmanuel Macron challenges the welfare state* [The New Yorker].

В данном примере используется лексика широкой семантики, что не позволяет получить полное представление о ситуации без использования фоновых знаний. Более того, авторы избегают использование пейоративной лексики в ходе описания действий президента, вызвавших негативную реакцию общественности. Так, глагол *to challenge* имеет более 10 значений в словаре *Cambridge Dictionary*, однако, все они имеют положительную или нейтральную коннотацию.

Еще одним средством реализации стратегии моделирования коммуникативной толерантности является перифраз – грамматический оборот, представляющий многокомпонентную структуру перефразируемого понятия [6, с. 103]. Отметим, что данный прием наиболее характерен для русского языка, поскольку английский язык имеет тенденцию к лаконичным обозначениям. Приведем пример, взятый из

статьи онлайн-газеты РИА Новости: *Имена многих животных вписаны в историю: одни прославились в боевых действиях, удостоившись наград и званий, другие спасали людей в мирное время. В разных странах есть немало памятников **братьям нашим меньшим*** [РИА Новости].

В данном предложении проявляется уважительное и гуманное отношение к животным, на что указывает перифраз *братья наши меньшие*, создающий интенцию признания идентичности с другими биологическими видами.

Таким образом, коммуникативная толерантность представляет собой ретуширование отрицательной оценки, производимое коммуникантами на основе прохождения высказывания через ментальные фильтры, ограничивающие речевую агрессию индивида. При этом сфера коммуникативных ситуаций, в ходе которых релевантно использование стратегий толерантности, включает в себя обсуждение табуированных и неоднозначных вопросов.

Список использованных источников

1. Борботько Л.А. Коммуникативные стратегии в авторских телепрограммах: на пути к коммуникативному успеху // Актуальные проблемы романо-германской филологии и методики преподавания иностранных языков: Материалы IX международной конференции, 25 октября 2019 г. – С. 118–124.

2. Викулова Л.Г. Национальная идентичность в контексте инаковости: языковая репрезентация оппозиции "свой" - "чужие" во французской литературе XX века (на материале сборника эссе Ф. Мориака "Чёрная тетрадь") / Л.Г. Викулова, О.А. Кулагина // Вестник МГПУ. Серия: Филология. Теория языка. Языковое образование. – 2013. – №2(12). – С. 33–42.

3. Викулова Л.Г. Структуры моделирования ценностных ориентиров дискурса социальной реальности в массмедийном коммуникативном пространстве / Л.Г. Викулова // Вестник МГПУ. Серия: Филология. Теория языка. Языковое образование. – 2014. – № 2(14). – С. 55–63.

4. Дьяченко И.А. Язык политкорректности как объект современных лингвистических исследований / И.А. Дьяченко // Язык и культура (Новосибирск). – 2014. – № 13. – С. 45–50.

5. Желтухина М.Р. Миграционная медиалингвистика: конфликт vs кооперация в мультикультурной коммуникации / М.Р. Желтухина // Миграционная лингвистика в современной научной парадигме: медиационные практики. – Пермь: Пермский государственный национальный исследовательский университет. – 2019. – С. 5–21.

6. Савватеева Л.В. Метаязык коммуникации: лингвистическая политкорректность и социальная толерантность / Л.В. Савватеева // Вестник Тамбовского университета. Серия: Гуманитарные науки. – 2008. – №10(66). – С. 27–32.

7. Тер-Минасова С.Г. Язык и межкультурная коммуникация /

С. Г. Тер-Минасова // Культурология. – 2002. – № 2(21). – С. 101–104.

8. Уорф Б. Л. Отношение норм поведения и мышления к языку / Б. Л. Уорф // Новое в лингвистике. – Вып. 1. – М., 1960. – С. 135–168.

9. Brown P., Levinson S. Universals in language use: Politeness phenomena // Goody E. Questions in Politeness. Strategies in Social Interaction. Cambridge: Cambridge University Press, 1978. – P. 56–289.

УДК 81.13

ОБ УЧЕБНОМ ПОСОБИИ ПО РУССКОМУ ЯЗЫКУ КАК ИНОСТРАННОМУ: СЕЛЬСКОЕ ХОЗЯЙСТВО И ВЕТЕРИНАРИЯ

И. В. Вухриева,

кандидат филологических наук, старший преподаватель кафедры русского языка для гуманитарных и естественных факультетов, Санкт-Петербургский государственный университет, Санкт-Петербург

Аннотация: В статье рассматривается взаимосвязь подходов, принципов и технологий обучения иностранных магистров и аспирантов научному стилю языка специальности *сельское хозяйство и ветеринария* в его письменной и устной разновидностях. Предполагается выполнение заданий слушателями, имеющими подготовку по русскому языку на уровне В 1. С этой целью предложены тексты по агрономии, защите растений, агроэкологии, плодоовощеводству, механизации и электрификации сельскохозяйственного производства, зооинженерии, ветеринарии. Научные тексты каждого тематического раздела типологичны, содержат задания для освоения определенных лексико-грамматических трудностей, семантико-коммуникативные задания, задания на эквивалентные замены, задания на развитие навыков аналитического и логического мышления, дописывание и составление предложений для последующего эффективного самостоятельного общения в академической среде.

Ключевые слова: учебное пособие по РКИ, текст, научный стиль, язык специальности.

Summary. The article covers the relationship of approaches, principles and technologies for teaching foreign masters and graduate students the scientific style of the major subject language in *agriculture and veterinary medicine* in its written and oral varieties. The assignments are supposed to be completed by students who have training in the Russian language at level B 1. For this purpose, texts on agronomy, plant protection, agroecology, horticulture, mechanization and electrification of agricultural production, animal science and veterinary medicine are proposed. The scientific texts of each thematic section are typological, contain tasks for mastering certain lexical and grammatical difficulties, semantic and communicative tasks, tasks for equivalent substitutions, tasks for developing analytical and logical thinking skills, completing and compiling sentences for subsequent effective independent communication in an academic environment.

Key words: Russian as a foreign language training manual, text, scientific

style, major subject language.

Взаимосвязь подходов, принципов и технологий обучения иностранных магистров и аспирантов научному стилю языка специальности вообще и языку специальности *сельское хозяйство и ветеринария* в частности в его письменной и устной разновидностях является важной составляющей учебного процесса. Существует немало теоретических исследований в данной области, множество успешно апробированных учебных пособий, но тем не менее, вопрос остается актуальным и требует непрерывного наблюдения, изучения, обобщения и анализа в связи с быстрыми изменениями в языковой среде русского языка.

При текущей тенденции в социуме, заданной временем относительно повышения требований к специалистам, возрастает не только понимание и уровень базовых знаний по выбранной профессии, но и овладение языком специальности, уверенным знанием специальной терминологии, умением построения синтаксических конструкций. Профессиональное мастерство подразумевает в том числе умение специалиста сотрудничать с коллегами, соблюдая нормы устной и письменной профессиональной речи. Актуальным остается вопрос, чему учить студента – языку специальности или предмету?

Так как, во многих странах сельское хозяйство является одним из приоритетных направлений развития экономики, а решение продовольственной проблемы становится глобальной, то написание и издание учебного пособия по направлению *сельское хозяйство и ветеринария* видится архиважным для обучения студентов-иностранцев русскому языку и подготовки будущих специалистов.

Учебное пособие по русскому языку как иностранному содержит 8 уроков, охватывающих агробиологические и агроинженерные направления сельского хозяйства, а также ветеринарию. В уроках представлены тексты по агрономии, защите растений, агроэкологии, плодоовощеводству, механизации и электрификации сельскохозяйственного производства, зооинженерии и ветеринарии. С текстами по специальности слушатели работают и в аудитории под руководством преподавателя, и самостоятельно при выполнении домашнего задания.

Практически, каждый урок представляет тематический раздел, который может быть изучен автономно, без последующего продолжения. Каждый урок/раздел содержит задания для изучения лексико-грамматических трудностей, научные тексты, после которых даются семантико-коммуникативные задания, задания на эквивалентные замены, задания на развитие навыков аналитического и логического мышления, дописывание и составление предложений с последующим выходом в речь в академической и профессиональной сферах. В научном и учебном тексте всегда есть линия, наращивающая смысл, которым можно породить свой текст-высказывание [4, с.10]. В конце пособия можно найти ответы к отдельным заданиям.

Стартовый лексико-грамматический тест по научному стилю речи, промежуточный и итоговые тесты призваны обеспечить проверку академических навыков и умений в рамках общего владения русским языком как иностранным [1, с. 4]. Тесты напрямую зависят от объема и специфики последующего изучаемого материала по специальности [3, с.54].

Для самопроверки даются контрольные матрицы и ключи в конце пособия.

Материалы приложения знакомят с основными этапами и методами исследовательской работы, способами работы над научной, учебной, справочной литературой, составлением библиографии. Приведены общепринятые правила аннотирования, реферирования, рецензирования, языкового оформления тезисов докладов, научных статей, выступлений. Обозначены основы научного этикета и речевого поведения при защите диссертации. В совокупности они направлены на формирование у обучающегося представления о требованиях к диссертационному исследованию и написанию автореферата, как отдельного жанра краткого изложения основных результатов научного исследования.

В качестве примера приведем фрагмент урока *Агрономия*:

Задание 1. А) Прочитайте текст. Вставьте вместо пропусков подходящие по смыслу предлоги, союзы, вводные слова.

ОБРАЗЕЦ

... прорастания семян необходимы вода, тепло и кислород воздуха.

Для прорастания семян необходимы вода, тепло и кислород воздуха. **ТЕКСТ 1**

Рост и развитие зерновых культур

_____ (1) внешним морфологическим изменениям у злаков отмечают следующие фенологические фазы развития: прорастание, всходы, кушение, выход в трубку, колошение (вымётывание), цветение, налив и созревание (молочную спелость, восковую спелость и полную спелость).

Прорастание семян. _____ (2) прорастания семян необходимы вода, тепло и кислород воздуха.

Всходы. Это период----- (3) появления на поверхности почвы стеблевого побега _____ (4) образования 2...3 листьев.

Кушение – это образование стеблевых побегов ----- (5) подземных стеблевых узлов.

Выход в трубку. _____ (6) период кушения в точке роста начинает формироваться стебель растения ----- (7) очень короткими междоузлиями. _____ (8) некоторое время междоузлия удлиняются: сначала первое (нижнее), _____ (9) второе, только ----- (10) третье и т.д. Такое постепенное увеличение стебля в длину называют выходом в трубку.

Колошение. С выходом в трубку хлебные злаки начинают быстро расти. Разрастаясь, стебель выдвигает из влагалища верхнего листа сформированный колос или метёлку.

Цветение. По способу опыления хлебные злаки подразделяют _____ (11) *самоопыляющиеся* (пшеница, ячмень, овёс, просо, рис) *перекрёстноопыляющиеся* (кукуруза, рожь, сорго).

Налив и созревание зерна. Различают: молочную, восковую и полную спелость зерна. ----- (12) момент *молочной спелости* идёт поступление питательных веществ в зерно. ----- (13) *восковой, или жёлтой, спелости* приток органических веществ

к зерну постепенно прекращается, зерно приобретает жёлтую окраску. _____ (14) *полной спелости* листья отмирают и всё растение желтеет. Зерно подсыхает, твердеет, несколько уменьшается _____ (15) размерах.

Б) Прочитайте текст. Вставьте вместо пропусков подходящие по смыслу слова в нужной форме.

ОБРАЗЕЦ

1... воздухом называется смесь газов и летучих органических соединений, заполняющих почвенные поры.

Почвенным воздухом называется смесь газов и летучих органических соединений, заполняющих почвенные поры.

ТЕКСТ 3

Воздушный режим почвы

Воздушная фаза почвы – важная и наиболее динамичная составная часть (1), находящаяся в тесной взаимосвязи с остальными фазами. (2) воздухом называется смесь газов и летучих органических соединений, заполняющих почвенные поры, поэтому (3) воздух является конкурентом почвенного раствора. Количество и состав (4) воздуха оказывают большое влияние на развитие и жизнедеятельность растений и микроорганизмов, растворимость химических соединений и их миграцию в профиле, на интенсивность (5) процессов.

Вместе с тем следует учитывать большие колебания воздуха в зависимости от типа (6) и её обработки, возделываемой культуры, системы удобрений. Когда в почве содержание углекислого газа выше 3–5%, а кислорода ниже 10%, то наступает угнетение растений.

Почвенный воздух необходим для (8) корней растений, почвенных организмов, он участвует в биохимических (9) превращения питательных

(10). Почва – важный (11) углекислоты, потребляемой растениями в процессе фотосинтеза.

Основные изменения в (12) воздуха происходят под (13) микроорганизмов, которые разлагают органическое (14) с выделением H_2CO_3 .

Образец:

Задание 2. Прочитайте текст. Выполните задания.

Классификация факторов, определяющих рост, развитие растений, качество урожая

На рост, развитие растений, урожай и его качество в той или иной степени влияет весь комплекс факторов внешней среды. При этом ни один фактор не может быть заменён другим, по своему физиологическому действию все они имеют равное значение для жизни растения.

Как следствие этого закона, рост, развитие растений, качество урожая ограничиваются фактором, находящимся в минимуме. Иногда это следствие интерпретируют как самостоятельный закон – закон минимума.

Из закона равнозначности и незаменимости факторов вытекает ещё одно очень важное следствие – все физиологические процессы растения будут идти активно. Генотип может реализовать свою потенциальную продуктивность, если параметры каждого фактора среды будут оптимальными. Избыток каждого фактора так же вреден, как и его недостаток.

Например, при избытке воды снижается аэрация почвы и кислород становится ограничивающим фактором. Это следствие закона равнозначности и незаменимости факторов иногда формулируют как самостоятельный закон – закон оптимума.

Нерегулируемые факторы: продолжительность безморозного периода, весенне-летние заморозки, напряжённость инсоляции по месяцам, сумма активных температур,

скорость ветра, относительная влажность воздуха (суховеи), сумма осадков, распределение осадков по месяцам, интенсивность осадков, град, зимняя температура воздуха, толщина

снежного покрова и продолжительность периода, когда земля покрыта снегом.

Частично регулируемые: распределение снега по полю, влажность почвы, влажность воздуха в фитоценозе, водная и ветровая эрозия, гумусированность почвы, реакция почвенного раствора, ёмкость поглощения почвенного комплекса, микробиологическая активность почвы, уровень обеспеченности элементами питания. Частично регулируемые факторы – это те факторы, которые, в принципе, можно регулировать, но их регулирование осуществляют на малой площади из-за большой энергоёмкости или низкой эффективности приёма.

Регулируемые: культура, сорт, засорённость посева, поражение растений болезнями, повреждение вредителями, обеспеченность элементами питания (азотом, фосфором, калием, микроэлементами), рН почвы (известкование, гипсование), аэрация почвы (основная, предпосевная обработка, уход).

Регулируемые факторы – это те, которые человек может регулировать на больших площадях. Главная задача агронома заключается в том, чтобы с помощью регулируемых факторов свести к минимуму негативное влияние нерегулируемых и частично регулируемых факторов на рост, развитие растений, урожай и его качество.

Выберите правильный ответ.

1. На рост, развитие растений, урожай и его качество

- А. параметры каждого фактора среды
- Б. влияет весь комплекс факторов внешней среды
- В. самостоятельный закон – закон минимума

2. Рост, развитие растений, урожай и его качество

- А. ограничиваются фактором, находящимся в минимуме
- Б. при избытке воды
- В. формулируют как самостоятельный закон – закон оптимума

3. Генотип может реализовать свою потенциальную продуктивность, если...

- А. все физиологические процессы в растении будут идти активно
- Б. кислород становится ограничивающим фактором
- В. параметры каждого фактора среды будут оптимальными

4. Следствие закона равнозначности и незаменимости факторов иногда формулируют как

- А. самостоятельный закон – закон оптимума
- Б. летние заморозки
- В. напряжённость инсоляции по месяцам

5. Град, зимняя температура воздуха, толщина снежного покрова и продолжительность периода, когда земля покрыта снегом, – это

- А. скорость ветра
- Б. нерегулируемые факторы
- В. относительная влажность воздуха (суховеи)

6. Ёмкость поглощения почвенного комплекса – это

- А. водная и ветровая эрозия
- Б. уровень обеспеченности элементами питания
- В. частично регулируемый фактор

7. рН почвы (известкование, гипсование) – это

А. поражение растений болезнями

Б. регулируемый фактор

В. обеспеченность элементами питания (азотом, фосфором, калием, микроэлементами)

8. Регулируемые факторы – это те, которые

А. связаны с аэрацией почвы

Б. влияют на засорённость посева

В. человек может регулировать на больших площадях

9. Задача агронома заключается в том

А. с помощью регулируемых факторов

Б. чтобы свести к минимуму негативное влияние нерегулируемых и частично регулируемых факторов

В. развитие растений и качество урожая

Задание 3. Расположите фрагменты в правильной последовательности, чтобы получился цельный и связный текст. Подготовьте пересказ.

Значение лугового кормопроизводства

1. Лекарственное значение луговых растений: многие растения лугов используются в медицине для приготовления лекарств.

2. Выполняют очень важную эстетическую функцию: имея зелёный цвет (радующий глаз человека), они являются обязательным компонентом в садово-парковом искусстве, при создании газонов.

3. Многолетние травы, обладая способностью к большому накоплению органического вещества в почве, выполняют очень важную агротехническую роль: повышают плодородие почвы, являются прекрасным предшественником для многих сельскохозяйственных культур.

4. Луговые растения (многолетние травы) обладают высокой питательностью и являются самым естественным для животных кормом, особенно высокой питательностью отличается пастбищный зелёный корм: по питательности 1 кг сухого вещества пастбищной травы приближается к 1 кг овса.

5. Многолетние травы (луговые растения) – это самая интенсивная сельскохозяйственная культура, что обеспечивается таким биологическим свойством луговых растений, как отавизация, или способность к регенерации, т.е. они отрастают после скашивания или стравливания.

6. Луговое кормопроизводство составляет самый дешёвый корм за счёт долгой продуктивности многолетних растений.

7. Высокая потенциальная урожайность многолетних трав – около 20 т/га при оптимальных условиях, что обеспечивается длительным периодом фотосинтеза (с конца апреля до конца октября).

8. Разнообразие кормов, заготавливаемых с лугов: сено, сенаж, силос, травяная мука, пастбищный зелёный корм.

9. Огромные площади луговых угодий. По данным Международного института по охране и освоению окружающей среды и Института мировых ресурсов, который находится в США, в Нью-Йорке, общая площадь природных кормовых угодий в мире составляет 6,7 млрд

га, или около 52 % от общей территории суши, в том числе 3,2 млрд га сенокосно-пастбищных угодий постоянного пользования, 1,4 млрд га парковых и залесенных пастбищ и 2,1 млрд га земель периодического использования на трудно осваиваемых

землях (в тундре, зоне пустынь и т.д.). В России общая площадь природных лугов составляет около 90 млн га, не считая оленьих пастбищ, которых более 300 млн га.

Задание 4. Напишите, что вы узнали о луговом кормопроизводстве и его значении (не менее 10 фраз).

Задание 5. А) Укажите, какой абзац в основном посвящён:

- а) подготовке почвы;
- б) хорошему качеству семян;
- в) разнокачественности семян и урожайным свойствам семян;
- г) свойствам семян высокой урожайности.

Выращивание высококачественных семян

1. Растения формируют высокую урожайность и хорошее качество семян только в благоприятных условиях выращивания. Поэтому велика роль экологии региона, а также комплексной агротехники и каждого агроприема. Семенные посевы размещают по лучшим предшественникам.

2. Подготовка почвы для семенных посевов должна обеспечить: а) выравнивание поверхности почвы, б) мелкокомковатую ее структуру, в) накопление и сбережение влаги в почве для получения дружных равномерных всходов и последующего нормального развития растений, а также г) уничтожение сорной растительности, очагов распространения болезней и вредителей. Особое внимание уделяют борьбе с трудноотделимыми сорняками.

3. Для зерновых культур на семенных посевах лучшие по посевным качествам и урожайным свойствам семена получают при посеве с нормой высева на 10% большей или равной той, которая установлена в зоне для сорта на товарных посевах.

4. Влияние каждого вида удобрений на качество семян разное. Азотные удобрения увеличивают урожайность, но не способствуют образованию высококачественных семян. Избыток азота, усиливая вегетативный рост и пораженность болезнями и вредителями частей растений, увеличивает разнокачественность и ухудшает качество семян. Фосфорные и калийные удобрения повышают продуктивность, посевные качества и урожайные свойства семян, а также устойчивость растений к неблагоприятным факторам и болезням, ускоряют созревание семян. Наилучшие по посевным качествам семена получают при внесении умеренных доз азотных туков, полной нормы фосфорно-калийных микроудобрений (бор, марганец, цинк, медь и др.).

По материалам:

1. Евтеев Ю. В., Казанцев Г. М. Основы агрономии. : Форум, 2013. URL:

https://mf.bmstu.ru/info/faculty/it/caf/lt1/soil_books/book80.pdf

2. Нещадим Н. Н., Петрик Г. Ф. Информационные технологии в агрономии: методические рекомендации для магистров экономического факультета направления подготовки 38.04.02 «Менеджмент, направленность подготовки «Аграрный менеджмент». Краснодар: КубГАУ, 2019. URL:

<https://kubsau.ru/upload/iblock/2c5/2c5451e11f738d8ce928024c1a567c18.pdf>

При отборе профессионально-ориентированных текстов для составления пособия учитывалась их актуальность и более узкая специализация слушателей. Вместе с тем, следует отметить, что тексты типологичны и имеют общие закономерности: смысловую и коммуникативную целостность, наличие структурной связности и использование определенных средств связи, основные модели построения [5, с. 317]. По смысловым нагрузкам, синтаксическим структурам,

вокабуляру представляют определенную трудность, которую возможно преодолеть при системном подходе в обучении. Лингвистика текстов учитывает не только их форму, но стремится к системному обобщению когнитивных и психолингвистических закономерностей [2, с.93].

Список использованных источников

1. Вихриева И. В. Сельское хозяйство и ветеринария: учебное пособие по русскому языку как иностранному. – Санкт-Петербург: Златоуст. 2022. – 168 с.
2. Гальперин И. Р. Текст как объект лингвистического исследования. – М.: Наука, 1981. – 138с.
3. Пассов Е. И. Основы методики обучения иностранным языкам. – М.: Рус. яз., 1977. – 216 с.
4. Текст: теоретические основания и принципы анализа. – СПб.: Златоуст, 2011. – 462 с.
5. Цику Л. Х., Арутюнов Э. К. Сложное стнтаксическое целое в процессе развития иноязычной речи на основе взаимосвязанного обучения предметам языкового цикла. // Международный журнал экспериментального образования. – 2014. – № 10. – С. 317-320.

УДК 81'33

«ПРОСТОЙ ЯЗЫК» КАК ИНСТРУМЕНТ ЭФФЕКТИВНОЙ ИНТЕРНЕТ-КОММУНИКАЦИИ (НА ПРИМЕРЕ МЕДИЦИНСКИХ ТЕКСТОВ)

И. Д. Волкова,

кандидат филологических наук, доцент кафедры теории и практики перевода и лингвистики, Институт филологии и межкультурной коммуникации, Волгоградский государственный университет, Волгоград

Аннотация. Данная статья посвящена исследованию принципов создания текстов на простом английском (Plain English) в сфере медицинской Интернет-коммуникации. В статье продемонстрирована реализация данных принципов на примере текста инструкции к лекарственному препарату, а также показана важность создания текстов на простом языке в процессе перевода контента сайтов российских медицинских организаций на английский язык.

Ключевые слова: простой язык, медицинский текст, Интернет-коммуникация, Global English, Plain English.

Summary. This article is devoted to the study of the principles of writing texts in Plain English in the field of medical Internet communication. The article demonstrates the implementation of these principles on the example of two English Summary of Product Characteristics and Patient Leaflet. We also show the importance of creating texts in plain language in the process of translating the content of websites of Russian medical organizations into English.

Key words: plain language, medical text, Internet communication, Global

English, Plain English.

На сегодняшний день практика создания глобальных версий сайтов реализуется только зарубежными организациями, в то время как в российских реалиях не наблюдается единых подходов к обеспечению мультилингвальности сайтов, вследствие чего организации, во-первых, теряют значительную долю иностранной целевой аудитории и, во-вторых, не соблюдают принцип языковой инклюзии. Актуальность обозначенной проблемы обусловлена необходимостью повышения качества Интернет-коммуникации между официальными представителями российских организаций и пользователями англоязычных версий соответствующих сайтов. В условиях глобализации многие организации строят информационную онлайн-логистику с учётом привлечения иностранных целевых аудиторий, что определяет важность создания качественного вторичного контента сайтов, в частности, на английском языке.

Создание англоязычных версий сайта должно соответствовать тенденции развития английского языка в рамках письменной институциональной Интернет-коммуникации [4; 5; 8], о чём свидетельствует международная кампания по разработке простого английского Plain English Campaign [3], согласно которой каждый должен иметь доступ к четкой и понятной информации.

Концепт «простой язык» (от англ. Plain language) является далеко не новым. С 1979 года британская организация «Plain English Campaign» обеспечивает эффективную коммуникацию между государственными и коммерческими организациями, с одной стороны, и массовым адресатом, с другой стороны, путём создания финансовой, юридической, медицинской и других видов деловой документации на простом английском. В 1970-х в США также начали активно развивать данную концепцию, и в 2010 г. был принят закон под названием «Plain Writing Act» с последующей публикацией руководства по созданию текстов на простом английском «Federal Plain Language Guidelines».

В основе концепции простого языка лежит стремление обеспечить потенциальным адресатам доступ к понятной и краткой информации, с учётом того, что они имеют разные уровни образования, возрастные характеристики и объём фоновых знаний.

На сегодняшний день понятию «простой язык» уделяется всё большее внимание и в российских исследованиях. В ноябре 2021 был проведен первый всероссийский семинар на тему: «Научные исследования в сфере перевода на ясный и простой русский язык». Ведущий эксперт проекта «Перевод на ясный и простой русский язык в России» Наталья Викторовна Нечаева акцентирует проблему отсутствия конкретных практических рекомендаций по созданию текстов на простом русском и субъективного подхода специалистов к решению данной задачи.

В качестве примера реализации принципов простого английского обратимся на сайт электронного реестра лекарственных препаратов

Великобритании (Electronic Medicines Compendium) [6], в котором представлены медицинские инструкции в двух англоязычных версиях – на английском (для специалистов) и на простом английском (для пациентов). Лексико-грамматические, синтаксические и композиционные особенности текстов разных версий сильно отличаются, о чём свидетельствуют представленные в Таблице 1 фрагменты текстов.

Таблица 1. Примеры реализации принципов простого английского на материале текстов инструкции к лекарственному препарату «Карнитор».

Summary of Product Characteristics (English) [9]	Patient Leaflet (Plain English) [7]
Pharmaceutical form A clear, colourless or light straw - coloured solution	What Carnitor injection looks like Carnitor injection is a clear, colourless or light straw-coloured liquid.
Special precautions for storage Store below 25°C. Store in the original carton in order to protect from light.	How to store Carnitor injection Do not use Carnitor injection after the expiry date stated on the sealed glass ampoule. <u>The expiry date refers to the last day of that month.</u> Store below 25°C and protect from light. <u>Medicines should not be disposed of via wastewater or in household waste. Return any medicine you no longer need to the pharmacist.</u>
Pregnancy and lactation Reproductive studies were performed in rats and rabbits. There was no evidence of a teratogenic effect in either species. Taking into account the serious consequences to a pregnant woman who has primary systemic carnitine deficiency stopping treatment, the risk to the mother of discontinuing treatment seems greater than the theoretical risk to the foetus if treatment is continued.	Pregnancy and breast-feeding Tell your doctor if you are pregnant, think you may be pregnant or if you become pregnant while having Carnitor injection. <u>Your doctor will decide whether or not you should continue to have your medicine.</u> If you wish to breastfeed, ask your doctor for advice.
Effects on ability to drive and use machines None known.	Driving and using machines You can drive or use machines whilst taking Carnitor injection.

Как видно из приведенных выше фрагментов, текст на простом английском в большей степени реализует апеллятивную функцию и написан более понятным языком. В частности, наблюдается употребление местоимений «you», «your» (*you can drive; tell your doctor; if you wish*), замена терминов более общеупотребительными понятиями (*lactation* → *breast-feeding*; *Pharmaceutical form* → *What Carnitor injection looks like; solution* → *liquid*; *precautions for storage* → *How to store* и др.). Кроме того, текст на простом английском включает в себя дополнительную информацию, которая известна специалистам, но требует пояснения для пациентов. К данной категории относятся подчеркнутые высказывания в Таблице 1.

Хотелось бы ещё раз подчеркнуть, что проблема создания простых текстов актуальна не только для внутриязыкового, но и для межъязыкового перевода, в частности для процесса создания англоязычных интернационализированных версий сайтов.

Контент-анализ англоязычных версий сайтов российских образовательных и медицинских организаций позволяет выявить ряд проблем, таких как нарушение норм языка перевода, включение в англоязычные тексты нерелевантной для иностранных адресатов информации, а также повышенный уровень сложности текста (сложные синтаксические конструкции, неадаптированные реалии, неудобная для восприятия композиция текста в целом).

Приведём несколько примеров с сайта московской частной Клиники академика Ройтберга. В Таблице 2 представлены фрагменты оригинального русскоязычного и вторичного англоязычного текстов с данного сайта. Отметим, что версия на английском – единственная иноязычная на данном сайте, и, следовательно, может считаться нацеленной на глобального адресата.

Таблица 2. Фрагменты оригинального русскоязычного и переводного англоязычного медицинских текстов, размещенных на сайте Клиники академика Ройтберга.

1	Все, что вам нужно, чтобы стать клиентом клиники «Медицина» – это записаться на прием к врачу и получить все необходимые услуги, заключив договор публичной оферты	Arrange a visit to a physician and receive all required services <u>having concluded</u> a contract of public offer
2	Не обязательно, что вы больны, – обратиться к врачу можно за консультацией	<u>You should not be ill</u> to consult a physician
3	Заботиться о здоровье можно по-разному: время от времени, когда чувствуешь недомогание или систематически	<u>You</u> can take care of your health in different ways: from time to time when <u>one</u> feels unwell or systematically
4	В комплексе с процедурами для лечения патологий часто применяют лечебную физкультуру [1].	In conjunction with procedures for the treatment of pathologies <u>are often used physiotherapy massage</u> [2].

Использование в переводной версии деепричастия «having concluded», оборота «You should not be ill», местоимений «you» и «one» в одном контексте, а также синтаксическое уподобление исходного высказывания в примере 4 противоречит принципам простого английского и в целом языковым нормам.

Таким образом, глобализация как вектор развития Интернет-дискурса обуславливает необходимость разработки методики перевода текстов, обеспечивающих институциональную коммуникацию в значимых сферах жизни человека, на простой английский с учётом существующих разработок в данной отрасли. Поскольку на сайтах российских организаций создается в основном одна иноязычная версия на английском языке, который всемирно

признан интернациональным, важно подчеркнуть использование данного языка в международном масштабе, как Global English, путем создания упрощенных текстов, лёгких для прочтения носителями языка и удобопереводимых программами машинного перевода.

Список использованных источников

1. Клиника академика Ройтберга [Электронный ресурс]. URL: <https://www.medicina.ru/patsientam/kak-stat-nashim-klientom/> (дата обращения: 25.01.2023).
2. Academician Roytberg's Clinic [Electronic Resource]. URL: <https://en.medicina.ru/for-patients/how-to-become-our-client/> (дата обращения: 25.01.2023).
3. A Plain English Handbook. How to Create Clear SEC Disclosure Documents [Electronic Resource]. URL: <http://www.sec.gov/pdf/handbook.pdf> (дата обращения: 15.01.2023).
4. Cadieux P., Esselink B. GILT: Globalization, Internationalization, Localization, Translation [Electronic Resource] // Globalization Insider. 2004. Vol. XI. Iss. 1.5. P. 1–5. URL: <http://www.translationdirectory.com/article127.htm> (дата обращения: 20.12.2022).
5. Crystal D. English as a Global Language. 2nd ed. N. Y.: Cambridge University Press, 2003. 212 p.
6. Electronic Medicines Compendium [Electronic Resource]. URL: <https://www.medicines.org.uk/>. (дата обращения: 20.01.2023).
7. Patient Leaflet [Electronic Resource]. URL: <https://www.medicines.org.uk/emc/product/6471/pil>. (дата обращения: 20.01.2023).
8. Seidlhofer B. A Concept of International English and Related Issues: from 'Real English' to 'Realistic English'? Strasbourg: Council of Europe, 2003. 28 p.
9. Summary of Product Characteristics [Electronic Resource]. URL: <https://www.medicines.org.uk/emc/product/6471/smpc>. (дата обращения: 20.01.2023).

УДК 81'255.2

**ЛИРИКА КЭРОЛ ЭНН ДАФФИ:
СТРАТЕГИИ ИНТЕРПРЕТАЦИИ И ПЕРЕВОДА****Л. Н. Глухенькая,***кандидат филологических наук, преподаватель кафедры филологии,
Крымский республиканский институт постдипломного педагогического
образования, Симферополь*

Аннотация. В статье анализируются стратегии интерпретации и перевода современной британской лирики на примере стихотворения поэтессы Кэрол Энн Даффи «Эвридика» – образце стилизованного переложения мифического сюжета через призму ценностей новой эпохи. Определено, что в выбранном для анализа стихотворении трудность при переводе представляет, с одной стороны, передача мелодической основы художественного текста, а с другой стороны, его адекватное образно-стилистическое воспроизведение.

Ключевые слова: современная британская поэзия, постмодернизм, свободный стих, К. Э. Даффи, Эвридика, художественный перевод.

Summary. The article discusses strategies for interpreting of the contemporary British poetry and its translation. In Eurydice, a poem by Carol Ann Duffy, we are to see an example of the mythical plot, reinterpreted through the values of the new postmodern era. In the poem under consideration, translation difficulties are determined as due to both melody & rhythm preservation and adequate stylistic reproduction in the target language.

Keywords: British poetry, postmodernism, free verse, C. A. Duffy, Eurydice, literary translation.

Британский стих, освободившись от «оков» аллитерированной тоники и рифмованной силлабо-тоники, в современную эпоху избрал свободный путь развития. Верлибр – выбор «новых»¹ авторов. Но если раньше свободное стихосложение воспринималось как контрастное по отношению к традиционным размерам и формам, то теперь, став массовым, именно верлибр, по словам М. Л. Гаспарова, становится первоосновой для дальнейшего перспективного развития современной поэзии, предполагающей новую более строгую организацию текста [4, с. 229]. При этом силлабическая лирика Марианны Мур, Дилана Томаса и Уистена Хью Одена воспринимается как нетрадиционная, что сближает ее с верлибром как средством дезорганизации традиционного силлабо-тонического стиха.

Однако широкого распространения силлабический стих у британцев не получил, так как он в своей строгости и традиционности

¹ Термином «современная поэзия» в широком смысле принято обозначать поэзию в исторической перспективе XX – начала XXI веков. Более узким представляется термин «новая поэзия», охватившие творчество поэтов Англии, Уэльса, Шотландии и Северной Ирландии, начиная с 1970-х годов. «Новыми» авторами в Заметках о современной британской поэзии М. Фаликман называет представителей современной философской лирики, поэтов социально-политического направления, а также представительниц «женского письма» [6].

противопоставлен интернациональному верлибру, в котором как нельзя лучше конституируется интегративность и мультикультурализм современной культуры, нацеленной на переосмысление художественных смыслов, а также постмодернистские принципы нигилизма и релятивизма, в том числе нашедшие отражение в приверженности авторов к свободному стиху и ненормативному синтаксису.

Британскую поэзию, ощутившую влияние идей постмодернизма, отличает, помимо прочего, философичность, панисторичность, тенденция к реинтерпретации сюжетов античных литератур, Священного писания и всемирной истории, а также нередко прозаическая форма. К концу столетия оформились и некоторые другие характерные черты британской поэзии постмодернизма: разнообразие поэтических «форм» и фокус на феномене «женского письма» и «женской поэзии», развивающейся по большей мере в русле феминизма.

К поэтам, в творчестве которых зарубежная литературная критика находит постмодернистские традиции, относят именно «новых поэтов» Ф. Эдкок, К. Руменс, Д. Паттерсона, Дж. Х. Прюнна, Э. Освальд, Б. Шонесси, К. Миллер, Д. Энрайт, Ф. Сэмсон, Дж. Лимберг, Дж. Кэй, У. Херберт, Э. Стивенсон, Д. Константайн, К. Э. Даффи и др.

В фокус внимания настоящего исследования помещено творчество Кэрол Энн Даффи, лирика которой станет предметом изучения в данной работе. В качестве материала исследования было подобрано стихотворение «Эвридика» – переложение на древнегреческую тематику, как нельзя лучше отражающее постмодернистскую стилизацию в форме свободного стиха, а также его авторский перевод. Определение стратегий интерпретации и перевода поэзии на примере указанного стихотворения станет **целью** предлагаемой статьи.

Кэрол Энн Даффи – отмеченная множеством наград британская поэтесса и драматург шотландского происхождения, Поэт-лауреат в 2009–2019 годах, громко заявившая о себе в конце 80-х годов XX века и ставшая одним из наиболее значимых женских голосов в современной Великобритании, наряду с Венди Коуп, Флер Эдкок, Кэрол Руменс и др.

Первым сборником, «зрелым» по усмотрению самой поэтессы, становится собрание «Стоя обнаженной». Общественное признание к К. Э. Даффи приходит в 1999 году с выходом в свет «женского» альманаха «Вечная жена». В дальнейшем в лирике автора («женское письмо», общественная лирика и детская поэзия) отмечается господство идей феминизма и постмодернистского релятивизма.

Известные и популярные сборники поэтессы включают следующие работы: «Продажа Манхэттена», «Другая страна», «Тем временем», «Здравствуй, полночь», «Самая старая девочка в мире», «Евангелие от Женщины», «Отменное руководство по рок-н-роллу для детей», «Восторг», «Шляпа», «Пчелы», «Искренность» и др.

При этом, в творчестве К. Э. Даффи основным критерием

представляется не изменение формы или излюбленный авторами-постмодернистами мультиформализм, а многообразие стилизованных либо реинтерпретированных известных сюжетов сквозь призму женского мировоззрения и мироощущения, природа которого все больше и больше привлекает к себе внимание современников. При этом, уровень концентрации сюжетов в художественном тексте порой настолько высок, что это позволяет исследователям называть стихотворения Даффи «спрессованными новеллами» [6].

Что происходит с поэтическим текстом «новой формации» в переводе? С одной стороны, чувство ритма – главное свойство, которым должен обладать переводчик поэзии. По крайней мере, так утверждают сторонники вокального перевода. Несомненно, что в переводе лирика должна сохранить свою мелодию и певучесть. Недостатком такой стратегии становится то, что зачастую размер, рифмовка и ритм исходного текста заставляют переводчика ради их сохранения пойти на искажение смысла оригинала.

С другой стороны, художественный перевод не может стать механическим слепком с подлинника, а буквализм в поэзии отнюдь не плодотворен. Автор-творец встречается с переводчиком-творцом на страницах художественных переложений. Оригинальное произведение может и должно вызвать у переводчика желание творить, а творчество, как известно, всегда допускает вольность. Отсюда и нарушение мелодической картины текста в угоду сохранения смысла и образности, важность которой заключается в прагматическом эффекте текста оригинала. Достижение переводческой эквивалентности с целью передачи смысла порой также пропорциональна ритмико-мелодическим и/или языковым потерям в ходе определенных межъязыковых трансформаций, которые способствуют в первую очередь компенсации элементов образности. Именно передача стилистических средств выразительности составляет еще одну сложность перевода художественных текстов. Неминуемы и потери. Например, игра звуков может выпускаться из текста перевода, чтобы фокус читательского внимания сместился на художественные приемы, присутствующие в контексте.

Рассмотрим стихотворение К. Э. Даффи «Эвридика» из сборника «Вечная жена» и его перевод с целью оценить, насколько адекватным представляется переложение англоязычного свободного стиха и какие стратегии актуальны в работе переводчика с современной лирикой.

В первую очередь, следует отметить то, в какой контекст вписано данное стихотворение. Поэтический бестселлер «Вечная жена» предлагает знакомство с женским взглядом на известные события и поступки, традиционно складываемые в историю человечества и нашедшие отражение в мировой сокровищнице устного народного творчества и литературы [3, с. 64], раскрывает проблему взаимосвязи женского тела и духа, чувственного и рационального. Для сборника характерны: разнообразие

поэтической формы и превалирование свободного стиха, отказ от иерархической структуры в тексте, внутренняя рифмовка, акцент на игре слов и графических средствах выразительности, повествовательный тон. Весомой является эпическая составляющая в стихотворениях *Little Red-Cap*, *front Mrs Tiresias*, *Mrs Quasimodo*, *The Devil's Wife*, *Eurydice*, *Mrs Beast*.

Большая стихотворная повествовательная форма и обращение к большой аудитории позволяет рассматривать произведение «Эвридика» как поэму.

Эвридика у Даффи – откровенный рассказчик. Автор акцентирует внимание на том, что неотъемлемой частью женской личности является ее эмоциональность, проявляющаяся в том числе через активное проживание событий и состояний. Женщина чувствует необходимость высказать свое мнение, открыть свои чувства миру. Читатель, которому адресовано стихотворение, соответственно, чувствует свою причастность. Его вовлечение происходит уже с первых строк: лирическая героиня обращается к читательницам неформально, так словно бы у них разговор по душам.

Использование поэтессой сленга, комбинирование лексики разных стилей, обращение к внутренней рифме и случайному рифмованному двустижью не только раскрывают эмоциональное состояние ее героини, но и подчеркивают остроумие.

Приведем отрывки из лирического произведения и их переводы, выполненные автором данной статьи в рамках диссертационного исследования «Постмодернизм поэзии Кэрол Энн Даффи».

Girls, I was dead and down
in the Underworld, a shade,
a shadow of my former self, nowhen.
It was a place where language stopped,
a black full stop, a black hole
Where the words had to come to an end.
And end they did there,
last words,
famous or not.
It suited me down to the ground
[2, с. 59].

Послушайте, девчонки, чьи песни еще
звонки,
познала я мытарства в одном подземном
царстве.
Теперь я тень слепая, поникшая, пустая.
Слова иссякли враз, вот и весь рассказ.
Тьма. Смерть. Черная точка. Черная дыра
поглотила все до одного слова.
Отзвук слабый пролетел и стигнул
последних слов,
чей глас был нов
иль нет. Меня устраивал предмет.²

«Вечная жена» Эвридика испытывает исключительно положительные эмоции, когда говорит о своей смерти. Женщина счастлива, что умерла и наконец покинула объятия Орфея. Что заставляет ее так воспринимать существование в Аиде и сопротивляться возвращению в мир живых? Дело в том, что Даффи представляет свою героиню в качестве «трофейной жены». Эвридика избрана в супруги легендарному лиристу в качестве награды за талант. Однако для женщины мучительна сама идея посвятить будущее мужчине, который жаждет доминировать. Более того, Эвридика ставит под сомнение способности известного мифического героя. Ее

² Здесь и далее перевод мой – Л.Г.

описания мужа искрят насмешками и иронией.

Him.

Big O.

Larger than life.

With his lyre [2, с. 59].

Он.

Великий O.

Жизни важней.

Лиры сенсей.

Стихотворений фокус, а я как бонус.

По мере того, как Эвридика рассказывает о спуске Орфея в подземный мир (согласно легенде, поэт пришел туда, чтобы вызволить жену), мы начинаем узнавать больше о сложных взаимоотношениях супругов и о несчастливой судьбе женщины, которую не радует участь музы художника.

Like it or not,

I must follow him back to our life –

Eurydice, Orpheus' wife –

to be trapped in his images, metaphors,
similies,

octaves, sextets, quatrains and couplets,

elegies, limericks, villanelles,

histories, myths ... [2, с. 59].

Нравится, не нравится,

за ним пойдешь, красавица,

Эвридика, жена Орфея. Не избавиться

тебе от сравнений, метафор,

секстетов, куплетов, эпифор, анафор,

инфинитивов, императивов,

элегий, лимериков, историй, мифов ...

В заключительном трехстишии Эвридика нарекает себя талантливой. Тем самым автор поднимает вопрос личностного роста женщины, которая желает быть самостоятельной и независимой, писать и рассказывать свою собственную историю.

The dead are so talented.

The living walk by the edge of a vast lake
near, the wise, drowned silence of the dead.

[2, с. 59].

Не отнять у покойника ни таланта, ни ума.

Прогулялись мы у озера, будто я была
жива,

но опять меня укрыла подземелья тишина.

Таким образом, Эвридика лелеет собственные литературные амбиции рядом с мужем-поэтом, преграждающим ей путь к творческому развитию. Даффи тем самым делает попытку утвердить мнение об относительности восприятия, указав на принципиальное различие мужской и женской точек зрения, в том числе если речь идет об исторической ценности общечеловеческих метасюжетов.

Рассмотрим переводные отрывки из стихотворения. В переложении на русский пребывание героини в подземном мире связано у нее с негативными переживаниями («мытарства», «тьнь слепая, поникшая, пустая»). В исходном тексте подобного негатива мы не обнаруживаем, а Эвридика даже признается: *It suited me down to the ground* (это подходило мне во всех отношениях). При использовании переводческого приема опущения игра звуков была выпущена из текста перевода, а фокус читательского внимания сместился на другие стилистические приемы, присутствующие в контексте. В данном случае акцент был смещен на передачу иронии, как смыслообразующей техники всего поэтического сборника и главной характеристики плеяды его героинь.

Не удалось в переводе передать и аллитерацию, которую талантливо использует К. Э. Даффи для передачи перехода Эвридики из мира живых в царство мертвых. В первой строке повторяется звук [d], повтор

подхватывается во второй строке, и здесь же возникает звук [ʃ], который мы слышим и в начале третьей строки, и он, утончаясь, переходит в [s] в ее конце. Доминирует же в третьей строке звук [f]. Эта смена звуков должна передать утрату телесности и переход в состояние тени. Наполненный жизнью и энергией взрывной [d] сменяется словно дуновением ветра, шелестящим [ʃ] и затихающим [s], а затем невятным [f]. И вся эта звуковая игра выводит к неологизму “nowhen”, подразумевающим отсутствие времени в Аиде. Аид в переводе с древнегреческого означает «невидимый». Можно сделать вывод, что Эвридика находится в мире, где нет ни времени, ни пространства в обычном представлении.

Проведенный анализ демонстрирует то, что в современной англоязычной поэзии, ощутившей на себе постмодернистское влияние, наибольшую сложность для переводчика представляет именно сохранение ассонансной внутренней рифмы и мелодики свободного стиха, характерной в том числе для лирики К. Э. Даффи. Перевод стихотворения «Эвридика», в свою очередь, иллюстрирует склонность считать адекватное образно-стилистическое воспроизведение первоочередным в процессе работы над текстом. Звуковой образ художественного произведения и нестрогую чередующуюся рифмовку, в свою очередь, не всегда представляется возможным сохранить, поскольку интерпретация современного поэтического текста, в котором находят отражение как методология, так и техника направления постмодернизма, зачастую предполагает возобладание стиля над формой. А потому именно верлибр как свободная модель построения поэтического текста дает возможность переводчику как отдельной творческой единице выбирать, предпочесть сохранение звукового образа или стилистической окраски стихотворения.

Список использованных источников

1. Anthology of Twentieth-Century British and Irish Poetry / ed. by K. Tuma. – Oxford University Press, 2001. – 976 p.
2. Duffy C. A. The World's Wife / C.A. Duffy. – London: Picador, 2010. – 96 p.
3. Ганин В. Н. Жизнь, смерть и ненависть мисс Хэвишем (Ч. Диккенс «Большие надежды» и К. Э. Даффи «Хэвишем») / В. Н. Ганин // Филологическая регионалистика. – 2012. – № 1 (7). – С. 64–66.
4. Гаспаров М. Л. Очерк истории европейского стиха / М. Л. Гаспаров. – М.: Фортуна Лимитед, 2003. – 272 с.
5. Глухенькая Л. Н. "Вечная жена" К. Э. Даффи: оригинал и перевод / Л. Н. Глухенькая, Е. К. Беспалова // Переводческий дискурс: междисциплинарный подход: материалы III международной научно-практической конференции, Симферополь, 25–27 апреля 2019 г. – С. 77-82.
6. Голицына Н. Кэрол Энн Даффи, поэт и лауреат [Электронный ресурс] // Радио Свобода – 10 мая 2009. – Режим доступа: <https://www.svoboda.org/a/1625034.html> (дата обращения: 31.01.2023).
7. Лукинова М. Ю. Игра перевода языковой игры (на материале

детской поэзии К. Э. Даффи) / М. Ю. Лукинова, Л. Н. Глухенькая // Переводческий дискурс: междисциплинарный подход: Материалы II международной научно-практической конференции, Симферополь, 26–28 апреля 2018 г. – С. 337-342.

8. Фаликман М. «Придумал мысль – придумай ей наряд...». Заметки о современной британской поэзии [Электронный ресурс] // Textonly. – № 28. – Режим доступа: <http://textonly.ru/case/?issue=28&article=28991> (дата обращения: 31.01.2023).

УДК 811.11

ФРЕЙМ «ТЕЛОДВИЖЕНИЕ» В РУСЛЕ ПЕРЕВОДОВЕДЕНИЯ

В. Е. Горшкова,

доктор филологических наук, профессор кафедры перевода и переводоведения, Институт филологии, иностранных языков и медиакоммуникации, Иркутский государственный университет, Иркутск

О. В. Морева,

обучающийся магистратуры, кафедра перевода и переводоведения, Институт филологии, иностранных языков и медиакоммуникации, Иркутский государственный университет, Иркутск

Аннотация. Данная статья посвящена вопросу применения теории фреймов для рассмотрения переводческих решений на материале романа А. Кристи «Убийство в «Восточном экспрессе». Подчеркивается важность применения теории фреймов в переводоведении в рамках лингвокультурологического подхода.

Ключевые слова: фрейм, телодвижение, переводоведение, лингвокультурологический подход, языковая картина мира.

Summary. This article is devoted to the issue of applying the frame approach to the consideration of translation decisions on the material of A. Christie's novel "Murder on the Orient Express". The centered around the importance of applying the theory of frames in translation studies within the framework of the linguoculturological approach.

Key words: frame, bodily movement, translation studies, linguoculturological approach, linguistic world-image.

Рассмотрение понятия «фрейм» представляет собой активно развивающееся направление современной лингвистики. Данное понятие зародилось в когнитологии и пришло в лингвистику относительно недавно, где термин «фрейм» впервые начал упоминаться в 1970-х годах XX в. в работах Г. Бейтсона и Ч. Филлмора.

В когнитологии понятие «фрейм» для описания структурирования информации в памяти и сознании используется в работах М. Минского [5], его примеру последовали исследователи многих других отраслей наук, в том числе и в лингвистике, а точнее – в когнитивной лингвистике. С точки зрения изучения работы мозга человека, процессов, протекающих незаметно для большинства, фрейм представляется как сеть, состоящая из

переплетающихся узлов. В то время как на верхних уровнях такой сети расположены четко очерченные понятия, характерные для определенной ситуации, на нижних остаются так называемые «вершины-терминалы» – пустые ячейки, которые могут быть заполнены конкретным содержанием, переменным по своей сути [Там же].

Рассматривая соотношение лингвистики и мышления человека, Ч. Филлмор предполагает, что различные фреймы могут создаваться с помощью единиц языка, т.е. служить для организации нашего опыта и являться важным инструментом познания [7].

В отечественной лингвистике различные взгляды на данное понятие также представлены в русле лингвокультурологического подхода к переводу. Так, М. В. Селезнева отмечает, что, помимо лингвистического и психолингвистического, одним из самых важных теоретических подходов к теории перевода через понятие «фрейм» выступает именно лингвокультурологический [6]. Опираясь на понятие «языковой картины мира», исследователь утверждает, что «переводчик, накапливая знания о чужой культуре, обычно фиксирует их в сознании именно в виде фреймов» [Там же].

В теории В. И. Хайруллина фрейм рассматривается с точки зрения единицы языка и культуры, которая охватывает какие-либо представления в сознании человека, отраженные с помощью языка. Терминал фрейма может быть активирован путем указания на таковой, т.е. упоминания ассоциированного с ним признака. Фрейм вмещает в себя информацию с помощью высказывания, причем, на разных языках такое наполнение может отличаться, следовательно, будет отличаться и тип фрейма. Поскольку язык отражает специфику культуры, в которой он используется, автор отстаивает точку зрения, согласно которой в любом языке «при структурировании знания об объекте, пространстве, времени, действии» находят свое отражение какие-либо единицы культуры [8, с. 15].

Развивая теорию фреймов в русле лингвокультурологии, В. И. Хайруллин говорит о ее важности для переводоведения, мотивируя это тем, что разные языки отражают разные единицы культуры и, следовательно, активацию фреймов, которые могут не совпадать – в разных культурах создавать у реципиента отличное от оригинала представление.

В концепции В. И. Хайруллина, лингвокогнитивные аспекты перевода высказываний могут рассматриваться с точки зрения представления человека о четырех основных понятиях: материальный объект, пространство, время и действие. Каждое из этих понятий предполагает активацию какого-либо присущего ему типа фрейма, что не исключает переплетение сфер их активации. При сопоставлении английского и русского языков В. И. Хайруллин, выделяет следующие типы фреймов: акционально-волевой, акционально-пространственный, акциональный темпорально-реляционный, акционально-партитивный, акционально-результативный, акционально-интегративный, акционально-

анимистический [Там же].

На наш взгляд, особый интерес представляют фреймы, связанные с действием, учитывая их недостаточную изученность в лингвистике, а также тесную связь с телодвижениями, т.е. с одним из важнейших способов взаимодействия человека с окружающим миром и его реакции [1; 2]. Многообразная природа действия позволяет нам менять мир вокруг нас, преобразовывать его, что находит отражение в языке, главным образом, в семантике глаголов.

Для рассмотрения фрейма «телодвижение» в терминах данной теории, рассмотрим примеры из произведения Агаты Кристи «Убийство в “Восточном экспрессе”» [9] в переводе на русский язык Л. Г. Беспаловой [4].

(1) «A cold wind came whistling down the platform. Both men *shivered*» [9]. – Свирепый порыв ветра заставил мужчин *поежиться* [4].

Констатируем совпадение в оригинале и в переводе акционально-анимистического фрейма действия неодушевленного объекта над одушевленным, отражающего результат данного взаимодействия: действие, произведенное субъектами (поежиться), выступает как ответная реакция на природное явление (ветер).

(2) Now, weary of lying wakeful in the hot stuffiness of her overheated compartment, she *got up* and *peered out* [9]. – И теперь, устав лежать без сна в душном, жарко натопленном купе, она *поднялась* и *выглянула* в окно [4].

В то время, как значение глагола «get up» на русский язык передано эквивалентно оригиналу, для передачи глагола действия «peer out» – «выглянуть» потребовалась его конкретизация – «в окно». Сема, заложенная в «peer out», не всегда подразумевает окно – это может быть и щель, кабина или вагон.

Подобные аспекты играют важную роль для переводчика, от которого требуется полное понимание контекста, в том числе, окружения героя произведения, для передачи смысла оригинала адекватно описываемой ситуации, особенно, когда это касается взаимодействий персонажа с окружающим его пространством и миром в целом. Сравните:

(3) Above their heads the blinds of one of the sleeping-car compartments *was pushed aside* and a young woman looked out [9]. – В одном из купе *поднялась* шторка, и в окно *выглянула* молодая женщина [4].

В данном примере мы видим, что телодвижение героини, открывшей шторку в окне вагона путем отодвигания ее в сторону, заменено в переводе на движение, подразумевающее поднятие шторки. Другими словами, горизонтальное движение в пространстве заменено на вертикальное, что, в принципе, не нарушает повествование.

(4) Conscious of an inadequate night's sleep, and of a delicate mission successfully accomplished, M. Poirot *curled up in a corner* and fell asleep [9]. – Довольный тем, что успешно справился с щекотливой миссией, Пуаро *забился в угол, свернулся клубочком* и заснул с сознанием, что ему вряд ли

придется выспаться [4].

В переводе на русский язык фрагмент «curl up in a corner» разделен на два отдельных действия, где «забиться в угол» подчеркивает дискомфорт главного героя. Соответственно, хотя, согласно В. Н. Комиссарову, «отклонения от максимально возможной смысловой точности с целью обеспечить художественность перевода» [3] вполне допустимы, мы считаем, что в переводе также важно максимально адекватно воспроизвести реакцию персонажа при его взаимодействии с окружающим миром, находящую отражение в телодвижениях в соответствии с описываемой ситуацией.

Как видим, применение сопоставительно-переводческого метода демонстрирует валидность теории фреймов в рамках культурологического подхода к переводу в отношении фрейма действия «телодвижение», что представляет несомненный научный интерес для переводоведения.

Список использованных источников

1. Горшкова В. Е. Кинесиологический подход к интерпретации жестов в письменном тексте // Вестник НГУ, Серия Лингвистика и межкультурная коммуникация. – 2022. – № 4. – С. 124–131.
2. Горшкова В. Е. Бесконечность интерпретаций оязыковленных телодвижений (французский/русский языки) // Динамика vs статика в познании реальности языка: подходы, феномены, способы репрезентации: монография / под общ. ред. Е. Ф. Серебrenниковой. – Иркутск: Издательство ИГУ, 2021. – С. 131-149.
3. Комиссаров В. Н. Теория перевода (Лингвистические аспекты). – М.: Высшая школа, 1990. – 250 с.
4. Кристи А. Убийство в «Восточном экспрессе» / перевод с англ. Л. Г. Беспаловой [Электронный ресурс]. – М.: Эксмо. – 2011. – URL: <https://knijky.ru/books/ubiystvo-v-vostochnom-ekspresse> (дата обращения 27.01.2023).
5. Минский М. Фреймы для представления знания. – М.: Наука. – 1992. – 166 с.
6. Селезнева М. В. Фреймовый подход в лингвокультурологической теории перевода [Электронный ресурс]: Мат. II Межд. науч.-практ. конф. – Омск: Омский автобронетанковый инженерный институт. – 2016. – URL: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=28424369> (дата обращения 27.01.2023).
7. Филлмор Ч. Фреймы и семантика понимания // Новое в зарубежной лингвистике: когнитивные аспекты языка. – М.: Прогресс, 1988. – С. 52–92.
8. Хайруллин В. И. Перевод и фреймы. – М.: Либроком, 2010. – 144 с.
9. Christie A. Murder on the Orient Express [Electronic Resource]. – Collins Crime Club. 1934. – Mode of access: URL: https://www.webnovel.com/book/murder-on-the-orient-express_15351317906101505. (дата обращения 27.01.2023).

УДК 130.2:314.743

ПЕТЕРБУРГСКАЯ ШКОЛА ПЕРЕВОДА В ИМЕНАХ И ТЕКСТАХ**О. Р. Демидова,***доктор философских наук, профессор, профессор кафедры философии
ЛГУ имени А.С. Пушкина, Санкт-Петербург*

Аннотация. В статье в процедурах историко-культурного анализа рассматривается серия «Корифеи художественного перевода: петербургская школа», выходящая с 2011 года в издательстве «Петрополис» (Санкт-Петербург). Предметом анализа являются цели и основополагающие для серии в целом принципы, в соответствии с которыми отбирался материал и формировались тома, а также место школы в отечественной традиции художественного перевода.

Ключевые слова: перевод, школа, петербургская школа перевода, переводчик, переводческие принципы, иноязычный текст, традиция, преемственность, наследие.

Summary. The article is aimed at presenting a historical and cultural analysis of the series “Literary Translation Masters: St Petersburg School” published by St Petersburg “Petropolis” publishing house since 2011. The analysis concentrates on goals and basic principles of the series which conditioned the choice of its content and the structure of volumes as well as the place of the said school in the Russian tradition of translation.

Key words: translation, school, St Petersburg school of translation, a translator, translation principles, a foreign text, tradition, continuity, heritage.

Серия «Корифеи художественного перевода: Петербургская школа» была задумана на рубеже 1990-х – 2000 гг. как дань памяти выдающихся петербургских / ленинградских переводчиков последней трети XIX – XX вв., однако со временем ее хронология несколько расширилась, охватив и первые два десятилетия века нынешнего³. Основатели серии ставили перед собой достаточно масштабную цель, предполагая, что она, во-первых, позволит реконструировать значимый в историко-культурном и эстетическом отношении период истории отечественного художественного перевода, представленной ее петербургской составляющей; во-вторых, представит лучшие образцы переводов множества иноязычных авторов, выполненных более чем за столетие; в-третьих, позволит концептуализировать и систематизировать основополагающие творческие принципы рассматриваемой школы; наконец, в-четвертых, представит современному российскому читателю и любителю литературы уникальный корпус иноязычных поэтических и прозаических текстов в переводах, давно обретших статус классических.

Первостепенную научную и концептуальную важность имело осмысление и определение самого феномена «школа перевода», от которых

³ Так, в 2022 г. вышел в свет том переводов М.Д. Яснова, ушедшего из жизни в 2020 г.; в работе находится том переводов С.Л. Сухарева, скончавшегося в 2017 г.

следовало отталкиваться, выстраивая серию в целом, а равно и систематизация характерных признаков петербургской / ленинградской школы на общем фоне отечественной переводческой традиции. В предваряющей первый том и, следовательно, в известной мере задающей модус понимания явления статье М. Д. Яснова «Хранитель чужого наследства...». Заметки о ленинградской (петербургской) школе художественного перевода» утверждается ее двойственный и в значительной мере мифологизированный, по мнению автора, характер: «Школа безусловно существовала как феномен петербургской-ленинградской культуры. И в то же время целиком принадлежит советской мифологии» [7, с. 5]. Петербургская школа рассматривается в сопоставлении с московской и в противопоставлении ей: автор полагает, что «она почти сразу же оказалась разведенной с параллельно складывавшейся московской школой, – однако не столько в подходах, в уровне осмысления общих положений или внутренних проблем, сколько в области книгоиздания, идеологии и социального бытования переводчиков. Представления о московской и ленинградской школах перевода диктовались не творческими, а сопутствующими творчеству причинами, вызванными прежде всего жесткой централизацией и контролем над культурой. В Москве изначально было больше возможностей, было легче напечататься, поэтому со временем выше стал процент литературного брака. Так сложилась легенда о московской вседозволенности, легковесности, «разгульности». <...> В Ленинграде было куда сложнее добраться до того поэта, которого хотелось перевести. Поэтому на долю ленинградских переводчиков выпадала подчас более сложная, более изощренная работа, от которой по тем или иным причинам отказывались москвичи. Так возникла не менее популярная легенда о ленинградской точности, скрупулезности, «сухости стиха» [7, с. 5].

Очевидно, что в статье нашел отражение личный жизненный и творческий опыт автора – одного из самых ярких, талантливых и продуктивных переводчиков поздней советской и постсоветской эпохи. Не менее очевидно, что отличительные черты, приписываемые ленинградской (не дореволюционной петербургской!) школе, обусловлены факторами не эстетическими или творческими, а почти исключительно литературно-бытовыми. При всей справедливости и выстраданности подобного мнения, с ним сложно согласиться полностью в главном – в отрицании философской и художественной специфики петербургской / ленинградской школы, поскольку перечисленные в статье ее отличительные качества эту специфику и определяют. Кроме того, в следующих разделах статьи М. Д. Яснов еще раз возвращается к этой проблеме и отчетливо перечисляет свойственные школе признаки: «одновременно целостность и дискретность при взгляде на творчество переводимых поэтов: от роли переводимого автора в конкретной исторической и литературной эпохе и шире – в национальной литературе» [7, с. 11], подчеркнутый универсализм взгляда,

неотделимость переводческой деятельности от собственного поэтического творчества, присущие многим представителям школы, от И.Ф. Анненского «и вплоть до сегодняшних поэтов-переводчиков» [7, с. 12]. Именно в пореволюционном Петрограде в рамках горьковской «Всемирной литературы» сложились типичные для школы общетеоретические и практические подходы к переводу: петербуржцев К.И. Чуковского и Н.С. Гумилева «можно считать основоположниками современной теории перевода» [7, с. 14]⁴. Совершенно новую методологию перевода – принцип изменения переводческого метода в зависимости от характера подлинника – разработал петербуржец / ленинградец М.Л. Лозинский. Ленинградцы А. А. Смирнов, А.В. Федоров, Е.Г. Эткинд, В.Е. Шор, Ю.Д. Левин⁵ являются авторами классических работ по теории и истории перевода, отличающихся как широтой охвата материала, так и невероятной скрупулезностью его анализа. Именно в Петрограде / Ленинграде начали работать студии, в которых известные литераторы и переводчики воспитывали «художественно полноценных» переводчиков следующих поколений, продолжавших традиции петербургской / ленинградской школы и передающих ее своим ученикам, тем самым способствуя ее преемственности и сохранению⁶.

Основополагающей концептуальной установкой серии можно считать стремление представить лучшие тексты мировой литературы в лучших русских переводах. Эта установка определила и выбор авторов, и отбор текстов, и структуру, и состав каждого тома. Тома серии именные: каждый из них посвящен одному переводчику⁷ и представляет его наследие, с одной стороны, максимально широко, чтобы осветить деятельность переводчиков во всех областях, к которым они обращались (поэтической, прозаической, драматургической), и во всех жанрах, в которых они работали, от романа и поэмы до текстов малых форм. С другой стороны, отбирались только лучшие переводы и не включались в состав те, которые сам переводчик считал случайными или неудачными. Именно поэтому в том Т. Г. Гнедич полностью вошел лишь один ее перевод: байроновского «Дон-Жуана», ставший ее высшим достижением, вехой в ее жизни и огромным событием в истории ленинградского перевода, тогда как переводы других, «чуждых» ей авторов (Э. По, В. Скотта, П. Корнеля, Г. Сакса и др.) остались за пределами книги⁸.

Кроме собственно текстов, в каждом томе представлены и разделы

⁴ См., напр., [2].

⁵ Подробнее см. [7; 6].

⁶ См. также посвященные проблеме школы перевода статьи московских исследователей [4, с. 17-38; 5, с. 39-107].

⁷ Впрочем, в некоторых томах представлены два переводчика, например, В.Е. Шор и И.Я. Шафаренко, которых объединяли как семейные, так и творческие связи, или В.К. Шилейко и И.М. Дьяконов, поскольку второй был учеником и последователем первого. Е.Г. Эткинду, напротив, посвящены два тома серии, включившие его многочисленные труды по истории и теории перевода.

⁸ Подробнее см. [1; 6].

научного характера: предваряющая тексты монографическая статья, посвященная жизни, творческой деятельности и переводческим принципам переводчика; материалы к библиографии переводов, дающие развернутое во времени представление о его деятельности; статьи по истории и / или теории перевода, если таковые имеются в его наследии; отложившиеся в архивах и не публиковавшиеся при жизни переводы; завершается каждый том историко-литературным комментарием. В результате читатели получают полное и отчетливое представление о творческом наследии каждого из переводчиков, их вкладе в отечественную переводную традицию и их месте в этой традиции.

К сегодняшнему дню изданы четырнадцать⁹ из запланированных тридцати томов, еще пять находятся в работе¹⁰, что позволяет говорить об определенных сделавшихся очевидными закономерностях, связанных как со школой, так и с серией. Прежде всего необходимо отметить широту лингво-культурной парадигмы: в серию вошли переводы с языков древних и новых, едва ли не всех западноевропейских, многих славянских, ряда восточных; в ней оказались представлены поэты, прозаики и драматурги Европы, Северной, Южной и Латинской Америки и Востока, жившие и творившие в периоды древней, новой и новейшей истории, а также ассириовавилонский эпос и другие шумеро-аккадские памятники и тексты Библии.

Во-вторых, серия объединила переводчиков нескольких поколений и трех периодов отечественной культуры: дореволюционного (классического петербургского), советского (ленинградского) и постсоветского (нового петербургского), что позволило воссоздать становление традиции петербургской школы перевода во всем ее эстетическом и художественном много- и своеобразии. В-третьих, отчетливо проявилась преемственность основных установок и принципов школы, передававшихся от учителей ученикам в ходе работы переводческих семинаров, формальных обсуждений переводов на заседаниях секции перевода ленинградского, а затем петербургского Союза писателей и неформальных обсуждений, а нередко и споров «старших», «средних» и «младших» в коллегиальном и семейном кругу. В результате традиция не только передавалась по вертикали – она поддерживалась и хранилась по горизонтали, прирастая с каждым новым переводом. И совершенно не случайно открывающий серию том переводов Э. Л. Линецкой составлен участником ее семинара «первого призыва» М. Д. Ясновым, том переводов М. А. Шерешевской – ее «семинаристами» Н. Ф. Роговской и Н. М. Жутовской, том В. К. Шилейко и его ученика И. М. Дьяконова – ученицей последнего В. К. Афанасьевой, том А. Л. Косс – ее ученицей А. Ю. Миролюбовой, том участника семинара Э. Л. Линецкой Л. М. Цывьяна – пришедшим в этот семинар три года спустя

⁹ Э.Л. Линецкой (2011), Т.Г. Гнедич (2011), Ю.Д. Левина (2013), М.А. Донского (2013), А.Л. Косс (2015), Ф. Сологуба (2015), В.Е. Шора / И.Я. Шафаренко (2015), Г.Е. Бена (2015), В.К. Шилейко / И.М. Дьяконова (2017), М.А. Шерешевской (2018), два тома Е.Г. Эткнда (2018), Л.М. Цывьяна (2018), М.Д. Яснова (2022).

¹⁰ Н.С. Гумилева, М.А. Кузмина, С.В. Петрова, В. Стенича, С.Л. Сухарева.

В. Н. Андреевым (он же – составитель и тома М. Д. Яснова), том В. Е. Шора и И. Я. Шафаренко начат их дочерью и переводчицей Ю. В. Шор, а завершен многолетним близким другом дома Н. Р. Нейман, том Г. Е. Бена подготовлен его дочерью Л. Г. Мелиховой. Встретившиеся в рамках одного издательского проекта, эти и другие тома серии достойно представляют петербургскую школу как неотъемлемую и весьма значимую составляющую единого российского культурного феномена – искусства перевода.

Список использованных источников

1. Демидова О. Татьяна Гнедич: живая легенда // Байрон Дж. Г. Дон Жуан / Пер. Т.Г. Гнедич. СПб.: Издательский дом «Петрополис», – 2011. – С. 5–24.
2. Принципы художественного перевода: статьи Ф.Д. Батюшкова, Н. Гумилева и К. Чуковского. 2-е изд., доп. Пб.: Государственное издательство, –1920. – 60 с.
3. Рейнгольд Н.И. Переводоведческая школа Ю.Д. Левина // Новации и традиция русской школы перевода / Сост., науч. ред. Н.И. Рейнгольд. М.: РГГУ, – 2021. – С. 128 –138.
4. Хухуни Г.Т., Осипова А.А. Понятие «школа» в истории отечественного перевода // Новации и традиция русской школы перевода / Сост., науч. ред. Н.И. Рейнгольд. – М.: РГГУ, – 2021. – С. 17 – 38.
5. Шубин В.В. Отечественная школа перевода: русская и/или советская? // Новации и традиция русской школы перевода / Сост., науч. ред. Н.И. Рейнгольд. – М.: РГГУ, – 2021. – С. 39 –107.
6. Эткинд Е.Г. Победа духа // Байрон Дж. Г. Дон-Жуан / Пер. Т.Г. Гнедич. СПб.: Издательский дом «Петрополис», – 2011. – С. 25 – 36.
7. Яснов М. «Хранитель чужого наследия...» Заметки о ленинградской (петербургской) школе художественного перевода // Эльга Линецкая. Избранные переводы: Поэзия. Проза. СПб.: Издательский дом «Петрополис», – 2011. – С. 5 – 26.

УДК 811.111:347.78.034

ОСОБЕННОСТИ ПЕРЕВОДА ВОЕННОЙ ТЕРМИНОЛОГИИ*Э. К. Джапарова,**кандидат филологических наук, доцент кафедры английской филологии,
ГБОУВО РК «Крымский инженерно-педагогический университет имени
Февзи Якубова», Симферополь**Э. З. Зейтуллаев,**обучающийся бакалавриата, кафедра английской филологии, ГБОУВО РК
«Крымский Инженерно-педагогический университет имени Февзи
Якубова», Симферополь*

Аннотация. Данная статья посвящена изучению особенностей перевода терминов с английского языка на русский. Особое внимание уделяется переводу военной терминологии, рассматривается понятие «военный перевод» с точки зрения учёных, которые внесли существенный вклад в развитие теории перевода. Предложен анализ и перевод военных терминов, которые классифицированы на «сухопутные» и «военно-морские». Предлагаются пути перевода наиболее сложных военных обозначений, которые состоят из аббревиатур в английском и русском языках. Указывается, что в военной терминологии существуют «ложные друзья переводчика», которые при переводе требуют специальных навыков и умений. В связи с этим отмечается, что военному переводчику следует владеть военной лексикой, знать теоретические и практические основы перевода.

Ключевые слова: термин, военный перевод, анализ, ложные друзья переводчика, терминология, формирования военного перевода.

Summary. This article is devoted to the study of the features of the translation of terms from English into Russian. Particular attention is paid to the translation of military terminology, the concept of «military translation» is considered from the point of view of scientists who have made a significant contribution to the development of the theory of translation. An analysis and translation of military terms are proposed, which are classified into «land» and «naval». The ways of translating the most complex military designations, which consist of abbreviations in English and Russian, are proposed. It is pointed out that in military terminology there are «false friends of the translator», which require special skills and abilities when translating. In this regard, it is noted that a military translator should be proficient in military vocabulary, know the theoretical and practical foundations of translation.

Key words: term, military translation, analysis, translator's false friends, terminology, military translation formation.

Перевод терминов является одним из сложных видов передачи значения слов в языке. Это обусловлено многими причинами. Прежде всего, перевод терминов требует знание сферы их функционирования и истоки появления в различных областях развития общества.

Термин – это слово или словосочетание, которое передаёт название

определённого понятия в определённой специальной области науки, техники, искусства. В повседневной жизни люди сталкиваются с различными терминами, такими как медицинские, юридические, математические, экологические, технические, научные и т.п. Существует достаточно много разработок по переводу. Благодаря основоположнику теории перевода, созданной в нашей стране А. В. Фёдоровым и в дальнейшем получившей развитие в работах Л. Л. Нелюбина, Я. И. Рецкера, А. Д. Швейцара. Учёными изучены и классифицированы различные группы терминов. Однако меньше внимания в современной научной среде уделено военным терминам, поэтому целью данной является изучение особенностей перевода военной терминологии. Перевод военной терминологии – это вид специального перевода, в котором сочетаются различные виды перевода: устный и письменный. Кроме того, особую сложность представляет синхронный перевод. Поэтому переводчику, работающему в военной сфере, нужно обладать всеми правилами и навыками перевода. Известно, что термины всегда требуют точной передачи их значения. Основная черта военного перевода – его точность, так как от этого может зависеть дальнейшая судьба какого-либо государства. Об этом пишет Л. Л. Нелюбин в своей работе «Учебник военного перевода. Специальный курс»: «В военном переводе очень большое значение имеет точность перевода, так как переведенный материал может служить основой для принятия важных решений, проведения военных операций и т. д.» [2, с. 12]. Точность перевода подразумевает собой не дословный перевод, так как это непонятно и некорректно, именно поэтому переводчики прежде всего должны уметь трансформировать речь говорящего, при этом не меняя смысл сказанного. Это зависит, прежде всего, от уровня владения языком и умения логически мыслить. Существует три вида перевода: художественный, общественно-политический и специальный. Военный перевод относится к специальному, так как осуществляется в определённой профессиональной сфере. Как и другие виды специального перевода, отличительной особенностью военного перевода является его достаточно объёмная терминологичность.

Существует порядка свыше 10 направлений военного перевода: административный, разведка, на суше, военно-морской, воздух и т.д. Исходя из этих направлений, следует выделить две группы военной терминологии: официальная, состоящая из терминов, закреплённых в уставах, документах и неофициальная, термины, используемые исключительно в разговорах военнослужащих. Зачастую неофициальная терминология – это жаргонизмы или армейский сленг, например, балабасить – принимать пищу, без палева – скрытно, мацубарить – курить, халява – гражданская еда, юзать – использовать и т.д.

Чтобы корректно перевести военную терминологию, переводчику недостаточно знать только иностранные языки, для перевода так же необходимы знание культуры других народов и опыт в военной сфере,

которые переводчику будут помогать в дальнейшем. Важно знать и аббревиатуры, используемые для сокращения военных терминов. Например, в русском языке эти аббревиатуры расшифровываются следующим образом: АА – армейская авиация, АВАКС – самолётная система радиолокационного обнаружения и управления, ББМ – боевая бронированная машина, ББС – боевое биологическое средство, ВС – воздушные силы, ВУС – военно-учётная специальность, ЗОМП – защита от оружия массового поражения, ЗУРО – зенитное управляемое ракетное оружие. В английском языке С² – command and control, С³ – command, control, communications. GW – guided weapon, OP – observation post. Таким образом, мы видим, что существенных различий между аббревиатурами в русском и английском языках нет, однако, чтобы упростить себе задачу, английская официальная версия военной терминологии допускает ставить квадратные и кубические единицы в аббревиатурах, где есть несколько слов, начинающихся на одну и ту же букву.

Наиболее трудный перевод заключается в интерпретации военной техники, иногда даже невозможно перевести на другой язык, так как зачастую военная техника может иметь названия, связанные с природными условиями, животными, растениями, названиями рек, водопадов, морей и т.д. Например, немецкий танк «Леопард», российские реактивные системы залпового огня «Град», «Ураган». Делается это для того, чтобы предать устрашающий, грозный вид своему военному «детищу». Разберём имена собственные военной техники США и объединённых сил НАТО. Американскую боевую разведывательную машину «M1200 Armored Knight» можно перевести «рыцарь в доспехах» или для названия двухдвигательного самолёта «Lockheed F-117 Nighthawk» уместен перевод «чёрный ястреб», здесь возможен вариант такого перевода, однако есть и другие случаи, когда перевод теряет смысл, например самоходный минный трал «Aardvark JSFU». Поэтому, чтобы корректно перевести названия военной техники, переводчику прежде всего нужно освоить все официальные и неофициальные названия техники, чтобы в дальнейшем при переводе не возникла какая-либо трудность или неточность.

Особенность так же заключается в том, что при переводе военной терминологии возникает сложность и при переводе стратегических объектов. Каждый объект носит своё название, и чтобы его перевести потребуются немало времени для теории и практики в переводе. К ним относятся: ракетные позиции, авиационные базы и аэродромы, военноморские базы и порты, склады ядерного оружия, командные пункты и штабы, а также объекты органов государственной власти и управления, крупные административно-политические, промышленные центры и энергетические узлы. Стратегические объекты, как и военная техника имеют свои названия, которые не всегда могут переводиться. Например, стратегический остров Диего Гарсия, который не может переводиться на русский язык, так как имя собственное или Raf Остров Вознесения. Военные

операции так же могут не иметь перевода и оставаться неизменными, например операция «Shader», Операция «Herrick» и т.д.

Из-за огромного количества терминов в военной терминологии существуют так же и «ложные друзья переводчика». Это достаточно большая группа интернациональных терминов, из-за которых военные переводчики часто сталкиваются при переводе военно-политических терминов. Французские лексикографы Кесслер Максим и Жюль Дерокиньи выделили две обширные группы «ложных друзей переводчика»: 1) слова со сходной орфографией и различающейся семантикой; 2) слова со сходной орфографией и с общей семантикой. Разберём их на примерах перевода военно-политических терминов с английского на русский язык. К первой группе «полностью ложные» отнесём слова *convoy* – автоколонна, *monitor* – вести наблюдение, *motor company* – автомобильная колонна, ко второй группе «частично ложные» можно отнести термины *cadres* – кадры, *cadet* – кадет, *army* – армия. Из анализа военно-политических терминов выделяется, что «ложные друзья» военного переводчика тоже имеют свои виды и попадают под определённую терминологию, военно-политическую.

Таким образом, военный перевод один из сложнейших видов специального перевода, так как в нём огромное внимание уделяется узким терминам, которые используются исключительно в военной сфере. Проанализировав большинство военных терминов, выяснили, что военная терминология может быть как официальной, так и неофициальной. При анализе аббревиатур обнаружили, что есть некие различия, их проявление состоит в добавлении квадратных или кубических единиц в английские аббревиатуры, это тоже следует учитывать при военном переводе. Некоторые сложности возникают при переводе военной техники и стратегических объектов, так как могут называться в честь зверей, морей, выдающихся полководцев и т.д. Следует учесть, что есть и «ложные друзья переводчика», анализ которых показал, что они делятся на две основные группы, и это представляет достаточно большую сложность при переводе. Следовательно, военному переводчику нужно постоянно адаптироваться к новым условиям военной жизни и совершенствовать свой словарный запас, так как часто меняются военные ситуации, из-за которых появляются новые термины.

Список использованных источников

1. Константинов Е.Б., Масленникова М.М., Шевалдышев А.Н. Учебник английского языка. Для высших инженерных военно-учебных заведений, М.: Воениздат, –1964. – 416 с.
2. Нелобин Л.Л. Учебник военного перевода. Специальный курс М.: воениздат, – 1981. – 379 с.
3. Степанов С.А., Фоменко Я.В. Практический курс военного перевода английского языка: Ч. 1. Сухопутные войска: Учебник для 3-го курса. – М.: ВУ, 2003. –176 с.
4. Судзиловский Г. А. Англо-русский словарь: около 7000 терминов /

Г.А. Судзиловский, В.М. Полухин, В.Н. Шевчук и др. – 3-е изд., перераб. и доп. – М.: Воениздат, –1987. – 655 с.

5. Koessler M. Les faux amis ou les trahisons du vocabulaire anglais (conseils aux traducteurs) [Electronic Resource] // M. Koessler, J. Deroquigny. P.: Librairie Vuibert, – 1928. – 387 p. Mode of access: URL: <https://archive.org/details/lesfauxamisoules00kssl/page/n5> (Дата обращения: 25.01.2023).

УДК 811.111'373.42

РУСИЗМЫ КАК КОНТЕКСТУАЛЬНЫЕ СООТВЕТСТВИЯ И ДОСТИЖЕНИЕ АДЕКВАТНОГО ПЕРЕВОДА

(на материале американской прозы)

С. Б. Жулидов,

кандидат филологических наук, доцент кафедры английского языка для гуманитарных специальностей, Институт филологии и журналистики, Национальный исследовательский Нижегородский государственный университет имени Н.И. Лобачевского, Нижний Новгород

М. В. Золотова,

кандидат филологических наук, доцент, заведующая кафедрой английского языка для гуманитарных специальностей, Институт филологии и журналистики, Национальный исследовательский Нижегородский государственный университет имени Н.И. Лобачевского, Нижний Новгород

С. С. Иванов,

кандидат филологических наук, доцент кафедры английского языка для гуманитарных специальностей, Институт филологии и журналистики, Национальный исследовательский Нижегородский государственный университет имени Н.И. Лобачевского, Нижний Новгород

Аннотация. Рассматриваются русизмы – слова и словосочетания, отражающие сугубо национальные черты, присущие русской культуре и русскому языку, неадекватно использованные в переводном тексте и потому искажающие его. Авторы анализируют отрезки текста, взятые из двух современных американских романов и их переводов, содержащие русизмы, противопоставленные друг другу как контекстуальные соответствия, с тем чтобы ярко проиллюстрировать их предполагаемую первоначально адекватность, оказавшуюся совершенно неоправданной и неэффективной. Помимо специфически русских культурных особенностей, помещенных в переводной текст и рассматриваемых в первую очередь, сопутствующие стилистические и семантические аспекты также затрагиваются и частично поясняются. Анализируемые примеры сопровождаются комментариями, содержащими предлагаемые варианты адекватного перевода и доказывающие выдвигаемое авторами положение о неуместности и ненужности использования русизмов при переводе.

Ключевые слова: перевод, русизм, соответствие, эквивалент, адекватный, стилистический, семантический, экспрессивный.

Summary. Russianisms – words and phrases expressing pure national features inherent in Russian culture and the Russian language inadequately used in the translated text and thus distorting it are dealt with.

The authors analyze excerpts borrowed from two modern American novels and their translated versions containing Russianisms as contextual correspondences juxtaposed to each other in order to vividly illustrate their originally presupposed adequacy which turned out to be far from being justified and effective. Besides specific Russian cultural features inserted into the translated text and taken primarily into consideration, accompanying stylistic and semantic aspects are also touched upon and partly regarded. The commentaries following the analyzed examples suggest adequate translation variants proving the authors' thesis of Russianisms' mostly inappropriate and unnecessary usage in translation.

Key words: translation, Russianism, correspondence, equivalent, adequate, stylistic, semantic, expressive.

В процессе художественного перевода и его анализа основное внимание уделяется, как правило, расхождениям между системами исходного языка (ИЯ) и языка перевода (ПЯ), закономерностям их речевой реализации и стилистическим особенностям исходного и переведенного текстов (ИТ и ПТ). Помимо этого, для получения адекватного ПТ необходимо учитывать и культурологические аспекты ИТ, часто не совпадающие с аналогичными аспектами ПТ.

За лингвистической эквивалентностью всегда стоит понятийная эквивалентность культурных представлений [2, с. 41]. «Особенности культуры закреплены в языке в виде национально-специфических единиц (реалий и др.), входят в значения языковых единиц в виде разноплановых коннотаций и влияют на их употребление» [8, с. 39]. А следовательно, всякий перевод, в особенности – литературный, является своего рода контактом двух культур [5, с. 127].

Для получения эквивалентного перевода требуются культурологические знания, которые по своей значимости порой оказываются гораздо важнее лингвистической компетентности [6].

В большинстве трудов на эту тему [1; 7], как правило, говорится о необходимости овладения переводчиком культуры страны ИЯ. Предполагается, что все особенности страны ПЯ переводчику хорошо известны, и потому каких-либо трудностей представить для него они не могут. Не соглашаясь с такой позицией, мы попытаемся доказать прямо противоположное.

Под понятием *русизм* мы будем подразумевать единицы лексики – слова и словосочетания, экспрессивные сравнения и идиомы, цитаты из литературы, связанные с российскими реалиями и ставшие составной частью образной русской лексики.

Цель статьи – определить, насколько оправдано применение русизмов при переводе и обосновать актуальность этого явления для теории и практики перевода.

Исследование проводилось на базе двух современных американских романов и их опубликованных переводов [9; 10]. Предметом исследования стал сравнительный анализ отрывков ИТ и ПТ, включающих в себя русизмы.

Рассмотрим такой пример:

1. I found myself on a street called Moody. [10, p. 29]. – Я оказалась на улице Угрюм-стрит¹. Сноска: ¹В оригинале – Moody street. [10, с. 88].

Этот эквивалент явно неудачен, ибо, во-первых, в действительности такой реки не существует, а в романе В.Я. Шишкова «Угрюм-река» (1933 г.) под этим названием выведена река Нижняя Тунгуска. И непонятно, для кого и зачем дана сноска. Во-вторых, этот русизм, абсолютно не к месту напоминает русскоязычному читателю и сам роман и одноименные фильм (1968 г.) и телесериал (2008 г.). Неужели переводчица и впрямь могла допустить, что героиня стала бы читать эту книгу? И тем более – смотреть фильм и телесериал, которые, будь они переведены и дублированы в США, то шли бы по NBC или CBS под названием Moody river? А ведь есть еще и Угрюм-Бурчеев – градоначальник у М.Е. Салтыкова-Щедрина... Предлагаемый нами вариант перевода: улица Грусти (Печали). Аналогичный пример:

2. “Going out with your pals? Happy happy?” [10, p. 19]. – Идешь шпаться со своими друзьями? Весело-весело встретим Рождество? [10, с. 59].

Сочетание «весело-весело встретим...» здесь совершенно неуместно как легко узнаваемый русизм (...встали в хоровод. Весело-весело встретим Новый год.), ибо словам «встретим» и «Рождество» в ИТ нет никаких соответствий. Да и словам «весело-весело» – тоже. Ведь с Рождеством поздравляют, используя прилагательное «merry» (Merry Christmas!). Поэтому вместо слов из русской детской песенки можно было бы просто обыграть стилистически действенный повтор «happy happy?» Например, так: «от радости-то не лопнешь? (...смотри не лопни!)».

Рассмотрим следующий пример:

3. “You’re just so flat, I don’t know what side I’m looking at – front or back.” They went on and on like that.” It was awful. “Ha-ha,” I said. “Coming or going, that’s me – flat.” [10, p. 9]. – Просто ты такая плоская, что я и разобрать не могу, какая сторона передо мной – задняя или передняя. Они все время отпускали такие реплики. Это было ужасно.
– Ха-ха, – отозвалась я. – И никто не разберёт, где тут зад, а где перёд, да? [10, с. 30].

Ср.: «Хвост, мордашку, лапки-ручки / Спрятал ежик под колючки / И никто не разберет, / Где же зад, а где перёд.» (Иван Клюев. «Ёжик»).

А у И. Клюева это косвенная цитата из рассказа А. П. Чехова «Пересолил»:

«– Черт знает, какая у тебя телега! – поморщился землемер, влезая в телегу. – Не разберешь, где у нее зад, где перёд...»

Поэтому, конечно же, столь явный русизм здесь неуместен. Ибо этот рассказ ни в переводе, ни, тем более, в оригинале героиня, примитивная девица, прочесть попросту не могла бы!

У эрудированного читателя перевода такое цитирование русского классика вызовет изумление. Ведь, как признаёт сама героиня, кроме журнала *National Geographic* и читая в виде низкопробных «ужастиков», ее, в сущности, ни к чему и не влекло. Ср.: I liked books about awful things — murder, illness, death. [10, p. 3]. – Я любила книги об ужасных вещах – убийствах, болезнях, смерти. [10, с. 12].

В следующих трех примерах вообще нет никаких оснований передавать стилистически нейтральные слова (guy, yeah, important) и сочетания (a whole lot of difference и right away) столь экспрессивными сниженными русизмами-жаргонизмами (хмырь, вона что, жмурик, шишка, до лампочки), некоторые из которых (шметом) понятны даже не каждому филологу.

4. "Who is Team A, anyway?" "Some guy in Washington." "Washington? Yeah? [...] This guy in the back important?" "Not anymore." [9, p. 265].

– Слушай, а кто такой «Команда А»? – Да хмырь один из Вашингтона.
– Из Вашингтона? Вона что. [...] Наш жмурик – какая-нибудь шишка?
– Уже нет. [9, с. 117].

5. "The first thing you'll do is call [...] and tell them to get out here right away." [9, p.181]. – Первое, что вы сделаете, – позвоните [...] и скажите им, чтобы шметом летели сюда. [10, с. 67].

6. "I don't think it would make a whole lot of difference as long as I keep him in Rollerblades and snowboards." [9, p. 89]. – Пока я способен исправно снабжать его роликовыми коньками и снегокатами, ему это будет до лампочки [3, с. 424].

Введение последнего соответствия было бы отчасти оправдано, если бы в ИТ фигурировало столь же экспрессивное выражение, например, предлагаемое в словаре русизмов: «до лампочки – one doesn't give a hang или one couldn't care less» [1, с. 41].

Довольно любопытен и такой пример:

7. "Sounds perfect," Rebecca whispered. [...] "I'll see you there. With bells on! Is that the expression?" [10, p. 51] – Звучит идеально, – прошептала Ребекка. [...] Увидимся там. В семь, как штык, – так, кажется, выражаются? [10, с. 153].

Ну, разумеется, «так не выражаются»: ведь здесь неверно понятый переводчицей фразеологизм «with bells on» – «с огромной радостью, с превеликим удовольствием» был приравнен ею к русской идиоме «как штык», обозначающей пунктуальность говорящего. Такое неоправданное введение, потянуло за собой, в свою очередь, другое искажение – неправомерное «в семь» (т.е. переводческую «отсебятину»), аналог

которому «at seven» хоть и отсутствует в ИТ, зато прекрасно сочетается с несуществующим в ИТ «штыком». Этот русизм был бы, впрочем, вполне уместным, если бы в ИТ использовалось выражение «on the dot» или нечто сходное.

Ввиду нехватки места приведем последний показательный пример: 8. "Jesus Christ on a toasted bagel – do you have any *idea* what a disaster that would be?" [10, p.16]. – Это все равно, что подать им Иисуса Христа на блюдечке с голубой каемочкой – представляешь, каким кошмаром может это для нас обернуться? [9, с.14].

В отличие от большинства предыдущих случаев, здесь смысл фразеологизма *on a toasted bagel* отчасти передан. Однако удачным соответствием этот вариант считать никак нельзя. Во-первых, эти слова, прочно ассоциирующиеся с Остапом Бендером и ставшие поэтому узнаваемым русизмом, в речь американцев проникнуть никак не могли бы. Во-вторых, здесь они к тому же попросту искажены сюсюкающими блюдечком с каемочкой, вместо аутентичного «с каемкой». Из-за этой небрежности читателю приходится лишь поражаться современным американцам, которые, оказывается, и «Золотого тельца» читают в оригинале и вслед за переводчиком точно так же, как и он, перевирают этот русизм [4, с. 264].

В заключение отметим, что русизмы, обнаруженные в ПТ методом сплошной выборки, почти всегда применялись неоправданно и необоснованно, образуя соответствия, неадекватные параллельным единицам в ИТ. Искусственное внедрение этих единиц в текст перевода, как правило, влечет за собой межкультурный диссонанс или «конфликт культур» [7, с. 14], поскольку они никак не сочетаются с национальной спецификой ИЯ, а часто и противоречат ей. Помимо этого, такие нарушения часто влекли за собой искажение смыслового содержания единиц ИТ и их стилистических особенностей, а это не могло не препятствовать адекватному восприятию всего романа в целом. Исходя из сказанного, можно прийти к заключению, что и приведенный фактический материал и анализ ПТ и ИТ свидетельствуют о нецелесообразности использования русизмов при переводе американской литературы.

Список использованных источников

1. Бурак А.Л., Тюленев С.В., Вихрова Е.Н. Под общ. рук. С.Г. Тер-Минасовой. Россия. Русско-английский культурологический словарь. М.: Издательство АСТ, 2002. – 128 с.
2. Верещагин Е.М., Костомаров В.Г. Язык и культура. М.: Русский язык 1990. – 200 с.
3. Жулидов С.Б., Золотова М.В., Иванов С.С. Семантико-стилистические отклонения от оригинала и адекватность перевода // Мир науки, культуры, образования. – № 1 (80). – 2020. – С. 423–425.
4. Жулидов С.Б., Золотова М.В., Иванов С.С. Russianisms as cultural and stylistic markers in American prose translation. // Мир науки, культуры,

образования. – № 5 (90). – 2021. – С. 261–265.

5. Комиссаров В.Н. Современное переводоведение. М.: Валент, 2011. – 410 с.

6. Нюнен П. ван. Основные концепции теории переводческого тандема. // Язык и культура: Материалы конференции «Бельгия – Нидерланды – Россия». Вып.2. М.: Наука, 1999. – С.15–34.

7. Тер-Минасова С.Г. Язык и межкультурная коммуникация. – М.: Слово, 2000. – 246 с.

8. Тимко Н.В. Фактор «культура» в переводе. 2-е изд., доп. Курск: КурскГУ, 2007. – 154 с.

9. Buckley, Christopher. Thank you for smoking. 1st Harper Perennial Ed. New York, 1995. – Бакли, Кристофер. Здесь курят. Роман. Перевод с английского С. Б. Ильина. Иностранная литература. 1999, № 11–12.

10. Moshfegh, Ottessa. Eileen. London: Penguin Random House. 2015. 272 p. – Мошфег, Отесса. Эйлин. Перевод с английского М. В. Смирновой. М.: Издательство «Э», 2017. – 288 с.

УДК 81'25

НОВЫЕ ВЫЗОВЫ ОТРАСЛЕВОГО ПЕРЕВОДЧИКА

М. Г. Зеленцова,

кандидат филологических наук, доцент кафедры теории и практики перевода, Институт филологии, Крымский федеральный университет им. В. И. Вернадского, Симферополь

А. Т. Козлова,

кандидат филологических наук, доцент кафедры иностранных языков № 4, Институт филологии, Крымский федеральный университет им. В. И. Вернадского, Симферополь

Аннотация. В статье внимание сосредоточено на анализе англоязычных терминов новой отрасли знания нейроманеджмент и поиске их адекватного перевода на русский язык на современном этапе. Выявлены причины возникновения новых вызовов в подготовке отраслевого переводчика в процессе совершенствования своих профессиональных компетенций.

Ключевые слова: нейроманеджмент, отраслевой перевод, профессиональные компетенции, адекватный перевод, термин.

Summary. The article considers the analysis of some English terms for a special translator in the sphere of neuromanagement. The reasons of the new challenges in technical translators' training in the course of performing and improving professional competencies are analyzed.

Key words: Neuromanagement, technical translation, translator's competence, adequate translation, term.

Нейроманеджмент (нейроуправления) – менеджмент XXI века, новый вызов нового тысячелетия, открывающие новые перспективные

возможности. Дело в том, что сфера управления нуждается в новых ресурсах и инструментах, чтобы более эффективно работать и соответствовать современным реалиям делового мира. Концепция нейроуправления была впервые сформулирована X. Wang, директором Лаборатории нейроуправления Чжэцзянского университета, который специализируется на исследовании микромеханики управленческой деятельности в междисциплинарной области, объединяющей науку об управлении, экономику и когнитивную нейронауку [10, с. 139].

В результате эволюции управленческой мысли появилась новая междисциплинарная область нейробиологии – нейроэкономика, которая объединила нейробиологию, экономические науки, психологию и ряд других дисциплин, теории которых легли в основу новых представлений о механизмах принятия решений и позволяют успешно моделировать поведение человека. Согласно новому направлению как нейроэкономика, мозг взаимодействует со внешним окружением в экономическом поведении человека, т.к. именно поведение имеет особую важность для общества. Сегодня в классическом понимании теории управления произошел переход от менеджмента к такому понятию как нейроуправление, от лидерства к нейролидерству, а также роль и влияние этих концепций на целостный подход к науке управления. Обратите внимание на схему, предложенную д.техн.н., профессором СПбГУ М.Л. Кричевским, отображающую новые сферы знаний [4, с. 54].

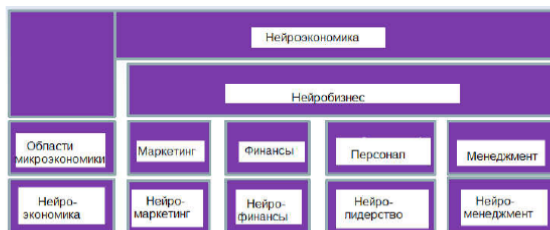

Рис. 2. Нейроэкономика и рожденные ею новые дисциплины [14]

С появлением новых отраслей науки, изобретением новых механизмов, процессов организации управления, возникают все новые и новые понятия, которые репрезентируются в языке в виде терминов-неологизмов, квазитерминов, предтерминов и т.д. Невозможно хорошо перевести текст, не имея ясного представления о том, что в нем написано. Перевод профессиональных текстов требует от специалиста знания в области темы перевода и свободной ориентации в терминах на русском языке, не говоря уже об иностранном.

«Перевод научно-технической литературы – это та сфера переводческой деятельности, в которой профессиональное выполнение работы возможно только высококвалифицированными техническими специалистами, хорошо знающими предметную область и ее

специфическую терминологию, в достаточной мере владеющими иностранным языком и (что самое важное) умеющими грамотно излагать свои мысли (не уходя от сути и стиля оригинала) на языке перевода» [5]. Задача переводчика состоит в том, чтобы, поняв значение исходного текста, выразить то же самое значение средствами иного языка. При этом неизбежны семантические потери, которые, в первую очередь, касаются системы внутриязыковых значений исходного текста. Переводчик должен добиться того, чтобы эти потери были сведены к минимуму, то есть обеспечить максимально большую степень эквивалентности исходного текста и текста перевода.

Целью данной статьи является проанализировать существующие варианты перевода терминов сферы нейромаркетинга и путем понятийно-семантического анализа выявить наиболее адекватные русскоязычные эквиваленты.

Сегодня отраслевым переводчикам предъявляют следующие требования как: знание языков оригинала и перевода, знание переводческих трансформаций, знание тематической области (владеть терминологией в профессиональной области знания и правилами её перевода) и знание основ теории терминоведения. При этом переводчик выполняет две задачи: 1) правильно понять содержание высказывания (текста) на языке оригинала; 2) полно и точно передать это содержание средствами языка перевода. Также отраслевому переводчику необходимы умения осуществлять сопоставительный анализ языка источника (ИЯ) и языка перевода (ПЯ) для определения сходств и расхождений в лексических и грамматических аспектах, производить преобразования языковой структуры, необходимые для передачи исходного сообщения в адекватной форме и т. д.

В теории перевода существует такое понятие как переводческая рефлексия, которое наиболее точно отражает антропоцентрические тенденции процесса перевода. Как отмечает С.В. Власенко в своей статье «Особенности переводческой рефлексии в англо-русском отраслевом переводе»: «Отраслевой перевод – это межъязыковой перевод, протекающий в сфере профессиональной коммуникации в виде языкового опосредования общения, происходящего между членами экспертных сообществ, которое формализуется посредством порождения, распространения и обмена большого массива отраслевых текстов на языках разных специальностей» [2, с. 138]. Ниже приведены примеры понятий, их дефиниций и терминов, встречаемых в сфере нейромаркетинга.

Основные понятия нейромаркетинга

English	Russian (варианты при переводе)	дефиниция
Neuromanagement	1. нейромаркетинг 2. нейронно-	«Neuromanagement uses cognitive neuroscience, among other life science fields, and technology to analyze economic and managerial issues. It focuses on exploring human brain

	операционный менеджмент	activities and mental processes when people are faced with typical problems of economics and management» [13]
Neuroscience	1. нейронаука 2. нейробиология 3. неврология 4. нейрология	« Neuroscience is the scientific study of the nervous system (the brain, spinal cord, and peripheral nervous system), its functions and disorders. It is a multidisciplinary science that combines physiology, anatomy, molecular biology, developmental biology, cytology, psychology, physics, computer science, chemistry, medicine, statistics, and mathematical modeling to understand the fundamental and emergent properties of neurons, glia and neural circuits». [13]
Neuroeconomics	1. нейроэкономика 2. нейробиология принятия решений	« Neuroeconomics is an emerging field in behavioral economics, combining economics, psychology, and neuroscience. Neuroeconomics is an interdisciplinary field that seeks to explain human decision making, the ability to process multiple alternatives and to follow a course of action. It studies how economic behavior can shape our understanding of the brain, and how neuroscientific discoveries can constrain and guide models of economics» [13]
Neuromarketing	нейромаркетинг	« Neuromarketing derives from research on neural features of consumer behavior. Using neural activity to interpret consumer behavior provides insight into the neural mechanism underlying different consumer decision-making behavior» [13]
Neuro project management (NPM)	нейропроектное управление	«It is a branch of neuroscience that reveals specific patterns of project thinking formation, as well as features of neural processes in the professional activities of project managers. It belongs to an interdisciplinary field of knowledge» [13].
Neuroleadership	нейролидерство	«Neuroleadership refers to the application of findings from neuroscience to the field of leadership. The term neuroleadership was first coined by David Rock in 2006 in the US publication <i>Strategy+Business</i> » [14]
Neuro-industrial-engineering (Neuro-IE)	нейроиндустриальная инженерия	«It is an interdisciplinary subject of cognitive neuroscience and industrial engineering. Neuro-IE studies human cognition and uses advanced neuroscience and biofeedback technology to measure physiological responses in order to acquire data for further analysis, which provides insight into people's mental states without subjective consciousness control» [13]
Neuro-Information-Systems (NeuroIS)	нейроинформационные системы	«NeuroIS is a subfield of the information systems (IS) discipline, which relies on neuroscience and neurophysiological knowledge and tools to better understand the development, use, and impact of information and

		communication technologies» [13].
Neuro-entrepreneurship	нейропредпринимательство	«This incorporates the interior characteristics of the entrepreneurs to study the neural basis of innovation. It offers new insights into understanding what happens in experiential learning as is essential in entrepreneurship education» [13].
Neuromanagement Lab	лаборатория нейроменеджмента	«Neuromanagement Lab was established in 2006 as one of the first labs established in China specialized in researches elucidating the micro-mechanisms of management activities in an interdisciplinary field integrating management science, economics, and cognitive neuroscience» [13].
Neuroeconomist	нейроэкономист	«ученые, которые занимаются экономической теорией, нейробиологией и психологией одновременно, работают на стыке этих наук, изучают процесс принятия человеком решений, то, как на эти наши решения оказывают воздействие эмоции, самоконтроль, социальные факторы и прочее» [10]
Decision neuroscience	нейробиология принятия решений	«Decision-making is a region of intense study in the fields of systems neuroscience, and cognitive neuroscience. Several brain structures, including the anterior cingulate cortex (ACC), orbitofrontal cortex, and the overlapping ventromedial prefrontal cortex are believed to be involved in decision-making processes» [13].

Необходимо отметить, что среди новых вызовов можно назвать следующие: – практическая подготовленность переводчика (она сводится к умению использовать накопленный практический опыт, который помогает находить правильные переводческие решения); – способность проводить терминологический анализ понятий новых терминов конкретной области знания и предлагать наиболее адекватные способы перевода, устраняя при этом явление терминологической вариативности в переводной отраслевой литературе. Итак, из выше приведенных вариантов переводов видно, что на данном этапе самый частотный прием перевода – транслитерация и калькирование, которые применяются для вновь входящих в употребление англоязычных терминов на русском языке, хотя вариативность их переводческих эквивалентностей имеет место быть, т.к. процесс адаптации таких терминов в русском языке еще не завершён.

Список использованных источников

1. Бабанова Ю. В. Роль нейроменеджмента в управлении современными компаниями / Ю. В. Бабанова, А. Ю. Долинская // Актуальные вопросы теории, методологии и практики современного менеджмента : Коллективная монография. – Екатеринбург: Уральский государственный экономический университет, 2017. – С. 20–37.

2. Власенко С. В. Особенности переводческой рефлексии в англо-

русском отраслевом переводе // Язык, сознание, коммуникация : сб. ст. Вып. 40. – М. : МАКС Пресс, 2010. – С. 138–151.

3. Компетентностный подход в системе управления персоналом предприятия / М. С. Агафонова, Л. А. Мажарова, Л. С. Перевозчикова, Н. Ю. Калинина // Экономика и менеджмент систем управления. – 2015. – № 4–2(18). – С. 204–208.

4. Кричевский М. Л. Нейроменеджмент – менеджмент XXI века // Управление и планирование в экономике. – Вып. 2(10)/2016. – С.50-57.

5. Лукинова М. Ю. Потенциал идеализированного образа переводческой деятельности / М. Ю. Лукинова, Е. Б. Мартынюк // Современная наука: актуальные проблемы теории и практики. Серия: Гуманитарные науки. – 2019. – № 7. – С. 140-144.

6. Масловский Е.К. [Электронный ресурс]. <http://www.lingvoda.ru/transforum/articles/maslovsky.al.asp>

7. План мероприятий («дорожная карта») «Нейронет» Национальной технологической инициативы [Электронный ресурс] / Режим доступа: http://fasie.ru/upload/docs/dk_neuronet.pdf

8. Половян А. В., Сеницына К. И. Нейроменеджмент и нейролидерство // Экономика и маркетинг в XXI веке: проблемы, опыт, перспективы : Сборник материалов XVII международной научно-практической конференции, посвящается 100-летию ДОННТУ, Донецк, 25–26 ноября 2021 г. – 603 с.

9. Соин С. Нейроэкономика: нужны ли мозгу деньги? [Электронный ресурс]. <https://sciencerop.ru/neuroekonomika-nuzhny-li-mozgu-dengi/>

10. ТОП-10 самых востребованных навыков к 2025 году [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://hr-elearning.ru/top-10-samykh-vostrebovannykh-navykov-k-2025-gody/>

11. Ma Q. Cognitive neuroscience, Neuroeconomics, and Neuromanagement / Q. Ma, X. Wang // Management World. – 2006. – № 10. – P. 139 – 149.

12. Neuro project management: monograph / E. Khalimon, I. Brikoshina, S. Apenko, K. Klepneva, M. Romanenko, V. Kizeev. Москва: РУСАЙНС, 2020. 74 с.

13. Wikipedia, the free encyclopedia [Electronic resource] <https://en.wikipedia.org/wiki/Neuromanagement>

14. Wikipedia, the free encyclopedia [Electronic resource] <https://en.wikipedia.org/wiki/Neuroleadership#:~:text=Neuroleadership%20refers%20to%20the%20application,commonly%20believed%20adds%20any%20value>

УДК 811.12

ОСОБЕННОСТИ ПЕРЕВОДА ЗВУКОПОДРАЖАНИЙ В КОМИКСАХ (НА МАТЕРИАЛЕ КОМИКСА «LORE OLYMPUS» И ЕГО ПЕРЕВОДА НА РУССКИЙ ЯЗЫК)*М. Г. Зеленцова,**кандидат филологических наук, доцент кафедры теории и практики перевода, Институт филологии, Крымский федеральный университет имени В. И. Вернадского, Симферополь**Н. Г. Маликова,**обучающаяся магистратуры, кафедра теории и практики перевода, Институт филологии, Крымский федеральный университет имени В. И. Вернадского, Симферополь*

Аннотация. Статья посвящена анализу особенностей перевода звукоподражаний комикса «Lore Olympus» с английского на русский язык. Авторы рассматривают такие понятия, как «креолизованный текст», «комикс» и звукоподражание при этом анализирует наиболее частые способы перевода звукоподражаний на примере креолизованного текста.

Ключевые слова: звукоподражание; креолизованный текст; перевод; комикс.

Summary. The article focuses on the peculiarities of translating comics «Lore Olympus» from English into Russian. The authors of the article explore definitions to the concepts of «creolized text» and «comics» at the same time analyze the most common ways of translating onomatopoeia using the example of a creolized text.

Key words: onomatopoeia; creolized text; translation; comic books.

В последние несколько лет в странах СНГ все большую популярность обретает такой вид художественных произведений как комиксы. Их перевод имеет ряд определенных особенностей, вытекающих из структуры комиксов, представляющей по своей сути сочетание вербальных и изобразительных средств. Для того, чтобы перейти к особенностям, для начала нужно обратить внимание на основные понятия.

Итак, «креолизованные тексты – это тексты, фактура которых состоит из двух негомогенных частей: вербальной (языковой/речевой) и невербальной/иконической (принадлежащей к другим знаковым системам, нежели естественный язык)» [5]. Вербальные и изобразительные компоненты связаны на содержательном, содержательно-композиционном и содержательно-языковом уровне. Предпочтение того или иного типа связи определяется коммуникативным заданием и функциональным назначением креолизованного текста в целом. «При попытках построения типологии креолизованного текста исследователями рассматриваются различные уровни взаимоотношений вербального и невербального компонентов» [5].

Существует несколько классификаций креолизованного текста, различающихся в зависимости от роли изображения в организации текстов. Базовой считается классификация Е.Е. Анисимовой. В ней выделяются три

группы: «тексты с нулевой креолизацией; тексты с частичной креолизацией; тексты с полной креолизацией» [3]. Согласно данной классификации, комикс является текстом с полной креолизацией, поскольку изображение в комиксе является обязательным компонентом, без которого вербальный компонент будет непонятен реципиенту.

Согласно определению А. Г. Сонина под комиксом понимается «особый способ повествования, текст которого представляет собой последовательность кадров, содержащих, кроме рисунка, вербальное произведение, передающее преимущественно диалог персонажей, заключенный в особую рамку; при этом рисунок и заключенный в него вербальный текст образуют органическое смысловое единство» [8].

Наглядность комиксов можно объяснить особенностями их структуры: диалоги и прямая речь помещены в особые пространства – филактеры, мгновенно узнаваемые реципиентом как «носители» прямой речи. Их также называют «речевые или мыслительные пузыри» [3].

Таким образом, автором создается имитация разговорной речи. Изучив языковое наполнение филактеров, были сделаны выводы, что в комиксах встречается лексика, относящаяся ко всем стилям речи и разным областям человеческой деятельности. Характеристики разговорной речи проявляются на всех языковых уровнях, но наиболее ярко признаки разговорности представлены на уровне фонетики и лексики. Особое место в комиксе занимают звукоподражания и междометия.

Согласно определению А. Г. Сонина, «звукоподражание (ономатопея, идеофон) – это слово, которое служит для имитации звуков окружающей действительности средствами языка» [8].

Исследования по данной тематике также можно встретить, например, в работах Новосёловой А. С. и Боровиковой К. В. «Особенности перевода комикса с английского языка на русский», а также у Алексеевой Н. А. в работе «Особенности перевода ономатопов в комиксах» и у Воробьевой Е. В. в «Проблема передачи ономатопей на примере перевода комиксов с норвежского языка на русский». Все эти исследования посвящены проблемам функционирования звукоподражаний в комиксах и их передачи во время перевода на другой язык [2], [4], [5].

Для данного исследования нами был выбран комикс «Lore Olympus», являющийся, на данный момент, одним из самых популярных комиксов на сервисе Webtoon. Работа все еще в процессе, а официальный перевод на русский язык существует только в количестве трёх томов. В «Lore Olympus» мы столкнулись со следующими примерами: ha! – ха!, sigh – Эх, Mrrrr Mrrrr – Вжжж-вжжж (звук вибрации телефона), click – щелк (to click – щелкать), knock-knock-knock-knock – тук-тук-тук-тук (to knock – стучать) [4], [7].

Говоря о переводе звукоподражаний, А. С. Новоселова отмечает необходимость «отталкиваться от того факта, что в контексте данное явление приобретает определенное значение, привносит в высказывание

Таким образом, можно отметить, что комикс – достаточно специфический жанр, имеющий свои особенности и тонкости, который должен учитывать переводчик при работе. Несмотря на то, что подавляющее количество звукоподражаний можно перевести с помощью транслитерации и грамматической замены, в некоторых случаях невозможно даже подобрать эквивалент и переводчику приходится прибегать даже к описательному способу перевода, пренебрегая структурой комикса. Хочется также подчеркнуть, что данная тема исследования требует ещё более глубокого и тщательного анализа и основываясь на данное исследование, можно говорить лишь о предварительных выводах.

Список использованных источников

1. Абибуллаева Э. М. Приемы передачи языковой игры на другой язык / Э. М. Абибуллаева, М. Ю. Лукинова // Переводческий дискурс: междисциплинарный подход: Материалы VI международной научно-практической конференции, Симферополь, 28–29 апреля 2022 г. – С. 3-7.
2. Алексеева Н. А. Особенности перевода ониматопов в комиксах [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://www.academia.edu/download/58601185/> (дата обращения: 26.01.2023)
3. Анисимова Е. Е. Лингвистика текста и межкультурная коммуникация (на материале креолизованных текстов). Учебное пособие / Е.Е. Анисимова. М.: Академия, 2003. – 128 с.
4. Воробьева Е. В. Проблема передачи ониматопей на примере перевода комиксов с норвежского языка на русский [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/problema-peredachi-onimatorey-na-primere-perevoda-komiksov-s-norvezhskogo-yazyka-na-russkiy> (дата обращения: 25.01.2023)
5. Новосёлова А. С., Боровикова К. В. Особенности перевода комикса с английского языка на русский // Вестник научного общества студентов, аспирантов и молодых ученых. Серия: Филология. – Комсомольск-на-Амуре, 2018. – С. 200–207.
6. Пасекова Н. В. Некоторые особенности перевода приемов языковой игры на английский язык (на материале перевода повести С. Довлатова "Заповедник") / Н. В. Пасекова // Переводческий дискурс: междисциплинарный подход: материалы IV международной научно-практической конференции, Симферополь, 23–25 апреля 2020 г. – С. 292-297.
7. Смайт Р. Предания олимпа / Р. Смайт [Переводчик: Климашёнков М., Ермулина А.]. – М.: Манн, 2022.
8. Сонин А. Г. Комикс: психолингвистический анализ: монография. Барнаул: издательство АлГУ, 1999. 110с.
9. Smythe R. Lore Olympus. Webtoon, 2018. 4 vol.

УДК 811

ИТ-ПЕРЕВОД: ОТ ТЕОРИИ К ПРАКТИКЕ*М. Г. Зеленцова,**кандидат филологических наук, доцент кафедры теории и практики перевода, Институт филологии, Крымский федеральный университет им. В. И. Вернадского, Симферополь**Т. Е. Маркова,**обучающийся второго курса магистратуры кафедры теории и практики перевода, Институт филологии, Крымский федеральный университет имени В. И. Вернадского, Симферополь*

Аннотация. Данная статья посвящена изучению значения понятия «ИТ-перевод» и анализу современных вызовов, стоящих перед переводчиком ИТ-сферы XXI века. Выявлены основные направления ИТ-перевода и проанализированы специфические проблемы, с которыми сталкивается ИТ-переводчик.

Ключевые слова: ИТ-перевод, информационные технологии, переводоведение, ИТ продукт, терминология.

Summary. The article considers the study of the concept «IT-translation» as well as those problems the professional translator can face in the XXI century. Both basic spheres of IT translations and specific challenges of IT-products translation are analyzed.

Key words: IT-translation, information technology, translation studies, IT-product, terminology.

В результате стремительной глобализации многие сферы человеческой деятельности начали бурно и стремительно развиваться, подвергаясь при этом процессу компьютеризации. Компьютерные, телекоммуникационные и цифровые технологии все больше внедряются в нашу повседневную жизнь, наполняя ее новыми понятиями, терминами и одновременно увеличивают словарный запас любого языка. XXI век – век постоянного прогресса, благодаря новым передовым технологиям.

Стоит отметить, что специалисты под информационными технологиями (далее ИТ) понимают широкий спектр дисциплин и областей деятельности, которые относятся к технологиям управления и обработки данных с применением вычислительной техники. Однако в последнее время все чаще под ИТ понимают компьютерные технологии. Сфера переводчиков не стала исключением. Как справедливо отмечают В. В. Ильченко и Е. В. Карпенко: «для профессиональной подготовки будущему переводчику просто необходимо изучение информационных ресурсов и технологий, программных и сетевых средств, пригодных для осуществления переводческой деятельности с помощью компьютера, с целью формирования информационно-технологической компетенции переводчика» [2]. При этом степень использования ИТ будет сугубо индивидуальным показателем для каждого переводчика.

В теории переводоведения существуют две основные концепции

исследований в области перевода. Первая – традиционная, лингвистическая, существовавшая на протяжении веков и проявляющаяся в парадигме эквивалентности, ориентированная главным образом на аудиторию, получателя. Ее чаще всего называют «культурно-ориентируемой парадигмой» [1, с. 57]. Другая – постоянно меняющаяся парадигма из-за меняющихся технологий, технических разработок, платформ, сред и т.д. Это своеобразный переход от бумажного формата к цифровому, в Интернет-пространство, где текст становится мультимодальным, «который доносит до читателя информацию не только вербально, не только буквами, но и через другие семиотические каналы, например, иллюстрациями, звукорядом, музыкой, языком тела» [3].

IT-перевод по праву занимает достойное место среди всего объема письменного перевода, так как большая часть всех инноваций приходит из-за рубежа и у пользователей возникает необходимость в переводе тех продуктов, в которых они заинтересованы: от мобильных приложений, инструкций к техническому оборудованию, до локализации компьютерных игр, сайтов, фильмов и программного обеспечения, поступающего на IT-рынок России. Такое многообразие новых продуктов, создаваемых IT-отраслью, порождает огромное количество текстов, требующих перевода.

В результате современных тенденций в техническом прогрессе, в переводческой сфере возникло понятия **IT-перевода**, в котором различают следующие направления:

Схема 1. Основные направления IT-перевода

С появлением IT-перевода возникли и те специфические проблемы, с которыми сталкивается IT-переводчик:

- ✓ в каждом продукте IT-сферы «своя терминология» и переводить ее надо единообразно, при этом с ее постоянным развитием лексикон IT-специалистов постоянно пополняется новыми сленговыми выражениями, которые могут не иметь своих аналогов в иностранном языке;
- ✓ значительная часть словарного состава принадлежит профессионализмам;
- ✓ стремительный рост IT-сферы, что влияет на появление новых терминов и понятий, для которых нет устоявшихся русских наименований;
- ✓ границы между терминами и сленгом в русскоязычном IT довольно размыты. Здесь возникает проблема: в офиц. документации

использование сленга неуместно, а на профессиональных форумах – сленг вполне уместен среди специалистов;

✓ иногда переводчик получает глоссарий от менеджера продукта, где есть пояснения только на английском языке;

✓ наличие в узкоспециализированных текстах специфичных аббревиатур;

✓ наличие сленговых выражений;

✓ наличие заимствованной терминологии (хотя многие из них универсальны и не требуют перевода);

✓ образность англоязычной лексики выше, чем в русском языке;

✓ легкость в постоянном создании неологизмов в английском языке создают дополнительные трудности для поиска эквивалента на русском языке в переводческом сообществе.

В итоге данный подязык функционирует достаточно в закрытом пространстве (общение внутри профессиональной группы специалистов), а с другой стороны – в относительно открытом, где специалисты общаются с другими людьми, заказчиками продуктов IT и встречаются в рамках профессиональных мероприятий (совещаний, конференций и т.д.).

Итак, перевод в сфере информационных технологий (ИТ или IT-перевод) – крайне востребованный, крайне неустойчивый, изменчивый вид перевода цифрового мира. Расстояния и национальные границы стираются, а многоязычие остается. Связующим звеном в коммуникации по-прежнему остается переводчик, но уже обладающий расширенным спектром фоновых знаний о мире, науке и технологиях. И миссия переводчика состоит в поиске оптимального переводческого решения, от которого зависит взаимопонимание между членами коллектива друг друга, и качество подачи IT продукта на рынок.

Список использованных источников

1. Гамбье Ив. Перевод и переводоведение на перекрестке цифровых технологий // Вестник СПбГУ. – сер. 9. – Филология. Востоковедение. Журналистика. – 2016. – Вып. 4. – с. 57.

2. Ильченко В. В. Информационно-технологическая компетенция как компонент профессиональной подготовки переводчика [Электронный ресурс] // Вісник ХНУ. – № 897. – 2010, с. 181–185. – Режим доступа: http://archive.nbu.gov.ua/portal/Natural/vkhnu/Rgf/2010_897/Karpenko.pdf

3. Кибрик А. А. Модус, жанр и другие параметры классификации дискурсов // Вопросы языкознания. – 2009. – № 2. – С. 3–21.

4. Норец М. В. Особенности перевода медиатекста интернет-СМИ / М. В. Норец, Ш. З. Злюфарова // Переводческий дискурс: междисциплинарный подход: Материалы V международной научно-практической конференции, Симферополь, 29–30 апреля 2021 г. – С. 220–223.

5. Перевод в сфере информационных технологий [Электронный ресурс] Режим доступа: <http://www.classic-perevod.ru/perevod-v-sfere->

informacionnyh-tehnologij.html

УДК 82-311.1

ИСТОРИЯ ПЕРЕВОДОВ ПСИХОЛОГИЧЕСКИХ РОМАНОВ МЭРИ ВЕСТМАКОТТ НА РУССКИЙ ЯЗЫК

М. Г. Зеленцова,

кандидат филологических наук, доцент кафедры теории и практики перевода, Институт филологии, Крымский федеральный университет имени В. И. Вернадского, Симферополь

В. Л. Файзуллин,

обучающийся второго курса магистратуры кафедры теории и практики перевода, Институт филологии, Крымский федеральный университет имени В. И. Вернадского, Симферополь

Аннотация. Данная статья посвящена истории переводов психологических романов М. Вестмакотт, которые выходили в России с 90-х годов по настоящее время, а также анализу переводческих решений переводов 90-х с современными. Представлены часто совершаемые ошибки, а также различные переводческие трансформации, используемые переводчиками.

Ключевые слова: Агата Кристи, психологический роман, «Центрополиограф».

Summary. This paper is about translation attempts of psychological novels written by M. Westmacott, which were published in Russia from the 90s to the present, as well as a small analysis of the main differences between the translations of the 90s and modern ones is done. The paper features frequently mistakes made by the specified translators, as well as various translation transformations used by them.

Key words: Agatha Christie, psychological novel, “Tsentrpoliograf”.

Агата Кристи – имя широко известное в мире литературы. Автор многих известных детективных произведений, она также писала в жанре психологического романа. Причина, по которой эти романы не так популярны заключается в том, что А. Кристи писала их под псевдонимом Мэри Вестмакотт. Популярность среди читателей и исследователей эти романы начали набирать относительно недавно. В данной серии вышло всего шесть романов, демонстрирующие новую грань ее уникального литературного таланта, а именно «Хлеб гиганта» (Giant’s Bread, 1930); «Неоконченный портрет» (Unfinished Portrait, 1934) «Разлука весной» (Absent in the Spring, 1944) «Роза и тис» (The Rose and the Yew Tree, 1947); «Благие намерения» (A Daughter’s a Daughter, 1952); «Бремя любви» (The Burden, 1956).

Но прежде чем говорить о данных романах, стоит обратить внимание на самом определении сути психологического романа. Психологический роман – это разновидность романа, где автор ставит себе цель анализа и

глубокого исследования человека, а точнее его внутреннего мира. Сюжет в таком романе не первостепенен, но и не стоит на последнем месте. Обычно сюжет в психологическом романе служит для раскрытия персонажей их характеров, их душевных терзаний и тех изменений, которые они переживают [10].

Причём обстоятельства, предлагаемые в таком романе, никогда не будут спокойными, так как автор стремится поставить главного героя (или героев) в кризисный период жизни, где сможет раскрыть психологические характеристики, а также показать взаимодействие с окружающим миром. Психологический роман обычно отображает острые социальные проблемы. По этим причинам, психологический роман считается эдаким синонимом обычного романа в принципе. Именно поэтому эти пять романов так были важны для А. Кристи. Она вписала в эти романы, по сути, саму себя. Да, персонажи Вестмакотт появятся под разными именами и в разных ситуациях, но говорят об одном и том же, а именно о терзаниях главной героини, о том, через что пришлось пройти этой женщине, и как она стала смотреть на мир после этого.

Как справедливо отмечает Тусина Н. В.: «Художественный мир романов А. Кристи имеет общее внутреннее единство – присутствие автобиографического образа самой писательницы. С одной стороны, лирико-психологические романы А. Кристи – комментарий ее жизни, ее судьбы, своеобразный дневник, фиксирующий переживания, впечатления, чувства самой писательницы, в котором она предстает в полноте своего умственного, нравственного и бытового опыта, с другой, – это «универсалия бытия», исповедуемая ею «философия жизни». Автобиографическое начало, проецируемое на все лирико-психологическое творчество А. Кристи, продолжает английскую традицию рефлексивности, самопознания и самоуглубленности, выражающуюся в интересе к лирической прозе автобиографического характера. В ней лиризм выступает как особый способ художественного мышления, в котором преобладает сокровенное, личное переживание, как способ выражения интереса к самым истокам переживаний человека» [11].

В данной статье были детально проанализированы романы «*Unfinished portrait*» (1934), «*Absent in the Spring*» (1944), «*The Rose and the Yew Tree*» (1948), «*The Burden*» (1956) и «*Giant's Bread*» (1930), вышедшие из-под пера писательницы с 1930 по 1956 гг.

Итак, роман «*Unfinished portrait*» («Неоконченный Портрет»), был написан в 1934 году, который имеет несколько переводов на русский язык: авторы Е. Шальнева в 1993г.; Н. Лукашов в 1996 г.; С. Шпак в 1998 г. В данной статье детальному анализу был рассмотрен перевод А. Ганько, выполненный в 2018 г. в издательстве «Центрополиграф». Сюжет «*Unfinished portrait*» следующий: главная героиня романа, молодая женщина по имени Селия недавно в разводе. Поездка на экзотический остров не помогает ей отвлечься от горечи развода из-за чего она начинает

думать о том, чтобы тихо уйти. Но её останавливает художник-портретист Ларраби. В итоге, художник убеждает её повременить с её решением и просит хотя бы рассказать её историю. Оставшаяся часть романа – это повествование Селии (настоящее имя девушки, кстати, не известно, а это имя ей дал сам Ларраби) о её жизни и несчастьях.

Как уже было сказано ранее, сюжет в психологическом романе вещь не первостепенная, так как на первом плане стоит раскрытие героев через их мысли, терзания и жизненные испытания. Это значит, что текст, с которым пришлось столкнуться переводчикам был полон сложных как для перевода, так и для понимания моментов, которые могли быть неправильно переведены из-за неправильной интерпретации.

Поэтому, прежде чем обозначать ошибки, неточности и вольности в переводе, совершенные переводчиками, обозначим сначала, что является ошибкой при переводе, что неточностью, а что вольностью. Для этого воспользуемся классификацией Л. К. Латышева [7]. А именно:

«1. Ошибки в трансляции исходного содержания – функционально не мотивированные отклонения от содержания оригинала, различающиеся по степени дезинформирующего воздействия.

2. Искажения – субъективно обусловленное отклонение содержания перевода от оригинала, в результате которого воздейственный потенциал переведённого текста не соответствует воздействию потенциалу оригинального текста (вводит в заблуждение получателя относительно предмета сообщения, вызывает неадекватные представления).

3. Неточности – отклонения от содержания оригинала, характеризующиеся меньшей степенью дезинформирующего воздействия; немотивированное опущение или добавление информации, не искажающее полностью содержание оригинала, но требующее уточнения.

4. Неясности – функционально-содержательный изъян перевода, затемняющий смысл высказывания, достаточно четко выраженный в исходном тексте, часто возникают из-за неудобоваримости синтаксических конструкций. Может быть связан с неудачным выбором слова или структуры фразы, либо обусловлен неадекватным использованием или неиспользованием переводческого приема.

5. Лексическая ошибка – ошибка, связанная с неправильным использованием основного или контекстуального значения слова, а также нарушение норм сочетаемости слов в языке перевода.

6. Грамматическая ошибка – нарушение грамматических (в т.ч. синтаксических) норм языка перевода, не приводящее к искажению смысла оригинала.

7. Стилистическая ошибка – использование слова, конструкции или стилистического средства, не соответствующих по своим функционально-языковым свойствам той жанрово-стилистической разновидности текстов, к которой принадлежит перевод» [7].

И, конечно же, сюда так же входят орфографические и

пунктуационные ошибки.

Теперь рассмотрим несколько примеров перевода из романа «*Unfinished portrait*».

Оригинал	Е. Шальнева	«Центрополиограф» (А. Ганько)
1. Do you know the feeling you have when you know something quite well and yet for the life of you can't recollect it [14]?	1. Бывает у вас такое ощущение, когда вроде бы и знаешь что-то очень хорошо и в то же время никак не можешь припомнить [4]?	1. Бывают ли у вас провалы в памяти? Случается ли вам мучиться смутным беспокойством, причину которого вы никак не можете вспомнить, но точно знаете, что она существует [5]?
2. Green pastures – a green valley – with sheep and the shepherd [14].	2. Зеленые пастбища... зеленая долина... с овечками и пастухом [4].	2. Зеленая лужайка, на ней овцы, пастух... [5]
3. I've thought it funny... [14].	3. Мне иногда казалось смешным... [4].	3. Меня всегда удивляло... [5].

Первое, что можно заметить, это то, что русские переводчики в 90-х реже использовали такие приёмы перевода как членение предложений и описательный перевод, наоборот стараясь перевести ближе к оригинальному тексту, в отличие от перевода «Центрополиографа», где текст постарались перевести более искусно.

Во втором случае явно видно желание придерживаться ближе к оригинальному тексту, где один из синонимов *green valley* и *green pastures*. Хотя, казалось бы, можно спокойно убрать один из синонимов (через опущение) оставив в русском варианте всего лишь одно словосочетание.

Однако, в случае перевода «*I've thought it funny*» заметно, что порой креативный подход А. Ганько не всегда уместен, так как перевод *I thought it funny*, всё же звучит уместнее, в интерпретации переводчиков 90-х, которые переводили по традиции, в отличии от перевода современности, в котором зачем-то заменили значение слова *funny* создав неточность.

И это далеко не единственный роман, в котором были такие ошибки и неточности. В последующих переводах романов М. Вестмакотт были не менее интересные образцы странностей в переводе.

Так, роман М. Вестмакотт «*Absent in the Spring*» для писательницы был очень важным романом, ведь как заявляла сама А. Кристи: «Здесь я писала в точности так, как хотела писать, а для художника нет удовольствия выше этого» [8]. Сюжет, повествует о девушке по имени Джоан, которая из-за погодных условий, оказалась, можно сказать, наедине сама с собой в дешёвенькой гостинице посреди пустыни. У женщины нет ничего чем можно себя занять, из-за чего та начинает погружаться в свои мысли, в свою жизнь, постепенно осознавая какую же нелепую и неправильную жизнь она живёт. Первый перевод этого произведения был сделан А. Гобузовым в 1995 году. Через 5 лет Т. Бердикова отредактировала перевод А. Гобузова. Последний перевод к книге был сделан недавно, в 2018 году «Центрополиографом» (А. Ганько). Книга оказалась весьма непростой в плане перевода. Даже название вызвало у переводчиков трудности.

А. Гобузов перевёл название книги как «Пропавшая весной»; Т. Бердикова перевела как «Вдали весной»; «Центрополиограф» перевели «Разлука весной». И это далеко не единственные различия в переводе:

Оригинал	Т. Бердикова	«Центрополиограф» (А. Ганько)
Yes, Joan thought, that was a really <u>narrow shave</u> [10].	Да, подумала Джоанна, это был в самом деле <u>очень сложный момент</u> [3].	Да, подумала Джоан, наша <u>жизнь висела на волоске</u> [5].
If only she had something to read... Or even, thought Joan desperately, a wire puzzle [10]!	Если бы у нее была хоть какая-нибудь книжка... Или даже, подумала в отчаянии Джоанна, была бы у нее с собой какая-нибудь игра-головоломка [3]!	Если бы что-нибудь почитать... Или хотя бы кроссворд! – в отчаянии думала Джоан [5].
Service – that’s my idea of <u>heaven</u> [10].	Служба – вот мое представление о <u>мире горнем</u> [3].	Служение – вот как мне видятся <u>Небеса</u> [5]

Но не только название вызвало сложности, что у переводчиков 90х, что у современных. Всё произведение наполнено такими фразами, которые при внимательном рассмотрении вызовут вопросы у исследователей в области перевода. В случае с переводом «*narrow shave*», Т. Бердикова применила описательный перевод, а «Центрополиограф» использовали модуляцию. И хотя оба варианта подходят по смыслу, но всё равно остаётся ощущение неточности перевода.

Также в этом произведении проявилась ещё одна проблема, а именно перевод реалий. *Wire puzzle* яркий тому пример. Ведь на самом деле, это действительно головоломка с проволокой, или крючком, однако в русских реалиях такого определения нет, поэтому Т. Бердикова предпочла генерализацию, а А. Ганько модуляцию. Однако предмет, показанный в оригинале, не был передан точно, что вызвало искажение, так как пропал символ, показывающий насколько сильно героиня запуталась в себе.

Ещё один не менее важный момент, при переводе психологических романов М. Вестмакотт – это религиозная тематика. И опять же, если сегодня требования к переводу стали более строгими, то вот в 90х на перевод могли серьёзно повлиять религиозные взгляды переводчика. Поэтому удивляться, что перевод слова *heaven* вышел таким разным, не стоит.

Рассмотрим следующий роман «*The Rose and the Yew Tree*» (Роза и Тис). Он вышел в 1948 году. Существует три перевода данного романа: А. Гобузов («Тис и роза») в 1996 г.; А. Ващенко («Роза и тис») в 2000 г.; «Центрополиограф» (А. Ганько) («Роза и тис») 2002 г. В отличие от «*Absent in Spring*» в названиях не было сильной путаницы. Лишь в первом издании от А. Гобузова название было не «Роза и тис», как в последующих двух переводах, а почему-то «Тис и роза». Попав в дорожно-транспортное происшествие мужчина по имени Хью Норрейс оказался прикован к своему дивану. Со своего дивана он видит, как Джон Габриэль баллотируется в

парламент в небольшом здании. Корнуолл города Санкт-Лео. Неспособность Хью ходить, вызывает у его посетителей жалость, побуждающую его посетителей раскрывать свои чувства и секреты. Из этих рассказов Хью узнаёт побольше о Габриэле, об уродливом человечке, который, однако, пользуется популярностью у дам. Хью также узнаёт об Изабелле, красивой молодой женщиной из замка, расположенного по улице выше. Позже, многие жители города, включая, Хью, шокированы, когда узнают, что Габриэль, победив на выборах, не встал на пост члена парламента, а сбежал вместе с Изабеллой. В данном романе появлялись и те ошибки, и неточности, что уже были упомянуты, но поговорим, про новые, те о которых ещё не было сказано.

Оригинал	А. Ващенко	«Центрополиграф» (А. Ганько)
I said, quite unpardonably, but irresistibly: 'You're dreadfully unhappy, aren't you? [13]	Я не мог удержаться и (что было совершенно непростительно) сказал: – Вы ужасно несчастны, не правда ли, [6]?	У вас, наверное, какое-то горе? – Мои слова прозвучали довольно беспардонно, но <u>улики были налицо</u> , а я в ту пору был несдержан [5].
This is goodbye [13].	Это прощание [6].	Прощайте! Больше мы не увидимся [5].

В первом случае проявляется, такая ошибка в трансляции исходного содержания как добавление лишних фраз. Да, конечно, данная фраза была сказана для уточнения. Но дело в том, что при сравнении фраза выглядит перенасыщено, плюс смысл пусть и немного, но меняется. Из-за чего перевод А. Ващенко смотрится точнее, хоть он и сделан просто по традиции.

Однако в случае с прощанием всё наоборот. Перевод по традиции А. Ващенко не играет переводчику на руку и предпочтение больше хочется отдать адаптации «Центрополиграфа», поскольку этот вариант точнее передаёт эмоциональную окраску момента разлуки.

Роман «*The Burden*» вышел в 1956 г. Первый перевод на русский в 1996 г. сделал А. Гобузов (Бремя); В. Челнокова (Бремя любви) 2000 г; И. Манёнок (Бремя любви) в 2002 г, а в 2018 году Центрополиграф тоже перевели это произведение. В данном случае переводчики после Гобузова предпочли использовать дополнение в своём переводе названия для того, чтобы читателю было понятно по названию о чём будет книга. Сюжет рассказывает о двух сестрах Лауре и Ширли. Лаура всегда была нелюбимым ребенком в семье, из-за чего она ужасно ненавидела свою младшую сестру, Ширли. В дело вмешивается один очень неприятный несчастный случай, который указывает Лауре на её ошибку. После чего, счастье младше сестры стало главной целью в жизни для Лауры. Она окружает Ширли такое заботой и опекой, что для Ширли это превращается в моральное давление, из-за чего та начинает думать, о том, как бы вырваться из родного дома, который стал для неё клеткой. А после, уже и сама Ширли начинает нести бремя любви, но уже к собственному мужу.

В первом случае переводчица совершила ошибку на русский искажив перевод, из-за чего «*unemotional*» стал звучать не как «бесстрастный», а как

«невзрачный», хотя перевод слова невзрачный совсем другой, а именно «*inexpressive*». Это ещё одна проблема переводчиков 90х, которая свойственна и современным, но не столь явно, а именно использование слов при переводе схожих по смыслу, но разных по значению.

Оригинал	В. Челнокова	«Центрополиграф»
Difficult to know what went on behind that straight, <u>unemotional</u> gaze [12].	Трудно понять, что таит этот прямой, <u>невзрачный</u> взгляд [2].	Трудно догадаться, что происходит у нее в голове, что таится за этим прямым <u>бесстрастным</u> взглядом [5].
<u>Teething convulsions</u> , her aunt had called those childhood seizures [12].	Эти детские припадки тетя называла <u>зубовными судорогами</u> [2].	Ее тетя называла эти конвульсии <u>судорогами, которые бывают у детей, когда у них режутся зубы</u> [5].

Конечно, бывают и случаи, когда, не зная точно, как лучше перевести, переводчики предпочитают использовать описательный перевод. В случае с переводом словосочетания «*Teething convulsions*», описательный перевод «Центрополиографа» сработал лучше, чем окказионализм В. Челнокова.

Последний роман М. Вестмакотт, который перевели в России был роман «Хлеб Великанов» (или Вторая жизнь), но по ироничному стечению обстоятельств, «Хлеб Великанов» был самым первым психологическим романом, который А. Кристи написала под псевдонимом Мэри Вестмакотт. Первый перевод романа сделал В. Санаров в 1997 году. В 2000 году перевод сделала Е. Чевкина, а ещё годом позже перевод дополнила А. Яковлева (Хлеб гигантов); 2001 г. Свой собственный перевод в 2006 году сделала Е. Максимова. И наконец уже в 2018 году В. Тирдатов из издательства «Центрополиограф» выпустил свой перевод. Что-нибудь ещё говорить об этом произведении будет излишне. Почти все вышеупомянутые моменты перевода встречаются и в этом произведении.

По итогу, можно сказать следующее: рассмотрев труды переводчиков романов М. Вестмакотт как 90-х, так и современных, можно отметить многообразие в выборе приемов перевода. Начиная с простых переводов, старающихся следовать как можно ближе оригинальному тексту и заканчивая современными переводами, которые стараются креативно подходить к задаче и применять множество разных приёмов, для того чтобы подать не текст максимально близко к оригинальному, а передать ощущения при прочтении этого самого текста максимально близко к тем, которые испытывает заграничный читатель. Однако чьи же переводы всё же лучше? Что же, этот вопрос мы, пожалуй, оставим не ответным. Пусть каждый читатель этих прекрасных произведений решает для себя сам.

Список использованных источников

1. Джумайло О. А. Английский исповедально-философский роман 1980-2000 гг: автореферат дисс. ... доктора филологических наук / Джумайло Ольга Анатольевна. – Москва, 2014. – 40 с.
2. Кристи А. (под псевдонимом Вестмакотт М.) Бремя любви [Электронный ресурс] / А. Кристи [Переводчик: В. Челнокова]. // Режим

доступа: <https://bookshake.net/b/bremya-lyubvi-agata-kristi> (дата обращения: 14.01.2023).

3. Кристи А. (под псевдонимом Вестмакотт М.) Вдали весной [Электронный ресурс] / А. Кристи [Переводчик: Т. Бердикова]. // Режим доступа: <https://bookshake.net/r/hleb-velikanov-neokonchennyy-portret-vdali-vesnoy-agata-kristi?page=222> (дата обращения: 26.11.2022).

4. Кристи А. (под псевдонимом Вестмакотт М.) Неоконченный портрет [Электронный ресурс] / А. Кристи [Переводчик: Е. Шальнева]. // Режим доступа: <https://coollib.com/b/363449/read#t5> (дата обращения: 10.01.2023).

5. Кристи А. (под псевдонимом Вестмакотт М.) Психологические романы Агаты Кристи [Электронный ресурс] / А. Кристи [Переводчик: А. Ганько]. // Режим доступа: <https://avidreaders.ru/read-book/psihologicheskie-romany-agaty-kristi-meri-uestmakott.html?p=1#h1> (дата обращения: 10.01.2023).

6. Кристи А. (под псевдонимом Вестмакотт М.) Роза и Тис [Электронный ресурс] / А. Кристи [Переводчик: А. Ващенко]. // Режим доступа: <https://bookshake.net/r/roza-i-tis-meri-vestmakott> (дата обращения: 13.01.2023).

7. Латышев Л. К., Семенов А. Л. Перевод: теория, практика и методика преподавания: Учеб. пособие для студ. перевод. фак. высш. учеб. заведений. – М.: Академия, 2003. – 192 с

8. Норец М. В. Религиозно-философская идентификация романа Д. Брауна "Код Да Винчи" / М. В. Норец, В. И. Цирульник // Филологические открытия: Сборник научных статей VII Международной научно-методической конференции, Уссурийск, 23 мая 2019 г. – С. 94-96.

9. Не детективные шедевры Агаты Кристи [Электронный ресурс] // Yagazeta.com. – Режим доступа: <https://yagazeta.com/stilzhizni/nedetektivnye-shedevry-agaty-kristi/>

10. Определение термина «Психологический роман» [Электронный ресурс] // TextoLogia.ru. – Режим доступа: <https://www.textologia.ru/slovari/literaturovedcheskie-terminy/psihologicheskij-roman/?q=458&n=490>

11. Тусина Н. В. Персональная модель Агаты Кристи в свете соотношений жанра детектива и жанра лирико-психологического романа // Концепт. – 2014. – № 02 (февраль). – ART 14039. – 0,5 п. л. – URL: <http://e-koncept.ru/2014/14039.htm>. – Гос. рег. Эл № ФС 77-49965. – ISSN 2304-120X

12. Christie A. (writing as Westmacott M.) Absent in the Spring [Electronic Resource] / A. Christie // Mode of access: URL: https://efrem.net/christie-writing-as/82077-absent_in_the_spring.html (дата обращения: 25.11.2022).

13. Christie A. (writing as Westmacott M.) The Burden [Electronic Resource] / A. Christie // Mode of access: URL: <https://www.rulit.me/books/the-burden-read-68048-1.html> (дата обращения: 13.01.2023).

14. Christie A. (writing as Westmacott M.) The Rose and the Yew Tree

[Electronic Resource] / A. Christie // Mode of access: URL: https://celz.ru/agatha-christie-writ/82096-the_rose_and_the_yew_tree.html (дата обращения: 13.01.2023).

15. Christie A. (writing as Westmacott M.) Unfinished Portrait [Electronic Resource] / A. Christie // Mode of access: URL: https://archive.bookfrom.net/christie-writing-as/82079-unfinished_portrait.html (дата обращения: 10.01.2023).

УДК 81'25:81'373:811.112.2

ЭРРАТОЛОГИЧЕСКИЙ КОНВЕНЦИОНАЛЬНЫЙ АНАЛИЗ ПЕРЕВОДА НЕМЕЦКИХ ИНСТРУКЦИЙ ПО ЭКСПЛУАТАЦИИ БЫТОВЫХ ПРИБОРОВ

А. Н. Злобин,

*кандидат филологических наук, доцент кафедры теории речи и перевода,
факультет иностранных языков, Мордовский государственный
университет имени Н. П. Огарева, Саранск*

Аннотация. Предпринимаемая в рамках переводческой эрратологии критика перевода инструкций или руководств по эксплуатации бытовых приборов с немецкого языка на русский нуждается в выработке объективных критериев, основанных на современном коммуникативно-функциональном подходе к переводу. Избранные в качестве таковых культурно-зависимые конвенции способствуют экспликации конвенциональных ошибок, релевантных для проведения лингвокультурной правки в процессе перевода.

Ключевые слова: перевод, конвенциональные проблемы перевода, коммуникативно-функциональный подход к переводу, перевод руководств по эксплуатации бытовых приборов, конвенциональные переводческие ошибки.

Summary. The criticism of the translation of instructions or manuals for the operation of household appliances from German into Russian, undertaken within the framework of translation erratology, needs to develop objective criteria based on a modern communicative-functional approach to translation. The culturally-dependent conventions chosen as such contribute to the explication of conventional errors that are relevant for linguocultural editing in the translation process.

Key words: translation, conventional problems of translation, communicative-functional approach to translation, translation of user manuals for household appliances, conventional translation errors.

Настоящая статья посвящена изучению конвенциональных проблем перевода, а именно сопоставительному изучению конвенциональных особенностей перевода текстов инструкций или руководств по эксплуатации бытовых приборов с немецкого языка на русский с учетом их композиционной организации, изложения и оформления и выявлению

основных конвенциональных переводческих ошибок.

Необходимо отметить, что настоящее исследование выполнено в русле коммуникативно-функционального подхода к переводу [6], при котором языковые и неязыковые средства рассматриваются с точки зрения их функциональной роли в коммуникации. Данная модель включает в себя такие характеристики, как включенность в коммуникативную и предметную деятельность, вторичность как специфика текста перевода, этапно-циклический характер, учет культурных конвенций и своеобразия взаимодействующих культур, наличие определенной стратегии переводчика.

Как известно, руководство по эксплуатации – это документ или интерактивное электронное приложение, содержащие сведения о конструкции, принципе действия, технических характеристиках изделия, его составных частях и указания по эксплуатации. Эти сведения необходимы пользователю для правильной и безопасной эксплуатации приобретенного им изделия (использования по назначению, технического обслуживания, текущего ремонта, хранения и транспортирования), оценки его технического состояния при определении необходимости отправки в ремонт, а также утилизации всего изделия или его составных частей. Руководство по эксплуатации, как правило, разрабатывается и входит в комплект поставки на все технически сложные изделия. Оно сопровождается невербальными элементами: иллюстрациями, таблицами, схемами и чертежами, и часто переводится на несколько языков [5].

Следует отметить, что оформление текстов руководств по эксплуатации носит устоявшийся характер. В центре нашего внимания находится его архитектура, отдельные слова и выражения, а также целые текстовые блоки, которые, по мнению И. С. Алексеевой, «подчинены конвенциям, т.е. социально обусловленным правилам, сложившимся стихийно. Эти правила не принято нарушать как бы по негласному договору. Количество конвенций в каждом типе текста зависит от характера источника: чем ближе источник к коллективному, тем больше в нем конвенций... Конвенциональные признаки культурнозависимы..., если они не совпадают, переводчику приходится планировать лингвокультурную правку» [1, с. 8]. Привлечение в качестве дополнительного материала исследования параллельных текстов руководств на русском языке, включая переводы, способствует выявлению межкультурной конвенциональной специфики немецких текстов инструкций с присущей им специальной терминологией, употреблением сложных предложений с ярко-выраженными лексическими, морфологическими и стилистическими особенностями.

Многие исследователи рассматривают экстралингвистические и лингвистические признаки руководства по эксплуатации «как жанр институционального инструктивного дискурса, к основным характеристикам которого относят нормативность, клишированность,

иерархичность, апеллятивность, целостность, системность и др.» [7]. Несмотря на существенное количество работ, посвященных изучению текстов руководств по эксплуатации бытовых приборов и их языковых особенностей, рассматриваемый нами жанр до сих пор не имеет достаточно полного описания в аспекте межъязыковой коммуникации, в результате чего качество перевода сопровождающей технической документации импортных бытовых приборов оставляет желать лучшего. Приведенные факты подтверждают актуальность исследования, которая заключается в необходимости исполнения качественного технического перевода инструкций к бытовой технике, произведенной в Германии и пользующейся неизменным спросом у российского потребителя. Кроме того, она продиктована необходимостью дальнейшей систематизации текстового материала, который востребован в сфере профессионального обучения студентов технических специальностей немецкому языку и переводу иноязычной специальной литературы.

Объектом нашего исследования является жанр институционального инструктивного дискурса, а предметом – конвенциональная специфика его перевода на русский язык. Как уже отмечалось выше, его цель заключается в выявлении эрратологической конвенциональной спецификации переводов текстов немецких инструкций по эксплуатации бытовых приборов на русский язык и экспликации основных конвенциональных переводческих ошибок.

Решение поставленной цели и задач, а также характер анализируемого материала предопределили выбор методов исследования. Среди них сопоставительный метод (выявление сходств и различий в реализации жанра инструкции в немецкой и русской культурах, сравнение русскоязычных переводов с исходным текстом для выявления общих принципов передачи на русский язык наблюдаемых текстовых явлений) и эрратологический конвенциональный анализ немецких инструкций с привлечением параллельных текстов на русском языке, включая переводы.

Материалом исследования послужила интернет-выборка немецкоязычных инструкций по эксплуатации бытовых приборов известных зарубежных фирм производителей, а именно пылесосов BEAM и их переводы на русский язык [3]. Выбор материала исследования обусловлен тем, что встроенные пылесосы (или центральные пылесосы, стационарные пылесосы) Beam Electrolux – самые продаваемые встроенные пылесосы в мире.

Теоретический анализ специальной литературы, проведенный в исследовании, позволяет нам говорить о наличии огромного интереса ученых к избранной проблематике, а именно к изучению ошибок в рамках общелингвистических и психолингвистических наук. В современной эрратологии внимание сфокусировано на описании типологии ошибок и установлении их причин появления, а также на разработке коррекционных методик преподавания. В нашем исследовании мы будем придерживаться

определения понятия переводческой ошибки Н. В. Лягушкиной и И. В. Савитским. По мнению авторов, это «непреднамеренный сбой в реализации переводческой стратегии, нарушающий норму, снижающий качество перевода и мешающий достижению его цели» [4].

В результате сопоставительного эрратологического конвенционального анализа интернет-выборки переводов немецких инструкций на русский язык были выявлены следующие конвенциональные переводческие ошибки. Например, прежде всего не соответствует конвенциям сам титул в тексте перевода «**БИМ**» – пылесос **BS-1500**». Для инструкций характерна стандартизированность, наличие различных клише. Поэтому следует передать в соответствии с конвенциями ПЯ как «**Пылесос «БИМ» BS-1500. Руководство пользователя**». Вводная часть анализируемого нами исходного текста (ИТ) содержит обращение к покупателю с выражением благодарности за покупку данного прибора:

ИТ: *Herzlichen Glückwunsch zum Kauf Ihres neuen Beam Bodenstaubsaugers. Sie haben ein modernes und zuverlässiges Gerät gekauft, das Ihnen zur Arbeit im Haushalt erleichtern wird.*

ПТ: *Наши поздравления за покупку Вашего нового напольного пылесоса. У Вас есть теперь современный и надежный прибор, который значительно облегчит Вашу работу в домашнем хозяйстве.*

Данный перевод представляется конвенционально ошибочным, поскольку инструкция представляет собой документ, характеризующийся клишированностью оформления. Как отмечается многими исследователями, в случае расхождения в исходной и принимающей культуре содержательных глубинных конвенций возможны два пути. Первый это – сокращение объема данного композиционного элемента, второй – полное его опущение в тексте перевода (ПТ). Примером может послужить наличие во вводной части немецкоязычной инструкции по эксплуатации элементов рекламы прибора, что в целом на сегодняшний день нетипично для русскоязычного текста инструкций.

Поэтому при коммуникативно-функциональном подходе к переводу эту информацию следует опустить в ПТ, так как она не соответствует текстовым конвенциям в культуре языка перевода. В случае нарушений текстовых конвенций и сохранения данного фрагмента в ПТ может произойти искажение восприятия и вызвать некоторое недоверие к тексту в целом. В соответствии с конвенциями будет более верным ПТ: «*Благодарим за приобретение пылесоса фирмы БИМ*» или «*Мы рады, что Вы решили приобрести напольный пылесос фирмы БИМ*».

При сравнении разделов в исходном тексте и переводе выявлен ряд конвенциональных расхождений. Ср.:

ИТ: *Beschreibung des Gerätes, Wichtige Sicherheitshinweise, Allgemeine Hinweise, Vor der Inbetriebnahme – MontageAbb.1 – Um 360 Grad drehbares Saugrohr, Abb. 2 Teil 1 – zwei Veränderungsröhre, Teil B – Bodensaugdüse, Teil C – Polsterdüse, Teil D – Fugendüse,*

Gebrauchsanweisung, Filterwechsel, Mikrofilter Plus, Reinigung, Fehlerbehebung, Garantiebedingungen, Technische Daten.

ПТ: *Описание прибора, Важные меры предосторожности, Общие указания, Перед монтажом приемкой в эксплуатацию Рисунок 1 – поворачивающаяся на 360 засасывающая труба, Рисунок 2 Часть А – две трубы-удлинители, Часть Б – насадка для чистки пола Часть В – насадка для чистки мягкой обивки Часть Г – насадка для чистки швов, Замена фильтров, Микрофильтр Плюс, Чистка, Описание неисправности.*

Кроме того, в тексте перевода не выделяется раздел «**Garantiebedingungen**». Переводчик передает информацию в ПТ, не выделяя ее разделом. Возможно, он руководствовался тем, что гарантии замены или ремонта распространяются только в пределах ФРГ, т.е. сделал прагматическую адаптацию.

Раздел «**Важные меры предосторожности**» нужно было перевести не дословно, а как «**Меры предосторожности**», что характерно для русских инструкций. В нем также выявлены следующие конвенциональные ошибки.

Например, в ПТ: «*Убедитесь, что напряжение в Вашей сети соответствует данному на задней стенке пылесоса*» будет неверным употребление притяжательного местоимения «**Вашей**», что является конвенциональной ошибкой, поскольку в инструкциях на русском языке оно не используется. Поэтому мы предлагаем следующую редакцию ПТ: «*Убедитесь, что напряжение источника электропитания соответствует напряжению, указанному на задней панели прибора*», в котором «заднюю стенку пылесоса» сменим на «заднюю панель» и поясним, о каком напряжении идет речь.

Раздел «**Перед монтажом приемкой в эксплуатацию**» нужно перевести как «**Сборка**».

Конвенциональными ошибками при переводе инструкций, по мнению многих исследователей, являются ошибки при переводе терминологии. В качестве примера мы можем привести следующие:

ПТ: «*Кнопка для открывания емкости для мешочка для пыли*», «*мешочек для пыли*» необходимо, на наш взгляд, заменить на узуальный перевод «**мешок-пылесборник**», так как употребление лексики с уменьшительно-ласкательными суффиксами не приемлемо для стиля инструкции.

ПТ: «*Отверстие засасывающей трубы*» необходимо заменить на «**регулятор на рукоятке иланга**».

ПТ: «*Показатель интенсивности засасывания пыли*» на «**индикатор интенсивности всасывания пыли**».

ПТ: «*Сетевой кабель*» на «**сетевой шнур**».

ПТ: «*Показатель наполненности мешочка с пылью*» следует заменить на «**индикатор заполнения мешка-пылесборника**».

Пункт 5 в описании «*Ножной переключатель на автоматическое*

сматывания кабеля» следует заменить на *«ножной переключатель и функция автоматического сматывания шнура»*.

Конвенциональные ошибки выявлены и в нижеследующих примерах:

ПТ: *«Перед чисткой, опустошением мешочка, заменой фильтра выключите прибор и обесточьте его»* необходимо исправить с учетом имеющихся конвенций и передать как: *«Перед очисткой мешкапылесосборника, заменой фильтра отключите устройство от сети»*.

ПТ: *«Отключите прибор из сети»* следует исправить на *«от сети»*, *«соответственное напряжение»* на *«соответствующее»*.

В заключение отметим, что выявленные в переводах на русский язык немецких инструкций к пылесосам «Бим» конвенциональные переводческие ошибки (konventionelle Fehler), а именно missachtete Normen (unangemessener Stil) und falsche zielkulturelle Konventionen (Textsorte, Textaufbau, Typographie) [2, с. 131, 145] недопустимы в профессиональном переводе, потому что они нарушают нормативные требования и существенно снижают качество перевода.

Список использованных источников

1. Алексеева И. С. Письменный перевод. Немецкий язык. СПб.: Изд-во «Союз». – 2006. – 368 с.

2. Бретшнайдер Д. Письменный перевод с немецкого на русский в сфере профессиональной коммуникации: учеб. для изучающих немецкий язык. М.: АСТ-ПРЕСС ШКОЛА. – 2008. – 168 с.

3. Инструкции по эксплуатации [Электронный ресурс] – <https://www.manualspdf.ru/beam> (дата обращения 7.01.2023).

4. Лягушкина Н. В., Савитский И. В. Эрратологический анализ переводческих решений: теоретический и прикладной аспекты [Электронный ресурс] – <https://www.gramota.net/materials/2/2012/4/29.html> (дата обращения 7.01.2023).

5. Руководство по эксплуатации [Электронный ресурс] – <https://ru.wikipedia.org/wiki> (дата обращения 10.01.2023).

6. Сдобников В. В. Новые тенденции в переводоведении [Электронный ресурс] // Казанский вестник молодых ученых Педагогические науки. Перевод в XXI веке: вызовы эпохи и перспективы развития. – 2018. – Т. 2. – № 4 (7). – <https://kpfu.ru/portal/docs/F1770079829/18.Sdobnikov.pdf> (дата обращения 10.01.2023).

7. Соболева Н. В., Запелалова Л. А. Руководство по эксплуатации как жанр инструктивного дискурса [Электронный ресурс] // Успехи гуманитарных наук. – 2021. – №8. – <http://mhs-journal.ru/wp-content/uploads/2021/06/mhs-8.pdf> (дата обращения 10.01.2023).

УДК 80, 82

УДК 811.12

ИНДИВИДУАЛЬНЫЙ СТИЛЬ ДВУХ ПЕРЕВОДОВ ПОВЕСТИ Р. БРЕДБЕРИ «ВИНО ИЗ ОДУВАНЧИКОВ»

Н. Ф. Злобина,

*доктор филологических наук, профессор кафедры славянской филологии,
историко-филологический факультет, Православный Свято-Тихоновский
гуманитарный университет, Москва*

Аннотация. В статье рассмотрены индивидуальные стили на примере двух переводов повести Р. Бредбери «Вино из одуванчиков». Концептуальные понятия «стилевое пространство», «конфигурация стилей», включающие исследования внутренней формы слова, фразы, т.е. «образа образа», раскрывают стилеобразующую основу художественного творчества и работают в области перевода. Разная «конфигурация стилей» приводит к созданию неодинаковых образов главного персонажа и разной лингвокультурной реакции читателя.

Ключевые слова: индивидуальный стиль, образ образа, образ идеи, поэтическая традиция.

Summary. The article considers individual styles on the example of two translations of R. Bradbury's novel «Dandelion Wine». The conceptual concepts of «style space», «style configuration», which include the study of the internal form of a word, phrase, i.e., «image of an image», reveal the style-forming basis of artistic creativity and work in the field of translation. Different «configuration of styles» leads to the creation of different images of the main character and different linguistic and cultural reaction of the reader.

Key words: individual style, image of an image, image of an idea, poetic tradition.

Идиостиль – компонент единой системы, включающей проблемы художественной семантики, т.е. изучение специфики речи художественных произведений, отражающей индивидуальное творческое сознание. Вербально-семантический, когнитивный, мотивационный уровни индивидуального стиля вызывают интерес не только у ученых-специалистов, но и у простых читателей.

Задача статьи состоит не в выяснении лингвокультурных расхождений оригинала и переводов, но в выяснении особенностей индивидуальных стилей переводов Э. Кабалева и А. Оганяна эпизода повести «Вино из одуванчиков» Р. Бредбери. В работе сравнивается образ главного героя в двух переводах и лингвокультурная реакция читателя, так как концепция динамической эквивалентности утверждает, что только одинаковые эмоциональные и интеллектуальные реакции читателей оригинала и перевода могут говорить об его эквивалентности. «Воспитанное на языковых закономерностях читательское сознание осмысляет слово как определенную семантическую структуру. Заложенный в читателе интуитивный образ слова, его внутреннего строения создает

объективную предпосылку для читательского восприятия» [3, с. 264].

Перевод художественного образа опирается на области языка, связанные с внутренней формой слова. Широко понимаемая внутренняя форма слова включает «во внутреннем пространстве художественного стиля и сам этимологический образ, и образную имитацию этимологического образа (образ образа)» [3, с. 265]. Индивидуальный стиль выбранного эпизода в переводе заметно отличается. Образ образа в разных переводах различается, потому что «внутренней форме принадлежит огромная роль в стилевой индивидуализации содержания» [3, с. 274]. Стиль преобразует мысль. Преобразование художественной семантики происходит с помощью таких приемов как «сгущение» и «разложение», «свертывание» и «развертывание», «убыстрение» и «замедление», включающие семантику интонационного рисунка, морфосемантический уровень слова, фонемные комплексы и т.д. Таким образом внутренняя форма участвует в смысловых процессах перевода. Это качественные характеристики стиля, в которых отражается художественное своеобразие произведения. Вокруг нее происходит системная организация всех основных параметров стиля: художественного мира, художественной условности, художественной речи.

Повесть Р. Бредбери «Вино из одуванчиков» – образ счастливого детства, вызревавший и оформлявшийся в воображении писателя пошагово и закреплявшийся в лексике и синтаксических оборотах с любовью и нежностью к детским воспоминаниям. Детский взгляд на мир одухотворяет все вокруг, и олицетворение неживой природы для ребенка естественно, именно поэтому метафора, олицетворение, сравнение и др. являются доминантными стилевыми художественными средствами в создании образа детства в повести Р. Бредбери. Образный строй, метафорику, доминантные сравнения и перечни сравнений, разговорный синтаксис, близкие ребенку формы мысли передают переводы Э. Кабалевской [1] и А. Оганяна [2].

Принципиальным для перевода повести является передача течения жизни через мировосприятие ребенка. Семантика художественного образа «детство», его внутренняя форма, вкладываемая автором и создающая индивидуальный стиль передачи этого образа, формирует образ образа детства в восприятии переводчика, и передается им на основе национальной литературной традиции. Насколько сохраняется трепетный образ детства, как выбранный лексико-семантический план и синтаксис перевода поддерживают адекватное оригиналу восприятие этого образа образа, рассмотрим подробнее. Семантические отличия и разные способы передачи мысли обращают на себя внимание с самого начала произведения.

Представим перевод Э. Кабалевской с филологическим пояснением: «Утро было тихое, город, *окутанный* (*перен.* обволакивая, плотно окружить со всех сторон (поэт.)) тьмой, мирно нежится в постели. Пришло лето, и ветер был летний – теплое дыхание мира, *неспешное и ленивое*» (Э.К.) – Ровная ритмика фразы задается синтаксисом сложного

предложения, где есть два двусоставных и одно односоставное предложение с приложением. Семантика синтаксиса и лексики совпадает и передает поэтический образ неспешного и ленивого пробуждения ребенка.

«*Стоит* лишь *встать*, *высунуться* в окошко, и тотчас *поймешь*: *вот* она начинается, *настоящая* свобода и жизнь, *вот* оно, первое утро лета» (Э.К.) – Глаголы *стоит встать*, *высунуться*, *поймешь* передают намерение выполнить действие. Слово высунуться – разговорное и в контексте устного синтаксиса, на что указывают местоимения *вот*, оно звучит органично. Указательное местоимение *вот* повторяется два раза, что вкладывает в значение слова «лето» смыслы свободы и независимой от учебы жизни.

«Дуглас Сполдинг, двенадцати лет от роду, только что открыл глаза и, как в теплую речку, *погрузился в предрассветную безмятежность*. Он лежал в *сводчатой комнатке* на четвертом этаже – во всем городе не было башни выше, – и оттого, что он *парил* так высоко в воздухе вместе с июньским ветром, в нем рождалась чудодейственная сила» (Э.К.). Семантика существительного «безмятежность» помогает создать образ ребенка, который целиком отдается состоянию невозмутимого спокойствия, блаженства, замирания перед чудом воскресения нового дня. В этом состоянии человек вступает как бы в новое измерение, где прежние суетные, бессмысленные и бесполезные правила жизни уступают место бережному вниманию сначала к себе, затем к другим. Согласно христианскому толкованию, состояние безмятежности помогает в поиске добра, правды, в выборе нравственно правильных правил поведения, в различении добра и зла, полезного и вредного. Оно помогает очищению души. Глаголы «погрузился» (*перен.* Целиком отдаться чему-либо), «парил» (*перен.* *Высок.* Устремляться к возвышенным мыслям, чувствам.) передают и усиливают состояние неподвижности утренней тишины, предельно возвышенного состояния души. Выделенные ключевые слова близкой стилевой направленности, где высокий стиль слова «парил» еще раз подтверждает состояние блаженства, согласованная семантика предстоящего чуда подготавливает рассказ о чем-то необыкновенном, что будет происходить в следующем периоде.

Лексика и синтаксис создают образ спокойного и мечтательного ребенка, с сильным и глубоким воображением. Взгляд на детский одухотворяющий окружающий мир автор передает с помощью переноса свойств, качеств, действий и др. с одного предмета, явления, действия и на другой язык в форме сравнения, метафоры, олицетворения и др. Автор передает онтологический процесс, происходящий в сознании ребенка. Такой метафорический перенос способствует своеобразному познанию мира. Детское восприятие мира, наивная созерцательность ребенка руководит стилевым оформлением перевода Э. Кабалевской. В них отчетливо проявляется целостность стиля произведения.

А это перевод А. Оганяна. Он создает образ, как ни странно, совсем

другого ребенка. «Безмятежное утро. Город, **укутанный** (*перен.* застилая, скрыть от глаз (о тумане, темноте и т. п.) **во** тьму, нежится в постели» (А.О.) Определение безмятежный – (ничем не тревожимый, без волнений) теряет основные смыслы существительного безмятежность, которое включает значение духовного блаженства. «Погода **насыщена** летом. Дуновение ветра – блаженство. Теплое дыхание мира – **ровно и размеренно**» (А.О.). – Мысль передана с помощью трех простых предложений. Паузы внутри предложений на месте тире и паузы с падающей интонацией утверждения между простыми предложениями создают отрывистую ритмику, семантика которой перекрывает значения существительного «блаженство» и наречий «ровно и размеренно». Наблюдается рассогласованность и противоречие между семантикой интонации и лексики. Обращает на себя внимание необычная метафора «погода насыщена летом». Глагол «насытить» означает быть переполненным идеями и чувствами, но значения полностью отдаться им не имеет. Можно сказать, что автор перевода допускает речевую ошибку.

«**Встань, выгляни** из окна, и тебя мгновенно **осенит** – вот же он, первый миг **всамделишной** свободы и жизни, первое летнее утро» (А.О.) Глаголы **Встань, выгляни** использованы в форме приказа, требования, автор прибегает к императиву. В одном предложении использованы разностилевые слова: «осенит» – устаревшее слово высокого стиля (внезапно **возникнуть**; неожиданно **прийти в голову**), «всамделишный» – просторечное слово, разговорное, фамильярное, детское. «В **сей** предраcсветный час на третьем этаже в **спаленке под стрельчатым потолком** только что проснулся Дуглас Сполдинг, двенадцати лет от роду, и доверчиво **пустился в плавание по лету**. Его **окрыляла высота** самой внушительной башни в городе, что **позволяла ему реять** на июньских ветрах». Сей час – *устаревшее* высокого стиля слово. Спаленка – слово с уменьшительно-ласкательным суффиксом отсылает нас к устной народной речи, разговорному стилю, совсем не свойственному мальчишескому сознанию. Глаголы «пустился» (*разговорное* – отправиться куда-нибудь, начать делать что-либо), «окрыляла» (приводить в состояние душевного подъёма; воодушевлять, ободрять, одушевлять), «позволяла» (разрешать, давать согласие, разрешение на что-либо) – *нейтрального* стиля.

Слово «реять» в русском языке имеет значение летать, парить легко в воздухе, если речь идет о знамени, флаге или птицах, и никогда о человеке. Повторимся, что и на сей раз мы встречаемся в русском языке с речевой несообразностью.

На протяжении отрезка наблюдается смысловая рассогласованность лексики и синтаксиса. Неоднородный стиль лексики в повествовании создает образ человека, лишённого твердости, колеблющегося во взглядах, с неустойчивой психикой, человека, отступающего от определенных правил и принципов, инфантильного мальчика.

Принципиальным для перевода повести является передача течения

жизни через мировосприятие ребенка, но с первых фраз переводчики рисуют разные образы 12-тилетнего Дугласа. В переводе Э. Кабалевской Дуглас спокойный и мечтательный ребенок, который живет живыми детскими фантазиями. В переводе А. Оганяна Дуглас – инфантильный грубоватый манерный мальчик, который утомлен детским тщеславием. Семантика художественного образа «детство», его внутренняя форма, вкладываемая авторами перевода, создает индивидуальный стиль передачи образа.

Насколько в каждом переводе удалось сохранить трепетный образ детства, как выбранный лексико-семантический план и синтаксис перевода поддерживают адекватное оригиналу восприятие образа детства судить профессионалам переводчикам. Мы констатируем факт разного индивидуального стиля переводчиков. Разное отношение к образу детства отразилось на системе художественных средств, избранных переводчиками для передачи переживаний, эмоций и мыслей главного героя.

Список использованных источников

1. Бредбери Р. Вино из одуванчиков. – М., – 2019. Электронный ресурс: <https://azbyka.ru/fiction/vino-iz-oduvanchikov>. (Дата обращения 10.10.2019). Перевод Э. Кабалевской
2. Бредбери Р. Вино из одуванчиков: перевод с английского / Рэй Брэдбери. – Москва: Издательство «Э», 2017. – 512 с.
3. Минералов Ю.И. Теория художественной словесности. – М., –1999.

УДК 81'255

ДОСТИЖЕНИЕ ЭКВИВАЛЕНТНОСТИ ПРИ ПЕРЕДАЧЕ РЕФЕРЕНЦИАЛЬНЫХ ЗНАЧЕНИЙ: МЕТОДИЧЕСКИЙ АСПЕКТ

Ю. П. Иванашко,

*кандидат филологических наук, доцент кафедры иностранных языков,
Амурский государственный университет, Благовещенск*

Е. А. Процукович,

*кандидат филологических наук, доцент кафедры иностранных языков,
Амурский государственный университет, Благовещенск*

Аннотация. Настоящая статья посвящена проблеме достижения переводческой эквивалентности при передаче референциальных значений. Рассматриваются типы семантических соответствий и способы их передачи с языка оригинала на переводной язык. Предлагается комплекс упражнений, направленных на приобретение и закрепление навыков перевода лексических единиц, имеющих частичные соответствия во взаимодействующих в процессе перевода языках.

Ключевые слова: референциальное значение, частичные соответствия, включение, пересечение, дифференцированность значения, ИЯ (исходный язык), ПЯ (язык перевода), эквивалентность перевода, типы упражнений

Summary. The paper focuses upon the translation equivalence of referential meanings in a source and a target language. The types of semantic correspondence and ways of their translation from the source language to the target one are considered. A set of exercises is proposed aimed at acquiring and consolidating the skills of lexical units' translation, having partial correspondence in source and target languages.

Key words: referential meaning, partial correspondence, nesting, overlapping, meaning differentiation, target language, source language, translation equivalence, task types.

Настоящая статья продолжает цикл методических работ по переводу и представляет рекомендации по обучению студентов направления подготовки 45.04.03 «Фундаментальная и прикладная лингвистика» навыкам передачи референциальных значений лексических единиц, частично совпадающих в семантическом плане в ИЯ и ПЯ, при осуществлении письменного перевода с английского языка на русский и наоборот [1, 2].

В теории перевода под референциальным значением понимается отношение между знаком и предметом, обозначаемым данным знаком, при этом референтом знака является не единичный, конкретный предмет, а множество (класс) однородных предметов, процессов, явлений действительности, качеств. В случае обращения к определённом тексту (устному или письменному), когда речь идёт о конкретном предмете или явлении, следует говорить о денотате знака [3, с. 65–66].

Референциальные значения по сравнению с прагматическими и внутрилингвистическими сохраняются при переводе в наибольшей степени в связи с тем, что действительность, окружающая языковые коллективы, говорящие на разных языках, как правило, совпадает.

Несмотря на кажущуюся простоту работы переводчика с референциальными значениями исходного языка, находящими своё отражение в переводном, при их передаче могут возникать определённые проблемы, связанные с несовпадением круга значений и правил сочетаемости лексических единиц в пределах узкого контекста.

В случае абсолютного совпадения референциальных значений принято говорить о полных семантических соответствиях двух языков. Данное явление не представляет существенных трудностей для переводчиков и не будет рассматриваться в настоящей статье.

Наиболее многочисленная группа лексических единиц в языке оригинала и перевода имеет частичные соответствия, т. е. представлена такими словами, которые обладают неравным количеством значений в сопоставляемых языках, одна часть из которых совпадает, а другая – нет. Исходя из этого в рассматриваемой группе лексических единиц выделяют:

1) включения, представляющие собой такие отношения между единицами оригинала и перевода, при которых круг значений слова одного языка оказывается шире, чем у соответствующего слова другого языка;

2) пересечения, при которых у слов в двух языках совпадает одно значение, а другие расходятся;

3) недифференцированность значения – ситуация, при которой слову с генерализированным значением соответствуют разные понятия [3, с. 76-78].

Важной задачей практического курса перевода является научить студентов правильно понимать в представленном контексте значения лексических единиц, имеющих частичные совпадения, и переводить их с английского на русский язык и наоборот. Для этого необходимо разработать комплекс упражнений, позволяющих обучающимся познакомиться со всеми группами трудностей, возникающими при передаче референциальных значений, и научиться преодолевать их.

Ниже представлены фрагменты упражнений, которые используют авторы данной статьи при работе в группах студентов, изучающих практический курс письменного перевода [2].

На этапе знакомства с понятием «референциальное значение» студентам предлагается выполнить предпереводческие упражнения, заключающиеся в работе с изолированными лексическими единицами, не погружёнными в языковой контекст. Такие упражнения, при условии их выполнения на регулярной основе и в достаточном количестве, позволяют не только пополнить словарный запас и лучше понимать природу многозначных слов, но и расширить лингвистический кругозор студентов.

В упр. 1 представлен фрагмент задания на знакомство с явлением неполной эквивалентности – включением.

Упражнение 1. Выпишите значение каждого слова из представленных ниже пар и определите в каждой из них слово с более широким значением.

1. Кулак – fist; 2. собачка – doggy; 3. кот – cat; 4. куртка / пиджак – jacket; 5. родинка – mole; 6. орех – nut; 7. характер – character; 8. мастер – master; 9. чистый – pure; 10. красный – red.

В следующем задании – упражнении 2 – обучающиеся получают представление о втором типе частичных соответствий – пересечении.

Упражнение 2. Выпишите значение каждого слова из представленных ниже пар и определите в каждой из них общее значение.

1. Стол – table; 2. дом – house; 3. бумага – paper; 4. колокольчик – bell; 5. утка – duck; 6. шляпа – hat; 7. хвост – tail; 8. блокада – ban; 9. перо – feather; 10. игра – game.

Дифференцированность значения продемонстрирована в следующем задании.

Упражнение 3. Подберите как можно больше соответствий предложенным словам на языке перевода.

1. Cold; 2. удобный; 3. заря; 4. stove; 5. wash; 6. blue; 7. рассвет; 8. одеяло; 9. ручка; 10. гостиная.

После успешного выполнения студентами заданий на создание рядов

семантических значений слов в каждом языке и поиск эквивалентов лексическим единицам оригинала в языке перевода, можно перейти к упражнениям на поиск значений предложенных слов в пределах одного предложения (узкого контекста) (см. упр. 4, 5).

Упражнение 4. Переведите предложения, обращая внимание на значение выделенных слов.

1. He **argued** the man out of suicide.
2. His special interest lies in the **area** of literature.
3. Women **arise** to demand their rightful place.
4. People are having to move from luxury homes to **basic** two-roomed flats.
5. The facilities are terribly **basic**.
6. She **belted** down the garden path.
7. Third world cities have vast **belts** of poverty.
8. She works all day at a moving **belt**.
9. She began to paint her lips with **bold**, defiant strokes.
10. He returned her gaze **boldly** [4, 5].

Упражнение 5. Переведите предложения, обращая внимание на значение выделенных слов.

1. Are you by any **chance** the new teacher?
2. They were than glad to leave their cars parked and walk for a **change**.
3. Her reading glasses had bright green frames, which seemed out of **character**.
4. I have no option but to **charge** you strictly to say nothing about it.
5. Light the fire if you feel **chilly**.
6. His eyes were **clamped** shut.
7. Your grandfather's mind was never **clearer** than during the time he made his will.
8. He conducted his election tour in private railway **coach**.
9. The British singers were, **dare** I say it, very poor.
10. My arm has gone **dead** [4, 5].

На заключительном этапе освоения техник передачи референциальных значений языка оригинала средствами языка перевода обучающиеся осуществляют перевод отрывков и целых текстов современных литературных произведений, публицистики и материалов СМИ. Данный вид деятельности способствует совершенствованию навыков перевода в целом, помогает научиться достигать эквивалентность на всех языковых уровнях, пополнить свой тезаурус и расширить знания о культурных особенностях стран языка оригинала.

Ниже приведён пример упражнения на закрепление умений передачи референциальных значений с одного языка на другой. В упражнении использованы фрагменты романа С. Кинга «Мизери».

Упражнение 6. Переведите отрывки текста, обращая внимание на выделенные слова / словосочетания

1. Annie came and took the third bottle of **Pepsi**. 'I'll bring down

another couple of these before I go,’ she said. ‘Right now I need the sugar. You don’t mind, do you?’

‘Absolutely not. My **Pepsi** is your **Pepsi**.’

She twisted the **cap** off the bottle and drank **deeply**. Paul thought: Chug-a-lug, chug-a-lug, make ya want to holler hi-de-ho. Who was that? **Roger Miller**, right? Funny, the **stuff** your mind **coughed up**.

Hilarious.

2. Interspersed among the account of the **trial** were Letters to the Editor printed in the Denver and Boulder newspapers. Paul understood that Annie **had been driven to cull** only the most hostile ones – those which reinforced her **jaundiced view** of mankind as Homo brattus – but they **were vituperative** by any standards.

3. “Sidewinder, Colorado’, she said when he finally was able to ask the question. ‘My name is Annie Wilkes. And I am – ‘

‘I know,’ he said. ‘You’re my **number-one fan**.’

‘Yes,’ she said, smiling. ‘That’s just what I am.’

4. The image Annie Wilkes as an African idol out of She or King Solomon’s Mines was both ludicrous and queerly apt. She was a big woman who, other than the large but unwelcoming **swell** of her **bosom** under the gray cardigan sweater she always wore, seemed to have no **feminine curves** at all – there was no defined **roundness** of hip or buttock or even calf below the **endless succession** of wool skirts she wore in the house (she **retired** to her unseen bedroom to put on jeans before doing her outside chores). Her body was big but not **generous**. There was a feeling about her of **clots and roadblocks** rather than welcoming **orifices** or even open spaces, **areas of hiatus**.

5. He also saw **goeey splatters of food** on the housecoat, but she had only managed to get on one of her slippers. Thud-slush, went Annie’s feet as she approached him. **Thud-slush, thud-slush, thud-slush, thud-slush**. Her hair hung around her face. Her eyes were **dull** [6].

В заключении необходимо сказать, что навык передачи референциальных значений языковых знаков ИЯ средствами ПЯ имеет большую значимость для переводчика, так как эти знаки обозначают определённые предметы, явления действительности, признаки и т. д., и неправильный выбор лексической единицы в языке перевода для передачи семантики, заложенной в оригинале, может привести как к появлению неточностей, так и к полному искажению смысла текста. Предложенные авторами упражнения способствуют усвоению и закреплению навыков перевода слов, словосочетаний и выражений ИЯ, не имеющих полных соответствий в ПЯ, что позволит студентам избежать лексических ошибок в будущей переводческой деятельности.

Список использованных источников

1. Иванашко Ю.П., Процукович Е.А. Достижение эквивалентности при передаче прагматических значений: методический аспект // Переводческий дискурс: междисциплинарный подход. Материалы VI международной

научно-практической конференции. Симферополь, – 2022. – С. 132 – 136.

2. Иванашко Ю. П., Процукович Е. А. Практический курс перевода (учебное пособие для студентов языковых (45.03.03; 45.04.03) и неязыковых направлений подготовки). Благовещенск: Изд-во Амур. гос. ун-та, – 2021. – 215 с.

3. Бархударов Л. С. Язык и перевод: Вопросы общей и частной теории перевода. – Изд. 5-е. – М.: ЛЕНАНД, – 2017. – 240 с.

4. Collins COBUILT English language dictionary / Ed. in chief J. Sinclair. – London; Glasgow: Collins, –2007. – 1703 p.

5. Macmillan English dictionary. – Beijing: Foreign language teaching and research press, – 2003. – 1692 p.

6. King S. Misery. – London: Hodder & Stoughton, – 2011. – 369 p.

УДК 81.25

EQUIVALENCE IS THE CORE CONCEPT OF TRANSLATION

A. Z. Iskakova¹¹,

the 1st year PhD candidate of major 8D01719 – "Training of foreign language teachers" L.N. Gumilyov Eurasian National University, Kazakstan, Nur-Sultan

Аннотация. Можно утверждать, что концепция эквивалентности занимает центральное место в переводоведении. Тем не менее, это вызвало много жарких дискуссий среди переводчиков о его природе, определении и применимости. Цель этой работы – предложить критическую оценку наиболее важных теорий эквивалентности, выдвинутых экспертами в этой области, включая Вине и Дарбелнета (1958), Якобсона (1959), Ниду и Табера (1969), Кэтфорда (1965), Хауса (1997), Коллера (1979), Бейкер (1992) и В. Комиссаров (1990). Чтобы дать читателям более четкое представление о том, как развивалась эта идея, представлено несколько теорий. Делается вывод о том, является ли идея эквивалентности ценной для процесса перевода, зависит от точки зрения вовлеченных переводчиков относительно достоинств самой эквивалентности.

Ключевые слова: эквивалентность, семантическая эквивалентность, прагматическая эквивалентность, динамическая эквивалентность, грамматическая эквивалентность, текстовая эквивалентность, трансформационная эквивалентность.

Summary. It may be claimed that the concept of equivalency occupies a central place in translation studies. However, it has generated a lot of heated discussion among translators about its nature, definition, and applicability. The purpose of this work is to offer a critical assessment of the most important equivalence theories put forth by experts in the field, including Vinay and Darbelnet (1958), Jakobson (1959), Nida and Taber (1969), Catford (1965),

¹¹ Научный руководитель: к. пед. н., Ж. Н. Базарбекова
Scientific supervisor: Candidate of Pedagogical Sciences Z. N. Bazarbekova

House (1997), Koller (1979), Baker (1992), and V. Komissarov (1990). In order to provide readers a clearer grasp of how the idea developed, several theories are presented. It is concluded whether or not the idea of equivalence is valuable to the translation process depends on the viewpoint of the translators involved regarding the virtues of equivalence itself.

Key words: equivalence, semantic equivalence, pragmatic equivalence, dynamic equivalence, grammatical equivalence, textual equivalence, translational equivalence.

Language is a play on words and the means through which people converse with one another. We are exposed to our caregivers verbally explaining the world to us from the time we are infants. We may express our surroundings, emotions, and objects through language. Therefore, it is obvious that speaking is important in daily life.

A solid understanding of equivalency is necessary to comprehend the process of language translation. How people from different parts of the world connect is based on this fundamental principle of translation.

The source language and the destination language are involved in translation. Equivalence in this context refers to an effort to convert the information while keeping the original's context and meaning. Many people believe that words in other languages are interchangeable and that finding a match is all it takes to translate between them. There is no way that is truer than that.

It is crucial to maintain the original text's spirit. When the intended meaning of the words is lost, a literal translation is essentially meaningless. Equivalence can only be effective if you fully comprehend the message that the source content is attempting to convey. It covers the delivery's tone and manner as well as the content's significance. Machines simply cannot comprehend this, resulting in a flat translation devoid of interest.

Equivalence in translation is a functional coincidence between the source and the target text (A. Popovich, 1980).

Equivalent is an element of the target language whose function coincides with other element of the source language with the same function (O. Akhmanova, 1966).

Equivalence between the source and target texts does not imply their similarity. It refers to the level of resemblance between the source and destination target texts. The source and target texts may be pragmatically, semantically, and structurally identical when seen from a semiotic perspective.

Every text should be pragmatically equivalent to the source text, which implies that both texts should serve the same communicative purpose. The receptor should be affected by the target text in the same way that they were by the source text.

Semantic identity is employing identical lexical meanings for the units and similar grammatical meanings for the elements to describe the same situation.

The closest formal relationship between the source text and the target text is required for structural similarity.

Juliane House (1977) is in favour of semantic and pragmatic equivalence and argues that source text and target text should match one another in function. In fact, according to her theory, every text is in itself placed within a particular situation which has to be correctly identified and taken into account by the translator. If the source text and the target text differ substantially on situational features, then they are not functionally equivalent, and the translation is not of a high quality.

We are going to take a closer look at the concept equivalence, its types and make a study from the works of Vinay and Darbelnet, Roman Jakobson, Nida and Taber, Mona Baker.

Equivalence-oriented translation, according to Vinay and Darbelnet, «replicates the identical scenario as in the original, using wholly different phrasing». Additionally, they contend that if this approach is used during the translation process, the stylistic influence of the source language text can be preserved in the target language text.

They contend that the best approach is equivalency when dealing with proverbs, idioms, clichés, nominal or adjectival phrases, and onomatopoeia of animal sounds.

According to Vinay and Darbelnet, equivalent expressions between language pairs are acceptable as long as they are listed in a bilingual dictionary as «full equivalents». Later on, they do point out that glossaries and collections of idioms «can never be exhaustive." "The requirement for producing equivalences originates from the situation, and it is in the situation of the source language text that translators have to look for a solution,» they write in their conclusion. In fact, they contend that even if an expression's semantic equivalent from the source text is cited in a dictionary or glossary, it is insufficient and does not ensure a good translation. The following expression can be found in their list of examples that they use to support their theory: The fixed idiom «take one" has a French equivalent called "prenez-en un." However, the translator would need to look for an equivalent term in a similar situation and use the phrase *Échantillon gratuit* if the expression appeared as a notice next to a basket of free samples in a large store.

Since Roman Jakobson created the idea of "equivalence in difference," his study of equivalence gave the theoretical analysis of translation new life. He recommends three different types of translation based on his semiotic approach to language and the aphorism "there is no signatum without signum":

- Intralingual (within one language, i.e. rewording or paraphrase)
- Interlingual (between two languages)
- Intersemiotic (between sign systems)

Jakobson claims that, in the case of interlingual translation, the translator uses synonyms to convey the meaning of the original text. This indicates that there is not complete equivalency between code units in interlingual translations. Translation «involves two equivalent messages in two different codes», according to his view. Jakobson continues by stating that although languages may differ

from one another in terms of grammar to a greater or lesser extent, this does not preclude the possibility of a translation; rather, it simply means that the translator may encounter the challenge of not being able to find a translation equivalent. He admits that «where there is deficiency, terminology may be qualified and amplified by neologisms or semantic shifts, loanwords or loan-translations, and finally, by circumlocutions». Jakobson compares the grammatical structures of the English and Russian languages in order to illustrate his point. He says that when a word or sentence in the source text does not have a literal translation in the target text, the translator must determine the most appropriate method to express it.

Nida argued that there are two different kinds of equivalent: formal equivalence, also known as formal correspondence in the second edition by Nida and Taber (1982), and dynamic equivalence. Formal correspondence, as opposed to dynamic equivalence, which is founded on "the principle of equivalent effect," focuses emphasis on the communication itself, in both form and content. Each kind of equivalence is explained in further depth by the two theorists in the second edition (1982) of their work.

In formal correspondence, the closest translation of a source language term or phrase into the target language is used. There are not necessarily formal counterparts between language pairs, as Nida and Taber make evident. If the translation attempts to achieve formal rather than dynamic equivalence, they advise using these formal equivalents whenever possible. Since the target audience will not be able to easily understand the translation, the usage of formal equivalents may occasionally have major consequences in the target text (Fawcett, 1997). According to Nida and Taber, formal correspondence «typically affects the grammatical and stylistic patterns of the receptor language, and therefore distorts the message, so as to cause the receptor to misunderstand or to labor unnecessarily hard».

Concerning to the translation principle of "dynamic equivalence," a translator tries to convey the original meaning in the target language in a way that has the same effect on the target audience as the original language did on the source text audience. The message is maintained and the translation is faithful, they claim, even though the original text's format is frequently changed. This is true as long as the change complies with the rules of back transformation in the source language, contextual consistency in the transfer, and transformation in the receiver language.

In the plethora of recent works in this area, new adjectives have been attached to the idea of equivalence (including grammatical, textual, pragmatic, and several others). In Baker (1992), who appears to provide a more thorough set of requirements upon which the concept of equivalence might be established, the concept of equivalence is discussed in great detail. She examines the idea of equivalency at several levels in connection to the translation process, taking into account all relevant factors and thereby combining the linguistic and communicative approaches. She distinguishes between:

- Equivalence that can occur at the word level and above while translating between two languages. Baker acknowledges that, in a bottom-up approach to translation, equivalence at word level is the first element to be taken into consideration by the translator. In fact, the translator begins by examining the words individually in order to identify a direct "equivalent" term in the target language. Given that a single word can occasionally be given distinct meanings in different languages and may be considered to be a more sophisticated unit or morpheme, Baker provides a definition of the term "word." This means that while translating a word, the translator needs to pay attention a variety of elements, including number, gender, and tense.

- When discussing the variety of grammatical categories between languages, we talk about grammatical equivalence. She points out that different languages may have different grammatical rules, which might make it challenging to identify a direct equivalent in the target language. In fact, she argues that the way information or a message is conveyed might change noticeably depending on how the grammatical structures of the source language and the target language differ. Due to the lack of specific grammatical structures in the target language, these alterations may force the translator to either add or eliminate information from the target text. Baker focuses on the following linguistic constructions that could be problematic in translation: number, tense and aspects, voice, person, and gender.

- Textual equivalency, which describes the similarity of information and coherence between texts written in a source language and a target language. Texture is a highly significant aspect of translation since it offers helpful guidelines for understanding and analyzing the source text, which can aid the translator in trying to create a cohesive and coherent text for the TC audience in a particular setting. The choice of whether or not to preserve the coherence and cohesive ties of the original language text rests with the translator. Three primary considerations, including the intended audience, the translation's goal, and the type of material, will influence his or her choice.

- Pragmatic equivalence, while discussing implicatures and avoidance strategies during translation. It is implicit language that is important, not what is expressed out loud. Therefore, in order to convey the meaning of the source material, the translator must figure out suggested meanings in translation. The translator's job is to faithfully convey the author's intention to the target audience in a way that makes it easy for them to comprehend it.

Five types of equivalence in accordance with Verner Koller:

Denotative: the main content of the text is preserved (or "invariance of the content")

Connotative: purposeful rendering of connotations of the text by using of synonyms (or "stylistic equivalence")

Text-normative: rendering of genre and norms of languages

Pragmatic: orientation to a receiver (or "communicative equivalence")

Formal: rendering of formal specificities of the original text (word play, pun,

individual vocabulary of characters, etc.).

Catford was criticized very much for his linguistic theory of translation. His critics denoted that the translation process cannot simply be reduced to a linguistic exercise, as claimed by Catford for instance, since there are also other factors, such as textual, cultural and situational aspects, which should be taken into consideration when translating.

Linguistics is the only discipline which enables people to carry out a translation, since translating involves different cultures and different situations at the same time and they do not always match from one language to another.

According to V. Komissarov, one can distinguish five levels of equivalence: pragmatic, situational, lexical (semantic), grammatical, structural levels.

Pragmatic level

The source text's communicative function must be preserved in the translation above anything else. The work of R. Jakobson has a description and list of speech functions, and he noted the following:

- informative function, i.e. conveying information.
- emotive function, i.e. expressing the speaker's emotions.
- phatic function, i.e. making communication.
- metalingual function, i.e. describing language features.
- poetic function, i.e. aesthetic impact.

The general objective of communication, communication aim, or communication function is the one thing all of these statements have in common. The source and target texts don't seem to make sense together at first look since they typically refer to different contexts, lack similar semes (the smallest units of meaning), and use different grammatical structures.

Situational level

The same situation can be described in the source and target texts from several perspectives and using various word choices and sentence structures.

These parallels don't share any similar lexical or structural units. As a result, their word semes, grammar relationships between the sentence components, and content are all distinct. However, the utterances match up in terms of their communicational purposes and the similarity of the situation reported. Because of this identity, V. Komissarov calls this type of equivalence «identification of the situation». Different languages frequently refer to the exact same issue. This is especially true of phrases.

Semantic paraphrase

Dealing with the transformation of meaning implies a semantic variation, or semantic paraphrase of the source language utterance.

On this level of equivalence, the source and target sentences describe the same situation, have roughly the same meanings, and serve the same purpose (goal), but they have different grammatical forms. Each word's meaning is made up of semes, the smallest sense element, as is well known. Although the set of semes is the same in the source and target sentences, they are arranged differently,

are verbalized differently, and do not share the same grammatical structure.

According to V. Komissarov, the two statements are similar on this level because they adopt a similar approach to describing the situation.

On **transformational equivalence** level, grammar modifications can be seen in both the target language and the source language sentences: The active can translate the passive predicate. Any additional alteration of the grammar's meaning within the phrase demonstrates equivalence on the transformational level, which V. Komissarov refers to as the level of the syntactic structure's invariant meaning. This level of similarity requires the utterance function to be retained, the same situation to be described, the source and target sentences to have the same meaning, and a very similar (but changeable) grammatical meaning.

Lexical and grammatical equivalence

The most semantic similarity between the source and target sentences can be discovered at this level. In actuality, this is a word-for-word translation in which every word and the whole structure maintains its original lexical and grammatical meaning, the context that the sentences denote is the same, and the communicative purpose of the utterances is preserved. The target sentence is identical in all of its forms to the sentence in the source language. The level of formal equivalence could therefore be used to describe it.

The levels of equivalence hierarchy

The relationship between the equivalency levels is not arbitrary. Every level that comes after that assumes the level before it. As a result, the degree of lexical and grammatical equivalence suggests that the phrases correspond to the same situations, have the same purpose, and have the same grammatical and lexical meanings (transformation and semantic equivalence). Although they represent the same situation and serve the same purpose, phrases that are identical on the semantic level do not share a same grammatical meaning since this degree of equivalence is higher than the transformational level. The hierarchy between degrees of equivalence that is observed is therefore unilateral, with lower levels assuming higher levels but not vice versa.

Unquestionably, one of the most challenging and contentious issues in the field of translation theory is the idea of equivalence. The term has sparked heated discussions within the subject of translation studies, and it appears highly likely that it will do so in the future. This concept has undergone substantial analysis, evaluation, discussion, and treatment from a variety of angles. The initial debates of the idea of "equivalence in translation" served as the impetus for subsequent definitions of the term by modern theorists. Even the summary of the problem provided above demonstrates its significance in the context of the theoretical discourse on translation. Equivalence is a concept that has proven difficult to define, making it impossible to approach this idea from a universal perspective.

References

1. Baker M. In Other Words: a Coursebook on Translation. London: Routledge. – 1992. – P.301.

2. Catford J.C. A Linguistic Theory of Translation: an Essay on Applied Linguistics. London: Oxford University Press. – 1965 – P.96.
3. Fawcett P. Translation and Language: Linguistic Theories Explained. Manchester: St Jerome Publishing. –1997 – P.102.
4. House J. A Model for Translation Quality Assessment. Tübingen: Gunter Narr. –1977 – P.28.
5. Kenny D. 'Equivalence', in the Routledge Encyclopaedia of Translation Studies. London and New York: Routledge. – 1998 – P.77 – 80.
6. Jakobson R. 'On Linguistic Aspects of Translation'. Cambridge, MA: Harvard University Press. – 1959 – P. 232 – 39.
7. Nida E.A. Towards a Science of Translating. Leiden: E.J.Brill. – 1964 – P.95.
8. Nida E.A. and Taber C.R. The Theory and Practice of Translation. Leiden: E. J. Brill. – 1969 – P.89.
9. Vinay J.P. and Darbelnet J. Comparative Stylistics of French and English: a Methodology for Translatio. Amsterdam / Philadelphia: John Benjamins. – 1995 – P.203.
10. Newmark P. Approaches to Translation. Oxford and New York: Pergamon Press. – 1981– P.58.
11. Komissarov V.N. Translation theory. Moscow: High School. –1990. – P.217.

УДК: 811.161.1(575.2) (04)

ОСОБЕННОСТИ ПЕРЕВОДА АНТОНИМОВ КИРГИЗСКОГО ЯЗЫКА НА РУССКИЙ (НА МАТЕРИАЛЕ ЭПОСА «МАНАС»)

М. Т. Исмаилова¹²,

соискатель БГУ им. К. Карасаева, Бишкек

Аннотация. Статья посвящена сопоставительному исследованию лексических особенностей антонимов в киргизском и русском языках на примере перевода киргизского эпоса «Манас» на русский язык, поскольку данная проблема ранее никогда не изучалась. Вопрос исследования антонимичных пар в киргизском и русском языках представляет не только теоретический, но и практический интерес. Перевод, как явление взаимоотношений и взаимосвязи языка и культуры, в последнее время становится все актуальней, так как именно адекватная передача смысла текста одного языка в другой помогает раскрыть специфику, а также передать культуру, быт, национальное своеобразие конкретного народа. Следовательно, роль переводчика, как языковой, творческой личности, в данном процессе очень велика – от него зависит культурно-языковая интерпретация и передача смыслов на одном языке средствами другого языка.

¹² Рецензия на статью: д. филол. н. А. Н. Сыдыков

Ключевые слова: антонимы, семантика, межкультурная коммуникация, культура, перевод, киргизский и русский языки, фольклор.

Summary. The article is devoted to the comparative study of lexical features of antonyms in the Kyrgyz and Russian languages on the example of the translation of the Kyrgyz epic «Манас» into Russian, since this problem has never been studied before. The question of researching antonymous pairs in the Kyrgyz and Russian languages is not only of theoretical but also of practical interest. Translation as a phenomenon of the relationship and interrelation of language and culture is becoming more and more relevant in recent years, since it is the adequate transfer of the meaning of the text of one language to another helps to reveal the specificity as well as convey the culture, everyday life, the national originality of a particular people. Consequently, the role of the translator, as a linguistic, creative person, in this process is very great – the cultural and linguistic interpretation and transmission of meanings in one language by means of another language depends on him/her.

Key words: antonyms, semantics, intercultural communication, culture, translation, Kyrgyz and Russian, folklore.

Вопросы сравнительно-типологического изучения антонимичных пар на базе различных языков представляет особый интерес, поскольку чтобы определить интернациональную и национальную специфику лингвокультуры требуется сравнение как минимум двух языков.

В настоящее время увеличение переводов в киргизском и русском лингвообществах вызывают насущную необходимость описания закономерностей и специфики перевода текстов данного коммуникативного пространства. Несмотря на разнообразие подходов к данной проблеме, культура во взаимодействии с языком мало изучена. Вопросы межъязыковой и межкультурной коммуникации всегда вызвали огромный интерес многих лингвистов. Современное языкознание стремится понять социально-историческую жизнь одной нации через языковые средства другой нации.

В данном исследовании проводится сопоставительный анализ антонимов киргизского и русского языков, их лексико-семантические особенности перевода. Сравнительный анализ перевода с оригинальным текстом помогает понять насколько переводчик смог раскрыть текст, обогатить и разнообразить общее представление, целостную картину мира.

У каждого народа есть своя история, есть непреходящие народные этические ценности, моральное наследие, устное творчество, прошедшее через исторический опыт, через различные испытания той или иной эпохи. Так, киргизский народ считается одним из народов, имеющих богатый фольклор. Так, например, эпос «Манас» – золотая сокровищница многовековой истории киргизского народа. В этом произведении собраны реликвии духовных находок нашего народа, значимые события пройденного исторического пути, переданные из поколения в поколение, великое наследие, национальная гордость. В эпосе «Манас», являющемся

художественной энциклопедией жизни кыргызского народа, представлены сведения об исторических событиях, пройденных кыргызским народом с древнейших времен. В связи с этим мы решили провести сопоставительный анализ передачи слов, входящих в антонимическую пару, с киргизского языка на русский именно на материале эпоса «Манас», попытались сравнить оригинал с его эквивалентом в языке перевода. Этим и обусловлена актуальность темы.

Для решения поставленных задач был использован сопоставительный анализ и описательный метод.

Антонимия, как лексико-семантическая категория языка, свойственна всем языкам. В различных языках существуют различные классификации антонимов. Это зависит от структурно-семантических типов исследуемого языка или из выбранных критериев и принципов. Термин «*лексическая антонимия*» в лингвистических исследованиях многих языков в целом характеризуется, как семантические отношения, имеющие противоположные значения.

Наиболее классическое определение данного термина: «Антонимы – это слова противоположного значения» [4, с. 95].

Н. А. Лобачева считает антонимами «слова с противоположным значением: высоко – низко, веселый – грустный, говорить – молчать. Антонимы, как правило, относятся к одной части речи» [2, с. 19].

Но подобные определения антонимии подвергались критике со стороны ряда ученых-лингвистов. Например, Л. А. Новиков не согласен с тем, что антонимами считаются только разнокорневые слова с противоположными значениями. Он считает, что данное определение термина является слишком жестким и не учитывает всех возможностей выражения противоположного в языке [3, с. 240].

Само по себе антонимия очень сложное явление в разделе лексикологии. А проблемы перевода антонимичных пар с языка оригинала на другой язык требуют пристального внимания. Антонимичные пары одного языка на другой язык могут переводиться как формально, так и наиболее точно. Это может быть обусловлено тем, что в языке перевода могут отсутствовать лексические или грамматические средства языка оригинала.

Рассмотрим данное утверждение на примерах из эпоса «Манас».

«Жармы *төгүн*, жармы *чын*

Жарандардын көөнү үчүн

Жабыратып айтабыз

Жолборс Манас жөнү үчүн

Көбү *төгүн*, көбү *чын*

Көпчүлүктүн көөнү үчүн

Күпүлдөтүп айтабыз

Көк жал эрдин жөнү үчүн» [5].

Мы использовали отрывок из эпоса «Манас» в переводе С. Липкина и

М. Тарловского.

Перевод:

«И вымысла, и правды смесь
 Переплелись в единстве здесь
 Свидетелей далеких лет
 Давным-давно на свете нет
 А правду знает только Бог!» [1].

Антонимичные пары «*төгүн-чын*» имеют такой же эквивалент на языке перевода «*вымысел-правда*».

Приведем другой пример:

«Кан төккүч Манас өзүмүн.
Жайы-кышы кар кетпес -
 Ала-Тоо биздин жерибиз,
 Таң калтырып аш берген –
 Кыргыз биздин элибиз!» [5]

Перевод:

«Зиму и лето Манасов меч
 Выковывал для будущих сеч!» [1]

Антонимичная пара «*жайы – кышы*» имеет точный перевод – «зима – лето», хотя в целом данная строка в киргизском языке несет совсем другую смысловую нагрузку – речь идет о ледниках горы Ала-Тоо.

Встречаются и случаи полного совпадения переводов антонимичных пар в сопоставляемых языках, например, когда Манаса избрали ханом:

«Биз көтөргөн каныбыз
 Аяк менен башыңа,
Карың менен жашыңа,
 Келер бекен эби? – деп» [5].

Перевод:

«Для хана *молод* эр-Манас,
 Отец его для хана *стар*» [1].

Рассмотрим другой пример. Здесь в оригинале текста речь идет о Жакыпе (отец Манаса), а при переводе авторы четко указали, о ком идет речь:

«*Түнүчүндө* уйку албай
Күндө тынып калган жок
 Күн мезгилин алган жок
 Айда тынып калган жок
 Ай мезгилин алган жок» [5].

Перевод:

«Жакып трудился *день и ночь*
 Доход большой он взял с земли
 И больше всех разбогател.
 Его в округе земляки
 Гниющим баем нарекли» [1].

В данном примере антонимичные пары киргизского текста «*түнүчүндө-күндө*» имеет такой же смысловой перевод – «*ночью – днем*».

Если некоторые антонимичные пары в оригинале не имеют эквивалента, то допускается описательный перевод лексических единиц. Следующий пример хорошо иллюстрирует данное утверждение:

«*Оң колуна кара кан Кармай түштү кан Манас...*

Сол колуна сары алтын уучтай түшкөнү...» [5].

Перевод:

«В своих зажатых кулачках

По горсти крови он держал!» [1].

Антонимичная пара киргизского языка «*оң кол – сол кол*» (дословно: правая рука – левая рука) переведена только по смыслу. Здесь авторы использовали вольный перевод.

В следующем примере автор попытался сложные значения киргизских слов упростить, тем самым облегчая понимание русскоязычной аудитории:

«*Чакырган аты Чоң Жинди*

Мунун чын Манас атын ким билди?» [5].

Перевод:

«Что твой сынок, Большой Болван

Манасом с детства *наречен?*» [1].

В приведенном выше примере антонимичные пары «*чакырган аты – чын аты*» (*прозвище – настоящее имя*) и «*оң кол – сол кол*» (*правая рука – левая рука*) для создания образности в переводе представлены денотативным значением.

Такое же значение имеет следующий перевод:

«*Жалгыз жүрүп көбөйгөн*

Жарды жүрүп байыган» [5].

Перевод:

«А ты, как низкого *раба*

При людях *хана* оскорбил!» [1].

Здесь антонимичная пара «*жарды – бай*» (дословно: богач – бедняк) переведена по характеру социального статуса «*раб – хан*», т.е. имеет место авторская антонимия. Киргизский антоним «*жалгыз – көп*» и вовсе не переведен.

При сопоставительном анализе лексических единиц текста оригинала и выборе аналогий при переводе основную роль играет учет экстралингвистической ситуации. Данная ситуация включает в себя социальные, идеологические нормы и стереотипы текстов оригинала и перевода. Здесь оценка исходного текста с переводом обусловлено совпадением системы взглядов оригинала и перевода. Например:

«*Күндүзү кымыз, түнү кыз,*

Консонуз кыргыз журт мына!» [5].

Перевод:

«*Днем бешбармак, айран, кумыс,*

А ночью тепленькая кыз» –

Вот так зажил теперь кыргыз!» [1].

Здесь следует подчеркнуть, что киргизы издавна принадлежали к кочевым народам, и соответственно, имели свою культуру, быт, свой взгляд на жизнь. В данном случае авторы попытались ярко охарактеризовать описываемую эпоху. Таким образом, значение оригинала при переводе не потеряло образности.

На материале антонимичных пар киргизского языка мы сделали вывод, что зачастую многие антонимичные пары не могут быть переведены на русский язык дословно в силу отсутствия в нем схожего понятия или ассоциаций. И, как правило, такие антонимы переводятся либо описательно, либо с помощью других антонимов русского языка, прямое значение которых сильно отличается от оригинала, например:

«Бакайды көрдү Манасың,
Же эл экенин биле албай,
Же жоо экенин биле албай» [5].

Перевод:

«Не малый боевой отряд,
А многотысячная рать,
И с нею можно хоть куда
В поход победный выступать!» [1].

И, напротив, в некоторых случаях в киргизском тексте подразумевается смысловое противостояние, но при переводе антонимичная пара четко обозначена. Например:

«Кумга койгон кумганы
Куркурап чыгып кайнайт – дейт.
Аш бышымга токтолсо,
Кашык суусу калбайт – дейт» [5].

Перевод:

«Кумган холодной воды
постояв на таком песке,
превращается в кипяток.
Чтобы легок был долгий путь» [1].

Если в оригинале противостояние передается только логически, то при переводе русская антонимичная пара «холодная вода – кипяток» становится конкретной семантической оппозицией.

Следует отметить, что при переводе антонимичных пар двух языков часто встречалось неполное совпадение, поскольку киргизское слово могло иметь несколько семантических эквивалентов либо могло иметь исторически присуще только киргизскому народу значение, что затруднял полноценный перевод текста. То есть смысловая система многих значимых слов киргизского языка не полностью совпадала со смысловой системой русских слов.

Таким образом, сопоставительный анализ примеров показал, что при

перевод антонимов часто использовались приемы калькирования, а также описательного перевода.

Проведенный сопоставительный анализ особенностей функционирования антонимов киргизского и русского языков говорит о том, что антонимия в сопоставительном аспекте требует детального изучения и внимательного отношения к языковым, культурным и психологическим факторам, а также образу жизни народа, поскольку трактовка оригинала текста требует от переводчика особого знания истории и культуры народа.

Также следует учесть, что при переводе разноструктурных языков нужно учитывать и особенность структуры киргизского языкознания. Если в русском языке порядок слов в простом повествовательном предложении относительно свободный и подлежащее может стоять как перед сказуемым, так и после него, то в киргизском языке подлежащее предшествует сказуемому.

Мы считаем, что данная статья внесет определенный вклад в сопоставительную типологию, в языковую систему двух языков и межкультурную коммуникацию.

Список использованных источников

1. Липкин С., Тарловский М. Киргизский народный эпос «Манас» / С. Липкин, М. Тарловский. – М., – 1941.
2. Лобачева Н. А. Современный русский язык: Лексикология. Фразеологизм. Лексикография. Фонетика. Орфоэпия. Графика. Орфография: учебное пособие / Н. А. Лобачева. – Симферополь, 2015. – 288 с.
3. Новиков Л. А. Антонимия в русском языке (Семантический анализ противоположности в лексике) / Л.А. Новиков. – М., 1973. – 326 с.
4. Реформатский А. А. Введение в языковедение: учебник для филол. спец. пед. вузов / А. А. Реформатский. – 5-е изд., испр. – М.: Аспект Пресс, 2005. – 536 с.
5. Манас, 1-бөлүк, I китеп. – Фрунзе: Кыргызмамбас. – 1958. – 343 б.

УДК 81.25

ТРУДНОСТИ ПЕРЕВОДА ЮМОРА НА ПРИМЕРЕ СЕРИАЛА "OUR FLAG MEANS DEATH"**Б. А. Каламзина¹³,***обучающийся магистратуры по направлению «Общая и типологическая лингвистика и приложения в области языкознания», ФГБОУ**«Государственный институт русского языка им. А.С. Пушкина», Москва***В. Е. Кауфман,***обучающийся бакалавриата по направлению «Отечественная филология», ФГБОУ «Государственный институт русского языка им. А.С. Пушкина»,**Москва*

Аннотация: Статья посвящена актуальным проблемам перевода с английского языка на русский юмористических ситуаций. Рассматривая юмористический перевод как непростую задачу даже для профессионального переводчика, авторами была поставлена цель выявить самые удачные пути действий при подобном переводе. В тексте статьи даются понятия перевода, особенности комических ситуаций. Также с помощью анализа показан переводческий процесс фраз, создающих юмористический эффект в сериале «Our Flag Means Death», а также сравнение с другими доступными вариантами. Статья может представлять интерес для всех, кто имеет дело с переводом, в частности, для практикующих переводчиков, работающих в сфере перевода фильмов/сериалов и переводчиков, которые специализируются на переводе сатиры/юмора/шуток.

Ключевые слова: юмор, перевод, комический эффект, сериал.

Summary: The article is devoted to the essential problems of translating humorous situations from English to Russian. Considering humorous translation as a difficult task even for a professional translator, the authors set a goal to identify the most successful ways of doing such a translation. The text of the article gives the concepts of translation, the features of comic situations. The analysis also shows the translation process of phrases that create a humorous effect in the series "Our Flag Means Death", as well as a comparison with other available options. The article may be of interest to anyone who deals with translation, in particular, for practicing translators working in the field of film/TV series translation and translators who specialize in the translation of satire/humor/jokes.

Keywords: humor, translation, comic effect, TV series.

Важным аспектом современной культуры являются сериалы и телешоу, общедоступность которых обеспечивается качественным переводом с языка оригинала. Точность и качество перевода зачастую становятся проблемой, особенно затруднительна адаптация юмора.

Из всех производных языка юмор наиболее культурно и ситуационно

¹³ Научный руководитель: к. филол. н., доцент Пожидаева Е.В.

специфичен, что создает большие трудности для его вторичного толкования и перевода, например, сатира часто насмехается над явлениями, которые важны для определенной культуры. Из-за этого в глазах реципиента юмор всегда субъективен. Даже в силу различий между языковыми системами – там, где структура одного языка дает безграничные возможности для комического варьирования, другой язык остается бессилён. Сам характер юмора заключается не столько в мысли, сколько в ее форме. В связи с этим в общей теории перевода уделяется огромное внимание информативному содержанию текста и его адекватному переносу на язык перевода.

Перевод представляет собой идеальную возможность близкого изучения функций и техник юмористического компонента текста, так как в процессе переводчик обязан определить способ создания той или иной юмористической ситуации, приемы, использованные автором и теоретическую реакцию слушателя/читателя. Для большей эффективности, юмор должен оперировать более чем на одном аналитическом уровне (фонологическом, синтаксическом, семантическом, прагматическом и т.д.). Соответственно, перевод юмора всегда характеризуется особой сложностью, а также требует индивидуального и творческого подхода со стороны переводчика.

Приемов реализации юмористического эффекта существует достаточно большое количество. По Т. А. Казаковой точное определение единиц перевода – одно из важнейших условий точности перевода вообще [3]. Под единицей перевода Л. С. Бархударов понимает такую единицу в исходном тексте, которой может быть найдено соответствие в тексте перевода, но составные части которой по отдельности не имеют соответствий в тексте перевода [1].

При выборе языкового средства в переводе с английского языка на русский не исключаются ситуации искажения коммуникативного намерения и привнесение в текст перевода смыслов, которые отражают переводческую субъективность, т.е. отличные смыслы от смыслов, присутствующих в оригинале. Поэтому одна из существующих проблем перевода комического – проблема отсутствия единых критериев, которые четко направляли бы переводчика, а именно: что переводить? Сам прием, эффект, смысл или художественную функцию. Следовать букве оригинала или пояснять комический эффект переводческим комментарием? Также, часто довольно сложно подобрать аналогичное средство, создающее комический эффект, подобное оригиналу, и воссоздать это средство при переводе. Данные языковые средства представлены очень широким спектром, что необходимо учитывать при их передаче на язык перевода. Переводчику, по мере возможности, стоит оставаться в рамках конкретного приема, создающего комический эффект, так как подобное будет способствовать максимально полной передаче юмористической направленности оригинала на язык перевода [4, с. 215-216].

Т. А. Казакова называет воспроизведение не столько составляющих

этот текст языковых знаков, сколько их отдельных и совокупных художественных функций, придающих тексту определенный уровень художественной упорядоченности, объективным условием перевода художественного текста [3]. Поэтому одной из целей перевода юмора является сохранение реакции читателя оригинала и перевода. Для достижения этой цели переводчик, осознавая, какими средствами эта цель может быть достигнута в другой культуре, создает текст, отвечающий таким требованиям, без оглядки на оригинал. Таким образом становится понятно, почему в некоторых случаях перевод может быть близок к оригиналу, а в других существенно отличаться от него [2, с. 136-137].

В лингвистике юмор разделяют на три основные группы: универсальный юмор (universal); юмор, основанный на компоненте исходной культуры (culturebased); лингвистический юмор (linguistic) [7]. Для переводчика первый тип не представляет трудности, так как данный тип юмора обычно понятен независимо от принадлежности к культурной и/или языковой группе. Задача усложняется при работе со вторым типом, так как шутки основаны на культуре языка-оригинала. Соответственно, если в языке перевода отсутствует аналогичный фон или читатель/зритель не обладает знаниями об исходной культурной среде, то адекватный перевод будет невозможен. Третий тип по самой структуре (зачастую непереводаемая игра слов) уже является наиболее сложным для перевода на другой язык.

Зачастую перед переводчиком встает вопрос о переводе юмора, содержащего культурные реалии. Существует три возможных пути:

1. Переводчик может полностью исключить шутку из текста перевода (может негативно сказаться на смысле текста, однако в некоторых случаях оправдывается)

2. Переводчик может оставить шутку, но перевести ее буквально (потеря комического элемента, но сохранение исходной информации)

3. Переводчик может «адаптировать» шутку в языке перевода при создании необходимого контекста.

Все вышеперечисленные возможности перевода всегда зависят от конкретной ситуации, поэтому универсального способа эффективного перевода юмора не существует [7].

Главной трудностью при переводе является выявление отличительных национальных и культурных составных частей, а соответственно и трансформация их в адекватную словесную форму. Практически все языковые единицы коммуникации взаимодействуют и совпадают с деталями общих представлений о мире. Иногда подразумеваемое выражается в языковых единицах, трудных для перевода, но гораздо чаще проблема заключается в несоответствии традиционно применяемых способов выражения иронии и юмора в разных культурах. Следовательно, самая большая трудность для высокопрофессионального переводчика состоит в наработке необходимых фоновых знаний, которые отражают национальную и культурно-историческую своеобразность данной

единицы.

Достаточно широко используются в комедии аллюзии. Они позволяют в косвенной форме сравнить, провести параллель, выявить противоречие, создать контраст и, соответственно, добиться комического эффекта. Основными способами перевода аллюзий, реализующих юмористический эффект, выступают транскрипция и транслитерация при переводе имен собственных. Дословный перевод употребляется для аллюзий в виде цитат. Родовидовое соответствие (генерализация) и функциональный аналог используются, когда аллюзия несет в себе культурно-национальную информацию. Таким образом, происходит замена денотативного плана содержания текста оригинала. Не имеющие соответствий языковые и/или содержательные единицы оригинала остаются непереуведенными [5].

Сложность в адаптации юмора рассматривается в данной статье на примере американского сериала «Our flag means death». Комедийный проект Дэвида Дженкина повествует о скучающем аристократе, Стиде Боннете, решающем изменить свою жизнь: герой оставляет жену и детей, строит корабль и отправляется в плаванье. Боннет одержим романтической мечтой: стать известным пиратом. Наивность и простодушие героя служат материалом для многих комических ситуаций и диалогов, перевод и адаптация на русский язык которых вызывает затруднение.

Ниже представлен анализ трудности перевода некоторых фраз из сериала. Кроме того, приведен перевод неофициального дубляжа компании «Кравец-Рекордз» и наш, авторов статьи, адаптированный.

1)»Check out this fabulous booty I'm hawking». Перевод компании «Кравец-Рекордз»: «Зацените, какой славный красавчик».

Трудность перевода вызвана игрой слов. Booty – многозначное слово, которое перевести как «зад» и «добыча». В русском языке нет эквивалента, поэтому необходимо либо перефразировать высказывание для сохранения комического эффекта, либо практически утратить элемент юмора и перевести дословно. Мы решили пойти первым путем, отсылая к одному из вариантов перевода слова, при этом не теряя комического эффекта.

Наш перевод: «Взгляните, что у меня припасено сзади».

2) «Sorry laddie, ye triggered me fight-or-bite response». Перевод компании «Кравец-Рекордз»: «Прости, приятель, я тяпнул тебя по привычке»

Речь персонажа имеет ярко выраженный шотландский акцент и диалект, а также грамматику, отличную от стандартизированной грамматики английского языка. Поэтому имеет место использование просторечного глагола «тяпнул» компанией «Кравец-Рекордз». Наш вариант перевода подразумевает передачу комического эффекта в адаптации фразы «fight or bite» – «дерись или кусай». При этом в переводе присутствует инверсия, потому что для русскоязычных зрителей привычно такое восприятие (например, «Asperger's syndrome» – «Синдром

Аспергера», «The Graham Norton show» – «Шоу Грэма Нортон» и так далее). Кроме того, рифма сохранена.

Наш перевод: «Прости, парень, ты спровоцировал мою реакцию "кусай-ударяй"»

3) «We talk it through as a c-g-e-w». Перевод компании «Кравец-Рекордз»: «Мы разговариваем как экипаж»

Комический эффект создают рифма, которая значительно затрудняет перевод, а также сходство фразы с детскими стихотворениями, как, например, «Humpty Dumpty» – «Шалтай-болтай». При переводе важно сохранить лаконичность и напевность, но рифма так же играет немаловажную роль. Компания «Кравец-Рекордз» выбирает наименее затруднительный вариант и опускает рифму, тем самым утрачивая комический эффект. Наш перевод предполагает сохранение рифмы и размер высказывания.

Наш перевод: «Экипажем одним мы обо всем говорим»

4) «Every pirate captain captaines pirates differently». Перевод компании «Кравец-Рекордз»: «Каждый капитан пиратов командует пиратами по-своему».

Трудность перевода вызывает конверсия (существительное переходит в глагол), что типично для английского, но предполагает дополнительные преобразования в русском языке. Есть два пути решения: пренебречь конверсией и перевести в привычном для русскоязычных зрителей ключе (как поступили Кравец-Рекордз) или адаптировать конверсию, сделав фразу непривычной для восприятия, но яркой и комичной. Мы выбрали второй путь.

Наш перевод: «Каждый капитан пиратов пиратски капитанит по-своему».

5) «I may be landed gentry but I'm thrilled to be granted entry». Перевод компании «Кравец-Рекордз»: «Быть может, я и дворянин, но счастлив прийти к вам ко двору»

Возникает трудность перевода с рифмой. Переводчику необходимо выбрать, что важнее: сохранить смысл высказывания или заданное звучание. Компания «Кравец-Рекордз» переводит фразу дословно, без сохранения рифмы. Нечасто бывают ситуации, когда можно ничем не пренебрегать, однако и в таких случаях необходимы определенные изменения. К примеру, в нашем переводе изменено ударение причастия «принятым» для сохранения рифмы.

Наш перевод: «Не спорю, я вырос богатым, но рад я быть вами принятым».

Итак, неофициальный перевод сериала «Ourflagmeansdeath» компании «Кравец-Рекордз» нередко пренебрегает комическим эффектом для точной передачи общего смысла высказывания. Анализ некоторых комических ситуаций показал, что качественная адаптация юмора возможна, но непроста, часто переводчик должен выбирать, что важнее:

передача смысла или сохранение комического эффекта. «Кравец-Рекордз», в основном, идут по первому, наиболее «безопасному» пути. Тем не менее, качественная адаптация юмора возможна, пусть и не всегда оправдана.

Список использованных источников

1. Антрушина Г.Б., Афанасьева О.В., Морозова Н.Н. Лексикология английского языка: учеб. Для студ. пед. ин-тов по спец. № 2103 «Иностр. яз.». – М.: Высшая Школа, 1985. – 223 с.
2. Иванова Е.В. Пословичные картины мира. – СПб.: Филологический факультет СПбГУ, 2002. – 160 с.
3. Казакова Т. А. Художественный перевод. Теория и практика: учебник. - СПб.: ООО «Инъязиздат», 2006. – 544 с.
4. Каргаполова И.А. Человек в зеркале языковой игры. – Санкт-Петербургский гос. ун-т. – СПб: Золотое сечение, 2007. – 407 с.
5. Основные трудности перевода комического на основе аллюзий в комедийном медиадискурсе (на материале сериала “Friends” и его перевода на русский язык) // CyberLeninka: сайт. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/osnovnye-trudnosti-perevoda-komicheskogo-na-osnove-allyuziy-v-komediynom-mediadiskurse-na-materiale-seriala-friends-i-ego-perevoda-na> (дата обращения: 23.01.2023).
6. Специфика перевода иронии и юмора с английского языка на русский// CyberLeninka: сайт. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/spetsifika-perevoda-ironii-i-yumora-s-angliyskogo-yazyka-na-russkiy> (дата обращения: 16.01.2023).
7. Kinopoisk.ru: сайт. – URL: <https://www.kinopoisk.ru/series/1432532/> (дата обращения: 11.01.2023).
8. Moviesjoy.to: сайт. – URL: <https://moviesjoy.to/tv/our-flag-means-death-77941> (дата обращения: 10.01.2023).
9. Raphaelson-West D. On the Feasibility and Strategies of Translating Humour // Erudit URL: <https://www.erudit.org/en/journals/meta/1989-v34-n1-meta323/003913ar.pdf> (дата обращения: 16.01.2023).

УДК 81.23

**ANALYSIS OF TRANSLATION TECHNIQUES AND
TRANSFORMATIONS IN RENDERING PUBLICIST TEXTS****К. К. Каримова,***кандидат филологических наук, доцент кафедры перевода и
межкультурной коммуникации, Казахский университет международных
отношений и мировых языков имени Абылай хана, Алматы***А. А. Жапарова,***магистр переводческого дела, старший преподаватель кафедры перевода
и межкультурной коммуникации, Казахский университет международных
отношений и мировых языков имени Абылай хана, Алматы*

Аннотация. В данном исследовании мы рассмотрим трансформации, используемые при переводе публицистических текстов. Мы выбрали эту тему из-за ее очевидной важности. Актуальность данной темы заключается в том, что в современных условиях перевод публицистических текстов имеет большое значение, выступая средством рекламы и способом информирования общественности. Объем ежегодных публицистических текстов достаточно велик и с расширением международных связей продолжает расти. В то время как публицистические тексты, как правило, максимально оригинальны и креативны, миссия переводчика состоит в том, чтобы сохранить подлинность переведенного текста. Еще одна задача для переводчика – передать смысл переведенного текста как можно ближе к оригинальному тексту.

Ключевые слова: переводческие трансформации, перевод, публицистический текст, перевод публицистических текстов.

Summary. In this research, we will consider and deeply explore the transformations that arise during the translation of publicist texts. Urgency of this topic is that in modern conditions the translation of publicist texts is of great importance, acting as a means of advertising and the way of the public information. The amount of the annual publicist texts is big enough and according to the expansion of international relations continues to grow. Whereas publicist texts tend to be as original and creative as possible, the translator's mission is to preserve the authenticity of the translated text.

Key words: translation transformations, translation, publicist text, translation of publicist texts.

Nowadays, in the time of dynamic development, the share of information is as never grandiose. One of the main means of information transfer in modern society are publicistic texts and requirements to their translation grow in direct proportion.

Publicist texts are characterized by coherent and logical syntactical structure, with an expanded system of connectives and careful paragraphing. Their emotional appeal is achieved by the use of words with the emotive meaning but the stylistic devices are not fresh or genuine. The individual element is not very evident. Publicist texts are also characterized by the brevity of expression,

sometimes it becomes a leading feature [1, с. 52].

Whereas publicist texts tend to be as original and creative as possible, the translator's mission is to preserve the authenticity of the translated text. Another important thing for the translator is to convey the message of the translated text as close as possible to the original text. Cultural terminology represents a challenge in translation because the authenticity and depth of the translated term must be preserved.

The article analyzed translation techniques and transformations based on the articles written by Kazakhstani publicist, translator Serik Ryszhanov. We selected extracts from the articles «Egoism is the engine of spirituality», «Reason and I» and «Subjectivity of evidence» [2]. The analyzed texts belong to the publicist style, which performs two functions: to inform the reader and persuade him to take the author's point of view. The texts are written in the genre of articles, which implies the task to analyze the social situations, processes, phenomena, first of all, from the point of view of regularities, lying on their basis.

Since transformations have a multifaceted structure, they generally involve both grammatical and lexical levels in the translation process, hence we frequently deal with lexico-grammatical transformations.

The following examples have been taken from the article «Subjectivity of evidence». The names of the ancient Greek philosophers were transcribed and transliterated respectively: (see Table 1)

Source text	Target text
«Так Аристотель никогда не принял бы классической механики Ньютона в качестве доказательной теории, в то же время Ньютон никогда не принял бы за доказательную теорию механики Аристотеля »	Thus, Aristotle would never accept Newton's classical mechanics as a demonstrative theory, while Newton would never accept Aristotle's mechanics as a demonstrative theory
«К примеру, мысль Лобачевского была противна евклидовой геометрии, а квантовая физика в своей области исследования нивелировала законы классической физики»	For example, Lobachevsky's thought was contrary to Euclidean geometry, and quantum physics in its field of research neutralize the laws of classical physics

Table 1. Examples of transcription and transliteration

Stylistically-neutral words which prevail in the texts under analysis don't cause any difficulties while translating. They can be translated word-for-word (loan translation). The adoption by one language of a phrase or compound term whose components are literal translations of the components of a matching phrase or compound in a foreign language is known as loan translation (calque). It could be lexical or structural in nature: (see Table 2)

Source text	Target text
«Суть противостояния уходит корнями в идеологическую составляющую обеих форм осмысления. Они борются за « вещающий экран » для мозга, который в 3D формате наполняет человека своим	The essence of the confrontation is rooted in the ideological component of both forms of understanding. They are fighting for a « broadcasting screen » for brain, which fills a person with its vision in 3D format. These

видением. Эти две формы объяснения мироздания предоставляют методологию размышления и анализа, программирующие человека на определенное поведение.»	two forms of the universe explanation provide a methodology of reflection and analysis, programming a person for a certain behavior.
--	---

Table 2. Examples of loan translations

As one can note the texts are abundant with philosophical terms, clichés and idioms that can be translated semantically, i.e. a translator tries to replicate the exact contextual meaning of the original as accurately as the semantic and syntactic structures of the second language allow, for example: (see Table 3)

Source text	Target text
«Необходимо снять искусственный конфликт рациональности и иррациональности, науки и метафизики . Осмысление Корана без преданий, дает прецедент гармонии рациональности с иррациональностью.»	It is necessary to remove artificial conflict between rationality and irrationality, science and metaphysics . Comprehension of the Quran without legends provides a precedent for the harmony of rationality with irrationality .

Table 3. Examples of semantic translations

The following words were generalized, i.e. instead of the corresponding source text item, a more broad or neutral phrase was chosen., for example the word combination «в негативном свете» was translated just as «negatively» in the article «Egoism is the engine of spirituality»: (see Table 4)

Source text	Target text
«Употребляя термин «эгоизм», люди обычно понимают в негативном свете ».	When people use the term «egoism», they usually understand it negatively .
« Кораническая мысль подводит итог осмысления цельной картины понимания «неизменности» Идея Единственности Творца, отрицание всего наряду с Ним поставит все на места»	The Quran sums up the comprehension of the whole picture of understanding «immutability».
«Согласно когнитивной нейробиологии , наши пять органов чувств определяются мозгом ».	According to cognitive neuroscience , our brain determines five senses.

Table 4. Examples of generalization

Some words were specified, i.e. a more precise or concrete term was used: (see Table 5)

Source text	Target text
«Дело в том, что моническое воззрение не может разделить сущее от «причины»	The fact is that the monism cannot separate the being from the «cause»
«Судя по всему, философский склад ума позволил возникнуть квантовой физики».	Apparently, the philosophical mentality allowed quantum Physics to emerge.

Table 5. Examples of concretization

Some information is removed to reduce the phrase's redundancy by eliminating terms that can reasonably be restored from context, such as pair synonyms, superfluous repetition, specified links, punctuation, and parts of speech: (see Table 6)

Source text	Target text
«Возьмем, к примеру, верующего человека ».	Take, for example, a believer .

Table 6. Examples of omission

Addition is reverse to omission. In the TL, one or more components are also included in the word-combination or phrase: (see Table 7)

Source text	Target text
«Зачастую, чтобы укорить, человека называют эгоистом. В чем суть негатива? »	People often call a person an egoist in order to reproach. Why do they regard so negatively?

Table 7. Examples of addition

Modulation is a technique used when a precise or even altered translation produces a grammatically correct statement but is deemed inappropriate, colloquial, or odd in the TL: (see Table 8)

Source text	Target text
«Под эгоизмом понимают принятое решение, либо мнение, направленное в личную сторону. »	People think that egoism is a decision or opinion favorable only for one person .

Table 8. Examples of modulation

Anonymous translation is the case when the negative formulation is replaced by the affirmative construction, and conversely, although the idea of the original statement stays unchanged: (see Table 9)

Source text	Target text
«Информация не имеет плотности, массы, размера, скорости и др. параметров.»	Information lacks density, mass, size, speed, or other parameters.

Table 9. Examples of anonymous translation

In our opinion, emphatization and neutralization are some interesting transformations. When we emphatize a translation, we give it a larger emotional or expressive impact than the original; neutralization is the polar opposite of emphatization: (see Table 10)

Source text	Target text
«Рациональность и иррациональность ведут борьбу с переменным успехом. »	The battle between rationality and irrationality has been variable .

Table 10. Examples of neutralization

The substitution of an SL unit by a TL unit, which can only be deemed its synonym in a certain situation, is known as an occasional substitute: (see Table 11)

Source text	Target text
«Осмысление Корана без преданий , дает прецедент гармонии рациональности с иррациональностью.»	Understanding the Quran without traditions gives a precedent for the harmony of rationality with irrationality.

Table 11. Examples of occasional substitute

Thus, we analyzed some cases of lexical, lexical-semantic and lexical-grammatical translation techniques used in rendering publicist texts.

An investigation of translation transformations in the publicist text is undertaken in this article. One can only imagine how diverse the possibilities and

options for changing and communicating meaning and visuals from one language to another are based on the examples provided in this diploma project. However, employing theoretical models and a set of translational transformations to describe the translation process is primarily conditional and does not aim to thoroughly characterize an interpreter's actual activities when handling multiple translation difficulties.

Список использованных источников

1. Гуревич В. В. English Stylistics. Стилистика английского языка. – М: «Флинта Наука». – 2008. – 72 с.
2. Рысжанов С. Б. Причина и я / Рысжанов С. Б. [Электронный ресурс] // https://narok.com.kz/analitika/filosofia/subektivnost_dokazatelstva: [сайт]. – URL: <https://narok.com.kz/analitika/filosofia> (дата обращения: 30.01.2023).

УДК 81'42

СТРАТЕГИИ ПЕРЕДАЧИ СРЕДСТВ ПОЛИКУЛЬТУРНОЙ НАЦИОНАЛЬНОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ ПЕРСОНАЖЕЙ В ПЕРЕВОДЕ

В. Н. Карпухина,

доктор филологических наук, профессор кафедры лингвистики, перевода и иностранных языков, Институт гуманитарных наук, Алтайский государственный университет, Барнаул

Аннотация. Статья посвящена лингвопрагматическим стратегиям переводчиков, направленным на передачу средств создания национально-культурной идентичности персонажей художественных текстов британского прозаика Дж. Р. Фаулза. Мультилингвальный ландшафт романов и повестей Фаулза создается за счет включения в тексты иноязычных коммуникативных фрагментов на французском, немецком, итальянском, греческом и других языках. Персонажи-мультилингвы, как правило, являются ключевыми в текстах Фаулза, и передача средств создания их национально-культурной идентичности – одна из основных задач для переводчиков фаулзовских текстов. В статье рассматриваются абсолютные и ситуативные приоритетные стратегии переводчиков по передаче иноязычных коммуникативных фрагментов при переводе текста романа Дж. Фаулза «The Magus» с английского на русский язык.

Ключевые слова: стратегия, национально-культурная идентичность, мультилингвизм, перевод, Дж. Фаулз.

Summary. The paper considers the pragmatic linguistic strategies of translators aimed at transferring the means of creating the national and cultural identity of the John R. Fowles's literary characters. The multilingual landscape of Fowles's novels and stories is created by including the communicative fragments in French, German, Italian, Greek and other languages in his texts. The multilingual characters, as a rule, are the protagonists in Fowles's texts, and the

transfer of the means of their national and cultural identity is one of the key tasks for the translators of Fowles's texts. The paper discusses the absolute and situational priority strategies of translators for the transfer of foreign language communicative fragments when translating the John Fowles's novel *The Magus* from English into Russian.

Key words: strategy, national and cultural identity, multilingualism, translation, John Fowles.

Статья посвящена лингвопрагматическим стратегиям переводчиков, направленным на передачу средств создания национально-культурной идентичности персонажей художественных текстов, которых можно отнести к мультилингвам. Подобные персонажи-мультилингвы являются ключевыми в романах и повестях Дж. Р. Фаулза, и их национально-культурная идентичность зачастую представлена автором в текстах весьма парадоксальным образом. Стратегии переводчиков текстов Фаулза с английского на русский язык связаны либо с сохранением авторских средств передачи мультилингвальной речи (абсолютные приоритетные стратегии), либо с адаптационными изменениями разноязычных коммуникативных фрагментов в речи персонажей (ситуативные приоритетные стратегии) (см.: [5, с. 63-64]).

Языковая личность определяется Ю. Н. Карауловым как «совокупность способностей и характеристик человека, обуславливающих создание им речевых произведений (текстов)» [3, с. 35]. Способность многоязычной языковой личности создавать мультилингвальные тексты ориентирована на поликультурную национальную идентичность языковой личности. Сам Ю. Н. Караулов отмечает, что вопрос о двуязычной языковой личности в его работе не был затронут [3, с. 259], хотя определенные проблемы, связанные с воспроизводством чужой речи инофоном, все же были обозначены. В работе Б. М. Гаспарова [1, с. 112-113] используется удачная модификация карауловского термина: исследователь вводит в научный оборот понятие «многоязычное языковое сознание». На лингвокогнитивном и мотивационном уровнях языковой личности [3, с. 37] в коммуникативной ситуации мультилингвизма наблюдаются взаимопроникновение смысловых ландшафтов разных языков и культур. С точки зрения социопсихологического подхода, идентичность создается отчасти как собственное «Я» (self) и отчасти – в зависимости от групповой принадлежности. В этом смысле «Я» – идентичность многолика, состоит из множественных идентичностей и находится в тесной связи с культурой [12, p. 111].

Полигlossия художественных текстов Дж. Фаулза является объектом активного интереса исследователей [2; 4; 9; 11; 13]. З. Р. Зинатуллина отмечает, что в текстах Фаулза «концепция национального характера выражается в оппозиции английскость / британскость; английскость в творчестве Дж. Фаулза рассматривается в сопоставлении с французскостью

и американскостью, что дает возможность включить ее в мировой культурный контекст и дополнить национальные оппозиции семантикой противопоставления прошлого и настоящего, цивилизации и природы» [2, с. 10].

В романе Дж. Фаулза «The Magus» («Волхв» в переводе Б. Кузьминского) намеренно сталкиваются коммуникативные фрагменты на английском, французском, немецком, греческом, латинском и других языках, и это связано с определением аксиологических приоритетов персонажей в поликультурном пространстве. Рассказчик в романе «Волхв», Николас Эрфе, как и Дэвид Уильямс в повести «Башня из черного дерева», является автопсихологическим персонажем для Фаулза при определении национально-культурной идентичности. Критическое осмысление Фаулзом своих лингвистических компетенций во французском и греческом языках отражается в коммуникативных затруднениях Николаса при общении с Морисом Кончисом на французском и с местными жителями на греческом. В разговоре с Кончисом, у которого «*безупречное произношение*» на французском [10, р. 94], Николас вынужден признать, что он знает французский «плоховато» [там же]. Пытаясь узнать что-то о Кончисе у местных жителей на Пракосе, Николас вынужден брать с собой второго учителя местной школы, Димитриадиса: *He launched out a long story. The island dialect was difficult, even for other Greeks, and I couldn't understand a word* [10, р. 75-76]. – *Тут хозяин разразился пространственным монологом. Даже приезжие греки с трудом понимали местный диалект, а я не разобрал ни единого слова* [7, с. 76]; *The taciturn Maria appeared with coffee. "O kyrios?" I asked. "Ephage. Eine epano." Has eaten; is upstairs. Like the villagers, with foreigners she made no attempt to speak more comprehensibly, but uttered her usual fast slur of vowel-sounds* [10, р. 138]. – *Молчаливая Мария принесла кофе. – О кировос? – спросил я. – Эфаге. Эйне эпано. – Уже поел, наверху. Подобно деревенским, говоря с иностранцем, она не заботилась о четкости произношения и свои короткие фразы выпевала нараспев* [7, с. 140]. Представляют интерес переводческие стратегии Бориса Кузьминского при передаче иноязычных коммуникативных фрагментов в русскоязычной версии «Волхва»: фрагменты на всех европейских языках даны в тексте по русской издательской традиции латиницей, с подстраничными сносками-переводом (абсолютная приоритетная стратегия): *"Oui, un peu fade. Mais pas tout à fait sans charmes."* *Impeccable accent; he could not stop smiling* [10, р. 94]. – *Oui, un peu fade. Mais pas tout à fait sans charmes.* – *Безупречное произношение; улыбка не сходила с его губ* [7, с. 95]. Только коммуникативные фрагменты на греческом языке переводчик дает транскрибированной кириллицей, видимо, пытаясь передать эффект «одомашнивания» языка (ситуативная приоритетная стратегия). Подобной стратегией «одомашнивания» латыни пользуется Е. Костюкович в переводах романов У. Эко на русский язык (см.: [6, с. 102]).

Космополитичный полиглот Кончис маркирует географическое и идеологическое пространство своих реальных или вымышленных историй с помощью коммуникативных фрагментов на разных языках, причем французские маркеры пространства аксиологически наиболее значимы: табличка с надписью *la salle d'attente* («зал ожидания») символически маркирует его владения, Бурани; вещи «Лилии» имеют французскую маркировку и т.п. Неполиткорректность и национализм Кончиса показывают его приоритеты в ситуации деструкции национально-культурного канона идентичности: *Я не сужу о народе по его гениям. Я сужу о нем по национальным особенностям. Древние греки умели над собой смеяться. Римляне – нет. По той же причине Франция – культурная страна, а Испания – некультурная. Поэтому я прощаю евреям и англосаксам их бесчисленные недостатки. И поэтому, если б верил в бога, благодарил бы его за то, что во мне нет немецкой крови* [7, с. 87]. Выбор Кончисом греческой, французской и английской культур в качестве аксиологически приемлемых и вызывающих симпатию полностью совпадает с выбором самого Фаулза (ср. его эссе «Франция современного писателя», «Быть англичанином, а не британцем», «Греция» [8]). Как позже в повести «Башня из черного дерева», образцом «английскости» становится изгой и космополит, разрушающий канон национально-культурной идентичности.

Деструкция канона «английскости» в романе происходит и за счет представления образа Николаса Эрфе, типичного англичанина, сквозь призму языковых и культурных привычек его подруги, австралийки Алисон Келли: *“You’re the first Australian girl I’ve ever met.” – “Poor Pom”* [10, p. 30]. – *Ни разу не был знаком с девушкой из Австралии. – Англик ты мой* [7, с. 29]; *“Santé. I hate big stores. And not just capitalists. Pommy capitalists”* [10, p. 34]. – *Твое здоровье. Ненавижу универмаги. И буржуев, но не всех, только англиков* [7, с. 34]. Переводческий окказионализм Бориса Кузьминского *англик* (ситуативная приоритетная стратегия) передает в русскоязычном тексте «Волхва» неполиткорректное прозвище британцев, данное им австралийцами, – *Poor Pom*, от *pomegranate* ‘гранат’, бледный веснушчатый человек. Намеренное использование Фаулзом ситуации «внутрианглийской» национальной неполиткорректности (столкновение австралийского и британского менталитетов) указывает на деструктивное отношение постмодерниста Фаулза к национально-культурному канону идентичности британцев.

Таким образом, лингвопрагматические стратегии переводчиков, работающих с мультилингвальными и поликультурными текстами Дж Фаулза, направлены либо в духе русскоязычной издательской традиции на сохранение иноязычных графем в русском тексте с переводческим комментированием (данная стратегия может быть оценена как абсолютная), либо направлены в духе переводческой постмодернистской игры на локализацию, «одомашнивание» иноязычных коммуникативных

фрагментов оригинала (данная стратегия может быть оценена как ситуативная). С нашей точки зрения, более предпочтительной для передачи полигlossии персонажей в фаулзовских текстах является первая из стратегий, позволяющая представить мультилингвальный ландшафт текстов Дж. Фаулза в переводе более отчетливо.

Список использованных источников

1. Гаспаров Б. М. Язык, память, образ. Лингвистика языкового существования. М.: Новое литературное обозрение. — 1996. — 352 с.
2. Зиннатуллина З. Р. Художественная концепция национального в творчестве Джона Фаулза (на материале романов «Женщина французского лейтенанта», «Дэниел Мартин», «Червь»): автореф. дис. .. канд. филол. наук. Казань, 2012. 22 с.
3. Караулов Ю. Н. Русский язык и языковая личность. М.: Едиториал УРСС. — 2002. — 264 с.
4. Карпухина В. Н. Аксиологические характеристики хронотопа в текстах Б. Акунина и Дж. Фаулза // Проблемы межтекстовых связей: Сб. ст. / под ред. М.П. Гребневой. Барнаул: АЗБУКА. — 2011. — С. 53 – 61.
5. Карпухина В. Н. Конструирование лингвистической реальности при смене семиотического кода культуры: монография. Барнаул: Изд-во Алт. ун-та. — 2013. — 232 с.
6. Карпухина В. Н. Под «Веселым Роджером» постмодернизма: аксиология интертекстов Бориса Акунина: монография. Барнаул: Изд-во Алт. ун-та. — 2020. — 148 с.
7. Фаулз Дж. Волхв: роман. М.: Махаон. — 2001. — 704 с.
8. Фаулз Дж. Кротовые норы. М.: Махаон. — 2002. — 640 с.
9. Юсупова Ю. Л. Концепт «английское» как средство исследования художественной картины мира Дж. Фаулза (на примере языкового и смыслового пространства романа «Дэниел Мартин»): автореф. дис. ... канд. филол. наук. Краснодар, 2009. — 23 с.
10. Fowles J. *The Magus*. Boston; New York: Dell Publishing. — 2008. — 668 p.
11. Hoy T. Possession, Self-possession and Multiple Selves in the Writings of John Fowles // *Journal of English Studies*. — 2018. — Vol. 13 (1).
12. Martin J. N., Nakayama T. K. *Intercultural Communication in Contexts*. 2nd ed. — Mountain View, California: Mayfield Publishing Company. — 1999. — 466 p.
13. Salami M. *John Fowles's Fiction and the Poetics of Postmodernism*. N.Y.: Fairleigh Dickinson University Press. — 1992. — 302 p.

УДК 811.111

**ТЕРМИНЫ-МЕТАФОРЫ В НЕФТЕГАЗОВОЙ ОТРАСЛИ:
ПЕРЕВОДЧЕСКИЙ АСПЕКТ*****В. А. Катыева,****аспирант****Е. Ю. Куницына,****доктор филологических наук, профессор кафедры перевода и переводоведения, Институт филологии, иностранных языков и медиакоммуникации, Иркутский государственный университет, Иркутск*

Аннотация. Статья посвящена обзорному анализу метафорических терминов в нефтегазовой отрасли и особенностей их перевода. Метафорический перенос является продуктивным способом пополнения терминологических систем. При систематизации метафорической терминологии были выявлены сферы-источники метафорического переноса. Результаты сопоставления отражены в процентном соотношении от общего количества исследуемых единиц перевода.

Ключевые слова: метафора, метафорический термин, перевод, терминология нефтегазовой отрасли.

Summary. The article addresses the problem of oil and gas metaphorical terms translation. Metaphorical transfer is a productive method for expanding terminological systems. The systematization of oil and gas metaphorical terminology reveals the source domains of metaphorical transfer. The results of the source language and the target language terms comparison are presented as the percentage of the total number of translation units under investigation.

Key words: metaphor, metaphorical term, translation, oil and gas terminology.

Особенности формирования и функционирования терминосистем неизменно привлекают внимание лингвистов, а их изучение представляет не утрачивающее своей актуальности направление исследования. Это обусловлено не только динамикой развития науки, техники и информационных технологий, но и спецификой концептуализации, где заметное место занимает метафоризация как способ освоения мира, его онтологизации. Метафорическая номинация признается современными лингвистами как значимый инструмент обогащения отраслевых и специальных терминологических систем. Многочисленные исследования метафоризации в терминосистемах различных сфер, таких, как медицина, юриспруденция, строительство, архитектура, информационные технологии, реклама, медиакоммуникация и др. служат тому наглядным подтверждением. И это не говоря о метафорологии философии [3, с. 242-311, с. 253].

Сегодня метафора понимается не только как риторическая фигура, но и как когнитивный инструмент переосмысления действительности, важный механизм миромоделирования. Согласно Дж. Лакоффу и М. Джонсону, метафора выполняет основную когнитивную функцию, представляет собой

способ познания, структурирования и объяснения мира. Метафоризация – это комплексная ментальная операция, которая позволяет переосмыслить один концепт в терминах другого на основе отождествления признаков (ср. Аристотелево определение – измерение таланта способностью «подмечать сходство», что служит условием сложения «хороших метафор» [1, с. 52]). В сознании носителей языка и культуры выстроены связи между различными концептами, существуют сферы-источники и сферы-мишени метафорического переосмысления [9]. Когнитивная теория метафоры, анализ «метафор, которыми мы живем», делает обращение к метафоре за пределами искусства, тем более, в таких требующих четкости и строгости словообозначения и словопользования сферах как наука и техника, оправданным и закономерным, а постановку в фокус исследования метафорического термина теоретически значимым и практически ценным.

Исследованием метафорических терминов в терминосистеме нефтегазовой отрасли занимался А. А. Ефремов. В настоящем исследовании под метафорическим термином, вслед за А. А. Ефремовым, мы понимаем термин, «построенный путём метафорического переосмысления лексической единицы, привлечённой из определённой области – источника» [5, с. 51]. Наше исследование фокусируется на вопросах перевода и на переводческих стратегиях и тактиках, которыми может воспользоваться технический переводчик в своей профессиональной деятельности.

Анализ литературы, посвященной переводу метафоры, позволяет выделить следующие способы перевода:

1. Описательный перевод / деметафоризация

Bark – цементированный слой (металла).

Barker – шумовой сигнализатор работы выхлопа промышленного двигателя.

2. Замена другой метафорой / реметафоризация

Face of the channel – устье канала в породе.

Joint pin – палец шарнира, соединительная шпилька.

3. Метафорический перевод с сохранением метафорического образа оригинала

Mast – мачта

4. Заимствование

Swab – сваб

Crown-block – кронблок

5. Калькирование

«Кáлька (франц. *calque* – копия) – образование нового фразеологизма, слова или нового значения слова путём буквального перевода соответствующей иноязычной языковой единицы» [8, с. 211].

Spider – паук (ловильный инструмент)

6. Переводческая метка

«Переводческая метка – это разновидность калькирования, отличающаяся от него лишь наличием кавычек в тексте на ПЯ» [7, с. 155].

Pin hole – «булавочное» отверстие в трубе

Alligator wrench – ключ «крокодил»

Отобранные нами метафорические термины были разделены по группам в зависимости от компонента. Результаты анализа нефтегазовых метафорических терминов позволили установить, что процент неметафорического перевода превышает процент метафорического перевода. Общее количество метафорических терминов, которые были проанализированы нами, составляет 723 единицы. Общие результаты анализа метафорических терминов представлены в таблице ниже:

723 МТ = 100 %		
418 МТ = 58% при переводе не сохраняют метафорическую мотивированность	305 МТ = 42% при переводе сохраняют метафорическую мотивированность, из них:	
	у 160 МТ = 52% метафорический образ совпадает	у 145 МТ = 48% метафорический образ не совпадает

Все метафорические термины были расклассифицированы по семантическим характеристикам метафорических компонентов. Так, нами было выделено пять групп метафорических компонентов, среди которых антропоморфный компонент, компонент-зооним, фитоморфный компонент, артефактный компонент и «эсхатологический» компонент. Сводная таблица процентного соотношения метафорических терминов в языках оригинала и перевода в соответствии с метафорическим компонентом представлена ниже:

	Компонент				
	Антропоморфный	Биологическая метафора – 215		Артефактный	«Эсхатологический»
		Зооним	Фитоморфный		
Кол-во	329	120	95	126	53
Неметафорич. перевод	43% (141 МТ)	65% (78 МТ)	81% (77 МТ)	75% (94 МТ)	53% (28 МТ)
Метафорич. перевод	57% (188 МТ)	35% (42 МТ)	19% (18 МТ)	25% (32 МТ)	47% (25 МТ)

Приведем некоторые примеры из нашей классификации:

1. Термины – метафоры с антропоморфным компонентом, включая термины с компонентами, обозначающими части тела, одежду или ее элементы, и др.:

arm – плечо, *рукоятка*, *рычаг*, *отвод*, *bit body* – корпус долота, *outer jacket* – наружная труба двойной водоотделяющей колонны.

Вторую репрезентативную группу метафорических терминов образуют биологические метафоры, среди которых выделяются термины с компонентом-зоонимом и фитоморфным компонентом:

2. Термины – метафоры с компонентом-зоонимом:

doghouse – бытовое помещение на буровой; *wildcatting* – разведочное бурение в местности, где присутствие нефти не доказано; *fish tail bit* –

двухлопастное долото.

3. Термины – метафоры с фитоморфным компонентом:

Christmas tree – фонтанная арматура, «ёлка»; bean – штуцер, пробка; green field – новое месторождение на стадии поисков и разведки; to mushroom – в результате износа принимать грибовидную форму (о долоте).

4. Термины – метафоры с артефактным компонентом:

rotary table – роторный стол; water blanket – вода, закачиваемая в скважину для увеличения противодействия на пласт; oil well derrick – вышка для бурения на нефть; junk basket – шламометаллоуловитель для мелких предметов.

5. Термины – метафоры с «эсхатологическим» компонентом:

killing the well – глушение скважины; bleeding core – нефтенасыщенный керн; bullet gun – пулевой перфоратор.

В нашем исследовании под «эсхатологическим» метафорическим компонентом понимается компонент, семантика которого связана, в экзистенциалах М. Хайдеггера, с бытием к смерти, «бытием к концу», «уже не бытием возможного» (см. [8]), а именно, со средствами реализации «скончания присутствия», например, оружием, действиями или процессами, например, «убийства» или «кровоточения», как в вышеприведенных примерах.

Следует отметить, что метафорические термины с антропоморфным компонентом являются самой многочисленной группой в рассматриваемой предметной области. Как показал анализ научной литературы, посвященной изучению метафорических терминов, наибольший процент метафорики составляет «антропоморфная» группа (см., напр., [4]).

Проведённое исследование позволяет сделать вывод о том, что английская терминология нефтегазовой отрасли характеризуется широким использованием терминов-метафор, которые формируют единую систему метафорического терминообразования, представленную целым метафорическим корпусом со своими закономерностями, типологическими характеристиками и моделями. Подводя итог, следует подчеркнуть, что даже когда метафорическая природа английских терминов сохраняется в переводе, наблюдается асимметрия значений, то есть метафорический образ может быть заменен на близкий или смежный по значению образ. Перевод нефтегазовых терминов с английского на русский язык обнаруживает показательную особенность: из выделенных нами категорий выделяются термины с антропоморфным и «эсхатологическим» метафорическими компонентами. Термины с антропоморфным компонентом в 57 процентах случаев имеют метафорические соответствия в языке перевода. Термины с «эсхатологическим» компонентом демонстрируют фактически обратное соотношение, однако цифра в 47 процентов их метафорического перевода – так же весьма высокий показатель, что делает метафоричность английских и русских терминов с этим компонентом соизмеримой и задает специальный вектор дальнейших изысканий.

Список использованных источников

1. Аристотель. Поэтика; Риторика; О душе / Пер. с древнегреч. В. Аппельрота, Н. Платоновой и П. Попова. М.: Мир книги, Литература. – 2007. – 400 с.
2. Арутюнова Н. Д. Метафора и дискурс (Вступительная статья) // Теория метафоры. М.: Прогресс. – 1990. – С. 5–32.
3. Деррида Ж. Поля философии / Пер. с фр. Д. Ю. Кралечкина. М.: Академический Проект. – 2012. – 376 с.
4. Дудецкая С. Г. Метафоризация как способ терминообразования: на материале английской терминологии черепно-челюстно-лицевой хирургии и стоматологии: дис. ... канд. филол. наук: 10.02.04 / С. Г. Дудецкая. – Самара, 2007. – 240 с.
5. Ефремов А. А. Когнитивные и структурно-семантические особенности метафорических терминов (на материале терминологии американской нефтегазовой отрасли): дис. ... канд. филол. наук: 10.02.19 / А. А. Ефремов. – Майкоп, 2013. – 211 с.
6. Лингвистический энциклопедический словарь / Под ред. В. Н. Яревой [Электронный ресурс]. // <http://tapemark.narod.ru/les> (дата обращения: 20 декабря 2022).
7. Петрова Г. Г. Лексико-стилистические трансформации в англо-русском научно-техническом переводе: дис. ... канд. филол. наук: 10.02.20 / Г. Г. Петрова. – Москва, 2004. – 227 с.
8. Хайдеггер М. Бытие и время / Пер. с нем. В. В. Библихина. СПб.: Наука. – 2002. – 451 с.
9. Lakoff G., Johnson M. *Metaphors We Live By*. Chicago: The Univ. of Chicago Press. – 1980. – 242 p.

УДК 81'255

ПРОБЛЕМЫ ПЕРЕДАЧИ ПРАГМАТИЧЕСКИХ ЗНАЧЕНИЙ ПРИ ПЕРЕВОДЕ СОВРЕМЕННОЙ ПРОЗЫ**В. В. Кирпикова¹⁴,***обучающийся аспирантуры, кафедра иностранных языков,
филологический факультет, ФГБОУ ВО «Амурский государственный
университет», Благовещенск*

Аннотация: В статье представлены результаты исследования, проведенного методом сопоставительного анализа и количественного подсчета, направленного на выявление переводческих ошибок, связанных с неверным выражением прагматических значений в тексте перевода.

Ключевые слова: прагматические значения, стиль, регистр, эмоциональная окраска, метафора.

Summary: The article presents the results of a study conducted by the

¹⁴ Научный руководитель: к. филол. н., доцент Ю. П. Иванашко

method of comparative analysis and quantitative calculation aimed at identifying translation errors associated with incorrect expression of pragmatic meanings in the translation text.

Key words: pragmatic meanings, style, register, emotional coloring, metaphor.

Прагматическое значение – отношение между знаком и коллективом, пользующимся данным знаком. Люди, использующие языковые знаки в процессе коммуникации, по-разному на них реагируют, а через них и на обозначенные ими референты и денотаты. Это субъективное отношение людей к окружающей действительности и является тем, что именуется прагматическим значением [1, с. 106-107]. Прагматика как отношение между знаком и участником коммуникации имеет двустороннюю структуру, так как знак оказывается обращенным как к отправителю, так и к получателю [2, с. 294]. Прагматический потенциал текста определяется содержанием и формой сообщения и существует независимо от его автора. Может случиться так, что прагматика текста не полностью совпадает с коммуникативным намерением его автора. Прагматика текста зависит от информации, которую он передает и способа ее передачи, а также представляет собой «объективную сущность, доступную для восприятия и анализа». От выбора переводчиком необходимых средств для передачи прагматических значений напрямую зависит отношение окончательного реципиента к переведенному сообщению, однако его личностное отношение не отразилось на точности воспроизведения информации в переводе, переводчик «должен быть прагматически нейтрален» [3, с. 209-210].

Материал и методика исследования

Материалом исследования послужил оригинальный текст романа Томаса Харриса «Молчание ягнят», впервые опубликованный в 1988 г. и текст перевода 1993 года.

Исследование проводилось путем сопоставительного анализа двух вариантов текстов: оригинала романа «The silence of the lambs» и его перевода на русский язык И. Бессмертной и И. Данилова. В рамках исследования был осуществлён отбор узких контекстов (частей текста в пределах одного или нескольких предложений) оригинального и переводного произведений, содержащих лексические единицы, при передаче которых было обнаружено искажение смысла, основанное на неверной передаче прагматических значений, заключённых в лексических, грамматических и синтаксических единицах оригинального текста, что привело к неправильному решению переводческой задачи.

Проблемы передачи прагматических значений при переводе

В ходе анализа сопоставляемых текстов было выявлено, что второе место по распространённости занимают ошибки, связанные с неверной передачей прагматических значений – они составляют 31,1% от всех переводческих ошибок, обнаруженных в тексте перевода. Нарушения

эквивалентности в прагматическом аспекте при передаче текста оригинала средствами перевода заключались в несоблюдении переводчиком:

- стиля;
- регистра;
- эмоциональной окраски слов;
- правил перевода метафор и фразеологии.

Важно отметить, что в ходе анализа текстов нередко выявлялись случаи, когда в одном отрывке текста были допущены ошибки, связанные одновременно и с референцией, и с прагматикой.

Результаты подсчета ошибок, представляющих прагматический компонент передачи оригинального текста, приведены в таблице 1.

Таблица 1 – Ошибки при передаче прагматических значений

Ошибки	Количество (в абс. ед.)	Количество (в %)
Стиль	2	1,39
Метафоры и фразеология	16	11,11
Регистр	53	36,81
Эмоциональная окраска	73	50,69

Передача эмоциональной окраски

Как можно видеть из таблицы 1, больше всего неточностей было выявлено при передаче эмоциональной окраски слов или целых предложений. Например:

Текст оригинала	Текст скорректированного перевода	Перевод И. Бессмертной
... but it's never about his own <i>little anomalies</i> но никогда и словом не обмолвится о собственных <i>маленьких особенностях</i> но никогда и словом не обмолвится о собственных <i>отклонениях от нормы</i> .

На первый взгляд словосочетание *little anomalies* имеет нейтральную эмоциональную окраску, однако исходя из контекста можно сказать, что данное словосочетание носит издевательский оттенок, то есть имеет отрицательную эмоциональную окраску. Переводчик обозначил его как «отклонения от нормы», однако данная лексика является нейтральной. Нам же необходимо дать читателю понять, что эти «отклонения от нормы» являются предметом презрения и насмешки. Вполне возможно обозначить их как «маленькие особенности», так как данное словосочетание несет в себе более ярко выраженный отрицательный эмоциональный окрас, причины которого будут понятны читателю из широкого контекста.

В следующем фрагменте текста переводчик снова прибегает к нейтральной лексике вместо эмоционально-окрашенной.

Текст оригинала	Текст скорректированного перевода	Перевод И. Бессмертной
You've got everybody in <i>moral dignity pants</i> – nothing is ever anybody's fault.	В вашем понимании у всех <i>благородства полные штаны</i> – никто никогда ни в чем не виноват.	Ради психологии, офицер Старлинг, <i>вы с точки зрения морали обрядили всех и каждого в резиновые штаны с подгузниками</i> . Ведь никто

		ни в чем не виноват.
--	--	----------------------

В данном случае необходимо придать всему предложению отрицательную эмоциональную окраску, следовательно мы можем обозначить в тексте перевода словосочетание *moral dignity pants* как «благородства полные штаны», чтобы показать отрицательное отношение персонажа ко всей ситуации в целом, однако автором перевода данный аспект был проигнорирован.

Передача регистра

Ошибки, связанные с выбором неверного регистра лексических единиц, составили 36,81% от всех проблем передачи на русский язык прагматических значений, заключённых в тексте оригинала. Рассмотрим первый пример:

Текст оригинала	Текст скорректированного перевода	Перевод И. Бессмертной
Beyond that, he's <i>noise</i> .	А так, он <i>плева не стоит</i> .	А помимо этого, он <i>мало что значит</i> .

В данном контексте необходимо использовать более разговорную лексику. Слово *noise* имеет значение «шум, гам», однако в разговорной речи часто употребляется в значении «трёп, ерунда». «Мало что значит», использованное переводчиком допустимо, однако относится к нейтральному регистру, в данном же случае необходимо использовать разговорную лексику.

В следующем случае, аналогично предыдущему, автор перевода использует лексику нейтрального регистра, однако слово *entirely* имеет значение «полностью, совсем, всецело», а *innocent* – «наивный, неискушенный, безгрешный», следовательно, в данном контексте необходима возвышенная лексика, которая отражает характер персонажа и его отношение к ситуации.

Текст оригинала	Текст скорректированного перевода	Перевод И. Бессмертной
Are you <i>entirely innocent</i> of the Gospel of St. John?	Неужели Евангелие от Иоана <i>совершенно за пределами вашего разума</i> ?	<i>А вы что, никогда не читали</i> Евангелия от Иоана?

Передача метафор и фразеологизмов

11,11% от всех прагматических ошибок составили ошибки, связанные с переводом метафор и фразеологизмов. Как показало исследование, в подавляющем большинстве случаев переводчик не смог подобрать в языке перевода метафору или идиому, соответствующую по смыслу и прагматической направленности той, что была использована автором перевода.

Например:

Текст оригинала	Текст скорректированного перевода	Перевод И. Бессмертной
Clarice Starling felt a <i>glad</i>	Клэрис Старлинг	<i>Сердце</i> Клэрис Старлинг

<i>knocking in her chest and some apprehension too.</i>	одновременно ощутила и радостный трепет в груди, и какое-то дурное предчувствие.	<i>подпрыгнуло от радости, а потом чуть было не ушло в пятки.</i>
---	--	---

В данном примере переводчик обозначил словосочетание *glad knocking in her chest* как «сердце подпрыгнуло от радости», однако в русском языке такого выражения нет, мы можем «почувствовать радостный трепет в груди». Далее слово *apprehension* в тексте перевода обозначено как «сердце ушло в пятки», но этот фразеологизм здесь неуместен, так как слово *apprehension* имеет значение «дурное предчувствие». Выражение «сердце ушло в пятки» мы используем для описания сильного испуга или изумления, но не плохого предчувствия. В этом случае лучше перевести данное слово буквально.

Метафора «his eyes like a bright winter day», представленная в нижеследующем примере, в тексте перевода И. Данилова обозначена как «Глаза его смотрели ясно и холодно, как смотрит в окно холодный зимний день», однако такая формулировка не характерна для русского языка, мы не можем сравнить глаза с холодным зимним днем. Скорее всего, автор текста оригинала подразумевал именно блеск глаз, следовательно, в тексте перевода мы можем использовать метод описательного перевода и сказать «глаза его так и сверкали».

Текст оригинала	Текст скорректированного перевода	Перевод И. Бессмертной
Then it was Jack Crawford hunting, his eyes <i>like a bright winter day</i> .	Теперь перед ней был Джек Крофорд, вышедший на охоту – глаза его <i>так и сверкали</i> .	Теперь перед ней был Джек Крофорд, вышедший на охоту. Глаза его смотрели ясно и холодно, <i>как смотрит в окно холодный зимний день</i> .

Передача стилистических характеристик

Менее всего при сопоставлении текстов оригинала и перевода было выявлено стилистических ошибок, которые составили 1,39% от всех ошибок, связанных с прагматикой. Например:

Текст оригинала	Текст скорректированного перевода	Перевод И. Данилова
He's a cemetery <i>mink</i> . He lives down in a ribcage in the dry leaves of a heart.	Он как кладбищенская <i>норка</i> : живет в останках грудной клетки, в сухих листьях, что лежат там, где когда-то было сердце.	Как <i>змея</i> гробовая, он в клетке из ребер живет, укрываясь от листьев сухих, что остались от мертвого сердца.

В данном примере имеет место неверный перевод слова *mink*, а также неверный выбор стиля речи. Переводчик обозначил слово *mink* как «змея», в то время как данное слово имеет значение «норка», возможно, переводчик решил, что норки живут на кладбищах – ситуация не совсем понятная русскому читателю, и замена «норок» на «змей» поможет это исправить. Однако замена одной лексической единицы на другую может быть вызвана

и намерением переводчика использовать для перевода так называемый «высокий» стиль речи, который в данном контексте ничем не оправдан.

В результате проведенного исследования были выявлены проблемы достижения переводческой эквивалентности при передаче прагматических значений при переводе художественного текста. Экспериментальные данные, полученные в результате проведения вышеупомянутых видов исследования, основываются на теоретических изложениях и практических изысканиях, представленных в трудах, посвященных теории перевода.

Список использованных источников

1. Бархударов Л. С. Язык и перевод (вопросы общей и частной теории перевода) / Л. С. Бархударов. – М.: Международные отношения. – 1975. – 240 с.
2. Гарбовский Н. К. Теория перевода: учеб. пособие / Н. К. Гарбовский. М.: Изд-во Моск. ун-та. – 2007. – 544 с.
3. Комиссаров В. Н. Теория перевода (лингвистические аспекты): учеб. пособие / В. Н. Комиссаров. М.: Выш. шк. – 1990. – 253 с.
4. Харрис Т. Молчание ягнят / Т. Харрис; [пер. с англ. И. Бессмертной, И. Данилова]. М: Эксмо. – 2021. – 496 с.
5. Harris T. The silence of the lambs // Thomas Harris. St. Martin's Paperbacks. – 1991. – 384 p.

УДК 347.78.034

ЛИНГВОВИЗУАЛЬНЫЕ СРЕДСТВА ВЫРАЗИТЕЛЬНОСТИ В ПОЛИТИЧЕСКОЙ КАРИКАТУРЕ

М. В. Ласкова,

доктор филологических наук, профессор, заведующий кафедрой перевода и информационных технологий в лингвистике, Институт филологии, журналистики и межкультурной коммуникации, Южный федеральный университет, Ростов-на-Дону

В. А. Лазарев,

доктор филологических наук, профессор кафедры перевода и информационных технологий в лингвистике, Институт филологии, журналистики и межкультурной коммуникации, Южный федеральный университет, Ростов-на-Дону

М. В. Ивченко,

кандидат филологических наук, доцент кафедры перевода и информационных технологий в лингвистике, Институт филологии, журналистики и межкультурной коммуникации, Южный федеральный университет, Ростов-на-Дону

Аннотация. Политическая тематика достаточно долгое время остается наиболее актуальной для карикатуристов во всем мире. Со всей очевидностью можно утверждать, что карикатура – это особый креализованный текст (семиотически осложненный), в котором

информационная прагматическая плотность удачно сочетается с вербализованными маркерами, способная обличать, высмеивать и критиковать известных политических деятелей, острые политические дебаты и знаковые события в мировом масштабе на разных этапах развития человеческого общества. Аксиологическая направленность создаваемого образа в политической карикатуре, основанная на национально-культурных особенностях, зависит от ее идеологического вектора.

Ключевые слова: карикатура, политическая карикатура, перевод, графические средства.

Summary. Political themes have been the most relevant for cartoonists around the world within a long period. It can be clearly stated that a caricature is a special creolized text (semiotically complicated), where informational pragmatic density is successfully balanced with verbalized markers, capable of denouncing, ridiculing and criticizing well-known political figures, intense political debates and significant events on a global scale on different stages of development of human society. The axiological orientation of the created image in a political caricature, based on national and cultural features, depends on its ideological vector.

Key words: caricature, political caricature, translation, graphic means.

Графические средства, реализуемые в жанре карикатуры, представляют собой базис на вербально-семантическом уровне реализации языковой личности карикатуриста, так как основную когнитивно-смысловую нагрузку определяет визуализированный компонент. Все средства выражения актуализируют внимание адресата на происходящие события в окружающей его действительности с аттрактивным воздействием заглавных букв, учитывая тот факт, что основная нагрузка в политических карикатурах ложится зачастую на визуальный компонент рисунка с подписью. Нельзя не отметить, что изображенные элементы с большей или меньшей степенью могут привлекать к себе внимание, казаться более или менее важными, при этом не всегда важно их место локализации в изображении. Мы сконцентрируемся на элементе существенности (Saliency) – термин, предложенный Крессом и Льюином [3, с. 301-302]. Существенность реализуется за счет ряда факторов, таких как контрастность, размещение объекта на первом или втором плане, цветовая гамма, резкость либо размытость изображения. Человеческая фигура или символика является важным фактором привлечения внимания. С этих позиций и выстраивается иерархия значений. Еще одним ключевым компонентом композиции карикатуры является фрейминг. Представленные зрителю элементы могут быть объединены или разобщены в зависимости от их расположения в пространстве: чем сильнее фрейминг, тем отчетливее представлен каждый блок информации.

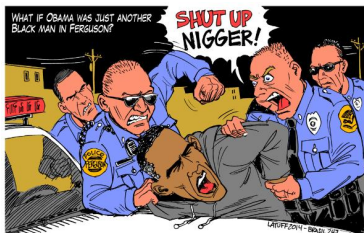
Как правило, графические средства разделяются на шрифтовые и не шрифтовые. Что касается шрифтовых маркеров, то среди них выделяют:

1. Жирный шрифт – на карикатуре изображен мужчина «Greece» со

следующей вербализованной составляющей «JERKS! COULD THIS THING **BE** ANY TIGHTER?». Глагол **be** интенционально выделен жирным шрифтом в риторическом вопросе, демонстрируя надежду Греции в помощи Евросоюза во избежание продолжения экономического кризиса [2, с. 73-74].

2. Курсив.

Ср.: Курсивом выделена фраза «*What if Obama was just another black man in Ferguson?*». – «Что, если бы Обама оказался еще одним чернокожим в Фергюсоне?», имплицитно критикует власть, напоминая убитого полицейскими чернокожего в небольшом городке Фергюсон в августе 2014 года.

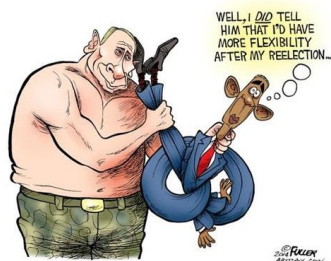
3. Вычеркивание слова.

Ср.: Критика в адрес кандидатуры Дональда Трампа, баллотирующегося на пост президента США. На ней написано: «Заставь Америку вновь ненавидеть». Эта фраза переключается с предвыборным лозунгом американского миллиардера – «Сделай Америку вновь великой (Make America great again)».

4. Следующим графическим маркером может выступать подчеркивание.

Ср.: Барак Обама произносит следующую фразу «Well, I Did Tell Him That I'd Have More Flexibility After My Reflection». В данном конкретном случае английский подчеркнутый глагол Did выступает в роли усилителя и передает модальную семантику (отношение говорящего к происходящей действительности). Обама заявляет: «Я же говорил ему, что становлюсь более гибким, после того как подумаю». В этом примере мы обращаемся к частеречной замене при переводе, заменяя существительные глаголами [2, с. 75-76].

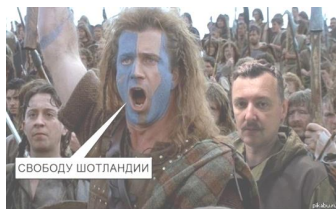
5. Выделение линией территории государства (часто характеризует захватнические действия страны). *Ср.*: Изображение китайской границы, которая якобы временно принадлежит всему Дальнему Востоку России. В официальных учебниках Китая утверждается, что эта территория принадлежит Поднебесной.

В центре внимания проанализированных нами карикатур находятся не только американские, но и британские, посвященные референдуму о независимости Шотландии, отобранные методом сплошной выборки (картотека составила 80 контекстов). В ходе нашего исследования выяснилось, что большинство карикатур осложнено прецедентностью этнокультурного характера. Нельзя не отметить тот факт, что к стереотипам апеллируют не только про-британски настроенные карикатуристы, но и националистические источники. Восприятие «своей» и «чужой» этнической группы во многом совпадают (автостереотипы и гетеростереотипы). Практически 70 % карикатурных изображений представляет собой шотландцев, одетых в традиционные костюмы: берет с бубоном, шотландская юбка-килт в клетку с другими атрибутами этнической составляющей, например, тартановый орнамент [1, с. 35-36].

Не обошлось и без традиционной шотландской волынки. Так, на одном из рисунков англичанин с помощью зонтика пытается проткнуть волынку, пытаясь испортить игравшему на ней шотландцу звучание песни. Многочисленные карикатуры, как сторонников, так и противников референдума демонстрируют древний обычай, указывающий, что настоящий шотландец никогда не оденет под килт нижнее белье. Данные изображения ставят своей целью либо подчеркнуть шотландские корни изображаемого героя, либо шокировать приличную английскую аудиторию. Нельзя не обратить внимание на использование художниками национальной символики – британский государственный флаг с красным прямым крестом на белом фоне и шотландский флаг с белым крестом на синем фоне в качестве противопоставления. Несколько реже используется чертополох, как растительный символ Шотландии. Еще реже – геральдические знаки единорог и лев, раскрывающие аллюзию на «Стихи сказки Матушки гусыни» (Mother Goose Rhymes), напоминая о битве льва и единорога. Не остались без внимания исторические события Шотландии и Великобритании с упоминанием национальных героев, боровшихся за независимость Шотландии, широко узнаваемые благодаря фильму «Храброе сердце». Ср.:

В некоторых карикатурах используются такие историко-этнографические реалии, как шотландские монеты – ducat, grout, bawbee в качестве юмористической альтернативы фунту стерлингу, и национальные шотландские блюда: хаггис (haggis) – бараний желудок, фаршированный потрохами с салом, луком и приправами, а также жареные во фритюре батончики Mags, которые появились в середине 90-х годов двадцатого столетия, символизируя вредный рацион шотландцев [1, с. 37-38].

В некоторых карикатурах не обошлось и без образа Несси, мифического существа, обитающего на озере Лох-Несс и ставшего неофициальным символом Шотландии, опередившего по популярности

Шона Коннери. Политические персоналии несколько ниже по популярности у карикатуристов. Одним из ведущих политических лиц является Алекс Салмонд – первый министр Шотландии и глава национальной партии, и его оппонент Дэвид Кэмерон.

В итоге, проанализировав изобразительный фон политических карикатур при референдуме, мы можем представить следующую таблицу:

Таким образом, графические особенности карикатуры учитывают такие элементы как особые композиционные схемы, колористические индивидуальные решения, аналитические зарисовки и так называемое «прогнозирование» аксессуаров.

Список использованных источников

1. Артемова Е. А. Специфика реализации текстовых категорий в политической карикатуре // Языковая личность: проблемы лингвокультурологии и функциональной семантики: Сб. науч. тр. / Волгоград. – 1999. – С. 34-39.
2. Бушев А. Б. Политический дискурс в материалах периодической печати фактографических и художественных жанров // Политическая лингвистика. М. – 2009. – № 4. – С. 72-81.
3. Kress G. and van Leeuwen T. Reading images. The grammar of visual design. London: Routledge. – 1996. – 291 p.

УДК 81'25

ОТЛИЧИТЕЛЬНЫЕ ОСОБЕННОСТИ НЕНЕЦКОГО ЯЗЫКА В СОПОСТАВЛЕНИИ С РУССКИМ И ИХ УЧЕТ ПРИ ПЕРЕВОДЕ ФОЛЬКЛОРНЫХ ТЕКСТОВ

*О. Е. Латышева*¹⁵,

аспирант, кафедра перевода и прикладной лингвистики, Северный (Арктический) федеральный университет имени М. В. Ломоносова, ГБУК «Этнокультурный центр Ненецкого автономного округа», г. Нарьян-Мар

Аннотация. Данная статья является частью исследовательской работы по изучению этнокультурных аспектов перевода ненецких фольклорных текстов с ненецкого языка на русский. Объектом исследования являются фольклорные тексты и их переводы, размещенные в сборнике материалов комплексной экспедиции к канинским ненцам «Тропами предков» в 2016 году. В статье рассматриваются основные особенности ненецкого языка, которые важны при осуществлении перевода.

Summary. This article is part of the research work on the ethnocultural aspects of the oral and written translation of folklore texts from the Nenets language into Russian. The object of the study is folklore texts based on the materials of the collection of a comprehensive expedition to the Kanin Nenets «Trails of the Ancestors» 2016 edition, which were published taking into account the main phonetic and morphological features of the Kanin Nenets language.

Ключевые слова: фольклор, фольклорный текст, ненецкий язык, сопоставительный анализ, перевод, этнокультурный аспект, лингвокультурологический взгляд.

Key words: folklore, folklore text, Nenets language, comparative analysis, translation, ethnocultural aspect, linguo-cultural view.

Прежде чем перейти к рассмотрению указанной в названии статьи темы исследования, необходимо отметить, что на ненецком языке общаются представители ненецкого народа, которые проживают на обширной территории Российского Севера и Западной Сибири от реки Мезени на западе до низовьев Енисея на востоке. Ненцы являются самым большим народом из числа коренных малочисленных народов российского Севера. По итогам переписи 2022 года численность ненцев в Российской Федерации составляет 44640 тысяч человек, из них в Ненецком автономном округе проживает 7,5 тысяч человек.

На сегодняшний день ситуация с миноритарными языками в мире и в России в том числе выглядит не совсем благополучно, поскольку молодое поколение все меньше владеет родными языками коренных малочисленных народов. Поэтому перед учеными встает задача сохранить как можно больше текстовых данных по данным языкам для последующих поколений – как для будущих ученых, так и для самих носителей малых языков.

¹⁵ Рецензия на статью: д. филол. н., профессор А. М. Поликарпов

О роли фольклора как важного инструмента сохранения языка и культуры ненецкого народа говорит во вступительной статье к книге «Фольклор ненцев», входящей в многотомную академическую серию «Памятники фольклора народов Сибири и Дальнего Востока», известный этнограф, лингвист, кандидат исторических наук Л. В. Хомич. Данная книга написана ею в соавторстве с доктором исторических наук, известным фольклористом Е. Т. Пушкаревой.

Л. В. Хомич пишет: «Ненецкий фольклор, как и фольклор других народов, ценнейший памятник культуры. В нем отражены почти все стороны жизни народа, многие черты традиционного мировоззрения, часть которых может оказаться полезной и в современном мире...» [7, с. 22].

При переводе ненецких фольклорных текстов на русский язык как язык межкультурного общения письменно зафиксированные в языке оригинала факты устной речи требуют к себе, несомненно, пристального внимания, поскольку они вобрали в себя многовековой опыт народной памяти для будущих поколений самого этноса и открывают глаза на другую культуру.

Для начала определим, что такое перевод? Существует огромное количество определений перевода, но мы остановимся здесь только на одной научной трактовке известного российского лингвиста В. С. Виноградова. Он считает, что перевод является мыслительной деятельностью, процессом передачи содержания, выраженного на одном языке, средствами другого языка [1, с. 5]. Отсюда следует, что главной задачей переводчика является передача возникающих в мозгу у переводчика при восприятии оригинала основных смыслов исходного текста и содержащегося в этом тексте содержания. При этом возникает ряд сложностей, связанных с теми или иными особенностями формы и стиля текста оригинала.

Одной из сложностей, возникающих при переводе фольклорных текстов с ненецкого языка на русский, является тот факт, что эти языки согласно их типологии, относятся к разнотипным языкам. Ненецкий язык по своему грамматическому строю относится к агглютинативно-суффиксальным языкам: основным способом образования форм слов, которого является агглютинация, т.е. последовательное присоединение («приклеивание») к основе различных словоизменительных и словообразовательных суффиксов.

Русский язык в отличие от ненецкого языка, как известно, является флективным языком, то есть языком, который образует формы путем изменения окончаний. Несмотря на то, что это язык флективный, для него характерно также и использование суффиксов, помогающих выражать как какие-либо лексические значения, так и всевозможные оценки и эмоции: нежность, ласку, пренебрежение, восхищение и др. [2, с. 6].

Культуры народов, контактирующих посредством указанного типа перевода, также значительно отличаются друг от друга. Так, например,

ненецкий язык ввиду того, что традиционной отраслью ненцев является оленеводство, богат лексикой, связанной с оленеводческим хозяйством. На уникальность кочевого образа жизни ненцев и, соответственно, сохраняемого в их культуре устного народного творчества в своем научном труде «Кочевники тундры: ненцы и их фольклор» указывает отечественный ученый А. В. Головнев: «Кочевники трудноуловимы, в том числе для науки: перемещаясь на огромных пространствах, они почти не оставляют археологических следов: их вещная культура минималистична, а мощные социальные связи невидимы для пишущих историю оседлых народов» [3, с. 17].

Если рассматривать перевод ненецких фольклорных текстов с лингвокультурологической точки зрения, для передачи содержания данных текстов целесообразно давать комментарий, содержащий описательную характеристику того или иного предмета, явления и их номинаций для того, чтобы читатель мог получить культурологически и этнографически значимую информацию о предмете речи [5, с. 154].

Возьмем, к примеру, в полученном путем записи устных фольклорных текстов и соответствующей их письменной фиксации материале фразу *Ся"ны эбта Нод" си"ив Хаби илевы*, которую предлагается перевести следующим образом: *Давным давно жили семь братьев из рода Хаби* [4, с. 6-7]. При переводе данного предложения, уже на этапе расшифровки сказки «Си"ив Хаби» (Семь братьев из рода Хаби), полученной от информанта В. А. Канюкова, мы понимаем, что фольклорное произведение о семи братьях является нарративом, повествующем о древнем роде Хаби.

Благодаря научным трудам Л. В. Хомич можно проследить происхождение и историю данного рода. Словом «*хаби*» (наёмный работник, раб, иноплеменник) ненцы-олeneводы называли в древности представителей соседних народов, занимавшихся рыболовством, охотой и от бедности нанимавшихся к ним в пастухи [9, с. 100].

Получается, что род Хаби восходит к таким народам, как ханты, селившимся на рыболовных песках (их именовали в древности *саяндер* или *саянгаби* (жители мысов)), манси, проживавшим по реке Сыня (их называли **сыянгаби**) и селькупы, жившим вблизи реки Таз (их именовали **тасухаби**), а также кеты, которые селились по реке Енисей (ср. название **енсяхаби**) [9, с. 100].

Сложность при переводе представляют архаичные слова и выражения, которые сегодня не употребляются в современном ненецком языке. Для знающего ненецкий этикет не совсем понятна фраза из старинной песни «*Ва" илько не ачыкы хыңц*» (Песня обездоленной девушки): *Саля ервэй нюНэй" маня" нерэйданов" педа лисадаНэй, савамдов екаНов. – Сын русского хозяина впереди нас протянул руку ладонью вверх (подал так руку, чтобы поздороваться), шапку снял* [4, с. 32–33]. В данном случае важно использовать сноску в виде комментария, которая должна пояснить читателю, что в прежние времена ненцы здоровались друг с другом при

встрече именно таким образом, демонстрируя перевернутой вверх ладонью, что они пришли с миром.

Нельзя не сказать в связи с рассматриваемой в данной статье темой о строе предложения в ненецком языке. Главной топологической особенностью языка оригинала является то, что при построении предложений сказуемое всегда ставится в конец предложения и никаких других членов предложения после него быть не должно [8, с. 3]. Строй предложений в переводе на русский язык будет кардинальным образом отличаться от текста оригинала:

Си’ив мято’ эрханё’. – *Семь чумов было у них* [4, с. 6–7].

Важным в связи с указанной топологической особенностью в синтаксисе ненецкого языка является вопрос об актуальном членении предложения, т.е. вопрос о том, каким образом при переводе с ненецкого языка на русский разместить тему и рему, чтобы, с одной стороны, сохранить черты фольклорного текста, а с другой стороны, сделать переведенный текст доступнее для понимания реципиентом.

В отличие от русского языка в ненецком языке отсутствует категория грамматического рода. Личные местоимения «он», «она», «оно» обозначаются с помощью одного слова *«пыда»* [6, с. 61]. В силу этого у переводчиков с ненецкого языка на русский язык часто возникают сложности, связанные с осуществлением более точного и, самое главное, адекватного перевода. Например, если попытаться перевести предложение из текста вышеупомянутой сказки «*Си’ив Хаби*» «*Пыда амгэрт’ ни ман’*, *ядаль’*» [4, с. 10], то в переводе оно может означать и «*Он ничего не сказал, пошёл*», и «*Она ничего не сказала, пошла*». Понять, что речь идет о мужчине, брате главных героев, можно только из контекста. Поэтому важно при нахождении соответствия указанному многозначному ненецкому местоимению погрузиться в контекст.

В русском языке как имена, так и глаголы обладают двумя противочленами в рамках категории числа: единственным и множественным числом. В отличие от русского языка в ненецком языке существует три числа: единственное, двойственное и множественное [8, с. 3]. Приведем в качестве примера предложение из той же сказки «*Си’ив Хаби*»:

Тыдо’ ягу’, адьбята пили’ ханевась эдлёрЦа’ – *Оленей у них нет, поэтому они всё время на охоту ездят* [4, с. 10–11].

Глагол употребляется здесь в форме множественного числа *эдлёрЦа’* («ездят»). Если данный глагол употребить в единственном числе, то он получает форму *эдлёрЦа* («ездит»), а в двойственном числе – *эдлёрЦаха’*, и в этом случае нужно было бы перевести «они двое ездят».

Для обозначения пола живых существ в ненецком языке используются специальные слова: *не* (женщина), *хасава* (мужчина), *вэсако* (старик), *пухуця* (старуха) и др. Слова употребляются в тех случаях, когда требуется уточнить пол человека или животного [6, с. 61]. Так, например, анализируя

название старинной песни «Ва”илько не ачыкы хынц» (Песня обездоленной девушки) [4. с. 32], мы видим, что в тексте будет говориться о девушке, хотя в названии упоминается о ребенке «ачыкы». Слово «не» дает уточнение, что в данном фольклорном тексте речь идет именно о девушке.

Проведенное исследование позволяет утверждать, что при переводе ненецких фольклорных текстовых материалов на русский язык важно учитывать тот факт, что исходный язык и язык перевода принадлежат к различным структурным типам и потому демонстрируют соответствующее лексическое и грамматическое оформление. Различие языковых систем, складывавшихся в процессе длительного исторического развития, могут вызывать проблемы при переводе несмотря на имеющуюся значительную общность. Переводчик фольклорных текстов должен внимательно относиться к конкретным словоупотреблениям и стараться не допускать ошибок, связанных со своеобразием устного народного творчества и содержащихся в нем лексических и грамматических особенностей оформления текстов.

Список использованных источников

1. Виноградов В. С. Перевод. Общие и лексические вопросы. М. – 2006. – 235с.
2. Гарбовский Н. К. Системологическая модель науки о переводе. Трансдисциплинарность и система научных знаний / Н. К. Гарбовский // Вестник Московского университета. Серия 22. Теория перевода. – 2015. – 1. – С. 3–19.
3. Головнев А. В. Кочевники тундры: Ненцы и их фольклор. – Екатеринбург: УрО РАН. – 2004. – 344 с.
4. Латышева О. Е. Сборник материалов комплексной экспедиции к канинским ненцам. Нарьян-Мар. – 2016 – 100 с.
5. Лапгандер Р. И. Перевод фольклорных текстов с ненецкого языка на русский (на примере текста «Няхар” Пути») // Материалы 2-й Международной конференции по самодистике, посвященной 100-летию со дня рождения Н. М. Терещенко. СПб.: Нестор-История. – 2008. – С. 153–157.
6. Терещенко Н. М. В помощь самостоятельно изучающим ненецкий язык. Опыт сопоставительной грамматики ненецкого и русского языков. Ленинград: Просвещение. – 1959.
7. Фольклор ненцев / Сост. Е. Т. Пушкарева, Л. В. Хомич. Новосибирск: Наука. – 2001. – 504 с.
8. Ханзерова В. А. Ненэця вадавна лаханахава. Поговорим на ненецком. Учебное пособие. Нарьян-Мар. – 2018. – 192 с.
9. Хомич Л. В. Проблемы этногенеза и этнической истории ненцев. Л.: Наука. – 1976. – 198 с.

УДК 81'33

ГЕНДЕРНАЯ ИДЕОЛОГИЯ ВИКТОРИАНСКОЙ ЭПОХИ И ЛИНГВИСТИЧЕСКИЕ СРЕДСТВА ЕЕ РЕПРЕЗЕНТАЦИИ В ТЕКСТЕ РОМАНА «СЕВЕР И ЮГ» И ЕГО ПЕРЕВОДОВ НА РУССКИЙ ЯЗЫК*А. А. Лиховид¹⁶,**аспирант, кафедра теории и практики перевода, Гуманитарный институт, Северо-Кавказский федеральный университет, Ставрополь*

Аннотация. Викторианская литература, будучи носителем влиятельных идей и ценностей, имеет большое значение для современного читателя. Одной из наиболее важных сфер викторианского общества оказывается сфера гендерной политики, которая в викторианском сознании подразумевала четкое разграничение женских и мужских качеств. Подобное конструирование гендерных стереотипов находит свое отражение в литературном языке, в том числе в языке романа Э. Гаскелл «Север и Юг». Настоящее исследование предлагает анализ нескольких наиболее наглядных примеров лингвистического конструирования гендера в тексте произведения и отслеживает их реализацию в текстах переводов на русский язык.

Ключевые слова: Элизабет Гаскелл, викторианская эпоха, гендер, художественный перевод, гендерная лингвистика, гендерный стереотип.

Summary. Victorian literature, being the bearer of influential ideas and values, is of great importance to the modern reader. One of the most important areas of Victorian society is the area of gender politics, which in the Victorian mind implied a clear distinction between feminine and masculine qualities. Such construction of gender stereotypes is reflected in the literary language, including the language of E. Gaskell's novel «North and South». This study offers an analysis of several of the most illustrative examples of the linguistic construction of gender in the text of the novel and traces their implementation in the texts of translations into Russian.

Key words: Elizabeth Gaskell, Victorian era, gender, literary translation, gender linguistics, gender stereotype.

На первый взгляд может показаться, что Викторианская эпоха и все то, что она собой представляет, уже потеряла свою актуальность за давностью лет, если не веков, повлекших за собой, казалось бы, неминуемые изменения культур и менталитета. И тем не менее, количество научных трудов в сфере литературоведения и лингвистики, посвященных изучению британской литературы эпохи королевы Виктории, не уменьшается. Прагматически релевантным показателем можно считать появление новых переводов на русский язык классики викторианской литературы. Так, например, в 2011 и 2021 гг. вышли новые переводы романа «Мельница на Флоссе» писательницы Джордж Элиот; в 2012 г. появился еще один перевод

¹⁶ Рецензия на статью: д. филол. н., профессор С. В. Серебрякова

романа Чарльза Диккенса «Большие Надежды», в 2017 – перевод «Девида Копперфилда»; в 2017 г. свет увидел новый перевод романа Томаса Харди «Вдали от Обезумевшей Толпы». Кроме того, некоторые произведения викторианского канона были представлены русскоязычному читателю только в XIX в., как это случилось с романом «Север и Юг» британской писательницы Элизабет Гаскелл. Примечательно, что за первым переводом романа в соавторстве В. Григорьевой и Е. Первушиной в 2011 г. последовал второй, выполненный С. Трофимовым в 2016 г. Появление этих версий в русскоязычном пространстве можно считать значимым исследовательским потенциалом, что объясняет выбор настоящего произведения и его переводов в качестве эмпирического материала.

В качестве обоснования неугасающего интереса к викторианскому роману А. Хеилманн приводит понимание викторианской литературы «как пространства интеллектуального обмена, фундаментально связанного с онтологическими и эпистемологическими корнями настоящего через историческое осознание тогдашнего» [12, с. 4]. Викторианская литература по-прежнему имеет огромное значение, и регулярное обращение к этим текстам помогает сохранить набор идей и ценностей, которые определяют культуру той эпохи в такой же степени, как и нашу [12, с. 4]. Одной из сфер, имеющих неоспоримую значимость как в то время, так и сегодня, является сфера гендерной идеологии и полоролевых моделей поведения.

Различные предположения о характерных признаках мужского и женского гендера, а также о различиях между ними составляли важную часть викторианского самосознания, что естественным образом отразилось в литературе той эпохи. Как отмечает М. Фроли, на викторианских женщин был нацелен целый пласт прескриптивной литературы, содержащей социальные инструкции о женских обязанностях, женственности и подобающем женском поведении [10, с. 433]. Огромное количество издаваемой евангелической литературы закрепило идею о различных сферах влияния (укреплению данного стереотипа также способствовало стремительное развитие индустриализма), из которой вытекало предположение об имманентно женской роли в поддержании домашнего благополучия и заботы о детях. Гендерной стереотипизации также служила повестка медицинской науки, стремившейся (псевдо)научно обосновать хрупкость и слабость женского тела и предупредить о тяжелых последствиях оспаривания данного утверждения. Одним из таких «наглядных» последствий был образ падшей женщины, вдохновленный христианской логикой о склонности дочерей Евы поддаваться искушению и служивший напоминаем о том, какая судьба ждет девушек и женщин, решивших выйти за пределы контролируемой сферы домашнего [10, с. 435]. Вместе с тем, викторианская идеология конструировала мужчин как образчиков рациональности, моральности, верности долгу, трудолюбия и энергичности, а тремя идеалистичными характеристиками джентльмена выступали самоуважение, честь и храбрость [10, с. 437].

Подобное разграничение сфер влияния не могло не отразиться на языке литературы той эпохи, так как, согласно Дж. Конвей, то, как мыслят люди и как они воспринимают действительность, наглядно проявляется в языке [9, с. 22–23]. Наиболее часто гендерное разграничение в языковом сознании реализуется путем ассоциативного закрепления определенных качеств или свойств за гендером. Так, с фемининностью связывают такие категории, как пассивность, забота, репродуктивность, интуиция, романтичность, сфера домашнего, приватность, эмоциональность, физическая красота, в то время как к маскулинности относятся индивидуализм, разум, индустриализация, эксплуатация, публичность, каноничность и активность [9, с. 29]. Выражение данных качеств на языковом уровне Е. С. Гриценко относит к имплицитным средствам языкового конструирования гендера, в частности, к ассоциациям по смежности и ассоциациям по сходству [3, с. 97]. Ассоциация по смежности актуализируются, когда речь идет о предметах, владение которыми предписывается мужчинам или женщинам, а ассоциации по сходству – в тех случаях, когда упоминаются качества или свойства, традиционно связываемые с мужским или женским началом [3, с. 97]. Как отмечает О. Ю. Черных, современная гендерная лингвистика выделяет четыре основных способа лингвистического конструирования гендера, куда исследователь относит как эксплицитные способы (использование лексики с семой «пол»), так и имплицитные, то есть за счет использования определенных глагольных предикатов, семантика которых влияет на конструирование мужского или женского образа путем использования прилагательных, приписывающих лицам мужского или женского рода определенные свойства. В качестве четвертого способа автор приводит комплексное воспроизведение гендерных стереотипов текстом произведения [8, с. 564].

Таким образом, правомерным можно считать анализ средств конструирования гендерных стереотипов в тексте викторианского романа как отражения одновременно авторского и коллективного языкового сознания той эпохи. Изучение текстов переводов позволяет проследить, каким образом эти стереотипы оказываются перекодированы не только на язык принимающей культуры, но и на язык «современности». Как отмечает С. В. Серебрякова, при этом оригинал и все версии его переводов представляют собой семантическое единство, «отражающее, с одной стороны, индивидуально-авторскую картину мира и, с другой, имеющиеся возможные варианты ее множественной – протяженной во времени и обусловленной литературной традицией и личностью переводчика – лингвопереводческой интерпретации в координатах принимающей лингвокультуры и соответствующей эпистемы» [7, с. 50]. Вместе с тем, имея дело с художественным переводом, следует отметить, что переводчик как соавтор произведения может проявить определённую креативность в творческом переосмыслении оригинала с тем, чтобы передать

коммуникативный эффект оригинала и заложенные в него индивидуально-авторские и коллективные установки [5, с. 661].

Обратимся далее к анализу некоторых контекстов из романа Э. Гаскелл «Север и Юг» и его переводов на русский язык с тем, чтобы отследить лингвистическое конструирование гендера в рамках викторианского общества и его воссоздание в переводах на современный русский язык. Ниже приведем пример имплицитного конструирования гендерных смыслов по сходству:

*Margaret stood right under the chandelier, quite **silent and passive**, while her aunt adjusted the draperies* [11, с. 9].

*Маргарет **молча и терпеливо** стояла прямо под люстрой, пока тетья расправляла складки* [1, с. 12].

*Маргарет **молча** стояла под люстрой и **послушно** выполняла указания тети* [2, с. 9].

Данное предложение взято из первой главы романа, где речь идет о предстоящей свадьбе Эдит, кузины Маргарет (главной героини романа). Так как Эдит спит, то ее мать попросила Маргарет примерить шали, предназначенные кузине с тем, чтобы продемонстрировать собравшемуся в их доме обществу. Оригинальный контекст романа актуализирует стереотип об инертности и пассивности женщин путем использования прилагательных *silent* и *passive*, имеющих общий семантический оттенок отсутствия агентивности. Кроме того, тематическая часть предложения также подчеркивает роль Маргарет как субъекта действия, занимающего «освещенное» место под люстрой и представленное взору публики, что коррелирует с рематической частью, где Маргарет снова представлена как реципиент действия. На наш взгляд, оба перевода на русский язык довольно адекватно передают гендерные импликации оригинала, однако интерес вызывает перевод семантически наиболее иллюстративного прилагательного *passive*. Если в случае с *silent* оба перевода выбрали одинаковый вариант *молча*, то *passive* оказалось переведено на русский язык двумя разными вариантами, *терпеливо* и *послушно*. Обе лексемы, на наш взгляд, несколько отличаются от оригинала, однако лучше вписываются в языковую картину русскоязычного читателя. Как отмечает А. Ф. Поломошнов, терпение является чертой национального русского характера и может носить как активный (положительный), так и пассивный (отрицательный) характер [6]. Лексема *послушно* также несет в себе оттенок добровольного подчинения внешним обстоятельствам, отражая семантику церковного или детского послушания. Таким образом, хоть оба русскоязычных варианта перевода успешно передают смысл оригинального слова как выражения инертности и безразличия, они адаптировали перевод в концептуально более близкие русскоязычному читателю понятия.

Следующий пример взят из той же сцены в романе, и, на наш взгляд, он демонстрирует комплексную (одновременно эксплицитную и имплицитную) реализацию стереотипа о физической привлекательности

женщин:

Just then the door opened, and Mr Henry Lennox was suddenly announced. Some of the ladies started back, as if half-ashamed of their feminine interest in dress [11, с. 9].

В этот момент дверь отворилась, и вошел Генри Леннокс. Некоторые дамы отошли назад, словно устыдившись исконно женского интереса к нарядам [1, с. 12].

И тут открылась дверь. Слуга объявил о прибытии мистера Генри Леннокса – брата жениха. Некоторые леди отступили назад, словно устыдившись своего женского интереса к нарядам [2, с. 9].

Как уже отмечалось выше, мужчина в глазах викторианского общества воспринимался как эталон морали и разума/рациональности. Приняв во внимание бинарность гендера, можно сделать вывод о том, что в противовес обозначенным качествам в женщине всегда подразумевалась склонность к соблазну и отсутствию интереса к «великим» вопросам бытия.

Физическая привлекательность, одним из средств достижения которой является одежда, в викторианском сознании иногда оказывалась связана с образом падшей женщины и концептом стыда [10, с. 436]. Так, в тексте оригинала, что примечательно, интерес к одежде описан эксплицитно гендерно маркированной лексемой *feminine*, стоящей в одной строке с упоминанием стыда. Чувство стыда при этом актуализируется только при появлении мужской фигуры как образца нравственности и морали, тем самым маргинализируя женственность и связанный с нею в тексте оригинала интерес к одежде. Оба перевода на русский язык успешно транслирует заложенные в оригинале гендерные смыслы, однако мы бы хотели обратить внимание на то, что в варианте В. Григорьевой и Е. Первушиной (женском варианте) перевода механизм гендерной стереотипизации усиливается путем добавления наречия *исконно*, содержащего семантический компонент оригинальности и изначальности. На наш взгляд, данное переводческое решение усиливает полярность мужского и женского гендера, актуализируя пропозицию «интерес к одежде – исключительно женская черта».

Рассмотрим еще один пример, демонстрирующий лингвистическое конструирование маскулинности:

And so he had to think, and talk, and reason [11, с. 169].

И ему пришлось думать, говорить, убеждать [1, с. 224].

Поэтому ему пришлось ублажать их, обещать, убеждать, говорить... [2, с. 129].

Как уже упоминалось выше, честь, храбрость и самоуважение были тремя главными постулатами мужественности в викторианском сознании. Приведенный нами отрывок взят из контекста романа, описывающего забастовку рабочих в Милтоне. Маргарет убеждает Джона Торнтона, владельца одной из фабрик, вступить в переговоры с рабочими с тем, чтобы избежать открытой агрессии. Отрывок оригинала актуализирует стереотип

о рациональности мужчин путем использования глаголов *think, talk, reason*, семантически и ассоциативно связанных с идеей мыслительной деятельности и преобладания разума над эмоциями. Вариант В. Григорьевой и Е. Первушиной полностью сохраняет коммуникативный эффект оригинала. Перевод С. Трофимова, однако, видится нам более проблематичным, он использует глаголы *ублажать* и *обещать*, которые семантически необоснованно отклоняются от посыла оригинала. Так, согласно толковому словарю Т. Ефремовой, глагол *ублажать* «1) Угождая, балуя, доставлять удовольствие кому-л. с целью привести в хорошее расположение духа. 2) Задабривать лестью, обещаниями, подношениями, добиваясь расположения» [4]. Глагол *обещать* имеет, среди прочих, также толкование «принимая на себя ответственность, уверять в чем-л» [4]. На наш взгляд, данные глаголы, имея коннотации лести и уверенности в чем-то, что заранее не предreshено, не записываются в викторианские понятия самоуважения и чести как основополагающих концептов маскулинности. Отсюда следует вывод, что данный вариант перевода представляет собой неосознанную и необоснованную девиацию от имплицитных смыслов оригинального текста.

Таким образом, гендерная идеология викторианской эпохи подразумевала четкое разграничение качеств и свойств, предписываемых мужчинам и женщинам. Имея непосредственное влияние на язык, гендерные стереотипы зачастую отражались в литературе того периода, в том числе и на лингвистическом уровне. Как мы видим на примере романа Э. Гаскелл «Север и Юг» и его переводов на русский язык, языковыми средствами гендерного конструирования зачастую оказываются лингвистические единицы с семантикой, предписывающей стереотипные качества мужчинам и женщинам и усиливающей бинарное восприятие гендерных ролей.

Список использованных источников

1. Гаскелл Э. Север и Юг [пер. с англ. В. Григорьевой, Е. Первушиной] / Э. Гаскелл. СПб.: Азбука. – 2016. – 544 с.
2. Гаскелл Э. Север и Юг [пер. с англ. С. Трофимова] / Э. Гаскелл. Книжный Клуб «Клуб Семейного Досуга». – 2016. – 307 с.
3. Гриценко Е. С. Язык. Гендер. Дискурс. Нижний Новгород: Изд-во ННГУ им. Н. И. Лобачевского. – 2005. – 267 с.
4. Ефремова Т. Ф. Новый словарь русского языка. Толково-словообразовательный [Электронный ресурс] // Т. Ф. Ефремова. М.: Русский язык, 2000. – <https://www.efremova.info/> (дата обращения 28.01.2023).
5. Лиховид А. А. О сложностях художественного перевода: на грани между творческим переосмыслением и переводческой ошибкой // Гуманитарные и юридические исследования. – 2022. – № 9(4). – с.659–666.
6. Поломошнов А. Ф. Терпение как российская национальная особенность [Электронный ресурс] // Общество: философия, история,

культура. – 2020. – <https://cyberleninka.ru/article/n/terpenie-kak-rossiyskaya-natsionalnaya-osobennost?ysclid=ldhbhuokr2890199093>.

7. Серебрякова С. В. Потенциал одновременных переводов как возможных интерпретаций текста оригинала: в поисках инварианта перевода // *Метапоэтика: Сборник статей научно-методического семинара «Textus»*. – 2010. – № 2(1). – С.49–59.

8. Черных О. Ю. Лингвистическое конструирование гендера // *Мир науки, культуры, образования*. – 2018. – №4. – С. 562–565.

9. Conway J. K. Introduction: The Concept of Gender // *Daedalus: Learning about Women: Gender, Politics and Power*. –1987. – № 4. – Pp. 21–30.

10. Frawley M. The Victorian Age, 1832–1901 // *English Literature in Context*. – 2017. – Pp. 364–469.

11. Gaskell E. North and South / E. Gaskell. –Wordsworth Editions Limited. – P. 417.

12. Heilmann A. Neo-Victorianism: The Victorians in the Twenty-First Century, 1999–2009. Palgrave Macmillan. – 2010. – 323 p.

УДК 81'255

**ЖАНРОВЫЙ КОМПОНЕНТ ПРИ ПЕРЕВОДЕ
ХУДОЖЕСТВЕННОГО ТЕКСТА (НА ПРИМЕРЕ РОМАНА-
ТРИЛЛЕРА ДЖ. МАКМАХОН «ЛЮДИ ЗИМЫ»)**

М. Ю. Лукинова,

кандидат филологических наук, доцент кафедры теории и практики перевода, Институт филологии, Крымский федеральный университет имени В. И. Вернадского, Симферополь

К. В. Бабенко,

обучающаяся курса магистратуры, кафедра теории и практики перевода, Институт филологии, Крымский федеральный университет имени В. И. Вернадского, г. Симферополь

Аннотация. Отмечается актуальность исследования теории литературного жанра в аспекте перевода художественного текста. Ставится вопрос о влиянии жанрового компонента на степень эффективности перевода литературного произведения в контексте стилистической эквивалентности, адаптированности к культуре переводимого языка, реализации основных функций художественного произведения. Данное исследование акцентирует внимание на рассмотрении жанра триллера в современной американской литературе.

Ключевые слова: теория перевода, литературный жанр, триллер, художественный текст, переводческие трансформации

Summary. The relevance of the study of the theory of literary genre in the aspect of the translation of a literary text is noted. The question is raised about the influence of the genre component on the degree of effectiveness of the translation of a literary work in the context of stylistic equivalence, adaptability to the culture

of the translated language, the implementation of the main functions of the work of art. This study focuses on the consideration of the thriller genre in modern American literature.

Key words: translation theory, genre, literary genre, thriller, artistic text, translation transformations

Современное литературоведение и переводоведение развивается параллельно с обществом и его меняющимися потребностями. Спектр актуальных проблем исследований в данных сферах также претерпевает изменения. Особый интерес для многих лингвистов-переводчиков на данный момент представляет теория жанра и степень ее влияния на перевод, особенно если речь идет о жанровых трансформациях. Жанр является неотъемлемым компонентом кросскультурной коммуникации, а потому особенно важно в процессе перевода учитывать и сохранять его особенности. На данный момент подобный аспект изучения теории перевода только набирает обороты, что обуславливает **актуальность** данного исследования.

Художественный перевод представляет собой один из самых сложных и менее поддающихся формализации разделов переводоведения. Жанр триллера набирает все большую популярность в рамках современной литературы и является плодотворной почвой для исследований в силу малой изученности и особой жанровой специфики. Ярким представителем современного литературного жанра триллера является американская писательница Дженнифер Макмахон. Многие ее книги признаны бестселлерами по всему миру. В качестве материала данного исследования был выбран ее роман «Winter People», написанный в 2014 году, и его официальный перевод «Люди зимы» В. А. Гришечкина.

Целью работы является изучить влияние жанрового компонента на аспект перевода художественной литературы на примере жанра триллера. Для достижения поставленной цели были выдвинуты следующие задачи:

- кратко осветить современную теорию жанра;
- охарактеризовать жанр триллера в современной литературе;
- проанализировать влияние жанра на перевод художественного текста путем анализа выбранного материала исследования.

Влияние жанра на перевод было давно отмечено Комиссаровым В. Н. Ученый говорил о жанрово-стилистической норме перевода, предполагающей, «что текст перевода должен соответствовать жанровым и стилистическим особенностям данного типа текста в принимающем языке» [2]. В литературоведении общепринятого определения жанра нет, как и утвержденной показательной модели жанроформирования. В учебной литературе под жанром понимают «группу литературных произведений, объединенных общими формальными и содержательными признаками» [4]. В основе выделения любого жанра лежит представление о стандартизированной структуре речевых произведений.

Касаемо процесса образования жанра, в данном исследовании мы отталкиваемся от работы Норца М. В., в которой он изложил суть клеточной теории жанроформирования. «Клеточная модель формирования жанра представляет собой процесс «отпочкования» жанровых разновидностей одного жанра в другой» [5, с. 229]. Изначально мы говорим о материнском жанре, составляющем статичную основу. Со временем материнский жанр перестает полностью соответствовать эстетическим потребностям общества, а потому происходит изменение числа характеристик, входящих в «ядро» и в «оболочку», обладающую динамичной структурой. «В свете описанных событий «материнский жанр» эволюционирует, «отпочковывая» от себя жанровые разновидности и новые жанры» [5, с. 230].

Жанр триллер развился из детектива. Триллер не относится к неканоническим жанрам, т.к. не имеет четко очерченных границ, открыт к модификациям и до сих пор находится в развитии. Тематически триллеры подразделяются на авиационные, комедийные, триллеры-заговоры, триллеры-катастрофы, экотриллеры, шпионские, триллеры-исследования, юридические, медицинские, триллеры о наемниках, мистические, политические, психологические, религиозные, романтические и т.д. Произведение «Люди зимы» представляет собой жанровую модификацию, т.к. является мистическим триллером с элементами психологического романа.

Жанр является одним из кодов текстовой культуры, что, несомненно, играет роль при переводе текстов. Выделяется знаковая природа жанров и их функциональность. Общей функцией художественных текстов является коммуникативно-эстетическое воздействие, что сопровождается авторским замыслом в зависимости от выбранного жанра произведения [6]. Коммуникативная цель произведения является важной составляющей структуры литературного жанра. В контексте жанра триллера главным является суггестивное воздействие на читателя, пробуждение заинтересованности, чрезмерного любопытства в описываемых событиях, чувства страха и тревожности. Джеймс Паттерсон отмечает, что «если триллер не в состоянии щекотать нервы, значит, он не справляется со своей работой» [8, с. 111]. Данная цель достигается путем использованных речевых средств, формирующих содержательно-тематическую сторону текста и структуру повествования. К таковым мы относим лексико-семантические группы, средства, маркирующие субъектно-речевой план повествователя, средства, воздействующие и контактирующие конкретно с адресатом.

«I was up exploring in the woods, near the Devil's Hand, where Papa had forbidden us to play» [8, с. 7] – *«Я гуляла на холме неподалеку от Чертовых Пальцев, хотя папа строго-настрога запрещал нам с братом ходить туда без взрослых»* [3, с. 13] – в данном примере стоит отметить перевод объекта локализации (*the Devil's Hand – Чертовы пальцы*). На языке оригинала название вызывает чувство тревоги, страха, переживаний, предвещает беду;

в переводе был использован прием сужения значения (*Hand – пальцы*), а также подобран функциональный эквивалент (*Devil – Черт*). Однако данная комбинация не способствует достижению интенции автора и название «*Чертovy пальцы*» имеет эмоционально иные ассоциации и коннотации. Альтернативным переводом могло бы служить название «Дьявольская клешня» или «Рука дьявола» в силу большей экспрессивности и выразительности.

Дьякова Т. В. выделяет следующие особенности жанра триллера:

- действие постоянно находится между настоящим и будущим, сюжет стремится вперед к основному моменту истории;
- невозможно предсказать дальнейший ход развития событий; это вызывает чувство тревожного ожидания у читателей;
- финал произведения зависит от личностных качеств и умений главного героя;
- художественное оформление соответствует определенной тематике;
- в произведениях часто используются элементы других жанров для создания нужного настроения [1, с. 35].

Мы не можем заявлять о репрезентативности данного описания жанра-триллера в силу его уникальности и нехватки компонентов, однако этот жанр является локальным и динамичным, что говорит о его непостоянной природе и способности обретать новые признаки. К примеру, действия в изучаемом романе не находят лишь в настоящем; автор использует три хронологические сюжетные линии, что говорит о полифонической композиции произведения и модифицированном пространственно-временном компоненте. Для введения одной из сюжетных линий писательница строит повествование в виде записей дневника, что также представляет определенную сложность при переводе: передача структуры повествования, атмосферы, психологического состояния героини.

«*Things have become so very strange...*» [8, с. 149] – «*Я чувствую себя очень странно*» [3, с. 203] – переводчик использовал функциональную замену грамматической структуры и акцентировал внимание на внутреннем состоянии героини, что более свойственно жанру дневников в русской культуре.

Росс Макдональд констатировал, что «...в детективе действие движется во времени назад, к разгадке, от констатации факта зафиксированного преступления к тому моменту, когда оно было совершено; триллер же направлен в будущее время, вперед, к катастрофе, а развитие сюжета и его концовка становится ясна только в процессе прочтения, благодаря чему сохраняются интрига» [1, с. 32]. Дж. Макмахон же использовала в своем романе структуру сюжета детектива, при этом сохранив внимание читателя до конца прочтения с соответствующим прагматическим эффектом, свойственным хоррор литературе. Кроме того,

читателям интересно наблюдать за развивающейся эмоциональной зрелостью одной из героинь на протяжении книги, т.к. персонаж проходит путь от наивного подростка к осознанному человеку, узнающему тайну своей собственной жизни. Структура сюжета и используемые языковые экспрессивные средства играют значительную роль для достижения данного эффекта.

Важным элементом каждого жанра также является создаваемый образ героев произведения. Для построения литературного персонажа используется не только портрет, но и характеристика вещей, биография, авторская характеристика, привычки, речь и т.д. Для характеристики персонажей триллера используются как имплицитные, так и эксплицитные средства.

«*No one knew where the egg lady was*» [8, с. 253] – «*Никто на рынке не знал, куда девалась торговка яйцами и где ее можно найти*» [3, с. 335] – в данном случае переводчик, используя лексический вариант «торговка» в комбинации с суффиксом создает другую авторскую характеристику персонажа.

«*It was the spring before Papa sent Auntie away – before we lost my brother, Jacob*» [8, с. 7] – «*Это случилось весной – за несколько месяцев до того, как прогнал Тетю и погиб мой брат, Джейкоб*» [3, с. 13] – данный отрывок иллюстрирует, как переводчик изображает отношения между героями произведения. Английский вариант «Auntie» говорит о большой привязанности между персонажами; при переводе это значение было утрачено.

Стоит добавить, что еще одним неотъемлемым компонентом структуры литературного жанра является образ автора и адресата. Особенностью русского художественного текста является то, что писатель уделяет особое внимание деталям происходящего, и в повествовании присутствует больше описания, что не так свойственно английской литературе. Будучи ориентированным на русского читателя, при переводе на русский язык переводчики используют соответствующие грамматические трансформации, нацеленные на сближение текста оригинала с культурой перевода.

«*The sun had warmed the soil, giving the damp woods a rich, loamy smell*» [8, с. 7] – «*Солнечные лучи прогрели землю, и в воздухе густо пахло перегноем и почему-то грибами*» [3, с. 13] – в данном примере переводчик применил прием конкретизации (*the sun – солнечные лучи*), а также модифицировал структуру предложения, добавив детали описания (*почему-то грибами*). Русскому читателю более привычно видеть детальное описание событий. Таким образом достигается цель приближения адресата к адресанту и погружения первого в атмосферу книги.

Проведенный анализ произведения выявил сохранение жанровых особенностей при переводе на русский язык. Жанровый компонент имеет важное значение в процессе перевода. На процесс перевода влияют такие

составляющие литературного жанра, как пространственно-временная организация, образ автора и адресата, литературный персонаж, структура и композиция произведения, коммуникативная цель, лингвистические особенности текста. Знание специфики литературного жанра способствует успешному переводу художественного текста и адаптации произведения к культуре переводимого языка.

Список использованных источников

1. Дьякова Т. В. Характеристика жанра «триллер» и его поджанры. *Язык художественной литературы*. – 2013. – № 5 (44). – С. 32 – 36.
2. Казакова О. М. Жанры речи в аспекте перевода (на материале научных текстов) / О. М. Казакова, Е. А. Головачева, Т. Б. Фрик // *Вестник Новосибирского государственного педагогического университета*. – 2017. – том 7, № 2. – С. 161 – 176.
3. Макмахон Дж. Люди зимы. [пер. с англ. В. А. Гришечкина]. – Москва : Эксмо. – 2022. – 608 с.
4. Николаев А. И. Основы литературоведения: учебное пособие для студентов филологических специальностей. Иваново: ЛИСТОС. – 2011.
5. Норец М. В. «Клеточная» модель жанроформирования как основа жанра шпионского романа / М. В. Норец // *Филологические заметки*. – 2015. – Т. 1. – № 13. – С. 229 – 237.
6. Норец М. В. Жанр и перевод: современный взгляд / М. В. Норец // *Конвергентные технологии XXI: вариативность, комбинаторика, коммуникация : Материалы VII международной междисциплинарной научной конференции, Симферополь, 25–26 ноября 2022 г.* – Том 1. – С. 539-546.
7. Норец М. В. Способы сохранения жанровой структуры при переводе массовой литературы / М. В. Норец // *Дни науки КФУ им. В. И. Вернадского: Сборник тезисов участников IV научно-практической конференции профессорско-преподавательского состава, аспирантов, студентов и молодых ученых, Симферополь, 12–17 октября 2018 года*. Том 2. – С. 276.
8. McMahon J. *Winter People*. United States, Mass: Penguin Random House LLC. – 2014. – 467 p.
9. Patterson J. ed. *Thriller*. Ontario, Canada: MIRA Books. – 2006.

УДК 81.225

**ОСОБЕННОСТИ ПЕРЕВОДА ГРАФИЧЕСКИХ РОМАНОВ В
ЖАНРЕ YOUNG ADULT (НА ПРИМЕРЕ ГРАФИЧЕСКИХ
РОМАНОВ ИЗ СЕРИИ «ЮНЫЕ ТИТАНЫ»)*****М. Ю. Лукинова,****кандидат филологических наук, доцент кафедры теории и практики перевода, Институт филологии, Крымский федеральный университет имени В. И. Вернадского, Симферополь****О. А. Бахолдина,****обучающаяся магистратуры, кафедра теории и практики перевода, Институт филологии, Крымский федеральный университет имени В. И. Вернадского, Симферополь*

Аннотация. Данная статья посвящена специфике перевода графических романов в жанре Young Adult с английского на русский язык. Дается описание отличительных черт креолизованного текста и особенностей его адаптации с учетом графической составляющей. Уделяется внимание необходимости сохранения заданного объема текста при переводе на русский язык.

Ключевые слова: графический роман, креолизованный текст, шрифт, перевод, комикс, Young Adult.

Summary. This article is focused on the specifics of translating Young Adult graphic novels from English to Russian. A description of the distinctive features of the creolized text and the features of its adaptation, taking into account the graphic component, is given. Special attention is paid to the necessity of presenting a given volume of text when translating into Russian.

Key words: graphic novel, creolized text, font, translation, comic, Young Adult.

Графический роман представляет собой одну из разновидностей комикса, это издание, содержащее в среднем 64 страницы и вмещающее в себе полноценную историю.

Графические романы в жанре Young Adult рассчитаны на возрастную категорию молодых людей от 12 до 20 лет, однако эта граница условна. Данное направление находится на пике популярности в современной культуре, как зарубежном, так и в России.

Согласно Г. В. Пранцовой существуют следующие особенности графического романа, которые могут быть причиной популярности данной формы произведений:

- Повествование строится на действии;
- Возможности текста усиливаются за счет ориентированности на визуальную составляющую произведения;
- Лаконичные фразы, заключенные в «пузыри», легко считываются;
- «Дискретная, фрагментарная, клиповая форма графических текстов адекватна современному ритму жизни» [8, с. 89];

- Формирование архетипов супергероев;
- Обращение к важным для молодого поколения темам: «проблеме общения со сверстниками и взрослыми, первой любви, социальной несправедливости и др.» [8, с. 90];
- Чтение доставляет удовольствие читателю за счет того, что «картинка простотой своего выполнения обращена к детскому (архаическому) сознанию» [8, с. 90].

В рамках данной статьи будут использоваться примеры из графических романов из серии «Юные титаны» американского издательства «DC comics», а именно «Рэйвен» и «Бистбой», а также их перевод, выполненный издательством «Росмэн». В центре повествования обоих комиксов находятся подростки. Рэйвен и Гарфилду по семнадцать лет, они переживают тяжелый период в своей жизни. Рэйвен пытается смириться с потерей матери, Гарфилд тщетно ищет свое место в социуме, желая выйти из тени. Читателю легко ассоциировать себя с героями, даже несмотря на то, что каждый из них наделен сверхспособностями.

Графический роман является разновидностью креолизованного текста, взаимодействие вербальной и визуальной составляющей оказывает «комплексное прагматическое воздействие на адресата» [2, с. 17].

Также, в связи с графической формой, данный тип произведений подчиняется правилам композиции и раскадровки, которые важно следует учитывать, преступая к переводу. Комикс состоит из отдельных элементов, которые и являются предметом перевода.

К таким можно отнести *панель* (англ. panel) – «отдельная картинка, обычно одна из нескольких других на странице комикса» [3, с. 336]. Панель вмещает в себя графическое изображение и текст. Имея представление о ходе сюжета, читатель сопоставляет визуальную составляющую и формирует цепь событий.

Важно отметить, что перевод графических романов в первую очередь сфокусирован на адаптации текста. Вербальная часть произведения чаще всего заключена в *пузырь* или *филактер* (от фр. phylactere и англ. speech balloon). Данное графическое средство призвано отобразить речь или мысли персонажа. Кроме пузыря речь в комиксе может вводиться за счет *авторского текста* (англ. caption). Он включает в себя информацию, которая не может быть передана за счет диалогов или внутренней речи. К тому же, сама графическая форма авторского текста представляет собой не пузырь, а скорее прямоугольный блок. В него помещают описание настроения или размышления героя, авторский комментарий, а также время и место событий.

В графическом романе «Рэйвен» именно авторский текст отображает способность девочки слышать чужие мысли и телепатически общаться со своим отцом. Цвет рамок, в которые заключен авторский текст, акцентирует внимание на то, кому принадлежат слова.

Рисунок 1 Teen Titans: Raven p.46

Рисунок 2 Юные Титаны: Рэйвен с.46

Данные элементы, как правильно, обладают ограниченными размерами, что представляет проблему для переводчика. Это обусловлено тем, что русскому языку свойственны объемные предложения. Задача переводчика уместить в поле пузыря текст, используя данный в оригинале шрифт, при этом, не потеряв смысловую нагрузку фразы.

В американских графических романах шрифт обладает особыми функциями, которые должны сохраниться при переводе:

- Атриктивная функция состоит в фокусировании внимания читателя;
- Смысловыделительная функция – выделение наиболее важной «по смыслу части вербального компонента» [5, с. 190] и акцентирование на нем внимания читателя.

Сохранение данной функции является одно из первостепенной задачи при переводе вербальной части комикса. Например, в данной панели при переводе сохраняется акцент на слове «никогда», передающий восторг девочки в оригинале.

Рисунок 3 Teen Titans: Raven p.86

Рисунок 4 Юные Титаны: Рэйвен с.86

- Экспрессивная функция – шрифты «могут служить источником

экспрессии» [5, с. 190];

- Характерологическая функция – указывает на способность шрифта вызывать у читателя различного рода ассоциации.

Важно учитывать, что не только реплики героев, но и текст, который можно обнаружить в их окружении должен поддаваться переводу, так как несет особую смысловую нагрузку. К такого рода надписям можно отнести детали вроде надписей на стенах, вывесок, плакатов, сообщений и т.д. В комиксах серии «Юные Титаны» надписи, фигурирующие в окружении персонажей, являются важным дополнением к повествованию. Герои являются подростками, они общаются через мессенджеры, ведут социальные сети. В подобных сообщениях часто присутствует слэнг и свойственные перепискам сокращения, которые трансформируются при переводе.

Рисунок 5 Teen Titans: Raven p.93

Рисунок 6 Юные Титаны: «Рэйвен» с.93

Одной из особенностей данной серии графических романов является еще и то, что художник оставляет детали, отсылающие к массовой культуре.

На стене комнаты Рэйвен мы можем увидеть плакат с надписью «Friends don't lie», отсылающий к американскому сериалу «Stranger things», а также лозунг «The future is female» указывающий на феминистические взгляды героини.

Рисунок 7 Teen Titans: Raven p.47

Рисунок 8 Юные Титаны: Рэйвен с.47

Кроме того, сама одежда героини несет смысловую нагрузку. Рэйвен появляется в футболке с надписью «Black is my happy color», данная фраза была сказана Мортишей Адамс в сериале «Семейка Адамс» 1964 года.

Мрачный образ героини соответствует эстетике, созданной иллюстратором Габриэлем Пикало для Рэйвен.

Рисунок 9 Teen Titans: Raven p.24

Рисунок 10 Юные Титаны: Рэйвен с.24

Во втором комиксе серии Бистбой в одном из фреймов на заднем плане фигурирует граффити «Raven was here», отсылающая к прошлому роману серии, однако, данная отсылка осталась без внимания переводчика.

Рисунок 11 Teen Titans: Beast Boy p.64

Следует признать, что перевод графического романа требует особого внимания со стороны специалистов и предполагает изучение особенностей данного формата произведений, от которых зависит подход к переводу. Работая с текстом, переводчику важно осознавать единство картинки и текста, уметь работать и адаптировать вербальную часть комикса, в соответствии с объемом. Перевод комиксов можно причислить к отдельному виду переводческой деятельности, которая требует от специалиста полного погружение в графический роман и детального изучения эволюции образов персонажей в контексте серии произведений. Именно поэтому, переводчику креолизованных текстов следует обладать определенными культурологическими знаниями и не бояться прибегать к

творческим приемам, при адаптации текста для своей лингвокультурной реальности.

Список использованных источников

1. Агафонова Д. А. Особенности графической локализации в игре Cyberpunk 2077 / Д. А. Агафонова, Н. В. Пасекова // Конвергентные технологии XXI: вариативность, комбинаторика, коммуникация : Материалы VII международной междисциплинарной научной конференции, Симферополь, 25–26 ноября 2022 г. – С. 12-16.

2. Анисимова Е. Е. Лингвистика текста и межкультурная коммуникация (на материале креолизованных текстов). М.: Академия. – 2003. – 128 с.

3. Братчик Л. А. Особенности перевода американских комиксов на русский язык (на примере графического романа «Академия Амбрелла») / Л. А. Братчик, Т. В. Хрущева // Материалы секционных заседаний 59-й студенческой научно-практической конференции ТОГУ: В 2 томах, Хабаровск, 27 мая 2019 г. – С. 335 – 339.

4. Ками Г. Юные Титаны: Рэйвен: графический роман / К. Гарсиа, Г. Пиколо: перс. с англ. С.Карпова и А. Давыдовой. М.: РОСМЭН. – 2019. – 192 с.

5. Каширина Л. О. К вопросу о специфике перевода юмористических элементов сатирического жанра в художественном тексте / Л. О. Каширина, М. Г. Зеленцова // Переводческий дискурс: междисциплинарный подход: Материалы II международной научно-практической конференции, Симферополь, 26–28 апреля 2018 г. – С. 248-252.

6. Кузнецова Т. М. Специфика современного американского графического романа как типа креолизованного художественного текста / Т. М. Кузнецова // Университет XXI века: научное измерение: Материалы научной конференции профессорско-преподавательского состава, аспирантов, магистрантов и соискателей ТГПУ им. Л.Н. Толстого, Тула, 05–08 апреля 2011 г. – С. 187– 190.

7. Норец М. В. Научная фантастика в литературе: к истокам возникновения в США / М. В. Норец, Н. К. Норец // Переводческий дискурс: междисциплинарный подход: Материалы V международной научно-практической конференции, Симферополь, 29–30 апреля 2021 г. – С. 224-226.

8. Современные стратегии чтения: теория и практика. Смысловое чтение и работа с текстом: учебное пособие / Г. В. Пранцова, Е. С. Романичева. – 2 изд., испр. и доп. – М.: Форум. – 2015. – 368 с.

9. Garcia K. Teen Titans: Beast Boy / K. Garcia, G. Picolo New York; Publisher DC Comics. – 2020 – 192 p.

10. Garcia K. Teen Titans: Raven / K. Garcia, G. Picolo. New York; Publisher DC Comics. – 2019 – 192 p.

УДК 81.255

ПЕРЕВОДЧЕСКАЯ СТРАТЕГИЯ И ТАКТИКИ ЕЕ ИСПОЛНЕНИЯ***М. Ю. Лукинова,****кандидат филологических наук, доцент кафедры теории и практики перевода, Институт филологии, Крымский федеральный университет имени В. И. Вернадского, Симферополь****А. И. Безверхняя,****обучающийся магистратуры, кафедра теории и практики перевода, Институт филологии, Крымский федеральный университет имени В. И. Вернадского, Симферополь*

Аннотация. В статье рассматриваются понятия переводческой стратегии и переводческих тактик, проводятся сравнения между этими двумя понятиями. В результате было выявлено, что переводческие тактики, которые являются способом передачи переводческой стратегии и интенции, обычно разрабатываются переводчиком еще в процессе анализа переводимого текста, с помощью оценки его стиля и определения задач для перевода определенного текста.

Ключевые слова: переводческие тактики, переводческие стратегии, авторский замысел, стилистика.

Summary. The article deals with the concepts of translation strategy and translation tactics, while comparisons are made between these two concepts. As a result, it was revealed that translation tactics, which are a way of conveying a translation strategy and intention, are usually developed by a translator in the process of analyzing the text being translated, by assessing its style and defining tasks for translating a particular text.

Key words: translation tactics, translation strategy, author's intention, stylistics.

Актуальность исследования обусловлена отсутствием четкого подхода к стратегиям и тактикам перевода, а также необходимостью создания единой системы переводческих стратеги, тактик и приемов.

Целью каждого переводчика является донести до читателя определенный смысл произведения, изначально заложенный в него его автором. Таким образом, перед тем как начать переводческую деятельность, необходимо проанализировать текст, его жанровую и стилистическую принадлежность, выделить так называемые «жертвы и компенсации» – те неизбежные потери, которые будут в тексте из-за присутствия как лексических лагун в языке перевода, так и отсутствия некоторых реалий в культуре языка перевода. Это существенно усложняет работу переводчика, которому приходится интерпретировать различные мультисмысловые тексты, в частности, исторического или художественного содержания.

Говоря о стратегической линии перевода, следует упомянуть, что стратегия в целом является планом деятельности, который поэтапно выполняется в ходе переводческой деятельности. А. Н. Крюков считает, что в переводе есть некоторое дополнение к пониманию стратегии – «это то, что

нужно сделать для того, чтобы рецептивный смысл, извлекаемый иноязычным и инокультурным коммуникантом, оказался аналогичным в своих существенных чертах интернациональному смыслу автора» [4, с. 159]. Таким образом, в зависимости от жанрово-стилевой принадлежности текста, стратегии перевода могут быть совершенно разными. Так, например, В. Н. Комиссаров считает, что в художественном тексте «стратегическая задача заключается в передаче художественно-эстетической функции оригинала» [3].

Правильный выбор стратегии перевода предопределяет то, насколько удачным в итоге получится текст на языке перевода, и насколько успешным будет переводчик. В. В. Сдобников определяет стратегию перевода как программу осуществления переводческой деятельности, которая формируется на основе общего подхода переводчика к выполнению перевода в условиях определенной коммуникативной ситуации двуязычной коммуникации. Коммуникация определяется специфическими особенностями данной ситуации и целью перевода и, в свою очередь, влияет на характер профессионального поведения переводчика в рамках данной коммуникативной ситуации. Автор считает, что, необходимо разграничить 3 типа переводческих стратегий. Первой является так называемая стратегия коммуникативно-равноценного перевода. Данная стратегия может применяться, если изначальные цели текстов оригинала и перевода совпадают. Следующая стратегия – стратегия терциарного перевода, которая будет актуальна в случае отличия цели перевода и цели создания оригинала. Последней стратегией будет стратегия переадресации. Для переводчиков она будет полезна в тех случаях, когда «текст перевода предназначен для получателя, отличающегося от реципиента исходного текста (ИТ) не только национально-культурной принадлежностью, но и некоторыми социальными характеристиками» [8, с. 145].

Для выполнения переводческой задачи, переводчик предварительно разрабатывает некую «тактику» перевода, при которой он сможет выразить свою авторскую творческую индивидуальность, и не заслонить собой самого автора произведения, его мысль и изначальную идею. Для определения самого понятия «тактика перевода» следует обратиться к А. Д. Швейцеру: «это программа действий переводчика по достижению состояния адекватности перевода», считает ученый [9]. Существует и другое понимание понятия «тактика перевода», у Т. А. Волковой: «это неконечная совокупность целенаправленных, профессиональных, динамических, логически взаимосвязанных, последовательных универсальных и индивидуальных действий переводчика (приемов, переводческих решений)» [1, с. 64]. Также, переводческая тактика неразрывно связана с понятием переводческих решений. Эти решения обычно направлены на глубокое понимание текста на языке оригинала и поиск адекватных, оптимальных для каждого случая вариантов с учетом выполнения некоторых «условий перевода», считает В. Н. Комиссаров [3].

Характер переводческой тактики формируется под влиянием таких факторов, как «отнесенность [тактики перевода] к ментальным процессам», «зависимость [тактики перевода] от субъекта» и «осознанность» / «неосознанность» ее использования [7].

Соответственно, стратегия перевода будет определять последующую тактику перевода. В лингвистической теории в переводе, есть некоторые факторы, которые влияют на выбор и стратегии, и, впоследствии, тактики перевода. Наибольшее значение среди них обычно имеет сама цель перевода, затем – тип переводимого текста и характер предполагаемого рецептора перевода, а также условия выполнения перевода, считает В. Н. Комиссаров [3, с.114, 337]. По его мнению, есть некоторые принципы, которые являются основой для огромного множества вариантов переводческих тактик, такие как:

- желание как можно полнее и глубже разобраться в деталях переводимого текста и найти им точное соответствие в языке перевода, а также поиск того самого «лучшего» варианта;
- определение цели, иногда задачи перевода и некой доминанты переводческого процесса, и принятие во внимание «реального употребления» выбранного варианта в языке перевода;
- ознакомление с предметом исходного сообщения (путем изучения параллельных текстов на языке перевода, справочников и энциклопедий), а также со всем текстом оригинала до начала перевода, составление списка терминов и незнакомых слов, дословный перевод, чтение вслух отрезков перевода и преобладание предпереводческого анализа или постпереводческого редактирования [3, с. 33, 77].

Подводя итог словам В. В. Комиссарова, следует заключить, что переводческие тактики обычно подвижны, и в некоей мере индивидуальны, однако не уникальны для каждого нового текста, так как в целом текстам присущи некоторые похожие черты.

Тактика перевода может рассматриваться в двух аспектах – де-юре и де-факто, считает Е. Н. Мешалкина [5]. Тактика перевода в аспекте де-юре считается некоторой программой, которую должен разработать переводчик с учетом теоретических значений и эмпирического перевода текстов конкретного характера. Тактика перевода в аспекте де-факто означает наличие некоторой системности и целенаправленности в тех действиях переводчика, которые уже ведут к преобразованию текста и вектор которых направлен на достижение адекватности перевода. Если в тексте перевода прослеживается системность и целенаправленность, значит аспекты де-юре и де-факто работают в голове у переводчика сообща.

Среди практикующих переводчиков обычно встречаются те, которые не особо полагаются на теорию перевода, однако в их работах не наблюдается и тактика де-факто. Большая их часть, уже имея достаточный опыт и исходя из него, смогли определить некоторые переводческие

требования и установки, относящиеся к переводу в целом, а также тех или иных стилей, жанров, типов текста. Не останавливаясь на выборе одной универсальной тактики, они, тем не менее, способны реализовать ту или иную тактику на практике.

С другой стороны, есть те переводчики, которые только начинают свой профессиональный путь. Они обычно учатся мыслить в рамках определенной тактики перевода, для того чтобы улучшить свою работу как можно скорее.

Рабочей гипотезой исследования является предположение, что глобальной стратегией для перевода художественного текста является передача основных доминант текста – идиостиля, жанра и смысла. Эти доминанты будут определять конкретные тактики создания текста перевода, которые позволяют решить какие именно смысловые характеристики языковых единиц подлежат воспроизведению в переводе. Далее определяются приемы, состоящие в подборе языковых элементов, соответствующих заданным стратегией и тактикой характеристикам. Приемы сводятся к переводческим трансформациям – лексическим, грамматическим и комплексным.

Подводя итог, следует заметить, что правильное формулирование и применение переводческой стратегии, а затем и тактики, которая реализуется в переводческих трансформациях, позволяет достичь необходимого уровня адекватности перевода и будет способствовать балансированию специалиста между полюсами «вольность/ буквальность».

Список использованных источников

1. Волкова Т. А. От модели перевода к стратегии перевода. Москва: Наука. – 2016. – 304с.
2. Зеленцова М. Г. Управление терминологий и переводческий процесс / М. Г. Зеленцова, А. Т. Козлова // Переводческий дискурс: междисциплинарный подход: Материалы V международной научно-практической конференции, Симферополь, 29–30 апреля 2021 г. – С. 100-105.
3. Комиссаров В. Н. Теория перевода (лингвистические аспекты). Москва: Альянс. – 2013. – 253 с.
4. Крюков А. Н. Теория перевода. Москва: Изд-во Военного института. – 1989.
5. Мешалкина Е. Н. Стратегии исторической стилизации в художественном переводе (на материале англоязычной художественной литературы XVIII-XX вв.). Москва: Московский государственный лингвистический университет. – 2008. – 206 с.
6. Норец М. В. Перевод как средство межъязыковой коммуникации / М. В. Норец // Мировая литература на перекрестье культур и цивилизаций. – Симферополь: КФУ им. В.И. Вернадского, 2019. – № 3-4 (27-28). – С. 40-46.
7. Павлова А. В., Светозарова Н. Д. Трудности и возможности русско-

немецкого и немецко-русского перевода. Москва: Антология. – 2015. – 480 с.

8. Пасекова Н. В. Переводческая интерпретация и историческая стилизация / Н. В. Пасекова // Переводческий дискурс: междисциплинарный подход: материалы III международной научно-практической конференции, Симферополь, 25–27 апреля 2019 г. – С. 302-305.

9. Сдобников В. В. Стратегия перевода: общее определение // Вестник Иркутского государственного лингвистического университета. – 2011. – С. 165–172.

10. Швейцер А. Д. Теория перевода: Статус, проблемы, аспекты. Москва: Наука. – 1988. – 215с.

УДК 811.111

ИСПОЛЬЗОВАНИЕ СМЕШАННОЙ ФОРМЫ ОБУЧЕНИЯ НА ЗАНЯТИЯХ ПО АНГЛИЙСКОМУ ЯЗЫКУ В НЕЯЗЫКОВОМ ВУЗЕ

А. В. Лучникова,

старший преподаватель кафедры английского языка профессиональной коммуникации ф СИЯЛ, Пермский Государственный Национальный Исследовательский Университет, Пермь

Аннотация. Данная статья посвящена практике смешанного обучения английскому языку в неязыковом вузе. Рассматриваются достоинства и недостатки системы. Некоторые модели обучения приводятся в пример. Даются рекомендации вузам, готовым к переходу на смешанную форму обучения. Автор приводит пример основных онлайн платформ и предлагает некоторые методы использования их на занятиях по английскому языку в вузе.

Ключевые слова: Преподавание английского, смешанная форма образования, онлайн платформы, интернет-ресурсы, информационные технологии, преподаватели и студенты

Summary. This article is devoted to the practice of blended English language teaching in a non-linguistic university. The advantages and disadvantages of the system are considered. Some training models are given as an example. Recommendations are given to the universities that are ready to switch to a blended form of education. The author gives an example of the main online platforms and suggests some methods of using them in English classes at a university.

Key words: English teaching, blended teaching, online platforms, the Internet resources, information technologies, teachers and students

За последние пару лет студенты и преподаватели сделали большой шаг вперед в овладении онлайн технологиями в образовательном процессе. Более того, теперь сами вузы определяют приоритетную необходимость использования той или иной формы образования. Какая же форма лучше? На этот счет существуют разные мнения. Многие думают, что дистанционное образование способствует индивидуализации обучения, так

как существует возможность построить индивидуальную линию обучения, свое личное расписание, можно организовать индивидуальные консультации с преподавателем, а также проводить контроль знаний с помощью электронных ресурсов и ресурсов интернета, что усиливает объективность оценки. Кроме того, возможность получить образование онлайн, сдача онлайн экзаменов и онлайн тестирования делают возможным получать образования людям, которые не имеют возможности приходить в учебное заведение каждый день, т.е., работающие студенты, люди с ограниченными возможностями, мамы в декрете, проживающие в другом городе; и т.д. Так или иначе, но дистант является очень привлекательной формой обучения для многих. С другой стороны, традиционные формы обучения тоже имеют своих приверженцев. Многим студентам нравится приходить в университет и заниматься лично с преподавателем и одногруппниками, не быть изолированными от студенческого сообщества. Более того, в университете на парах меньше отвлекающих элементов, как дома – телевизор, еда, домашние животные и другое. Также существенным является недостаток, если, порой, не полное отсутствие доступа к компьютерным технологиям дома. И, по мнению студентов, преподаватель не может реально оценить прогресс студента, не видя его в реале. К плюсам дистанта, опять же, отнесена возможность использования интернет-ресурсов на паре, что порой невозможно на офлайн занятиях [2].

Взяв все эти мнения за основу, мы пришли к выводу, что наиболее оптимальным способом ведения занятий в вузе может стать смешанный тип образования – *blended learning*, который представляет собой традиционную модель с элементами *online* обучения. Под ней понимают образовательную программу, в которой обучается студент «частично с использованием интернет-технологий, а частично в вузе, но в обоих случаях подразумевают определённый контроль над временем и скоростью выполнения заданий» [3].

При этом у каждого человека свой уровень овладения информацией. Некоторые понятия усваиваются быстро, другие – требуют большего количества времени для осмысления, и редко скорость усвоения студентами одного и того же материала совпадает. Поэтому преподавателям следует учитывать индивидуальные особенности усвоения материала каждого студента. Тем более, что ушли в прошлое времена, когда студентов по группам распределяли согласно их уровню английского языка. Сейчас все группы разны уровневые. Как раз фокус на индивидуальных особенностях каждого студента – это и есть идея смешанного обучения. Также в данной модели обучения происходит смещение ролей в учебном процессе, где преподаватель уже не руководит учебным процессом, а помогает ему. Происходит некая трансформация, когда главными в образовательном процессе становятся студенты; педагоги же подстраиваются под их индивидуальные потребности и уровень. Поэтому, если при традиционном подходе главным в фокусе был преподаватель, так как именно он был

главной действующей фигурой, и он управлял парой, то теперь все сконцентрировано на студенте, который работает самостоятельно, сам корректирует все – от расписания до принципов учебного процесса. Сам студент самостоятельно определяет свой прогресс [3].

В настоящее время существует несколько моделей смешанного обучения:

1). Перевернутый класс, когда материал изучается самостоятельно, а на парах происходит отработка материала вместе с преподавателем;

2). Модель ротирования групп, когда студенты делятся на группы, и выполняют задания внутри групп. Потом задания групп меняются, и таким образом, они проходят все ступени и выполняют все задания;

3). Гибкая модель, когда каждый студент, получив от преподавателя задания и выполнив его, нажимает кнопку готовности, и преподаватель, получив сигнал, проверяет задание [1].

Естественно, что студентам-первокурсникам легче организовать в такую смешанную модель, чем старшекурсникам, которые привыкли к традиционным методам образования. Не забываем и про заочное обучение – здесь можно успешно применять технологию blended learning как основную технологию осуществления образовательного процесса.

И так, положительные моменты смешанного обучения (СО):

А) возможность индивидуализации обучения, подстраивание под уровень знаний каждого, его особенности восприятия информации,

Б) мотивация к высоким достижениям; студент должен видеть и осознавать свой личный прогресс, что мотивирует его;

В) обучение, основанное на полученных знаниях; переход к новому учебному материалу происходит после подтверждения освоения требуемого уровня;

Г) изменение ролей преподаватель – студент и с другими участниками образовательного процесса также понятно всем участникам занятия;

Д) личная ответственность обучающегося, когда он сам должен уметь и хотеть контролировать свою познавательную деятельность;

Учебный процесс при СО включает следующие ступени процесса:

1) инструктирующая ступень – это организационные моменты деятельности;

2) ориентирующая ступень – постановка преподавателем задач;

3) демонстрационная ступень – демонстрация наглядного материала в определенных преподавателем ситуаций;

4) закрепляющая ступень – отработка навыков;

5) итоговая, финальная ступень – контроль, подведение итогов.

Наблюдается, как уже было сказано, изменение самого процесса учебы:

- преподаватели меняют роль от лектора к помощнику, и их задачей является помощь в организации самостоятельного обучения;

- от стабильных учебных групп к вновь созданным после

тестирования (по уровню, например);

- от простого изложения материала к особым усилиям по проработке более сложных и важных вопросов;

- от общих задач к узкой специализации; педагоги разрабатывают образовательные методики и технологии в соответствии со специализацией студентов.

Смешанное обучение на занятиях по английскому языку может производиться, к примеру, в малых группах. Для этого мы используем следующие методы:

- метод, обсуждения проблемы несколькими лицами, активной дискуссии;

- дебаты – интеллектуальное соперничество, развивающее умения отстаивать свои точки зрения, взгляды и суждения, анализ мнений участников внутри группы, сравнение их вариантов решения проблемы;

- метод мозгового штурма, когда происходит предложение большого числа разных, даже невероятных путей решения проблемы;

- проектная работа, где фокус строится на решении реальных задач;

- ролевая игра, которая основана на распределении ролей между студентами и организации их взаимодействия в ходе решения проблемы [1].

Что надо иметь в виду при разработке смешанного обучения:

- СО обязательно приведет к тому, что нагрузка преподавателей кафедры сократится;

- очная стадия СО предполагает встречи преподавателя и студента, чтобы обсудить материал;

- СО в отличие от полного дистанта позволит сохранить социальное взаимодействие студентов в группе и вообще в университете;

- СО дает возможность развить «мягких навыков» (soft skills), необходимых сегодня для обучения на протяжении всей жизни;

- СО дает возможность студенту самому выбирать время и место обучения, изменять скорость освоения материала, отрабатывать навыки, учитывать собственные индивидуальные способности;

- сами студенты организуют учебный процесс, включая туда «переменки» для отдыха;

- увеличивается количество форм групповой деятельности: это и совместная работа над проектами, семинары, круглые столы, форумы, электронные телеконференции, чаты;

- есть возможность просмотреть учебный материал в удобное время, произвести анализ рейтинга обучающегося, пройти как очное, так и дистанционное тестирование, получить аудио- и видео лекции;

- у педагога появляется возможность обойтись без активных методов взаимодействия обучающихся, консультирования, отработки навыков.

СО, к сожалению, также имеет ряд минусов:

- как ни странно, но не все студенты и педагоги в наше время имеют высокий уровень подготовки работы с информационными технологиями;

- обнаружение студентом огромного поля для освоения материала может значительно снизить его мотивацию или привести к прокрастинации даже;

- желание получить высокий балл приводит к тому, что студенты иногда выполняют только оцениваемые элементы заданий, а не весь ряд упражнений;

- неумение и нежелание многих обучающихся самостоятельно организовать свою образовательную деятельность;

- неприятие данной системы некоторыми преподавателями, так как есть возможность остаться без часов;

- если не полное отсутствие, то недостаток технического обеспечения вузов;

- затруднительное составление расписания, которое, по факту, должно меняться динамически.

Для качественного использования СО вузами мы можем предложить:

- постараться получить нужное компьютерное оборудование;

- создать свою сеть своего учебного заведения с выходом в Интернет;

- подготовить преподавателей, обслуживающего персонала в области

ИТ;

- составить план-расписания СО, основанного на планировании учебного процесса и определяющего доступ студентов к учебным материалам;

- организовать четкую систему мониторинга образовательного процесса;

- разъяснить студентам их личную ответственность за образовательные результаты. [1]

На парах по английскому языку мы рекомендуем использование следующих методов смешанного обучения:

1. Case-method – метод конкретных ситуаций;

2. Игровой – соревнование;

3. Иллюстрации – демонстрационный;

4. Модульное обучение – обучение блоками;

5. Поиск – обучение через открытия;

6. Проблемный – решение проблем;

7. Проектный – получение продукта;

8. Беседа – вопрос-ответ

Существует ряд других методов, которые преподаватель выбирает сам в соответствии с целями своего курса. Учитывая все индивидуальные моменты, следует помнить, что двух полностью одинаковых моделей СО, которые были бы одинаковыми в разных условиях, не существует. Поэтому в разных вузах необходима подготовительная работа по проектированию конкретных особенностей реализации СО [2].

Среди популярных платформ для организации дистанционного

обучения существует несколько бесплатных. Самыми популярными считаются:

1. Moodle.
2. Google Classroom.

Moodle

Это одна из самых широко используемых цифровых образовательных платформ для дистанционного обучения, которые используют в России. Именно Moodle чаще всего выбирают высшие учебные заведения нашей страны. Выбрали его и мы.

Преимущества платформ:

- Имеет бесплатное ПО;
- это Open Source система, в которой можно создавать дополнительные модули;
- удобные встроенные редакторы для создания курсов и их наполнения;
- разные форматы обучения: аудио, видео, тестирование;
- лекции с обратной связью;
- возможности для проектного обучения;
- доступ к мобильному приложению;
- возможности для дифференцированного обучения студентов;

Недостатки платформы:

- установка опять же нуждается в определённых знаниях в сфере ПО;
- вузу необходимо выкупить хостинг для хранения ПО, при этом используется много ресурсов, что влечет дополнительные расходы;
- для применения нужно пройти обучение.

Google Classroom

Эта платформа стала основным центром, объединившим в себе все возможности сервиса. Это удобный и несложный набор инструментов для совместной работы.

Преимущества платформ:

- быстрая регистрация;
- русский язык интерфейса;
- отлично подходит для организации уроков в школах и вузах;

Недостатки платформ:

- использование только инструментов Google;
- нет возможности проверки работ автоматически [5].

В ПГНИУ на парах по английскому языку преподаватели используют платформу Moodle, на которой выложен созданный на кафедре ресурс – Базовый курс английского языка. Более того, для начинающих студентов в Moodle создан курс и для них, но в качестве факультатива. Так же есть возможность составление своего собственного курса факультатива на основе Moodle с последующим получением часов для его проведения. Обучение происходит следующим способом. На парах преподаватели и

студенты используют материалы, выложенные на платформе, включая интерактивные задания и тестовые упражнения. Эти виды работы студенты выполняют самостоятельно. В то время, как преподаватель отслеживает выполнение и анализирует прогресс в группе. Более сложные или занимающие много времени видео или аудио задания преподаватель может оставить в качестве домашнего задания. Можно вывести видео на экран на доске с помощью проектора и работать фронтально. Одновременно с этим многие преподаватели используют Google class, где к каждому уроку выложен материал – теория, дополнительный материал, задания повышенной сложности и др. для студентов, которые сами хотят повысить уровень знаний, повторить пропущенное или получить дополнительные баллы к экзамену. Это позволяет сделать занятия более эффективными. Многие студенты очень благодарны преподавателям, если у них есть такая возможность – поработать в Google class и повторить материал занятий. Кроме того, разработанный курс основан на многолетнем опыте преподавания английского языка в университете.

Мы встретились с рядом трудностей, о которых говорилось выше:

– не у всех студентов есть опыт деятельности в системах электронного обучения

– большое количество материала вызывает опасения на счет его изучения;

– так как студенты – ещё незрелые люди, многие из них ждут конкретных инструкций от преподавателя, будучи не готовыми к полностью самостоятельной работе, что ведет к отсутствию проявлений творчества;

Несмотря на трудности, отметим, что при правильной работе преподавателей можно значительно улучшить **некоторые опции**:

– повысить интерес студентов к обучению с помощью информационных технологий и повысить их активность при изучении предмета;

– дать возможность студентам освоить новые виды деятельности в привычной для них ранее только развлекательной среде, например, в соцсетях и компьютерных играх, роль которой изменилась на обучающую и развивающую. [6]

При переходе на смешанную форму образования студентам необходимо объяснить, что теперь, как сделала вывод Полат Е. С. доктор педагогических наук, профессор, заведующая лабораторией дистанционного обучения ИСМО РАО – «недостаточно обладать суммой знаний, необходимо овладеть способами познавательной деятельности, чтобы на протяжении всей жизни эти знания пополнять, совершенствовать, применять на практике» [4, с 32]. Электронный учебник, размещенный на онлайн платформах, с использованием Интернет-ресурсов, как нельзя лучше подходит для этой роли, т.к. организывают учебный материал таким образом, что студент имеет возможность не просто выучить его, а ознакомиться с проблемой широко, узнать разные взгляды, иные точки

зрения, самостоятельно делать вывод и принимать решение. С помощью правильно созданного электронного учебника могут быть по-иному решены такие проблемы обучения, как индивидуализация, мотивация и др., т.к. индивидуализация осуществляется не только за счет различных способов предъявления информации, но и благодаря различным способам прохождения учебного материала. Электронный учебник иногда выступает в роли педагога, который помогает каждому студенту найти свой удобный путь изучения предмета путем показа ситуации, объяснения, тренировки и практического применения учебного материала. В общем, берет на себя иногда функции самого преподавателя. То есть именно то, что сам педагог бы делал на очных парах.

Сегодняшний мир нуждается в самостоятельно мыслящих людей, умеющих ориентироваться в изменяющемся мире и принимать практические решения [4, с 32]. Поэтому современная система образования должна быть построена на предоставлении учащимся возможности размышлять, сопоставлять разные позиции. Аргументировать свою точку зрения, опираясь на факты, законы, науку, на наблюдения как свои, так и чужие.

Список использованных источников

1. Кречетников К. Г. Особенности организации смешанного обучения // Современные проблемы науки и образования. – 2019. – № 4. [Электронный ресурс] – <https://science-education.ru/ru/article/view?id=29019> (дата обращения: 19.01.2023).
2. Лучникова А. В. Способы повышения эффективности обучения в вузе в условиях дистанта на занятиях по английскому языку / А. В. Лучникова // Переводческий дискурс: междисциплинарный подход: материалы V международной научно-практической конференции. – Симферополь, 2021 г. – С. 178-184.
3. Львова А. Ф. Особенности смешанного и дистанционного обучения в вузах / А. Ф. Львова // Педагогическое мастерство: материалы VIII Междунар. науч. конф. – Москва, июнь 2016 г. – С. 63-67.
4. Полат Е. С., Бухаркина М. Ю., Моисеева М. В. Теория и практика дистанционного обучения: Учебное пособие для студентов высших педагогических учебных заведений / под ред. Е. С. Полат. – М.: Издательский центр Академии, 2004. – с.32 [Электронный ресурс] – <https://djuv.online/file/T7LNIxsmTJhYQ> (дата обращения: 18.01.2023).
5. Лучшие образовательные платформы для дистанционного обучения // [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://zaochnik.ru/blog/luchshie-obrazovatelnye-platformy-dlja-distantsionnogo-obucheniya/?ysclid=lcwd9mbwy3686977037> (дата обращения: 18.01.2023).
6. Янченко И. В. Смешанное обучение в вузе: от теории к практике // Современные проблемы науки и образования. – 2016. – № 5. [Электронный ресурс] – <https://science-education.ru/ru/article/view?id=25417> (дата обращения: 15.01.2023).

УДК 82-31

**КУЛИНАРНЫЙ ДИСКУРС В РОМАНЕ ДЖУЛИ КЭПЛИН
«МАЛЕНЬКАЯ КОНДИТЕРСКАЯ В БРУКЛИНЕ»*****Г. И. Лушникова,***

доктор филологических наук, профессор кафедры филологии и методики преподавания, Гуманитарно-педагогическая академия ФГАОУ ВО «Крымский федеральный университет имени В. И. Вернадского», Ялта

М. С. Загребельная,

обучающаяся магистратуры, кафедра филологии и методики преподавания, Гуманитарно-педагогическая академия ФГАОУ ВО «Крымский федеральный университет имени В. И. Вернадского», Ялта

Аннотация. Данная статья посвящена анализу романа британской писательницы Джули Кэплин «Маленькая кондитерская в Бруклине» с целью выявления элементов кулинарного дискурса, а также определения их функций и роли, которые выполняют подобные включения.

Ключевые слова: дискурс, интердискурсивность, кулинарный дискурс, Джули Кэплин

Summary. This article is devoted to the analysis of the novel «The Little Brooklyn Bakery» by a British writer Julie Caplin with the aim of identifying the elements of culinary discourse, their functions and roles these inclusions perform.

Key words: discourse, interdiscursivity, culinary discourse, Julie Caplin

Ведущей особенностью художественного дискурса является его проницаемость, открытость, позволяющая включать различные кодовые знаки, элементы разных уровней из иных знаковых систем и дискурсов. «По своей структуре художественный дискурс имеет многообразный и неоднородный характер, он как бы состоит из большого количества «поддискурсов», которые и создают многообразие всего произведения. Во многом благодаря жанровому, тематическому и идеологическому многообразию художественный текст обладает дискурсным многообразием» [2, С. 230].

Анализируя художественную литературу, можно встретить включенные автором в художественное пространство текста элементы различных дискурсов: религиозного, юридического, дискурса СМИ и др. Взаимодействие и взаимопроникновение дискурсов обозначается термином «интердискурсивность». За последнее десятилетие данное понятие прочно вошло в терминологический аппарат лингвистики, литературоведения и дискурсологии. По мнению Е. В. Белоглазовой, интердискурсивность можно определить как «введение в текст, относящийся к одному дискурсу и манифестирующий свойственные тому черты, чуждых ему инодискурсных элементов. При этом «шов» между дискурсами может приходиться как на поверхностный (языковой), так и глубинный (когнитивный) уровень дискурса» [1, С. 360].

Цель настоящей статьи заключается в изучении функционирования в художественном тексте элементов кулинарного дискурса, обладающего

своими специфическими характеристиками. В современной литературе взаимодействие художественного и кулинарного дискурсов в художественной прозе встречается достаточно часто, однако функции и роль данного взаимодействия, насколько нам известно, не подвергались системному анализу.

Материалом исследования послужил один из романов цикла «Любовь в каждом городе» британской писательницы Джули Кэплин «Маленькая кондитерская в Бруклине». В этом романе повествуется о фуд-райтере Софи Беннингс, которая переезжает из Соединенного Королевства в США после личной драмы – разрыва любовных отношений. В Бруклине – самом населенном районе Нью-Йорка – девушка снимает квартиру, расположенную над кондитерской. Данное заведение становится центром жизненных перемен для Софи, затрагивающих как профессиональную сферу, так и ее личную жизнь.

Достаточно большой объем повествования в романе посвящен описанию заведения, услуг и товаров, которое оно предлагает своим посетителям. Как фуд-райтер Софи очарована эстетикой заведения и качеством услуг. Первое впечатление от посещения кондитерской вызывает у Софи восхищение, после чего она решает изучить открывшийся перед ней совершенно неизученный мир американской кулинарии: «For a moment, she stood utterly entranced by the window display, which she'd completely missed the night before. A picture of Audrey Hepburn in My Fair Lady in her iconic black-and-white Ascot costume was suspended mid-air above what Sophie could only describe as the most magnificent display. Matching black-and-white decorated cupcakes arranged on two candelabra-style cake stands stood like ladies in waiting behind a five-tiered wedding cake, its elaborate icing and shape cleverly referencing the design of the hat. With a professional eye, she studied the cakes, marvelling at the precision and creativity, until the door opened beside her and someone came out of the café, followed by a waft of coffee» [3, С. 12].

В романе показаны различия между английской и американской кулинарией, о которых прекрасно осведомлена главная героиня. Ей известно, например, то, что американцы предпочитают кофе чаю, или же то, что пачка масла в Америке равна полчашки масла или четырем унциям в английском измерении. В роман также включены термины, распространенные лишь в определенной местности (городе, районе), например, специфические наименования блюд и их вкусового спектра, как, например, диалектное название бисквита «St Clements»: «How about something to eat? I made these lavender-and-vanilla cupcakes this morning, or there are carrot-and-cinnamon or orange-and-lemon». «St Clements,» said Sophie automatically. «St what?». «It's cockney rhyming slang, orange-and-lemon flavours are sometimes called St Clements. It's one of my favourites». For some reason she softly sang, «Oranges and lemons say the bells of St Clements» [3, С. 15].

К одной из важнейших функций кулинарного дискурса в исследуемом

романе Дж. Кэплин относится передача внутренних переживаний героев. Душевное состояние Софи после разрыва с любимым влияет на ее уверенность в себе, толкая героиню на поспешные действия, самым главным из которых явился переезд в другую страну. Поспешность проявляется и в частных бытовых ситуациях, в том числе и во время приема пищи. «Taking a far-too-hasty gulp of hot coffee, which burnt its way down into her stomach, Sophie looked away, shocked by the fierce, direct hatred which made her feel almost as if she'd been physically assaulted» – выпитая наспех чашка кофе свидетельствует о растерянности главной героини [3, С. 10].

Кондитерская в Бруклине стала для Софи отправной точкой, стартом для начала новой жизни, возможностью преодолеть психологический кризис. Это заведение значительно отличается от Лондонской общей атмосферы, предлагаемым меню, манерой обслуживания. Описание блюд, подающихся в кафе, даются автором неслучайно, они служат основанием для сопоставления их материальных качеств с душевным настроением персонажей. Например, в Лондоне Софи стала свидетелем того, как маленькая девочка испачкала свои волосы в йогуртовой массе и ничем не могла ее убрать, подобно тому, как Софи не могла избавиться от угнетающего ее чувства тоски и одиночества.

Дж. Кэплин демонстрирует в романе, как некоторые ингредиенты, содержащиеся в продуктах питания, способны изменить психологическое состояние человека. В кондитерской Софи буквально вернул к жизни один лишь запах ванили, масла и сахара, которые использовались хозяйкой заведения для приготовления капкейков. Дж. Кэплин в своем романе показывает, как продукты питания влияют на настроение человека и как настроение влияет на выбор потребляемой человеком пищи: «The minute she stepped inside, she paused and closed her eyes, inhaling. What the sunshine upstairs had started, the familiar magic alchemic smell of butter and sugar, eggs and flour finished. She felt lighter, as if some invisible weight had dislodged itself from her shoulders, as she registered the soothing hint of vanilla, the richness of chocolate, the sharp citrus of lemon. The scents swirled around her, grounding her» [3, С. 12].

Таким образом, кулинария занимает особое место в романе Джули Кэплин «Маленькая кондитерская в Бруклине», главной темой которого является неустанный поиск человеком своего места в мире, который, как правило, толкает героев на путешествия и переезды. Элементы кулинарного дискурса придают роману достоверность и правдоподобие, выступают прямым или косвенным отражением внутреннего состояния человека, так как описание блюд и приемов пищи перекликается с переживаниями героев, раскрывает их характер и указывает на смену настроения.

Список использованных источников

1. Белоглазова Е. В. Интердискурсивность. Дискурс-Пи. – 2010. – №1-2. – С. 359–360.
2. Кенжегараев Н. Д. Особенности дискурсивного анализа

художественного текста // Молодой ученый. – 2012. – № 4. – С. 228–231.

3. Caplin J. The Little Brooklyn Bakery / J. Caplin. – London: HarperCollins Publishers, 2018. – 449 pp.

УДК 81'367.628

ОТРАСЛЕВЫЕ ТЕРМИНЫ ДИСКУРСА ЦИФРОВОЙ ТРАНСФОРМАЦИИ КАК РЕПРЕЗЕНТАНТЫ НАУЧНОЙ КАРТИНЫ МИРА В ПАРАДИГМЕ ЦИФРОВОЙ КУЛЬТУРЫ

И. И. Макаревич,

магистр филологических наук, магистр управления, старший преподаватель, факультет международных отношений, Белорусский государственный университет, Минск

Аннотация. Предпринята одна из первых попыток анализа вопросов возникновения терминологии цифровой трансформации и ее теоретико-методологического осмысления. В русле описательной лексикографии эмпирическим путем намечены пути стандартизации «цифровой» лексики в формате специализированного словаря-справочника «Цифровая трансформация: руководство для специалиста-международника», 2022 (Авторы: И. И. Макаревич, Т. И. Макаревич) на основе научной картины мира. С учетом того, что цифровой мир неуклонно расшатывает привычные устои материального мира исследование динамики появления и развития терминологии цифровой трансформации в диахроническом аспекте проводится во фрейме культурной картины мира. Полученные результаты показывают необходимость проведения системного и комплексного терминологического исследования процесса дробления, фрагментации цифрового иноязычного дискурса, который охватывает национальные и международные аспекты всех общественных сфер, испытывающих на себе беспрецедентное воздействие цифровой трансформации. Широкий охват терминологии цифрового дискурса свидетельствует о том, что данные термины выступают опорными элементами постоянного обмена научно-технической информацией в нарастающем количестве предметных областей, в частности, цифровых международных отношений, цифрового права, и служат языковым и речевым инструментарием правовой картины мира.

Ключевые слова: культурная картина мира (ККМ); языковая картина мира (ЯКМ); научная картина мира (НКМ); правовая картина мира (ПКМ); отраслевая терминология; терминологическая система цифровой трансформации; технолект; цифровая трансформация (ЦТ), цифровая культура

Summary. One of the first attempts was made to analyze the issues of the digital transformation terminology rise and its theoretical and methodological understanding. Ways are outlined empirically in line with descriptive lexicography to standardize “digital” vocabulary in the format of a specialized

reference dictionary 'Digital Transformation: a Guide for an International Expert', 2022 (Authors: Irina I. Makarevich, Tatiana I. Makarevich) based on a scientific picture of the world. Taking into account the fact that digital world is steadily rocking the usual foundations of the material world, the study of the dynamics of the emergence and development of the digital transformation terminology in the diachronic aspect is carried out in the frame of the cultural picture of the world. The results obtained show the need for a systematic and comprehensive terminological study of the process of digital foreign language discourse fragmentation which covers the national and international aspects of all public spheres that are experiencing the unprecedented impact of digital transformation. The wide coverage of the digital discourse terminology indicates that these terms are the supporting elements of the constant exchange of scientific and technical information in an increasing number of subject areas, in particular, digital international relations, digital law and serve as language and speech tools of the legal picture of the world.

Key words: cultural picture of the world (CMC); language picture of the world (LKM); scientific picture of the world (SCM); legal picture of the world (PKM); industry terminology; terminological system of digital transformation; technolect; digital transformation (DT), digital culture

«... современная жизнь грандиозна, избыточна и превосходит любую исторически известную. Но именно потому, что напор ее так велик, она вышла из берегов и смыла все завещанные нам устои, нормы и идеалы. В ней больше жизни, чем в любой другой, и по той же причине больше нерешенного. Она уже не может придерживаться прошлого. Ей надо творить свою собственную судьбу».

(Х. Ортега-и -Гассет) [8]

Цифровые трансформационные изменения, с одной стороны, влекут за собой постоянное увеличение информационного массива, виртуализации повседневной реальности, внедрение в человеческий социум неживых объектов. С другой стороны, процесс цифровой трансформации (далее – ЦТ) представляет собой новые теоретико-методологические, этические, философско-культурологические проблемные вопросы, которые неизбежно сопровождают научно-технический прогресс, технологическую революцию [11] и связаны с приращением нового знания [7]. Человечество уже сейчас существует в условиях изменяющегося характера социальности, в которой присутствуют явления, имеющие неживой, не субъектный и не объектный характер (ИИ, гибриды, интернет, инженерное проектирование живого и др.) [9, 10]. В стремлении обезопасить привычный нам мир, правовая культура в рамках более широкого понятия цифровой (технологической, электронной) культуры [2, 4] ищет альтернативы интерпретации техники, технологий и природы человека.

Изучение терминологии цифровой трансформации с научных позиций когнитивного направления позволяет сказать, что картина мира может наполняться научным (специализированным), обыденным (повседневным), философско-культурологическим и узкоотраслевым (в

зависимости от предметной области) знанием, что позволяет говорить о научной, языковой, культурологической и, в русле нашего исследования, правовой [5] картинах мира. Так, в русле когнитивной парадигмы термины понимаются как языковые единицы, передающие информацию о некотором фрагменте языковой, научной картины мира (Е. С. Кубрякова, 2004), равно как и культурной, отраслевой (правовой) КМ.

Представляется, что применение когнитивного подхода к проектированию и составлению словарей облегчает решение прикладных задач терминографии (О. А. Алимуратов, 2011). Как показала практика нашего исследования, когнитивный подход, примененный в разработке и составлении специализированного словаря-справочника «Цифровая трансформация: руководство для специалиста-международника» [3], способствует созданию более эффективного словарного продукта с высоким аппликативным потенциалом.

В эмпирической части нашего исследования показано, что лексический состав цифрового дискурса существенно отличается от любых других известных отраслевых терминологий и охватывает международные аспекты всех общественных сфер, которые испытывают на себе колоссальное воздействие цифры, что нашло свое отражение в словнике двуязычного специализированного словаря-справочника по цифровой трансформации для специалиста-международника.

(1) **big data** ['big 'deɪtə], *n* – ■ 1. *цифр. тр., инф.* большие данные (БД), неопределённо структурированные данные большого объёма; *cf. thin data*; ■ 2. супермассив данных, большие массивы данных, большие объёмы данных; *cf. machine intelligence*; <...>

Как видно из примера (1), термин используется одновременно в нескольких предметных областях: в структуру словарной статьи специально были введены лексикографические пометы для маркирования предметных областей, в которых слово имеет наиболее частотное употребление. В примере пометы выделены курсивом и приводятся непосредственно перед переводом заголовочного слова.

В современном научном прогрессе язык не является случайным или вспомогательным элементом, а имеет статус структурного элемента в целостной системе научного знания (А. А. Реформатский, 1986). Сегодня деление на отдельные дисциплины представляется условным в континууме, который представляют собой науки (А. В. Суперанская, 2003). Язык, основу которого составляет именно терминология, представляет собой одно из самых мощных средств интегрирования науки (Г. В. Степанов, 1978).

Когнитивное направление научных исследований предполагает изучение языка в плане его соотносённости с окружающим миром (Е. В. Падучева, 1996; А. Вежицка, 1991). Как человек отражает мир вокруг нас, как преломляет его в своем сознании и как, в конечном итоге, репрезентирует ту познавательную деятельность и познannую действительность в языке. Под языковой картиной мира (далее – ЯКМ) понимают соотношение языка и действительности, исторически

сложившаяся в сознании данного языкового коллектива и отраженная в языке система представлений о мире, определенный способ концептуализации действительности (В. фон Гумбольдт, Л. Вайсгербер). Если язык – это один из способов видения мира (В. фон Гумбольдт), то ЯКМ – это наличие всего запаса знаний о мире, лежащем за тем или иным конкретным языком (О. А. Джиеова, 2014). Теперь перед естественным языком стоит задача лексикографического описания терминов программируемых языков, машинных алгоритмов, новых объектов и субъектов действительности.

Это естественно, так как язык всегда сопровождал человеческую деятельность. Начало технологической революции 4.0. активным образом сказалось на языке профессионального общения специалистов сфер ИТ и ИКТ, образуя в динамике свой технолект (технико-технологический лексикон) для описания явлений, имеющих место в современной науке, технике и технологиях. В словарной части словаря-справочника по цифровой трансформации после дефиниции термина приводятся узкий и широкий контексты употребления, как показано в примере (2):

(2) **biometric technology** [ˌbaɪəʊˈmetrɪk tekˈnɒlədʒɪ], *n* – ■ *цифр. тр., инф.* биометрическая технология; ▲ технологии, использующие поверхностные сенсоры: распознавание по голосу, походке, рукописному почерку, термограмме лица, геометрии руки и лица, отпечатку пальца, скану радужной оболочки глаза и т. д.: • *biometric passport* – биометрический паспорт; •• *Next-generation biometric technologies use penetrating sensors: ultrasound, infrared, etc., i. e. methods to identify a person with a high probability – for example, a phone with a sensor that detects that the hand of a living man is before him, not a fake.* – Биометрические технологии следующего поколения используют проникающие сенсоры: ультразвук, инфракрасное излучение и т. д., т. е. методы, позволяющие идентифицировать человека с высокой вероятностью, – например телефон с датчиком, который определяет, что перед ним – рука живого человека, а не муляж <...>

Цифровая трансформация, термины которой мы изучаем, по своей сути является философско-культурологическим явлением и затрагивает вопросы материального и духовного бытия человека. Право наиболее четко формулирует реальное состояние дел в отношении ЦТ: правовая картина мира совершенно четко определяет объект и субъект регулирования для чего проводится логико-семантический анализ явлений, составляющих юридическое мышление: элементы воли, запрета, дозволения, интереса и цели. Наконец, право, как социальная система не может развиваться, если будет выработано новое представление о соотношении природы и правового регулирования.

Указанные аргументы послужили основной причиной построения исследования на основе терминосистемы цифрового права после того, как было дано общее лексикографическое описание терминологии дискурса ЦТ как эмпирической базы для дальнейшего исследования. В качестве теоретико-методологической основы для изучения терминосистемы ЦТ необходимо обращение к философско-культурологическому направлению. Современная культурология позволяет выделить в единой матрице ряд картин мира, включающих: философскую, культурологическую, эстетическую, этическую, научную, языковую, правовую и другие.

Из множества и разнообразия национальных культур, созданных за время существования человечества, каждая имеет свое видение и представление человека в мире. Накопленная совокупность знаний о мироустройстве, понятий о ментальности народа, воззрений о национальных особенностях и отношении определенной нации к миру составляет понятие культурной картины мира (далее – ККМ), которая формируется в двух основных сферах жизнедеятельности индивида: рефлектирующей (интеллектуальной, эмоциональной) и практической (трудовой) [1]. ККМ наследуется каждым последующим поколением каждой нации и служит хранителем ее ментальности и основой поведения ее представителей, как это можно проследить по системам мироустройства, кратко представленных в Таблице 1.

Таблица 1. Системы мироустройства и их доминирующее воздействие в разные исторические эпохи.

Система мироустройства	Эффекты доминирующего воздействия
Античность	пантеон мифических богов, герои
Средневековье	примат христианского мировоззрения
Новое время	научные, рациональные представления о мироустройстве
XX век. – эпоха глобализации	активное сближение культур: взаимообогащение и унификация культур
XXI – эра цифровой трансформации	фундаментальные изменения окружающей человека среды: гибридные среды и технологии, объединяющие человека с нечеловеческими сущностями и, будучи созданными, получают известную автономность от человека

Как можно видеть, фундамент ККМ складывался постепенно, фиксируя первоначальные ощущения нации, начиная от древнейших пластов мифологии, архетипов, образной системы, хронотопа и т.д., включая возникшие сравнительно недавно рациональные (научные) знания в рамках той или иной нации. В этом отношении скоростной XXI век трансформирует работу человека с информацией, генерирует новые источники и методы получения знаний, вводит новые виртуальные состояния человека. Научные новшества отражает терминология ЦТ:

(3) **artificial intelligence (AI)** [ˌɑːtɪˈfɪʃl̩ ɪnˈtɛldʒəns] [ei ai], *n* – ■ *инф., цифр. тр., цифр. междун. отн.* искусственный интеллект (ИИ); ▲ технология и наука создания интеллектуальных машин, особенно интеллектуальных компьютерных программ: • *to develop / design AI systems* – разрабатывать системы искусственного интеллекта; • *weak AI* – слабый ИИ; • *hard AI* – сильный ИИ <...>

Данное понятие зафиксировано в нормативно-правовых актах, регулирующих цифровые процессы. Следует также отметить, что задачу по описанию и систематизации словника упрощает принадлежность большей части терминов цифровой трансформации к предметным областям точных наук. В то же время специалисты разных областей ИТ и ИКТ по-разному используют термины-неологизмы, которые в большинстве своем имеют подвижную номинацию [6].

Совмещение ККМ и ЯКМ в научной КМ очевидно: значение в языке антропоцентрично (отражает общие свойства человеческой природы) и этноцентрично (ориентировано на данный эпос). Нельзя на естественном языке описать мир как он есть: язык изначально задает своим носителям определенную картину мира, причем каждый данный язык – свою (Е. В. Падучева 1996). В отношении ККМ заметим, что сама культура структурирована как язык: значимые оппозиции, параллелизмы, семантические, смысловые, реляционные отношения. Обмен сообщениями – процессы, которые происходят в культуре (К. Леви-Стросс, Р. Барт).

Таким образом, перевод новых значений невозможен без подхода к языку с точки зрения его отражения окружающего мира. Такая парадигма включает целый ряд сложных вопросов, связанных с изучением истории, культуры как определенного народа, так и (в условиях глобальной цифровизации) человечества *vs.* машинные алгоритмы, а также менталитета, национального характера, особенностей мышления, психологии и т. д. Интегративное исследование НКМ, ККМ, ЯКМ, выход в смежные области ИТ, ИКТ, философии, культурологии, семантики правовых терминов, безусловно, обогащает практический перевод и науку о языке, в частности, ее раздел – терминоведение, делает ее адекватной требованиям XXI века.

Список использованных источников

1. Драч В. Г. Судьбы культуры и цивилизации в XX веке. XX век в зеркале культурологической мысли / В. Г. Драч // История мировой культуры (мировых цивилизаций). – 2-е изд. доп. и перер. – Ростов н/Д: Феникс, 2002. – С. 203–216.
2. Киндия С. Цифровая революция и электронная культура / С. Киндия // Вестник Тверского государственного университета. – Серия Философия. – 2020. – № 3 (53). – С. 58–66.
3. Макаревич И. И. Цифровая трансформация: руководство для специалиста в сфере международных отношений: пособие / И. И. Макаревич, Т. И. Макаревич. – Минск, БГУ. – 351 с.
4. Макаревич И. И. Цифровые трансформационные процессы в аспекте технологической культуры / И. И. Макаревич // Цифровая трансформация – шаг в будущее: мат-лы II Междунар. научн.-практич. конф. молод. ученых, посвященной 100-летию Белор. госуд. ун-та, Минск, 27 октября 2021 г. – С. 177–184.
5. Макаревич О. И. Цифровая интеграция юриспруденции, образования и индустриального сектора: перспективы и направления / О. И. Макаревич // Цифровая трансформация – шаг в будущее: мат-лы II Междунар. научн.-практич. конф. молод. ученых, посвященной 100-летию Белор. госуд. ун-та, Минск, 27 октября 2021 г. – С. 184–187.
6. Макаревич Т. И. Системы машинного перевода и перевод на высоком дипломатическом уровне: состояние и перспективы развития //

Т. И. Макаревич / Сборник статей финалистов конкурса молодых международных СНГ имени А. А. Громыко. – Москва : Институт Европы РАН. – 2020. – С. 38 – 45.

7. Маннгейм К. Человек и общество в век преобразований / К. Маннгейм // Избранное. Диагноз нашего времени. – М.: Юристъ, 1994. – 704 с.

8. Ортега-и-Гассет, Х. Восстание масс / Х. Ортега-и-Гассет. – М.: АСТ, Ермак, 2005. – 208 с.

9. Digital Culture: The Changing Dynamics; ed. by A. Uzelac, B. Cvjeticanin. – Zagreb: Institute for International Relations, 2008. – 212 p.

10. Gere, C. Digital Culture / C. Gere. – London: Reaktion Books, 2002. – 222 p.

11. Schwab, K. Technologies of the Fourth Industrial Revolution / K. Schwab. – N.Y., 2020. – 320 p.

УДК 81'367.628

ЦЕННОСТНЫЕ РИСКИ СОЗДАВАЕМЫХ ЦИФРОВЫХ ЭКОСИСТЕМ: ПРАВОВОЙ АСПЕКТ

О. И. Макаревич,

магистр юриспруденции, преподаватель, факультет международных отношений, Белорусский государственный университет, Минск

Аннотация. Реальность, которая окружает нас сегодня, во многом определяется экспоненциальным ростом объема информационных потоков и переносом процессов в виртуальную среду, что изменяет характер отношений человека в окружающем его пространстве. С позиций ценностного фрейма проводится анализ рисков в отношении этапной трансформации современной правовой системы. Показано, что этапы формирования цифровой правовой картины мира приводят к появлению нового подязыка, который формируется в рамках взаимодействия давно существующих и только становящихся областей знания. Поскольку научное знание неизбежно находит отражение в языке, это отражается на актуализации новых терминов цифрового права, которые требуют своевременного лексикографического описания и перевода.

Ключевые слова: цифровая экосистема; отраслевая терминология; специализированный словарь-справочник; профессиональный подязык; цифровое право

Summary. The reality we live in today is largely determined by the exponential growth of information flows and shifting processes to a virtual environment which changes the nature of human relations in the surrounding space. From the standpoint of the value frame, an analysis of risks is carried out in relation to the stage-by-stage transformation of the modern legal system. It is shown that the stages of formation of a digital legal picture of the world lead to the emergence of a new sublanguage, which is formed within the framework of

the interaction of long-existing and only emerging areas of knowledge. Since scientific knowledge is inevitably reflected in the language, this is reflected in the actualization of new terms of digital law, which require timely lexicographic description and translation.

Key words: digital ecosystem; industry terminology; specialized dictionary-reference book; professional sublanguage; digital law digital ecosystem; industry terminology; specialized dictionary-reference book; professional sublanguage; digital law

Цифровая революция следует за третьей промышленной революцией и является настоящим скачком в новое пространство, именуемое киберпространство, обусловленное новациями VI технологического уклада. В рамках существующей системы, определяемой достижениями IV и V технологических укладов, новое пространство невозможно определить, поскольку оно – результат цифровой трансформации. В настоящее время в области правовой культуры идут активные поиски интерпретации техники и природы человека, в беспрецедентной ситуации включения неживых объектов в правовое регулирование общественных отношений.

Несмотря на серьезные достижения в области цифровой трансформации общественной жизни, главная проблема заключается в правовом регулировании цифровых процессов, без которого невозможно безопасное и эффективное развитие технологий будущего [1]. Цифровая трансформация затрагивает природу правового регулирования [2], вследствие чего требуется проведение большой теоретико-методологической работы по решению актуальной проблемы системной правовой интерпретации происходящих в обществе социальных и технических изменений [3], поскольку существующее правовое мышление основано на регулятивно-охранительном типе правосознания.

Это связано с тем, что современное цифровое право сталкивается с серьезными концептуальными трудностями, к которым можно отнести проблему определения субъекта [4]. Так, в существующих нормативно-правовых актах (далее – НПА) субъект взят их старых научно-производственных и общественных отношений. Проблемой является новый вид субъекта права – алгоритм, который не имеет досконального регулирования с точки зрения права, и, по признанию юристов, они на настоящий момент не понимают, что собой представляет алгоритм. Та же проблема встречается с новыми субъектами отношений – программистами, тестировщиками и другими представителями ИТ-сферы – они существенно отличаются от привычных истца, ответчика, должника, кредитора [5]. Решение проблемы предлагается искать в нахождении баланса в использовании искусственного интеллекта (далее – ИИ) (отсутствие коррумпированной схемы vs. алгоритм, разрабатываемы и управляемый человеком). Однако главная проблема, с нашей точки зрения, заключается в отсутствии алгоритма, защищающего права человека, подсказывающего ему, что государство его защищает и т.д., так как у ИИ догадки, как

известно, нет. В этом, собственно, заключаются определенные ценностные риски создаваемых цифровых экосистем.

В области права посредством формирования новой терминологии фиксируется особенность современных перемен, связанных с тем, что изменения, которые привносит новый технологический уклад, касаются не только традиционного образа жизни. Некоторые примеры из сделанной нами выборки существующего на начало января 2023 года законодательства, принятого в Республике Беларусь и Российской Федерации, позволяют фиксировать постоянно протекающий процесс терминологизации в отношении следующих отраслевых терминов современной правовой области: *«цифровое право»*, *«субъект цифровых прав»*, *«большие данные (модели правового регулирования)»*, *«персональные данные»*, *«искусственный интеллект (как объект правоотношений)»*, *«смарт-контракт (правовая природа)»*, *«антимонопольное законодательство (в условиях цифровой экономики)»*, *«цифровые рынки (осуществление контроля за экономической концентрацией)»*, *«цифровизация государственных и муниципальных закупок»* и др.

В указанных примерах мы имеем возможность наблюдать сущностные свойства термина, которые вступают в диалектическое противоречие с его фоновыми характеристиками. Перевод терминологии отрасли цифрового права требует определенной полноты дефиниций, принятие во внимание взаимоперехода понятий из смежных предметных областей, в первую очередь, информационных технологий (далее – ИТ) и информационно-коммуникационных технологий (далее – ИКТ).

Развитие терминологии цифрового права, ее адекватный специализированный перевод в целях повышения эффективности межстранового взаимодействия, в частности, в электронной системе так называемого «электронного правительства», способствует выполнению термином своих коммуникативных функций: обеспечивает доведение нового актуального знания до широкой научной общественности и является залогом преемственности.

Цифровая отрасль права призвана регулировать отношения, связанные с использованием информационно-коммуникационных технологий, где терминология и подязык достаточно устоялись. Удачный перевод терминов цифрового права, тщательно выработанная дефиниция, уточненная формулировка в процессе прохождения необходимых юридических процедур, лингвистическая экспертиза, дальнейшее включение в строгий текст нормативно-правового акта, способствует развитию цифрового права как научного направления и учебной дисциплины.

На примере термина «цифровое право» иллюстрируется оригинальная структура словарной статьи двуязычного переводного толкового специализированного словаря-справочника [6]. Динамичный характер термина обусловлен самой динамикой терминологической номинации, в

ходе которой вербализуется взаимодействие результатов повседневного опыта с результатами научного познания, развивает семантику термина. Например,

digital law ['dɪdʒɪtəl lɔː], *n* – ■ *цифр. пр.* цифровое право; ▲ система общеобязательных, формально определенных, гарантированных государством правил поведения, которая складывается в области применения или с помощью применения цифровых технологий и регулирует отношения, возникающие в связи с использованием цифровых данных и применением цифровых технологий: ●● *The presence of digital virtual communication of subjects, the network of which is currently steadily expanding, is recognized as the main criterion for the allocation of digital law.* – В качестве главного критерия выделения цифрового права признается наличие цифровой виртуальной коммуникации субъектов, сеть которой в настоящее время неуклонно расширяется. ●● *Digital law presupposes different legal organization that currently occupies a local position in legal relations, but which is potentially a more capacious and powerful regulatory system than classical law.* – Цифровое право представляет собой иную правовую организацию, которая в настоящее время занимает локальные позиции в правовых отношениях, но которая является потенциально более емкой и мощной регулятивной системой, чем право классическое.

Лексикографическая разработка, двусторонний перевод терминологического аппарата цифрового права, последующее обеспечение согласованности иноязычных терминологий позволят совместно эффективно реагировать на последние вызовы трансформирующихся социальных и экономических отношений.

Число терминов цифрового права в обозримом будущем будет только расти, исходя из того, что складывающаяся на наших глазах правовая картина мира нового порядка учитывает результаты, получаемые в предметных областях физики, биологии, медицины, что открывает новые перспективы в понимании права, а также его категорий, к которым принято относить волю, субъект, правовую норму, правоотношения. Современная революция в технологиях открывает реальную перспективу для установления прямой связи между природой и правовой культурой, преодолеть фундаментальный водораздел между социальным, гуманитарным знанием и естествознанием.

В данном случае термины-неологизмы дискурса цифрового права представляют собой средство познания действительности (З. Д. Попова, И. А. Стернин, 2007) и выполняют гносеологическую и сциентическую функции (В. М. Лейчик, 2006), при этом вербализуя четко структурированную научную картину мира значительным числом коммуникантов (О. А. Алимуратов, М. Н. Лату, 2013).

Общезвестными представляются положительные черты цифровой среды, хотя они не так и безусловны в первую очередь тем, что создают определенные риски для наиболее крупного завоевания человечества – реализации прав и свобод человека. Интеграция правовых отраслей, к примеру, права прав человека и развивающейся отраслевой терминологии цифрового права потребует развития отраслевой терминологии. Так, в правовых системах стран, идущих в авангарде процесса цифровой трансформации, который активно развивается в современном обществе на

данном этапе его научно-технического развития в рамках трансформационного процесса происходят, с определенными оговорками, фундаментальные изменения правовых систем [1, 8]. Суть трансформаций сводится к формированию новой структуры нормообразования, которая концептуально отличается от методологии традиционной системы права [9]. Так, новый технологический уклад изменяет природу правового регулирования, и растущее количество терминов дискурса цифрового права тому прямое подтверждение.

Предварительный анализ терминологии цифрового иноязычного дискурса на материале специализированного англо-русского словаря справочника по цифровой трансформации [6] позволяет сделать выводы том, что в нем задействован охват международных аспектов общественных сфер, которые испытывают на себе колоссальное воздействие цифры.

В качестве одной из эффективных практик поиска баланса сил является тщательное изучение, выверенный перевод терминологии цифрового права, детальная разработка на основе принятых в Республике Беларусь и Российской Федерации НПА, регулирующих цифровую среду деятельности, специализированного лексикона цифрового права.

Перспективной задачей наших дальнейших исследований представляется систематизация англо-русского лексикона предметной области цифрового права на материале словарной части НПА, регулирующих цифру в англо-саксонском прецедентном праве (НПА США и ЕС) и континентальном праве (НПА РФ, РБ, СНГ).

Список использованных источников

1. Липовцев В. Н. *Lex Mercatoria на международном финансовом* / В. Н. Липовцев: автореф. дис. ... канд. юр. наук. – М., 2013. – 23 с.
2. Макаревич И. И. *Цифровая трансформация: руководство для специалиста в сфере международных отношений: пособие* / И. И. Макаревич, Т. И. Макаревич. – Минск, БГУ. – 351 с.
3. Макаревич О. И. *Цифровая интеграция юриспруденции, образования и индустриального сектора: перспективы и направления* / О. И. Макаревич // *Цифровая трансформация – шаг в будущее: мат-лы II Междунар. научн.-практич. конф. молод. ученых, посвященной 100-летию Белор. госуд. ун-та, Минск, 27 октября 2021 г.* – С. 184–187.
4. *Правовое регулирование цифровой экономики в современных условиях развития высокотехнологичного бизнеса в национальном и глобальном контексте: монография* / под общ. Ред В. Н. Синюкова, М. А. Егоровой. – М.: Моск. госуд юрид. ун-т имени О. Е. Кутафина (МГЮА). – М.: Проспект, 2019. – 240 с.
5. Сидоренко Э. Л. *Нужно ли регулировать биткоин?* / Э. Л. Сидоренко, А. И. Савельев [и др.] // *Закон.* – М.: Закон. – № 9. – 2017. – С. 20–30.
6. Торкунов А. В. *Выступление на пленарной сессии «Международные отношения в условиях цифровизации общественной*

жизни» международной научной конференции «Цифровые международные отношения 2022», 14-15 апреля 2022, Москва, МГИМО. [Электронный ресурс] – Режим доступа: www.https://mgimo.ru/about/news/main/digital-int-relations/– Дата доступа: 14.04.2022.

7. Цифровой императив. Большие данные и моделирование международных отношений. – МЛ. – №1, 2022. – С. 92.

8. Polanski P. P. Customary Law of the Internet: in the Search for a Supranational Cyberspace Law, Information Technology and Law Series / P. P. Polanski. – The Hague: T. M. C. Asser Press, 2007. – 436 p.

9. Reidenberg J. R. Lex Informatica. The Formulation of Information Technology Rules Through Information Technology / J. R. Reidenberg // Texas Law Review. – Vol. 76. – # 3. – 1998. – P. 553-559.

УДК 811.12

МИРОВОЙ РЫНОК ПЕРЕВОДОВ И ЯЗЫКОВЫХ УСЛУГ: СОСТОЯНИЕ И ПЕРСПЕКТИВЫ РАЗВИТИЯ

Т. И. Макаревич,

магистр филологических наук, магистр управления, старший преподаватель кафедры английского языка международной профессиональной деятельности, факультет международных отношений, Белорусский государственный университет, Минск

Аннотация. В статье рассматриваются актуальные вопросы индустрии перевода, изменений в профессии переводчика, языковой цифровой инфраструктуре. Автор выделяет проблему классификации переводческих услуг, проводит анализ международного рынка деловых интеллектуальных услуг и создания национальных классификаторов интеллектуальных деловых услуг, их гармонизация в рамках ЕАЭС для развития эффективной языковой инфраструктуры.

Ключевые слова: индустрия перевода, классификация переводческих услуг, услуги перевода, языковая инфраструктура.

Summary. The article considers topical issues of translation and interpreting industry, changes in the profession of translator, language digital infrastructure. The author highlights the problem of translation services classification, analyses the international market of business intellectual services, their harmonization within the EAEU to develop an effective language infrastructure.

Key words: translation and interpreting industry, translation services classification, translation services, language infrastructure.

Индустрия перевода сегодня является самой быстро растущей в мире, по мнению генерального директора Главного управления по вопросам перевода (ГУП) Европейского союза (ЕС), прогнозам экономистов-международников. Среди основных причин можно назвать глобализацию, ситуацию многоязычия в различных регионах мира и ряд других причин.

Всё это будет увеличивать потребность в многоязычном обслуживании. В условиях названных вызовов неизбежно изменится профессия переводчика, в частности, в том, что она:

- требует большего признания, так как она очень важна;
- сфера переводческой деятельности будет расширяться;
- переводчик все больше выполняет роль лингвиста-консультанта и редактора, чем «преобразователя текстов»;
- неизбежно повышение профессионализации переводчика, что отражается в совместной работе университетов с и государственными объединениями для совершенствования учебной программы и курса подготовки переводчиков. например, Европейская комиссия предпринимает попытки разработать специальность европейского магистра перевода, которая будет признаваться всеми странами-членами ЕС, облегчит прием на работу в ГУП ЕС.

Языки представляют собой огромную ценность для всего человечества, сохраняя в себе опыт предыдущих поколений и накопленные знания, способствуя самовыражению и общению, развитию наук, передаче знаний последующим поколениям, поэтому внимание и требования к создаваемым цифровым технологиям перевода являются высокими.

Анализ передового опыта создания общеевропейской языковой цифровой инфраструктуры, которая активно ведется в странах-членах Европейского союза (ЕС), показал, что:

- 1) государства ЕС бережно относятся к своему культурному и языковому наследию, чей опыт по его сбережению необходимо перенять;
- 2) несмотря на прогресс в развитии цифровых технологий перевода, машинный перевод (МП) и сегодня в значительной степени уступает переводу, тем более, профессиональному переводу, сделанному человеком;
- 3) принимается во внимание данность, что, хотя МП не может сравниться по качеству с профессиональным переводом, сделанным человеком, и тем более, заменить его, тем не мене он находит масштабное применение там, где необходим бесплатный (или недорогой) и быстрый перевод большого объема текстов, к качеству которого высокие требования не предъявляются;
- 4) широкий спектр цифровых технологий перевода значительно облегчают работу профессиональных переводчиков, способствуют соблюдению единообразия терминологии, повышают производительность труда.

Усилия по использованию возможностей компьютера для решения языковых проблем в мире начались предприниматься с момента появления первых ЭВМ в ещё в 1950-х гг., поскольку международная деятельность, межгосударственное взаимодействие, работа научных учреждений, коммерческих структур и т.д. может быть осложнена вовлечением большого числа языков. Несомненно, культурное наследие нужно защищать, о чем свидетельствует многоязычность ЕС, где разные языки имеют равное

значение.

Таблица 1. – Количество говорящих на основных международных языках как на родном (в млн. чел.)

Ранг	Количество носителей основных международных языков как родного (млн. чел.)		
	Родной язык носителя	источник 1 (модель «engoo»)	источник 2 (данные из «Этнолог»)
1	китайский	1,113	1,123
2	английский	372	322
3	хинди	316	236
4	испанский	304	266
5	арабский	201	202
6	португальский	165	170
7	русский	155	288
8	бенгальский	125	189
9	Японский	123	125
10	Немецкий	102	98
11	Французский	70	72
12	итальянский	57	63

[Источники: 1; 2]

Следует сделать одну необходимую оговорку, что, в отличие от валютной и информационной сфер, в которых процессы глобализации проявились достаточно отчетливо и для регулирования которых был создан Международный валютный фонд, область международной торговли пока не является таковой [6, с. 5]. В эпоху цифровизации активное развитие получила торговля услугами. В 1980 г. доля услуг в мировом экспорте составила 16 %, а в 2016 г. она превысила 23 % [6, с. 9] и тенденция идёт по нарастающей.

Проблемы классификации переводческих услуг имеют отношение к развитию международного рынка деловых интеллектуальных услуг, который представляется как значимый фактор развития мировой экономики в эпоху цифровой трансформации. Стремительный прогресс в развитии информационно-коммуникационных технологий (ИКТ) привел к формированию и развитию такого сегмента услуг как электронный бизнес, включающий электронную торговлю, международную торговлю интеллектуальными деловыми услугами, среди которых пока невыделенными являются услуги перевода и языковые услуги в целом.

Сегодня переводческие услуги не выделены как отдельный вид сервисов в большинстве стран ЕАЭС и мира. Экономика перевода не обозначена как отдельная индустрия, и в ряде стран существует как «серая зона» экономической деятельности. В том числе, и в силу указанной причины, отсутствует системное планирование отрасли. Как следствие, она исключена из ряда учтенных и прибыльных отраслей, приносящих серьезный доход, например, в Республике Беларусь.

Одним из аспектов нашего исследования является рассмотрение классификаций переводческих услуг, изучение вопроса создания

национальных классификаторов интеллектуальных деловых услуг, их гармонизация в рамках ЕАЭС для развития эффективной языковой инфраструктуры. Услуги перевода посредством ИКТ могут продаваться способом трансграничной поставки [3, с. 71], при которой услуга пересекает границу, следуя от продавца к покупателю.

Рассматриваемые нами интеллектуальные деловые переводческие услуги, которые будут значительно определять развитие мирового рынка услуг в будущем, формируют экономику перевода, определяют развитие индустрии перевода, входят в развивающуюся гиг-экономику.

Классификатор услуг ГАТС «Список отраслевой классификации услуг: MTN, GNS/W/120» (Services Sectoral Classification List MTN, GSN/W/120) [5], показывает, что переводческие услуги относятся к нескольким из двенадцати секторов как показано в таблице 2.

Таблица 2 – Отнесенность услуг перевода

№ п/п	Сектор в классификации услуг ГАТС
1.	сектор 1 – деловые услуги
2.	сектор 2 – услуги в области образования
3.	сектор 3 – аудиовизуальные услуги
4.	сектор 11 – услуги по организации досуга, культурных и спортивных мероприятий (кроме аудиовизуальных услуг)
5.	сектор 14 – другие услуги, связанные с предпринимательской деятельностью

Источник: разработка автора составлена по [4].

Рост переводческой компании также связан с развитием службы продаж и созданием группы аккаунт-менеджмента, развитием новых направлений крупных заказов, например в 2019 г. – это 1) мультиязычная локализация IT-проектов для IC International; 2) локализация маркетплейса для Ozon.ru. Компания «E&T-фарма» осваивает новое направление – перевод e-learning курсов [2, с. 922]. Перевод на игровом рынке – это также одна из точек роста на рынке переводов, который по объемам, на начало 2020 г., оставалась небольшим сегментом рынка по сравнению с медицинским и юридическим переводами [1, с. 112]. Соответственно, небольшое количество переводческих компаний было вовлечено в этот сегмент, такие как «All Cogest», её ближайший конкурент «Inlingo», аудиовизуальная студия «Кириллица». Прогнозируется возрастающий рост на заказы по переводу компьютерных игр. Так, переводчики компьютерных игр, например, компании «All Cogest» за 2019 г. увеличили объем почти на 30% и за два года работы удвоили объем бизнеса.

Развитие экономики перевода способно стать одним из драйверов национальных экономик за счет оказания высокостоймых интеллектуальных услуг, освоения новых знаний и технологий посредством перевода. Цифровая трансформация как фактор роста мирового рынка переводов повышает надежность и скорость совершения сделок, оптимизирует и автоматизирует процесс оказания услуг перевода, существенно сокращает издержки на виды расходов.

Построение основных служб переводческой компании также является

одним из значимых аспектов переводческой деятельности, также как и формирование управленческой команды, организация продаж, производство с переводом на языки вне пары с русским, создание группы аккаунт-менеджмента, вопросы развития международных специалистов в узкой нише.

Список использованных источников

1. Макаревич И. И. Теоретико-методологические основы специализированного двуязычного словаря-справочника «Цифровая трансформация: руководство для специалиста международных отношений» // Европейский день языков в МГИМО: сб. материалов VI междунар. межвуз. конф., Москва, 26-28 сентября 2022 г. – С. 102–112.
2. Макаревич О. И. Методология Agile как элемент цифровой культуры с использованием юридического DSL = Agile Methodology as a Digital Culture Element in Legal DSL Application / О. И. Макаревич // Межкультурная коммуникация и профессионально ориентированное обучение иностранным языкам: материалы XVI Междунар. науч. конф., посвящ. 101-летию образования Белорус. гос. ун-та, Минск, 27 окт. 2022 г. – С. 71 – 75.
3. Макаревич Т. И. Интеллектуализация устного и письменного перевода как фактор цифровой трансформации сферы деловых услуг // Тенденции экономического развития в XXI веке : материалы III Междунар. науч. конф., Минск, 1 марта 2021 г. – С. 921–925.
4. Мировые товарные рынки: учеб. пособие / В. К. Поспелов, Н. Н. Котляров, Н. В. Лукьянович и др.; под. ред. В. К. Поспелова. Москва: Центр-каталог, 2019. – 240 с.
5. Список отраслевой классификации услуг: MTN, GNS/W/120 <https://www.wto.org/>. (дата обращения 22.12.2022).
6. Ethnologue: Languages of the World [Electronic resource] <http://ethnologue.com>. (дата обращения 21.12.2022).
7. Graddol D. The Future of English? A Guide to Forecasting the Popularity of the English Language in the 21st Century / A report commissioned by The British Council. Cambridge, Mass : MIT Press 2011.

УДК 811.12

ПРОВАНС КАК КУЛЬТУРНЫЙ МИФ (РОЛЬ ЗАИМСТВОВАНИЙ И ИНОЯЗЫЧНЫХ ВКРАПЛЕНИЙ В СОЗДАНИИ ОБРАЗА ФРАНЦУЗСКОГО МИРА В ТРАВЕЛОГАХ П. МЕЙЛА)

Е. Б. Мартынюк,

*старший преподаватель кафедры теории и практики перевода,
Институт филологии, Крымский федеральный университет имени
В. И. Вернадского, Симферополь*

Аннотация. Статья посвящена изучению роли заимствований и иноязычных вкраплений в создании культурного мифа Прованса в

травелогах Питера Мейла. Тексты травелогов рассматриваются как воплощение пространственных представлений и «набор культурных кодов», мифологем, созданию которых во многом способствует использование иноязычной лексики, что придает отдельным элементам текста особый общий тон повествования, яркий местный колорит.

Ключевые слова: травелог, культурный миф, заимствования, иноязычные вкрапления, синкретический жанр, литература путешествий

Summary. The article is devoted to the study of the role of borrowings and foreign inclusions in the creation of the cultural myth of Provence in the travelogues by Peter Mayle. Travelogue texts are considered as the embodiment of spatial representations and a "set of cultural codes", mythologemes, the creation of which is largely facilitated by the use of foreign borrowings. It gives the elements of the text a special overall tone of the narrative, and a bright local flavor.

Key words: travelogue, cultural myth, borrowings, foreign inclusions, syncretic genre, travel literature.

Травелог как репрезентация личного путешествия был привлекательным для художников во все времена, но на рубеже XX–XXI веков он становится чрезвычайно востребованным во многом потому, что превращается в многоуровневый, синкретический жанр. «Автор травелога, как правило, создает собственную модель мира и транслирует свою концепцию духовного путешествия» [2, с.107]. Соответственно, тексты в травелогах являются не только воплощением пространственных представлений или изображением культурных объектов, но и «набором культурных кодов», мифологем.

Любая книга, а особенно травелог – это всегда путешествие в другую культуру, в «другого человека», это новый опыт знакомства и общения с новой культурой. Естественно, многомерность пространства в травелогe будет разной для представителей разных культур.

В этой связи очень интересным представляется образ Франции, и в частности, Прованса, в произведениях Питера Мейла, посвятившего почти все творчество жанру травелога.

Ядром в создании образа французского мира, культурного мифа о Провансе являются, во-первых, образы прекрасной природы, позитивного, патриархального, гедонистического уклада жизни, гармонии во всем (в том числе жизни людей в гармонии с природой), «восприятие реальности и себя в ней как составляющей части такой картины мира» [8, с. 377].

Еще один интересный мотив в создании мифологемы Прованса – мотив путешествия, освобождения, т.е. «возвращения в мечту», бегства от западной цивилизации, что сопровождает многие культурные мифы в литературе [8, с. 378].

Неотъемлемая часть культурного мифа о Провансе – это энциклопедия повседневной жизни в Провансе и самого Прованса, которую создает Питер Мейл в своих травелогах – язык, традиции, уклад, менталитет и мировосприятие, традиционная кухня, которой он уделяет особое

внимание [9].

В созданном Мейлом мифе Прованса примечательным является и образ автора – главного героя, от лица которого ведется повествование.

Прованс представляется читателю как «земной рай». Причем, эта тенденция характерна не только для Прованса – о подобном явлении пишет Пушкирев Ю. Е., исследуя мифологизированный образ Италии, с набором сложившихся элементов (южное тепло, синее небо, море, лавры, кипарисы и т.п.) [10, с.175].

Также интересным представляется исследование, предпринятое В. Н. Колбасиным, культурного мифа о Париже, как «городе непрерывного праздника». По мнению исследователя, образ Праздника, также как образ Свободы – являются основой, ядром Парижского мифа [3, с.129].

Л. С. Кислова и С. О. Драчева исследуют травелог Марии Арбатовой «Дегустация Индии» и отмечают эту же тенденцию, но уже применительно к образу Индии. Авторы, пишущие об Индии, «создают изысканную картину абсолютно другого мира, напоминающего детскую мечту и наполненного ароматом вечного праздника» [2, с.109].

Во многих травелогах авторы, создавая мифологизированный образ страны и ее культуры, обращаются к технике иноязычного вкрапления, используя заимствования, варваризмы, реалии, а также включают в свой текст знакомые читателю экзотизмы, которые придают отдельным фрагментам текста особый колорит и помогают создать образ страны или местности.

Заимствование определяется как «элемент чужого языка (слово, морфема, синтаксическая конструкция и т.п.), перенесенный из одного языка в другой, а также сам процесс перехода элементов одного языка в другой» [6, с. 214]. При этом основным фактором, обуславливающим процесс заимствования является интенсивное взаимодействие носителей языков в политической, культурной, экономической и общественных сферах. Кроме собственно заимствований также выделяются **кальки** (буквальный поморфемный перевод иноязычного слова), **варваризмы** (иностранные слова и выражения, не полностью освоенные языком и воспринимаемые как чужеродные), **экзотизмы** (это иноязычные заимствования, служащие для наименования предметов и явлений, характерных для жизни и быта другой национальности). Периферию заимствований дополняют **«иноязычные вкрапления»** – неадаптированные иностранные слова или фразы, более или менее широко известные в культуре языка-реципиента. По определению Л. П. Крысина, иноязычные вкрапления – это «незамкнутые группы слов, употребление которых обусловлено степенью знакомства говорящего с иностранным языком, некоторыми стилистическими или жанровыми особенностями речи» [4, с.47].

Зачастую тексты травелогов содержат лексику на иностранном языке, которая изначально дается автором без перевода. В повествовании авторы

использует иноязычные элементы, когда говорят о «важных для истории и культуры страны понятиях, о человеке в истории и современности, о его принадлежности к этносу и городу, формирующему характер человека, влияющему на него» [1, с. 130]. Кроме того, в фокусе внимания читателя оказываются искусство и кулинария, без которых читателям и путешественникам трудно представить прошлое и настоящее.

В создании образа французского мира в травелогах П. Мейла значительная роль принадлежит активно используемым автором заимствованиям (так называемым «галлицизмам») и иноязычным вкраплениям. Питер Мейл изначально не переводит используемые франкоязычные слова или даже целые фразы. Данный прием делает языковую организацию текста оригинальной и яркой. Например, романист, ссылаясь на собственные воспоминания по приезду с женой в Прованс, описывает трудности, связанные с восприятием чужого языка и особенно его южного диалекта: «The language spoken was French, but it was not the French we had studied in textbooks and heard on cassettes; it was a rich, soupy *patois*, emanating from somewhere at the back of the throat and passing through a scrambling process in the nasal passages before coming out as speech. Half-familiar sounds could be dimly recognized as words through the swirls and eddies of Provençal: *demain* became *demang*, *vin* became *vang*, *maison* became *mesong*. That by itself would not have been a problem had the words been spoken at normal conversational speed and without further embroidery, but they were delivered like bullets from a machine gun, often with an extra vowel tacked on to the end for good luck. Thus an offer of more bread-page-one stuff in French for beginners-emerged as a single twanging question. *Encoredupanga?*» [11].

Или, к примеру, П. Мейл красочно описывает здешние климатические условия и традиционную погоду: «We have heard stories about the *Mistral*. It drove people and animals, mad. It was an extenuating circumstance in crimes of violence. It blew for fifteen days on end, uprooting trees, overturning cars, smashing windows, tossing old ladies into the gutter, splintering telegraph poles, moanong through houses like a cold and baleful ghost, causing *la grippe*, domestic squabbles, absenteeism from work, toothache, *migraine* – every problem in Provence that couldn't be blamed on politicians was the fault of the *sacre vent* which the *Provencaux* spoke about with a kind of masochistic pride» [11].

Также писатель не переводит на английский язык названия традиционных французских блюд, которые передают колорит данной местности, названия ресторанов, оставляет без изменений фразы, междометия, восклицания, характерные для носителей французского языка:

– «"Oh l'al'a," he said. "Oh l'al'a." He turned to his young apprentice, whom he invariably addressed as *jeune homme* or *jeune*. "You see what we have here, *jeune*. Naked pipes. No insulation. *C^ote d'Azur* plumbing..."» [11].

– *Bonjour, C'est normal; Malheureusement, non; Er, oui; Bon appetit; magnifique, es puis voila, un petit quari d'heure, demain, une quinzaine, normalement, mais enfin, c'est une merveille, etc* [11].

Л. Б. Василенкова предлагает классифицировать употребление заимствований по разным сферам – лексико-семантическим полям [1, с.128-129]. Представляется возможным отметить, что в текстах Мейла также широко представлены сферы употребления единиц разных лексико-семантических полей:

1. поле «человек»: *his amiable clientele, embonpoint, jeune, blagueur, an original, macon, jeune, chif-plombier, l'une des plus fameuses cuisinieres de Provence, chef des vignes, pisse-vinaigres, mal fini, marchand de tapis, etc* [11].

2. «архитектура» и «строительство»; *a mas, jolies villas, Residences secondaires, chateau, pierre froide stone, it can be pierre chaude from Lacoste, coffres and rehausses, faux-plafonds and vide-ordures, platrage and dallage, poutrelles and coins perdus, une belle mesong, etc* [11].

3. Особо автор фокусирует внимание читателя на «кулинарной сфере» воспринимаемой рассказчиком как особый вид искусства: *choucroute, Pastis, foie gras, beef en croute, digestifs, marc, aioli, bouillabaisse, cafe creme, tisane, Marsala, daube, an unexpected dish fantaisie du chef, tranches dorees, grosses legumes, haricots verts, tapenade hors d'oeuvres, tabouleh, galette, creme anglaise, steak pomme frites, tarte au citron, ecrevisses, estouffade, daybe, boules, croutons, rouille, crudites, charcuterie, banette, etc* [11].

4. а также на развлечениях, представленных, прежде всего, лексико-семантическим полем «Ресторан»: *Bocuse, Lambesc, Cotes du Luberon, Chez Michel, Cafe du Progres, Cafe Clerici, Auberge de la Loube, etc* [11].

5. лексико-семантическое поле «техника»: *cartegrise, the standard Citroen deux chevaux, le bob, camion, une bulldozer, un camion, etc* [11].

6. «традиции и устои повседневной жизни»: *Vendange, metayage, pensees, force majeure, droit d'implantation, les fiscs, prive, c'est pas mechant, pay au noir, boules, cochonnet, prix declare, affaire interessante, epicerie, boulangerie, Grande Course de Chevres, etc* [11].

Таким образом, осмысление образа Прованса в травелогах Питера Мейла способствует созданию мифологизированного образа юга Франции как «земного рая». «Прованс в его творчестве предстает как единый, целостный образ – единство культуры, философии, истории, быта, уклада жизни». И потому он так привлекателен и интересен для читателя [9].

Язык описываемой страны играет важную роль в формировании ее образа, живущего в памяти путешественника долгие годы. Травелоги Питера Мейла содержат значительное количество галлицизмов – заимствований и иноязычных вкраплений, придающих текстам особую образность и колорит. В ходе анализа используемых автором заимствований и их дистрибуции были представлены такие сферы употребления иноязычной лексики, как человек, архитектура и строительство, традиции, кулинария, и т.д. Поэтому травелогу как жанру присуща внутренняя полижанровость и вариативность, что делает его очень интересным для изучения и анализа.

Список использованных источников

1. Василенкова Л. Б. Заимствования в тексте травелога как средство создания образа итальянского мира / Л. Б. Василенкова // Филологические науки. Вопросы теории и практики. – Тамбов: Грамота. – 2020. – Том 13. Выпуск 6. – С. 127-133.
2. Кислова Л. С., Драчева С. О. Образ Индии в травелоге Марии Арбатовой «Дегустация Индии» // Филология и культура. *Philology and culture*. – 2016. – №3(45) – С.107-112.
3. Колбасин В. Н. Путешествие в праздник: парижский миф в травелогах Н. М. Карамзина и В. П. Некрасова // Травелоги: рецепция и интерпретация: Сборник статей / Сост., отв. ред. Э. Ф. Шафранская. – СПб.: Свое издательство. – 2016. – С.125-136.
4. Крысин Л. П. Иноязычные слова в современном русском языке. М.: Наука, 1968. – С.47.
5. Кучинская М. О. Использование наименее продуктивных переводческих трансформаций при переводе художественных текстов (на материале романа Э. Бронте «Грозовой перевал») / М. О. Кучинская, Н. В. Пасекова // Переводческий дискурс: междисциплинарный подход : Материалы V международной научно-практической конференции, Симферополь, 29–30 апреля 2021 г. – С. 161-164.
6. Лингвистический энциклопедический словарь / Под ред. В. И. Ярцева. – М.: Сов. энциклопедия, 1990. – 658 с.
7. Лукинова М. Ю. Об особенностях перевода жанра травелог (на материале произведений Питера Мейла) / М. Ю. Лукинова, Е. О. Юнак // Лингвокультурные пролегомены: мифология, фольклор, религия: Сборник научных трудов по материалам II научно-практического форума, Симферополь, 19 апреля 2017 г. – С. 183-190.
8. Мартынюк Е. Б. Травелог как взаимодействие личной истории автора и общекультурного контекста // Переводческий дискурс: междисциплинарный подход: материалы II международной научно-практической конференции, Симферополь, 26–28 апреля 2018 г. – С. 376-381.
9. Мартынюк Е. Б. Восприятие и осмысление Прованса в травелогах Питера Мейла // Переводческий дискурс: междисциплинарный подход: материалы III международной научно-практической конференции, Симферополь, 27–29 апреля 2019 г. – С. 222-228.
10. Пушкарева Ю. Е. Рецепция и осмысление итальянской природы в травелогах С. П. Шевырева // Вестник ТГПУ (TSPU Bulletin). – 2018. – №2 (191). – С.175–179.
11. Mayle Peter. *A year in Provence*. Penguin Books, 1999. 207 p.

УДК 821.111

**ЛИНГВОКУЛЬТУРНАЯ СПЕЦИФИКА ЗНАЧЕНИЙ ИМЕНИ
СОБСТВЕННОГО (НА МАТЕРИАЛЕ РУССКИХ ПЕРЕВОДОВ
СТИХОТВОРЕНИЯ «МАКАВИТИ» Т. С. ЭЛИОТА)*****К. М. Маршания,***

кандидат филологических наук, ассистент Центра иностранных языков и коммуникативных технологий, Институт социально-гуманитарных наук, Тюменский государственный университет, Тюмень

Аннотация. В настоящей работе сделана попытка рассмотреть механизмы эквивалентной передачи языковых единиц, в частности значений имени собственного, и выявить их языковые и культурные особенности. Исследование выполнено на материале текста стихотворения Т. С. Элиота «Macavity: The Mystery Cat», представленного в аннотированном издании Кристофера Рикса «Поэзия Т. С. Элиота» («The Poems of T.S. Eliot», второй том), и переводах данного текста на русский язык («Макавити – волшебный кот» С. Я. Маршака, «Никтовити, преступный кот» А. Я. Сергеева, «Макэвити – Таинственный кот» С. Г. Дубовицкой, «Макавити» В. П. Бетаки, «Макавити, таинственный кот» С. З. Сапожникова).

Ключевые слова. Элиот, кошки в литературе, перевод, фелиноним.

Summary. This paper considers the mechanisms of equivalent transmission of language units, in particular, the meanings of a proper name. It also identifies some linguistic and cultural features of these units. The study is based on the poem «Macavity: The Mystery Cat» by T. S. Eliot, presented in the annotated edition «The Poems of T.S. Eliot» by Christopher Ricks, and Russian translations of this poem by S. Ya. Marshak, A. Ya. Sergeev, S. G. Dubovitskaya, V. P. Betaki, and S. Z. Sapozhnikov.

Key words. Eliot, cats in literature, translation, felineonym.

Перевод художественного произведения, в особенности поэтического текста, представляет собой творческий и сложный процесс. В поэтических произведениях одинаково значимы как содержательное наполнение, так и формальные признаки (метр, ритм, рифма и рифмовка) и в отличие от прозаического текста их опущение не допустимо. При стихотворном переводе неизбежны разного рода замены и эквиваленты, а также привнесение материала, которого нет в подлиннике. Такого рода отступления обусловлены прежде всего лингвистическими факторами. Лозинский М. Л. в своей работе «Искусство стихотворного перевода» пишет: «Два языка всегда несоизмеримы. У них неодинаковое строение, несовпадающее семантическое содержание слов, неодинакова ассоциативная атмосфера, окружающая каждое из этих слов, они обладают неоднородной звуковой палитрой и неоднородными средствами выразительности» [3, с. 94].

Специфика передачи имени собственного при переводе художественного текста представляет собой отдельную проблему. Мнения

исследователей о необходимости перевода онимов расходятся. С одной стороны, считается, что перевода в ономастике не существует. С другой стороны, перевод имен собственных допускают, но с оговоркой на обязательное соблюдение требований эквивалентности: «Тем не менее традиционной среди практиков и теоретиков перевода остаётся позиция, предполагающая максимальное сохранение содержания или экспрессивного эффекта подлинника в переводе» [2].

На фоне этого, еще более сложной задачей для переводчиков представляется перевод зоонимов, особенно таких своеобразных и неординарных как фелинонимы (кошачьи имена) в поэтическом цикле Т. С. Элиота «Популярная наука о кошках, написанная Старым Опоссумом» («Old Possum's Book of Practical Cats», 1939). Цикл, состоящий из 15 стихотворений, появился в период повального увлечения англоязычными поэтами и писателями анималистикой и сразу снижал любовь читателей разного возраста. Имя собственное является модусом, задающим тон всему циклу о кошках. Заглавное стихотворение «Знать кошачьих имен» («The Naming of Cats»), как бы приоткрывает нам дверь в мир загадочных фелинонимов, где перед читателем предстает целая галерея мастерски написанных портретов представителей семейства кошачьих, обладающих «говорящими» именами.

Русскоязычные читатели получили возможность впервые познакомиться с «Популярной наукой о кошках» в 1959 году благодаря переводу отдельного стихотворения «Макавити – волшебный кот» («Macavity: The Mystery Cat») С. Я. Маршака. Этот перевод является самым ранним переводом цикла Элиота о кошках и это послужило причиной того, что в данной работе мы сконцентрировались на тексте именно этого стихотворения.

Стихотворение «Macavity: The Mystery Cat» было написано 8 декабря 1937 года и предназначалось Джеффри Тэнди, другу Т. С. Элиота. Оно повествует о коте-злодее и преступнике, с поимкой которого не справляется даже Скотланд Ярд: «Macavity's a Mystery Cat: he's called the Hidden Paw – / For he's the master criminal who can defy the Law. / He's the bafflement of Scotland Yard, the Flying Squad's despair: / For when they reach the scene of crime – Macavity's not there!» [9, с. 23].

Известно, что Элиот являлся поклонником творчества А. Конана Дойла и в этом стихотворении он целенаправленно использовал образ профессора Мориарти из рассказов о Шерлоке Холмсе: «And they say that all the Cats whose wicked deeds are widely known / (I might mention Mungojerrie, I might mention Griddlebone) / Are nothing more than agents for the Cat who all the time / Just controls their operations: the Napoleon of Crime!» [9, с. 24]. Прямым подтверждением этого является аллюзия Napoleon of Crime. А. Конан Дойл писал о Профессоре Мориарти: «Он Наполеон преступного мира, Уотсон» [9, с. 66].

Внешне Макавити и Мориарти тоже похожи: оба имеют высокий рост

и худое телосложение, оба рыжие с глубоко-посаженными глазами и выдающимся лбом. Рассмотрим, как Т. С. Элиот описывает кота: «Macavity's a ginger cat, he's very tall and thin; / You would know him if you saw him, for his eyes are sunken in. / His brow is deeply lined with thought, his head is highly doomed» [9, с. 23]. А вот как А. Конан Дойл изображает Профессора Мориарти: «His appearance was quite familiar to me. He is extremely tall and thin, his forehead domes out in a white curve, and his two eyes are deeply sunken in this head...» [9, с. 68]. Очевидное сходство двух этих героев позволяет читателю провести параллель между главным злодеем в рассказах о знаменитом детективе Шерлоке Холмсе и котом Макавити. Образ последнего на этом фоне становится еще более комичным, что реализует основной художественный замысел его создателя.

В оригинале стихотворения о коте Макавити представлен ряд фелинонимов: Macavity, Mystery Cat, Hidden Paw, Napoleon of Crime, а также Mungojerrie и Griddlebone. Русскоязычные авторы использовали различные способы перевода этих имен в своих работах. Наиболее популярным способом для перевода имени главного героя стихотворения является транслитерация, то есть буквенная имитация исходного слова. Этот способ задействован С. Я. Маршаком, В. П. Бетаки, С. З. Сапожниковым: Macavity – Макавити.

Переводчики также используют транскрипцию, стремясь как можно более точно передать звучание иноязычного слова, т.е. его национальную фонетическую форму, а не его написание. Этот способ использует С. Г. Дубовицкая: Macavity – Макэвити. В комментариях к своему переводу она замечает: «У этого кота не имя, а сразу фамилия – достаточно распространенная в Ирландии и Шотландии и по сию пору часто встречающаяся во всех телефонных справочниках. Ирландия, Шотландия – заранее ясно, что кот драчун, что он непокорный и своевольный» [6, с. 87].

Следующий способ – это калькирование, которое позволяет воспроизвести не звуковой, а комбинаторный состав слова или словосочетания. Это происходит, когда составные элементы слова (морфемы) или фразы (лексемы) передаются соответствующими элементами языка, на который переводится текст: Hidden Paw – Сокрытая Лапа (Сапожников); Napoleon of Crime – Бонапарт (Маршак). Наблюдается также частичное калькирование: Mystery Cat – преступный кот (Сергеев, Сапожников), Таинственный Макавити (Дубовицкая); Hidden Paw – Тихая Лапа (Дубовицкая). При переводе аллюзии Napoleon of Crime многие авторы использовали одно слово Наполеон, опустив при этом вторую часть словосочетания (Дубовицкая, Бетаки, Сергеев, Сапожников).

Создание неологизмов – это еще один яркий прием в арсенале переводчиков «Популярной науки о кошках». Данный прием актуален при создании нового онима в связи с отсутствием его словарного эквивалента в языке, на который переводится текст, или при желании переводчика выделить определенные характеристики персонажа: Macavity – Никтовити

(Сергеев); Hidden Paw - Тайный Коготь (Сергеев), Тайнолапый (Бетаки).

В последнем абзаце стихотворения, помимо имени главного героя, перед нами предстают еще два фелинонима: Mungojertie и Griddlebone. По мнению А. В. Ананьевой имя Mungojertie представляет собой «слово-склеюку»: «В английском языке существует глагол *mung* – портить, и существительное *mung* – гадость, используемое в американском сленге. *Jertie* обозначает отношение к мужскому роду и не имеет семантической нагрузки. Буквально имя можно перевести как Гадкий Джерри» [1, с. 6]. В русскоязычных переводах это имя представлено следующими вариантами: Разваляха (Дубовицкая), Уходжерри (Сергеев), Лохматина, (Сапожников). Бетаки использует для перевода этого фелинонима два имени: Ворчук или Задира. Что касается имени Griddlebone, то если рассматривать его в том же ракурсе что и предыдущее, то можно отметить, что слово *griddle* переводится на русский язык как существительное «сковородка с ручкой» или глагол «жарить на сковородке», а слово *bone* имеет значение «косточка», следовательно, дословный перевод «поджаренная косточка». Дубовицкая переводит данный фелиноним как Шкварка, в переводе Сапожникова это Пережарка, у Бетаки – Куроедди, а у Сергеева – это леди Грызотон. С. Я. Маршак и вовсе отказывается от перевода имен этих героев ссылаясь на них как на «множество других разбойников-котов» [8].

Таким образом, при переводе стихотворения «Макавити» все авторы постарались максимально точно отобразить лингвокультурологическую специфику имен собственных. Приближение к оригиналу достигалось различными способами, такими как транскрипция, транслитерация, калькирование, частичное калькирование и создание неологизмов. В каждом из русских переводов наблюдается тенденция к сохранению культурных «вкраплений» через подбор адекватных вариантов, отражающих традиции и стиль жителей Туманного Альбиона. Все это позволяет читателю сформировать в собственном сознании понятие об английской культурной традиции, в контексте которой он рассматривает сборник Т.С. Элиота «Популярная наука о кошках, написанная Старым Оппосумом».

Список использованных источников

1. Ананьева А. В. Особенности перевода авторских фелинонимов в сборнике Т. С. Элиота «Популярная наука о кошках, написанная старым Оппосумом» // Мировая литература в контексте культуры. Сборник статей по материалам Международной научной конференции (12 апреля 2008 г.) и Всероссийской студенческой научной конференции (19 апреля 2008 г.) Пермь: Пермский государственный университет, 2008, С. 5.

2. Заболотная С. А. Особенности передачи имён собственных при переводе русских художественных текстов на южнославянские и западнославянские языки [Электронный ресурс] – <https://www.dissercat.com/content/osobennosti-peredachi-imen-sobstvennykh-pri-perevode-russkikh-khudozhestvennykh-tekstov-na-y> (дата обращения

10.01.2023).

3. Лозинский М. Л. «Искусство стихотворного перевода. // Перевод – средство взаимного сближения народов. М.: Прогресс, 1987. – С. 91–106.

4. Элиот Т. С. Книга о кошках. В пер. В. Бетаки и англ. оригинале. М.: Захаров, 1999. – 80 с.

5. Элиот Т. С. Популярная наука о кошках, написанная Старым Опуссумом. // Элиот Т. С. Стихотворения и поэмы. В пер. В. Топорова, А. Сергеева, Ю. Рац. М.: АСТ, 2013. – 605 с.

6. Элиот Т. С. Практическое котоведение. // Пер. с англ. и коммент. С. Г. Дубовицкой. СПб.; М.: Летний сад, 2012. – 96 с.

7. Элиот Т. С. Кошачий справочник старого опуссума. // Пер. с англ. С. Сапожникова. СПб.: Изд-во Политехн. ун-та, 2005. – 66 с.

8. Eliot T. S. Macavity: The Mystery Cat. // Перевод С. Маршака [Электронный ресурс] <http://cats.lgb.ru/read/poetry1/eliot10.php> (дата обращения 10.01.2023).

9. Ricks Ch., McCue, J. The Poems of T. S. Eliot. Volume II. Practical Cats and Further Verses. London: Faber and Faber, 2015. – 667 p.

УДК 811,11

МЕДИЦИНСКИЙ ДИСКУРС С ТОЧКИ ЗРЕНИЯ ЛИНГВИСТИЧЕСКИХ ОСОБЕННОСТЕЙ И ТРУДНОСТЕЙ ПЕРЕВОДА

М. С. Медведева,

*кандидат филологических наук, доцент кафедры иностранных языков,
Ростовский юридический институт Министерства внутренних дел
Российской Федерации, Ростов-на-Дону*

Аннотация. В связи с произошедшими за последние десятилетия мировыми интеграционными процессами, все больше возрастает роль обмена знаниями и информацией в различных областях жизни общества. Одной из таких, ныне активно развивающихся отраслей, является медицина, соответственно возникает необходимость перевода текстов медицинской тематики с одного языка на другой. Данная статья посвящена медицинскому дискурсу с точки зрения его лингвистических особенностей и трудностей перевода.

Ключевые слова: перевод, медицинский дискурс, лингвистические особенности, научный текст, транслитерация, термин

Summary. Due to the global integration processes that have taken place over the past decades, the role of knowledge and information exchange in various areas of society is increasingly increasing. One of these, now actively developing industries, is medicine, accordingly, there is a need to translate medical texts from one language to another. This article is devoted to medical discourse in terms of its linguistic features and translation difficulties.

Key words: translation, medical discourse, linguistic features, scientific

text, transliteration, term

Перевод научных текстов относится к информативному переводу. Исходя из этого, главной целью перевода считается точная передача содержащейся в тексте оригинала информации во избежание недопонимания или искажения смысла. Если для художественного перевода характерна некоторая вольность, то при информативном переводе текстов научного содержания вольности сводятся к минимуму.

В данной статье нами были выделены лексические и грамматические особенности перевода научных текстов. К лексическим, в первую очередь стоит отнести перевод терминов. Д. В. Самойлов не считает, что распространившийся способ перевода медицинских терминов путем транслитерации является правильным и неизбежным. По его наблюдениям, многие переводчики употребляют такой способ перевода слова *screening* (скрининг). На самом деле, в русском языке есть достаточно слов, эквивалентных этому термину. В широком плане, можно перевести данный термин, как анализ, проба, выявление, в контекстуальном значении допустимы такие эквиваленты, как флюорография или токсикологическое исследование [5]. Сюда же можно отнести слово *pattern* (*pattern*) – особенность, конфигурация, характеристика биоэлектрической активности.

Типичной ошибкой, характерной для перевода медицинских текстов является транслитерация медицинских слов, например *pool* – нул, *pattern* – *паттерн*, *obsession* – *обсессия*. Такой перевод приводит к избыточности иноязычных, непонятных слов в тексте, затрудняет понимание истинного смысла высказывания, так как не вызывает понятийных ассоциаций у реципиента. Для достижения адекватности при переводе подобных слов необходимо быть хорошо осведомленным в области терминологии языка оригинала и перевода [4, с. 65]. В некоторых случаях допустимо опущение подобных слов в переводе, если они не несут важной смысловой нагрузки. Д. В. Самойлов приводит, как пример, опущение слова *pool*:

«*Total-body pool of vitamin C varies from 1.5 to 3 g. В норме общее содержание витамина С в организме составляет 1,5-3,0 г.*» [6].

Д. В. Самойлов выделяет ряд ошибок совершаемых при переводе текстов медицинской тематики и приводит основные причины их появления. Самой распространённой причиной переводческих ошибок в текстах медицинско-научной тематики он называет «ложных друзей переводчика». Некоторые примеры:

symptomatic hypertension – артериальная гипертония с клиническими проявлениями, но *symptomatic therapy* – симптоматическая терапия.

Foods high in purines (*sweetbreads, anchovies, sardines, liver, and kidney*) should be avoided – здесь *sweetbreads* не мучные сладости, а «сладкое мясо», зубная и поджелудочная железы [6].

В медицинских текстах встречается такое заслуживающее внимания явление языка, как эпонимы. Эпоним (в сфере медицины) – термин, обозначающий название болезни, симптома или метода лечения,

образованный от имени человека, впервые описавшего его. Для адекватного перевода эпонимов лучше обращаться к специализированным словарям: *Отек Квинке – Quincke's disease; Болезнь Паркинсона – Parkinson's disease; Болезнь Рейно – Raynaud's phenomenon.*

Особенность перевода медицинских терминов заключается в том, что некоторые из них являются реалиями. То есть они обозначают понятия, не присущие нашей стране, поэтому для них не были созданы словарные соответствия в русском языке. К таким терминам относятся, прежде всего, названия структурных подразделений медицинских работников, методики лечения, не имеющие аналогов. И. Л. Васильева рекомендует для таких случаев описательный перевод. Например: *«open hospital – больница, в которой врач не работает, но куда может направить своего пациента для лечения»* [1].

Медицинские тексты изобилуют многочисленными акронимами, которые можно поделить на две основные группы: общие и специально-авторские. Общие акронимы можно найти в словарях: *ESR (erythrocyte sedimentation rate) – СОЭ (скорость оседания эритроцитов); BUN (blood urea nitrogen) – азот мочевины крови.*

Авторские акронимы весьма сложны для понимания. Для их перевода необходимо внимательно вчитываться во все содержание текста и применять собственные сокращения, исходя из норм языка перевода. Иногда лучше использовать переводческий комментарий. Пример Генри Фишбаха: *SGCT (Serum glutamic-oxaloacetic transaminase) – СГОТ (сывороточная глутамат оксалоацетат трансминаза)* [6].

Особенность конкретно медицинской области научно-технических текстов заключается в не столь строгой систематизации терминов и понятий, и, как следствие, наличии полисемии.

По мнению И.Л. Васильевой, примером многозначности термина в рамках одной и той же медицинской сферы может служить слово «compliance»

1. изменение объема легких при колебаниях давления;
2. compliance of the heart – диастолическое расслабление желудочков сердца;
3. patient compliance – соблюдение больным режима и схемы лечения;
4. thoracic compliance – растяжимость грудной клетки [1].

При переводе научных текстов необходима работа со словарем и справочниками, так как даже, казалось бы, легкое для перевода слово может иметь совершенно иное значение. Пример, Генри Фишбаха: в немецком языке слово «Halsweh» может быть ошибочно интерпретировано как «боль в шее», но на самом деле это означает «болезненное горло» [6].

Изначально может показаться, что тексты медицинской тематики легки для перевода из-за обилия греческих и латинских слов-терминов, многие из которых являются интернационализмами. По мнению

И. Л. Васильевой, именно в этом пласте лексики образуются «ложные друзья переводчика» медицинской сферы, приводящие к ошибкам содержания и смысла: *«hemeralopia – дневная слепота, гемералопия – ночная (куриная) слепота»* [1].

Angina – стенокардия, грудная жаба в английском языке, *ангина* в русском языке – инфекционное заболевание, которое переводится на английский как *quinsy*. Оба термина заимствованы из латинского языка. Однако в латинском языке существовало два словосочетания: *angina pectoris* и *angina tonsillitis*. Русское «ангина» происходит от последнего, что значит «удушение от воспаления миндалин», а *angina* в английском языке – от лат. *angina pectoris* («удушение грудное»). В процессе развития языков добавочные элементы словосочетаний вышли из употребления, оставив только главное слово. Таким образом, появилась данная пара «ложных друзей переводчика».

Иногда даже простые предложения на английском языке могут быть неверно поняты переводчиком, ввиду аналитического строя этого языка. *«The drug has been found to be effective against acute otitis and hepatitis»* [6]. В данном случае стоит обратить внимание является ли острым только отит, либо и отит, и гепатит. При первом варианте прилагательное «острый» нужно употребить в единственном числе, в то время как во втором варианте – во множественном.

Еще одной особенностью является широкое употребление атрибутивных групп. В англоязычном тексте вероятнее встретить словосочетание *mechanically timed relay*, чем *relay which is mechanically timed*. Данная характерная особенность продиктована нормами английского языка. Обратив внимание на нее, переводчик будет способен достичь более адекватного перевода.

Весьма распространенными являются ошибки, связанные с неправильной трактовкой порядка слов и тема-рематических отношений. Порядок слов в английском языке обладает функцией эмфатизации наиболее логически важных частей предложения. При переводе необходимо осознавать какая именно информация является важной. Допускаются опущения менее важной информации, с целью подчеркивания основного смысла высказывания.

Пример, Д. В. Самойлова: *«When a patient's condition is listed as critical, the family should be informed by the physician to avoid misunderstanding»* [5]. Главная информация в этом предложении заключается, не в том, что врач должен предотвратить недопонимание. Главное слово – врач, так как именно он должен передать дурные вести, а не кто-либо другой.

При переводе узкоспециальных текстов, таких как тексты медицинской тематики, основной трудностью является не полная осведомленность переводчика в данной сфере. Поэтому, такая переводческая деятельность требует правильного сочетания лингвистических факторов и экстралингвистических знаний. Например,

Д. В. Самойлов считает, что, не имея общего представления о тромбоците, переводчику будет сложно перевести такое предложение: «*A platelet contains no definite nucleus*».

В этом примере возможен ошибочный перевод: «*У тромбоцита нет определенного ядра*», вместо применения опущения к слову *definite*: «*У тромбоцита нет ядра*» [5].

При переводе медицинского дискурса необходимо избегать неточностей, так как речь идет о здоровье человека. Перевод должен быть максимально точным, без поверхностного изложения фактов [2, с. 181]. В английских научных текстах существует особенность, отличающая их от русскоязычных текстов – это более частое использование фразеологических оборотов со стертой экспрессивностью, «мертвых» метафор, которые утратили эмоциональную окрашенность. В таком случае, единственным вариантом для перевода с английского на русский язык будет являться нейтрализация фразеологической единицы и замена на более подходящее для русского медицинского дискурса выражение:

a kiss of life – искусственная вентиляция легких
bottlenecks – трудности [3, с. 38]

или описательный перевод:

crow's feet – мелкие морщинки вокруг глаз [3, с. 38]

Подводя итог выше сказанному, хорошим переводом считается переписывание на иностранном языке идей, содержащихся в оригинальном тексте. Поэтому, переводчик должен быть также и хорошим писателем.

Переводчик медицинских текстов должен сочетать в себе три качества:

1. Обладание широкими знаниями по теме переводимого текста.
2. Способность понимать язык, который он переводит, настолько, чтобы не сомневаться в смысле авторского высказывания.
3. Умение передавать смысл прочитанного на другом языке в манере понятной и соответствующей нормам языка.

Список использованных источников

1. Васильева И.Л., Неруш А.В. Лексические особенности научного стиля языка медицины (на примере английского языка) [Электронный ресурс] – http://www.rusnauka.com/30_NNM_2010/Philologia/72760.doc.htm (дата обращения: 09.01.2023).
2. Дудникова Л.В., Шевченко М.С. О некоторых способах словообразования в медицинском (научном) дискурсе // Известия Воронежского государственного педагогического университета. 2021. – № 1 (290). – С. 180-183.
3. Красикова О.В. Нейтрализация стилистического фона как фактор перевода (на материале медицинских текстов) // Вестник МГЛУ. 2012. – № 650. – С. 36-39.
4. Медведева М.С. Особенности перевода медицинской терминологии // Гуманитарные и социальные науки. 2022. – № 3. – С. 63-68.

5. Самойлов Д.В. О переводе медицинского текста [Электронный ресурс] // Практика, 2011. – <http://www.practica.ru/Articles/medical.htm> (дата обращения: 09.01.2023).

6. Fischbach H. Problems of Medical Translation [Electronic Resource] – <http://www.ncbi.nlm.nih.gov/pmc/articles/PMC197861/pdf/mlab00192-0163.pdf> (дата обращения: 09.01.2023).

УДК 811.12

ОСОБЕННОСТИ ПЕРЕВОДА КВАЗИРЕАЛИЙ (НА МАТЕРИАЛЕ РОМАНА Э. К. КРИСПИН «ЗАПАДНЯ В РАЮ» И ПЕРЕВОДА НА РУССКИЙ ЯЗЫК Я. КЕЛЬТСКОГО И А. БУГРЕЕВОЙ)

В. А. Михнёнок¹⁷,

*обучающаяся магистратуры, кафедра теории и практики перевода,
Институт филологии, Крымский федеральный университет имени
В. И. Вернадского, Симферополь*

Аннотация. Данная статья посвящена особенностям перевода квазиреалий романа «Западня в раю» Энн Кэрол Криспин. Анализ производится на материале перевода романа, который был выполнен Я. Кельтским и А. Бугреевой. В статье описана разработанная классификация квазиреалий, созданная на основе классификации исследователей С. Влахового и С. Флориного. Статья включает способы передачи на русский язык квазиреалий. Также представлены выводы относительно того, какие приемы часто используются для перевода квазитопонимов и квазиэтнонимов в данном произведении.

Ключевые слова: квазиреалия; приемы перевода квазиреалий; классификация квазиреалий; «Западня в раю»; Энн Криспин.

Summary. This article is devoted to the peculiarities of the translation of quasi-realias of the novel «The Paradise Snare» by Ann Carol Crispin. The analysis is based on the material of the translation of the novel by Ya. Celtsky and A. Bugreeva. The article describes the developed classification of quasi-realias, created on the basis of the classification of researchers S. Vlahov and S. Florin. The article includes ways of transferring quasi-realias into Russian. Conclusions are also presented as to what techniques are often used to translate quasi-toponyms and quasi-ethnonyms in this work.

Key words: quasi-realia; ways of rendering quasi-realias; classification of quasi-realias; «The Paradise Snare»; Ann Crispin.

В современной литературе наличие вымышленных или искусственно созданных вселенных, в качестве структурного элемента художественного произведения, стало повсеместным. Этот структурный элемент имеет тенденцию перехода в кинематограф, компьютерные игры, фандомы и т.д. Теперь создание вселенных является одним из основных витков развития

¹⁷ Научный руководитель: д. филол. н., доцент М. В. Норев

литературы и киноискусства.

Наиболее известными примерами являются такие художественные вселенные, как «Гарри Поттер» Дж. К. Роулинг, «Хроники Нарнии» К. С. Льюиса, «Властелин колец» Дж. Р. Р. Толкина, вселенная «Звездных войн» и др. Поскольку такой вымышленный мир существует только в воображении автора и его читателей, значит в этом мире появляются собственные реалии, имеющие свою определенную специфику. В таких произведениях есть как реалии, существующие в нашем мире (так как автор конструирует вымышленный мир на основе своего языкового, культурного и личного опыта), так и придуманные языковые единицы, служащие для описания альтернативного мира, его природы, традиций, культуры, населения и т.д. Они представляют собой особую сложность для понимания, так как обладают следующими характеристиками: созданы искусственно, часто не имеют аналогов и иногда для их именованя даже разрабатываются вымышленные языки и наречия [8].

Согласно Л. Л. Нелюбину, «реалии – это слова или выражения, обозначающие предметы, понятия, ситуации, элементы культуры, этнонациональные особенности, обычаи, обряды, исторические факты или процессы, а также национальноспецифические особенности жизни и быта, не существующие в практическом опыте людей, говорящих на другом языке, и обычно не имеющие лексических эквивалентов в других языках» [5, с. 14]. Проанализировав данное определение, можно сказать, что оно также может применяться к более узкому понятию квазиреалий, которое зачастую выделяется как один из видов реалий. Единственным отличием считается черта, не влияющая на сущность понятия: реалия, являющаяся квазиреалией, применяется не к реальному миру, а к вымышленному миру, придуманном писателем. Отсюда следует, что основная функция квазиреалий – наименование объектов и явлений такого мира для достижения большей реалистичности и детализации образов.

Исходя из тематического принципа классификации С. Влахова и С. Флорина [1], при анализе романа Э. К. Криспин «Западня в раю» можно выделить следующие группы квазиреалий:

1. Квазитопонимы (названия объектов физической географии, населенных пунктов и объектов внутри них);
2. Квазиэтнонимы (названия разумных рас, существующих в этом мире);
3. Квазиантропонимы (собственные имена существ, населяющих данный мир. Элемент «anthropos» («человек») в названии группы условен, т.к. люди – лишь одна из разумных рас.);
4. Квазисущества (наименования различных существ: животных, паразитов, насекомых);
5. Квазиорганизации (наименования различных объединений жителей);
6. Квазизвания (указывают на социальный, профессиональный и иное

общественное звание и статус субъекта)

7. Квазисобытия (именование событий, произошедших за описанную в романе историю мира);

8. Квазитехнологии (наименования для обозначения названий различных технологий, оружия и транспорта);

9. Квазиматериалы (названия материалов, сплавов и других веществ в данном мире);

10. Квазиязыки (названия языков народностей данного мира);

11. Квазиреалии, обозначающие продукты питания (названия для еды и напитков, свойственных вымышленному миру);

12. Квазипредметы (наименования вымышленных предметов, так или иначе присутствующих в тексте исследуемого произведения).

Реалии и, соответственно, квазиреалии при переводе представляют особую трудность, поскольку не имеют эквивалентов в языке перевода. Проблема перевода квазиреалий решается переводчиками разными путями, в зависимости от намеченной ими стратегии. Основными способами перевода квазиреалий можно считать:

- калькирование или полукалька (передача морфемного состава лексической единицы);
- транскрипция и транслитерация (воспроизведение звуковой и графической формы слова);
- аналог (подбор ближайшего по семантике слова языка перевода);
- переводческий неологизм (создание переводчиком эквивалента при помощи переводческих трансформаций) [2, с. 148-150].

В данной статье рассмотрены способы перевода некоторых квазитопонимов (34 единицы) и квазиэтнонимов (18 единиц) в романе Э. К. Криспин «Западня в раю», переведённом Я. Кельтским на русский язык.

Для таких квазитопонимов, как Aar, Alderaan system, Carida, Corell, Alderaan, Corellia, Coronet City, Tralus, Coruscant, Hoth, Kessel, Togoria, Ylesia, Aldera, Sevarcos II, Nar Hekka, Nar Shaddaa, Ord Mantell, Varl, Alzoc III, Ryloth (Twi'lek Prime), Y'Toub system, Tatooine, Jubilar переводчик Кельтский использует транскрипцию в комбинации с транслитерацией: Аар, Система Альдераан, Карида, Корелл, Альдераан, Кореллия, Коронет-сити, Тралус, Корускант, Хот, Кессель, Тогория, Илезия, Альдера, Севаркос II, Нар-Хекка, Нар-Шаддаа, Орд-Мантелл, Варл, Альзок III, Рилот (Тви'лек-Прайм), Система Й'Туб, Татуин, Джубилар. Данные приёмы используются, так как эти квазиреалии означают либо планеты, либо созвездия и дополнительных сведений для понимания читателем фантастического мира не требуется. Частыми элементами транслитерации являются: передача удвоенных согласных (например, Nar Hekka – Нар-Хекка, Corell – Корелл, хотя в произношении они не отличимы от одинарных); передача буквы г после гласных как р, хотя она или не читается вообще, или звучит

ослабленно (Jubila – Джубилар). В чистом виде ни транскрипцию, ни транслитерацию к передаче англоязычных квазитопонимов на русский язык переводчик не применял.

Калькирование Кельтский использует при передаче таких квазиреалий, как Monument Plaza (Monument Park), University of Alderaan, Bothan Space (Bothan sector): Площадь Монументов (Парк Монументов), Университет Алдераана, Пространство ботанов (Ботанский сектор). Для такой квазиреалии, как Coruscant underworld, переводчик решил воспользоваться конкретизацией Нижние уровни Корусканта, а не просто оставить кальку «подземный мир».

Для передачи квазитопонима Nal Hutta потребовалась сначала комбинация транскрипции с транслитерацией – Нал-Хатта. Затем, так как в самом произведении даётся перевод с хаттского языка (один из квазизыков в данном произведении), используется калькирование: Glorious Jewel – Великолепное сокровище. Также в дальнейшем опять будет использоваться транскрипция с элементами транслитерации для передачи данного квазитопонима в связи с указанием его ранее известного названия: Evocar – Эвокар.

Для передачи квазиэтнимов (Berrites, Gamorreans, Togorian, Twi'leks, Ranat, Bith, Drell, Duros (Durosians), Elomin, Hutt, Whaladon, Whiphid, Corellian, Rodian, Devaronian, Sullustian) самой распространённой комбинацией является калькирование с транскрипцией или транслитерацией: Берриты, Гаморреанцы, Тогорианцы, Тви'леки, Ранаты, Биты, Дриллы, Дуросы (дуросиане), Эломины, Хатты, Уаладоны, Вифиды, Кореллианцы, Родиянцы, Деваронцы, Салластанцы. Для передачи названий разумных рас в данном мире происходит калькирование с помощью русских аффиксов: суффикс –ц (Gamorreans – Гаморреанцы, Togorian – Тогорианцы); окончания (Elomin – Эломины, Ranat – Ранаты).

Кельтский использует при передаче таких квазиэтнимов, как Aar'aa и T'landa Til комбинацию транскрипции с транслитерацией: Аар'аа и Т'ланда Тиль.

В итоге можно сказать, что основными способами перевода при передаче квазитопонимов и квазиэтнимов в романе Э. К. Кристин «Западня в раю» являются транслитерация, транскрипция, калькирование.

Отличие реалии от квазиреалии заключается в том, что квазиреалии являются вымышленными и не существуют ни в одной культуре, поэтому в какой-то мере являются универсальным понятием, которое можно ввести в фантастический мир. Так как квазиреалии еще плохо изучены, переводчику необходимо было учитывать для передачи авторской картины мира смысловое содержание целого романа, а не одного фрагмента, в котором встречается та или иная квазиреалия.

Список использованных источников

1. Влахов С. И. Непереводимое в переводе / С. И. Влахов, С. П. Флорин. – М.: Международные отношения, 1980. – 342 с.

2. Комиссаров В. Н. Теория перевода (лингвистические аспекты): учеб. для ин-тов и фак. иностр. яз / В. Н. Комиссаров. – М.: Высш. шк., 1990. – 253 с.
3. Кристин Э. К. Трилогия о Хане Соло / Пер. с англ. Я. Кельтский, А. Бугреева, Е. Чеховская, М. Чубарова. – М.: Азбука-Аттикус, 2016. – 928 с.
4. Кучинская М. О. Использование наименее продуктивных переводческих трансформаций при переводе художественных текстов (на материале романа Э. Бронте «Грозовой перевал») / М. О. Кучинская, Н. В. Пасекова // Переводческий дискурс: междисциплинарный подход: Материалы V международной научно-практической конференции, Симферополь, 29–30 апреля 2021 г. – С. 161-164.
5. Нелюбин Л. Л. Толковый переводоведческий словарь / Л. Л. Нелюбин. – М.: Флинта, 2009. – 320 с.
6. Норец М. В., Малугина В. А. Использование переводческих приемов при передаче реалий романа И. Ильфа и Е. Петрова «Двенадцать стульев» на украинский и английский языки / М. В. Норец, В. А. Малугина // Аллея науки. – 2017. – Т. 2. – № 9. – С. 22-27.
7. Пасекова Н. В. Проблема перевода культурных реалий на материале романа Т. Капоте "Завтрак у Тиффани" / Н. В. Пасекова, М. А. Каретникова // Проблемы современной науки и образования. – 2016. – № 31(73). – С. 73-76.
8. Тимошенко Т. М. О передаче реалий при переводе произведений жанра «фэнтези» / Т. М. Тимошенко, В. Ю. Переверзев // Вестник харьковского университета. – 1991. – № 352.
9. Crispin A. C. The Paradise Snare: Star Wars Legends (The Han Solo Trilogy) / A. C. Crispin. – Bantam Doubleday Dell Publishing Group Inc, 1998. – 320 p.

УДК 81.42

**ОСОБЕННОСТИ ТРАНСЛЯЦИИ ОБРАЗНЫХ СРЕДСТВ ПРИ
ПЕРЕВОДЕ НА РУССКИЙ ЯЗЫК СТИХОТВОРЕНИЯ
СИЛЬВИИ ПЛАТ «МЕДУЗА»**

Я. Мохаммади¹⁸,

*обучающийся аспирантуры, кафедра теории и практики перевода,
Гуманитарный институт, Северо-Кавказский федеральный университет,
Ставрополь*

Аннотация. Статья посвящена исследованию специфики поэтического мира Сильвии Плат, одной из самых ярких представительниц исповедальной поэзии. Акцент сделан на сохранении прагматики образных средств, на способах адекватного перевода метафорических выражений в

¹⁸ Рецензия на статью: д. филол. н., профессор С. В. Серебрякова

стихотворении «Медуза». Автором статьи проведен лингвопереводческий анализ оригинала, выявлены критерии успешной трансляции образных средств в русскоязычной версии перевода.

Ключевые слова: поэтический перевод, образные средства, Сильвия Плат, метафора, адекватный перевод, переводческие трансформации.

Summary. The article is concerned with the study of the specifics of the Sylvia Plath's poetic worldview, who is one of the brightest representatives of confessional poetry. We focused on preserving the pragmatics of figurative means, on ways to adequately translate metaphorical expressions in the poem «Medusa». The author of the article conducted a linguo-translational analysis of the source text, identified criteria for successful translation of figurative means in the Russian version of the translation.

Key words: poetic translation, figurative means, Sylvia Plath, metaphor, appropriate translation, translation transformations.

Едва ли можно представить речь или текст без употребления в них стилистически окрашенных слов и выражений; образные средства используются чаще всего в художественных текстах, публицистике, они также характерны для разговорного стиля, их можно встретить даже в научных текстах. Л. А. Введенская определяет образные средства как «слова и выражения, употреблённые не в обычном прямом значении, а в переносном смысле. В основе тропа лежит сопоставление явлений, сходных по каким-либо признакам или каким-либо образом связанных между собой» [1, с. 234]. При переводе поэтических произведений на другой язык часто возникают проблемы с адекватной передачей авторских образов с точки зрения воспроизведения как концептуального содержания, так и характера образных средств и символических ассоциаций, иными словами, «семантической эмерджентности имплицитных смыслов, ..., особых коммуникативных обертонов, отсутствующих у отдельных конституирующих ее пропозиций» [2, с. 48]. Обязательным является при этом адекватный перевод образных средств и стилистических принципов в их текстовом взаимодействии, формирующих концептуальное содержание произведения. На сегодняшний день проблема трансляции образных средств на другие языки, сохранения их прагматики вызывает неиссякаемый интерес лингвистов, литературоведов и, конечно, теоретиков перевода. Палитра образных средств достаточно широка и многообразна, экспрессивность повествования обеспечивают такие средства, как метафора, метонимия, синекдоха, а также эпитет, гиперболы, перифраза и мн. др.

Чтобы воссоздать прагматику образной единицы, необходимо определить авторский посыл, ее смысловое наполнение, а также семантическую структуру. Лингвистическое переводоведение постулирует сохранение заданного количества и эстетического качества образной информации исходного текста в его переводной версии. Анализ образной информации целесообразно проводить на лингвистическом уровне,

определяя и сравнивая количество и содержание образной информации, которую автор вкладывает в художественное слово.

Особый интерес представляет в этом плане поэтический перевод, являющийся объектом данного исследования. Материалом для анализа послужил перевод поэтического текста Сильвии Плат «Медуза» («Medusa»), выполненный на русский язык Яном Пробштейном. Данное стихотворение является показательным для изучения того, как работает С. Плат над созданием своих образов. Укладывая в строгие рамки поэзии несколько запутанных автобиографических эпизодов, автор предлагает откровенное понимание того, что ее беспокоит. С. Плат использует паронимию по имени своей матери «Аурелии», которая обозначает один из видов медузы. «Образ стихотворения многоуровневый – Медуза переходит от 1. медузы к 2. Горгоне и к 3. лунной музе над искусством, задуманным как скульптурная форма» [6, с. 97-115]. С помощью этих метаморфоз она исследует некоторые жизненно важные аспекты своей личности, на которые, по ее словам, повлияла ее мать, включая физические, эмоциональные, а также эстетические. Можно сделать вывод, что на С. Плат оказал влияние постоянный пристальный взгляд ее матери, еще раз напомнивший нам о мифической фигуре Медузы, которая могла превращать мужчин в камень одним взглядом.

Важно отметить, что С. Плат использует аллитерацию в качестве основного орнаментального приема. Первые пять строф содержат по две строки, начинающиеся с одной и той же буквы – «E» в первой, «R» во второй, «D» в третьей и так далее. Однако в переводе Я. Пробштейна такая метрика не сохраняется, он, по всей видимости, стремился в первую очередь произвести адекватное воссоздание образов, а не сохранить форму.

Акцент на чувствах и личных эмоциях пронизывает все стихотворение. Не случайно мать С. Плат состоит из рта, ушей и глаз, а другие части тела появляются в стихотворении позже.

Off that landspit of stony mouth-plugs,

(От этого плевка суши каменных кляпов)

Eyes rolled by white sticks,

(Глаза отброшены белыми палками,)

Ears cupping the sea's incoherences,

(Чаши ушей вбирают несуразности моря,)

You house your unnerving head-God-ball,

(Здесь обитает твоя жуткая голова – Божий шар,)

Lens of mercies

(Линза милости)

Данные строки пронизаны метафорическими смыслами, в них вплетена морская тематика. Переводчик Я. Пробштейн прибегает к смысловому развитию: *От этого плевка суши каменных кляпов*, – предполагая, что Медуза обладает способностью подавлять говорящего и препятствовать его речи. В третьей строке проведена сложная манипуляция

со словом *ears*, которая в переводе звучит как *чаши ушей*, что можно определить как переводческую конкретизацию. Данный прием использовался с опорой на глагольную номинацию *sirring*, восходящую к существительному *sir* (*чаши*). Метафорическое выражение *unnerving head* дословно переводится как *нервирующая голова*, но переводчик использовал другой вариант *жуткая голова*, осуществив смысловое развитие, что на наш взгляд является отсылкой к мифическому существу, Медузе-Горгоне, которая, как и Аурулия вызывает кошмарные чувства у поэтессы.

И хотя на первый взгляд приведенные выше номинации частей тела не кажутся метафоричными, однако в контексте они наделены двойным смыслом, который продуманно транслируются переводчиком с помощью адекватных преобразований. Так, например, концепция слепоты привносит необычную динамику власти. Проклятие Медузы вращается вокруг ее способности видеть – если она слепа, то она беззащитна. Но в равной степени, похоже, что слепота Медузы к потребностям Плат подавляет ее, доминирует над нею, тем самым приобретая новый стиль власти, хотя и непреднамеренно. Изменение роли и власти между Медузой, Плат и их окружением создает интригующий конфликт и меняющуюся зависимость.

Dragging their Jesus hair.

(Влача космы волос, как у Иисуса.)

Did I escape, I wonder?

(Интересно, спаслась ли я?)

My mind winds to you

(Мой ум влечется к тебе,)

Old barnacled umbilicus, Atlantic cable,

(Древняя пуповина в ракушках, атлантический кабель,)

Keeping itself, it seems, in a state of miraculous repair.

(Который чудесным образом восстанавливает сам себя.)

Первая строка с помощью описательного перевода представлена следующим образом: *Влача космы волос, как у Иисуса*. На картинах, изображающих Христа на кресте, часто изображены его волосы, растрепанные из-за причиненного ему насилия, поэтому на языке перевода используются сочетание *космы волос*, вызывающее ассоциации со змеями, растущими из головы Медузы. Эпитет *Atlantic cable* (*атлантический кабель*) с помощью кальки вполне оправдано вплетен в контекст стихотворения, где С. Плат, возможно надеется, что либо этот кабель можно разрушить, либо маленькая часть ее тянется к своей матери, радуясь этой прочной связи: *Который чудесным образом восстанавливает сам себя*. В данной строке были осуществлены такие переводческие преобразования, как опущение (снято не настолько важное сомнение) и перестановка, которая звучит при трансформации привычнее для реципиента.

Ghastly Vatican.

(В жутком Ватикане.)

I am sick to death of hot salt.

(*Сыта по горло раскалённой солью.*)

Green as eunuchs, your wishes

(*Зелёные евнухи, твои желанья,*)

Hiss at my sins.

(*Шипят на грехи мои.*)

Off, off, eely tentacle!

(*Прочь, прочь, щупальце змеи!*)

Фраза *sick to death* является идиоматическим выражением, которое переводится как *смертельно уставать*; в русском языке имеется подобный фразеологизм, который использован переводчиком стихотворения: *сыта по горло*, что *определенно* соответствует следующему далее словосочетанию – *от раскаленной соли*. Семантически неправильно будет сказать, *смертельно устал от раскаленной соли*, поэтому, прибегнув к адекватной замене, Я. Пробштейн, на наш взгляд, выбрал наиболее удачный вариант передачи данного оборота. Несомненно, трудно интерпретировать метафорический эпитет *hot* в сочетании *hot salt*. С одной стороны, это может быть отсылкой к горю и боли, поскольку слезы одновременно и горячие, и соленые, и в данном случае был бы уместен перевод *горячей соли*. Данный оборот можно считать также отсылкой к фразеологизму *соль земли*, которое вызывает противоречие, так как характеризует человека возвышенно. Отметим, что предыдущая строка отсылает нас к Ватикану, к библейским мотивам, поэтому, возможно, и выражение *соль земли*, пришедшее из Евангелия, не случайно введено в контекст стихотворения. Можно полагать, что в данном контексте, прибегнув к модуляции, переводчик использовал эпитет *раскаленной соли*, чтобы подчеркнуть накаленные отношения между дочерью и матерью, хотя С. Плат и признает ее как человека порядочного.

В следующей строке было выполнено опущение, где сравнение *зеленые как евнухи* трансформировано в *зеленых евнухов*, что, на наш взгляд не меняет смысла, ведь метафорическое выражение, усиленное олицетворением, *Зелёные евнухи, твои желанья, шипят на грехи мои* наводит на мысль, что «грех дочери заключался в том, чтобы достичь полной сексуальности; желание матери защитить ее, поддерживать тесные узы – это на самом деле желание сохранить ее навсегда зависимой, чтобы задушить ее жизнь» [4, с. 10]. В следующей строке переводчик выполнил замену слова *угри* (*eely*) на номинацию *змеи*, ведь в предыдущей строке использовалось слово *шипят* (*желания*) подобно змее, что кажется логичным, и опять же может отсылать читателя к мифической Медузе-Горгоне, что является в данном случае адекватной заменой.

Образные средства представляют собой изобразительные средства языка, которые используются в переносном значении для усиления выразительности и авторской экспрессии. Поэзия С. Плат отличается многообразием таких средств, и поэтому она вызывает сложности в понимании не только на языке перевода, но и для англоязычного читателя. Для того чтобы выполнить адекватный перевод поэтического текста,

необходимо определить не только смысловую структуру, но и концептуально-образную информацию. Как отмечает С. В. Серебрякова, «в коммуникативно-адекватном переводе необходимо сохранение семантической эмерджентности на уровне содержательно-концептуальной информации и подтекста» [2, с. 48-49]. Используемые в русскоязычной версии трансформации (смысловое развитие, описательный перевод, конкретизация, адекватный перевод, калькирование) позволяют сохранить в целевом тексте экспрессивный и коммуникативно-прагматический потенциал образных средств, передающих индивидуально-авторское мироощущение. При этом во внимание должны быть приняты экстралингвистические факторы: национальные обычаи и привычки, биографические детали поэтессы, мифологические и библейские отсылки, сексуальный и психологический контекст. Сложность перевода данной лексики также заключается в том, чтобы найти такие аналоги, которые были бы семантически и стилистически соотнесены с единицами в оригинале, при этом они должны быть понятны реципиентам принимающей лингвокультуры.

Список использованных источников

1. Введенская Л. А., Павлова Л. Г. Деловая риторика: учеб. пособие. Ростов-на-Дону: Издательский центр «МарТ», 2000. – 510 с.
2. Серебрякова С. В. Семантическая эмерджентность как переводческая проблема / С. В. Серебрякова, А. И. Милостивая // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 2. Языкознание. – 2017. – Т. 16, № 3. – С. 48–57.
3. Пробштейн Я. Медуза [Электронный ресурс] // Стихотворения из книги «АРИЭЛЬ». – <https://www.netslova.ru/plath/stihi.html>. (дата обращения 06.12.2022)
4. Dickie M. Sylvia Plath's Narrative Strategies [Electronic Resource] // The Iowa Review. 1982. – Mode of access: URL: <https://www.jstor.org/stable/20155847>. (дата обращения 14.11.2022).
5. Plath S. The Collected Poems / [Electronic Resource] // Harper & Row. 1981. – 351 p. – Mode of access: URL: <https://dokumen.tips/download/link/sylvia-plath-the-collected-poems>. (дата обращения 06.12.2022)
6. Quinn S. B. Medusan imagery in Sylvia Plath [Electronic Resource] // Johns Hopkins University Press. 2019. – Mode of access: URL: <https://muse.jhu.edu/book/71831>. (дата обращения 18.01.2023).

УДК 371.12:811

О НЕКОТОРЫХ АСПЕКТАХ ИСПОЛЬЗОВАНИЯ ПУБЛИЦИСТИЧЕСКИХ ТЕКСТОВ ПРИ ОБУЧЕНИИ ИНОСТРАННОМУ ЯЗЫКУ

Г. А. Назарова,

старший преподаватель Военной академии Республики Беларусь, Минск

Аннотация. Статья посвящена дидактическому ресурсу текстов публицистического стиля при обучении иностранным языкам. Публицистика – часть социокультурной среды обучающихся, что делает ее достаточно легким ресурсом в процессе обучения. Тексты публицистического стиля выполняют различные функции в процессе обучения иностранному языку: от социальных до образовательных. Использование публицистических текстов способствуют формированию коммуникативной компетенции обучающихся.

Ключевые слова: тексты публицистического стиля, обучение иностранному языку, социокультурная среда, подстилевые жанры.

Summary. The article is devoted to the didactic resource of publicist style texts in teaching foreign languages. A journalistic article is a part of the sociocultural environment of students, which makes it a fairly easy resource in the learning process. Publicist style texts perform various functions in the process of teaching a foreign language: from social to educational. The use of publicistic texts contributes to the formation of students' communicative competence.

Key words: texts of publicist style, teaching a foreign language, socio-cultural environment, under stylistic genres.

Средства массовой информации предлагают большое количество аутентичных документов, которые могут быть использованы не только в обучении на родных языках, но и в преподавании и изучении иностранных языков. Тексты публицистического стиля могут использоваться на различных этапах обучения, как продвинутых, так и начинающих, поскольку сложность заключается не столько в документе, сколько в разработке упражнений на базе текстов данного стиля. В любом случае, публицистика – это часть социокультурной среды обучающихся, ее достаточно легко использовать в процессе обучения.

Следует отметить, что тексты публицистического стиля выполняют две основные социальные функции: общепринятая и признанная: информирование; другая, менее очевидная и менее признанная: изменение мнений реципиентов и формирование общественного сознания.

Очевидно, что при преподавании и изучении иностранного языка крайне важно выбрать ресурс, который точно отражает различные языковые тенденции и который облегчает знакомство с культурой, что, в свою очередь, приведет к повышению самооценки обучающихся. В этом смысле использование текстов публицистического стиля на занятиях по иностранному языку способствует правильному подходу обучающегося к языковой реальности, связанной с культурой, которую он изучает, и с

которой ему приходится жить. Анализируемый ресурс (публицистические тексты) хорош тем, что отражает культуру целевого (изучаемого) языка достаточно достоверным образом, без учета неизбежных субъективностей, следовательно, достигаются достаточно удовлетворительные уровни эмпатии. Тексты публицистического стиля отражают сложную лингвистическую реальность, в то же время, вовлекая читателя в знакомство с языком как с гетерогенным набором подсистем различного характера. Язык публицистических текстов находится на полпути между тем, что в просторечии выражает обыватель, и тем, что обычно встречается в культурном языковом разнообразии. В некотором роде язык публицистических текстов – это язык реальной жизни.

Существует убеждение о том, что привнесение реальности в процесс изучения иностранного языка является мотивирующим фактором для обучающихся. Прямо или косвенно процесс обучения предполагает, что обучающиеся будут проводить собственные мини-исследования и научатся формировать собственное мнение посредством изучения публицистики.

Для достижения данных целей преподаватели обычно используют два пути: обучают чтению на иностранном языке как таковому, а также чтению публицистических текстов, в частности. Тексты публицистического стиля, являясь одним из самых доступных ресурсов, помогают таким образом при обучении иностранным языкам.

Использование публицистики на занятиях по иностранному языку помимо обучающих позволяет решать ряд сопутствующих задач:

- 1) Идеологическая. Тексты данного стиля развивают критическое мышление, приучают к чтению средств массовой информации, формируют твердую гражданскую позицию и способность выражать свое мнение.
- 2) Социальная. Образованные слои общества позитивно оценивают чтение средств массовой информации, так как это позволяет отделять правду от лжи и постоянно быть в курсе экономических и политических событий [3, с.3–4].

Отдельно хотелось бы остановиться на тех задачах, которые тексты публицистического стиля решают в процессе преподавания иностранных языков. В процессе преподавания публицистика представляет собой, с одной стороны, текст, на основе которого ведется преподавание, а с другой стороны, является определенным предлогом для процесса обучения. Это происходит из-за большого количества подстилевых жанров, которые представляет собой публицистика: новости, хроники, репортажи, авторские колонки, рекламные объявления, а также и из-за разнообразия контекстуальных, паратекстуальных и межтекстуальных отношений, которые данный тип текстов собой представляет.

Использование публицистических текстов оправдано с точки зрения лингводидактики родного или иностранного языков в качестве носителей с большой информационной нагрузкой и многогранностью для работы по межкультурному взаимодействию [3, с.4].

Публицистические тексты представляют собой неисчерпаемый источник реальных «языковых» произведений, разнообразных в зависимости от преследуемой коммуникативной цели. Они имеют ценность как подлинные документы, так как изначально они не создаются непосредственно для процесса обучения. Очевидно, что их использование в области преподавания и изучения языков преследует одну общую цель: служить образцом языка, а также исследовательским материалом для обучения в различных ситуациях общения.

С методологической точки зрения решение использовать тот или подстиль публицистических текстов неизбежно связано с целями преподавания и изучения устного или письменного языка, а также с развитием навыков понимания или выражения.

Основными причинами, по которым обычно рекомендуется использовать тексты публицистического стиля в качестве исходных документов в процессе обучения, являются мотивация и развитие критического мышления. При выборе коммуникативного подхода к преподаванию и изучению иностранных языков публицистика предлагает тексты, характеристики которых легко применять по следующим причинам:

1) Существуют короткие и полные тексты, такие как: события, краткие новости, рекламные тексты. Работа с такими оригинальными текстами, а не с текстами из учебников, может позволить разработать стратегии глобального понимания.

2) Новостные статьи снабжены вступлением, в котором резюмируется основное, и, следовательно, с одним и тем же текстом можно работать на разных уровнях сложности.

3) Публицистические тексты, которые воспринимаются как цельный элемент, могут быть использованы для разработки стратегий рефлексивного и самостоятельного обучения. Так, например, работа с одним новостным событием может дать подсказки для ознакомления с другими событиями. Если предпочтение отдается интерактивному чтению, то при работе с данными текстами обучающийся со временем понимает, что нет необходимости переводить каждое слово, чтобы работать и извлекать полезную информацию из самого текста.

Таким образом, при работе с публицистикой как таковой следует учитывать разнообразие жанров (репортаж, новости, редакционная статья и т.д.) и их взаимосвязь с типами текста, чтобы составлять рабочие модели, адаптированные к потребностям обучающихся и соответствующие характерным особенностям самих текстов.

Кратко остановимся на том, какие задания можно использовать при работе с текстами публицистического стиля в процессе обучения иностранному языку.

Следует отметить, что количество и качество упражнений на основе данных текстов могут быть чрезвычайно разнообразными, все зависит от желания преподавателя и реакции обучающихся на данные виды заданий.

Для рассмотрения были выбраны следующие подстилевые разновидности текстов публицистического стиля:

а) событийные статьи – это очень короткие тексты, в которых кратко (с максимальной концентрацией) рассказывается о событии. Сама структура облегчает понимание; в заголовке или в первом абзаце говорится основное (что, кто, кому, где, когда, как, почему), что впоследствии может быть расширено в процессе обучения иностранному языку;

б) новостные анонсы на первой странице, которые имеют сходную характеристику краткости и раскрытия сути.

Какие же упражнения можно использовать на основе предложенных выше публицистических подстилей? Как правило, самые распространенные виды упражнений связаны с различными видами чтения. Так, при работе с новостными анонсами на первой странице следует адаптировать тип чтения к потребностям чтения. Необходимо разработать стратегии избирательного чтения. Речь идет о том, чтобы обучающиеся не всегда использовали один и тот же тип чтения, а адаптировали его к потребностям, связанным с заданием [3, с.6–9].

Примерные варианты заданий:

- прочитать несколько новостных анонсов и соотнести номера фрагментов с кратким содержанием в одну фразу;

- назвать номер фрагмента с анонсом, который хотелось бы прочитать подробнее, чтобы изучить тему более детально, аргументировать свой выбор;

- во второй части текста назвать ту информацию, которая была использована в анонсе;

- при чтении выделить цветом те моменты, которые могут стать дополнительной информацией для новостного анонса;

- найти статьи на схожую тему и изучить их структуру.

Варианты заданий для работы с событийными статьями:

- прочитать заголовки и определить ключевое слово, аргументировать свой выбор;

- найти в тексте информацию, подтверждающую основные идеи, согласно заголовку;

- прочитать текст и выделить ответы на основные вопросы (что, где, когда, причина и т.д.);

- выбрать события из статьи в хронологическом порядке [1, с.53–54], [2, с.43–44].

Делая выводы, хотелось бы отметить, что в современном мире при изучении иностранных языков читательская компетенция является одной из самых нужных, и интеграция оригинальных текстов публицистического стиля в образовательный процесс представляется чрезвычайно важной и необходимой. Преподаватели, которые органично включают такие тексты в образовательный процесс, способствуют формированию коммуникативной компетенции обучающихся, не говоря уже о возможности быть

осведомленными о событиях в мире.

Помимо вышесказанного, публицистические тексты способствуют формированию и развитию лексических и грамматических навыков.

Формирование стратегий обучения при использовании текстов публицистического стиля позволяет эффективно достигать цели иноязычного чтения, а также повышать уровень сформированности умений и навыков.

Список использованных источников

1. Морозова Н. Н. Методика работы с текстами при изучении иностранного языка для профессиональных целей // [Электронный ресурс] Выпускная квалификационная работа (магистерская диссертация) – <http://elar.uspu.ru/bitstream/uspu/12990/2/2019morozovann.pdf> (дата обращения: 27.01.2023).

2. Свинцова О. В. Формирование стратегий чтения на материале газетных текстов на уроке иностранного языка // [Электронный ресурс] Выпускная квалификационная работа – <http://https://core.ac.uk/download/pdf/162319874.pdf> (дата обращения: 27.01.2023).

3. Serra R.; Villanueva, M. Luisa La prensa en la enseñanza y el aprendizaje de la lengua francesa [Electronic Resource] // Comunicar, núm. 9, octubre, 1997 – Mode of access: URL: <https://www.redalyc.org/pdf/158/15800926.pdf>. (дата обращения: 21.01.2023).

УДК 81`25

СПЕЦИФИКА ПЕРЕВОДА ТЕКСТОВ ПОЛИТИЧЕСКОГО ДИСКУРСА

*И. Н. Николаева*¹⁹,

*обучающаяся магистратуры, кафедра теории и практики перевода,
Гуманитарный институт, Северо-Кавказский федеральный университет,
Ставрополь*

Аннотация. В статье рассматриваются содержательно-понятийные и прагматические характеристики политического дискурса. С опорой на теоретический анализ делаются выводы об основных приемах, применяемых при осуществлении перевода текстов, принадлежащих к политическому дискурсу.

Ключевые слова: политический дискурс, политическая лингвистика, политический текст, перевод, переводческий прием, переводческая трансформация.

Summary. The article considers the content-conceptual and the pragmatic characteristics of political discourse. The conclusions about the general methods that are applied while implementing translation of the texts referring to the

¹⁹ Рецензия на статью: к. филол. наук, доцент Т. В. Марченко

political discourse are made on the basis of theoretical analysis.

Key words: political discourse, political linguistics, political text, translation, method of translation, translation transformation.

Актуальность данной работы обусловлена тем, что в настоящее время политическая лингвистика считается одним из самых перспективных направлений лингвистической науки. На это указывает повышенная заинтересованность ученых в исследовании указанной области.

Прежде всего, необходимо рассмотреть понятие «политический дискурс». Для того чтобы всецело раскрыть сущность изучаемого понятия, следует по отдельности рассмотреть два компонента, составляющих данный термин – «дискурс» и «политика». Несмотря на высокую степень изученности, «дискурс» не получил единой трактовки. Сложность определения указанного термина вызвана его универсальностью, проявляющейся в использовании понятия целым рядом наук, таких как лингвистика, антропология, литературоведение, этнография, социология, социолингвистика, философия, психолингвистика, когнитивная психология и некоторыми другими. Соответственно, рассматриваемое понятие приобрело многозначный характер. Полисемичность термина «дискурс» зафиксирована в «Кратком словаре терминов лингвистики текста» Т. М. Николаевой: «Дискурс – многозначный термин лингвистики текста, употребляемый рядом авторов в значениях, почти омонимичных. Важнейшие из них: 1) связный текст; 2) устно-разговорная форма текста; 3) диалог; 4) группа высказываний, связанных между собой по смыслу; 5) речевое произведение как данность – письменная или устная» [7, с. 32]. Важно отметить, что современная лингвистика рассматривает «дискурс» как широкое понятие, под которым следует подразумевать не только текст, но и такие его составляющие как социальный контекст коммуникации, процессы продуцирования и восприятия речи с учетом фоновых знаний.

«Политика – это специфическая сфера человеческой деятельности, в которой проявляются отличия интересов социальных групп, нации, классов, ядром которых является проблема завоевания, удержания и использования государственной власти» [4, с. 118].

Соответственно, политический дискурс представляет собой процесс продуцирования и восприятия информации, связанной с защитой интересов определенного класса, происходящей с использованием аппарата власти. Политический дискурс по существу является выражением всего комплекса взаимоотношений между человеком и обществом, и, таким образом, это явление по сути своей функционально направлено на формирование у реципиентов некоторого фрагмента мировосприятия или картины мира [1, с. 17]. Таким образом, тексты политического дискурса призваны оказать влияние на своих реципиентов и впоследствии сформировать у них определенную точку зрения или видение.

Перейдем к рассмотрению характеристик политического дискурса. В данном вопросе мы руководствовались положениями, описанными

лингвистом А. П. Чудиновым [8, с. 55-58]. Итак, политический дискурс отличается следующими особенностями: эзотеричность, ритуальность, институциональность, редукционизм, экспрессивность, диалогичность.

Выделенные характеристики текстов политического дискурса можно перефразировать соответственно: обобщенность, шаблонность, официальность, субъективность, эмоциональность, а также нацеленность на реципиента, предполагающая «интенциональную природу использования» языковых средств [3, с. 68]. Исследователи отмечают сращение политического дискурса с другими видами, например, дискурсом масс-медиа, высокий коммуникативно-прагматический потенциал которого «служит реализации основных целей политического дискурса, а именно убеждению и мобилизации» [2, с. 214].

При осуществлении перевода политических текстов данные особенности учитываются, ведь именно они отражают специфику политического дискурса, а значит, влияют на методы или подходы, которые применяет переводчик в процессе работы.

При переводе иноязычного текста политического содержания первостепенно помнить о том, что он изобилует терминологией, клишированными конструкциями, различными типами аббревиаций. Следовательно, переводчику очень важно четко и ясно передать на родной язык смысловую составляющую данных лексических единиц. Тем не менее, политические тексты зачастую содержат лексику, не имеющую аналога в переводящем языке. В лингвистической науке подобные языковые средства принято называть реалиями. Реалии означают слова и словосочетания, которые называют предметы, объекты, явления, характерные для быта, культуры, общественного и исторического развития одного народа. Реалии малознакомы либо чужды другому народу, так как они выражают национальный или временной колорит, который не имеет точных соответствий в другом языке [6, с. 166]. Реалии являются разновидностью безэквивалентной лексики. Трудности, возникающие при переводе подобных единиц языка, вызывают необходимость в применении особых переводческих приемов. Так, В. С. Виноградов предлагает следующие способы перевода реалий:

- 1) транскрипция и транслитерация;
- 2) гиперонимический перевод;
- 3) уподобление;
- 4) перифрастический (описательный, дескриптивный, экспликативный) перевод;
- 5) калькирование [5, с. 262].

Как правило, **транслитерация и транскрипция** рассматриваются вместе, так как оба способа основываются на воспроизведении состава иноязычного слова в переводящем языке. Тем не менее, тип воспроизведения, осуществляемый в рамках указанных способов, – различен. При транслитерации передается буквенный состав переводимого

слова средствами переводящего языка. При транскрибировании передается звуковая форма переводимого слова буквами переводящего языка. Данные способы чаще всего используются при переводе имен собственных, а также названий компаний, газет, журналов.

Гиперонимический перевод представляет собой замену видового понятия родовым. То есть иноязычная лексема передается посредством некоторой языковой единицы, имеющей более широкое значение, чем первоначальное.

При **уподоблении** реалия переводится таким образом, чтобы обозначаемое ей понятие находилось в отношении соподчинения со словом из переводящего языка.

Описательный перевод представляет собой развернутое объяснение переводимого слова, что позволяет минимизировать непонимание со стороны реципиента.

Калькирование предполагает точное воспроизведение морфологической составляющей иноязычной лексемы средствами переводящего языка. Таким образом, в случае использования данного приема иностранное слово передается на родной язык буквально.

Таким образом, политический дискурс – это процесс кодирования и декодирования информации политического содержания. Тексты, относящиеся к политическому дискурсу, сфокусированы не только на передаче когнитивной информации, но и на пропагандировании определенной точки зрения, выгодной конкретному политическому деятелю. Политические тексты характеризуются обобщенностью, шаблонностью, официальностью, субъективностью и осуществлением диалога с реципиентом. Говоря о переводческих приемах, применяемых в отношении текстов политического дискурса, следует отметить, что основной проблемой, возникающей в процессе работы с указанным типом текста, является наличие в нем безэквивалентной лексики. Соответственно, используется ряд переводческих приемов, призванных не допустить возникновения у читателей трудностей восприятия. К основным переводческим способам относятся транскрипция, транслитерация, гиперонимический перевод, уподобление, описательный перевод, калькирование.

Список использованных источников

1. Архипкин Д. В. Политический дискурс как объект лингвистического исследования // Актуальные вопросы филологической науки XXI века. – Екатеринбург: Уральский федеральный университет имени первого Президента России Б. Н. Ельцина, 2013. – С. 15–18.
2. Марченко Т. В. Лингвопрагматические особенности становления и функционирования прецедентного феномена в англоязычном политическом дискурсе // Гуманитарные и юридические исследования. – 2018. – № 2. – С. 213–219.
3. Марченко Т. В. Манипулятивный потенциал интертекстуальности

в дискурсе масс-медиа // Филологические науки. Вопросы теории и практики. – Тамбов: Грамота, 2008. – № 1. Ч. 2. – С. 66-68.

4. Мильгунов А. И. Понятие, сущность политики и ее характерные черты // Наука молодых – будущее России. – Курск: Юго-Западный государственный университет, 2020. – С. 115-121.

5. Пашковская Н. Д., Сукроева Н. С. О специфике перевода общественно-политических текстов // Историческая и социально-образовательная мысль. – 2015. – № 5-1. – С. 261-263.

6. Турсунов Ф. М. Реалии – специфическая составляющая безэквивалентной лексики // Ученые записки Худжанского государственного университета им. академика Б. Гафурова. Серия гуманитарно-общественных наук. – 2015. – № 2 (43). – С. 162-167.

7. Хурматуллин А. К. Понятие дискурса в современной лингвистике // Ученые записки Казанского государственного университета. Серия: гуманитарные науки. – 2009. – № 6. – С. 31-37.

8. Чудинов А. П. Дискурсивные характеристики политической коммуникации // Политическая лингвистика. – 2012. – № 2 (40). – С. 53-59.

УДК 81.22

КОНЦЕПТ «ΞΕΝΟΣ» В МЕЖКУЛЬТУРНОЙ КОММУНИКАЦИИ

Н. В. Новоспаская,

кандидат филологических наук, доцент кафедры русского и общего языкознания, Филологический факультет, Российский университет дружбы народов, Москва

Н. Каратаракис,

обучающийся магистратуры, кафедра общего и русского языкознания, Филологический факультет, Российский университет дружбы народов, Москва

Р. М. Пипераки,

обучающийся магистратуры, кафедра русского языка, Институт русского языка, Российский университет дружбы народов, Москва

Аннотация. В работе рассматриваются особенности перевода многозначного слова «*ξένος*» с греческого на русский язык, сочетаемость и оттенки значения русских лексических единиц, выражающие данное значение, а также их функционирование в межкультурной коммуникации. Цель данной статьи: провести компонентный анализ лексической единицы «*ξένος*», показать реализацию ее значений в разговорной и письменной речи в греческом языке, а также на примерах нескольких слов в русском языке, которые являются эквивалентами ее сем, оценить возможность взаимозамены с целью предотвращения коммуникативной неудачи.

Ключевые слова: ксенос, иностранный, чужой, посторонний, незнакомый, зарубежный, заграничный.

Summary. This research study examines the features of the polysemantic

word "ξένος" from Greek to Russian, the compatibility and connotations of the Russian lexical units expressing the given meaning, as well as their function in intercultural communication. The purpose of this article: to conduct a component analysis of the lexical unit "ξένος", to show the realization of its meanings in spoken and written speech in Greek, and by examples of several words in Russian that are equivalents of its semes, to evaluate the possibility of interchangeability in order to prevent communication failures.

Key words: ksenos, foreign, alien, stranger, abroad, extraneous, outsider.

α. Πρόλογος

Στην Αρχαιότητα η λέξη ξένος ("ксенос") ήταν ιερή· ο ίδιος ο Ζευς είχε το προσωνύμιο Ξένιος, δηλ. φιλόξενος, προστάτης των δικαιωμάτων της φιλοξενίας. Η προέλευση της λέξης είναι μυκηναϊκή και εντοπίζεται και σε άλλες διαλέκτους όπως την ιωνική «ξένιος» [4]. Πολλές αναφορές για τη λέξη αυτή εντοπίζονται σε αρχαία ελληνικά έργα και μάλιστα παράγωγες αυτής όπως «ξένια» ή «ξείνια» (στην Ιωνική διάλεκτο): «ξείνιά τ' εὖ παρέθηκεν, ἅ τε ξείνιος θέμις ἐστίν» [7] και είχαν τη σημασία των δώρων που προσέφερε ο ιδιοκτήτης στον φιλοξενούμενο ως ένδειξη της φιλικής τους σχέσης. Έτσι ξένος ονομαζόταν ο φιλοξενούμενος και ξενοδόχος αυτός που παρείχε φιλοξενία.

Με το πέρασμα του χρόνου παρατηρείται η σημασία της λέξης να αλλάζει. Στόχος του παρόντος άρθρου είναι να αναδείξει τις δυσκολίες της μετάφρασης της λέξης ξένος στη ρωσική γλώσσα και την ιδιομορφία της χρήσης της στη διαπολιτισμική επικοινωνία.

β. Η μετάφραση της λέξης ξένος στην ελληνική και ρωσική γλώσσα

Η λέξη ξένος, -η, -ο είναι επίθετο, που μπορεί να χρησιμοποιηθεί και σε θέση ουσιαστικού²⁰, και διαθέτει τις ακόλουθες σημασίες: «1. που δεν είναι δικός μου, που δε μου ανήκει. 2α. που δεν είναι πολίτης της χώρας στην οποία βρίσκεται. 2β. που κατάγεται ή που προέρχεται από άλλη χώρα 3α. που δε μου είναι οικείος, που μου είναι άγνωστος ή που δεν έχει σχέση μ' εμένα 3α1. για κάποιον που δεν τον γνωρίζω, που μου είναι άγνωστος 3α2. που είναι άσχετος, που δεν έχει σχέση με κάτι ή με κάποιον 3β. που δεν ανήκει στην κοινωνική ομάδα, στην οικογένεια κτλ. για την οποία γίνεται λόγος» [6].

Στον ορισμό έχουμε παραθέσει τις σημασίες της λέξης ξένος και θα προσπαθήσουμε να τις ταξινομήσουμε ανάλογα με τη μετάφραση τους στη ρωσική γλώσσα μέσα από διάφορα παραδείγματα. Είναι γνωστό, ότι στη ρωσική γλώσσα η έννοια αυτής της λέξης γίνεται κατανοητή μέσα από τη χρήση διαφόρων λέξεων ή εκφράσεων που διαφοροποιούνται ως προς τη συμβατότητα τους και το σημασιολογικό φορτίο που φέρουν.

Σημασία επί του ορισμού	Γλώσσα - πηγή (ελληνική)	Γλώσσα- στόχος (ρωσική)	Λέξη\ έκφραση
που δεν είναι δικός μου, που δεν μου ανήκει	Μην αγίζετε ξένα πράγματα.	«Не прикасайтесь к чужим вещам.	Чужой - 1. Αυτός που δεν είναι δικός μου 2. Δεν είναι συγγενής, είναι ξένος. 3. Απόμακρος στις απόψεις [3].

²⁰ Ξένος-η-ο - χρησιμοποιείται και σε θέση ουσιαστικού, π.χ. «Αυτός παντρεύτηκε μια ξένη».

που δεν είναι πολίτης της χώρας στην οποία βρίσκεται	Έφυγε για τα ξένα ²¹ .	Он уехал в зарубежные страны.	Зарубежный - Αυτός που βρίσκεται στο εξωτερικό [Ожегов С.И.].
που κατάγεται ή που προέρχεται από άλλη χώρα	Ξένες γλώσσες.	Иностранные языки.	Иностранный - 1. Αυτός που ανήκει, σε άλλη χώρα. 2. Αυτός που συνδέεται με την εξωτερική πολιτική [2].
που κατάγεται ή που προέρχεται από άλλη χώρα	Ξένα ήθη και έθιμα.	Обычай и нравы разных стран.	Разные страны - Διάφορες χώρες [2].
που δεν τον γνωρίζω, που μου είναι άγνωστος	Μία ξένη γυναίκα με πλησίασε και μου μίλησε.	Ко мне подошла незнакомая женщина и заговорила со мной.	Незнакомый - Άγνωστος σε κάποιον, αυτός που δεν ανήκει στους γνωστούς [3].
που είναι άσχετος, που δεν έχει σχέση με κάτι ή με κάποιον	Εγώ είμαι ξένος με αυτή την υπόθεση.	Я не имею отношения к этому делу.	Не имею отношения к делу - Δεν έχω σχέση / είμαι άσχετος με την υπόθεση [2].
που δεν ανήκει στην κοινωνική ομάδα, στην οικογένεια κτλ. για την οποία γίνεται λόγος	Αμέσως ένωσε την παρουσία ενός ξένου .	Он сразу почувствовал присутствие постороннего человека.	Постороний - 1. Αυτός που δεν ανήκει σε κάποια κοινωνική ομάδα (οικογένεια, ομάδα). 2. Αυτός που δεν έχει άμεση σχέση [2].
που δεν είναι πολίτης της χώρας στην οποία βρίσκεται	Οι ξένοι εργατές της Γερμανίας.	Иностранные рабочие в Германии.	Иностранный - 1. Αυτός που ανήκει, σε άλλη χώρα. 2. Αυτός που συνδέεται με την εξωτερική πολιτική [2].

πίνακας 1.

Στον παραπάνω πίνακα έχουμε χρησιμοποιήσει παραδείγματα από το λεξικό του Τριανταφυλλίδη Μ. για να ανακαλύψουμε ποιες λέξεις κατά τη μετάφραση προσεγγίζουν την έννοια **ξένος** στη ρωσική γλώσσα. Ως αποτέλεσμα αυτού, προκύπτουν οι λέξεις **иностранний, чужой, посторонний, зарубежный, незнакомый** ενώ σε μερικές περιπτώσεις δεν αρκεί μια λέξη για να περιγράψει τη δοθείσα έννοια. Η ακριβής μετάφραση της πρότασης «*Обычай и нравы разных стран*» είναι «*Ηθη και έθιμα διάφορων χωρών*», η οποία είναι επίσης αποδεκτή και χρησιμοποιείται ανάλογα με το γλωσσικό πλαίσιο και τη δήλωση της. Όμως θα ήταν λάθος να μεταφράζαμε αυτολεξεί στη ρωσική την πρόταση «*Ξένα ήθη και έθιμα*» ως «*Иностранные обычай и нравы*», καθώς στη συγκεκριμένη φράση δεν προβλέπεται η χρήση της λέξης **ξένος**, ενώ προτιμάται μια πιο περιγραφική μετάφραση λόγω λεξιλογικής συμβατότητας.

Σε μια άλλη περίπτωση, παρατηρούμε πως μεταφράζεται η πρόταση «*εγώ είμαι ξένος με αυτή την υπόθεση*» στη ρωσική, όπου η έννοια της λέξης «**ξένος**» λειτουργεί με τη σημασία «*άσχετος*», για αυτό το λόγο και η μετάφραση μας

²¹ Τα ξένα - (η ξενιτιά) χρησιμοποιείται σε αυτή την περίπτωση ως ουσιαστικό.

περιορίζεται στην έκφραση «Я не имею отношения к этому делу - Я не относящийся к этому делу» και όχι στη λέξη «άγνωστος - незнакомый» (καθώς δε μας νοιάζει αν γνωρίζουμε το θέμα αλλά πόσο σχετικοί είμαστε με αυτό) ή σε μια και μόνο λέξη. Προβλήματα στη μετάφραση παρουσιάζονται επίσης με το επίθετο «**иностранный**», το οποίο σε πολλές περιπτώσεις αντικαθίσταται από τα επίθετα **зарубежный** και **заграничный**.

Στη ρωσική, μεταξύ των επιθέτων «**иностранный, зарубежный, заграничный**» βασικό ρόλο έχει η συμβατότητα της λέξης και όχι τόσο το σημασιολογικό φορτίο της λέξης, για παράδειγμα: «заграничный паспорт και όχι зарубежный паспорт, иностранный язык και όχι зарубежный язык, заграничные поездки και όχι иностранные поездки» [2]. Παρόλα αυτά θα ήταν αφελές να πούμε ότι η σημασία τους έρχεται δεύτερη, καθώς μπορούμε να χρησιμοποιήσουμε κάποια άλλη λέξη παρά της σωστής συμβατής, ανάλογα με το νόημα που θέλουμε να εκφέρομε, δηλαδή, «иностранный паспорт» αν το διαβατήριο συνδέεται με διαφορετική χώρα από τη δική μας, αντί του σωστού «заграничный паспорт» όπου το διαβατήριο συνδέεται με το εξωτερικό.

Ιδιαίτερο ενδιαφέρον στην απόδοση της μετάφρασης της λέξης **ξένος** παρουσιάζει η σύγχυση με τη λέξη «εξωτερικός-η-ο». Στη ρωσική η λέξη **ξένος** εκφράζεται κυρίως με τα επίθετα **заграничный** και **зарубежный** και παράλληλα η έκφραση «στο εξωτερικό» εκφράζεται με τις λέξεις «**за рубежом**» και «**за границей**». Βέβαια, κατά τη μετάφραση της λέξης «**зарубежный**» στην ελληνική δεν χρησιμοποιούνται οι όροι «εξωτερικός τύπος», «εξωτερική λογοτεχνία» ή «εξωτερικές ταινίες» καθώς το επίθετο «**εξωτερικός**» κυρίως συμπίπτει με το ρωσικό επίθετο «**внешний**». Η σωστή λέξη για τον προσδιορισμό των παραπάνω παραδειγμάτων είναι η λέξη «**ξένος**», π.χ. «ξένος τύπος», «ξένη λογοτεχνία», «ξένες ταινίες», ίσως και η χρήση της γενικής πτώσης της λέξης «εξωτερικό<εξωτερικού>» να είναι αποδεκτή, όποτε και αν το επιτρέπει το γλωσσικό πλαίσιο και περίσταση, π.χ. «ο τύπος του εξωτερικού». Προς επιρρόσιν των παραπάνω επισημαίνουμε πως η μετάφραση από την ελληνική στη ρωσική της επίσημης ονομασίας του κυβερνητικού οργανισμού «**Υπουργείο Εξωτερικών**» αποδίδεται ως «**Министерство иностранных дел**» και όχι ως «**Υπουργείο ξένων θεμάτων**».

Κλείνοντας αυτό το κεφάλαιο, αξίζει να σχολιαστεί η μετάφραση στα ελληνικά των λέξεων «**чужой**» και «**посторонний**». Η πρώτη δοθείσα λέξη μεταφράζεται επίσης στην ελληνική ως «**εξωγήινος**», δείχνοντας έτσι τον υπέρτατο βαθμό έκφρασης της λέξης **ξένος** ως προς τη σημασία του αγνώστου, για παράδειγμα «**чужая культура**»: αυτή που μου είναι εντελώς άγνωστη. Όσον αφορά το επίθετο «**посторонний**», η χρήση του απαιτεί προσεκτική μελέτη στη πρόταση που βρίσκεται, καθώς μπορεί να μεταφραστεί ως «άγνωστος, άκυρος (με μεταφορική σημασία), ή και τυχαίος» παρά **ξένος**: «**Главное, что никто посторонний не вмешивался в их гармоничные отношения**», μεταφράζεται δε «**Το σημαντικό είναι να μη παρεμβαίνει κανένας άγνωστος, τυχαίος, άκυρος στις αρμονικές τους σχέσεις**».

γ. Η χρήση του **ξένου** στη διαπολιτισμική επικοινωνία

Όπως προαναφέραμε, η λέξη *ξένος* έχει ιδιαίτερα σημασιολογικό φορτίο το οποίο μεταφράζεται διαφορετικά σε κάθε απαιτούμενη περίπτωση. Στη σύγχρονη ελληνική κοινωνία η λέξη αυτή έχει αποκτήσει έναν αρνητικό τόνο ως προς τη σημασία της, για αυτό το λόγο προτείνεται η χρήση πιο συγκεκριμένων λέξεων-ονομασιών σχετικά με τον τόπο ή χώρα αυτού που καλούμαστε να προσδιορίσουμε. Το παραπάνω σχόλιο στρέφει την προσοχή μας στον άνθρωπο σε ρόλο προσδιοριζόμενου ως «*ξένος*», το οποίο μάλιστα, ως προς την γραμματική του θεώρηση είναι ουσιαστικό (ουσιαστικοποιημένο επίθετο) στο παράδειγμα μας. Αν και στη ρωσική λέμε «*иностранный студент, иностранец*», στο προφορικό λόγο, στην ελληνική, θα πούμε «φοιτητές από άλλες χώρες» (αν και το ξένοι φοιτητές είναι αποδεκτό) ή αν γνωρίζουμε από που είναι ακριβώς την ονομασία της χώρας τους: «*Γάλλοι, Γερμανοί φοιτητές ή απλά Γάλλοι ή Γερμανοί*». Ο χαρακτηρισμός κάποιου ως *ξένος* μπορεί να οδηγήσει σε σύγκρουση, παρεξήγηση ακόμα και σε μη κατανόηση του ελικοινωνιακού πλαισίου, εξαιτίας της πολυσημίας της ίδιας της λέξης.

Η γυναίκα μου είναι ξένη.	Моя жена - иностранка.
Εγώ και η γυναίκα μου ζούμε σαν ξένοι.	Я с женой живём как будто мы незнакомцы.
Με ξένες γυναίκες δεν μιλάω.	С чужими женами не разговариваю.

πίνακας 2.

Λόγω των κοινωνικό-οικονομικών αλλαγών στο σύγχρονο κόσμο, έχουν παρατηρηθεί τα τελευταία χρόνια αυξημένες μεταναστευτικές ροές στην Ελλάδα. Έτσι, αρχίζει να συσχετίζεται με τις λέξεις «νεοφερμένος», «μετανάστης» και «πρόσφυγας». Η προσέγγιση του ξένου, σύμφωνα με την *Margaret Mary Wood*, μοιάζει με την κατάσταση κάποιου, που εισέρχεται για πρώτη φορά σε μια κοινωνική ομάδα και ενώ βρίσκεται μέσα σε αυτή, δεν αποτελεί μέρος της. Επιπλέον δεν αποκλείεται η περίπτωση του να ήρθε για να φύγει [5]. Η έννοια λοιπόν του ξένου, αποκτάει αρνητική χροιά. Δεν χρησιμοποιείται πλέον με την παλαιά έννοια του όρου «φίλος», «φιλοξενούμενος», αλλά γίνεται λόγος για κάποιον που δεν γνωρίζουμε, κάποιον απρόβλεπτο που τον αντιμετωπίζουμε με επιφύλαξη, καθώς δεν είναι μέλος της εκάστοτε κοινωνικής ομάδας.

Σε αυτό το σημείο δεν μπορούμε να παραλείψουμε τη χρήση της λέξης «*αλλοδαπός*» αντί για *ξένος*. Αλλοδαπός ορίζεται: «1.αυτός που δεν είναι υπήκοος της χώρας στην οποία βρίσκεται 2.που ανήκει σε αλλοδαπό ή που προέρχεται από το εξωτερικό» [6].

Ο όρος αλλοδαπός χρησιμοποιείται κυρίως για να προσδιορίσει τον άνθρωπο και σπανιότερα αντικείμενα, π.χ.: «αλλοδαπή εταιρία». Επιπρόσθετα, εμφανίζεται σε επίσημα έγγραφα και σε ονομασίες κρατικών υπηρεσιών, π.χ. «Τμήμα αλλοδαπών και Μεταναστών» και όχι «Τμήμα ξένων». Η αιτιολόγηση αυτής της επιλογής έγκειται στο γεγονός ότι ο ξένος λαμβάνει τη σημασία «του άγνωστου» και όχι «αυτού που κατοικεί σε άλλη χώρα». Το ίδιο θα μπορούσε να

ισχύει και στην περίπτωση του «*αλλοεθνή*²²» και «*αλλογενή*²³».

Στον προφορικό λόγο η ίδια η λέξη χρησιμοποιείται με σκοπό να δοθεί έμφαση στην καταγωγή του ανθρώπου με αρνητική χροιά, ο οποίος προέρχεται κατά κύριο λόγο από αναπτυσσόμενες χώρες ή από χαμηλότερο οικονομικό-κοινωνικό στρώμα, π.χ.: «*ξένοι επιχειρηματίες*» και όχι «*αλλοδαποί επιχειρηματίες*». Μάλιστα δεν είναι λίγες οι φορές που στα Μέσα Μαζικής Ενημέρωσης γίνεται λόγος για «αλλοδαπούς εγκληματίες» αν και στα κρατικά έγγραφα (και κατ' επέκταση στον γραπτό λόγο) αποτελεί επίσημο όρο.

δ. Συμπεράσματα

1. Η λέξη *ξένος* όσον αφορά τον άνθρωπο ως προσδιοριζόμενο, δεν χρησιμοποιείται στο ίδιο εύρος όπως η λέξη «*иностранный*» για να δείξει τη σημασία «αυτός που είναι από άλλη περιοχή ή χώρα». Στην ελληνική και κυρίως στον προφορικό λόγο, προτιμώνται πιο συγκεκριμένοι τύποι με εκφορά της γενικής πτώσης ή της ακριβής ονομασίας της χώρα, π.χ. «*Ξένοι φοιτητές*» αλλά «*φοιτητές από άλλες χώρες*». Η χρήση της δοθείσας λέξης δημιουργεί προβλήματα στην διαπολιτισμική επικοινωνία, καθώς μπορεί να οδηγήσει σε σύγκρουση, παρεξήγηση ή και μη κατανόηση του επικοινωνιακού πλαισίου, εξαιτίας της πολυσημίας της ίδιας της λέξης.

2. Η λέξη *ξένος* με το πέρασμα του χρόνου έχει αλλάξει χροιά. Παρόλα αυτά, για να μελετήσουμε και να ερευνήσουμε ποια χροιά αποκτά σε κάθε περίπτωση πρέπει να την αναδειξουμε στο πραγματολογικό επίπεδο της γλώσσας.

3. Εστιάζοντας στο παράδειγμα της λέξης *ξένος*, μπορούμε να συμπεράνουμε πως οι λέξεις στην ελληνική είναι περισσότερο σημασιολογικά φορτισμένες από ότι στη ρωσική.

Список использованных источников

1. Корпус греческого языка [электронный ресурс] – режим доступа: http://web-corpora.net/GreekCorpus/search/?interface_language=ru. (дата обращения 31.01.2023).

2. Ожегов С. И. Словарь русского языка. М.: Русский язык, 1982.

3. Ушаков Д. Н. Толковый словарь Ушакова [Электронный ресурс] – Режим доступа: <https://ushakovdictionary.ru/> (дата обращения: 30.01.2023).

4. Μπαμπινιώτης Γ. Ετυμολογικό λεξικό της νέας ελληνικής γλώσσας. Κέντρο λεξικολογίας Ε.Π.Ε.: Αθήνα, 2010.

5. Όρφανός Π. Ο ξένος και η αποξένωση. Η κοινωνιολογία του ξένου και το προσφυγικό ζήτημα // Πρακτικά 5ου Πανελληνίου Συνέδριου Κοινωνιολογικής Εταιρείας (ΕΚΕ) «Η ελληνική κοινωνία στο σταυροδρόμι της κρίσης - έξι χρόνια μετά». Αθήνα, 2016.

6. Τριανταφυλλίδης Μ. Λεξικό της κοινής νεοελληνικής [ηλεκτρονικός πηγή] // 1998. – Διαθέσιμο στην ηλεκτρονική πηγή: <https://www.greek-language.gr/greekLang/index.html> (πρόσβαση: 30.01.2023).

²² (για πρόσ.) που ανήκει σε διαφορετικό έθνος, σε σχέση με κτ. άλλον. ANT ομοεθνής. || (συνθθ. ως ουσ.) ο αλλοεθνής.

²³ που ανήκει σε διαφορετική φυλή, σε διαφορετικό έθνος σε σχέση με κτ. άλλον. ANT ομογενής. || (ως ουσ.) ο αλλογενής.

7. Όμηρος Ομήρου Ιλιάδα: σε μετάφραση του Ν. Καζαντζάκη και Ι.Θ. Κακριδίη. Εκδ. Ίδρυμα Τριανταφυλλίδη. – 2015.

УДК 82:161

ЭЛЕМЕНТЫ ФАНТАСТИЧЕСКОГО В РОМАНЕ ГАБРИЭЛЯ МАРКЕСА «СТО ЛЕТ ОДИНОЧЕСТВА»

М. В. Норец,

*д.филол.н., доцент, заведующий кафедрой теории и практики перевода
Института филологии, Крымский федеральный университет имени
В. И. Вернадского, Симферополь*

Аннотация. Элементы фантастики, встречающиеся в классических произведениях, дают дополнительную возможность проникнуть художественный мир, ощутить нереальные эмоции. Фантастические начала Маркес берет из детских воспоминаний, дополняя их и художественно приукрашая, ведь в детстве все фантастично: и созревание ягод, и полет бабочки. Роман «Сто лет одиночества» помимо философской основы несет в себе также фантастические начала, отображает художественный мир героев романа с магическими вкраплениями.

Ключевые слова: Г. Г. Маркес, Сто лет одиночества, фантастика, магическая атмосфера

Summary. The elements of fantasy, found in classical works, provide an additional opportunity to penetrate the artistic world, to feel unrealistic emotions. Marquez takes fantastic beginnings from childhood memories, supplementing them and embellishing them artistically, because in childhood everything is fantastic: both the ripening of berries and the flight of a butterfly. The novel «One Hundred Years of Solitude», in addition to its philosophical basis, also contains fantastic beginnings, reflects the artistic world of the heroes of the novel with magical inclusions.

Keywords: G. G. Marquez, One Hundred Years of Solitude, fantasy, magical atmosphere

Маркес получил Нобелевскую премию по литературе "за романы и рассказы, в которых фантазия и реальность, совмещаясь, отражают жизнь и конфликты целого континента". "На протяжении уже многих лет латиноамериканская литература демонстрирует такую мощь, какую редко встретишь в других литературных регионах" – отметил при награждении представитель Шведской академии Ларс Йюлленстен. – В произведениях Маркеса народная культура... испанское барокко... влияние европейского сюрреализма и других модернистских течений представляют уточненную и жизнеутверждающую смесь" [5, с. 102]. Фантастическим роман назвать сложно. Даже сказать, что в нем присутствуют элементы фантастики, можно с трудом. Скорее нечто мифическое, вымышленное и немного сказочное. Фантастика – один из наиболее широко толкуемых терминов современного литературоведения, тип художественной условности, образности;

изображение заведомо неправдоподобного, невозможного в реальной жизни, например фантастических персонажей, сюжетных ситуаций, свойств людей или предметов. Иногда фантастическими являются лишь отдельные персонажи или элементы сюжета, но чаще фантастика оказывается принципом построения всего художественного мира произведений. Этим термином обозначают систему изобразительно-выразительных средств, а также вид литературы, в котором фантастика выступает в качестве ведущей темы.

В литературных произведениях фантастика применяется, во-первых, для того, чтобы максимально заострить то или иное явление действительности, раскрыть его сущность, скрытые возможности, во-вторых, для достижения комического и, в частности, сатирического эффекта, в-третьих, для воплощения философской проблематики [6, 8]. Эти три функции фантастики иногда сочетаются в предметах одного произведения. Маркес использует эти приемы как раз в рамках первой функции – чтобы подчеркнуть или заострить внимание читателя на определенных событиях или предметах.

Отечественным литературоведением за рабочее принято определение фантастики как разновидности художественной литературы, в которой авторский вымысел от изображения странно-необычных, неправдоподобных явлений простирается до создания особого – вымышленного, нереального, «чудесного мира». В соответствии с этим определением, формируется комплекс основных представлений и понятий фантастики.

Специфический объект фантастики отличается от других тем, что он существует в потенции, в то время как остальные – в действительности. Присутствие образа несуществующего (которое тем не менее должно быть изображено достоверно) придает фантастическим произведениям своеобразный схематизм, изначальную условность, что не может не сказываться на художественной достоверности. В критике это свойство нередко трактуется как недостаток фантастики, в то время как очевидно, что масштабность изображаемого (главным героем фантастики выступает человечество, предполагается глобальность временных, социальных, научных обобщений и прогнозов), естественно, приводит к укрупнению характера до типа, раскрытию его с точки зрения доминантных черт, ярко проявляющихся при необычных обстоятельствах. При этом моделирование ситуации часто подчинено художественной задаче предметно представить и выразить обычно скрытое или существующее в тенденциях. Таким образом, фантастика преимущественно выступает в роли эксперимента интеллектуально-художественного рода, не исключаяющего научно-философское осмысление представленного материала.

Своеобразием отмечены и художественные задачи фантастики, которая не столько представляет объекты действительности в их конкретном многообразии, сколько стремится к достижению широкого

уровня обобщения, постижению сути, законов и смысла бытия. Условно-обобщенные, по-своему автономные художественные миры фантастики дивергентны, то есть они имеют общий исток, но развиваются каждый по своим законам и друг с другом не пересекаются (конечно, же ничего подобного у Маркеса мы не видим, разве только, отрешенность Макондо от остального мира, и то, что его основатели пришли оттуда).

Между этими мирами – игровая дистанция. Именно игра является одной из важнейших жанровых категорий фантастики, создавая ту условность, которая позволяет превращать невероятное, не имеющее места в действительности, в условно возможное.

Игровая функция фантастики роднит ее со сказкой, но ряд других функций, позволяющих сопрягать данную жанрово-видовую форму с наукой (функция научно-технического и социального прогноза, функция популяризации знания), с мифом (философско-познавательная функция в отношении эволюции человека и социума), с собственно художественной литературой (функция познания мира и самовыражения особым способом), способствуют формированию представления об особой – контанаминационно-функциональной природе фантастики. Объединяя в себе факт известный и факт предполагаемый, научное знание и воображение, фантастика оказывается оригинальным союзом двух методов познания мира.

Маркес дает простой ответ, откуда же взялись такие невероятные идеи для написания романа и что же это за метод «магический реализм»: “У меня был уже собран весь материал, я уже видел, какой должна быть структура, но не находил верного тона... стал искать, и искал до тех пор, пока не осознал, что самой правдоподобной будет манера, в которой моя бабушка рассказывала самые невероятные, самые фантастические вещи, рассказывала их совершенно естественным тоном; его-то я и считаю основой романа «Сто лет одиночества» – с точки зрения литературного мастерства”[2]. Цитируя Маркеса, и кстати, это тоже можно назвать определением термина «магический реализм».

Основа формирования психики – это переживания и впечатления детства. Воспитанием писателя занималась в основном бабушка, также дед, ветеран-полковник. Маркес родом из Колумбии, которую раньше заселяли племена индейцев. Религии этих народов очень красочные и своеобразные. Хотя нельзя сказать, что бабушка Транкилина принадлежала к одной из них, но, по крайней мере, некоторые обычаи, традиции и суеверия, корни которых уходят в далекое прошлое должны были у нее сохраниться. Сам писатель считает, что одним из факторов, определившим его судьбу, является атмосфера дома, в котором он провел детство, быт городка, где тесно переплетались фантастика и реальность.

Например, показателен в этом смысле эпизод с желтыми бабочками Маурисио Бабилоньи – эпизод фантастичный: везде, где появляется этот герой, его окружают желтые бабочки. Но: «Никакой фантастики, – отвечает

на это автор, – я прекрасно помню, как в наш дом в Аракатаке приходил монтер, когда мне было 6 лет, и мне кажется, что я и теперь вижу мою бабушку в тот вечер, когда ее испугала белая бабочка» [2]. Маркес изменил только цвет той самой бабочки – белый на желтый.

И так на протяжении всего романа, где ни возьми можно найти множество таких «фантастических» событий, но кому-то ведь они могут показаться обычным, непримечательным явлением, а кто-то решит, что даже город Макондо находится где-то за пределами нашего мира, в другом, вымышленном, созданном автором месте. Но автор его и не создавал вовсе, а воплотил на страницах книги свои детские воспоминания о городке, по соседству с его родным. Макондо, затерянный в джунглях, в который можно попасть, но никому не удавалось из него выбраться.

В «Сто лет одиночества» можно выделить, пусть и условно, четыре категории, четыре отдельных художественных мира. Эти категории: время, место действия, герои и непосредственно происходящие события. И каждый из этих миров будет по-своему фантастичен.

Время в романе имеет сложную поступательно-возвратную природу, здесь совмещены два типа времени: линейное и циклическое. Цикличность художественного времени романа вполне очевидна, собственно, об этом напрямую говорится в тексте. «...история этой семьи представляет собой цепь неминуемых повторений, вращающееся колесо, которое продолжало бы крутиться до бесконечности, если бы не все увеличивающийся и необратимый износ оси». Движение времени по кругу подчеркивается и использованием одних и тех же имен в разных поколениях семьи Буэндиа, причем каждое имя обладает своим собственным набором гипертрофированных качеств, присущих его носителям, и каждый вояка Аурелиано не похож на каждого мечтателя Хосе Аркадио.

В романе совершенно очевидно представлена и такая черта мифологического времени, как деление времени на мифологические эпохи, которые могут завершаться грандиозными катастрофами, уничтожающими мир. Жизнь Макондо выстраивается как смена эпох (эпоха первотворения, исхода, эпоха дождя, засухи, владычества банановой компании и т.д.), а завершается космический цикл, как и положено в мифологии, катастрофой, стирающей Макондо с лица земли.

Но время в «Сто лет одиночества» не только движется по кругу; у него есть еще одно свойство – замедляться и даже останавливаться. Маркес сознательно «убыстряет» время, рассказывая все более и более кратко о каждом следующем поколении Буэндиа. Но, что удивительно, даже в одну и ту же эпоху оно течет по-разному, оно может «застрясть» в какой-нибудь комнате, как это произошло в комнате Мелькиадеса, где всегда март и всегда понедельник.

«Сто лет одиночества» – роман, густонаселенный персонажами. Именно герои, их непредсказуемость, трагичность и одиночество и создают неповторимый колорит романа. С одной стороны, «перенаселение» романа

персонажами, отражающимися друг в друге, наслаивающимися друг на друга эпизодами, драматическими событиями призвано создать образ искаженного мира, с другой стороны, именно эта зашкаливающая за любые пределы «ненормальность», напротив, заставляет читателя поверить в возможность происходящего.

Почти каждый персонаж «Ста лет одиночества» необычен, таинственен, фантастичен, он – носитель магических черт характера или, по крайней мере, с ним происходят чудесные события. Достаточно вспомнить, что Хосе Аркадио может предсказывать будущее и разговаривать с призраком убитого им в юности Пруденсио Агиляра, не говоря уже о том странном факте, что большую часть жизни он проводит привязанным к дереву в патио, и так до конца и не ясно, жив он или уже нет.

Урсула, его жена, – едва ли не ключевой персонаж романа, та самая ось, вокруг которой вращается и действие, и время. Она долгожительница, и это тоже более чем необычно. И, разумеется, ей, также как и мужу, дано общаться с покойными.

Но, пожалуй, самый фантастический персонаж романа – цыган Мелькиадес, умерший в болотах Амазонии, но вернувшийся к жизни под тем совершенно естественным предлогом, что ему стало скучно. Вскоре он целиком отдается единственному занятию – предсказанию дальнейшей судьбы рода Буэндиа и городка Макондо.

Магическая атмосфера романа наполнена чрезмерностью и излишествами, которые являются здесь нормой повседневности. Тут есть летающие ковры, на которых катаются дети, эпидемии бессонницы и беспамьяства, бессмертные военачальники, несмываемые со лбов пепельные кресты, возносящиеся на небо женщины. И все же, какой был магической, фантастической не была реальность, созданная воображением Габриэля Гарсиа Маркеса, – это все-таки именно реальность. Величие этой книги состоит именно в том, что все в ней: действие и фон, символы и колдовство, предзнаменования и мифы – глубоко уходит корнями в реальность Латинской Америки, питается ею и отражает ее.

Список использованных источников

1. Богословский В. Н. История зарубежной литературы XX века: 1917-1945. – М.: Просвещение, 1984. – 304 с.
2. Габриэль Гарсиа Маркес. Литературный иллюзион, или Магия слов Габриэля Гарсиа Маркеса. – Режим доступа: <http://www.marquez-lib.ru> (дата обращения 09.02.2023)
3. Гулевич Е. В. Книга как спасение и катастрофа // Ученые записки Орловского государственного университета. – 2022. – № 3(96). – С. 96-99.
4. Еремеева А. Д. Роль ольфакторики в романе Г. Гарсиа Маркеса «Сто лет одиночества» // Филологические чтения: Человек. Текст. Дискурс: Материалы IV Всероссийской научной конференции, Ярославль, 15–16 мая 2020 года. – С. 23-26.
5. Лауреаты Нобелевской премии. Энциклопедия. В 2 т.: Пер. с англ. /

Ред. Т. Уоссон. – М.: Прогресс, 1992.

6. Магалайш же Соуза Остапенко С., Остапенко И.В., Норец М.В. Жанровая классификация научной фантастики // Переводческий дискурс: междисциплинарный подход: материалы IV международной научно-практической конференции, Симферополь. – 2020. – С. 278-283.

7. Матюх Д. Н., Полховская Е. В. Мифологическая символика в романе Д. Г. Лоуренса "Пернатый змей" // Иностранная филология. Социальная и национальная вариативность языка и литературы: Материалы II Международного научного конгресса, Симферополь, 03-28 апреля 2017 г. – С. 191-196.

8. Норец М. В., Семенова В. В. Особенности жанровой структуры фантастики // Аллея науки. – Т.1. – № 2 (18). – 2018. – С.432-436.

9. Норец М. В., Элькан О. Б. Анализ социокультурной парадигмы романа «Сто лет одиночества» // Донецкие чтения 2022: образование, наука, инновации, культура и вызовы современности: VII международная научная конференция, посвященная 85-летию Донецкого национального университета, 27-28 октября 2022 г. – Том 4: Филологические науки. Часть 2. – С. 209-210.

10. Элькан О. Б., Чжан М., Любеев В. С. Сто лет одиночества: символика названия // Переводческий дискурс: междисциплинарный подход : Материалы VI международной научно-практической конференции, Симферополь, 28–29 апреля 2022 года. – С. 334-337.

УДК 811.12

ОСОБЕННОСТИ ЛОКАЛИЗАЦИИ ИГРЫ «МЕТРО 2023»

М. В. Норец,

доктор филологических наук, доцент, заведующий кафедрой теории и практики перевода, Институт филологии, Крымский федеральный университет имени В. И. Вернадского, Симферополь

А. Р. Азизова,

обучающаяся магистратуры, кафедра теории и практики перевода, Институт филологии, Крымский федеральный университет имени В. И. Вернадского, Симферополь

Аннотация. Целью настоящего исследования является рассмотрение особенностей локализации видеоигры «Метро 2033», разработанной студией 4A Games. Анализ направлен на определение стратегий адаптации и выявление типичных ошибок в локализации, допущенных американской компанией THQ.

Ключевые слова: локализация, механизмы адаптации, Метро 2033.

Summary. The article is aimed at the localization strategies found in the 4A Games shooter «Metro 2033». The research includes the review of the main translation techniques and the analysis of the THQ company's typical localization mistakes.

Keywords: localization, adaptation strategies, Metro 2033.

В эпоху царствования мультимедийных технологий невозможно представить жизнь человека без массовых средств коммуникации. Основу современного мира составляет процесс глобализации, призванный унифицировать и интегрировать экономическую, политическую, культурную и религиозную сферы деятельности. Неоспоримым достоинством их взаимодействия является упрощение коммуникации между представителями различных стран, групп, конфессий, однако нельзя не отметить существенную необходимость консервации отдельных культур.

Мультимедийные сферы, включающие в себя телеиндустрию, игровую индустрию, индустрию информатики, несмотря на влияние глобализации, продолжают направлять свои силы на удовлетворение потребностей потребителей своей страны, однако не исключают вероятности реализации их продукта в других странах. Поскольку специфические особенности одной культуры могут быть истолкованы реципиентами из другой культуры неверно (что приведет к коммуникативной ошибке), продукт проходит этап адаптации, известный как локализация.

Целенаправленная адаптация продукта к конкретным социально-культурным условиям (локализация), в которых он будет использоваться, выполняет, в первую очередь, экономическую задачу, посредством его распространения на языке целевой аудитории.

Многие склонны считать понятия «локализация» и «перевод» тождественными, тем не менее, это не так. Перевод – это лишь один из этапов локализации, которая, в свою очередь, заключается не только в перекодировании текста, порожденного на другом языке, но и преобразовании в техническом плане [3, с. 16].

Термин «локализация» мало изучен по причине относительно недавнего появления, однако некоторые отечественные и зарубежные исследователи в своих работах попытались объяснить его природу (Э. Пим, Минако Охаган, М. А. Болотина, К. Р. Зеленко, С. Е. Мерлян и др).

В нашем исследовании мы опираемся на следующее определение «локализации», предложенное С. Е. Мерлян: «культурная и лингвистическая адаптация продукта в сфере информатики, кибернетики и смежных с ними наук» [5, с. 62].

В настоящее время процесс локализации остается наиболее понятным в мире компьютерных и мобильных приложений. Основной задачей локализации в приложениях является создание адаптированных интерфейсов, пунктов меню и иконографии для кросс-культурных рынков. Однако ассортимент продуктов, которые представляются для международной аудитории, требуют более широкого взгляда на процессы локализации, включая рассмотрение того, как развлекательные продукты, такие как цифровые игры, могут видоизменяться благодаря локализации.

Локализация видеоигр считается наиболее сложной, по причине того,

что процесс локализации компьютерных игр чаще всего происходит одновременно с созданием самой игры на оригинальном языке. Такой темп работы помогает разработчикам игр выпустить готовый продукт на нескольких языках сразу, чтобы охватить рынок нескольких стран одновременно после премьеры. Из-за жестких временных рамок, постоянных изменений и правок в диалогах, бюро переводов, занимающееся локализацией игр, вынуждено делать большой объем кропотливой работы в сжатые сроки [7, с. 85].

Переводчики выделяют 5 видов локализаций видеоигр:

1) Коробочная локализация осуществляется, если игра выходит на физическом носителе или на игровой платформе. Если игра продается в упаковке, то локализуются надписи и слоганы, а если в интернет-магазине, то переводится вся страница магазина: описание игры, видео реклама и иллюстрации.

2) Локализация интерфейса в нашем времени используется практически повсеместно, ведь само понятие «интерфейс» подразумевает каналы управления в играх, меню запуска, карту местности в игре, игровые характеристики и т. д. Локализация интерфейса подразумевает, что весь этот объем информации будет интерпретирован и представлен потребителю не только в понятном, но и удобном виде.

3) Локализация (перевод) текста является основным видом в интерпретации игр. Текст в играх встречается не только в репликах героев, но и в титрах, субтитрах, надписях, рекламных баннерах и оповещениях. Стоит отметить, что иногда переводчики объединяют локализацию текста и интерфейса в понятие «экономическая локализация».

4) В случае локализации звука встречается ряд определенных сложностей. Чаще всего звук разбивают на несколько файлов, где каждый файл содержит одну фразу и перед актером стоит сложная задача – текст перевода должен совпасть по длительности с текстом оригинального языка.

5) Графическая локализация служит для перевода всех имеющихся надписей в игре. Это могут быть газеты, вывески, постеры и т. д.

Рассмотрим примеры перевода фраз и диалогов из видеоигр «Metro 2023», разработанной и выпущенной компанией 4A Games, в жанре шутера от первого лица. Действия игры происходят в мире, где после ядерной войны люди живут в метро в городе Москва. Действующими персонажами игры являются выжившие рейнджеры отряда «Спарта», а главный герой, Артем, отправляется в путешествие на модифицированном паровозе «Аврора» и едет далеко на восток, искать новое место для жизни в постапокалиптической России.

1. Оригинал: «Это была далекая война между красными и белыми. Наши предки после строили коммунизм». Локализация: «It was Russian-Fascist war».

Этот пример демонстрирует некачественную локализацию, одно историческое событие попросту заменено другим. Вероятнее всего

локализатор целенаправленно поменял «Гражданскую войну в России» на «Вторую мировую войну», посчитав, что второе событие будет ближе к целевой аудитории. Однако попытка адаптировать историческую реалию привела к искажению смысла, чего не должно допускаться при локализации.

2. В русскоязычной версии игры дважды исполняется известная советская песня «Врагу не сдастся наш гордый «Варяг». В англоязычной локализации эта песня звучит без перевода, а во второй раз ее заменили на песню «Гоп-стоп» на русском языке. Учитывая неуместность подобной замены, справедливо будет отметить низкий уровень информационно-культурного запаса локализатора, ведь песня «Врагу не сдастся наш гордый «Варяг» имеет глубоко патриотический смысл, в то время как песня «Гоп-стоп» описывает специфику иного социального слоя населения.

Для звуковой локализации уместно было бы использовать песню из жанра Шанти (традиционные песни британских моряков), которая смогла бы передать боевой дух аутентичной русской музыки.

3. Финальная сцена в «Метро 2023» обрывается на этих словах: «Я защищал свой единственный дом – Метро. И мы победили!». В англоязычной локализации герой развивает свою мысль: «I was protecting my home, the Metro... We have won but to this day I wonder when we burn the dark ones from the face of the Earth... I guess we lost something too...». Локализатор воспользовался приемом модуляции, развивая оригинальную мысль в своем русле.

4. В одном из эпизодов игры Бурбон (прозвище, которым персонаж наградил себя сам, дабы оставить свое настоящее имя в тайне) любил напевать песню «Владимирский централ». Однажды, когда на них напали монстры, он услышал их крики и прокомментировал их на русском: «Ну и песня, слаще «Владимирского централа»! Но страшно, да...» Локализация опускает название песни, однако, передает тот ужас, что испытывают герои, услышав эти пугающие звуки: «Artyom did you hear those songs? I wouldn't wish it to the enemies!».

5. Стоит также отметить перевод имени главного героя, Артёма. Для его локализации переводчики использовали несколько вариантов, один из наиболее распространенных и понятных с помощью транслитерации имя перевели как Artyom, однако, также в некоторых случаях другие герои называют его Art или Artemius.

6. Оригинал: «Спасибо, Артем, один за всех и все за одного! Как мы их, а? Прямо как мушкетеры, любимая книжка в детстве была... Я ведь сам мечтал стать мушкетером, когда вырасту».

Локализация: «That's the way to do it, bro! Just like two the musketeers but there were three.... It was really confusing but I fucking love it. I will be Atos and you can be D' Artagnan, huh?».

В этом примере переводчики добавили больше экспрессии и своего личного мнения по поводу книги А. Дюмы «Три мушкетера», однако, на наш взгляд, это не совсем уместно. В данном контексте раскрывается деталь

прошлого одного из центральных персонажей истории, Бурбона, который скрывает свое настоящее имя и историю. Видоизменять его личные опыт, а также не упоминать то, что именно это произведение является его любимым с детства было фактической ошибкой.

7. Успешно реализована локализация топонимов и реалий. Так, например, перевод станций метро был выполнен с помощью транслитерации или модуляции. Станцию «ВДНХ» разработчики локализовали как «Exhibition of Achievements», а станцию метро «Октябрьская» перевели с помощью транслитерации «Oktyabrskaya». При произнесении названия «Октябрьская» актеры озвучки столкнулись со сложностью произношения русского языка.

Проанализировав некоторые моменты локализации видеоигры «Метро 2033», мы пришли к заключению, что большая часть адаптированных фраз, диалогов и фрагментов переданы на целевой язык некачественно. Некорректная адаптация с большей долей вероятности вызывает у целевой аудитории смысловое несоответствие, тем самым формируя ошибочное представление о сюжете и оригинальной задумке разработчиков.

Список использованных источников

1. Абибуллаева Э. М. Приемы передачи языковой игры на другой язык / Э. М. Абибуллаева, М. Ю. Лукинова // Переводческий дискурс: междисциплинарный подход: Материалы VI международной научно-практической конференции, Симферополь, 28–29 апреля 2022 г. – С. 3-7.

2. Агафонова Д. А. Особенности графической локализации в игре Cyberpunk 2077 / Д. А. Агафонова, Н. В. Пасекова // Конвергентные технологии XXI: вариативность, комбинаторика, коммуникация : Материалы VII международной междисциплинарной научной конференции, Симферополь, 25–26 ноября 2022 г. – С. 12-16.

3. Ачкасов А. В. Индустрия локализации и подготовка переводчиков / А. В. Ачкасов // Индустрия перевода. – 2016. – № 1. – С. 13-19.

4. Баблюк Д. А. Особенности перевода ненормативной речи, как проблема локализации компьютерных игр / Д. А. Баблюк, М. Ю. Лукинова // Переводческий дискурс: междисциплинарный подход: Материалы VI международной научно-практической конференции, Симферополь, 28–29 апреля 2022 г. – С. 30-34.

5. Зеленько К. Р. Культурная адаптация текстов при переводе на примере текстов компьютерных игр [Электронный ресурс]. – <https://cyberleninka.ru/article/n/kulturnaya-adaptatsiya-tekstov-pri-perevode-na-primere-tekstov-kompyuternyh-igr/viewer> (дата обращения 27.01.2023).

6. Мерлян С. Е. Ошибки перевода игрового контента (на примере серии игр Blizzard Entertainment) / С. Е. Мерлян // Коммуникативные аспекты языка и культуры: сборник материалов XV Международной научно-практической конференции студентов и молодых ученых. – Томск, Изд-во ТПУ, 2015. – Ч. 1. – С. 61-64.

7. Шурлина О. В. Трудности «Локализации» как лингвокультурной адаптации текстов программного обеспечения / О. В. Шурлина. – Воронеж: Вестник ВГУ, 2014. – С. 83-87.

УДК 811.12

ОСОБЕННОСТИ ПЕРЕВОДА КОМИЧЕСКОГО В СЕРИАЛЕ «THIS IS US»

М. В. Норец,

доктор филологических наук, доцент, заведующий кафедрой теории и практики перевода, Институт филологии, Крымский федеральный университет имени В. И. Вернадского, Симферополь

Е. Д. Гайдай,

обучающаяся магистратуры, кафедра теории и практики перевода, Институт филологии, Крымский федеральный университет имени В. И. Вернадского, Симферополь

Аннотация. Данная статья посвящена описанию юмора, средств создания комического эффекта американского юмора, рассматриваются особенности перевода комического в сериале «This is us». Исследование осуществляется в ходе сравнительного анализа комического на материале языка оригинала и его переводе на русский язык.

Ключевые слова: юмор, составляющие части юмора, видеовербальный текст, языковые средства, комический эффект, особенности перевода комического.

Summary. This article is devoted to the description of humor, the means of creating a comic effect of American humor, the features of the translation of the comic in the series «This is us» are considered. The research is carried out during the comparative analysis of the comic on the material of the original language and its translation into Russian.

Key words: humor, components of humor, video verbal text, language tools, comic effect, features of comic translation.

Мы сталкиваемся с юмором в разных жизненных ситуациях: наблюдаем за ним со стороны, не являясь участником коммуникации (литература, медиакоммуникации, социум), или являясь участником (диалог, монолог). Юмор существует за счет создания космического эффекта, а передача комического является весьма непростой для переводчика по ряду причин. При переводе следует учитывать множество факторов, таких как: особенности мышления говорящего или нации, ценности и нормы культуры, их история, политика и география, время действия. То есть при переводе следует понятно для носителей другого языка передать лингвистические, социальные и культурные различия. Рассматривая тему юмора и комического с переводческой точки зрения, также важно отметить, что перевод юмористических текстов является одним из самых сложных видов перевода ввиду широкого использования

различных средств создания комического эффекта. Лингвистические средства можно разделить на несколько групп:

– фонетические средства (использование орфоэпических неправильностей);

– лексические средства (эпитеты, метафоры, сравнения, каламбур, парадокс, ирония, алогизмы и малапропизмы, а также использование просторечий, заимствований и т. д.);

– морфологические средства (неправильное использование форм падежа, рода и т. п.);

– синтаксические и грамматические средства (использование стилистических фигур: анафора, эпифора, параллелизм, антитеза, градация, инверсия, риторические вопросы и обращения, многосоюзие и бессоюзие, умолчание и т. п.) [1].

Перед тем как перейти к примерам, обратимся к терминологии.

Юмор – это особый вид комического, это переживание противоречивости явлений, соединяющее серьезное и смешное [2].

Видеовербальный текст (ВВТ) является особым видом текста, который состоит из неоднородных по своему содержанию компонентов, а именно вербального (то есть речевого) и невербального (неречевого) [1, с. 72].

Очевиден тот факт, что способы создания комического эффекта возникают не сразу, а лишь со временем, развиваясь вместе с литературой. Термин «средства комического» стоит рассмотреть в широком понимании. В широком смысле, ими можно считать все то, что помогает созданию комического эффекта [2, с. 49].

Отметим, что данная статья посвящена переводу юмора в сериале, где переводчик сталкивается с вербальными и невербальными приемами передачи комического. Здесь ему следует быть внимательным, так как при переводе кинематографа переводчику необходимо учитывать связь изображения и текста. Фразы на языке оригинала могут сопровождаться определенными жестами, которые могут иметь другую интерпретацию в культуре языка перевода или быть совершенно неизвестными представителям иной культуры. Кроме того, в фильмах нередко содержатся социальные и культурные аллюзии и метафоры, понятные лишь зрителю, который смотрит фильм на языке оригинала.

Переводчик пользуется разными способами и приемами перевода для передачи многообразия комических средств в языке оригинала. Выбор этих способов и приемов зависит в том числе от того, какие языковые средства создания комического эффекта характерны для языка, на который осуществляется перевод [5]. К основным методам перевода средств создания комического эффекта относят транслитерацию, транскрипцию, калькирование или покомпонентный перевод, описательный перевод, антонимический перевод, целостное преобразование, логическое развитие, добавление, опущение, конкретизацию и генерализацию [7].

Источником материала данного исследования послужил американский телесериал под названием «Это мы» (This is us) [10]. Сериал рассказывает о жизни близнецов Кевина, Кейт и Рэндалла Пирсонов («Большой тройке» как называют малышей их родители). Этот сериал ярко иллюстрирует сложности повседневной жизни и часто обращается к теплым воспоминаниям прошлого, так что перевод осложняется диахронией событий и частой отсылок шуток к прошлому.

Рассмотрим несколько комичных ситуаций, которые встречаются в сериале.

– I stocked up on all your favourites. Even that weird tea that I can't say. It's...ma-acha...mach-ta?

– Matcha [10].

– Я запаслась всем, что ты любишь, даже тем странным чаем. Как он там...мача...мачта?

– Матча.

В данном примере мы видим фонетическое средство создания комического, героиня сериала использовал орфоэпические неправильности при произнесении слова «матча», так как прежде она не пила такую разновидность чая. Такие речевые несостыковки создают эффект каламбура, который при переводе можно увидеть еще ярче, так как в русском языке действительно существует слово «мачта», что дает переводчику возможность смело воспользоваться калькированием для передачи комического эффекта.

– You should really stop borrowing shirts from Sophie, Kevin.

– I don't really think the coach is gonna care what shirt I'm wearing.

– Whatever, Stop Top [10].

– Может хватит уже таскать топики у Софи, Кевин.

– Не думаю, что тренеру есть дело до моей одежды.

– Хорошо, Короткий топик.

В этом примере комическое достигается за счет метонимии. Когда брат отказывается от идеи перестать носить одежду своей девушки, Рэндалл прибегает к стилистическому приему и «переименовывает» брата говорящим названием. При переводе этот эффект сохраняется, воспроизведя лишь одну замену, с передачей сходного смысла: «whatever» на «хорошо».

– Oh, oh, make sure that you ask, uh, “When will the baby move?” so that I can say, “Hopefully, as soon as he turns 18” [10].

– Не забудь спросить, когда ребёнок начнёт шевелиться, чтобы я мог сказать: «В 18 лет он точно зашевелится и съедет».

Данный пример иллюстрирует гиперболу, которая для передачи большего комического эффекта поддалась переводческим трансформациям при переводе фразы «В 18 лет он точно зашевелится и съедет». В первую очередь, мы наблюдаем перестановку порядка слов, которая позволяет сохранить активный залог при переводе. Далее замену слова «hopefully» на

«точно», опущение «as soon as», добавление вместо него предлога «в», опущение «he turns», добавление вместо него «зашевелиться» и «съедет». Данные замены позволяют передать эффект комического смешнее при переводе на русский язык.

– I'm not gonna be one of those moms who posts a picture every time a baby burps, okay [10]?

– Я не из тех мамочек, которые выкладывают фоточку, как только малыш пустил отрыжку.

Сарказм часто используется в целях гиперболизации фактов и предания большей экспрессии. Более того, в основном, сарказм используется, как способ передачи негативного отношения к чему-либо. В приведенном примере мы видим, что для переводчика передача этого способа не создает трудностей и, вместе с тем, предлагает пространство для творчества. Так, чтобы передать комическое посредством сарказма, переводчик сделал опущение «okay» в конце предложение и трансформировал форму слова «picture» суффиксальным способом на «фоточки».

Другим примером сарказма может служить диалог пары, рифмующей предложения друг друга:

– You know what, that'd be a great song. Right? Wouldn't it?

– Not with you singing it [10].

– Знаешь, это могло бы стать отличной песней. Как думаешь?

– Только если ты не будешь петь.

В первой реплике мы видим утверждение, что песня может стать отличной, а в последствии антонимичный вопрос «не так ли?». Переводчик решает опустить его и перевести лишь первый вопрос, трансформировав его на прямой «Как ты думаешь?». В ответе мы видим грамматическую трансформацию, инверсию. При переводе она позволяет усилить нежелание человека слушать пение фразой «только если» и активным залогом.

В следующих примерах мы можем наблюдать, как благодаря перифразу выстраивается общение без упоминания имен собственных, но предполагающее определенных людей:

– Uh, they cancelled class tonight, so I thought I would take my new costume for a spin. It's "Nervous girl taking a chance" [10].

– Сегодня отменили лекцию, и я подумала, нужно выйти куда-нибудь в новом костюме «Надеющейся и волнующейся девушки».

– Well, I'm glad you're here.

– You are?

– I am.

– Can't you tell from my costume? "Guy who's happy to see you".

– I was hoping it was "Guy who buys me a drink" [10].

– Что ж, я рад, что ты пришла.

– Правда?

– Да.

- Разве не видно по моему костюму?
- «Парень, который рад тебя видеть».
- А я надеялась, «Парнем, угостившим меня напитком».

Таким образом, можно заметить, что переводчик использовал стратегию передачи формы. Текст перевода практически не отходит от исходного текста. Можно сделать вывод о том, что переводчик принял это решение, и отказался от передачи лишь содержания, в целях создания большего комического эффекта и делая рассвет на аудиовизуальный ряд, сопровождающий диалог.

- What's up, mount Keverest [10]?
- Как дела, Кеверест?

При переводе данного неологизма с именами собственными использовано калькирование, так как смысл и эффект комического полностью при нем передается и зрителю понятно, о чем идет речь и почему герой сделал подобное сравнение (Кевин высокий человек).

В результате проведенного исследования мы можем сделать вывод, что перевод инокультурного юмора в кинематографе представляет собой довольно сложную задачу, так как переводчик должен брать во внимание аудиовизуальный ряд, все вербальные и невербальные шутки и отсылки. Для успешной передачи комического эффекта переводчику необходимо учитывать не только языковые аспекты перевода, но и все существующие различия и особенности культурной жизни носителей как языка оригинала, так и языка перевода. Делаем вывод, что однородность и разноплановость материала для перевода подразумевает использование переводчиком различных стратегий и тактик для более точной передачи комического эффекта.

Таким образом, главным и самым распространенным средством создания комического в сериале «This is us» является каламбур, представленный примерно 30 %, следующим по распространению является сарказм, который составляет примерно 20 %, далее идут игра слов и фонетические замены, за ними следуют остальные средства создания комического.

Список использованных источников

1. Абросимова Н. А. Языковые особенности переводов комических текстов: на материале рассказов М. Твена, О. Генри и С. Ликока: дис. ... канд. филол. наук: Н. А. Абросимова. – Казань, 2007. – 172 с.
2. Дземидок Б. О комическом. – М.: Прогресс, 1974. – 345 с.
3. Жуланова Е. В. Возможности передачи и восприятия культурной специфики комического дискурса в условиях киноперевода / Е.В. Жуланова, И. К. Федоров // Вестник Пермского национального исследовательского политехнического университета. Проблемы языкознания и педагогики. – 2014. – №3. – С. 54-60.
4. Зеленцова М. Г. Особенности перевода юмора, иронии и сатиры в художественной литературе / М. Г. Зеленцова, Л. А. Ходаковская //

Переводческий дискурс: междисциплинарный подход: Материалы I всероссийской научно-практической конференции, Симферополь, 27–29 апреля 2017 г. – С. 134–139.

5. Ким Е. Г. К вопросу о транслируемости юмора скетч-шоу (на материале перевода «A bit of Fray and Laurie») // Вестник Иркутского государственного лингвистического университета. – 2013. – №6. – С. 256–262.

6. Лисицына В. О. Виды лексических трансформаций при письменном переводе / В.О. Лисицына, Э.К. Арутюнов // Международный журнал экспериментального образования. – 2014. – №10. – С. 167–170.

7. Мишина О. В. Средства создания комического в видеовербальном тексте: на материале английского юмористического сериала “Monty Python Flying Circus”: дис. канд. ... филол. наук. Самара, 2007. 203 с.

8. Пасекова Н. В. Основные способы передачи каламбура на русский язык (на материале комедийного сериала «How I met your mother») / Н. В. Пасекова, К. Н. Борисова // Переводческий дискурс: междисциплинарный подход : Материалы VI международной научно-практической конференции, Симферополь, 28–29 апреля 2022 г. – С. 250–254.

9. Раскин В.В. Humor Theory [Electronic Resource]. / В.В. Раскин. – Mode of access: URL: <http://www.humorthory.com/index.php/teoriya-umor/464> (дата обращения: 01.11.2022).

10. This is us [Electronic Resource]. – Mode of access: URL: <https://puzzle-movies.com/this-is-us> (дата обращения 12.10.2022).

УДК 811.12

ФОРМИРОВАНИЕ ПЕРЕВОДЧЕСКИХ ТАКТИК ПРИ ЛОКАЛИЗАЦИИ ИМЕН СОБСТВЕННЫХ ИГРОВЫХ ПЕРСОНАЖЕЙ В ИГРЕ «NONKAI IMPACT 3rd»

М. В. Норец,

доктор филологических наук, доцент, заведующий кафедрой теории и практики перевода, Институт филологии, Крымский федеральный университет имени В. И. Вернадского, Симферополь

Л. А. Османова,

обучающаяся магистратуры, кафедра теории и практики перевода, Институт филологии, Крымский федеральный университет имени В. И. Вернадского, Симферополь

Аннотация. Статья посвящена специфике формирования переводческих тактик при локализации видеоигр с иностранных языков на русский. В ней рассматриваются различные переводческие тактики и их способы применения на примерах из игры «Nonkai Impact 3rd».

Ключевые слова: переводческие тактики, перевод игр, переводческие стратегии.

Summary. This article deals with the specifics of translation tactics formulation within working on game localization from any foreign language into Russian. It looks upon different translation tactics and their ways of usage on the examples from «Honkai Impact 3rd» game.

Key words: translation tactics, game translation, translation strategy.

Переводоведение не стоит на месте, оно охватывает все больше сфер человеческой деятельности. Игровая сфера не стала исключением. В сравнении с остальными профилями перевода, направление игровой индустрии в таком контексте малоизучено, а рынок видеоигр достаточно востребован молодым поколением, что делает его востребованным и для переводчика. Этим и мотивирована необходимость перевода в этой сфере – полноценное вовлечение в развлекательный контент такого рода без качественного перевода (в том числе с иностранных языков на русский) невозможен. Тем самым, можно сказать, что перевод в сфере видеоигр достаточно актуален и является острой проблемой.

Российская локализация до сих пор испытывает некоторые трудности при работе с видеоиграми, а это большое упущение, так как многие игры на сегодняшний день представлены целой нишей хорошо проработанных сюжетов с различными остросоциальными темами, а также они способствуют взаимодействию культур.

Цель данной статьи представляет собой попытку сформулировать переводческие тактики при локализации имен собственных, в частности на примере игровых персонажей «Honkai Impact 3rd».

Вообще, сам по себе перевод и локализация игр – достаточно трудоемкий процесс, который требует определенных усилий от переводчика, а также междисциплинарного подхода в решении некоторых задач, принимая во внимание то, что игра – семиотически многокомпонентный объект [2].

Прежде чем говорить о непосредственных особенностях игровой сферы, необходимо определиться с основным терминологическим подспорьем. Переводческая тактика неразрывно связана с таким понятием как переводческая стратегия. В. В. Сдобников определяет переводческую стратегию как «общее представление переводчика о тех задачах, которые ему предстоит решить в процессе перевода, и характере способов достижения цели, с которой осуществляется перевод, представление о специфике планируемых переводческих действий и их назначении» [5, с. 115]. Такое представление происходит не случайным образом, оно основывается на анализе коммуникативной ситуации, в рамках которой осуществляется перевод.

Исследователь в своей работе выделяет три стратегии перевода, которыми переводчик может воспользоваться в зависимости от определенной коммуникативной ситуации:

- 1) стратегия коммуникативно-равноценного перевода;
- 2) стратегия терциарного перевода;

3) стратегия переадресации.

С учетом, что мы работаем в контексте игры, из предложенных стратегий нам подходит **стратегия переадресации**, которая «представляет собой общую программу осуществления переводческой деятельности, направленной на создание текста на ПЯ, предназначенного для получателя, который отличается от реципиента ИТ не только своей национально-культурной принадлежностью, но и социальными характеристиками» [5, с. 121]. Переадресация, как стратегия, используется в художественных стилях речи, поэтому считается наиболее оптимальным вариантом для локализации игр.

Стратегия реализуется через комплекс тактик, они уже в свою очередь определяют методы и способы перевода каких-либо языковых единиц. Поэтому очень важно уметь их отличать, а не противопоставлять. Если стратегия направлена на общий масштаб текста, то тактика определяет инструментарий работы с ним. В целом, стратегия перевода видеоигр выражается в системе действий по нахождению наиболее оптимального варианта, который сохраняет как информацию, так и эмоциональную составляющую первоисточника.

Что касается тактик, то это – «системно организованная совокупность переводческих операций, используемых с целью достижения поставленной цели перевода с учетом избранной стратегии перевода» [4, с. 122].

Стоит также упомянуть классификацию переводческих тактик А. Ф. Косталеса, поскольку она применима к теме игр:

1. доместикация и форенизация;
2. нулевой перевод
3. транскреация;
4. буквальный перевод;
5. принцип лояльности;
6. утрата значения и стратегии компенсации;
7. цензура [6].

Укажем, что в ходе этой статьи, мы будем следовать только некоторым тактикам из указанных. В целом, перевод видеоигр можно условно представить в двух этапах: перевод интерфейса и меню игры, собственно перевод сюжета. В рамках выбора тактик мы будем переводить именно интерфейс и главное меню, в чем, конечно, сильно поможет знание игровой терминологии.

Игра, на примеры из которой мы будем опираться в ходе настоящей работы, – *Honkai Impact 3rd*, вышедшая в 2016 году на мобильных платформах с поддержкой китайского языка. Глобальные сервера были открыты 28 марта 2018 года вместе с релизом полного английского перевода. Игра представляет собой Action-RPG с элементами других игровых жанров, например, слешер, а также в его основе лежит gacha-механика. Среди особенностей данной игры, а также специфики, которая влияет на коммуникативную ситуацию, сложившуюся в ее контексте,

можно выделить следующее:

- **сюжетная интернациональность:** среди персонажей можно встретить представителей разных национальностей, что выражается прежде всего в их именах, а также в сюжетных элементах либо игровых условиях (названия костюмов, оружия, стигмат и т. д.), что приводит нас к следующему: доместикация как тактика будет нецелесообразна ввиду изначального посыла разработчиков во многообразии как героев, так и их происхождения;
- **наличие фанатского сообщества:** зачастую пользователи (за неимением перевода) сами создают переводы (транскрибированные варианты) отдельных языковых единиц игры, в чем Honkai Impact 3rd не стал исключением;
- **ограничение в символах:** как и в любой другой игре, переводчик достаточно ограничен в подборе адекватных переводов зачастую из-за ограничения в символах и работе кода. И хотя в английском варианте Honkai Impact 3rd такая проблема решалась размером кегля шрифта, этой условностью не стоит пренебрегать.

В главном меню нас встречает ячейка «Валькирии», где можно найти имена всех игровых персонажей, а также их боевые костюмы (Battle suits). Стоит отметить, что у каждого персонажа есть несколько боевых костюмов, тем самым личных имен меньше, чем названий снаряжения. Как правило, личные имена переводятся с помощью фонетических трансформаций – транскрибирование или транслитерирование. В скобках мы указываем происхождение персонажей, обусловленное сюжетом.

Так, например, *Kiana Kaslana* (нем.), *Raiden Mei* (яп.), *Bronya Zaychik* (рус.), *Murata Himeko* (яп.), *Kallen Kaslana* (нем.), *Durandal* (англ.), *Rita Rossweisse* (нем.), *Liliya Olenyeva*, *Rozaliya Olenyeva* (рус.), *Elysia*, *Pardofelis*, *Aponia*, *Eden*, *Seele Vollerei* мы переводим с помощью транслитерации, соответственно: *Киана Каслана*, *Райден Мей*, *Броня Зайчик*, *Мурата Химеко*, *Каллен Каслана*, *Дюрандаль*, *Рита Россвайс*, *Лилия Оленьева*, *Розалия Оленьева*, *Элизия*, *Пардофелис*, *Апония*, *Эден*, *Сееле Воллерей*.

Транскрипцию мы применили в следующих именах: *Fu Hua* (кит.), *Yae Sakura* (яп.), *Carole Pepper* (англ.), *Griseo*, *Vill-V*, *Li Sushang* (кит.), *Mobius*, *Natasha Ciara* – *Фу Хуа*, *Яэ Сакура*, *Кэрл Пеннер*, *Гризео*, *Вилл-Ви*, *Ли Сушан*, *Мёбиус*, *Наташа Чоара*.

Отдельное внимание привлекли некоторые личные имена, точнее, особые сложности при их переводе, поскольку, как мы уже упоминали ранее, у игры есть фанатское сообщество, которому более пяти лет, тем самым, при трудности подбора адекватного эквивалента использование существующего аналога является выбором в пользу благозвучия.

Тем самым, *Theresa Apocalypse* – *Тереза Апокалипсис* (транскрипция + калькирование) для благозвучия фамилии, что также отсылает на сюжетные события; *Ai Hyperion A* – так как это имя состоит из отсылок (Ai – AI (Artificial Intelligence) персонаж является искусственным интеллектом (более того маскотом игры), Hyperion – название корабля), то мы пришли к

следующему варианту: *Aй Гиперион А.*

Определенный интерес представляют названия боевых костюмов, поскольку являются синтезом нескольких языков в одном словосочетании. Отдельно выделим следующие группы и наиболее яркие примеры из них:

- *группа с немецким компонентом Herrscher*. На момент работы над данной статьей (выход обновления 6.2. – 08.12.2022), в игре присутствует шесть боевых костюмов с таким элементом. Что примечательно, немецкий элемент Herrscher присутствует на всех языках игры, тем самым, было бы целесообразно оставить данный компонент посредством транслитерации – «херршер», однако в целях благозвучия на русском языке, а также в рамках тактики доместикации, можно принять фанатский перевод «Судья», что устраивает нас, как переводчиков.

Дело в том, что слово «herrscher» в немецком языке мужского рода, как и его переводы более применимы к мужчинам, тогда как подавляющее большинство персонажей – женщины. Слово «судья» более обезличено и может применяться как к мужчине, так и к женщине. Еще одна причина – экономия символов, в которых переводчик ограничен. Тем самым, исходя из этого, перевод словосочетаний с таким компонентом будет выполнен по двум тактикам: доместикация и компенсация:

Herrscher of the Void – Судья Пустоты;

Herrscher of Flamescion – Судья Наследия Пламени (любопытный словообразовательный элемент, где scion относится к дворянским наследникам, а по сюжету эта Судья унаследовала Пламя от ее учителя, более того, название обновления, в котором она была представлена как игровая Валькирия, называлось – Inherit the Flame);

Herrscher of Thunder – Судья Грома;

Herrscher of Reason – Судья Разума;

Herrscher of Sentience – Судья Сознания (также любопытный компонент, поскольку перевод обусловлен игровой условностью и сюжетом, а не прямым значением слова, поэтому применяется компенсация);

Herrscher of Human: Ego – Судья Человеческого Эго.

Стоит отметить, что именно эта группа используется в основном тексте сюжета, тогда как другие не упоминаются в нем и являются либо игровой условностью, либо отсылкой на события в сюжете.

- английская группа:

Silverwing: N-EX – Среброкрылая: N-EX: было решено оставить аббревиатуру, поскольку предположительно это отсылает к рангу Валькирии (сюжетная условность), тем самым применяя замену частей речи + вставку;

White Comet – Белая Комета;

Crimson Impulse – Малиновый Импульс;

Vermillion Knight: Eclipse – Алый Рыцарь: Затмение;

Twilight Paladin – Сумеречный Паладин;

Azure Empyrea – Азурная Эмпирея;

Golden Diva – Золотая Дива.

• группа с латинскими компонентами представлена в двух примерах, из-за чего нами было принято решение не переводить их, а воспользоваться тактикой нулевого перевода. Подбор адекватного эквивалента весьма сложен:

Spina Astera – буквально: Звездная Вершина;

Palatinus Equinox – буквально: Имперское Равноденствие, однако здесь может быть спрятано «пасхальное яйцо» в виде латинского слова *equinus*, что значит «лошадиный». Суть этой «пасхалки» в том, что Валькирия в своем игровом режиме действительно ездит верхом на лошади.

Подводя итоги, можно сказать, что специфика игры *Honkai Impact 3rd* представляет переводчикам широкий выбор и подход в тактиках, применимых даже на игровых элементах. Перевод видеоигр в целом – особая сложная сфера, которая требует комплексного подхода в целях достижения адекватности. На данном этапе, представленные примеры – лишь небольшая часть исследования, в которой формируются определенные переводческие тактики, необходимые для учета специфики данной игры.

Список использованных источников

1. Агафонова Д. А. Особенности графической локализации в игре *Cyberpunk 2077* / Д. А. Агафонова, Н. В. Пасекова // Конвергентные технологии XXI: вариативность, комбинаторика, коммуникация : Материалы VII международной междисциплинарной научной конференции, Симферополь, 25–26 ноября 2022 г. – С. 12–16.

2. Анисимова А. Т. Феномен компьютерной игры в переводоведческом дискурсе [Электронный ресурс] // Научный вестник Южного института менеджмента. – 2018. – №2. – <https://clck.ru/33Q2F7> (дата обращения 16.01.2023).

3. Лукинова М. Ю. Локализация видеоигр и этическая проблема их перевода / М. Ю. Лукинова, Д. А. Баблюк // Переводческий дискурс: междисциплинарный подход: Материалы V международной научно-практической конференции, Симферополь, 29–30 апреля 2021 г. – С. 169–173.

4. Мамедов С. З. Стратегии и тактики перевода туристических сайтов: коммуникативно-функциональный подход (на материале русского и английского языков) [Электронный ресурс] // Филологические науки. Вопросы теории и практики. – 2021. – №12. – <https://clck.ru/33Q2F9> (дата обращения 19.01.2023).

5. Сдобников В. В. Коммуникативная ситуация как фактор определения стратегии перевода [Электронный ресурс] // Вестник НГЛУ. – 2011. – №14. – <https://clck.ru/33Q2FQ> (дата обращения 16.01.2023).

6. Costales A. F. Exploring translation strategies in video game localizations [Electronic resource] // A. F. Costales. 2012. – Mode of access:

rua.ua.es/dspace/bitstream/10045/26956/1/MonTI_04_17.pdf (дата обращения: 19.01.2023).

УДК 821.111(73)

СОВРЕМЕННЫЙ ОБРАЗ ШПИОНА В ИГРОВОЙ ИНДУСТРИИ

В. В. Панычев²⁴,

аспирант кафедры русской и зарубежной литературы, Институт филологии, Крымский федеральный университет имени В. И. Вернадского, Симферополь

Аннотация. В статье исследована трансформация художественного образа героя-шпиона с момента его формирования до состояния, которое в настоящее время пользуется большой популярностью в игровой индустрии. Первые вариации шпионского романа появились в 19 веке, где, в последствии, начали пользоваться большей популярностью. Тенденции данного жанра всегда активно взаимодействовали с событиями мира и старались передавать истории с максимальной приближенностью к тому, через что проходил мир, как в прошлом, так и в настоящем. Ввиду смещения направления от “бумажных историй” в виртуальное и кинопространство появились вариации шпионов, которые, по мнению автора, будут являться одними из “альтернативных” вариантов при развитии образа героя-шпиона в будущем, а также, станут гораздо популярней чем литературные варианты.

Ключевые слова: Шпионский роман, герой-шпион, образ, игровая индустрия, Хидео Кодзима, Том Клэнси.

Summary. The article examines the transformation of the artistic image of the spy hero from the moment of its formation and evolution to a state that is currently very popular in the gaming industry. The first variations of the spy novel appeared in the 19th century, where, later, in the middle of this century, they began to enjoy greater popularity. The trends of this genre have always actively interacted with the events of the world and tried to convey stories as close as possible to what the world was going through, both in the past and in the present. Due to the shift in direction from “paper stories” to the virtual and film space, a different number of spy concepts have appeared, which, according to the author, will be one of the “alternative” options for developing the image of a spy hero in the future, and will also become much more popular than printed versions due to the “simplicity” of obtaining information from the source.

Key words: Spy novel, spy hero, image, game industry, Hideo Kodjima, Tom Clancy.

Жанр «Шпионский роман» принято считать одним из молодых жанров в литературоведении. Ввиду отсутствия комплексных исследований шпионского романа на уровне жанра, будет логичным исследовать теоретико-литературную основу шпионского романа в динамике [5, с. 44].

²⁴ Научный руководитель: д.филол.н., доцент М. В. Норец

Ссылаясь на монографию Норца М. В. «Генезис жанра шпионского романа в английской литературе» [5], были выделены три этапа жанроформирования шпионского романа в литературе, но в данном случае автор будет рассматривать лишь последние два этапа формирования, а именно: «холодная война» как идеологическая основа жанра шпионского романа; современный шпионский роман. Данные два этапа будут взяты за основу ввиду их большого влияния на проектное творчество авторов во время формирования образов шпиона в историях, которые впоследствии будут визуализированы при помощи игры.

Говоря конкретней об игровой индустрии новейшего времени, стоит отметить, что от начала периода своего формирования (конец 80-х годов 21 века) до настоящего времени они претерпели концептуальные изменения. Можно смело говорить, что в современном мире игровая индустрия способствует генерации новых социокультурных практик и расширению границ антропологической идентичности, становятся пространством экспликации нового понимания творчества, жизни, свободы, художественно-эстетических ценностей, политических и эстетических смыслов [3, с. 2].

Исходя из комплексности вопроса взаимодействия видеоигр с потребителем, а также проявления интереса мира к жанру шпионского романа в реалиях и событиях мира 21 века встает вопрос проведения анализа. При использовании видеоигр, как продукта массового потребления, образ шпиона претерпел еще один виток изменений для имплементации его в пространстве, которое пользуется большей популярностью у массового потребителя.

Первым образом шпиона, который получил обширную популярность в видеоиграх, стал персонаж японского автора Хидео Кодзима под именем Солид Снейк (Solid Snake) из «Metal Gear Solid» (1998). Исходя из концепции автора данный персонаж является человеком американской внешности, бывшим Зеленым Беретом, который обладает достаточно обширными знаниями в проведении специальных операций, проникновений и шпионаже [4]. В данной игре у игрока есть полный контроль над персонажем и ему приходится проходить миссии в одиночку. Хотя в самой игре присутствует большая доля «фэнтезийности» происходящего, где главный герой должен уничтожить ядерную бомбу, а так же сразаться с механизированными экзоскелетами, которые называются «Метал Гир» (Metal Gear), автор данного произведения отдает большое количество экранного времени раскрытия характера персонажа, его взаимодействия с внешним миром, что раскрывается при помощи диалогов, а также посвящает потребителя в историю из прошлого главного героя и его взаимодействие с отцом и одновременно наставником, который готовил Снейка к будущему специального агента.

Данный образ персонажа стал одним из основообразующих в игровой индустрии. Он достаточно незамысловат внутри реалий своего

пространства, но при помощи авторского сознания данный герой получил более глубокое развитие со стороны сюжетобразующей основы, которая впоследствии получила свое развитие в последующих сериях игр. Впоследствии другие авторы из игровой индустрии будут еще не раз ссылаться на концепцию Снейка при создании образов своих героев-шпионов.

Вторым образом героя-шпиона является Сэм Фишер (Sam Fisher) из серии игр «Tom Clancy's Splinter Cell» (2001). Данный образ героя стал, по мнению автора, одним из самых глубоко разработанных концептов героя-шпиона в игровой индустрии. В качестве основы образотворения данного героя послужили новеллист Тома Клэнси, автор, который получил широкую популярность внутри Америки за его произведения, написанные в жанре «детально-проработанного» шпионского романа и научно-военных историй времен Холодной Войны [6]. Сэм Фишер является агентом специального назначения авторского подразделения Агентства Национальной Безопасности под названием «Третий Эшелон» (Third Echelon). Игра стала популярной среди массового потребителя за ее обширную реалистичность и проработанность в сфере шпионажа. Персонаж в этой игре представлен не как солдат, а самый настоящий шпион, который ведет диверсионную деятельность, способен украсть важные документы из стана врага и остаться незамеченным. Так же нужно учитывать глубину проработки характера персонажа, который впоследствии стал персонажем уже литературных произведений, написанных другим автором. Сэм Фишер был главным героем семи шпионских романов, написанных с 2004 года по 2022 год, и все еще является одним из наиболее узнаваемых персонажей из видеоигр в жанре шпионажа.

Третий образ шпиона-героя был разработан нидерландской студией «IO Interactive», видеоигра называется «Наемный Убийца» (Hitman) в главной роли которого находится персонаж по имени «Агент 47» и он является одним из культовых персонажей на основе первого примера. Агент 47 для массового потребителя предстает как специальный агент, которого выходит обычно на задания по убийству значимых личностей в пределах созданной авторами мира. Концептуально персонаж с первых минут предстает как хладнокровный, беспощадный убийца, который был натренирован и завербован для единственной цели – устранять неудобных людей. Впоследствии персонаж получил более детальное развитие внутри сюжетного формирования образа Агента 47, где авторы раскрыли детали своего прошлого и дали игроку более детально погрузиться в эту вселенную. Данная игра полна разнообразных механик, связанных со шпионажем: в ней главный персонаж может переодеваться в одежду других людей, чтобы получить возможность проникнуть куда-то, устраивать небольшие диверсии для отвлечения внимания, устраивать ловушки, инсценировать смерти для достижения своих целей. Авторы данной вселенной предоставляют большое разнообразие для игрока и таким

образом “обезличивают” персонажа в глаза потребителя для его лучшего восприятия. Они не ограничивают игрока в том, как ему следует поступить с тем, или иным заказом и позволяют игроку самому выстраивать видение мира их «Агента 47».

В заключении можно сказать, что игровая индустрия стала чем-то большим чем просто “игры”, которые люди видели стоящими в качестве автоматов в специально-отведенных залах. В настоящее время игровая индустрия захватывает интерес большого количества людей из-за простоты своего использования и становится на один уровень с киноиндустрией. Каждая вышедшая игра является комплексным решением команд людей, а не одного единого автора, поэтому концепции персонажей получают оригинальней с каждым разом. Приведенные примеры образов героев-шпионов доказывают то, что создатели видеоигр активно ссылаются и черпают вдохновение из произведений авторов прошлого, что делает каждую видеоигру искусством. С течением времени и технологического прогресса это становится более очевидно ввиду развития “проработанности” пространства, что позволяет простому потребителю не проецировать ситуацию у себя в голове, а наслаждаться непосредственной картиной на экране телевизора с поправкой на возможность взаимодействовать с этой картиной и выстраивать ее последовательности так, как хочется самому игроку, а не так, как это задумывалось автором изначально.

Список использованных источников

1. Абибуллаева Э. М. Приемы передачи языковой игры на другой язык / Э. М. Абибуллаева, М. Ю. Лукинова // Переводческий дискурс: междисциплинарный подход: Материалы VI международной научно-практической конференции, Симферополь, 28–29 апреля 2022 г. – С. 3-7.
2. Асанова Э. Р. Специфика героя в шпионском романе Дэниела Силвы // Вестник Волжского университета им. В.Н. Татищева. – 2020. – Т. 1, № 1. – С. 35-44.
3. Беляева У. П. Видеоигры как технокультурный феномен: история становления и социокультурная значимость // Научный результат. Социальные и гуманитарные исследования. – 2021. – Т. 7. – № 3. – С. 91-104.
4. Близнец Е. Д. Влияние кинематографа на серию игр Metal Gear игрового дизайнера Хидео Кодзимы // Исторический путь России: из прошлого в будущее: Материалы международной научной конференции, посвященной 800-летию со дня рождения Великого князя Александра Невского. В 3-х томах, Санкт-Петербург, 02 апреля 2021. – С. 157-160.
5. Норец М. В. Генезис жанра шпионского романа в английской литературе: монография / М.В. Норец. – Симферополь: Бизнес-информ, 2014. – 364с.
6. Britannica T. Editors of Encyclopaedia. Tom Clancy. Encyclopedia Britannica. [Электронный ресурс] URL: <https://www.britannica.com/biograph>

hy/Tom-Clancy (дата обращения: 28.01.2023)

7. Hitman: Enemy Within / William C. Dietz, August 28, by Del Rey. – 2007 – 320p.

УДК 811.12

ОСОБЕННОСТИ ЛОКАЛИЗАЦИИ ДИАЛОГОВ В ИГРЕ CYBERPUNK 2077

Н. В. Пасекова,

кандидат филологических наук, доцент кафедры теории и практики перевода, Институт филологии, Крымский федеральный университет имени В.И. Вернадского, Симферополь

Д. А. Агафонова,

обучающаяся магистратуры, кафедра теории и практики перевода, Институт филологии, Крымский федеральный университет имени В. И. Вернадского, Симферополь

Аннотация. В рамках данной статьи рассматривается аспект локализации диалогов в компьютерной игре «Cyberpunk 2077» российской переводческой компанией «TheMostGames». Исследование направлено на анализ стратегий лингвокультурной адаптации речи персонажей и успешности их реализации.

Ключевые слова: локализация, речь, стратегии адаптации, видеоигры.

Summary. The article discusses the aspect of localization of dialogues in the computer game «Cyberpunk 2077» by the Russian translation company «The Most Games». The research is aimed at analyzing the strategies of linguistic and cultural adaptation of the characters' speech and the success of their implementation.

Key words: localization, speech, adaptation strategies, videogames.

По мере того, как неумолимо увеличивается количество видеоигр, возрастает и необходимость исследования способов и эффективности адаптации продукта игровой индустрии в иных культурах с целью повышения производительности и обеспечения успешного погружения пользователей в сюжетную линию. Локализация видеоигры предполагает профессиональный перевод текстов с учетом технических, лингвистических и культурных особенностей страны, региона и национального языка подлинника. Важным аспектом локализации, как особого вида перевода, выступает сохранение единства содержания и стиля, что чаще всего проявляется именно при передаче диалогов с исходного языка на язык перевода.

Локализация видеоигр гораздо сложнее адаптации других продуктов. Прежде всего, стоит отметить множество взаимосвязанных и, в то же время, независимых процессов, тождественных уровням локализации.

Самый поверхностный уровень, коробочная локализация,

предполагает перевод содержимого упаковки видеоигры (в том числе ее название), создание русскоязычной электронной страницы в сети Интернет.

Локализация интерфейса объединяет адаптацию игрового меню, мини-карты игровой вселенной, показатели игровых характеристик.

Графическая локализация преобразовывает графические элементы игровой реальности, основанные на тексте: постеры, плакаты, арты на стенах, вывески объектов инфраструктуры, надписи на предметах и т. д.

Локализация текста, как основной вид деятельности при переводе видеоигры, охватывает работу с различными записями, диалогами, титрами и субтитрами, после чего актерам озвучки предстоит начитать текст таким образом, чтобы русский вариант совпал по длительности с соответствующим исходным текстом.

Сложность текстовой локализации заключается в необходимости следования разностороннему подходу к игре, ее жанровой специфике и логичности изложения материала. Для традиционных переводчиков именно текст выступал наиболее важным объектом, в то время как локализация направлена на реципиента (игрока), как ключевое ядро процесса [2, с. 136].

Текстовая локализация, будучи своего рода аналогом кросс-культурной коммуникации, базируется на трех уровнях восприятия: языковом, культурном и коммуникативном. Проходя ряд глубоких трансформаций, текст не только переходит из одного языка в другой, но и меняется с учетом лингвокультурных особенностей целевой среды, не искажая при этом изначально заложенного смысла [3, с. 18].

В части локализации текстов видеоигр разработчики придерживаются трех стратегий перевода, каждая из которых задействуется при необходимости.

При фокусированной стратегии перевода внимание уделяется передаче основного смысла текста без ущерба сюжету видеоигры. Фрагментарная стратегия перевода ориентирована на передачу особо значимых деталей текста, чаще всего сохраняя даже стилистическую окраску. Компенсированная стратегия перевода сочетает две вышеуказанные стратегии и множество механизмов, которые, как правило, соответствуют грамматическим, лексическим и лексико-семантическим переводческим трансформациям [4].

Рассмотрим некоторые примеры локализации диалогов в «Cyberpunk 2077», компьютерной игре в жанре action-adventure, действие которой происходит в условиях открытого мира в вымышленном футуристическом североамериканском городе Найт-Сити. Управляемый персонаж по имени Ви (в мужском и женском вариантах) взаимодействует с представителями различных слоев населения: от благородных корпоратов до бездомных обитателей Пустоши, что позволяет говорить о разнообразии лингвистических и стилистических особенностей локализации внутриигрового текста.

При переводе диалога главного персонажа с ВакаоОкада, владелицей

салона в Уэстбруке, локализаторы успешно применили идиоматический перевод: «My husbands knew Westbrook. Yes. Each of them *very high* in the Tiger Claws. Ruled Japan Town» [7]. – «Мои мужья знали Уэстбрук. Они все были *большими шишками* в Тигриных когтях. Короли Джапан-тауна» [7]. Устойчивое сочетание «большая шишка», применимое к описанию важного, влиятельного человека, адаптировано для русскоязычных игроков.

Виктор Вектор, лучший риппер (хирург) Уотсона, отзывается о своей работе следующим образом: «Corpos keep their distance, and *saka* is back hiring mercs, so I've got lots of clients» [7]. – «Корпораты ко мне теперь не лезут, «Арасака» снова набирает наемников, так что работы у меня много» [6]. В оригинальном варианте персонаж сокращает название корпорации «Arasaka» до «saka», в то время как в русской локализации оно используется полностью, так как подобные усечения не характерны для русского языка (за исключением случаев усечения, которые не понесут искажения смысла: doctor – док, brother – бро).

Грамматическая замена в русской локализации упрощает восприятие вопроса эзотерика Мисти Ольшевской: «How are you? I mean, *you two*» [7]. – «А как дела у тебя? Вернее, у вас» [6]. Акцент на двойком переводе английского местоимения *you* делает фразу аутентичной для русского пользователя.

В том же диалоге локализаторами упущена возможность идиоматического перевода: «It's weird but... I think we are starting to *see eye to eye*» [7]. – «Странное дело, но... мы вроде начинаем друг к другу *привыкать*» [6]. Экспликация фразеологизма «to see eye to eye» не повлекла искажения смысла, однако подбор эквивалента «найти общий язык» оказался бы намного эффективнее. Оправданием может служить тот факт, что более длинное словосочетание создаст помеху при накладывании русской озвучки на изображение.

Лексическое добавление наблюдается при переводе фразового глагола to invite over: «After we said goodbye to Jackie she invited me over» [7]. – «Когда мы попрощались с Джеки, она пригласила меня на обед» [6]. Дополнительное слово «обед» введено для лучшего выражения мысли.

Очевидным случаем использования свободной адаптации является следующий пример: «Vi, I don't know. I think she is trying to dub me somehow» [7]. – «Ей теперь некуда деть материнскую любовь... а тут я подвернулась» [6]. В диалоге речь идет о женщине, потерявшей сына и направившей всю скопившуюся любовь в адрес бывшей девушки умершего. В оригинале значение глагола «to dub» («копировать») создает впечатление, будто мать ищет замену своей утрате, в то время как в русской локализации идея передана иным образом.

Похожее решение принято локализаторами относительно реплики: «I don't get your optimism. Still sounds like *a big fat nothing* to me» [7]. – «И что ты собираешься сделать? По-моему, это *безнадежно*». Русский аналог английского фразеологизма «a big fat nothing» сложно подобрать, однако

сохранившийся смысл не компенсирует утрату стилистически окрашенного словосочетания, описывающего внутренний настрой персонажа. Словосочетание «ровным счетом ничего» в контексте сложившейся ситуации привнесло бы большую эмоциональную нагрузку.

Стратегия целостного преобразования следующей реплики способствовала достижению адекватного перевода: «See, me and Arasaka... we got a half-century-old score need settling, and I plan to do it» [7]. – «У меня к Арасаке личные счета. Я выставил их пятьдесят лет назад. И сейчас... я хочу закончить начатое» [6]. И использованные лексические единицы не имеют общих семантических компонентов, обладают различной внутренней формой и в тоже время передают содержание средствами разных языков, что является спецификой локализации разговорной речи.

Искажение смысла целого диалога возникает из-за неверной трактовки сленга «rockerboy» в русской локализации. Во вселенной Cyberpunk 2077 «rockerboys» – это не просто музыканты, а действующие бунтари, противники власти, которые, помимо иных проявлений борьбы, выражают свои взгляды в музыке. «It's all a lie. A fiction. You're not a rockerboy, Johnny, face it» [7]. – «Это все фальшивка. Обман зрения. Ты не рокер, Джонни, просто прими это» [6].

Решение локализаторов относительно следующего примера вызывает наибольший интерес: «I myself spent many days looking for him. He... what the expression... *dropped of the face of the earth*» [7]. – Я сам искал его много дней. Он... как это говорится...*как камнем, как в воду канул*» [6]. Доместикация фразеологизма «как в воду канул» выполнена успешно, однако ее использование в данном случае нецелесообразно. Горо Такэмура, японец по происхождению, не очень хорошо знает английский язык и, в целом, оказался в чуждом для себя окружении. Он забывает слова, безуспешно пытается использовать крылатые выражения. В русском варианте, несмотря на попытки актера озвучки преподнести паузы в речи как маркер плохого владения языком, пользователи лишены возможности проникнуться не только особенностями речевого поведения персонажа, но и деталями его происхождения, именно из-за правильного подбора эквивалента.

Результаты проведенного исследования показали, что локализация диалогов в видеоигре «Cyberpunk 2077» не всегда выполнена качественно, однако в большинстве случаев механизмы локализации обособованы. Стратегии перевода чаще направлены на свободное изложение текста и его целостное преобразование в совокупности с подбором эквивалентов из русской картины мира, что связано с целью локализации диалогов в видеоигре – прагматической адаптацией оригинального текста к лингвокультурным особенностям пользователей с учетом сохранения свойственных диалогам экспрессии и эмоциональной окраски.

Список использованных источников

1. Агафонова Д. А. Особенности графической локализации в игре

Cyberpunk 2077 / Д. А. Агафонова, Н. В. Пасекова // Конвергентные технологии XXI: вариативность, комбинаторика, коммуникация : Материалы VII международной междисциплинарной научной конференции, Симферополь, 25–26 ноября 2022 г. – С. 12-16.

2. Зинкевич О. В. Локализация как процесс лингвистической трансформации структуры и содержания динамического текста / О. В. Зинкевич // Известия Санкт-Петербургского государственного экономического университета. – 2018. – С. 135-137.

3. Коптелова С. А. Лингвистические аспекты локализации видеоигр / С. А. Коптелова, Е. А. Руцкая // Вестник Пермского университета. Российская и зарубежная филология. – 2022. – Том 14. – № 3. – С. 16-24.

4. Лукинова М. Ю. Локализация видеоигр и этическая проблема их перевода / М. Ю. Лукинова, Д. А. Баблюк // Переводческий дискурс: междисциплинарный подход: Материалы V международной научно-практической конференции, Симферополь, 29–30 апреля 2021 г. – С. 169-173.

5. Неборская В. В. Психолингвистические особенности в контексте перевода [Электронный ресурс] URL: http://www.rusnauka.com/19_AND_2012/Philologia/6_112657.doc.htm (дата обращения 27.12.2022).

6. Киберпанк 2077, CD Projekt RED. – 2020, The Most Games, СофтКлуб.

7. Cyberpunk 2077, CD Projekt RED. – 2020, Senega.

УДК 81'25

О ТЕОРЕТИЧЕСКИХ ВОЗЗРЕНИЯХ ПРЕПОДАВАТЕЛЯ И ПРАКТИКЕ ПОДГОТОВКИ ПЕРЕВОДЧИКОВ

О. В. Петрова,

кандидат филологических наук, начальник Международной научно-исследовательской лаборатории «Теоретические и прикладные проблемы переводоведения», профессор кафедры теории и практики английского языка и перевода, Нижегородский государственный лингвистический университет им. Н. А. Добролюбова, Нижний Новгород

Аннотация. В основе подготовки переводчиков должна лежать единая, целостная система теоретических принципов и основанная на них методика. Право каждого преподавателя на свои теоретические взгляды не должно распространяться на методическую базу обучения переводу. У студентов нужно сформировать системное, целостное видение того, что такое перевод. А это возможно только в том случае, если в основе подготовки лежит какой-то один подход.

Ключевые слова: теоретические взгляды, подходы к переводу, системность, целостность, методическая база.

Summary. Translation training should be based on a unified, coherent system of theoretical principles and a methodology based on them. Each teacher's

right to their own theoretical views should not extend to the methodological basis of teaching translation. Students should develop a systematic, holistic vision of what translation is. And this is only possible if training is based on a unified approach.

Key words: theoretical views, approaches to translation, consistency, integral system, methodological basis.

Известно, что в науке о переводе существуют разные подходы, разные модели, разные школы. В самом общем виде все их можно разделить на две группы: те, где перевод описывается как переход от текста на ИЯ к тексту на ПЯ путем трансформирования языковых форм оригинала по определенным правилам, и те, где суть перевода определяется как извлечение смысла из текста оригинала и его воспроизведение в тексте перевода. Соответственно этому сегодня в отечественном переводоведении сложились два наиболее распространенных подхода – лингвистический и коммуникативно-функциональный. Различие между этими подходами находит отражение и в работах по теории перевода, и в работах по дидактике перевода, и в практических пособиях по практике перевода.

Как и в любой науке, где существуют разные школы, такое положение в переводоведении совершенно естественно. Именно наличие разных взглядов и мнений, стремление представителей каждого из них обосновать свою позицию, доказать ее преимущества является залогом развития самой науки. И теоретики, и практики вольны выбирать, какой подход им представляется наиболее убедительным, какие теоретические позиции – наиболее верными и какими принципами они будут руководствоваться в своей практической деятельности.

Нужно признать, что в случае с переводоведением значимость самой по себе теории для переводчиков-практиков нередко подвергается сомнению. Действительно, ни сидящий в кабине синхронист, ни работающий над текстом письменный переводчик в процессе работы не раздумывает над тем, какую именно трансформацию ему нужно использовать или какому уровню эквивалентности будет соответствовать выбранный им вариант перевода какого-то предложения. Из этого часто делается вывод, что все теоретические рассуждения и споры – это область «чистой» науки, не имеющей никакого отношения к практике.

Думается, однако, что это не совсем так. Или даже совсем не так. В основе действий любого переводчика лежит представление о том, что и как он должен делать. И здесь разница между лингвистическим и коммуникативно-функциональным подходами оказывается определяющей. Переводчик либо трансформирует текст оригинала, его языковую форму, либо «перевыражает» заключенный в этом тексте смысл. Иными словами, он либо считает необходимым найти аналог языковой форме исходного текста, либо считает себя вправе выразить тот же смысл иначе. В первом случае он будет, к примеру, пытаться перевести поговорку «дорога ложка к обеду», обязательно использовав лексическое соответствие слову «ложка»,

даже если в дальнейшем это слово в тексте не используется и никак не обыгрывается. А во втором скажет что-нибудь вроде «It's mustard after dinner», просто выразив мысль о том, что нечто предлагаемое уже бесполезно, и сохранив при этом образность как стилистическую характеристику текста. И то, как именно переводчик-практик будет решать свои проблемы, зависит в первую очередь от того, как и чему его учили. Не каким именно переводческим приемам его учили, а какое в его сознание заложили представление о сущности перевода, о роли переводчика в межъязыковой и межкультурной коммуникации, о его «правах и обязанностях» по отношению к исходному тексту, заказчику и получателю перевода. А это полностью определяется тем теоретическим подходом, в рамках которого его учили переводить.

Исторически научные школы в большинстве наук складывались на базе университетских кафедр. Все преподаватели одной кафедры (обычно ее же выпускники) исповедовали и развивали общие основополагающие взгляды. Ими же они руководствовались и в своей преподавательской деятельности. Это не значит, что студентам не сообщали о существовании иных школ и подходов. Напротив, им показывали, чем эти подходы различаются, и демонстрировали преимущества подхода, принятого в данной школе. Объясняли и доказывали, что именно этот подход дает возможность наиболее полно, всесторонне и непротиворечиво описать изучаемые объекты, явления или процессы, а применение его принципов на практике позволяет получить наилучшие результаты.

До относительно недавнего времени именно так обстояло дело и в переводе. Пока в стране было всего три вуза, на базе которых формировались переводческие школы, преподаватели, работавшие в каждом из них, руководствовались одними и теми же представлениями о сущности перевода. На этой основе вырабатывались и характерные для каждого вуза методы и приемы подготовки переводчиков. Сегодня, когда на территории России осталось только два из этих вузов, именно они и стали центрами тех двух основных подходов, о которых шла речь: Московская переводческая школа, основанная и развивающаяся на базе лингвистического подхода, и Нижегородская, ставшая центром развития коммуникативно-функционального подхода. Теоретические дискуссии между представителями этих школ, конкурсы и соревнования между студентами МГЛУ и НГЛУ – все это та здоровая состязательность, которая способствует развитию перевода и, возможно, в конечном итоге позволит выйти на некий более высокий уровень теоретического осмысления переводоведческих проблем, позволяющий синтезировать эти подходы.

Однако резко изменившаяся в стране ситуация и возникающая, в связи с этим потребность в подготовке большого количества переводчиков привели к появлению большого количества вузов, начавших этих переводчиков готовить. В большинстве случаев в этих вузах не было не только

устоявшихся традиций преподавания перевода, но и преподавателей, имевших переводческое образование или достаточный опыт профессионального перевода [4]. Преподавание началось, что называется, с колес: срочно составлялись программы, срочно подбирались учебники и пособия, создавались собственные учебные материалы, а сами преподаватели столь же срочно начали осваивать азы переводоведения и практического перевода. Вполне естественно, что все это привело к эклектичности программ, несовместимости тех принципов, на которых были основаны учебные материалы, и, как результат, к полной бессистемности преподавания.

Со временем многие преподаватели иностранных языков, которым пришлось так резко переквалифицироваться в преподавателей перевода, стали вникать в существующие теории, знакомиться с разными подходами к переводу и к методике его преподавания. И вполне естественно, что на одной кафедре разные преподаватели могли посчитать наиболее убедительными разные теории и подходы. Поскольку сами они не формировались как переводоведы в рамках определенной школы, их взгляды зачастую складывались на основе тех работ, которые первыми оказались в поле их зрения. И вполне понятно, что, если кто-то впервые познакомился с теорией перевода, прочитав про теорию уровней эквивалентности В. Н. Комиссарова, он может потом в штыки воспринимать не только, скажем, скопос-теорию, но и принципы интерпретативной теории, и взгляды нижегородских переводоведов. И наоборот: получив первые представления о сущности перевода из работ В. В. Сдобникова, он будет критически воспринимать не только теорию уровней эквивалентности, но и весь лингвистический подход к переводу. Потребуется серьезное, глубокое изучение теории перевода, для того чтобы случайно сформировавшиеся взгляды превратились в осознанную, обоснованную позицию – что, как мы знаем по опыту, происходит не всегда. Но как бы в дальнейшем ни шло формирование переводоведческих взглядов этих преподавателей, вполне возможно, что в рамках одной и той же кафедры окажутся сторонники разных школ.

В чисто научном плане в этом нет ничего плохого. Человек выбирает школу, взгляды которой он разделяет. Он пишет статьи, обосновывая этот подход, выступает на научных конференциях, доказывая преимущества той или иной теории. Но он при этом остается в первую очередь преподавателем. Он пишет учебники и пособия, он читает лекции, он определяет выбор уже имеющейся учебной литературы. И в результате нередко складывается ситуация, когда разные аспекты перевода преподаются студентам на основе разных, совершенно несовместимых принципов. На одном занятии им говорят, что нужно абстрагироваться от языковой формы высказывания на ИЯ и объясняют, что такое девербализация (как, например, в [1]), а на другом рассказывают о проблемах перевода форм рода и числа английского существительного, об

особенностях перевода английских местоимений, предлогов, союзов (как, скажем, в [2]) или о передаче эллиптических конструкций и уступительных конструкций с союзами (как в [3]) и т. д. Так что же в итоге должен усвоить студент? Что при переводе необходима «максимально глубокая смысловая переработка материала, что неизбежно предусматривает отход от поверхностных форм, структур и лексики» [1] или что «уступительные конструкции, вводимые союзами *whichever* и *however*, в которых опущено сказуемое, реже подлежащее, переводятся на русский язык полными уступительными придаточными предложениями с союзами: какой бы ни, какие бы ни, каков бы ни» [3, с. 85]?

Иногда высказывается мнение, что каждый преподаватель имеет право учить студентов переводить, руководствуясь той концепцией, которой он сам придерживается, просто он должен студентов об этом предупредить. Но при этом упускается из вида, что мы должны сформировать переводческую личность, обладающую совершенно определенным пониманием сущности перевода, своего места в процессе перевода, своих функций и задач. Невозможно подготовить профессионального переводчика, который бы исходил из того, что нужно абстрагироваться от языковой формы текста на ИЯ, но при этом уступительные конструкции необходимо переводить полными уступительными предложениями. Совместить эти подходы на практике невозможно. И дело не в том, какой из этих подходов лучше. Так же, как нельзя одному студенту-медику внушать, что какое-то заболевание можно вылечить только хирургически, и в то же время объяснять ему, что хирургический метод лечения может применяться только в том случае, если все остальные оказались неэффективными, так и будущему переводчику нельзя одновременно предлагать исходить из принципа трансформирования текстовых форм и при этом от этой языковой формы абстрагироваться.

Складывается парадоксальная ситуация: с одной стороны, каждый специалист, осмысляющий сущность своей профессии, волен придерживаться той теории, которая кажется ему наиболее убедительной, а с другой – все преподаватели одной кафедры должны в преподавании придерживаться единой концепции. Если теоретические позиции преподавателя отличаются от тех, что приняты на кафедре в целом, и при этом настолько для него важны, что он не может отказаться от их реализации в практике преподавания, он, по-видимому, должен отказаться от работы со студентами на данной кафедре и либо сосредоточиться на научной деятельности и практическом переводе, либо перейти в то учебное заведение, где все коллеги руководствуются теми же взглядами, что и он. Или же, оставаясь при своих убеждениях в том, что касается его собственного научного видения, он может, так сказать, наступить на горло собственной песне и подчиниться общей методической концепции того учебного заведения, где он работает.

Системность – это одно из фундаментальных требований к любому

образованию. Формирование профессионального мышления требует предъявления студентам целостной, четко структурированной, логически непротиворечивой системы понятий, составляющей основу его будущей профессиональной деятельности.

Работая вместе, группа архитекторов, один из которых строит в стиле ампир, другой – в стиле конструктивизма, а третий – в стиле хайтек, если и сможет построить одно здание, то оно скорее всего будет уродливым. Преподаватели, каждый из которых учит студентов переводить, основываясь на несовместимых принципах, заведомо не смогут вместе подготовить профессионального переводчика. У студентов нужно сформировать системное, целостное видение того, что такое перевод. А это возможно только в том случае, если в основе подготовки лежит какой-то один подход.

Список использованных источников

1. Вацковская И. С. Десять уроков последовательного перевода с применением переводческой скорописи [Электронный ресурс]. – Казань: Бук, 2017. – С. 52. – <https://readli.net/desyat-urokov-posledovatel'nogo-perevoda-s-primeneniem-perevodcheskoy-skoropisi/> (дата обращения 14.01.2023).
2. Подгайская И. М. Лексические и грамматические проблемы перевода: учебное пособие. – Донецк: ДонНУ, 2019. – 149 с.
3. Яшина Н. К. Учебное пособие по письменному переводу. – Владимир: Изд-во ВлГУ, 2016. – 152 с.
4. Petrova O.V., Sdobnikov V.V. A Translation Teacher Profile in the Russian Context // Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 2. Yazykoznanie [Science Journal of Volgograd State University. Linguistics], 2021, vol. 20, no. 3, pp. 65-74.

УДК 81'255.2

ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ ПЕРЕВОД КАК ИНТЕРПРЕТАЦИЯ: НА МАТЕРИАЛЕ РОМАНА Д. СЭЛИНДЖЕРА «THE CATCHER IN THE RYE» И ЕГО ПЕРЕВОДОВ НА РУССКИЙ ЯЗЫК

А. Д. Полоник,

*обучающаяся магистратуры, кафедры теории и практики перевода,
Институт филологии, Крымский федеральный университет имени
В. И. Вернадского, Симферополь*

Н. В. Пасекова,

*кандидат филологических наук, доцент кафедры теории и практики
перевода, Институт филологии, Крымский федеральный университет
имени В. И. Вернадского, Симферополь*

Аннотация. В статье рассматривается процесс перевода художественного произведения как создание нового текста на материале романа Д. Сэлинджера «The Catcher in the Rye» и его двух переводов – Риты

Райт-Ковалевой «Над пропастью во ржи» (1955 г.) и Максима Немцова «Ловец на хлебном поле» (2017 г.). Проводится сопоставительный анализ переводных версий романа с учетом применения принципов исторической стилизации и модернизации текста.

Ключевые слова: художественный перевод, интерпретация, Максим Немцов, «Ловец на хлебном поле», историческая стилизация, модернизация перевода.

Summary. The article deals with the process of translation of a work of art as the creation of a new text based on J. Salinger's novel «The Catcher in the Rye» and its two translations – by Rita Rait-Kovaleva (1955) and Maxim Nemtsov (2017). A comparative analysis of the translated versions of the novel is carried out, taking into account the application of the principles of historical stylization and modernization of the text.

Key words: literary translation, interpretation, translation equivalence, Maxim Nemtsov, historical stylization, modernization of a translation.

Художественный перевод – это своеобразный вид литературного творчества, предполагающий воссоздание художественного текста одного языка средствами другого. Художественный перевод отличается от иных видов перевода, главным образом, отсутствием объективной правильности перевода текста. Художественный перевод считается наиболее сложным видом перевода, так как специфика художественного текста требует определенного подхода в переводе.

«В отличие от нехудожественного текста, действительность здесь представлена в виде образа. Следовательно, деление текстов на художественные и нехудожественные осуществляется за счет того, что первые обращены к образному мышлению человека, а последние – к логическому. Все это позволяет говорить и о различии в цели создания текстов. Логические тексты создаются с целью передачи информации, а художественные – с целью воздействия на читателя. Поэтому различается и характер передаваемой информации» [2, с. 18]. Художественный текст может содержать любой вид информации, оказывать влияние на чувства и эмоции, а также выполнять эстетическую функцию. Для этого автор такого текста наполняет его различными средствами выразительности, что само по себе представляет большую сложность для переводчика, так как необходимо не только передать смысл написанного, но и постараться сохранить эмоциональную окраску. Таким образом, от переводчика художественного текста зависит то, как произведение будет воспринято читателем. Поиск наиболее подходящих эквивалентов и работа с различными приемами перевода позволяет успешно решить данную задачу.

В ходе перевода художественного произведения переводчик выступает в роли писателя и поэта, соавтора произведения. Художественный перевод требует от переводчика определенных знаний, умений и навыков, глубокого понимания содержания произведения, творческого поиска, при этом сохраняя творческую индивидуальность

автора литературного произведения. «Художественный перевод предполагает осмысление литературного текста как сложного структурного единства системы взаимодействующих элементов, служащих раскрытию идейно-тематического содержания литературного произведения. Переводчик должен уметь проникнуть в художественную «ткань» произведения, осмыслить идейную и эстетическую ценность прочитанного, дать научно обоснованную интерпретацию литературного текста. В процессе художественного перевода происходит процесс интерпретации литературного текста, отличительной чертой которого является подход к тексту как к структурному целому – иерархии взаимосвязанных элементов» [3]. Правильная и глубокая интерпретация литературного текста требует «знания эпохи, описываемой в произведении, и той, в которой творит автор, философских и социально-исторических предпосылок создания произведения, т.е. привлечения так называемых внетекстовых структур», – утверждает А. К. Попович [6, с. 41].

Перевод художественного текста – трудоемкий процесс, включающий в себя не только знание двух языков, но и профессиональное использование переводческих приемов. Необходимо чувствовать и понимать культуру другой страны, ее менталитет, моральные ценности и этические нормы.

Помимо этого, важно учитывать и уметь передавать скрытые смыслы произведения, понимать, что хотел донести автор, и экспрессивные средства он использовал для достижения определенного эффекта и воздействия на читателя. Подтверждением этой мысли может служить цитата из монографии А. К. Поповича: «Самым главным принципом при художественном переводе является принцип, согласно которому при переводе необходимо учитывать, что отдельно взятое предложение – это ни что иное, как часть чего-то целого, его нужно рассматривать во взаимосвязи с другими предложениями, и в связи с этим переводчику следует трактовать не только однозначный смысл данного предложения, но и работать над созданием художественного образа, общего настроения, характеристики атмосферы, персонажей и т.п. Здесь важен и выбор отдельного слова, и синтаксической структуры, и других элементов» [6, с. 92].

Далее приведем несколько примеров из произведения Д. Сэлинджера «The Catcher in the Rye» и его переводов на русский язык, осуществленными Максимом Немцовым «Ловец на хлебном поле» и Риты Райт-Ковалевой «Над пропастью во ржи», и продемонстрируем, как одна и та же фраза трансформируется переводчиками, творящими в различные эпохи.

Долгое время единственным переводом романа был перевод Риты Райт-Ковалевой. Он был опубликован в 1955 году и до сих пор считается «каноническим»: подавляющее большинство читателей знакомы с книгой именно по этому переводу. Название романа, «The Catcher in the Rye», передано метафорически – «Над пропастью во ржи». Дословный же перевод названия – «ловец во ржи».

В переводе Риты Райт-Ковалевой нашли отражение отличительные

характеристики советской переводческой школы: высокие стандарты перевода и безупречная квалификация переводчика с одной стороны, и влияние цензуры и идеологические требования к тексту с другой. Последнее заставляло переводчиков менять стилистическую окраску произведения, смягчать те места оригинального текста, которые не могли иначе пройти советскую цензуру и попасть в печать.

Цензура, советское законодательство и мышление среднестатистического советского человека не допускали мысли и существовании сексуальных меньшинств, поэтому названия людей с нетрадиционной сексуальной ориентацией, присутствовавшие в оригинале, до советского человека не дошли. Слово «*fliits*» (гомосексуалисты) в романе заменяется на слово «*психи*». Психами стали и «*perverts*» (извращенцы) и «*morons*» (идиоты).

Герой романа Холден Колфилд, как и многие подростки, часто думает об интимных отношениях между мужчинами и женщинами. Однако, учитывая цензуру, употребление лексики на эту тематику в советской литературе было немыслимым, поэтому Рита Райт-Ковалева изменила текст так, чтобы этого избежать. Это прекрасно видно на примере следующего предложения: «*He knew quite a bit about sex, especially perverts and all*» [10, с. 26]. – «Он знал про всякое такое, особенно про всяких психов» [8, с. 29]. Еще один пример влияния политической цензуры мы видим в данном предложении: «*One of them was this very Cuban-looking guy, and he kept breathing his stinking breath in my face while I gave him directions*» [10, с. 52]. – «Один из них, настоящий испанец с виду, все время дышал мне в лицо вонючим перегаром, пока я объяснял, как им пройти» [8, с. 55]. Здесь нужно вспомнить исторический контекст. Перевод был выполнен в 1955 г., – как раз в это время политические отношения СССР и Кубы переживали расцвет. Нельзя было допустить, чтобы гражданин дружественной страны предстал перед советским человеком в таком нелюбезном виде, поэтому в переводе кубинец стал испанцем.

Советская цензура прослеживается и в следующем примере. В оригинале на стене в школе Холден видит надпись «*fuck you*». Очевидно, что прямой перевод фразы не мог появиться в советском издании, поэтому переводчица нашла решение, дав описательный перевод «*кто-то написал на стене похабщину*».

Перевод «Ловец на хлебном поле» Максима Немцова стал переосмыслением перевода известного романа от лица нулевых. Этот перевод получился гораздо более перегруженным жаргонизмами, ненормативной лексикой и сленгом, чем перевод Риты Райт-Ковалевой.

Чтобы понять, как повышался градус грубости от перевода к переводу и каких высот достиг «словесный накал» у Немцова, обратимся к примеру: «*He has lost his virginity when he was only fourteen, in Nantucket*» [10, с. 64]. Рита Райт-Ковалева перевела данное предложение так: «Он потерял девственность четырнадцати лет, в Нантакете» [8, с. 68]. У Немцова этот

фрагмент звучит более жестко и грубо: «Ему целку сломали в 14, в Хантакете» [7, с. 65]. Рассмотрим еще один пример: «*I sat up in bed and smoked another cigarette. It tasted lousy*» [10, с. 83]. Перевод Риты Райт-Ковалевой: «*В конце концов я сел на постель и выкурил еще сигарету*» [8, с. 82]. Немцов же снова прибегает к жаргонизмам: «*Выкурил еще сигу, на вкус параша*» [7, с. 87]. Следует рассмотреть еще один пример: «*They're quite touchy about anything like that, especially my father*» [10, с. 98]. Рита Райт-Ковалева передает смысл таким образом: «*Они этого терпеть не могут, особенно отец*» [8, с. 97]. Немцов переводит все также грубо, используя жаргонизм: «*Они насчет такого чувствительные, особенно штрик*» [7, с. 103] («штрик» на жаргоне – «старик, родитель»).

Таким образом, можно сделать вывод, что перевод художественного произведения – сложная задача, для решения которой необходимо использовать множество переводческих приемов. Каждый переводчик интерпретирует текст в своем стиле в соответствии с нормами и правилами общества своего времени. Современный перевод значительно отличается от перевода 1950-х годов и характеризуется отсутствием цензуры, а также обилием сленга, ненормативной лексики и жаргонизмов.

Список использованных источников

1. Иваниченко А. Ю. Влияние на перевод художественного текста языковой личности переводчика и ценностей эпохи (на материале произведения Д. Д. Сэлинджера «Над пропастью во ржи» и трёх переводов данного текста) / А. Ю. Иваниченко, М. В. Норец // Переводческий дискурс: междисциплинарный подход: Материалы V международной научно-практической конференции, Симферополь, 29–30 апреля 2021 г. – С. 117-122.
2. Комиссаров В. Н. Общая теория перевода. Проблемы переводоведения в освещении зарубежных ученых. М.: ЧеРо. – 1999. – 134 с.
3. Лотман Ю. М. Структура художественного текста [Электронный ресурс] / Режим доступа: <https://booksonline.com.ua/view.php?book=146293> (дата обращения 10.01.2023).
4. Меркулова М. Г. Теория английскости в контексте исследования творчества писателей-мультикультураллистов Великобритании / М. Г. Меркулова // Язык и литература в проблематике современных гуманитарных наук: сборник научных трудов по лингвистике и литературоведению / Московский городской педагогический университет. – Москва: Общество с ограниченной ответственностью "Принтика", 2021. – С. 108-114.
5. Норец М. В. Проблемы фокализации и перевода романа Д. Д. Сэлинджера «Над пропастью во ржи» в XX и XXI веках / М. В. Норец, А. Ю. Иваниченко // Переводческий дискурс: междисциплинарный подход: Материалы VI международной научно-практической конференции, Симферополь, 28–29 апреля 2022 г. – С. 236-241.
6. Попович А. К. Проблемы художественного перевода. М.: Высшая

школа. – 1980. – 199 с.

7. Сэлинджер Д. Д. Ловец на хлебном поле. М.: Издательство Э. – 2017. – 320 с.

8. Сэлинджер Д. Д. Над пропастью во ржи. М.: Эксмо. – 1989. – 224 с.

9. Тропина Н. А. Особенности перевода научно-фантастического рассказа А. К. Дойла «Дезинтеграционная машина» / Н. А. Тропина // Языковая личность и перевод: материалы V Международного научно-образовательного форума молодых переводчиков, посвященного 100-летию Белорусского государственного университета, Минск, 12–13 ноября 2020 г. – С. 264-267.

10. Salinger J. D. The Catcher in the Rye. New York.: Little, Brown and Company, 1993. – P. 234.

УДК 81'33

**«ГРОЗОВОЙ ПЕРЕВАЛ» Э. БРОНТЕ:
ОБРЕТЕНИЕ «СИЛЫ» В ДРУГИХ ВЕРБАЛЬНЫХ И
НЕВЕРБАЛЬНЫХ СЕМИОТИЧЕСКИХ СИСТЕМАХ**

В. А. Разумовская,

кандидат филологических наук, профессор научно-учебной лаборатории поведенческой экономики и развития коммуникаций, Институт экономики, государственного управления и финансов, Сибирский федеральный университет, Красноярск

Аннотация. Статья обращена к «судьбе» одного из «сильных» текстов английской художественной литературы, ставшим регулярным объектом трех яacobsonianских видов перевода, а также ядром обширного центра переводной аттракции. «Сильный» художественный текст, обладающий ингерентным свойством неисчерпаемости информации, и его вторичные варианты, созданные на основе информационных особенностей первичного текста, образуют в пределах указанного центра полилингвальный и мультимодальный «сверхтекст», что значительно расширяет границы переводимости и степень переведенности вербального оригинала. В работе уточняется понятие переводной множественности, в которое включается не только наличие вербальных вторичных текстов оригинала, представленных средствами различных языковых систем, но и невербальные или не только вербальные версии, обладающие различной семиотической природой.

Ключевые слова: «сильный» текст литературы, вторичность, переводная множественность, межъязыковой и межсемиотический перевод, центр переводной аттракции.

Summary. The article is addressed to the “destiny” of one of the “strong” texts of English fiction, which has become a regular object of three Jakobsonian types of translation, as well as the core of an extensive translation attraction center. A “strong” literary text, possessing the inherent property of information

inexhaustibility, and its secondary variants, created on the basis of the informational features of the primary text, form a polylingual and multimodal “supertext” within the specified center, which significantly expands the boundaries of translatability and the degree of translatedness of the verbal original. The paper clarifies the concept of translation multiplicity, which includes not only the presence of verbal secondary texts of the original, represented by means of various language systems, but also non-verbal or not only verbal versions with different semiotic nature.

Key words: the “strong” text of literature, secondariness, translation multiplicity, interlanguage and intersemiotic translation, translation attraction center.

К категории «сильных» текстов литературы, выделяемых на основе ряда традиционных критериев (известность среди читателей, филологов и критиков, включение в каноны различных уровней образования, высокая степень реинтерпретативности и способность обеспечивать прецедентность и т.д.), принадлежат произведения, которые имеют различные истории создания и обретения ими известности и «силы» [1]. «Сильным» нередко становится текст, входящий в богатое творческое наследие известного автора. Также известны случаи, когда корпус текстов одного автора крайне немногочислен; в нем представлено единственное произведение, которое в силу своих выдающихся художественных характеристик и обстоятельств существования после выхода в свет надолго остается в своей и «чужих» культурах, приобретая большую известность и, соответственно, «силу».

В контексте стремительно меняющейся проблематики современной гуманитаристики, предполагающей смену переводоведческой парадигмы, описаны причины и механизмы создания центров переводной аттракции, представляющих системно-структурные единства вербальных оригиналов и их вторичных версий (вербальных и не только вербальных) с различной семиотической природой [8; 9]. Случаи формирования центров переводной аттракции рассмотрены через понятия информационной неисчерпаемости «сильных» художественных оригиналов и их потенциальной переводной множественности, которая обеспечивается способностью таких текстов к высокой реинтерпретативности. Отмеченные выше понятия были впервые предложены в предметном поле художественного переводоведения [4; 5] и к настоящему моменту уже приобрели в нем категориальный статус [3]. Вторичные версии художественного оригинала становятся результатами внутриязыкового, межъязыкового и межсемиотического видов перевода, выделенных Р. Якобсоном [7]. Внимание исследователей традиционно обращено на иноязычные версии, хотя в последние десятилетия в сферу научных интересов стали регулярно попадать и версии иносемиотические.

В творческом наследии английской писательницы Эмили Бронте произведение «Грозовой перевал» («Wuthering Heights»), созданное в соответствии с канонами позднего романтизма и впервые опубликованное в 1847 году, стало единственным романом. После выхода в свет он был

неоднозначно воспринят читателями и критиками, которые отмечали в нем отсутствие отрицательных и положительных героев, поскольку персонажи Бронте находятся в плену бушующих страстей и являются воплощением человеческих пороков, что создает мрачную, депрессивную атмосферу. Тем не менее, были и читатели, у которых роман и описание в нем водоворота человеческих судеб вызвали большой интерес.

На настоящий момент история текста Э. Бронте насчитывает уже более 170 лет. Примечательно, что за прошедшее время роман уверенно приобрел мировую популярность, став признанной классикой английской литературы и «сильным» текстом мировой литературы и, соответственно, культуры. В научной и научно-популярной литературе «Грозовой перевал» сохраняет свои первоначальные характеристики загадочного, мистического произведения, в котором тесно переплетены готический романтизм и суровый реализм, а также представлены художественные образы, которые остаются загадками для многих поколений читателей. Росту известности и популярности романа, его трансформации в «сильный» текст литературы во многом способствовало появление его вторичных версий, результатом чего стало создание центра переводной аттракции.

Роман является регулярным объектом межъязыкового перевода. Известно более 60 языков, на которых были созданы иноязычные версии «Грозового перевала». Время создания переводов на каждый европейский язык обусловлено различными причинами. Так, первый немецкий перевод был опубликован в 1851 году («Wutheringshöhe», анонимный перевод), то есть практически сразу после выхода в свет оригинала. Французский перевод создается только через 40 лет в 1892 («Un amant», переводчик T. de Wyzewa). Первый португальский перевод появился уже в XX веке (1938 год, «O Morro dos Ventos Uivantes», переводчик O. Mendes). В соответствии с базой данных переводов Index Translationum на многие европейские языки роман Бронте переводился неоднократно (перепереводился), что с полным правом может считаться проявлением «силы» оригинала. Так, в указанном ресурсе представлены сведения о существовании нескольких вариантов перевода на немецкий, французский, испанский, португальский, греческий, финский, норвежский, шведский, польский языки. Известно более 50 полнотекстовых переводов романа на китайский язык, а сам текст Бронте считается в современном Китае культовым. Роман был также переведен на корейский, японский, сингальский, ассамский, хинди, иврит, арабский, фарси и многие другие языки мира [6].

Российские читатели смогли познакомиться с «Грозовым перевалом» более чем через 100 лет после первой публикации англоязычного оригинала. История создания переводов романа в России начинается только в 1958 году с версии Н. Д. Вольпин, которая в течение 50 лет оставалась единственным переводом на русский язык. Примечательно, что перевод Вольпин сохранил свой «активный» статус и в XXI века, о чем свидетельствует его регулярное переиздание. Одно из последних переизданий перевода Вольпин относится

к 2023 году (издательство «Эксмо», серия «Культурная классика. Читаем главное»). В художественном переводе данная версия считается канонической. В XX веке русскоязычные читатели могли познакомиться с «Грозным перевалом» через переводы А. Ненашевой (2008), У. Сапциной (2009), Н. Роговой (2012), Т. Черняк (2016), А. Грызуновой (2018), Н. Жутовской (2020). Каждый из перечисленных переводов имеет свои особенности «жизни и судьбы», на которые повлияли обстоятельства их появления (в условиях существования созданных ранее версий), история публикаций (объем первичного и повторных тиражей, использование бумажного и/или электронного носителей, формат аудиокниги или электронной книги), оценка качества перевода филологами, критиками и читателями и т.д.

Мрачная готическая история, рассказанная Э. Бронте в середине XIX века неоднократно воплощалась на киноэкранах. Первая известная (немая и черно-белая) киноверсия романа, датируемая 1920 годом, была создана в Великобритании режиссером А. В. Брамблом. В дальнейшем британские кинематографисты неоднократно обращались к роману: 1967 (режиссер П. Сэди); 1970 (Р. Фуэст); 1978 (П. Хаммонд); 1992 (П. Козмински); 1998 (Д. Скиннер); 2009 (К. Гедройц); 2011 (А. Арнольд). Указанные экранизации в разной степени отражали информацию оригинала и имели различную эстетическую «силу» и, соответственно, зрительский успех и оценки критиков. К разряду «сильных» киноверсий романа традиционно относят американскую адаптацию 1939 года (режиссер У. Уайлер, роль Хитклиффа исполнил Л. Оливье). Известны и многие другие кино и телеверсии, созданные в различное время в различных странах и нередко имеющие отличные от оригинала названия. Текст Э. Бронте стал основой для многих радиопостановок, опер, мюзиклов, балетов и театральных постановок.

Все вторичные версии романа, имеющие различную семиотическую природу, формируют центр переводной аттракции, представляющий собой полилингвальный и мультимодальный «сверхтекст» [2]. Примечательно, что в рамках центра переводной аттракции не только вербальный оригинал может иметь статус «сильного» текста. К категории «сильных» в различных культурах также могут быть отнесены вторичные тексты переводов (прежде всего, для культуры, к которой принадлежит язык перевода, который является наиболее успешным в конкретный период времени). «Сильными» могут быть и кинотексты, получившие признание зрителей, критиков и исследователей. Таким образом, в национальных и мировом культурных пространствах представлен не только «сильный» текст оригинала романа «Грозной перевал», но также и его «сильные» вторичные тексты, которые взаимодействуют в границах центра переводной аттракции и определяют «судьбу» оригинала Э. Бронте. Появление «сильных» вторичных текстов различной семиотической природы увеличивает уровень переведенности оригинала и во многом способствует его сохранению в «своем», «чужих» и мировом культурном пространствах.

Список использованных источников

1. Кузьмина Н. А. Интертекст: тема с вариациями. Феномены культуры и языка в интертекстуальной интерпретации. Омск: Издательство Омского государственного университета. – 2009. – 228 с.
2. Разумовская В. А. «Сверхтекст» как результат переводной множественности «сильного» текста художественной литературы // Язык как искусство: функциональная семантика и поэтика: сборник статей Международной научно-практической конференции. Москва, 14–15 апреля 2022. – С. 303 – 310.
3. Разумовская В. А., Тарасенко Т. В. «Сильные» тексты литературы в свете неокатегорий художественного перевода // Русский язык и культура в зеркале перевода: XII Международная научная конференция (Москва, 13–15 мая 2022 года). – С. 211–219.
4. Чайковский Р. Р. Реальности поэтического перевода (типологические и социальные аспекты). Магадан: Кордис. – 1997. – 197 с.
5. Чайковский Р. Р., Лысенкова Е. Л. Неисчерпаемость оригинала. 100 переводов «Пантеры» Р. М. Рильке на 15 языков. Магадан: Кордис. – 2001. – 211 с.
6. Index Translationum. Режим доступа: <https://www.unesco.org/xtrans/bsstatexp.aspx?crit1L=5&nTyp=min&topN=50> (Дата обращения: 15.01.23).
7. Jakobson R. On Linguistic aspects of translation // On Translation. Cambridge: Harvard University Press, 1959. – P. 30–39.
8. Razumovskaya V. A. “Strong” Texts of Russian Culture and Centers of Translation Attraction // Journal of Siberian Federal University. Humanities & Social Sciences. – № 7. – 2014. – P. 834–846.
9. Razumovskaya V. A. A Center of Translation Attraction as the Tower of Babel Replica: Intersemiotic Translation Perspectives // MUNDO ESLAVO, № 18. Granada: Universidad de Granada, 2019. – P. 202–215.

УДК 130.2

**КУЛЬТУРНЫЙ ПЕРЕВОД КАК ИНСТРУМЕНТ ФОРМИРОВАНИЯ
ПЕТЕРБУРГСКОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ*****В. Е. Резеньков²⁵***

обучающийся магистратуры кафедры философии факультета философии, культурологии и искусств, Ленинградский государственный университет имени А. С. Пушкина, Санкт-Петербург

Аннотация. Идентичность – важное понятие современного гуманитарного знания. Цель работы – выяснить, благодаря чему культурный перевод является эффективным инструментом формирования петербургской идентичности. В работе использованы описательный и сравнительно-сопоставительный методы. Автор приходит к выводу, что

²⁵ Научный руководитель: д. филос. н., профессор О. Р. Демидова

культурный перевод позволяет без потерь для изначальной идентичности человека сформировать петербургскую идентичность.

Ключевые слова: идентичность, Санкт-Петербург, культурный перевод, память, социокультурное пространство, история, мегаполис, городской ландшафт.

Summary. Identity is an important concept of modern humanitarian knowledge. The aim of the work is to find out why cultural translation is an effective instrument for the formation of St. Petersburg identity. Descriptive and comparative methods are used in the work. The author comes to the conclusion that cultural translation makes it possible to form a St. Petersburg identity without loss for the original identity of a person.

Key words: identity, St. Petersburg, cultural translation, memory, social and cultural space, history, megapolis, urban landscape.

Проблема идентичности во все времена привлекала к себе внимание как отдельных исследователей, так и целых культурных и общественных институций. При этом называться явление «идентичности» могло по-другому или вовсе быть не до конца осознаваемо как исследуемый объект. Тем не менее, именно на основе идентичности выстраивается система «свой» – «чужой». Во многом именно идентичность обеспечивает человеку и целому обществу понимание их собственной природы. Проблема идентичности в последнее время стоит все более остро ввиду глобализации, смещения культур и образов жизни, в результате чего преемственность и стационарность, как основы формирования идентичности, оказываются под угрозой. Все вышперечисленное и обеспечивает работам, посвященным идентичности, крайнюю злободневность и актуальность.

Под идентичностью в этой статье мы будем понимать комплекс мировоззренческих представлений человека, связанных с конкретными образами того или иного места, обеспечивающих ему чувство общности с другими живущими и жившими здесь людьми (*определение автора статьи*).

Понятие идентичности неразрывно связано с понятием культуры. И инструменты формирования идентичности также будут относиться к сфере культуры. В этой статье предлагается рассмотреть культурный перевод как инструмент формирования петербургской идентичности. Под культурным переводом мы понимаем «перенос смыслов, выраженных на одном языке культуры/языке одной культуры, с использованием другого языка культуры/языка другой культуры, имеющей задачей вписывание переводимого текста в иной культурно-языковой и семиотический дискурс <...>. Перенос определенной культурно-языковой информации из одного ментального и мировоззренческого пространства в другое» [9, с.74].

Культурный перевод – это эффективный инструмент освоения нового социокультурного пространства посредством включения в него личных воспоминаний и тех элементов идентичности, которые являются важными для человека и могут найти своей отражение в иной аксиологической

системе.

Петербургская идентичность сама по себе интересный объект для изучения, но в качестве «принимающей стороны» для идентичности приезжего человека ее можно изучать с неочевидных сторон. Петербургская идентичность неразрывно связана с образом петербуржца и петербурженки, которые часто предстают в качестве скромных интеллигентов. В свою очередь парадный Петербург до сих пор производит впечатление столицы великой империи, а статус «культурной столицы» намекает на преемственность. Но за всеми перечисленными выше стереотипами забывается тот факт, что за три столетия своего существования город был главным местом свершения четырёх революций, если считать реформы Петра Великого революцией сверху. «Культурная столица» стала источником и главным действующим лицом двух самых крупных сломов в русской культуре со времен татаро-монгольского ига. Иными словами, одно из проявлений Петербурга – это регулярная трансформация и обновление идентичности, часто происходящее за счет слома старого. С другой стороны, Петербург создавался не просто как место новой идентичности, но как место лояльное ко множеству идентичностей. Изначально речь шла о религиозной идентичности, но затем добавились национальная и другие виды идентичности. Таким образом, Санкт-Петербург изначально обладал такой важной чертой мегаполиса, как смешение различных социальных, конфессиональных и национальных групп [5].

В контексте формирования петербургской идентичности у приезжего человека следует говорить о культурном переводе как о наиболее эффективном инструменте реализации этого процесса. Речь идет, если угодно, о переложении значений, смыслов и понятий одной семиотической системы – петербургской идентичности, на язык другой семиотической системы – идентичности приезжего человека. При этом нельзя говорить о наличии монолитной и единой идентичности петербуржца. Концепт петербургской идентичности видится в первую очередь в качестве семиотического каркаса – общего для многих жителей Санкт-Петербурга, вокруг которого, на основании личного жизненного опыта, выстраивается идентичность каждого отдельного человека. Поэтому нельзя вывести классификацию петербургской идентичности, некую градацию от худшего к лучшему образу «петербуржца». Само представление о существовании такого идеального образа петербуржца может, как это ни удивительно, оказаться довольно вредным для формирования петербургской идентичности. Приезжий человек, гость Северной столицы может соблазниться яркими, убедительными образами Петербурга, которыми город на Неве действительно богат. Он может ошибочно увидеть в их монументальности, лиричности и узнаваемости выражение всей сути города и поспешить сбросить свою идентичность и принять на ее место сплав блистательных образов Санкт-Петербурга, убежденный, что они и есть душа города [4].

Анциферов Н. П. в своем труде «Душа Петербурга» писал, что познание души города «требует известного самозабвения, очищения себя от предвзятых, непроверенных впечатлений, от мало обоснованных желаний. Нужно раскрыть свою душу для подлинного восприятия города» [4, с. 21]. Но самозабвение в познании и раскрытие души не означает отказ от нее. А первое яркое, но поверхностное впечатление о Санкт-Петербурге часто оказывается непроверенным и предвзятым. Вместе с многочисленными стереотипами, как комплементарными для города, так и не очень, подобное впечатление не может служить надежным фундаментом для выстраивания новой идентичности. Безусловно, культурный перенос новых аксиологических и поведенческих установок может быть привлекателен для провинциала призрачной возможностью приобрести идентичность «более высокого порядка» и относительно быстро стать своим в не самом простом для понимания и традиционно не слишком гостеприимном месте.

Следует помнить, что процесс формирования идентичности зависит от деталей и мелочей не меньше, чем от общих планов и монументальных фигур. Более того, можно утверждать, что детали в памяти человека, в этой основе идентичности, скорее довлеют над внешне громадными образами. Причин тому несколько. Во-первых – конструирование собственной идентичности процесс достаточно интимный – тяжеловесные внешние искусственные громады смыслов, важные для культурной памяти, в индивидуальной памяти в начале ее формирования с высокой вероятностью не будут восприняты во всей своей сложности, но могут проникнуть, «просочиться» более личными мыслями и чувствами. Сложно мыслить концептом «родина» и воспринимать его вне постижения понятия «дом», а «дом» невозможен без семьи. И сама семья не мыслится как сложный и важный культурный и социальных конструкт. Семья, ценность семьи усваивается и познается через любовь, заботу близких, через множество бытовых мелочей, слов, прикосновений, моментов и маленьких дел, совершенных вместе. Во-вторых, хрестоматийные символы той или иной культуры или ее части – Исаакиевский собор в Петербурге, Красная площадь в Москве, берега рек для многочисленных российских городов, потому становятся важными для личной идентичности человека образами, что на их фоне разворачиваются события его собственной жизни [6].

Культурный перевод оказывается эффективным инструментом формирования петербургской идентичности за счет тех ассоциаций с родным местом, которые приезжий человек может выстроить, уже живя в Санкт-Петербурге. Петербург, безусловно обладающий собственным узнаваемым образом, является мегаполисом и культурной столицей и может предложить своим жителям большое количество разнообразных городских ландшафтов. Например, посредством впечатляющего облагораживания разветвлённой речной системы, которая служит одной из главных транспортных и туристических артерий города, Петербург сможет расположить к себе уроженцев многочисленных русских городов, чья жизнь

также связана с реками. Жители Санкт-Петербурга из городов, расположенных недалеко от моря, всегда будут иметь возможность оказаться на морском побережье, пусть и не всегда такого теплого, как на их малой родине. Приезжие из небольших, но уютных городов смогут найти комфортную для себя окружение в многочисленных пригородах Петербурга, особенно в включающих в себя дворцово-парковые ансамбли.

Такое разнообразие городских социокультурных ландшафтов позволяет человеку наиболее эффективно перевести важные для себя чувства и понятия в новую окружающую его действительность. Посредством такого знакомства с Петербургом, осознавая, что многие происходившие с ним в родном городе важные события его жизни могли бы так или иначе произойти и в городе на Неве, человек будет куда более комфортно, охотно и успешно осваивать коды петербургской идентичности. Благодаря культурному переводу Петербург предстанет перед своим новым жителем не абсолютно чужим городом, пугающим своим климатом, обществом и ритмом мегаполиса. И не идеализированным «парадизом», поражающим туриста величию своей культуры, блеском дворцов и площадей, скрывающих множество других, не столь ярких и не столь очевидных черт петербургской жизни. Посредством культурного перевода человек увидит Санкт-Петербург уникальным, красивым, сложным, интересным и понятным городом, не лишенным противоречий и обладающим собственным языком. Городом, который можно понять, в котором приятно жить и у которого есть чему поучиться.

Список использованных источников

1. Аванесов С. С. Визуальная семиотика города: перспектива исследования городских текстов // Праксема. Проблемы визуальной семиотики. – 2016. – № 4 (10). – С. 9-22.
2. Аванесов С. С. Городское пространство как антропологический феномен // Праксема. Проблемы визуальной семиотики. – 2018. – № 2 (16). – С. 10-31.
3. Антропология города. Выпуск 1: Культурные символы и образы в городском пространстве. Этничность и городская идентичность / Под ред. Ю.П. Шабаева, И.Л. Жеребцова. – Сыктывкар: Институт ЯЛИ Коми НЦ УрО РАН. – 2013. – 192 с.
4. Анциферов Н. П. Душа Петербурга / [Послел. А. Марголиса]; Грав. А.П. Остроумовой-Лебедевой. – Л.: Агентство. – 1990. – 249 с.
5. Анциферов Н. П. Непостижимый город [Сборник / Вступ. ст., с. 5-6, и примеч. А. М. Конечного, К. А. Кумпан]. – СПб.: Лениздат. – 1991. – 333 с.
6. Всемирное торжество памяти. Пьер Нора. [Электронный ресурс] // Журнальный зал – <https://magazines.gorky.media/nz/2005/2/vsemirmoe-torzhestvo-pamyati.html> (дата обращения 15.01.2023).
7. Гатиатуллина Э. Р. Идентичность как объект рефлексии: социально-философский анализ: монография / Э. Р. Гатиатуллина. – Москва: Московский университет им. С. Ю. Витте, 2018. – 201 с.

8. Горнова Г. В. Городская идентичность: философско-антропологические основания: монография / Г. В. Горнова. – Омск: Амфора, 2019. – 166 с.

9. Демидова О. Р. Культурный перевод как пространство деконструкции // Переводческий дискурс: междисциплинарный подход. Материалы IV международной научно-практической конференции. – Симферополь: Издательство Типография «Ариал». – 2020. – С. 74-80.

10. Зукин Ш. Культуры городов / Пер. с англ. Д. Симановского. – Москва, 2015. – 424 с.

УДК 81'25

ПЕРЕВОД АВТОРСКИХ НЕОЛОГИЗМОВ В РОМАНЕ ДЖ. Р. Р. МАРТИНА «ПЛАМЯ И КРОВЬ»

А. В. Рейнова,

*обучающаяся магистратуры, кафедра теории и практики перевода,
Институт филологии, Крымский федеральный университет имени
В. И. Вернадского, Симферополь*

М. В. Норец,

*доктор филологических наук, доцент, заведующий кафедрой теории и
практики перевода, Институт филологии, Крымский федеральный
университет имени В. И. Вернадского, Симферополь*

Аннотация. Данное исследование посвящено анализу особенностей функционирования авторских неологизмов в романе-фэнтези Дж. Р. Р. Мартина «Пламя и кровь» и методов, используемых для их перевода на русский язык. Рассматриваемая категория лексики традиционно относится к безэквивалентной, что представляет особый интерес для теории перевода. В результате исследования в семантическом плане были выделены несколько обобщенных тематических групп / сфер функционирования авторских неологизмов в романе «Пламя и кровь». Произведен комплексный анализ возможных способов их перевода и установлена частотность применения того или иного способа при передаче авторских неологизмов.

Ключевые слова: авторский неологизм, реалии, фэнтези, способы перевода.

Summary. The study is aimed to analyze the features of the functioning of the author's neologisms in the fantasy novel by J. R. R. Martin «Fire and Blood» and the methods used to translate them into Russian. The category of vocabulary under consideration traditionally refers to non-equivalent one and is of particular interest for the theory of translation. As a result of the study, several generalized thematic groups /spheres of functioning of the author's neologisms in the novel «Fire and Blood» were identified. A complex analysis of the translation methods and the frequency of their use was carried out.

Key words: author's neologism, realities, fantasy, methods of translation.

В работе рассматривается проблема перевода авторских неологизмов в книге Дж. Р. Р. Мартина «Пламя и кровь», приквела саги «Песнь Льда и Пламени», написанной в жанре эпического фэнтези. Роман был опубликован в 2018 году и переведен на русский язык Натальей Исааковной Виленской. Авторские неологизмы наделяют данное произведение эмоциональной экспрессивностью, выразительностью и придают ему художественную уникальность. Особая яркость и богатство авторских новообразований представляет несомненный интерес для лингвистического исследования.

Целью исследования является анализ авторских неологизмов в романе «Пламя и кровь» и способов сохранения их значения при переводе на русский язык. Данная цель обусловила постановку следующих **задач**:

- 1) проанализировать структуру авторского неологизма и определить способ его образования;
- 2) изучить контекст, в котором он встречается, найти примеры его употребления в других частях произведения;
- 3) проанализировать уже существующие и возможные варианты перевода.

Актуальность данной работы обусловлена высокой популярностью романов-фэнтези и трудностью их перевода, обусловленной постоянным изменением языка литературы этого жанра.

Под авторским неологизмом мы понимаем слово, созданное писателем (поэтом, публицистом) для обозначения новых или выдуманных реалий, явлений действительности, предметов или понятий. К данной категории лексики также относим ономастические реалии-неологизмы, опираясь на теоретические положения Е. С. Бугрышевой, согласно которому «термин “реалия” может означать как предметы, абстрактные понятия и события, характерные для культуры отдельной страны, так и лексические единицы, эти понятия и события называющие» [2, с. 7].

Путем анализа теоретического материала [1], [4], [5], [6-8] удалось установить, что они образуются по уже существующим или потенциально возможным в языке моделям. Слова, присутствующие только в одном произведении и являющиеся специально для него созданными могут быть легко воспринимаемыми, понятными и не восприниматься читателем как новообразования. Важность понимания способа образования авторских неологизмов выражается в том, что «зачастую неологизмы с одинаковыми словообразовательными морфемами переводятся аналогичным образом» [4, с. 257].

В романе «Пламя и Кровь» авторские неологизмы введены для наименования выдуманных реалий мира, созданного на его страницах. В семантическом плане можно выделить несколько обобщенных тематических групп / сфер функционирования:

- **этнографические:** *Westerosi* – вестеросцы, *Ironmen* –

железнорожденные (коренные жители Железных островов);

- **мифологические:** *the old gods* – Старые боги, *the six-breasted cat goddess Pantera* – шестигрудая Пантера, *faceless Saagael, the giver of pain* – безликий Саагаэль, даритель боли;

- **географические реалии:** *Westeros* – Вестерос, *Dorne* – Дорн, *Oldtown* – Староместье;

- **реалии государственного административного устройства общественной жизни:** *the Small Council* – Малый совет, *the Triarchy* – Триархия / Триединое Братство;

- **имена и прозвища героев:** *the Prince of the City / Lord Flea Bottom* – Принц столицы / лорд Блошиного Конца, *the Realm's Delight* – Жемчужина Королевства;

- **имена драконов:** *Vermax* – Вермакс, *Sunfyre the Golden* – Солнечный, *Dreamfyre* – Огненная Мечта;

- **названия исторических событий и периодов:** *the Year of the Red Spring* – год Красной весны, *the Battle of the Borderland* – Пограничная битва;

- **титулы:** *Lord of the Tides* – лорд Прилива, *Command of the City Watch* – начальник Городской Стражи;

- **фразеологические сочетания:** «*the proverbial "heir and a spare"*» – один прямой наследник и один «запасной», *to take the black* – облачиться в черное (пойти на службу в Ночной Дозор);

- **названия вымышленных произведений:** *Maester Bendamure's «Six Times to Sea: Being an Account of the Great Voyages of Alyn Oakenfist»* – труд мастера Бендамура «Шесть морских походов: Повесть о великих подвигах Алина Дубового Кулака»;

- **цветовая символика:** *Targaryen red and black* – цвета Таргариенов, черный с красным и др.

Наиболее частотным способом передачи реалий является калькирование. Больше всего реалий, переданных с помощью калькирования, было обнаружено в группе ономастических реалий: *the Seven Kingdoms* – Семь королевств, *King's Landing* – Королевская Гавань, *Blackwater Bay* – Черноводная, *the Reach* – Простор, *the Narrow Sea* – Узкое море, *the Trident* – Трезубец, *the Dragon Stone* – Драконий камень, *Storm's End* – Штормовой предел.

В некоторых случаях можно наблюдать перевод одного и того же слова синонимичными словами, например, слово «seat» переводится как «поместье», «усадьба», «дом» и «замок» соответственно, что не является ошибкой, а носит лишь стилистический характер: *ancient seat of Targaryens* – родовое поместье Таргариенов, *Stonehelm, seat of House Swann* – Стоухельм, усадьба дома Сваннов, *the seat of House Doggett* – дом Доггеров, *the Fowler seat* – замок Фаулеров. **Также**, в некоторых вариантах перевода реалий изменен порядок калькируемых элементов, что обусловлено грамматическими особенностями русского языка.

Следующие весьма распространенные способы перевода авторских неологизмов – транслитерация и транскрипция. Они используются для передачи имен собственных, вымышленных названий, не имеющих аналога в другом языке, например:

1) «*Thereafter she made her way overland to **Braavos**, whose shipwrights were far famed*» [9, с. 231] – «Оттуда она сушей отправилась в **Браавос**, к прославленным тамошним корабелам» [3, с. 85]. Автор перевода применяет транслитерацию, поскольку она передает буквенный состав слова и указывает на его схожесть с восточными языками за счет сохранения удвоенной гласной.

2) «*Dorne had not boasted any strength at sea since **Nymeria** burned her ten thousand ships*» [9, с. 345] – «**Дорн** не мог похвастать сильным флотом с тех пор, как **Нимерия** сожгла десять тысяч своих кораблей» [3, с. 125]. В переводе названия одной из южных провинций королевства используется транскрипция (при переводе на русский большинство английских слов, оканчивающихся на «e», последняя гласная не передается), а в переводе имени собственного – транслитерация.

Также можно выделить такие способы перевода, как:

- функциональная замена: «*The Wars of Conquest*» – «Завоевательные войны», «*The Sistermen*» – «Жители Трех Сестер»;

- использование семантического неологизма: название замка «*Casterly Rock*» переведено как «Бобровый Утес». В официальном переводе «Игры Престолов» на русский язык Ю. Р. Соколова и переводах последующих книг Н. И. Виленской (в чей список входит «Пламя и кровь») замок назван Бобровым Утесом, по-видимому, в силу неверного истолкования «*Casterly*» не как фамилии первых владельцев, а как прилагательного от «*castor*» (бобер);

- эквивалент: «*The Eyrie*» – «Орлиное гнездо», «*A Time of Testing*» – «Время испытаний»;

- опущение: «*The High Septon of the Faith*» – «Верховный септон», «*A Treaty of Eternal Peace with Dorne*» – «вечный мир с Дорном»;

- добавление семантических компонентов: «*The Rogue Prince*» – «Принц-разбойник, брат короля», «*The Long Reign*» – «долгие годы Джейхериса и Алисанн»;

- дифференциация значения: авторский неологизм, созданный для обозначения вымышленного исторического события, колоссального по своим масштабам катаклизма, погубившего Валирию – «*the Doom of Valyria*». Переводчик использует лишь одно слово – «Рок», опираясь на его семантическую нагрузку: «то же, что судьба, обычно несчастливая».

- конкретизация значения: «*the Green Fork*» – «Зеленый Зубец», «*The Prince's Pass*» – «Принцев перевал»;

- генерализация значения: «*The Year of The three Brides*» – «Год трех свадеб», «*The Lord of Old Oak*» – «лорд Старой Дубравы»;

• целостное преобразование: «...and his years amongst the mummings of *the Lipping Lady*» [9, с. 774] – «и годах, проведенных в *театре Шепелявых*» [3, с. 272].

Таким образом, можно сделать вывод, что при переводе авторских неологизмов чаще всего обращаются к калькированию, транскрипции и транслитерации, а также к таким приемам как: другой порядок слов, приближенный перевод, замена части речи и опущение. Главным при переводе авторских неологизмов является не только применение того или иного способа перевода, но и верная передача концепций мира, созданного и описанного автором в произведении. Не допускается искажение смысла, вложенного писателем в созданный им неологизм.

Список использованных источников

1. Абросимова Л. С. Деривационные механизмы как языковое отражение основных когнитивных процессов языковой личности: к постановке проблемы // Вестник Пятигорского гос. лингвист. ун-та. – 2009. – № 4. – С. 121-125.

2. Бугрышева Е. С. Особенности образования ономастических реалий-неологизмов в контексте медийного (TV дискурса) (на материале английского, французского и русского языков): автореферат дис. ... кандидата филол. наук. – Мытищи, 2003. – 23 с.

3. Мартин Дж. Р. Р. Пламя и кровь. М.: AST Publishers. – 2019. – 279 с.

4. Мялик К. И. Способы образования и перевод неологизмов с английского на русский язык (на материале общественно-политических текстов) // Актуальные проблемы гуманитарного образования: Материалы IV международной научно-практической конференции, Минск, 19–20 октября 2017 г. – С. 256-260.

5. Несветанло Ю. Н. Неологизмы и окказионализмы как конститuentы лексического макрополя современного английского языка: системный и словообразовательный аспект): автореферат дис. ... кандидата филол. наук. Ростов-на-Дону, 2010. – 18 с.

6. Норец М.В., Деревянко А.В. Способы перевода индивидуально-авторских неологизмов в романе Нила Стивенсона «Анафем» / М.В. Норец, А.В. Деревянко // Переводческий дискурс: междисциплинарный подход: материалы IV международной научно-практической конференции, Симферополь. 2020. – С. 243-248.

7. Норец М.В., Сёмченко Р.А. Авторские неологизмы в художественном тексте: способы образования и особенности перевода (на примере произведения Чака Паланика "Колыбельная") / М.В. Норец, Р. А. Сёмченко // Переводческий дискурс: междисциплинарный подход: Материалы II международной научно-практической конференции. – 2018. – С. 420-424.

8. Юнусова Б. С. Авторские неологизмы в языке современной литературы // Вестник Московского гос. обл. ун-та. Серия: Русская

филология. – 2010. – №1. – С. 132-135.

9. Martin George R. R. *Fire and Blood*. New York: Bantam Books, 2018. – 789 p.

УДК: 821(1-87)

КРИЗИС МАСКУЛИННОСТИ (КАК ЧАСТИ ГЕНДЕРНОЙ КАРТИНЫ МИРА) В ШПИОНСКИХ РОМАНАХ

*В. О. Росляк*²⁶

аспирант кафедры русской и зарубежной литературы, Институт филологии, Крымский федеральный университет имени В. И. Вернадского, Симферополь

Аннотация. Шпионские романы уже много лет являются основным элементом популярной литературы. Этот жанр всегда был тесно связан с «мужественностью», в нем фигурируют сильные, находчивые мужчины-протагонисты, которые должны ориентироваться в опасном мире международных интриг и шпионажа. Однако в последние годы в шпионских романах наблюдается растущий кризис маскулинности, поскольку традиционная модель героя-мужчины подвергается все более тщательному анализу.

Ключевые слова: кризис маскулинности, шпионский роман, гендерная картина мира.

Summary. Spy novels have been a staple of popular literature for many years. The genre has always been closely associated with masculinity, featuring tough, resourceful male protagonists who must navigate a dangerous world of international intrigue and espionage. However, in recent years, there has been a growing crisis of masculinity in spy novels, as the traditional model of the male hero has come under increasing scrutiny.

Keywords: crisis of masculinity, spy novel, gender worldview.

Кризис маскулинности в литературе – это сложный и многогранный вопрос, который в последние годы стал предметом многочисленных споров и дискуссий. По своей сути кризис маскулинности можно рассматривать как реакцию на изменение социальных норм и ожиданий, а также на растущее осознание вопросов, связанных с гендером и властью в современном обществе [5].

Одним из ключевых факторов, способствующих кризису маскулинности в литературе, является изменение роли мужчин в обществе. В прошлом мужчины часто рассматривались как главные кормильцы и защитники семьи, в то время как от женщин ожидалось, что они будут ухаживать за детьми и заниматься домашним хозяйством. Однако по мере того, как женщины получали все больше возможностей на рабочем месте и в общественной жизни, эта традиционная гендерная роль подвергалась

²⁶ Научный руководитель: д. филол. н., доцент М. В. Норец

пристальному изучению, что привело к тому, что многие мужчины стали чувствовать себя неуверенно в отношении своего места в мире [4].

Это чувство неуверенности отражается в литературе, где мужские персонажи все чаще изображаются как пытающиеся найти свое место в меняющемся мире. Многие современные мужчины изображаются эмоционально уязвимыми и борющимися с такими проблемами, как тревога, депрессия и кризис идентичности. Это контрастирует с традиционной моделью мужественности, которая подчеркивала силу, стоицизм и эмоциональную отстраненность.

Еще одним фактором, способствующим кризису маскулинности в литературе, является растущее осознание вопросов, связанных с гендером и властью. Поскольку женщины и небинарные личности стали более заметными и громкими в общественной жизни, многие писатели-мужчины оказались под пристальным вниманием за увековечивание вредных гендерных стереотипов и за неспособность признать то, как их произведения укрепляют патриархальные структуры власти.

В результате, многие писатели сейчас пытаются решить эти проблемы, стремясь создать более сложные и нюансированные образы мужественности, которые признают, как гендер пересекается с такими вопросами, как раса, класс и сексуальность [2]. Это можно увидеть в творчестве таких писателей, как Та-Нехаси Коутс, который в своих произведениях исследует вопросы, связанные с расой и мужественностью [1], и Роксана Гей, которая в своей художественной и нехудожественной литературе пишет об опыте женщин и маргинальных сообществах [6].

Кризис маскулинности в литературе отражает более широкий культурный сдвиг в сторону более инклюзивного и эгалитарного общества. Поскольку гендерные нормы продолжают развиваться, вполне вероятно, что литература также продолжит развиваться, исследуя новые модели мужественности и женственности, более сложные, нюансированные и инклюзивные. Хотя кризис маскулинности можно рассматривать как сложное и неопределенное время, он также дает возможность писателям расширить границы возможного в литературе и создать новые и инновационные формы повествования.

В данной работе шпионский роман рассматривается как отдельный вид жанра [3]. Корни шпионского романа уходят в начало XX века, когда были опубликованы произведения таких авторов, как Дж. Бакен и Э. Чайлдерс. Однако именно появление в 1950-60-х годах серии о Джеймсе Бонде Я. Флеминга действительно популяризировало этот жанр, проложив путь для бесчисленных подражаний и вариаций в последующие десятилетия.

В основе шпионского романа лежит концепция шпиона или секретного агента – фигуры, которая должна ориентироваться в мире опасностей и обмана, чтобы выполнить свою миссию. Главный герой часто обладает высокими навыками ведения боевых действий и тайных операций,

используя свои способности для сбора информации, саботажа планов противника или совершения убийств.

Кризис маскулинности в шпионских романах можно проследить по ряду факторов, включая изменение культурных установок в отношении гендерных ролей и растущее присутствие женщин и небинарных личностей в этом жанре. На протяжении многих лет в шпионских романах доминировали авторы-мужчины и главные героини-мужчины, что отражало культуру, в которой мужчины считались естественными лидерами и защитниками общества. Однако по мере того, как в XX веке набирало силу феминистское движение, эти взгляды стали оспариваться, и женщины и небинарные личности стали требовать большей представленности в популярной культуре.

Один из самых значительных вызовов традиционной модели мужественности в шпионских романах был брошен авторами-женщинами, которые стремились ниспровергнуть гендерные нормы жанра. В последние годы ряд писательниц, таких как Стелла Римингтон и Барбара Надель, ввели женщин-протагонистов в мир шпионажа, бросив вызов идее, что только мужчины способны быть эффективными шпионами. Эти женщины-протагонисты часто привносят в жанр иной взгляд, исследуя такие вопросы, как сексизм и гендерная идентичность, так, как авторы-мужчины, возможно, и не рассматривали [7].

В то же время авторы-мужчины также пытались преодолеть кризис маскулинности в шпионских романах. Многие из них пытались заново изобрести героя-мужчину, исследуя новые модели мужественности, более сложные и нюансированные, чем традиционная модель жесткого, безэмоционального шпиона. Некоторые из них сосредоточились на психологическом ущербе, который шпионаж наносит их главным героям-мужчинам, подчеркивая травмы и эмоциональные шрамы, которые могут возникнуть в результате жизни, полной обмана и опасности. Другие исследовали темы отцовства, мужественности и уязвимости, изображая мужчин-шпионов, которые борются со своей ролью отца, партнера и человека в мире, требующем эмоциональной отстраненности и безжалостности.

В некоторых случаях кризис мужественности в шпионских романах привел к полному отказу от традиционных гендерных норм. Некоторые писатели создали небинарных или гендерно свободных героев, которые бросают вызов идее о том, что гендер бинарен или фиксирован. Эти персонажи часто обитают в лиминальном пространстве между мужским и женским, воплощая более подвижную и неоднозначную концепцию гендера, которая не поддается простой классификации.

В целом, кризис маскулинности в шпионских романах отражает более широкий культурный сдвиг в сторону более инклюзивного и эгалитарного общества. Поскольку гендерные нормы продолжают развиваться, вполне вероятно, что и жанр будет продолжать развиваться, исследуя новые модели

мужественности и женственности, более сложные, нюансированные и инклюзивные. Шпионский роман может всегда ассоциироваться с мужественностью, но определение того, что подразумевает эта мужественность, с каждым годом становится все более подвижным и разнообразным.

Список использованных источников

1. Коутс Т.-Н. Между миром и мной [Текст] / Коутс Т.-Н. – Нью-Йорк: Spiegel & Grau, 2015 – 176 с.
2. Маркова А. И. Художественное соотношение маскулинности и феминности в пьесе Т. Стоппарда «Изобретение любви» / А. И. Маркова // Научный старт – 2022: Сборник статей магистрантов и аспирантов. – Москва: Общество с ограниченной ответственностью "Языки Народов Мира", 2022. – С. 531-535.
3. Норец М. В. Генезис жанра шпионского романа в английской литературе: монография / М. В. Норец. – Симферополь: Бизнес-информ, 2014. – 364 с.
4. Росляк В. О., Мазина Е. Н. Плюрализм маскулинных образов в англоязычных СМИ / В. О. Росляк, Е. Н. Мазина // Конвергентные технологии XXI: вариативность, комбинаторика, коммуникация: материалы IV междунар. междисциплинар. науч. конф. – Симферополь: ООО «Антиква», 2020. – С. 73–77.
5. Тихомандрицкая О. А., Мельникова О. Т. Исследование проблемы кризиса маскулинности в гендерной картине мира современной молодежи методом фокус-группы / О. А. Тихомандрицкая, О. Т. Мельникова // Социальная психология и общество. – 2018. – Т 9. № 3. – С. 187–196.
6. Roxane G. Bad Feminist: Essays / G. Roxane // NY: Harper Perennial, 2014. – 336 p.
7. MacArthur S. Gender Roles and Political Contexts in Cold War Spy Fiction / S. MacArthur // Palgrave MacMillan, 2022. – 256 p.

УДК 81-11

ЛИНГВОПРАГМАТИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ ПЕРЕВОДА АУДИОВИЗУАЛЬНОГО ТЕКСТА

А. Ю. Саломахин²⁷,

*обучающийся магистратуры, кафедра теории и практики перевода,
Гуманитарный институт, Северо-Кавказский федеральный университет,
Ставрополь*

Аннотация. Данная статья посвящена исследованию лингвостилистических особенностей перевода аудиовизуальных материалов. В работе дано определение аудиовизуального текста, перечислены его характеристики, рассмотрены подходы к переводу

²⁷ Научный руководитель: к. филол. н., доцент Т. В. Марченко

кинотекста и переводческие трансформации, обеспечивающие достижение адекватности перевода.

Ключевые слова: аудиовизуальный текст, кино, перевод, кинотекст.

Summary. This article is devoted to the study of linguistic and stylistic features of the translation of audiovisual materials. The paper defines an audiovisual text, lists its characteristics, considers approaches to film text translation and translation transformations that ensure the achievement of translation adequacy.

Key words: audiovisual text, cinema, translation, film text.

С развитием кинематографа, его переходом от черно-белых немых сцен к цвету с аудио сопровождением, а также с возросшей потребностью к экономическому, политическому и культурному общению между странами, экспорт фильмов иностранного производства стал обыденным процессом. Вместе с этим возникла потребность в переводе фильмов с английского языка, поскольку в большинстве стран малая часть населения владеет им в достаточной степени. Данный факт делает исследования по переводу аудиовизуальных материалов исключительно актуальными [6, с. 177]. Сложность исследования аудиовизуальных материалов заключается в многоуровневом воздействии на аудиторию.

«В начале двадцатого века первые киноработы преодолели все национальные и культурные границы, но с появлением звуковых фильмов киноиндустрия столкнулась с проблемой перевода, поскольку только небольшой процент населения мира понимал английский язык» [7, с. 85]. В результате такого быстрого развития возникла потребность в переводе и анализе этих работ.

Задача данной статьи заключается в выявлении переводческих трансформаций, обеспечивающих достижение адекватного перевода аудиовизуального текста. Материалом исследования послужил американский сериал «Утреннее шоу», первый сезон которого вышел в 2019 году на стриминговом сервисе Apple TV+.

Исследователи аудиовизуальных текстов используют термин *кинотекст*, который, по их мнению, является синтезом двух повествовательных единиц: словесной (реплики героев) и изобразительной (визуальный ряд). Поэтому, рассматривая кинотекст, мы должны принимать во внимание не только скрипт (текстовую версию), но и то, как он будет передавать происходящее на экране, ведь кинотекст представляется зрителю не в лингвистическом ключе, а в семиотическом. Аудиовизуальные материалы оказывают огромное влияние на аудиторию с помощью семиотических систем, которые непосредственно связаны с общей картиной повествования: звукошумовой ряд, видеоряд, визуальные элементы внутри мира кинокартин и прочее.

Р. А. Матасов пишет, что «под кинотекстом понимается технически дифференцированная динамическая знаковая ситуация, которая является совокупностью структурных элементов киноязыка в рамках

кинематографического произведения» [2, с. 156]. Иными словами, кинотекст – это совокупность информационно-эмоциональных посланий, которые зашифрованы в семиотических кодах: кинесике, вербальном языке, иконических элементах, музыке и т.д., то есть это комплекс средств, обладающий «потенциалом для обеспечения целостности текста и манифестации интенции автора» [5, с. 160]. Их дешифровкой занимается аудитория при просмотре, что происходит неосознанно, и в большинстве случаев правильное понимание повествования зависит от интеллектуального уровня, пола, психологического состояния и культурной принадлежности зрителя. Очевидно, что «интенциональная редукция субдоминантных сем – при потенциальной возможности их воспроизведения – неизменно ведет к «редукции» эстетической ценности контекста и текста в целом [3, с. 189].

Рассматривая перевод кинотекста как акт межъязыковой коммуникации, нужно понимать, что при переводе имеет место быть не только взаимодействие двух языков, но и столкновение отличающихся друг от друга культур. Переводчик в этой ситуации выступает посредником, который помогает адекватно интерпретировать информацию и передать ее на другой язык, не теряя при этом заложенных в текст оригинала релевантных информационных элементов.

«Одним из инструментов реализуемого на зрителя воздействия является эксплицитно функционирующая в кинотексте прагматически маркированная информация, перевод которой предполагает вскрытие вариантных характеристик прагматического значения и вербальных единиц реализации прагматического потенциала, установление предпочтительной стратегии сохранения прагматического инварианта при переводе кинотекста и определение диапазона возможных переводческих модификаций» [4, с. 181]. Эта особенность, присущая аудиовизуальным произведениям, свидетельствует о том, что сохранение при переводе прагматического потенциала в кинодиалоге конкретного кинотекста подразумевает рассмотрение ключевого направления, а также типичных и наиболее заметных элементов языкового воплощения прагматики текста в кинодиалоге.

«В аудиовизуальном переводе мы имеем дело с заранее написанным текстом, который тем не менее должен звучать как результат непосредственного речепроизводства и, следовательно, отличаться естественностью» [1, с. 123]. Текст перевода очень сильно зависит от контекста, поскольку у переводчика нет возможности раскрыть все непонятные элементы текста оригинала, на это влияет как хронометраж визуальной дорожки, так и немаловажную роль играет преемственность. Адекватный перевод требует принятия во внимание сюжета сериала. Завязка его состоит в том, что на очень успешном шоу происходит скандал сексуального характера, в результате которого увольняют ведущего по имени Митч Кесслер. Тематика первого сезона заключается в том, чтобы

рассказать о таком явлении, как #MeToo (не напрямую, а косвенно), и о том, как оно изменило медийный мир. Мы знакомимся со всеми нюансами ситуации посредством раскрытия мотивов и желаний главных героев.

Рассмотрим несколько примеров трансформаций, которые были использованы тремя студиями, занимающихся дублированием англоязычных сериалов.

- *Good morning. I'm bringing you some sad and upsetting news. Mitch Kessler, my co-host and partner of years, was fired today for **sexual misconduct**.*

- *Доброе утро. Начну с печальной и неприятной новости. Митч Кесслер, мой со-ведущий, на протяжении пятнадцати лет, сегодня уволен за **сексуальные домогательства** (студия «Пифагор»).*

- *Доброе утро. Сегодня я принесла вам грустные и не радостные новости. Митч Кесслер, мой со-ведущий партнер на протяжении пятнадцати лет, был сегодня уволен за **сексуальные домогательства** («NewStudio»).*

- *Доброе утро. У меня для вас печальная новость. Митч Кесслер, мой со-ведущий и партнер последние пятнадцать лет, сегодня был уволен за **сексуальное домогательство** (студия «AlexFilm»).*

Неологизм *sexual misconduct* переведен всеми тремя студиями, с разницей лишь в количественном показателе, как *сексуальное домогательство*, что является не совсем корректным, поскольку в тексте оригинала акцентировалось внимание зрителей на том, что Митч не домогался, а превышал свои полномочия. Переводчики в данных случаях использовали прием генерализации, обобщив значение данного словосочетания. Так было сделано, на наш взгляд, потому что в русском языке отсутствует эквивалент исходной фразе. Таким образом, можно констатировать, что, когда сюжет будет развиваться дальше, зрители не поймут разницы в изменении отношения к Митчу, они потеряют часть смысловой нагрузки, которую создатели вкладывали в данный неологизм.

Проанализировав несколько лексических и семантических единиц, отметим, что в тексте оригинала присутствуют единицы языка, несущие прагматическую информацию, и перевод которых является самым сложным и в некоторых случаях неосуществимым без потерь смысла.

- *I'm sorry you're such an assh*le.*

- ***Me too.***

- *I wouldn't use those two words together if I were you.*

В данном случае, мы видим, как авторы игровой слов вложили дополнительный смысл в сказанное, создав юмористическую ситуацию. Рассмотрим, как переводы перенесли эту задумку.

- *Сожалеею, что ты такой идиот.*

- ***Я тоже.***

- *Я бы на твоём месте эти слова не произносила. (студия «Пифагор»).*

- *Мне жаль, что ты такой кретин.*

- *Мне тоже.*
- *На твоём месте я бы не стала так говорить.* (студия «NewStudio»).
- *Я жалею, что ты такой говнюк.*
- *Я тоже.*
- *Не употребляй эти два слова вместе.* (студия «AlexFilm»)

В переводе, как можно заметить, не сохранилась игра слов, что предсказуемо, ввиду того что данная ситуация не характерна для российской действительности. Исходя из этого, становится понятно, почему название общественного движения было переведено дословно, чтобы в какой-то мере сохранить часть прагматической информации и прагматической адекватности.

Проанализированные переводы рассматриваемых контекстов демонстрируют модель перевода с применением прагматической адаптации. Анализируемые переводы представленных студий дубляжа показали, что существуют разные подходы к преобразованию информации.

Список использованных источников

1. Наговицына И. А. О влиянии внешних условий переводческого процесса на качество переводной аудиовизуальной продукции / И. А. Наговицына // Вестник Удмуртского университета. Серия «История и филология». – №2. – 2014. – С. 121–127.
2. Матасов Р. А. Методические аспекты преподавания кино/видеоперевода / Р. А. Матасов // Известия РГПУ им. А. И. Герцена. – № 94. – 2009. – С. 155–166.
3. Марченко Т. В. Литературный текст и интерпретационная позиция переводчика: в поисках адекватного решения [Электронный ресурс] / Т. В. Марченко // Гуманитарные и юридические исследования. – 2017. – №2. – <https://cyberleninka.ru/article/n/literaturnyy-tekst-i-interpretatsionnaya-pozitsiya-perevodchika-v-poiskah-adekvatnogo-resheniya> (дата обращения: 20.01.2023)
4. Уланович О. И. Формы реализации прагматики кинематографического произведения в диалогах персонажей (лингвопереводческий аспект) / О. И. Уланович // Германские, тюркские и славянские языки в поликультурном мире: сборник материалов науч. конф. с междунар. участием, 24 нояб. 2015 г. – Бишкек: КРСУ. – С. 181–191.
5. Marchenko T. V. Linguopragmatic and Translatological Potential of Expressive Means in Arundhati Roy's *The God of Small Things* [Электронный ресурс] / T. V. Marchenko // *Rupkatha Journal on Interdisciplinary Studies in Humanities*. – 2016. Vol. VIII, – No. 1. – URL: http://rupkatha.com/V8/n1/11_God_small_things_russian.pdf (дата обращения: 20.01.2023).
6. Sun Ying A study on screen translation criteria from the perspective of the audience / Ying Sun // *Linguistics and literature studies / Horizon research publishing* – San Jose, CA, 2019. – P. 177–184.

7. Tveit J.-E. Dubbing versus Subtitling: Old Battleground Revisited / J. Tveit // Audiovisual Translation: Language Transfer on Screen / Macmillan Publishers Limited – Basingstoke, UK, 2009. – P. 85–96.

Источники материала

8. Утреннее шоу [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://tv.apple.com/ru/show/утреннее-шоу/umc.cmc.25tn3v8ku4b39tr6ccgb8nl6m> – Дата обращения: 20.01.2023г.

9. Утреннее шоу [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://tv.apple.com/ru/show/утреннее-шоу/umc.cmc.25tn3v8ku4b39tr6ccgb8nl6m> («Пифагор») – Дата обращения: 20.01.2023г.

10. Утреннее шоу [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://id27.lordfilm.codes/27188-utrennee-shou.html> («NewStudio») – Дата обращения: 20.01.2023г.

11. Утреннее шоу [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://id27.lordfilm.codes/27188-utrennee-shou.html> («AlexFilm») – Дата обращения: 20.01.2023г.

УДК 81'25

ОСОБЕННОСТИ ТРАНСЛЯЦИИ СЛОЖНО СТРУКТУРИРОВАННОГО НАУЧНОГО ЗНАНИЯ (НА МАТЕРИАЛЕ СЛОЖНОПОДЧИНЕННЫХ ПРЕДЛОЖЕНИЙ)

С. В. Серебрякова,

доктор филологических наук, профессор, зав. кафедрой теории и практики, Северо-Кавказский федеральный университет, Ставрополь

Р. И. Кибкало,

обучающийся специалитета, кафедра теории и практики перевода, Северо-Кавказский федеральный университет, Ставрополь

Аннотация. В статье рассматриваются особенности сохранения сложно структурированного научного знания с акцентом на переводе сложноподчиненных предложений с немецкого языка на русский. Материалом послужила немецкоязычная научная статья, посвященная проблеме англицизмов в современном немецком языке.

Ключевые слова: научное знание, научный стиль, примарно-когнитивный текст, сложноподчиненное предложение, научный перевод.

Summary. The article deals with peculiarities of conveying complex scientific knowledge, with an emphasis on translation of complex sentences from German to Russian. The material, gathered for this study, is a German scientific article, devoted to the problem of anglicisms in the modern German language.

Keywords: scientific knowledge, scientific style, primary-cognitive text, complex sentence, scientific translation.

В современном мире большую роль в ускорении темпов технологического прогресса играет научная литература. Ввиду активизации

глобализационных процессов возникает потребность в оперативном и качественном переводе текстов научных исследований и, в первую очередь, научных статей, в которых достаточно сжато передается актуальное научное знание. Изучение требований к качеству научного перевода является актуальной транслатологической проблемой, обусловленной, в первую очередь, растущей необходимостью в обмене информацией между специалистами в научной сфере, а также важностью полноценной передачи когнитивной информации и логики изложения научного знания, что предполагает использование целого ряда переводческих преобразований в рамках избранной стратегии перевода с целью обеспечения высокой степени эквивалентности.

Задача данной статьи – установить особенности трансляции сложно структурированного научного знания при переводе научной статьи с немецкого языка на русский с акцентом на сложноподчиненных предложениях. Материалом данного исследования послужила научная статья Томаса Нира «Anmerkungen zu einer populären Anglizismen-Kritik», размещенная на сайте кафедры филологии и лингвистики Дюссельдорфского университета имени Генриха Гейне, и выполненный в период практики ее перевод на русский язык.

Доминантной коммуникативной функцией научного текста является сообщение новых сведений читателю: «Научный текст, рассматриваемый как процесс становления некоей теории, концепции, точки зрения, отражает структуру познавательной деятельности субъекта науки» [7, с. 40] и, таким образом, относится к примарно-когнитивному типу текста. Научная статья отличается, как правило, значительной информационной насыщенностью, облекаемой в сложно организованные синтаксические структуры. Важным коммуникативным параметром когнитивной информации является ее плотность, которая обусловлена необходимостью изложения информации в наиболее компактном виде. Данный признак «заключается в тенденции к сокращению линейной (горизонтальной) и вертикальной протяженности языкового кода при оформлении текста» [1, с. 251], что обеспечивается как использованием терминологических единиц, так и лексики общенаучного описания.

Отмеченные выше особенности научных текстов свидетельствуют об их способности оформлять и транслировать сложно структурированное содержание, целостный «информационно-знаниевый континуум в его диалогическом единстве», представляющий собой «пространство смыслопорождающей активности, ментальной работы» [6, с. 134], отражающей результаты научного поиска, обязательные для передачи на другие языки без информационных потерь с сохранением логики научного исследования. При этом одним из ключевых инструментов организации научного знания являются сложноподчиненные предложения с придаточными различных функций и разной степени зависимости.

Для синтаксиса научного стиля речи характерна тенденция к сложным

многоступенчатым построениям, способствующим передаче взаимосвязанной системы научных понятий, установлению отношений между видовыми и родовыми понятиями, причиной и следствием, доказательствами и выводами. Важно учитывать, что «сеть логико-семантических отношений реализуется не только в предложениях, но и в абзацах, более сложных фрагментах и целом тексте» [5, с. 113]. В научных текстах распространены разные типы сложных предложений с использованием составных подчинительных союзов различной семантики, вводящих придаточные различной степени зависимости.

Употребление того или иного вида предложений обычно имеет определенное тяготение к соответствующей сфере коммуникации. Именно сложноподчиненные предложения коммуникативно и прагматически значимы для научной речи, «способствуя однозначному и подчеркнутому выражению логических связей», выстраиваемых ученым [2, с. 476]. «Научный текст является не только носителем интеллектуальной информации, но и средством научного общения» [5, с. 100], что предполагает использование целого ряда характерных для научного стиля средств адресации.

Сложноподчиненные предложения стилистически маркируют прежде всего научный стиль, они органично вписываются в содержание научных текстов, организуя его сложно оформленное предметно-понятийное содержание в его авторском представлении. Это проявляется в том, что выражаемые ими смысловые связи предстают более четкими и однозначно оформленными. Иными словами, именно сложноподчиненные предложения способны передавать логичность и доказательность информации в научной речи, они «как бы “приспособлены” для выражения сложных смысловых и грамматических отношений, которые особенно свойственны языку науки, ... позволяют формулировать не только тот или иной тезис, но и подкрепить его необходимой аргументацией» [3, с. 410].

Отмеченная выше коммуникативно-прагматическая значимость сложноподчиненных предложений в организации и трансляции сложно структурированного научного знания должна быть в полной мере сохранена в переводе. Адекватный перевод научной литературы предполагает полноценную передачу содержания и логики научного поиска без каких-либо потерь когнитивной информации, заложенной в исходном тексте. Высокая степень эквивалентности, следуя классификации В. Н. Комиссарова, заключается в передаче содержания на уровне языкового знака, или хотя бы на уровне структуры высказывания, т. е. переводе значительной части синтаксической структуры оригинала [4, с. 70]. Высокая степень эквивалентности научного перевода обеспечивается, в свою очередь, точностью перевода научной терминологии, передачи абстрактной формы изложения, присущей научным текстам и реализуемой сложноподчиненными предложениями, а также передачи такого свойства научных текстов, как объективность.

В данной работе акцент сделан на лингвопереводческом анализе сложноподчиненных предложений с придаточными изъяснительными, поскольку, как мы выяснили в ходе постпереводческого анализа исходного текста, в рассматриваемой научной лингвистической статье было зафиксировано 53 сложноподчиненных предложения, в большинстве которых использовано придаточное изъяснительное, способствующее передаче как сложного лингвистического знания, так и логики его представления. Прагматически значимую роль играют в данной статье также сложноподчиненные предложения с придаточным определительным, конкретизирующим и нюансирующим научные наблюдения. Наличие других видов придаточных является скорее исключением, в связи с тем, что их функциональная характеристика не типична для научного стиля. Рассмотрим, какие переводческие трансформации были использованы для адекватной трансляции сложно структурированного научного знания.

В процессе перевода нам пришлось прибегнуть к добавлению сочетания с указательным местоимением «тот факт» перед изъяснительным придаточным в связи с тем, что в русском языке союз «что» редко употребляется в предложении на первом месте, как это показано в следующем примере: *Dass dieses Wort uns heute etwas altertümlich anmutet, macht einen entscheidenden Unterschied zu kids aus, das ja geradezu Modernität und Trendbewusstsein (beim Sprecher wie bei den mit dem Wort bezeichneten Kindern) signalisieren soll* [8, с. 6]. – **Тот факт, что** слово «Range» кажется нам сегодня немного устаревшим, определяет его ключевое отличие от kids, показывая тем самым его новизну и «трендовость» (как говорящего, так и обозначаемых этим словом детей).

С помощью данного добавления, но с сохранением структуры придаточного изъяснительного достигнута высокая степень эквивалентности, при этом грамматической трансформации подверглось придаточное определительной с союзом *das* в постпозиции, его удаленность от определяемого слова *Wort* была компенсирована за счет деепричастного оборота, *показывая тем самым его новизну и «трендовость»*. Сложное существительное *Trendbewusstsein*, которое можно дословно перевести как «трендовая осведомленность», мы решили передать как «трендовость», так как оно лучше вписывается в данный контекст перечисления признаков, чем дословная интерпретация.

В процессе перевода мы также использовали перестановку или факультативное изменение порядка следования элементов в предложении по причине разной структурной организации немецкого и русского предложения, в особенности придаточного. Перестановка обычно используется, когда последовательность элементов, при общности значения, определяется различными речевыми условиями и традициями, а также нормами переводящего языка. Такими элементами могут быть слова, словосочетания, главные и придаточные предложения. Рассмотрим это на примере предложения с придаточным изъяснительным в препозиции: *Dass*

auch dies dem eher positiv konnotierten kids nicht entspricht, dürfte deutlich sein [8, с. 6]. – Должно быть очевидно, **что** эти значения скорее не соответствуют положительно окрашенному слову *kids*.

В данном примере главной причиной применения такой переводческой трансформации, как изменение порядка слов, послужило то, что придаточные изъяснительные в русском языке чаще всего используются в постпозиции. Для большей однозначности мы также добавили существительное «слово» перед англицизмом *kids*, чтобы прояснить смысл данного слова. Помимо этого, нам пришлось прибегнуть к модуляции при передаче местоимения *dies*, поскольку придаточное уточняет существительное «значение» в предыдущем предложении.

В приведенном ниже сложном предложении с придаточным определительным была применена такая трансформация, как замена синтаксической конструкции. При этом мы заменили выполняющее роль подлежащего существительное *vier Kriterien* личным местоимением «они» с целью избежать повторения и совершили перестановку членов предложения, поменяв местами причастный оборот и подлежащее согласно нормам переводящего языка. В процессе перевода была также произведена замена сложного существительного *Sprachwandel*, которое буквально переводится как «изменение в языке», на словосочетание «изменения в нем» с целью избежать тавтологии и одновременно сохранить смысл высказывания: *Die vier Kriterien, die auf semantische und pragmatische Phänomene referieren, offenbaren m.E. jedoch eine problematische oder zumindest unreflektierte Sicht von Sprache und Sprachwandel* [8, с. 2]. – Однако, опираясь на семантические и прагматические явления, они раскрывают, по моему мнению, проблемный или, по крайней мере, нерациональный взгляд на язык и изменения в нем.

Рассмотрим следующий пример, в котором перед придаточным изъяснительным было введено деепричастие «узнав», для того чтобы сохранить смысл высказывания и не нарушить речевую специфику текста: *Erstaunt sein kann man hier allerdings, dass es in diesem modernen Wörterbuch noch nicht als "veraltet" gekennzeichnet ist* [8, с. 6]. – Можно удивиться, узнав, **что** в современном словаре это слово еще не отмечено как устаревшее.

Таким образом, передача сложной содержательно-смысловой структуры научных текстов с обеспечением высокой степени эквивалентности возможна при адекватном переводе сложноподчиненных предложений, являющихся одним из ключевых элементов выражения сложных смысловых и грамматических понятий в языке лингвистической науки. Особенности перевода сложноподчиненных предложений с немецкого языка на русский обусловлены различиями как в самой структуре сложного предложения и, в первую очередь, придаточного в двух языках, так и в функциональной специфике подчинительных союзов, и в передаче значения многокомпонентных композитов, требующих лексико-

грамматический преобразований.

Список использованных источников

1. Алексеева И. С. Введение в переводоведение. СПб.: Филологический факультет СПбГУ; М.: Издательский центр «Академия», 2004. – 352 с.
2. Данилевская Н. В., Трошева Т. Б. Стилистические ресурсы синтаксиса // Стилистический энциклопедический словарь русского языка. – М.: Флинта: Наука, 2003. – С. 474–482.
3. Голуб И. Б. Стилистика русского языка. 11-е изд. М.: Айрис-пресс, 2010. – 448 с.
4. Комиссаров В. Н. Теория перевода (лингвистические аспекты). – М.: Высшая школа, 1990. – 253 с.
5. Котюрова М. П., Баженова Е. А. Культура научной речи: текст и его редактирование. 2-изд., перераб. и доп. – М.: Флинта: Наука, 2008. – 280 с.
6. Серебрякова С. В., Плохая Е. Е. Дихотомия когнитивного пространства: о корреляции понятий «знание» и «информация» // Актуальные проблемы филологии и педагогической лингвистики. – 2018. – № 3 (31). – С. 130-137.
7. Чернявская В. Е. Интерпретация научного текста. Изд. 2-е. – М.: КомКнига, 2005. – 128 с.
8. Niehr Th. Linguistische Anmerkungen zu einer populären Anglizismen-Kritik // – 2002. – 14 с. – Режим доступа: https://www.researchgate.net/publication/237635739_Linguistische_Anmerkung_en_zu_einer_popularen_Anglizismen-Kritik_Oder_Von_der_notwendig_erfolglos_bleibenden_Suche_nach_dem_tref_fenderen_deutschen_Ausdruck_1 (дата обращения: 16.01.2023).

УДК 81.25

ПЕРЕВОД ИМЕН СОБСТВЕННЫХ ПРИ ЛОКАЛИЗАЦИИ КОМПЬЮТЕРНОЙ ИГРЫ «HEROES OF THE STORM» НА РУССКИЙ И НЕМЕЦКИЙ ЯЗЫКИ

О. Г. Скидан,

*кандидат филологических наук, доцент кафедры «Теория и практика перевода», Институт общественных наук и международных отношений, ФГАОУ ВО «Севастопольский государственный университет»,
Севастополь*

Ю. А. Голубничая,

обучающаяся кафедры «Теория и практика перевода», Институт общественных наук и международных отношений, ФГАОУ ВО «Севастопольский государственный университет», Севастополь

Аннотация. Данная статья посвящена проблеме перевода имен собственных при языковой локализации видеоигр. Представлена функционально-семантическая характеристика имён собственных игры

«Heroes of the Storm», а также сопоставительный переводческий анализ имён собственных при локализации на русский и немецкий языки.

Ключевые слова: локализация, имя собственное, сопоставительный переводческий анализ, форенизация, domestикация.

Summary. The article is focused on the problem of proper name translation in the context of language localization of video games. The article provides the functional and semantic characteristics of proper names in MOBA «Heroes of the Storm» and a comparative translation analysis of proper names in the context of language localization into the Russian and the German languages.

Key words: localization, proper name, comparative translation analysis, foreignization, domestication.

В современном мире игровая промышленность переживает небывалый подъем: особенно стремительно развивается рынок компьютерных игр. Процесс технической, лингвистической и культурной адаптации игры с целью успешной продажи на других территориях принято называть локализацией.

Имена собственные играют важную роль в художественной картине мира и в парадигме игровой лексики занимают особое место. Исследования показывают, что в процессе перевода имен собственных применяются различные переводческие приемы [2]. **Целью** данной статьи является выявление способов перевода имен собственных при локализации видеоигры на русский и немецкий языки. Материалом исследования служат имена собственные, используемые в игре «Heroes of the Storm» жанра Multiplayer Online Battle Arena (MOBA).

В современной лингвистике имена собственные часто определяются как называющие лексические единицы, в отличие от нарицательных слов, которые считаются обозначающими единицами. Согласно А. В. Суперанской, у имен собственных «на первый план выступает функция номинативная – называть, чтобы отличать однотипные объекты друг от друга, в противоположность именам нарицательным, основная функция которых – называть, чтобы сообщать значение, коннотировать» [3, с. 211]. К именам собственным относятся предметы, которые С. И. Влахов и С. П. Флорин рассматривают по двум критериям: а) одушевленные и неодушевленные; б) по содержанию объекта. К первой группе относятся имена и прозвища людей, клички животных, а ко второй – названия географических объектов, названия компаний, литературных произведений и т. п. [1, с. 153]. В нашем исследовании к этой группе имен собственных мы также относим названия способностей героев.

В исследуемом нами материале на основе функциональных характеристик были выявлены следующие группы имен собственных:

- Говорящие имена (по своему значению непосредственно указывают на свойства, профессию или т.п. человека или предмета, например, *Greymane – Седогрив, Muradin Bronzebeard – Мурадин*

Бронзобород).

- Классифицирующие имена (имеют определенный временной или местный колорит и используются для сопоставления их носителей с конкретными этническими, религиозными, национальными или социальными группами). Например, имена *Tyrael*, *Auriel*, *Malthael* содержат суффикс *-el*, указывающий на их причастность к архангелам.

- «Реальные» имена (обозначают реально существующие объекты и реальных личностей, исторических или современных, имена литературных героев). Иногда такие имена могут быть незначительно изменены с целью получения эффекта «отчуждения» или языковой игры.

Как и в художественных произведениях в играх часто используются как обычные имена собственные, у которых внутренняя форма не сообщает какой-либо информации об объекте, так и значимые имена собственные, которые не только называют объект, но и описывают его. Все имена, представленные в МОВА «Heroes of the Storm», можно разделить на три категории:

1) характонимы – вымышленные имена персонажей (*Dehaka* – Дехака – *Dehaka*; *The Butcher* – Мясник – *Der Schlächter*).

Большая часть характонимов представляет собой обычные имена собственные, не обладающие смысловой нагрузкой и ассоциативным фоном. Анализ показал, что 100% характонимов были переданы с английского языка на немецкий с помощью «нулевого перевода» (англ. *Cassia* – нем. *Cassi*, англ. *Maiev* – нем. *Maiev*, англ. *Uther* – нем. *Uther*).

Однако в русскоязычной локализации для передачи незначимых характонимов самыми частотными способами перевода являются транслитерация и транскрибирование. Нами было обнаружено, что 55% характонимов были переведены с помощью транскрибирования (*Tychus* – Тайкус, *Medivh* – Медив, *Qhira* – Кахиря) и 45% – с помощью транслитерации (*Azmodan* – Азмодан, *Valla* – Валла, *Zagara* – Загара).

Также в игре представлены значащие имена собственные, которых из всего ономастикона игры можно выделить 14% единиц. В основе большинства значащих характонимов, представленных в игре, лежит имя нарицательное, или же апеллятив используется в качестве онима. Именно этот нарицательный компонент в имени и придает «значимость» характониму.

Наиболее частотным способом перевода значимых характонимов как на русский, так и на немецкий язык является калькирование (70% в русском и 46% в немецком): *Greymane* – Седогрив – *Graumähne*, *Sgt. Hammer* – Сержант Кувалда – *Sergeant Hammer*.

2) топонимы – названия географических объектов. В МОВА «Heroes of the Storm» топонимы представлены названиями полей битв, а также названием игровой вселенной, в которой эти поля находятся. Топонимы можно разделить на три группы: мотивированные (70%), частично

мотивированные (18%) и немотивированные (12%).

Основными способами локализации немотивированных топонимов на русский язык является транслитерация (*Nexus – Нексус*) и транскрипция (*Luxoria – Люксория*). Особенностью немецкой локализации, аналогично незначимым именам собственным, является передача немотивированных топонимов с помощью нулевого перевода (*Nexus – Nexus*).

К частично мотивированным топонимам мы относим топонимы, построенные по принципу атрибутивной синтагмы, часть которой включает в себя географическое имя собственное, а также нарицательное существительное. Основными способами перевода таких топонимов являются комбинация транслитерации, калькирования или модуляции. Примеры: *Alterac Pass – Альтеракский перевал – Alteracpass, Braxis Holdout – Бойня на Браксисе – Endstation Braxis*.

Мотивированные топонимы, представленные в МОБА «Heroes of the Storm», образованы так же, как и частично мотивированные, то есть нарицательное существительное и прилагательное или существительное в притяжательном падеже. Основными способами перевода таких топонимов на русский и немецкий языки являются калькирование (84%) и модуляция (16%): *Blackheart's Bay – Бухта Черносерда – Schwatzerhbucht, Infernal Shrines – Осквернённые святилища – Höllenschreine*.

Главной отличительной особенностью перевода топонимов на немецкий язык является наличие элементов адаптации, а именно изменение части речи. Такое явление объясняется тем, что словосложение является самым продуктивным способом словообразования, а также тенденцией языка к компрессии.

3) названия способностей героев являются значимыми именами собственными, так как они описывают внешний вид, или называют особую характеристику способности. В основе названия способностей также лежит имя нарицательное, которое придает «значимость» названию.

Самым частотным способом перевода названий способностей на немецкий (91%) и русский (89%) языки является калькирование в конвергенции с различными трансформациями. Это объясняется тем, что названия способностей, по сути, называют характеристику или описывают оружие. Например, способность *Skeletal Mages – Маги-скелеты – Skelettmagier* призывает скелетов, которые атакуют противников с помощью магии. Способность *Storm, Earth, Fire – Буря, Земля, Огонь – Sturm, Erde und Feuer* позволяет герою разделиться на три духа стихий – бури, земли и огня.

Также для перевода на немецкий язык характерна грамматическая трансформация, которая заключается в изменении частей речи при переводе. Чаще всего словосочетания «прилагательное + существительное» трансформируются в одно существительное. Как уже упоминалось ранее, эта особенность немецкого языка объясняется тем, что словосложение является самым продуктивным способом словообразования (*Poison Nova – Giftnova, Spectral Scythe – Spektralsense, Crystal Aegis – Kristallägis*).

Сопоставительно-переводческий анализ показал, что главной особенностью немецкоязычной локализации является отсутствие транскрипции и транслитерации при передаче имен собственных, что обусловлено использованием латинского алфавита в письменности обоих языков и важностью сохранения фонетического состава имени собственного. Также высокая частотность использования способа «нулевого перевода» указывает на то, что при локализации имен собственных на немецкий язык переводчики придерживались стратегии форенизации.

Особенностью русскоязычной локализации является адаптация неговорящих имен собственных под фонетическую систему русского языка, то есть использование транскрипции и транслитерации. Применение функционального аналога для передачи «говорящих» имен собственных, а также низкая частотность применения способа «нулевого перевода» говорит о том, что русские локализаторы следовали принципам стратегии доместикации, то есть адаптировали текст оригинала под русскую культуру.

Список использованных источников

1. Влахов С. С. Непереводимое в переводе / С. С. Влахов, С. П. Флорин. – М., Международные отношения. –1980. – 351 с.
2. Скидан О. Г. Безэквивалентная лексика в художественном тексте как проблема перевода // Переводческий дискурс: междисциплинарный подход: материалы III международной научно-практической конференции, Симферополь, 25–27 апреля 2019 года. – С. 348-352.
3. Суперанская А. В. Языковой знак и имя собственное // Проблемы языкознания: Доклады и сообщения советских ученых на X Международном конгрессе лингвистов, М., 1967. – С. 153-154.

УДК 81

К ВОПРОСУ О ТРАНСФОРМАЦИИ ФРАЗЕОЛОГИЗМОВ В АНГЛОЯЗЫЧНОЙ РЕКЛАМЕ

Л. Е. Смирнова,

кандидат педагогических наук, доцент кафедры социально-гуманитарных дисциплин, Государственный институт русского языка им. А. С. Пушкина, Москва

А. А. Чикина,

обучающаяся бакалавриата, кафедра детской литературы и методики продвижения чтения, Государственный институт русского языка им. А. С. Пушкина, Москва

Аннотация. В статье рассматриваются теоретические вопросы, связанные с трансформацией фразеологизмов в англоязычном рекламном тексте. Предлагаются две возможные классификации трансформаций фразеологизмов: по структуре и по типам языковой игры. Подчеркивается значимость языковой игры как одной из составляющих привлекательности

рекламного сообщения.

Ключевые слова: фразеологизм, трансформация фразеологизма, языковая игра, структурные изменения, рекламный текст.

Summary. The article deals with the theoretical issues connected with the transformation of phraseological units in an advertising text. Two possible classifications of phraseological transformations are offered: according to the structure and according to the types of language game. The significance of language game as one of the components of advertising message attractiveness is underlined.

Key words: idiom expression, transformation of idiom expressions, language-game, structural changes, advertising text.

Понятие фразеологизма и, следовательно, состав фразеологии являются дискуссионными вопросами в современной лингвистике. На сегодняшний день существуют две главенствующие концепции: т.н. «семантическая» («узкая») и «концепция воспроизведения» («широкая»).

Согласно семантической концепции Солодуба, фразеологизм – это «устойчивое семантически неделимое сочетание слов, целостное обобщенно-переносное значение которого сформировано на основе переосмысления словесного комплекса-прототипа» [10, с. 186]. Однако устойчивые сочетания слов с целостно-обобщенным и переосмысленным переносным значением составляют лишь небольшую часть неделимых словесных конструкций, которые в речи использует носитель языка. «Узкая» концепция – теоретическое представление, которое, значительно сужая рамки фразеологии, осложняет исследование употребления фразеологизмов и их трансформаций.

В данной работе мы придерживаемся «широкой» концепции понимания фразеологизма, сформулированной Н. М. Шанским: «фразеологизмы... устойчивые сочетания, воспроизводимые и, значит, готовые единицы языка, существующие в виде целостных по своему значению и устойчивых в своем составе и структуре образований» [12, с. 173]. Этот подход представляется более уместным в случае исследования употребления фразеологизмов в речи, так как является, по выражению В. Н. Телии, узуальным: «Широкий объём фразеологии можно определить как всё то, что воспроизводится в готовом виде, не являясь словом. Это критерий не структурно-семантический, а узуальный» [11, с. 58]. А. В. Кунин также придерживался концепции воспроизведения: «Мы также исходим из широкого понимания фразеологии, объектом которой являются все устойчивые сочетания слов с усложнённым значением» [5, с. 26].

Состав фразеологии, с точки зрения «широкой» концепции, – воспроизводимые в готовом виде сочетания слов – это фразеологизмы с обобщенно-переносным значением, паремии, клише и штампы, а также прецедентные феномены разных типов. Вслед за В. В. Красных, мы понимаем под прецедентными феноменами «феномены, 1) хорошо известные всем представителям национального лингвокультурного

сообщества; 2) актуальные в когнитивном (познавательном и эмоциональном) плане; 3) обращение (апелляция) к которым постоянно возобновляется в речи представителей того или иного национально-лингвокультурного сообщества» [1, с. 58].

Фразеологизмы в процессе воспроизведения могут подвергаться различным трансформациям. Д. Б. Гудков предлагает классификацию типов структурных изменений прецедентных выражений [3, с. 209-210]. Прецедентные выражения – вид прецедентных феноменов, которые, с точки зрения концепции воспроизведения, входят в состав фразеологии. Поэтому допустимо рассматривать данные типы как типы структурных изменений фразеологизмов в целом.

1. «Замещение». «Вместо «канонического» слова вставляется иное, как правило, совпадающее с первым по своим морфологическим характеристикам, ритмической структуре и синтаксической позиции. При «замещении» ... смысловая нагрузка падает именно на замещающее (новое) слово». Этот тип трансформации является наиболее удобным, так как в любом языке существуют большое количество слов, сходных по морфологическим характеристикам, ритмической структуре и синтаксической позиции.

2. «Усечение». «Здесь возможны два варианта: или всё ПВ (весь фразеологизм) оказывается незаконченным, или «усечённым» оказывается какой-либо из его компонентов». Этот тип трансформации является в меньшей степени удобным, так как фразеологизм, как правило, лишь в полной форме несёт смысловую нагрузку.

3. «Контаминация». «Соединение двух или нескольких ПВ (фразеологизмов) в одно». Выбор фразеологизмов в данном случае ограничивается семантической сочетаемостью и прямыми значениями компонентов двух устойчивых выражений, а также иными факторами.

4. «Добавление». «К исходному ПВ (фразеологизму) добавляется несколько новых компонентов, на которые и падает основная смысловая нагрузка».

Обнаруженный нами материал позволяет, по нашему мнению, добавить ещё один вид трансформаций англоязычных фразеологизмов к классификации Д. Б. Гудкова, – комплексная трансформация, представляющая собой совокупность структурных изменений фразеологизмов разного характера.

Многие трансформации носят структурный характер. Данные выше типы являются практически универсальными в случаях, когда контекст употребления фразеологизма либо не имеет значения, либо отходит на второй план.

Не все случаи трансформации можно классифицировать, придерживаясь структурного подхода. В некоторых случаях контекст употребления изменённой единицы играет важнейшую роль при трансформации фразеологизма. При этом любая трансформация

фразеологизма – пример языковой игры.

Под языковой игрой мы понимаем «сознательное нарушение языковых норм, правил речевого общения, а также искажение речевых клише с целью придания сообщению большей экспрессивной силы» [8, с. 168].

Исследуя ассоциативную активацию элементов концептосферы в дискурсе, В. В. Красных вводит понятия «клише» и «штампа», связанные с явлением языковой игры: «Для клише... крайне важна «семантика», т.е. весь комплекс значений, которые стоят за вербальной единицей, соотносимой с клише... при функционировании клише идёт «игра со значением»... при функционировании штампа идёт «игра» формой... Соответственно выделяются семантико-когнитивная ассоциация и фонетико-звуковая» [4, с. 142-144].

Итак, с точки зрения типов языковой игры, опираясь на термины, предложенные В. В. Красных, мы предлагаем следующую классификацию изменений фразеологизмов:

1. Игра с формой. (Фонетические ассоциации)
2. Игра со значением.
 - А) Изменение смысла посредством структурной трансформации.
 - Б) Употребление компонентов фразеологизма в прямом значении.
 - В) Изменение семантики компонента фразеологизма.
3. Комплексная трансформация (игра и с формой, и со значением).

Сфера применения языковой игры, употребления фразеологизмов в измененном виде, довольно широка. Она встречается, в частности, и в рекламных текстах.

Реклама – это «одна из сфер использования языка, где она служит прежде всего инструментом увещательной коммуникации, целью которой является побудить слушающего определенным образом модифицировать свое поведение, в частном (и основном для рекламы) случае – поведение потребительское» [8, с. 3]. Ж. Ж. Ламбен, понимает рекламу как «одностороннюю, платную форму неличной массовой коммуникации, призванную создавать благоприятное впечатление о товаре, имеющую четко определенного спонсора» [7, с. 253].

Реклама преследует следующие цели: «1) «создание атмосферы осведомленности о рекламируемом объекте»; 2) «стимулирование решения о приобретении товара, выборе услуги, торговой марки, о поддержке политической партии, общественного движения и т.п.»; 3) «информирование или обучение (напр., как правильно пользоваться товаром или уменьшить риск для здоровья)» [1, с. 635-636]. Маркетологи и PR-специалисты достигают вышеперечисленных целей многими способами, но главным образом через рекламный текст: «Наиболее важным в рекламе является текст. В нем описанные ощущения выражаются вербально» [9, с. 7].

Рекламное сообщение «должно преподноситься увлекательно, чтобы вызвать любопытство и интерес» [9, с. 28]. Игра способна увлечь человека

(«игровые приемы (особенно если они используются при создании ключевых фраз рекламного текста – заголовков и слоганов) призваны привлечь внимание» [8, с. 169]), поэтому реклама «как особый вид деятельности в значительной мере имеет игровую основу» [8, с. 168]. Языковая игра – вид игры, доступный автору текста, в т.ч. «продающего» текста. М. Robitaille считает, что «лучшие рекламные слоганы содержат элементы языковой игры, чтобы привлечь внимание покупателя и активизировать его мыслительную деятельность для того, чтобы обнаружить в рекламе каламбур или какую-либо ассоциацию» [14, р. 115]. С точки зрения психологии, роль языковой игры объясняется следующим образом: «Адресат получает эстетическое удовольствие от разгадывания элементов словесной игры... Тем самым повышается собственная самооценка реципиента» [6, с. 27].

К видам языковой игры Е. Б. Курганова относит «сознательное нарушение языковой нормы» [6, с. 29]. Очевидно, устойчивый компонентный состав фразеологизма и/или его смысл также является «нормой», нарушение которой и привлекает внимание адресата, что позволяет осуществить главную цель рекламного сообщения.

Основная функция рекламы – аттрактивная – совпадает с функцией кликбейта («Кликбейт – это коммуникативный феномен динамичного характера, преподносимый как журналистский контент, но им, по сути, не являющийся... Информационный повод таких публикаций является приманкой для аудитории, представленной в виде ярких кричащих заголовков» [13, с. 98]). К чертам кликбейта О. А. Гаврикова относит фразеологизмы, «зачастую в измененной форме», которые «представляют собой культуроспецифичные единицы и неизменно обращают на себя внимание... ввиду своей известности большому количеству людей. Нередко подвергаются креативной авторской обработке с целью внесения дополнительного смысла, который и предлагается обнаружить читателю» [2, с. 83].

Фразеологизмы используются в рекламных текстах с целью узнавания их потенциальным потребителем, следовательно, их воспроизводимость является более важным критерием, чем семантическое и структурное единство, выраженное в целостном обобщенно-переносном значении.

Таким образом, «широкая» концепция понимания фразеологизма является наиболее приемлемой в практико-ориентированном исследовании, поскольку употребление фразеологизмов в речи – это и есть их воспроизводство. Фразеологизмы зачастую подвергаются трансформации в речи. Изменения могут затрагивать или не затрагивать структуру устойчивого выражения, но они в любом случае будут являться воплощением языковой игры. Языковая игра, как и любая игра, привлекает внимание потенциального потребителя, что является причиной её использования в рекламных текстах. Одним из видов языковой игры является трансформация фразеологизма. Устоявшийся компонентный

состав фразеологической единицы (и её смысл) является своеобразной «нормой», поэтому его изменение выполняет аттрактивную функцию.

Список использованных источников

1. Баженова Е. А., Протопопова О. В. Язык и стиль рекламы // Стилистический энциклопедический словарь русского языка / Под ред. М. Н. Кожинной. – М.: Флинта: Наука, 2003.
2. Гаврикова О. А. Прагматика кликбейтинга в интертекстуальном пространстве медиадискурса. Дисс. ... канд. филол. наук. Уфа, 2020. – 204 с.
3. Гудков Д. Б. Теория и практика межкультурной коммуникации. – М.: ИТДГК «Гнозис», 2003. – 288 с.
4. Красных В. В. Этнопсихоллингвистика и лингвокультурология: Курс лекций. – М.: ИТДГК «Гнозис», 2002. – 284 с.
5. Кунин А. В. Курс фразеологии современного английского языка: Учеб. для ин-тов и фак. иностр. яз. - 2-е изд, перераб. – М.: Высшая шк., Дубна: Изд. Центр «Феникс», 1996. – 381 с.
6. Курганова Е. Б. Игровой аспект в современном рекламном тексте: учебное пособие. – Воронеж: ВГУ, 2004. - 124 с.
7. Ламбен Ж. Ж. Менеджмент, ориентированный на рынок: стратег. и операц. маркетинг / Жан-Жак Ламбен; [Пер. с англ. С. Жильцова]. – М. [и др.]: Питер, 2004 (ГПП Печ. Двор). - 796 с.
8. Пирогова Ю. К., Баранов А. Н., Паршин П. Б и др. Рекламный текст: семиотика и лингвистика. – М.: Изд. Дом Гребенникова, 2000. – 270 с.
9. Сердобинцева Е. Н. Структура и язык рекламных текстов. – М.: Флинта: Наука, 2010. – 160 с.
10. Солодуб Ю. П., Альбрехт Ф. Б. Современный русский язык. Лексика и фразеология современного русского литературного языка. – М.: Флинта, 2003. – 264 с.
11. Телия В. Н. Роль образных средств в культурно-национальной окраске миропонимания // Этнопсихоллингвистические аспекты в преподавании иностранных языков. М., 1996.
12. Шанский Н. М. Лексикология современного русского языка. – М.: Просвещение, 1972. – 327 с.
13. Bazaco A., Redondo M., Sánchez-Garci´a P. Clickbait as a strategy of viral journalism: conceptualisation and methods // *Revista Latina de Comunicación Social*. – 2019. – № 74. – С. 94-115.
14. Robitaille M. Humor in Advertising: It’s Funny Business. In: *Advertising and Popular Culture: Studies in Variety and Versatility*. – USA: Bowling Green State University Popular Press, 1992. – pp. 115–119.

УДК 82-312.4

**ПРОБЛЕМА ЖАНРОВОЙ ИДЕНТИФИКАЦИИ
ТЕРРОРИСТИЧЕСКОГО ШПИОНСКОГО РОМАНА «9/11»****В. В. Солодилова²⁸,***соискатель, Крымский федеральный университет имени В. И. Вернадского*

Аннотация. Данная работа посвящена анализу эволюции шпионского романа в историко-литературном контексте. В исследовании предпринимается попытка выделить один из типов шпионского романа – террористический шпионский роман, определить значимость феномена терроризма, как социально-религиозного явления, в творчестве современных прозаиков, обосновать появление в современной массовой литературе нового направления, так называемую прозу «9/11», на фоне глобального теракта 11 сентября 2001 года в Соединенных Штатах Америки. Автор анализирует влияние популярных художественных произведений массовой литературы террористической направленности на формирование литературной рецепции шпионского романа.

Ключевые слова: шпион, шпионский роман, жанр, терроризм, террористический шпионский роман, идеология, бестселлер, глобализация, субжанр, проза «9/11».

Summary. This work is devoted to the analysis of the evolution of the spy novel in the historical and literary context. The study attempts to single out one of the types of spy novel – a terrorist spy novel, to determine the significance of the phenomenon of terrorism as a socio-religious phenomenon in the work of modern prose writers, to substantiate the emergence of a new direction in modern mass literature, the so-called "9/11" prose, on against the background of the global terrorist attack on September 11, 2001 in the United States of America. The author analyzes the influence of popular literary works of popular terrorist literature on the formation of the literary reception of the spy novel.

Key words: spy, spy novel, genre, terrorism, terrorist spy novel, ideology, bestseller, globalization, subgenre, prose "9/11".

В мировой истории искусство шпионажа всегда играло принципиально важную роль в установлении мирового порядка или его дестабилизации противоборствующими державами. С древних времен работа разведки, базирующаяся на сборе, анализе и применении стратегически важной информации в военно-политических целях, порождала массу мифов в социуме, которые, в свою очередь, в дальнейшем облекались в художественную форму мастерами словесности.

Зарождение жанра шпионского романа приходится на первую половину XX века. Важной составляющей сюжета или контекста произведений этого жанра является шпионаж и работа разведывательных служб.

Трагедия 11 сентября 2001 года заложила прочный фундамент для

²⁸ Научный руководитель: д. филол.н., доцент М. В. Норец

нового направления в мировой литературе многих писателей современности, постепенно формируя совершенно новую рецепцию шпионского жанра. Американский писатель и журналист Кристофер Боллен об американской трагедии отзывается следующим образом: «Те, кто был в Нью-Йорке 11 сентября, никогда не смогут забыть эту катастрофу и не скажут, что это не нужно помнить». Высказывание Боллена абсолютно точно отражает окружающую действительность: 11 сентября разделило историю человечества на «до» и «после», показав, что терроризм является глобальной угрозой безопасности для всего мира. В литературном пространстве внутри жанра шпионского романа появился новый тренд – современная проза, так называемая проза «9/11», (художественные, документальные, публицистические произведения) – посвященная теракту 11 сентября. Спустя более 20 лет после катастрофы тема терроризма в массовой литературе не только не потеряла актуальность, но и стала неотъемлемой частью беллетристики наших дней: Ф. Бегбедер «Окна в мир», С. Кинг «Вещи, которые остались после них», Дж. Фоер «Жутко громко и запредельно близко», Дж. Дуайер, К. Флинн «Башни-близнецы. 102 минуты борьбы за жизнь», Т. Мейсан «Чудовищная махинация», В. Шрайер «Что случилось 11 сентября? Легенда», Д. Деллило «Падающий», М. Эмис «Второй самолет», П. Остер «Человек в темноте».

Авторы шпионских романов, такие как Ф. Форсайт [3, 10], С. Римингтон [6], В. Флинн [9], Д. Силва [1, 7], Д. Уоррик [8], Э. Каплан [2] в своих романах повествуют о событиях, связанных с деятельностью террористических организаций, запрещенных в Российской Федерации, Аль-Каида, ирландские радикальные группировки, ИГИЛ. Стоит отметить, что современные литераторы становятся не только очевидцами исторических событий, но и непосредственными их участниками.

Под влиянием событий трагического утра 11 сентября американским писателем Дж. Апдайком был написан роман «Террорист» – бестселлер 2006 года. Отправившись навестить родственников в Нью-Йорк, Апдайк стал очевидцем роковых для всего американского народа событий. В своем произведении, рефлексируя через главного героя Ахмада Маллоя, оказавшегося заложником американского общества потребления, автор пытается осмыслить исламский фундаментализм как социальную и политическую идеологию.

Книга Ф. Форсайта «Афганец», повествующая о британских и американских спецслужбах, намеревающихся предотвратить масштабный теракт, названа американским периодическим изданием «Kirkus Reviews» «апокалиптическим вестерном после 11 сентября» [11].

Напряженность в социокультурных отношениях интенсивно глобализирующегося либерального западного мира и консервативного, чтящего вековые традиции Востока порождает негативные явления в социуме, в частности, желание радикально настроенной части общества переделать существующий миропорядок под свои индивидуальные

представления о международных общественных отношениях и нормах международной правовой системы. Антитеррористическая кампания после самого крупного в истории человечества теракта 11 сентября, унесшего жизни почти 3 тысяч человек, направлена на разработку правовых основ противодействия международному терроризму, выявление и пресечение террористической активности, минимизацию последствий террористических актов. В свою очередь, всемирно известные террористические организации стремятся к публичности посредством массовой литературы, Интернета и средств массовой информации для запугивания как можно большего числа людей на планете, дестабилизации работы органов государственной власти и подрыва доверия социума к действующему правительству.

В тандеме со средствами массовой информации современные беллетристы формируют в массовом сознании образ террориста, претерпевший в ходе истории немало трансформаций: от революционера до террориста-исламиста, что подтверждается анализом шпионских романов с террористической тематикой.

Оставаясь прерогативой экспертов в области юридических и исторических наук, в литературоведении феномен терроризма изучен мало. Однако, по мнению американского историка и политолога Уолтер Лакера, художественная литература может дать больше для понимания феномена терроризма, нежели политология. В связи с этим, мы считаем абсолютно справедливым и обоснованным вхождение в рецептивную группу жанроформирования современного шпионского романа авторов, обращающихся в своих произведениях к террористической тематике.

Резюмируя вышеизложенное, мы убеждены в том, что после глобального теракта 11 сентября в Соединенных Штатах Америки ход истории человечества изменил свой вектор, что отразилось на всех сферах жизни каждого жителя планеты. В частности, жанр шпионского романа перешел на новую ступень своего развития, благодаря интенсивной эксплуатации современными авторами в качестве главной темы своего творчества трагических событий 11 сентября. В массовой литературе обозначилось новое направление – проза «9/11».

Список использованных источников

1. Асанова Э. Р., Норец М. В., Остапенко И. В. Трансформации жанровой модели шпионского романа в творчестве Д. Силвы // Ученые записки Крымского федерального университета имени В.И. Вернадского. Филологические науки. – 2021. – Т. 7, № 2. – С. 3-15.
2. Каплан Э. Тайный мир: история разведки. – United States of America: Jouve (UK), Milton Keynes, 1992. – 1184 с.
3. Круглова А. С., Кабанова Н. Е., Асанова Э. Р. "Антитеррористический" британский шпионский роман: на примере "Списка убийств" Фредерика Форсайта // Гуманитарный научный вестник. – 2022. – № 3. – С. 79-84.

4. Любеев В. С. Теоретико-методологические основы формирования жанра шпионского романа-экшена // Филологические науки. Вопросы теории и практики. – 2016. – № 6-2(60). – С. 18-21.
5. Норец М. В. Генезис жанра шпионского романа в английской литературе: монография. – Симферополь: Бизнес-информ, 2014. – 364 с.
6. Римингтон С. Прямая угроза. – М.: Издательский Дом Ридерз Дайджест, 2010, – 208 с.
7. Силва Д. Посланник / Д. Силва. – М.: АСТ, 2009. – 384 с.
8. Уоррик Дж. Черные флаги: восстание ИГИЛ 2015. – М.: АСТ, 2018. – 448 с.
9. Флинн В. Наемник. – М.: АСТ, 2017. – 416 с.
10. Форсайт Ф. Афганец. – М.: Эксмо, 2007. – 384 с.
11. Laqueur W. Interpretations of Terrorism – Fact, Fiction and Political Science // Journal of Contemporary History. January 1977. – Vol. 12. No. 1. – P. 3.

УДК 821.111:81'255.2

ТРУДНОСТИ ПЕРЕВОДА ГЕРАЛЬДИЧЕСКИХ ТЕРМИНОВ В ХУДОЖЕСТВЕННОМ ПРОИЗВЕДЕНИИ

А. А. Стрельцов,

*кандидат педагогических наук, доцент кафедры перевода и ИТЛ,
Институт филологии, журналистики и МКК, Южный федеральный
университет, Ростов-на-Дону*

Аннотация. В статье анализируются особенности функционирования и передачи геральдических терминов в художественной литературе. Материалом послужили два фрагмента из историко-приключенческого романа В. Скотта «Айвенго» на английском языке и трёх его переводов на русский язык. Показано, как разные переводчики смогли преодолеть встретившиеся переводческие трудности. Установлено, что, помимо словарных соответствий, чаще всего ими использовалась нейтрализация и генерализация.

Ключевые слова: воображаемая геральдика, герб, перевод терминов, описательный код, художественный перевод

Summary. The article deals with the peculiarities of usage and translation of heraldic terms in fiction. We have picked out for analysis two extracts from a historical romance by Sir Walter Scott «Ivanhoe» and its three translations into Russian. We have shown the means the translators resorted to in overcoming the difficulties, and noted the most frequent translation methods – neutralisation and generalization, as well as equivalent translation.

Key words: imaginary heraldry, emblem, translation of terms, descriptive code, literary translation

Роман В. Скотта «Айвенго» является одним из первых историко-приключенческих романов и, несмотря на сравнительно небольшое число экранизаций, остаётся одним из наиболее популярных произведений в

своём жанре. Так, Виктор Еремин включил Айвенго в число «100 великих литературных героев» [6], а в 2019 г. ВВС включило роман в сотню «самых вдохновляющих», отнеся его к теме «приключения» [12] (наряду с «Властелином колец», «Голодными играми», «Тёмными началами» и «По ком звонит колокол» и др.). Впрочем, у подобной известности есть и обратная сторона: именем Айвенго называли мальчиков и бычков, сорта ячменя и сладкого перца, инсектицид и йогурт, и даже лечебный костюм.

Текст произведения стал материалом для целого ряда разнообразных исследований, в том числе диссертационных [9; 11]. Тематика также весьма широка – от историко-филологических [4; 8; 10] до лингво-переводческих [7]. Последнее направление представляет для нас интерес, поскольку мы в настоящей работе рассматриваем лексические единицы специального языка – геральдического, под которым понимаем описательный код, применяемый для записи и описания изображения на гербах. Предметом нашего исследования являются особенности функционирования элементов данного кода в художественной литературе.

Материалом исследования послужил роман Вальтера Скотта «Ivanhoe» [13], и три его перевода на русский язык. Следует отметить, что указанное произведение и ранее рассматривалось с позиций геральдики [5; 14], но при этом никогда не ставилась цель проанализировать способы передачи отдельных слов и словосочетаний на русский язык.

В тексте романа есть несколько мест, в которых описываются гербы, но мы остановились на двух фрагментах, в которых представлена геральдическая терминология, а не описания изображений «профанным» языком.

1. Bois-Guilbert's new shield bore a raven in full flight, holding in its claws a skull, and bearing the motto *Gare le Corbeau* [13].

На новомъ щитѣ изображень былъ летящій воронъ, съ черепомъ въ когтяхъ, и надпись: *страишь ворона* (прижизненный анонимный перевод) [2].

На новомъ щитѣ Буа-Гильбера изображень былъ летящій воронъ съ черепомъ въ когтяхъ и надписью: *Gare le Corbeau* (анонимный перевод) [1].

На новом щите де Буагильбера изображен был летящий ворон, держащий в когтях череп, а под ним надпись: «Берегись ворона» (перевод Е. Бекетовой) [3].

Первые две трети предложения у разных переводчиков совпадают почти слово в слово, и отличия наблюдаются только в представляющей для нас интерес последней части. Во всех трёх переводах слово «motto» передано генерализацией – «надпись», хотя его словарное соответствие – «девиз». Сам девиз в одном случае сохранён в оригинальной форме: мы не можем говорить о трансплантации в данном случае, поскольку язык девиза – французский, а язык оригинала – английский; в двух других случаях переводчики прибегли к калькированию. Обращает на себя внимание, что автор при описании герба не стал использовать специальный термин

«volant» – «летающий», а прибег к нейтральной лексике.

2. A knight, clad in sable armour, is the most conspicuous, said the Jewess ...

What device does he bear on his shield? replied Ivanhoe.

Something resembling a bar of iron, and a padlock painted blue on the black shield.

A fetterlock and shackle-bolt azure, said Ivanhoe; I know not who may bear the device, but well I ween it might now be mine own.

Canst thou not see the motto?

Scarce the device itself at this distance, replied Rebecca. [13]

Примѣтнѣ прочихъ, Рыцарь въ черныхъ латахъ....

Какой гербъ на его щитѣ?

Что-то похожее на желѣзный запоръ и на цѣпи, все синяго цвѣта на черномъ полѣ.

Желѣзный запоръ и цѣпи. Я не знаю, чей бы это былъ гербъ, но мнѣ кажется, что онъ приличенъ и мнѣ въ теперешнемъ положеніи. Не можешь ли прочесть девиза?

Отсюда едва можно разсмотрѣть и самый гербъ... (прижизненный анонимный перевод) [2].

Всѣхъ замѣтнѣ рыцарь въ черныхъ латахъ...

Какой девизъ изображенъ на его щитѣ?

Что-то похожее на полосу желѣза, и замокъ, означенный синей краской на черномъ полѣ.

Синій замокъ! Не знаю кому принадлежитъ этотъ девизъ, но думаю, что въ эту минуту онъ бы приличенъ былъ и мнѣ. Не можешь ли ты разсмотрѣть надписи?

На такомъ разстояніи едва можно разсмотрѣть самое изображеніе на щитѣ... (анонимный перевод) [1].

Всехъ заметнее рыцарь в черных доспехах, – сказала еврейка.

Какой девиз на его щите? – спросил Айвенго.

Что-то вроде железной полосы поперёк щита и на чёрном поле – висячий замок голубого цвета.

Оковы и скрепы лазурные, – поправил её Айвенго (употребляя выражения, принятые в геральдике). – Не знаю, у кого бы мог быть такой девиз, хотя чувствую, что в эту минуту он был бы вполне пригоден для меня самого!

А что написано на щите?

На такомъ разстояніи я едва вижу девиз, – отвечала Ревекка ... (перевод Е. Бекетовой) [3].

В первой строчке указывается, что доспехи/латы на рыцаре чёрного цвета, но, если выше по тексту оригинала встречалось словосочетание «black armour», то здесь, по воле автора, еврейская девушка использует специальное обозначение, принятое в геральдике – «sable», по-русски «чернь» – это одна из т.н. «тинктур», в частности, «финифтей» (эмалей), т.е.

красок. В описываемой ситуации случайное употребление этого слова представляется маловероятным, и следует предположить некоторое знакомство персонажа с языком геральдики.

Следующий термин неожиданно оказывается трудным для перевода. Слово «*device*» в геральдике обозначает «эмблему» и «девиз». Два из трёх переводчиков выбрали второе значение, что привело к недоразумению: рыцарь два раза спрашивает у «непонятливой» девушки одно и то же, хотя уже в первый раз получил удовлетворивший его ответ. На самом деле, девиз – это краткая надпись на гербе. Другое значение является устаревшим, хотя в данном произведении могло быть уместно, поскольку в средневековых Англии и Франции так называли гербовые фигуры, помещавшиеся сверх других изображений в щите, или узкий геральдический пояс.

Следующее предложение целесообразно разбить на две части. В первой девушка, как видит, описывает изображение на щите: что-то похожее/вроде полосы железа/железной полосы и замок; в переводе Е. Бекетовой представлено точное соответствие, тогда как автор более раннего перевода прибег к генерализации. В первом по времени варианте перевода определение «железный» отнесено к слову «запор», что допускает наличие замков из другого металла (материала) в указанное время; также вместо «полосы» – «цепь»: часто замок висит на цепи, но в данном случае мы имеем дело с неточностью, или, в лучшем случае, с контекстуальной заменой – девушке плохо видно изображение на щите. Также слово «*bar*» можно рассматривать как геральдический термин «полоса» – это холоним, который объединяет ряд т.н. «почётных» геральдических фигур – почти все они представляют собой по-разному расположенные на гербе полосы или их соединения. Во второй части предложения указан цвет фигур и самого щита – соответственно, голубой/синий и чёрный. В оригинале использована нейтральная лексика для их обозначения, хотя в этом случае уместнее было использовать специальные обозначения, если автор хотел показать нам знакомство еврейской девушки с основами геральдики.

Реплика главного героя представляет своего рода внутренний перевод с «профанного» языка на геральдический, что показано только в переводе Е. Бекетовой – она даже сочла необходимым прибегнуть к переводческому комментарию. Анонимные переводчики повторили или перефразировали ранее сказанное девушкой, что можно считать неявным уклонением от перевода. Прилагательное «*azure*» – «лазурный» в данном словосочетании является «финифтью», а «*a fetterlock and shackle-bolt*» – «оковы и скрепы» – искусственными негеральдическими фигурами. Навесные замки были известны в Англии ещё до норманнского завоевания, поэтому их упоминание в тексте не является анахронизмом. Термин «*shackle-bolt*», по всей видимости, обозначает запорную дужку, которая может быть прямой; словом «*fetterlock*» в геральдике обозначают «запор» или «оковы». Можно предположить, что автор произведения допустил удвоение в описании

(возможно, поэтому один из переводчиков написал просто «синий замок», и в этом случае могло иметь место опущение), или же имел в виду замок, висящий на петлях.

В заключении следует отметить, что ни один из переводчиков не смог избежать ошибок при переводе геральдических терминов, что свидетельствует о недостаточных познаниях в данной области, но в целом перевод Е. Бекетовой следует признать наиболее адекватным из трёх.

Список использованных источников

1. Айвенго. Романы Вальтера Скотта. [Электронный ресурс]. Петербург: типография К. Н. Плотнокова, 1874. – https://ru.wikisource.org/wiki/Айвенго_%28Скотт%3В_1874%29/ДО (дата обращения 08.01. 2023)
2. Вальтер Скотт Ивангое или возвращение из крестовых походов [Электронный ресурс] СПб.: В типографии А. Ф. Смирдина, 1826 г. – http://az.lib.ru/s/skott_w/text_0032_ivanhoe-1826-1-oldorfo.shtml (дата обращения 08.01. 2023)
3. Вальтер Скотт Айвенго. М.: Художественная литература. – 1985. – 432 с.
4. Винокурова Т. Н., Скрынько Е. И. Эпоха рыцарства в романе Вальтера Скотта «Айвенго» // В сборнике: Лингвистическая мозаика. Сборник научных работ. Омск. – 2022. – С. 19–24.
5. Галямичев А. Н. Роман В. Скотта «Айвенго» в преподавании курса геральдики // Актуальные проблемы Российской цивилизации и методики преподавания истории: сборник материалов XIII Международной научной конференции. – 2020. – С. 174–177.
6. Еремин В. Н. 100 великих литературных героев. – Москва: Вече, 2009. – 429 с.
7. Ивликова Е. А., Тюркан Е. А. Стратегии исторической стилизации в художественном переводе (на примере перевода романа В. Скотта «Айвенго») // Язык. Речь. Коммуникация: сборник научных статей. Мурманск. – 2016. – С. 67–72.
8. Корчагина А. А. Исторические реалии в произведении В. Скотта «Айвенго» // На пересечении языков и культур. Актуальные вопросы гуманитарного знания. – 2022. – № 3 (24). – С. 461-465.
9. Ларкин В. С. Эпиграф как элемент кодирования смысла художественного текста (на материале романа В. Скотта «Айвенго»): дис. ... кандидата филол. наук. Москва, 2010. – 212 с.
10. Романова Т. Н., Давлетшина М. Г. Романтический аспект исторического романа «Айвенго» В. Скотта // Проблемы романо-германской филологии, педагогики и методики преподавания иностранных языков. – 2016. – № 12. – С. 79-84.
11. Титова Л. Ю. Рыцарские реалии как объект теории и практики перевода (на материале романов Вальтера Скотта «Айвенго» и «Квентин

Дорвард»): дис. ... кандидата филол. наук. Москва, 2005. – 206 с.

12. BBC list of 100 most inspiring novels [Electronic Resource]. – Mode of access: URL: https://en.wikipedia.org/wiki/BBC_list_of_100_most_inspiring_novels (дата обращения 08.01. 2023)

13. Scott Walter «Ivanhoe» [Electronic Resource]. – Mode of access: URL: [https://en.wikisource.org/wiki/Ivanhoe_\(unsourced\)](https://en.wikisource.org/wiki/Ivanhoe_(unsourced)) (дата обращение 08.01. 2023)

14. Sklizkova E. V. Pragmatics of linguocultural aspect of heraldry // Вестник славянских культур. – 2020. – № 56. – С. 75–88.

УДК 81`255.2

ПРОБЛЕМА АДЕКВАТНОСТИ ПОЭТИЧЕСКОГО ПЕРЕВОДА С РУССКОГО ЯЗЫКА НА АНГЛИЙСКИЙ

А. Р. Тарасевич,

*обучающаяся магистратуры, кафедра теории и практики перевода,
Институт филологии, Крымский федеральный университет имени
В. И. Вернадского, Симферополь*

Н. В. Пасекова,

*кандидат филологических наук, доцент кафедры теории и практики
перевода, Институт филологии, Крымский федеральный университет
имени В. И. Вернадского, Симферополь*

Аннотация. В статье дается обзор основных требований перевода поэтического текста. Цель исследования – рассмотреть и проанализировать основные проблемы, встречающиеся в процессе осуществления адекватного поэтического перевода.

Адекватность перевода заключается в выборе языковых знаков в языке перевода, соответствующих определённому измерению в языке оригинала. Адекватность перевода поэтического текста заключается в подборе лексических эквивалентов как первичной, так и вторичной образности. Задача переводчика заключается в бережном подходе к выбору словесных средств выразительности для передачи мысли автора, последовательно придерживаясь цели перевода.

Ключевые слова: поэтический перевод, адекватность, язык, текст.

Summary. The article provides an overview of the basic requirements for the translation of a poetic text. The purpose of the study is to consider and analyze the main problems encountered in the process of implementing an adequate poetic translation.

The adequacy of the translation consists in the choice of language signs in the target language that correspond to a certain dimension in the source language. The adequacy of the translation of a poetic text lies in the selection of lexical equivalents of both primary and secondary figurativeness. The translator's task is to carefully choose the means of expression to convey the author's thoughts,

consistently adhering to the goal of translation.

Key words: poetic translation, adequacy, language, text.

Ю. М. Лотман определяет поэтический текст как «художественное структурированное смысловое целое, функционирующее под давлением экстралингвистических, прагматических, социокультурных, психологических и иных факторов, в результате чего он способен аккумулировать всевозможные смыслы – от чисто языковых и культурологических до уникальных субъективных» [5, с. 100]. Л. Т. Идиатуллина считает, что поэтическое произведение – это определенный комплекс элементов, включающий в себя такие понятия, как ритм, мелодика, строфика и стилистика. При взаимодействии этих элементов друг с другом в сознании читателя возникает «определенный синтетический эффект» [3, с. 46].

Перевод – искусство, следовательно, переводчик должен быть наделен писательским даром. Переводчикам, как и писателям, необходим многосторонний жизненный опыт, неустанно пополняющийся запас впечатлений. Язык писателя-переводчика, как и язык писателя оригинального, состоит из наблюдений над языком родного народа и из наблюдений над родным литературным языком в его историческом развитии. Только те переводчики могут рассчитывать на успех, кто приступает к работе с сознанием, что язык победит какие-либо трудности, что препятствий для него нет.

Фактором, осложняющим переводческий процесс, является наличие в поэтическом тексте формальных элементов: фонетических (парономазия, аллитерация); морфологических (скудность флексий в английском языке затрудняет переводческий процесс и подбор рифмы); синтаксических (отсутствие фиксированного порядка слов в русском языке, в соотношении со строго регламентированным порядком в английском). Также стоит отметить, что средняя длина слова в языке оригинала и в языке перевода значительно влияет на сложность подбора языковых эквивалентов при поэтическом переводе. Так, средняя длина слова в русском языке составляет 1-2 слога, в то время как в английском – 2-3. Эта разница в длине слова значительно влияет и на длину стиха.

Писательница Вирджиния Вульф в статье «On not knowing Greek» подчеркивает разрушительность перевода русских стихов на английский язык: «В живых остается только грубый, опошленный, пониженный вариант смысла. После этого русские классики выглядят людьми, потерявшими одежду в результате землетрясения или крушения поезда» [10, с. 89].

Переводчик сталкивается с проблемой сохранения языковых элементов. В затруднительных случаях перед ним стоит решение о сохранении либо элементов содержания, либо элементов форм. Столкнувшись с подобной проблемой, Владимир Набоков отдал предпочтение прозаическому переводу при работе с романом «Евгений

Онегин». Писатель утверждает, что «сохранить полностью смысл и одновременно размер и рифму математически невозможно» [7, с. 28]. В этой работе Набоков делает упор на передачу семантико-стилистических характеристик исходного текста.

В случае появления дилеммы между точностью воспроизведения оригинала и точностью его поэтического содержания, если невозможно добиться того и другого, согласно мнению многих ведущих специалистов, выбирать нужно второе. В процессе поэтического перевода допустимым является опущение как элементов содержания, так и элементов формы. Однако неизменным должно оставаться настроение и интонация оригинала.

Подводя итоги, отметим, что в поэтическом переводе остаются в силе основные требования, которым должен удовлетворять художественный перевод: точность, ясность и литературность на всех структурных уровнях [4].

Содержание не может существовать, пока для него не найдена нужная форма. Форму стихотворения составляет комплекс взаимосвязанных и взаимодействующих элементов, таких как ритм, мелодия, архитектоника, стилистика, смысловое, образное, эмоциональное содержание слов и их сочетаний.

Для достижения адекватного перевода поэтического произведения переводчик должен воспроизвести в переводе единство формы и содержания, под которым понимается художественное целое, то есть донести до читателя максимально точно созданные автором мысли и образы.

Список использованных источников

1. Гальперин И. Р. Текст как объект лингвистического исследования. Изд. 4-е, стереотипное. М.: КомКнига. – 2006. – 137 с.
2. Глухенькая Л. Н. Двойное кодирование в постмодернистской поэзии британского поэта-лауреата Кэрол Энн Даффи / Л. Н. Глухенькая // Иностранная филология. Социальная и национальная вариативность языка и литературы: Материалы международного научного конгресса, Симферополь, 01–30 апреля 2016 г. – С. 122-126.
3. Идиатуллина Л. Т. The problem of poetry's translation in the works of the modern scientists // Вестник Казанского государственного университета культуры и искусств. – 2010. – № 1. – С. 44–49.
4. Комиссаров В. Н. Общая теория перевода. М.: ЧеРо. – 1999. – 136 с.
5. Лотман Ю. М. Структура художественного текста. СПб.: Искусство. – 1998. – 288 с.
6. Лукинова М. Ю. Амбивалентность перевода / М. Ю. Лукинова // Переводческий дискурс: междисциплинарный подход: Материалы I всероссийской научно-практической конференции, Симферополь, 27–29 апреля 2017 г. – С. 244-249.
7. Набоков В. В. Комментарий к роману А. С. Пушкина "Евгений Онегин". Перевод с английского. СПб.: Набоковский фонд. – 1998. – 928 с.

8. Норец М. В., Сёмченко Р. А. Авторские неологизмы в художественном тексте: способы образования и особенности перевода (на примере произведения Чака Паланика "Колыбельная") // Переводческий дискурс: междисциплинарный подход: материалы II международной научно-практической конференции. – 2018. – С. 420-424.

9. Норец М.В. Перевод как средство межъязыковой коммуникации / М. В. Норец // Мировая литература на перекрестье культур и цивилизаций. – Симферополь: КФУ им. В.И. Вернадского, 2019. – № 3-4 (27-28). – С. 40-46.

10. Пастернак Б. Л. Я понял жизни цель: Повести, стихи, переводы. М.: Эксмо. – 2008. – 528 с.

11. Цветкова М. В. Концепт ENGLISHNESS: основные константы // Проблема национальной идентичности в культуре и образовании России и Запада. Воронеж: Воронежск. универ. – 2000. – 430 с.

УДК 378.016:81'25

КОРПУСНОЕ НАПРАВЛЕНИЕ В ДИСКУРС-АНАЛИЗЕ: ЛИНГВОДИДАКТИЧЕСКИЙ АСПЕКТ

Л. П. Тарнаева,

доктор педагогических наук, профессор кафедры иностранных языков и лингводидактики, Санкт-Петербургский государственный университет, Санкт-Петербург

Е. С. Осипова,

кандидат педагогических наук, доцент высшей школы лингводидактики и перевода, Санкт-Петербургский политехнический университет Петра Великого, Санкт-Петербург

Аннотация. В дискурс-анализе исследователи выделяют несколько направлений, соотносимые с целями и задачами определенной научной сферы. В настоящей статье речь идёт о тенденции использования методов корпусной лингвистики в дискурс-анализе, что позволяет говорить о становлении корпусного подхода в дискурсивном анализе. В статье описаны основные подходы к исследованию дискурса с привлечением данных корпусной лингвистики и высказывается мысль о возможностях использования корпусного дискурс-анализа в лингводидактических целях.

Ключевые слова: дискурс-анализ, инструменты корпусной лингвистики, корпусный подход, лингводидактические цели.

Summary. In discourse analysis, researchers identify several areas that are correlated with the goals and objectives of a particular scientific field. In this article, we are talking about the tendency to use the methods of corpus linguistics in discourse studies, which may be regarded as the sign of the formation of a corpus approach in discourse analysis. The article describes the main approaches to the study of discourse using the data of corpus linguistics and suggests the possibility of using corpus discourse analysis for linguodidactic purposes.

Key words: discourse analysis, instruments of corpus linguistics, corpus approach, linguodidactic purposes.

В дискурс-анализе существует несколько направлений (подходов), в которых дискурс рассматривается в соответствии с целями и задачами определённой научной области. Как отмечает Т. ван Дейк, в становление дискурс-анализа как научной дисциплины внесли вклад многие области научных знаний – структурная лингвистика, социолингвистика, этнолингвистика, социология, психология, теория речевой коммуникации, когнитивная психология, информатика, юриспруденция и др. [14]. По мере вовлечённости в изучение дискурса различных предметных дисциплин происходит становление дискурс-анализа как междисциплинарной области научных знаний, что со временем приводит к обратному процессу – выделению специализированных теорий дискурса, в частности, политического дискурса, дискурсивной психологии, критического дискурс-анализа и т.д. [14].

Ведущую роль в исследовании дискурса играет лингвистический подход, в основе которого лежат современные методы социолингвистики, лингвокультурологии, лингвосинергетики, когнитивной лингвистики, компьютерной лингвистики и ряда других лингвистических дисциплин. Лингвистический дискурс-анализ является наиболее ранним в хронологическом плане – впервые понятия «дискурс» и «дискурс-анализ» ввёл З. Харрис в 1952 году, отметив важность дискурс-анализа «для соотнесения культуры и языка» [15]. В рамках лингвистического подхода в фокусе дискурс-анализа находится любое коммуникативное событие, рассматриваемое «через три измерения: текст (речь, письмо, витальное изображение), дискурсивную практику (способ производства и восприятия текстов) и социальную практику (способ использования текста)» [3].

В настоящее время в исследовательской литературе наблюдается тенденция, когда для изучения, анализа и интерпретации дискурса привлекаются инструменты корпусной лингвистики, что даёт основание вести речь о появлении одного из новых направлений – корпусного дискурс-анализа.

Лингвистический корпус определяется как «филологически компетентный массив языковых средств (как правило, множество текстов), отобранных в соответствии с некоторой исследовательской задачей, специально подготовленных, размеченных, структурированных, представленных в унифицированном виде» [11]. Обычно доступ к электронному лингвистическому корпусу осуществляется через специальный поисковый интерфейс для нахождения необходимых фрагментов текста по заданным параметрам, например, по частотности употребления лексических и грамматических явлений, по группировке текстов в соответствии с определёнными критериями (хронологическим, жанровым, гендерным) и т.д.

Важно отметить специфику методологии работы с текстовым

материалом, представленным в корпусе. В исследованиях отмечается, что отдельный текст, какого бы он ни был объёма, можно проанализировать и разобрать полностью, так как он имеет определённую организацию, структуру (начало, середину, конец), смысловое единство. Если же текст представлен в корпусе, он не может быть рассмотрен и глубоко изучен как единое целое в совокупности всех его характеристик – корпусная выборка может показать начало, середину или конец текста случайно, произвольно. Корпус в основном направлен на получение статистических данных, например, о частотности, распространённости того или иного языкового явления т.д. [18].

Таким образом, текстовый материал, представленный в корпусе, отличается объёмом, репрезентативностью, фрагментарностью. Через призму корпуса мы смотрим на текст, используя определённые корпусные инструменты, задавая отвечающие нашим задачам поисковые запросы, например, составляя конкордансы, анализируя коллокации и т.д.

Отмечается, что использование данных корпусной лингвистики гарантирует достоверность полученных результатов в то время, как методы традиционной лингвистики могут быть субъективными, основанными на интроспекции и интерпретации [1]. По мнению В. А. Плузгяна, корпус – это мощный инструмент исследования языка, вместе с тем, и «новая идеология, ориентирующая исследователя на *текст* как главный объект теоретической рефлексии» [6, с. 14].

В корпусном анализе существуют разные методы привлечения корпусных данных к исследованию языковых явлений. В работе М. В. Копотева предлагается выделить несколько видов корпусного анализа в соответствии с тремя подходами к анализу – «от наиболее связанных с лингвистической традицией до новаторских, стоящих на границе лингвистики и информационных технологий» [5, с. 92]. При этом автор делает оговорку, что эти подходы и стоящие за ними методы анализа разделены «несколько искусственно» [5]. М. В. Копотев выделяет такие виды корпусного анализа как *corpus-informed approach* (анализ, использующий корпус), *corpus-based approach* (анализ, основанный на корпусе), *corpus-driven approach* (анализ, направляемый корпусом). *Corpus-informed approach* подразумевает использование корпусных данных как источник примеров для иллюстрации какого-либо языкового явления без глубокого количественного анализа. *Corpus-based approach* предполагает анализ корпусных данных как качественно, так и количественно. Статистический анализ становится обязательным инструментом верификации и воспроизводимости результатов. Такой подход предполагает проверку некоторой исходной гипотезы, теоретические положения которой заданы заранее и не меняются в ходе исследования. *Corpus-driven approach* предполагает использование корпуса как базы, на материалах которой полностью строится исследование. В задачи исследователя входит интерпретация полученных результатов и

корректировка теории. Этот подход позволяет заметить закономерности в использовании языкового материала, которые до этого были вне поля зрения исследователей [4; 5].

Тенденция использования инструментов корпусной лингвистики в дискурс-анализе наметилась в середине 1990-х годов и в настоящее время становится устойчивым направлением дискурсивных исследований. В зарубежной лингвистике это направление обозначается как *corpus-assisted discourse studies*, *corpus-based discourse studies*, *corpus-driven discourse studies* и др. [9; 12; 13]. В отечественной литературе такие исследования получили наименование корпусно-ориентированных методов в дискурс-анализе [1].

Следует отметить, что использование корпусных методов исследования дискурса в лингвистических целях остаётся на настоящий момент неисследованной проблемой. При этом существует ряд работ, посвященных вопросам использования корпусов в процессе обучения иностранным языкам [2; 7; 8; 10; 16; 17], однако проблема привлечения инструментов корпусной лингвистики для анализа дискурса с лингводидактических позиций на настоящий момент не нашла должного освещения. Между тем, лингводидактические возможности такого направления дискурс-анализа представляются вполне реальными. Например, практика преподавания теории и практики перевода показала, что использование корпусных данных даёт возможность студентам проследить динамику употребления по годам того или иного слова, фразы, грамматической конструкции в определённом типе дискурса. Задания на такой анализ могут помочь студентам избежать ошибок, связанных с использованием при переводе устаревших или вышедших из употребления языковых явлений, и таким образом будут способствовать выбору адекватного переводческого решения с учетом современного состояния языка. В других случаях, возможность убедиться в частотности языкового явления в определённом типе дискурса даст студентам основание судить о регулярном характере анализируемого языкового факта, которое может быть рассмотрено как характеристика данного дискурса. Такие задания могут быть рекомендованы студентам для составления переводческого глоссария при переводе, например, разных видов профессионально-ориентированного дискурса.

Резюмируя вышесказанное, следует отметить, что широкое освещение в исследовательской литературе методов использования инструментов корпусной лингвистики для анализа различных типов дискурса, в частности, профессионально-ориентированных, предоставляет возможности для разработки инновационных методических моделей, направленных на языковую подготовку специалистов к межкультурным профессионально-ориентированным практикам.

Список использованных источников

1. Анашкина И. А., Конькова И. И. Корпусно ориентированный

метод дискурс-анализа (на материале английского языка) [Электронный ресурс] // Вестник ПНИПУ. Проблемы языкознания и педагогики. – 2021. – №2. – <https://cyberleninka.ru/article/n/korpusno-orientirovannyy-metod-diskurs-analiza-na-materiale-angliyskogo-yazyka> (дата обращения: 30.01.2023).

2. Горина О. Г. Инструменты корпусного анализа в обучении иностранному языку // Вестник Томск. гос. ун-та. – 2018. – № 435. – С. 187–194.

3. Ирхин Ю. В. Дискурс-анализ: сущность, подходы, методология, проектирование [Электронный ресурс] // Социально-гуманитарные знания. – 2014. – №4. – <https://cyberleninka.ru/article/n/diskurs-analiz-suschnost-podhody-metodologiya-proektirovanie> (дата обращения: 30.01.2023).

4. Копотев М. В. Введение в корпусную лингвистику: электронное учебное пособие для студентов филологических и лингвистических специальностей университетов. – Praha: Animedia, 2014. – 194 с.

5. Копотев М. В. О некоторых следствиях корпусной лингвистики для общей теории языка [Электронный ресурс] // Филологический класс. – 2021. – №2. – <https://cyberleninka.ru/article/n/o-nekotorykh-sledstviyah-korpusnoy-lingvistiki-dlya-obschey-teorii-yazyka> (дата обращения: 30.01.2023).

6. Плунгян В. А. Корпус как инструмент и как идеология: о некоторых уроках современной корпусной лингвистики // Русский язык в научном освещении. – 2008. – № 2. – С. 7–20.

7. Сысоев П. В. Лингвистический корпус в методике обучения иностранным языкам // Язык и культура. – 2010. – № 1(9). – С. 99–111.

8. Тарнаева Л. П., Небожина К. А. Ресурсы корпусной лингвистики в профессионально-ориентированном обучении иностранному языку // Шатиловские чтения. Цифровизация иноязычного образования: Сборник научных трудов. – Санкт-Петербург: ФГАОУ ВО "Санкт-Петербургский политехнический университет Петра Великого", 2020. – С. 394–399.

9. Чернявская В. Е. Дискурсивный анализ и корпусные методы: необходимое доказательное звено? Объяснительные возможности качественного и количественного подходов // Вопросы когнитивной лингвистики. – 2018. – № 2(55). – С. 31–37.

10. Чернякова Т. А. Методика формирования лексических навыков студентов на основе лингвистического корпуса (английский язык, языковой вуз): автореф. дис. ... канд. пед. наук. Москва, 2013. – 24 с.

11. Энциклопедия [Электронный ресурс] // Фонд знаний «Ломоносов» –<http://www.lomonosov-fund.ru/enc/ru/encyclopedia:0127206:article> (дата обращения: 30.01.2023).

12. Baker P. Using corpora in discourse analysis. – London: Continuum, 2006. – 208 p.

13. Baker P. Sociolinguistics and corpus linguistics. Edinburgh Sociolinguistics Series. – Edinburgh: Edinburgh University Press, 2010. – 189 p.

14. Dijk T. A. van. Introduction: Discourse Analysis as a New Cross-

Discipline // Handbook of Discourse Analysis, Vol. 1. – Academic Press, Inc. (London) Ltd, 1985. – P. 1–10.

15. Harris Z. S. Discourse analysis // Language, 1952. – Vol. 28. – P. 1–30.

16. Lewis M. Teaching Collocation: Further Developments in the Lexical Approach. – Boston: Thomson Heinle Language Teaching Publications ELT, 2000. – 248 p.

17. Osipova E. S. Corpus linguistic technology in teaching English grammar to foreign students // Россия в мире: проблемы и перспективы развития международного сотрудничества в гуманитарной и социальной сфере: материалы IX Международной научно-практической конференции, Москва-Пенза, 09–10 ноября 2020 года. – P. 45–53.

18. Sinclair J. Trust the Text. Language, Corpus and Discourse. Ruthledge: London, New York, 2004.

УДК 821.161.1

СТИХОТВОРЕНИЕ ЛЕРМОНТОВА «ЛЮБОВЬ МЕРТВЕЦА» В АРМЯНСКИХ ПЕРЕВОДАХ

Р. В. Татевосян,

*доктор филологических наук, профессор, заведующая кафедрой
зарубежной литературы, Армянский государственный педагогический
университет имени Х. Абовяна, Ереван*

В статье рассматриваются переводы стихотворения Лермонтова «Любовь мертвеца» на армянский. Перевод Ал. Цатуряна, опубликованный в 1894 году, относится к числу наиболее удачных опытов известного армянского поэта и переводчика. Оценкой достоинств перевода Цатуряна является то, что Г. Сарьян бережно относится к его тексту. Он, в основном, заменяет устаревшие слова и словоформы современными. В статье отмечены и более существенные изменения, сделанные Г. Сарьяном, в частности в третьей строфе.

В более позднем переводе В. Геворкяна мы видим повторение поэтических ходов предшествующих переводов. При этом восстанавливаются некоторые лексические пропуски, иногда и порядок строк, предлагаются синонимические варианты. Но в целом перевод проигрывает в звучании в первую очередь из-за неточности рифм.

Ключевые слова: мотив посмертной любви, переводческие интерпретации, редактурa, устаревшие слова, рифмовка, поэтическая точность.

The article deals with the translations of Lermontov's poem «The Love of a Dead Man» into Armenian. The translation of Al. Taturyan, published in 1894, is considered to be one of the most successful experiments of the famous Armenian poet and translator. An assessment of the merits of Taturyan's translation is that G. Saryan treats his text with care. He replaces archaisms and word forms with modern ones. The article also notes more significant changes

made by G. Saryan, in particular in the third stanza.

In the later translation by V. Gevorkyan, we see a repetition of the poetic movements of the previous translations. At the same time, some lexical omissions, sometimes the order of the lines, are restored, and synonymous variants are offered. But in general, the translation loses in the sound primarily due to the inaccuracy of the rhymes.

Keywords: the motif of posthumous love, translation interpretations, editing, archaisms, rhyming, poetic accuracy.

Оксюморонность, выделенная в названии стихотворения Лермонтова «Любовь мертвеца», характерна в развитии мотива посмертной любви и в ранних стихах поэта, и в его поздней лирике. Отметим и другие варианты названия – «Влюбленный мертвец», «Новый мертвец», «Живой мертвец» [4, с. 294-295]. Исследователи отмечали как совпадение варианта названия «Влюбленный мертвец» со стихотворением Альфонса Карра, так и различия психологической мотивировки темы у двух поэтов.

Мотив посмертной любви в ранних стихах Лермонтова развивался в русле европейской романтической поэзии (Бюргера, Карра), ее жанровых и фольклорных особенностей. В поздней лирике Лермонтов не раз обращался к мотиву посмертного сна, не прерывающего связи с жизнью и представляющего продолжением земных чувств и ощущений. В «Любви мертвеца» (1841) нет забвения, любовь и ревность всегда и везде следуют за возлюбленной.

Перевод «Любви мертвеца», опубликованный в 1894 году в журнале «Мурч» [5, с. 1559-1560], включенный в 1905 году в сборник «Русские поэты» [6, с. 90-92], является, на наш взгляд, одним из наиболее удачных переводов Ал. Цатуряна.

В двухтомном [2, с. 48-49], позднее и в трехтомном издании произведений Лермонтова на армянском языке [3, с. 263-264] помещен перевод Г. Сарьяна.

Г. Сарьян, известный армянский поэт, неоднократно переведивший стихотворения Лермонтова, в этом случае ограничился незначительными изменениями, отчасти редактуры. Изменены, в частности, устаревшие слова и словоформы:

Ես տեսնում էի երկնային ոգիք, Տխրո՛ւմ, հառաչո՛ւմ, Որ քեզ <u>սնցա մեջ</u> , ընկե՛ր գեղեցիկ, Չէի ճանաչում: [7, с. 394]	Ես տեսնում էի երկնային ոգիք, Տխրո՛ւմ, հառաչո՛ւմ, Որ քեզ <u>սրբանց մեջ</u> , ընկե՛ր գեղեցիկ, Չէի ճանաչում: [3, с. 263]
(перевод Ал. Цатуряна)	(перевод Г. Сарьяна)

В следующие строки перевода Ал. Цатуряна:

Եվ ամենուրեք ես փայփայում եմ
 Նորան իմ կրծքում,
 Լալիս, կարտոտում ու նախանձում եմ,
 Ինչպես անցյալում, [7, с. 394]

Г. Сарьян вносит больше изменений, причем необходимых. Влюбленный мертвец ласкает и лелеет (в оригинале только «ласкает») бесценную мечту (в оригинале – «мечту родную»):

Անգին երազն իմ ես փայփայում եմ,
Շոյում իմ կրծքում.
Լալիս եմ, խանդում ու կարոտում եմ,
Ինչպես անցյալում: [3, с. 263]

В переводе Цатуряна мечта не упоминается, нет этого слова. «Я везде ласкаю ее в моей груди», – читаем в переводе. И эти строки характеризуют «страсть», перенесенную в загробный мир.

У Г. Сарьяна точнее стала и строка «Желаю, плачу и ревную», в переводе Цатуряна звучавшая как «плачу, тоскую и завидую».

В следующей строфе выражение «чуждое дыханье» в переводе Цатуряна становится более осязаемым – чуждый поцелуй. Перевод Г. Сарьяна точен: «օտար սի շունչ». Подобное бережное отношение Г. Сарьяна к переводу Ал. Цатуряна является оценкой его достоинств.

Далее мы сравниваем перевод Г. Сарьяна с более поздним переводом В. Геворкяна [1, с. 85].

В оригинале чередуются девятисложные и четырехсложные строки, рифмы перекрестные. В обоих переводах чередуются десятисложные и пятисложные строки.

Г. Сарьян передает точность и звучность рифм. У В. Геворкяна звучание разрушается их неточностью (անլուր – երկրում, տերութիան – անրաժան, ամենուր – անցյալում, անուն – հոսում, մտնելիս – ինձ, ուրիշին – ընդմիջս, քն – անկորր, սիրելիս – ինձ). Нарушается и перекрестная рифмовка (անտա – աշխարհ – բերկրանք – չկա). Перевод В. Геворкяна проигрывает в звучании очевидно.

Переводя первую строфу:

Пускай холодной землею
Засыпан я,
О друг! всегда, везде с тобою
Душа моя.
Любви безумного томленья,
Жилец могил,
В стране покоя и забвенья
Я не забыл, [4, с. 180]

В. Геворкян восстанавливает нарушенную Г. Сарьяном последовательность строк (5 и 7-ой). Но при этом «любви безумное томленья» у Геворкяна становится неслыханными страданиями безумной любви, которые не просто не забыты (так в оригинале), а остаются неугасимыми:

Ի՛նչ փուլթ, որ այսպէս սառն հողում, անգին,
Գտա ապաստան.
Ամենուր քեզ հետ կլինի իմ հոգին.

Հուր ու հավիտյան:
Խելահեղ սիրո տանջանքներն անլուր,
Անգամ շիրմի մեջ,
Այս հանգստի ու մոռացման երկրում
Մնացին անշեջ: [1, с. 85]

У Г. Сарьяна эта строфа передана проще, поэтичнее и ближе к оригиналу – волнения любви и печали я не забыл:

Փոյթ չէ, թե ընկե՛ր, սառն հողի տակին
Գոտա ապաստան.
Միշտ և ամեն տեղ քեզ հետ իմ հոգին
Կլինի հավիտյան:
Քաղցր մոռացման, քաղցր հանգստի
Աշխարհ վերացած,
Եվ այնտեղ հույզեր սիրո ու վշտի
Ես չեմ մոռացած. [3, с. 263]

В оригинале есть одно обращение к возлюбленной в первой строфе – «О друг!»

В переводе Г. Сарьяна обращение (ընկեր, друг) встречается в первой, во второй (ընկեր գեղեցիկ, друг прекрасный) и в пятой строках (հոգյակ, душенька).

В переводе В. Геворкяна обращение есть в первой, четвертой (անգին, бесценная) и пятой строках (սիրելիս, любимая).

Переводя вторую строфу:

Без страха в час последней муки
Покинув свет,
Отрады ждал я от разлуки –
Разлуки нет.
Я видел прелесть бестелесных
И тосковал,
Что образ твой в чертах небесных
Не узнавал, [4, с.180]

В. Геворкян повторяет вторую строку перевода Г. Сарьяна, а первая отличается порядком слов и синонимами:

Անվախ թողնելով երկունքի ժամում	Օրհաւի պահին թողնելով անահ
Թե քեզ, թե աշխարհ. [3, с. 263]	Թե՛ քեզ, թե աշխարհ. [1 с. 86]
(перевод Г. Сарьяна)	(перевод В. Геворкяна)

«Без страха» – անվախ (Г. Сарьян), անահ (В. Геворкян); «разлука» – անջատում (Г. Сарьян), րիժանում (В. Геворкян). По-разному передано выражение «час последней муки», конец земного существования – երկունքի ժամին (мучительный час) у Г. Сарьяна, օրհաւի պահին (роковое мгновение) у В. Геворкяна.

В завершающих строках этой строфы Г. Сарьян передает несовершенный вид глаголов «тосковал» (տխրում, հիշաշում) и «не узнавал» (չէր ճանաչում), подчеркивающих мучительность и длительность

поиска образа возлюбленной в «чертах небесных» и тоски.

В переводе В. Геворкяна нет этой протяженности во времени (թախծեցի, չճանաչեցի – затосковал, не узнал). Глагол “тосковал” предваряет не соединительный, как в оригинале, а противительный союз (սակայն թախծեցի, однако затосковал).

Приведем эти строки:

Հոգիս տենչում էր, որ զա՛ր անջատում...	Սպասում էի բաժանման բերկրանք – Բաժանում չկա:
Անջատում չկա ր:	Տեսա երկնագեղ անմարմիններին, Սակայն թախծեցի,
Ես տեսնում էի երկնային ոգիք, Տիրում, հառաչում,	Որ պատկերը քո նրանց դեմքերին Չճանաչեցի: [1, с. 86]
Որ քեզ նրանց մեջ, ընկեր գեղեցիկ, Չէի ճանաչում: [3, с. 263]	(перевод В. Геворкяна)
(перевод Г. Сарьяна)	

По сравнению с переводом Г. Сарьяна у В. Геворкяна лексика передана полнее. Есть, например, в приведенных строках слова «отрада», «образ». В переводе Г. Сарьяна их нет, но точнее и поэтичнее передан смысл оригинала.

В следующей строфе:

Что мне сиянье божьей власти
И рай святой?
Я перенес земные страсти
Туда с собой.
Ласкаю я мечту родную
Везде одну;
Желаю, плачу и ревную
Как в старину. [4, с. 180–181]

у Г. Сарьяна нет упоминания бога. Но есть сиянье неба, есть святой рай:

Ինձ ի՞նչ, թե հոգր փայլում է երկինք,
Դրախտ է սրբազան.
Այնտեղ տարել եմ երկնային ես կիրք՝
Ինձ հետ անբաժան:
Անգին երազն իմ ես փայփայում եմ,
Շոյում իմ կրծքում.
Լալիս եմ, խանդում ու կարոտում եմ,
Ինչպես անցյալում: [3, с. 263]

В переводе В. Геворкяна есть «божья власть» (աստծո տերութիւն), слово «страсть», как в оригинале, во множественном числе (у Сарьяна - в единственном). Есть и другие различия – в синонимах, в разбивке строк. Но отметим неточность рифм (լով - անանք). Причем слово «անանք» (безутешный) внесено В. Геворкяном (желаю, плачу, ревную безутешно). И оно оказывается не на месте, оно лишнее в этой строке – и лексически, и по звучанию.

При сравнении переводов четвертой строфы:

Коснется ль чуждое дыханье
 Твоих ланит,
 Моя душа в немом страданье
 Вся задрожит.
 Случится ль, шепчешь, засыпая,
 Ты о другом,
 Твои слова текут, пылая,
 По мне огнем, [4, с. 181]

бросаются в глаза незначительная редактура, вариативность. Последние приведенные строки о ревности, о воспламеняющих словах любимой у Геворкяна переданы так – твой шепот, воспламеняясь во мне, течет, уничтожает меня. У Сарьяна – это имя, становясь огнем, жжет мою грудь.

Թե հանկարծ օտար մի շունչ է
 խաղում
 Քն վառ այտերին.
 Համր տանջանքով հուզվում է, դողում
 Իմ սիրող հոգին.
 Թե երբեմն օտար մի անուն տալով,
 Դու նիրհ ես մտնում.
 Օ՛հ, այդ անունը կրակ դառնալով,
 Իմ կուրծքն է այրում: [3, с. 264]
 (перевод Г. Сарьяна)

Թե հանկարծ օտար մի շունչ է
 խաղում
 Այտերիդ, անզին,
 Համր տանջանքից սմբում է, դողում
 Վհատ իմ հոգին.
 Թե շշնջում ես մի ուրիշ անուն
 Դու քուն մտնելիս,
 Շշունջներդ իմ մեջ վառվոթելով՝
 հոսում,
 Ճարակում են ինձ: [1, с. 86]
 (перевод В. Геворкяна)

В переводах последней строфы:

Ты не должна любить другого,
 Нет, не должна,
 Ты мертвецу, святыней слова.
 Обручена;
 Увы, твой страх, твой моления –
 К чему оне?
 Ты знаешь, мира и забвенья
 Не надо мне, [4, с. 181]

совпадают две первые строки. В. Геворкян сохраняет порядок строк оригинала. А Г. Сарьян, как до него и Ал. Цатурян, поэтически раскованнее.

В. Геворкян повторяет поэтические ходы предшествовавшего перевода, внося при этом синонимические варианты, восстанавливая лексические пропуски, иногда и порядок строк. Но все эти штрихи не улучшают текст, проигрывают при этом звучание из-за неточных рифм и поэтическая верность в целом.

Ո՛չ, դու չպետք է սիրես ուրիշին,
 Երբե՛ք, հավիտյա՛ն.
 Սրբազան ուխտով, ընկե՛ր թանկագին,
 Դու իմն ես միայն:
 Եվ, ավա՛ դ, քո լաց, քո աղերսն ու վախ
 Իզուր ես, հոգյա կ.
 Ինձ չեն հարկավոր ո՛չ օրեր խաղաղ
 Ո՛չ անդորր վիճակ: [3, с. 264]

(перевод Г. Сарьяна)

Ո՛չ, դու չպետք է սիրես ուրիշին
 Երբեք, հավիտյան.
 Մեռյալիս հետ ես պսակված ընդմիջս
 Ուխտով սրբազան.
 Ավա՛ դ, քո վախն ու աղերսանքը քո
 Ջուր են սիրելի ւ,
 Գիտես, որ հանգիստ, մոռացում,
 անդորր
 Հարկավոր չեն ինձ: [1, с. 86]

(перевод В. Геворкяна)

Многолетняя душевная связь В. Геворкяна с художественным миром Лермонтова проявлялась по-разному. Он написал статью и пьесу о Лермонтове, был редактором трехтомного издания произведений русского поэта на армянском языке и переводил сам. Очень часто он следовал за уже имеющимися переводами, повторяя строки и поэтические ходы, внося также лексические и стилистические изменения. Возможен ли такой подход? Уверена, что да. Но при этом считаю необходимым при последующих переизданиях указывать имена авторов предшествующих переводов, за которыми следовал или от которых отталкивался, отходил В. Геворкян. Имена переводчиков достойны упоминания. Я имею в виду имена П. Микаеляна, Г. Сарьяна, Р. Погосян и др.

Список использованных источников

1. Лермонтов М. Ю. Избранные произведения. – Ереван: «Советакан грох». – 1982 (на армянском языке). – 576 с.
2. Лермонтов М. Ю. Избранные произведения. Т. 1. – Ереван: Айпетрат. – 1941 (на армянском языке). – 260 с.
3. Лермонтов М. Ю. Собрание сочинений в трех томах. Т. 1. – Ереван: «Айастан». – 1965 (на армянском языке). – 450 с.
4. Лермонтов М. Ю. Сочинения в шести томах. Т. 2. – М. – Л.: изд-во АН СССР. – 1954. – 386 с.
5. «Мурч» – 1894. – № 11-12. – С. 1559–1560.
6. Русские поэты. Т.1. – М.: тип. Бархударяна. – 1905 (на армянском языке). – С. 90-92.
7. Цатурян Ал. Сочинения. – Ереван: Айпетрат. – 1948 (на армянском языке). – 619 с.

УДК 378.14

РОЛЬ КОЛЛОКАЦИЙ В ИЗУЧЕНИИ АНГЛИЙСКОГО ЯЗЫКА*Д. К. Ташкенова,**магистр педагогических наук, преподаватель кафедры «Германо-романская филология», Институт языка и литературы, Северо-Казахстанский университет им. М. Козыбаева, Петропавловск*

Аннотация. Начиная с 80-х гг. XX века, коллокация становится объектом пристального внимания лингвистов. Разрабатываются новые словари коллокаций, предлагаются методы выявления и извлечения коллокаций. Появляются научные исследования, посвященные разноаспектному изучению коллокаций, а также работы узкой направленности, рассматривающие данное языковое явление в рамках таких подходов как, лексикографический, лингводидактический, фразеологический. Появление компьютерных технологий способствовало усилению внимания к изучению коллокаций и появлению исследований, посвященных данному явлению в области корпусного анализа и компьютерной лингвистики. Несмотря на свою значимость в процессе изучения иностранного языка, изучению явления сочетаемости слов формированию коллокационной компетенции уделяется недостаточно внимания в процессе овладения английским языком. В связи с этим, статья направлена на повышение осведомленности о важности коллокаций в использовании иностранного языка и, как следствие, о необходимости формирования коллокационной компетенции.

Ключевые слова: коллокация, сочетаемость слов, лексический подход, коллокационная компетенция

Summary: Since the 80s. XX century, collocation has become the object of close attention of linguists. New collocation dictionaries started being developed, and methods for identifying and extracting collocations were proposed. There are scientific works devoted to the multidimensional study of collocations, as well as works of a narrow focus, considering this linguistic phenomenon within the framework of such approaches as lexicographic, linguodidactic, and phraseological. The advent of computer technology has contributed to increased attention to the study of collocations and the emergence of research on this phenomenon in the field of corpus analysis and computational linguistics. Despite its importance in the process of learning a foreign language, the study of the phenomenon of word compatibility, the formation of collocation competence, is given insufficient attention in a language learning. In this regard, the article is aimed at raising awareness of the importance of collocations in using a foreign language and, as a result, the need to form this collocational competence.

Key words: collocation, word arrangement, lexical approach, collocational competence

Появление компьютерных технологий послужило проведению исследований в области корпусного анализа и компьютерной лингвистики, в результате, появились обширные образцы естественного языка. Это также

способствовало зарождению лексического подхода, в фокусе которого находятся чанки, играющие ключевую роль в изучении иностранного языка. В начале 1990-х годов были изданы труды: “Teaching and Learning Vocabulary” П. Нейшна (1990) и “Corpus, Concordance, and Collocation” Дж. Синклера (1991), которые стимулировали исследования лексики и, в частности, чанков и коллокаций. В 1993 году М. Льюис предложил новый подход к изучению и преподаванию языков – лексический подход. Данный подход ставит во главу угла увеличение и расширение словарного запаса с помощью усвоения чанков и коллокаций. Лексический подход родился как альтернатива другим подходам, в центре внимания которых находится изучение грамматических структур. Также отметим, что лексический подход продолжает развивать основные принципы коммуникативного подхода к изучению языка. Важнейшее отличие заключается в смещении предпочтений: не стоит делить лексику «на атомы» и заучивать ее отдельными словами, в рамках лексического подхода лексику необходимо замечать и учить в виде чанков и коллокаций. На это указывают многие ученые, среди них Г. Палмер, который еще задолго до появления лексического подхода предложил называть коллокациями «последовательности слов, которые лучше должны быть заучены как единое целое» (“successions of words which (for various reasons) are best learnt as integral wholes”) [3, с. 7].

Обращаясь к центральным понятиям в лексическом подходе, мы придерживаемся позиции, что чанки – это зонтичный термин, который объединяет пару или группу слов, которые обычно встречаются / употребляются вместе (коллокации, идиомы, устойчивые фразы, многословные сочетания).

Что касается коллокаций (англ.: collocation), в методике преподавания иностранных языков и в других областях научного знания данное понятие трактуется неоднозначно.

М. Льюис рассматривает их в рамках спектра, где на крайних полюсах находятся устойчивые и свободные словосочетания. Также М. Льюис полагает, что коллокации в некоторой степени идиоматичны. Так, некоторые словосочетания – open the window, play tennis, break your leg – кажутся «внешне логичными», но, если поменять в них существительное, то значения глаголов будут значительно отличаться от трех предыдущих примеров: open a meeting, play some music, break the silence. Автор утверждает, что на самом деле очень немногие словосочетания действительно очевидны или буквальны; в большинстве словосочетаний присутствует метафорический или идиоматический элемент. [1, с. 135]

Ч. Фернандо в книге “Idioms and idiomacity” также развивает схожую мысль: «Коллокации находятся в нижней части шкалы идиоматичности, являясь лишь слабой реализацией принципа идиоматичности». Например, в данном предложении – We had a blazing row/argument – прилагательное “blazing” требует после себя либо существительного «row», либо

“argument”. Некоторые словосочетания допускают очень ограниченный выбор сочетаемости: *The whole story/event was tinged with sadness/regret*. Конечно, в большинстве словосочетаний слова-партнеры часто свободно сочетаются со многими другими словами [1, с. 131-132].

Таким образом, словосочетания могут рассматриваться и как идиома, и как коллокация, но суть этих двух явлений в языке все-таки разная. Природа идиом раскрывается только из значения целого, в то время как коллокация это прежде всего сочетаемость слов, обусловленная фактом, что так говорят носители языка, так принято. Кроме того, «коллокации соотносимы по значению и функциям со словом, в то время как идиомы – с пословицами, поговорками и т.д.» [3, 47].

Рассматривая коллокации с позиции значения и сочетаемости, Дж. Хилл выделяет уникальные словосочетания (например, *shrug the shoulders, foot the bill*) и «слабые» словосочетания (например, *a good day, a blue shirt*), которые студенты могут самостоятельно составить по подобию родного языка. С первого взгляда, слабые словосочетания не представляют особого интереса с точки зрения преподавания. Например, прилагательное “good” сочетается с большим количеством слов – *a meal, a journey, a government, a day*. Однако являясь частью чанков, значение слова “good” может изменяться (*It’ll take you a good hour. He’ll do it in his own good time*). Необходимо учитывать, что простые слова могут быть частью обычных словосочетаний, а также компонентом многих устойчивых или полустойчивых выражений. Между обычными и уникальными словосочетаниями находятся коллокации, в которых слова не свободны, но в тоже время не сильно привязаны друг к другу как в уникальных словосочетаниях. Именно они, по мнению Дж. Хилла, составляют большую часть нашего устного и письменного лексикона. Дж. Хилл, отмечая: «Чем больше мы осознаем, что язык – это в основном лексика, тем больше мы понимаем, что идеи структурализма являлись ложными», полагает, что в изучении иностранного языка лексика должна быть на первом плане [1, с. 47]. Коллокации являются самым мощным инструментом в создании и понимании текстов на естественном языке [1, с. 49].

Дж. Конзетт, представитель американской школы методики преподавания иностранного языка, определяет коллокацию как два и более слова, которые сочетаются друг с другом. Это довольно расплывчатое определение она уточняет в ходе своих рассуждений. На первый взгляд, рассматривая коллокации по их грамматическому строению, т.е. глагол + существительное, прилагательное + существительное, глагол + предлог, наречие + прилагательное + существительное дают студентам представление что такое коллокация. Хотя студент знает паттерн прилагательное + существительное и знает, что прилагательные *toxic* и *poisonous* синонимичны в некоторой степени, нет оснований полагать, что знание структуры коллокации поможет ему построить принятое и аутентичное словосочетание *a poisonous snake*, вместо *a toxic snake* [1, с. 73].

Определение, которое дает Дж. Вулард представляется нам практико-ориентированным. Он считает, что типичное определение коллокации – слова, которые статистически гораздо чаще встречаются вместе, чем это предполагает случайность, слишком абстрактным и обобщенным. Вместо этого, он предлагает рассматривать коллокации как сочетания слов, которые изучающие иностранный язык не ожидают обнаружить вместе, а также те, которые они маловероятно вспомнят и употребят свободно в естественной речи, хотя возможно они знают слова их которых строится словосочетание по отдельности. Он предлагает обращать внимание не на очевидные словосочетания (*heavy furniture/loads*), а на такие комбинации, как *heavy seas/rain* [2, с. 29].

В настоящее время многие исследователи едины во мнении, что использование коллокаций является важным фактором аутентичной и беглой речи. Согласно А. Партингтону, использование коллокаций свидетельствует о коммуникативной компетентности носителя языка [4, с. 18]. По словам С. Торнбери, «способность использовать широкий спектр лексических фрагментов точно и уместно, вероятно, больше всего отличает продвинутых учащихся от тех, кто находится на среднем уровне» [5, с. 116].

Современные корпусные исследования также убедительно доказывают, что разбиение языка на отдельные грамматические единицы или слова противоречит представлениям о том, как хранится, усваивается и воспроизводится язык. Продвинутые пользователи английского и носители языка потому и читают / говорят быстро, что оперируют заранее заготовленными кусками – *chunks / collocations*, которые вместе хранятся в их ментальном лексиконе. Типичный ученик читает текст, слушает речь, собирает свои высказывания, пишет слово за словом, а не коллокацией за коллокацией. Это, в свою очередь, сильно замедляет темп: чтения и извлечения смысла, понимания на слух, речи (беглость речи), письма. Следовательно, качество речи напрямую зависит от сформированности коллокационной компетенции.

Исследования российских и зарубежных ученых показывают, что даже те студенты, которые владеют большим запасом слов, испытывают сложности в ситуациях реального общения. Например, студент, который владеет коллокационной компетенцией и, в словарном запасе которого две тысячи слов будет более успешен в коммуникативном плане, чем студент, знающий отдельно две тысячи слов, поскольку у первого развито умение сочетать слова, как у носителя языка и тем самым его словарный запас гораздо шире. Таким образом, лексический запас не гарантирует успешного общения, значима здесь именно сформированная коллокационная компетенция.

Проблема развития коллокационной компетенции заслуживает особого внимания вследствие того, что данный аспект языковой компетенции студентов является признаком владения аутентичной речью.

Очевидна важность знания коллокаций для эффективного осуществления коммуникации с носителями языка; умение верно сочетать слова проверяется в таких международных экзаменах, как FCE, CAE, CPE.

Таким образом, преподаватели должны повышать осведомленность у своих учеников о коллокациях, развивать у них умение их обнаружения (noticing) и способствовать автономии учащихся в приобретении навыков использования коллокаций в речи, другими словами, необходимо целенаправленно формировать у изучающих иностранный язык коллокационную компетенцию.

Список использованных источников

1. Lewis M. Teaching Collocation: Further Developments in the Lexical Approach. Language Teaching Publications. – 2000. – 244 p.
2. Lewis M. Implementing the Lexical approach. Language Teaching Publications. – 1997. – 223 p.
3. Palmer H. E. A Grammar of English Words. London: Longmans, Green and Co. – 1938. – 300 p.
4. Partington Al. Patterns and Meanings: Using Corpora for English Language Research and Teaching. Amsterdam: John Benjamins, 1998. – PP. 16-29.
5. Thornbury S. How to teach vocabulary. Sixth Edition. Edited by Jeremy Harmer. Pearson Education Limited, Harlow: Longman. – 2002. – 186 p.

УДК 81.255.2

РУССКИЙ РОМАНСНЫЙ ДИСКУРС И СОВРЕМЕННЫЕ КУЛЬТУРНЫЕ ПРАКТИКИ: ПЕРЕВОДЧЕСКИЙ АСПЕКТ

Ю. А. Тихомирова,

кандидат филологических наук, доцент кафедры романо-германской и классической филологии, филологический факультет, Национальный исследовательский Томский государственный университет, Томск

Аннотация. Статья посвящена причинам, принципам и особенностям обращения к русскому романсному дискурсу в практиках современного перевода. Исследование массового переводческого обращения к русским романсам показало, что его причины заключаются как функциональности этого жанра для различных культурных, эстетических, эдиционных практик, так и в его имманентных свойствах – востребованности его тематических, ценностных, стиливых, композиционных характеристик. При всей притягательности свойств романсного дискурса, в фокусе остается качество их передачи в иноязычной трансляции, которое зависит как от понимания переводчиком уникальных черт жанра, так и от учета особенностей бытования текста в оригинале, а именно, уникального синтеза поэзии, мелодии и даже голоса и личности исполнителя.

Ключевые слова: межкультурная коммуникация, поэтический перевод, вокальный перевод, русский романс, романсная поэтика.

Summary. The article relates the premises, principles, and specifics of appealing to Russian romantic song in the practices of modern translation. The study of the popular translation practice of Russian romantic songs into English has shown that the reasons of translators' fascination with this genre lie both in its functionality for various cultural, aesthetic, and edition practices, and in the immanent properties of the genre itself: its thematic, value, style, and compositional characteristics. Despite the prolific translational practice, the focus should remain on the quality of such translations into a foreign language, as it depends not only on the skill of the poetic translator and his understanding of the unique properties of the genre, but also on taking into account the peculiarities of the text's existence in the original, the unique synthesis of poetry, melody, and even the voice and personality of the original performer.

Key words: intercultural communication, poetic translation, vocal translation, Russian Art song, Russian Romantic song poetics.

Комплексное изучение восприятия русской культуры за рубежом, среди прочих, включает в себя анализ восприятия феномена русского вокально-поэтического искусства как одного из самых ярких и привлекательных для иноязычного реципиента элементов русского культурного кода. Исследование вокального перевода, а именно, перевода поющих, имеющих мелодию, или потенциально поющих текстов (то есть имеющих жанровое определение, связанное с музыкой – «песня», «романс», «мелодия» и т.д.) – междисциплинарное исследование на стыке поэтологии, переводоведения и музыковедения – в настоящее время фокусируется не только на практиках профессионального перевода музыкально-поэтических текстов, но и на массовом, непрофессиональном переводе как отражении важных процессов в межкультурном взаимодействии и литературных контактах. Русский романс, как особый вокально-поэтический жанр и культурная практика, располагает к таким контактам по ряду причин.

Романс был популярнейшим жанром музыкально-поэтического искусства в России на всем протяжении XIX – начала XX века. Существующий на грани элитарного и массового, народного искусства, имеющий в своей основе как поэзию массовую, так и величайшую, от А. С. Пушкина до А. К. Толстого, романс, часто называемый «городским», явился тем жанром, который пришел на смену необрядовой лирической песне и народной балладе [2, с. 154]. Он выразил «чаяния народа», его тягу к выражению эмоции, для чего романсная форма, обеспечивающая синергетический эффект за счет синтетичности жанра – сочетания мелодии, аккомпанемента, стихотворного текста, проникновенного голоса, подходит как нельзя лучше. По выражению Ю. Н. Тынянова, романс – форма «самая примитивная и эмоциональная» [3, с. 122].

В XX веке романс отнюдь не потерял своих позиций. С развитием телевидения и кино, в новой эстетической парадигме поиск новых средств экранной выразительности привели к активному использованию романсной

эстетики для трансляции эмоций и смыслов экранных героев. Романс, исполняемый экранными героями или звучащий за кадром, также служил маркером исторических периодов, воссоздаваемых на экране. Целая плеяда талантливых советских композиторов создавала для кинофильмов романсы на стихи прекрасных русских поэтов (А. С. Пушкина, М. Ю. Лермонтова, Н. П. Огарева, А. А. Блока, А. А. Ахматовой, М. И. Цветаевой и др.); к ним присоединились и авторы-исполнители, для которых романс был особой формой выражения содержания: Б. Ш. Окуджава, Н. Н. Матвеева, С. Я. Никитин определили особое место жанра в культуре советской и постсоветской эпохи.

Романс, являющийся аналогом поэтического жанра элегии, особенно любимый в России, являющийся неотъемлемой частью ее культурного достояния, конечно, представляет собой мировое явление, зародившееся в европейском искусстве в период романтизма. Достаточно вспомнить, что поэтика В. А. Жуковского, создателя русского литературного языка, его «лиризм песенного типа», вырабатывался в 1810-х годах в работе над переводами немецких романсов [1]. Таким образом, не являясь уникальным русским явлением, романсная поэтика привлекает зарубежного слушателя и читателя своеобразным «генетическим» узнаванием жанра. Представляется, что в этом кроется одна из причин неугасающего интереса западной аудитории к русскому романсу.

Другая причина обращения к русскому романсу, несомненно, лежит в области самих жанровых характеристик текста. Романс поющий и романс как поэтический жанр, имеющий вокальный потенциал, характеризуется высокой эмоциональной суггестией, непосредственной обращенностью речи лирического субъекта к адресату, константной тематикой – при всем доминировании субъективно-лирического начала в романсе просматривается история, рассказ – о несчастной любви, вынужденном расставании, мучительном страдании; образную основу составляют частотные образы-символы (звезда, дорога); композиционные особенности – кольцевая композиция или двухчастная структура – связаны с особенностями художественного времени: противопоставлением прекрасного прошлого, давшего начало и развитие чувству, и мучительного настоящего, в котором реализация чувства становится невозможной по воле судьбы (смерть/утрата любимого/ой, измена и т.д.). Таким образом, и концепты, составляющие основу романсного дискурса, являются устойчивыми, жанрово детерминированными. При некоторой вариативности поэтического содержания романсного дискурса XIX–XXI веков, его концептуальное пространство довольно ограничено, и разнообразие достигается каждый раз в уникальном синтезе стихий – поэзии, мелодии, голоса, а также, что немаловажно, личности исполнителя.

С распространением современных технологий передачи информации, возникновением и развитием новых видов исполнительской, эдиционной и переводческой практик русский романсный дискурс обрел новую жизнь, в

первую очередь, благодаря своим имманентным жанровым характеристикам, которые оказались невероятно актуальными для особого вида современного эстетического творчества – массового (непрофессионального) перевода знаковых произведений инокультурной реальности.

Несомненно, обращение к романсу происходит и благодаря масштабам личностей поэтов и авторов-исполнителей. Как показал анализ интернет-сайтов, специализирующихся на массовой публикации непрофессиональных стихотворных переводов, А. А. Блок, например, является рекордсменом по обращениям к поэзии, принадлежащей именно к романсному кругу его творчества. Одними из самых частотно переводимых его произведений являются стихотворения «Я помню длительные муки...», «Я помню нежность ваших плеч...», «Я пригвожден к трактирной стойке...».²⁹ Другой пример – творчество Б. Ш. Окуджавы, «поющего поэта», романсы которого не только переводятся как самоценные стихотворные тексты, но и исполняются со сцены и в записи в интернете, продаются на дисках зарубежными исполнителями и почитателями творчества [4].

Подытоживая анализ современных практик обращения к русскому романсному дискурсу, можно выделить три их основных вида:

✓ современные профессиональные переводы, размещенные в специальных изданиях (вполне традиционные антологии поэтические и антологии музыкальные);

✓ современные исполнительские практики – концертные программы, аудиозаписи и аудио-интернет-ресурсы, транслирующие русские романсы в совокупности их мелодико-поэтических характеристик (например, Дэниэл Кан, автор-исполнитель из Германии).

✓ массовые непрофессиональные переводы на иностранные языки наиболее популярных, знаковых в советской и российской культуре романсов (в основном, кино-романсов). Отдельную категорию здесь составляют романсы на стихи великих русских поэтов – Блока, Цветаевой, Ахматовой и др.; представляется, что именно величина личности в российской культуре является основным привлекательным моментом в обращении к конкретным романсам. Данная группа переводов представляет большой интерес с точки зрения явления переводческой множественности, когда инвариант оригинала вырисовывается в сопоставлении большого количества индивидуальных смыслов и концептов, индивидуально воспринятых переводчиками, имеющими разный культурный, переводческий опыт и разный языковой уровень. Наиболее известные авторы переводов – Andrey Kneller, Daniel Brown, Алик Вагапов, Виктор Ривас (Ривасенко) и др. Из массива собственно поэтических переводов

²⁹ По наблюдениям за сайтами, публикующими непрофессиональные переводы, в частности <https://ruverses.com/>.

переводы вокальные выделяются особой организацией околотекстового пространства, специфическими паратекстовыми элементами, например, размещением ссылки на видео с исполнением романса на русском языке.

В данной статье сосредоточимся на третьей группе переводов: переводах массовых (выполненных как с целью вокального исполнения, так и с целью публикации в качестве стихотворного текста). Эта группа переводов имеет большое значение для понимания, как в массовом англоязычном сознании функционирует этот русский вокально-поэтический жанр.

По результатам анализа, наиболее частотными характеристиками современных множественных переводов русских романсов на английский язык можно назвать следующие (продемонстрируем переводами А. Kneller).

1) Амплификация, словесная избыточность, экспликация смыслов. Одной из причин для этого видится тот факт, что средняя длина английского слова 1–2 слога, когда в русском романсе, основной характеристикой которого является распевность, превалируют 2–3 сложные слова с преимущественно женскими окончаниями. Другая причина – необходимость раскрытия непонятных инокультурному слушателю имплицитных смыслов и культурно-обусловленных реалий. Ср., например:

День обозначил **купола**;

The day revealed **the domes of gold**; [5]

Сюда же можно отнести избыточную лексическую вариативность, в то время как в русском романсе лексические повторы являются средством суггестии, нагнетания эмоционального напряжения. Ср., например:

И утро **длилось, длилось, длилось...**

The morning **lingered and dissolved...** [5]

2) Потеря субъектоцентричности дискурса, которая является, как уже упоминалось ранее, одной из основных характеристик русского романсного дискурса:

Я помню длительные муки:

Ночь догорала за окном;

The pain appeared to be relentless:

The night was burning low outside. [5]

3) Пренебрежение фонетическими свойствами текста, которые зачастую играют смыслопорождающую роль; для аудиально воспринимаемого текста эта характеристика также является базовой. Ср.:

Вся жизнь, **нунужно** изжитая,

Пытала, унижала, жгла;

The **meaningless** life, **nearl**y ending,

Continued to torture and scold. [5]

Часть трансформаций свойств текстов в переводе можно отнести на счет общих особенностей поэтического перевода в паре языков русский – английский; большая же часть же обусловлена свойствами поющего текста. Прежде всего, за счет подключения мелодики вокальной фразы,

возникает необходимость в перераспределении ударений. Это обуславливает зачастую жесткий выбор лексических эквивалентов, не всегда соответствующих смысловому наполнению русских концептов.

С одной стороны, массовое переводческое обращение к русскому романсу в современной культуре, в частности, через практику интернет-публикаций предопределено как глобальными процессами взаимопроникновения культур и стремлением понять «загадочную русскую душу» (и, что немаловажно, объяснить ее через перевод романса, так как среди зарубежных переводчиков много билингвов-эмигрантов, для которых русский язык является родным). С другой стороны, в силу генетических особенностей жанра, романсный дискурс, находящийся на грани массового и элитарного искусства, являющийся выразителем общечеловеческих смыслов и страстей, – самый понятный, доступный вид эстетической деятельности, каковой, безусловно, является поэтический перевод. Сложность и междисциплинарность объекта – русского романса в переводе – требует особого подхода и объединения усилий стиховедов, переводоведов, лингвистов-когнитивистов, музыковедов, культурологов и социологов, чтобы комплексно объяснить природу этого чрезвычайно популярного явления современной культуры.

Список использованных источников

1. Никонова Н. Е. Вокальные переводы немецких романсов 1810-х годов и песенный нарратив поэзии В. А. Жуковского // Жуковский и немецкий мир. – М., СПб.: Альянс Архео, 2015. – С. 98–115.
2. Страшнов С. Л. Стихи в системе массовой культуры (к постановке проблемы) // Вестник Костромского государственного университета. – 2018. – Т. 24. – № 2. – С. 153-157.
3. Тынянов Ю. Н. Поэтика. История литературы. Кино. – М. : Наука, 1977. – 575 с.
4. Kahn D. Bulat Blues: Songs of Bulat Okudzhava. Sung in English by Daniel Kahn. – Oriente Music, 2019. (CD-ROM).
5. Kneller A. Alexander Blok. The pain appeared to be relentless... [Electronic Resource] // RuVerses. – URL: <https://ruverses.com/alexander-blok/the-pain-appeared-to-be-relentless/> (дата обращения 25.05.2021).

УДК 7.071.3

**ПЕРЕВОДЧИЦА С. А. НИКИТЕНКО И ЕЕ ПЕРЕВОД РОМАНА
«ДАЧА НА РЕЙНЕ» Б. АУЭРБАХА*****Т. Н. Трофимова,****соискатель, Институт истории естествознания и техники (ИИЕТ),**Москва****В. С. Трофимова,****кандидат филологических наук, независимый исследователь, Санкт-Петербург*

Аннотация. В статье реконструируется биография русской переводчицы и историка Софьи Александровны Никитенко и рассматривается перевод ею романа Б. Ауэрбаха «Дача на Рейне» (1868–1869). Отмечаются тесные связи С. А. Никитенко с И. А. Гончаровым, И. Н. Крамским, А. Ф. Кони. Упоминаются ее оригинальные эссе о женщинах-ученых и философах. Особое внимание уделяется отзывам о ней как о знатоке иностранных языков и переводчице, а также ее собственному отношению к работе переводчика и положению переводчика в системе книгоиздания. Затрагивается вопрос о принципах художественного перевода в связи с заметкой М. М. Стасюлевича.

Ключевые слова: Софья Никитенко, переводчик, перевод, Гончаров, Крамской, Ауэрбах, Стасюлевич.

Summary. The article reconstructs the biography of the Russian translator and historian Sofya Alexandrovna Nikitenko and examines her translation of B. Auerbach's novel "Cottage on the Rhine" (1868–1869). There are close ties between S. A. Nikitenko and I. A. Goncharov, I. N. Kramskoy, and A. F. Koni. Her original essays on women scientists and philosophers are mentioned. Particular attention is paid to reviews about her as a connoisseur of foreign languages and a translator, as well as her own attitude towards the work of a translator and the position of a translator in the book publishing system. The question of the principles of literary translation is raised in connection with the note by M. M. Stasyulevich.

Key words: Sofya Nikitenko, translator, translation, Goncharov, Kramskoy, Auerbach, Stasyulevich.

Софья Александровна Никитенко была писательницей, переводчицей, историком и специалистом по зарубежной литературе. Ее имя известно в основном в связи с писателем Иваном Александровичем Гончаровым (1812–1891) [4]. Между тем, она была плодотворной писательницей и переводчицей. Этот аспект ее деятельности наименее известен. Мы собираемся реконструировать ее биографию и уделить особое внимание самому известному ее переводу – переводу романа знаменитого в середине XIX века немецкого писателя Бертольда Ауэрбаха (1812–1881) «Дача на Рейне», который был в то время очень популярен.

О дате рождения Софьи Александровны Никитенко мнения расходятся. Согласно общепринятой версии, она родилась 23 марта 1840

года в Петербурге, однако есть сведения, что она родилась раньше. Ее отец – Александр Васильевич Никитенко (1805–1877) был родом из Воронежской губернии. Он происходил из украинских крепостных графа Н. П. Шереметева. В 1824 году Никитенко получил вольную с помощью В. А. Жуковского и К. Ф. Рыльева. Он был профессором русской словесности, историком литературы, позднее академиком и цензором. Мать Казимира Казимировна Никитенко, помещица, имела дворянское происхождение. У Софьи была сестра Екатерина и брат Александр. Несмотря на высокое положение А. В. Никитенко, его брат и мать долгое время оставались крепостными. Только в 1841 году благодаря хлопотам Жуковского ему удалось получить для них вольную [6, с. 78]. Никитенко были дружны с художником Иваном Николаевичем Крамским (1837–1887). Пятидесятипятiletний профессор Никитенко посещал «четверги» двадцатитрехлетнего Крамского, в то время бывшего учеником Академии Художеств. Оба они родились в Воронежской губернии. Об этом подробно пишет Крайенков. Их также связывали родственные узы: племянница Никитенко вышла замуж за брата Крамского, а Софья Александровна крестила их внучку [6, с. 74, 80]. Крамской помогал с устройством на работу сыну А. В. Никитенко Александру [6, с. 79].

Софья Никитенко в 1856 году окончила с отличием Екатерининский институт в Петербурге. Она хорошо владела английским, итальянским, немецким и французским языками. В 1860 году она через отца познакомилась с И. А. Гончаровым, который был другом Александра Васильевича. Уже с первых месяцев знакомства Софья стала душевной опорой для писателя, нуждавшегося в моральной поддержке, так как он страдал приступами меланхолии. Во время написания романа «Обрыв» Гончаров прислушивался к мнению Софьи Никитенко. Она переписывала для него целые главы романа. Гончаров очень дорожил дружбой Софьи Никитенко и считал себя перед ней в неоплатном долгу. Дружба эта продолжалась много лет, вплоть до кончины писателя. В течение нескольких лет Гончаров писал «Необыкновенную историю», посвященную его сложным отношениям с И. С. Тургеневым. Он не стал публиковать эту рукопись, а отдал ее Софье Александровне с распоряжением относительно нее после его смерти. Распоряжение Гончарова было датировано 19 мая 1883 года. Никитенко выполнила его волю и впоследствии передала рукопись в Публичную библиотеку [6, с. 80].

Софью Никитенко связывали также теплые отношения с И. Н. Крамским, который часто бывал у них в гостях в квартире на Владимирской улице. Она разделяла взгляды художника на искусство. О ней Крамской вспоминал: «Она занимается литературой и науками, изучает языки, все языки, какие есть в Европе – одним словом, готовит себя к художественному поприщу в литературе, она принадлежит к тем хорошим женщинам, которые хотят дела и свободы» [6, с. 75].

С. Никитенко много работала как писатель и критик. В 1883 году в

журнале «Русская мысль» вышло обширное эссе «Женщины-профессора Болонского университета», при написании которого, как отмечалось в некрологе, она работала в итальянских архивах [9]. При публикации этого оригинального произведения она столкнулась с большими трудностями, о которых свидетельствуют три ее письма редактору журнала «Исторический вестник» Сергею Николаевичу Шубинскому (1834-1913). Первоначально оно предназначалось для этого журнала. Эссе должно было выйти еще в 1881 году, но выпуск его несколько раз откладывался. В конце концов, Никитенко передала свою рукопись в журнал «Русская мысль», где та и была напечатана [11, с. 188]. Это эссе представляет читателю образы малоизвестных итальянских женщин-ученых. Особенно, на наш взгляд, удался образ знаменитой женщины-математика Марии Гаэтаны Аньези.

В 1887 году в журнале «Северный вестник» было опубликовано ее исследование «Женщины-врачи и философы в Древней Греции». Об обоих этих эссе было упомянуто в некрологе [9]. В 1872 г. Софья Никитенко выпустила критическую статью «Манцони и его роман “Обрученные”» в журнале «Беседа». Эта работа была высоко оценена итальянским ученым, исследователем творчества Ф. М. Достоевского Стефано Марией Капилупи в его кандидатской диссертации [5, с. 64–72].

В 1879 году в Италии вышел «Биографический словарь современных писателей». Он был издан итальянским ученым и журналистом Анжело де Губернатисом. С. А. Никитенко и А. де Губернатиса связывала тесная дружба. Она была его главной помощницей при редактировании статей о русских писателях. В «Словарь» были включены не только писатели-мужчины, но и женщины-писательницы, например, М. К. Цебрикова (1835-1917), Н. Д. Хвоцинская (1821?-1889) и другие [10].

До конца жизни С. А. Никитенко не утратила интереса к культурной жизни Петербурга. Она также живо интересовалась новыми переводами. Она не прекращала занятий переводами до последних дней. В 1890-е годы, незадолго до смерти, С. А. Никитенко следила за выходом новых переводов, в частности, она знала об издании Великим Князем Константином Константиновичем (К. Р.) перевода «Гамлета» У. Шекспира. Узнав, что К. Р. собирается издавать критику на «Гамлета» западноевропейских и русских писателей, она предложила через знаменитого юриста и литератора А. Ф. Кони напечатать отрывки из неизданной работы И. А. Гончарова «Опять “Гамлет” на русской сцене», которую тот ей оставил. Она считала, что не нарушит «волю покойного о неоглашении содержания его писем» [3, л. 10]. Рукопись она, однако, просила вернуть обратно [3, л. 9, 11]. К. Р., со своей стороны, внимательно отнесся к авторскому праву И. А. Гончарова и самой Никитенко [8, с. 405–406]. В 1900 г. К. Р. Обещал, что книжка «Гамлет» будет послана Софье Александровне немедленно [8, с. 407]. К. Р. Хотел предпослать статье Гончарова заметку, начинающуюся словами «два отрывка из статьи Гончарова по поводу исполнения г. Нильским роли Гамлета» [8, с. 407].

Кроме того, С. А. Никитенко выступила редактором знаменитого «Дневника» своего отца, о котором также идет речь в письмах А. Ф. Кони. Она умерла 12 января 1901 года и похоронена на Павловском кладбище. Один из некрологов, по всей видимости, написал Н. Э. Гейнце, псевдонимом которого был Старый юрист.

Теперь перейдем непосредственно к переводам С. А. Никитенко. Из письма Гончарову от 18 июня 1869 года мы узнаем, что у нее было очень много работы: «Мне следует очень прилежно работать, чтобы удовлетворить алчности Вестника Европы, который теперь поглощает такое несметное количество перевод» [7, с. 225]. В некрологах отмечалось, что «переводы покойной отличаются изяществом и носят отпечаток ее тонкого вкуса» [1; 9].

Несмотря на сведения о многочисленных переводах, выполненных С. А. Никитенко, их список пока составить не удалось. Приведем лишь отрывочные сведения о них. В 1884 году Никитенко перевела с английского брошюру Ипполита Тэна «Социализм как правительство». Она была напечатана в типографии А. Е. Рябченко. В 1867 году ею был сделан перевод с итальянского статьи М. А. Пинто «Петрарка и его политическое значение». Перевод стихотворений, помещенных в этой статье, был выполнен Софьей Александровной в прозе, за исключением одного сонета, переведенного поэтически. Статья была издана в «Журнале Министерства народного просвещения».

Наконец, обратимся к истории публикации на русском языке романа Б. Ауэрбаха «Дача на Рейне» в переводе с немецкого С. А. Никитенко. Печатался роман в журнале «Вестник Европы» в 1868-69 гг. И. С. Тургенев написал предисловие к русскому изданию. Исключительное право на перевод приобрел Михаил Матвеевич Стасюлевич (1826-1911), ответственный редактор и издатель журнала «Вестник Европы», историк и публицист. В России, однако, не существовало как такового авторского права, так как перевести и издать иностранное произведение мог тогда любой человек без разрешения автора. Эту ситуацию и разъяснил Стасюлевич Ауэрбаху. Публикация произведения на языке оригинала не должна была осуществляться намного ранее, чем перевод на русский язык. Роман «Дача на Рейне» был напечатан в венской газете «Пресса». Стасюлевич дал в этой же газете объявление о том, что права на перевод принадлежат ему. Необходимо было быстро опубликовать перевод на русский язык. По рекомендации И. А. Гончарова перевод романа Ауэрбаха Стасюлевич поручил С. А. Никитенко. Он сам его редактировал и перевел несколько первых глав романа. В то время в России имя переводчика было ставить необязательно. Однако Стасюлевичу так понравился перевод, что он даже опубликовал в конце романа заметку от редакции следующего содержания: «Мы обязаны переводом этого обширного труда Б. Ауэрбаха, занявшего собою около 80 печатных листов, Софье Александровне Никитенко, за небольшим исключением первых глав романа. Не имея права

делать оценки качеству перевода, помещенного в нашем же журнале, мы считаем долгом выразить переводчице признательность за вполне добросовестное отношение к подлиннику который нашел для себя в русском переводе возможно близкое изображение и толкование не только слов, но и мыслей автора, без тех так называемых переводных вольностей, которые облегчают труд переводчика, но удаляют на второй план – автора. . . роман Ауэрбаха утратил бы много в переделке, при вольном переводе, и потребовал от своего переводчика усилий не скользить по подробностям, но именно на них-то и сосредоточить все свое внимание. Если в русском переводе сохранилась та сторона интереса, которую, очевидно, имел прежде всего в виду сам Ауэрбах, то мы этим обязаны исключительно переводчице, не пожалевшей труда на тщательную отделку всех подробностей оригинала» [2]. Софья Александровна написала Стасюлевичу благодарственное письмо: «Не знаю, как Вам выразить впечатление, какое на меня произвела Ваша заметка. Она меня и тронула и сконфузила. Тронула потому, что доказала искренность Вашего участия и внимание к труду даже самых скромных из Ваших сотрудников: не многие редакторы так благородно относятся к умственному труду, на который обыкновенно смотрят с чисто коммерческой точки зрения» [7, с. 227].

Заметка М. М. Стасюлевича затрагивала важные вопросы по теории перевода. Он был противником творческого подхода к переводу и высоко ценил близость к оригиналу, умение передать как слова, так и мысли автора. В свою очередь, С. А. Никитенко подчеркивала коммерческую составляющую труда переводчика и низкий статус переводчиков в издательском деле.

С. А. Никитенко считала себя скромной труженицей на литературной ниве, и ей не хватало честолюбия, чтобы стать известной. Наверное, поэтому ее имя обычно не включают даже в каталоги русских писательниц XIX века, и даже как переводчица она известна крайне немногим.

Список использованных источников

1. [Анон.] Некролог С. А. Никитенко // Исторический вестник. – 1901. – Т. 83. – № 1-3. – С. 849.
2. [Стасюлевич М. М.] От редакции // Вестник Европы. – 1869. – Кн. 12. – С. 667.
3. ГАРФ. Ф. 564 Кони А. Ф. Оп. 1. Д. 2704 Никитенко С. Письма А. Ф. Кони. 15 л.
4. Гейро Л. С. [Вступительная статья: Письма к С. А. Никитенко] // Ежегодник Рукописного отдела Пушкинского Дома на 1976 год. – Л.: Наука. – 1978. – С. 183–192.
5. Капилупи С. М. Искупление и божественное провидение в творчестве Ф. М. Достоевского и А. Мандзони: сравнительный анализ сюжетики и поэтики: дис. ... кандидата филол. наук. Санкт-Петербург, 2018. – 256 с.
6. Кряженков П. Н. Поросль на древе родословном // Русская

провинция. Записки краеведов. – Воронеж: Центрально-Черноземное книжное издательство. – 1992. – С. 72–84.

7. М. М. Стасюлевич и его современники в их переписке. Т. IV. – СПб. Типография М. Стасюлевича. – 1912. – 517 с.

8. Романов К. К. Дневники. Воспоминания. Стихи. Письма. – М.: Искусство. – 1998. – 493 с.

9. Старый юрист. Некролог С. А. Никитенко // Женское дело. – 1900. – Кн. 12. – С. 204–205.

10. Трофимова В. С., Трофимова Т. Н. Российские женщины-литераторы второй половины XIX в. и женский вопрос в контексте европейского культурного обмена: М. К. Цебрикова и С. А. Никитенко // Горожанки и горожане в политических и культурных процессах российской урбанизации XIV–XXI веков. Материалы международной научной конференции. Т. 2. – М.: ИЭА РАН. – 2018. – С. 99–101.

11. Трофимова Т. Н. Восприятие итальянского математика XVIII века Марио Анъези в русской дореволюционной печати // Культурная память. Доклады конференции. – Скопье: Книгоиздательство МИ – АН. – 2013. – С. 183–191.

УДК 81.255

ЯЗЫКОВЫЕ ОСОБЕННОСТИ РОМАНА Э. ГИЛБЕРТ «ЕШЬ. МОЛИСЬ. ЛЮБИ» И СПЕЦИФИКА ЕГО ПЕРЕВОДА

А. Ю. Труфанова³⁰,

*обучающаяся магистратуры, кафедра теории и практики перевода,
Институт филологии, Крымский федеральный университет имени
В. И. Вернадского, Симферополь*

Аннотация. В статье рассматриваются языковые особенности романа Элизабет Гилберт «Ешь. Молись. Люби» в переводческом аспекте. В результате проведенного анализа было выявлено, что авторский стиль Э. Гилберт достаточно ярко выражен, изобилует большим количеством реалий, сленга и других культурных особенностей, что составляет некоторую трудность для перевода.

Ключевые слова: Э. Гилберт, переводческие стратегии, авторский замысел.

Summary. The article discusses the linguistic features of Elizabeth Gilbert's novel «Eat. Pray. Love» in the translation aspect. As a result, it was revealed that the author's style of E. Gilbert is quite pronounced, full of a large number of realities, slang and other cultural features, which makes it difficult to translate.

Key words: E. Gilbert, translation strategies, author's intention.

Каждый переводчик стремится донести до читателя изначальный

³⁰ Научный руководитель: к. филол. н., доцент Н. В. Пасекова

смысл произведения, который был заложен в него автором. Однако на пути переводчика часто встает множество препятствий, таких как особенности передачи авторского стиля писателя, культурный код той страны и людей, о которых он пишет, иногда непонятный другим культурам, реалии и языковые особенности языка оригинала.

Говоря о романе Элизабет Гилберт «Ешь. Молись. Люби», следует отметить, что самая главная черта, которая требует внимания – это диалогический стиль повествования. Такой стиль помогает автору приблизиться к реальности, сделать повествование более живым, понятным большинству читателей. Для того, чтобы создать эту диалогическую манеру повествования, Э. Гилберт использует большое количество различных стилистических приемов: метафоры, сравнения, гиперболы, аллегории, аллюзии. Более того, следует упомянуть и такую особенность ее авторского стиля как использование эмфатического синтаксиса – ее манера повествования изобилует эллипсисом, усилительными и параллельными конструкциями, инверсиями, парентетическими включениями. Все эти приемы позволяют автору влиять на эмоции читателя, играть с его сознанием, вызывать чувство эмпатии и сочувствия главным героям, и, как следствие, актуализировать его когнитивно-эмоциональное восприятие текста.

Одной из языковых особенностей романа является авторское словосочетание. О. В. Александрова разделяет словосочетания на коннотативные, клишированные (идиоматические) и те, которые обусловлены экстралингвистическими факторами. Коннотативные словосочетания обычно имеют не только информативную функцию, но и функцию воздействия на читателя (обычно, эмоционально) [1, с. 16-21].

В романе «Ешь. Молись. Люби» присутствует большое количество такого рода словосочетаний. Они являются неким проводником во внутренний мир автора, так как с их помощью читатель проникает в сознание главного героя с помощью ярких образов, используемых автором. Например, читатель может понять ее негативное отношение к браку. Используются следующие словосочетания: *failed marriage, devastating, interminable divorce, passionate love affair, gorgeous young man*. Про себя главная героиня говорит *the planet's most affectionate life-form* – «самая любвеобильная форма жизни на земле», а про свои путешествия – *careless* «беспечные».

Говоря о клишированных, или идиоматических, словосочетаниях, следует уточнить, что они помогают автору вести некоторую дружескую беседу со своим читателем. Например, «*I pulled myself together enough to go on*» [10, с. 18]; «*Here are the facts: single mom, precocious child, hand-to-mouth business*» [10, с. 360].

Что касается третьего типа словосочетаний, то Э. Гилберт использует их для придания повествованию дополнительной экспрессии. Они будут хорошо понятны тем читателям, которые в целом знакомы с англо-

американской культурой (знаковыми фильмами, популярными актерами и певцами): «*He was very good-looking, in a kind of Sting-meets-Ralph-Fiennes's-younger-brother sort of way*» [10, с. 355]; «*The medicine man was a small guy...whose resemblance in every way to the Star Wars character Yoda cannot be exaggerated*» [10, с. 33]. Также автор использует и различные сленговые выражения, сниженную лексику и разговорные клише: «*Godbless Brazilians*» [10, с. 377]; «*Dear God, it had been ages*» [10, с. 355]; «*I'm the biggest bullshitter in Ubud*» [10, с. 357]. Эти выражения помогают читателю сблизиться с автором, узнать, возможно, в нем себя и свои проблемы.

Усилительные и параллельные конструкции также являются способом придать высказываниям дополнительную эмфатичность и выражают, например, пылкость чувств: «*I do love that great teacher of peace who was called Jesus*» [10, с. 16]; всепоглощающую тоску, вызванную одиночеством: «*I am alone. I am all alone. I am completely alone*» [10, с. 10]; мучительные размышления героини о причинах ее душевного смятения: «*Was it psychological? Was it genetic? Was it cultural? Was it astrological?*» [10, с. 63]; скрытые мотивы ее поступков (инверсия): «*Not only to spend a week with my friend Yudhi, but also as a response after my big night with Felipe, to get my head around the new reality*» [10, с. 386].

Анализируя оригинал романа и его перевод на русский язык Ю. Ю. Змеевой, отметим, что переводчица применяет ряд переводческих стратегий. В. Н. Комиссаров считает, что стоит выделить три основные стратегии: 1) основная ориентация переносится с оригинала на текст перевода; 2) оценочный подход заменяется дескриптивным; 3) от текста как единицы языка теория идет к функции перевода как части культуры языка перевода [3, с. 27 – 28].

И. Я. Рецкер считает, что «преобразования, с помощью которых можно осуществить переход от единиц оригинала к единицам перевода, сохранив информацию, предназначенную для передачи, называются переводческими (межъязыковыми) трансформациями» [8, с. 38].

В. Н. Комиссаров и И. Я. Рецкер говорят о существовании лексических, грамматических и стилистических трансформаций [3, 8]. Пример всех видов трансформаций используются переводчиком. Приведем несколько примеров. Так, предложение «*What Luca Spaghetti doesn't like is American food, which he says can be described in two words: "Amtrak Pizza"*» [10] Ю. Ю. Змеева переводит как «Что Луке не понравилось, так это американская кухня, которую он описывает двумя словами: «самолетная еда» [2]. Мы можем проследить генерализацию, где переводчик обобщает слово *pizza* в слово «еда», что может навести читателя на мысль о сильной любви жителей Америки к пище, но явную иронию автора по отношению к этому вопросу. Для перевода слова «*Amtrak*» Ю. Ю. Змеева использует прием прагматической адаптации (*Amtrak* – самолетный). В данном случае, *Amtrak* – американская реалья (название железнодорожной корпорации). Конечно, для русского читателя данная реалья будет совершенно

непонятна, из-за чего переводчик заменяет ее на «самолетную» еду, ведь в русской культуре больше принято включать питание в стоимость авиаперевозок, а не железнодорожных, и читателю сразу понятна картина – «самолетная» еда обычно достаточно простая, иногда безвкусная и не отличается особыми изысками.

Переходя к грамматической трансформации, можно привести следующий пример коннотативного словосочетания и параллельной конструкции: «*You know that super-relaxed, totally-in-charge expression which makes you look like you belong there, anywhere, everywhere ...*» [10]. Ю. Змеева переводит этот фрагмент следующим образом: «Некоторые умеют выглядеть полностью расслабленными, будто у них все под контролем, и казаться частью происходящего, где бы они ни находились ...» [2]. Во-первых, разговорное английское словосочетание «*you know*» опускается, и заменяется на утверждение «некоторые умеют», и акцент переносится на принятые в нормы поведения в культуре языка перевода. Далее происходит замена существительного «*expression*» (выражение) на глагол «выглядеть».

Выше мы отмечали, что Э. Гилберт обладает самобытным авторским стилем. Приведем пример: «*When a friend complimented my new look, all I could say, grimly, was, "Operation Self-Esteem-Day Fucking One"*» [10]. Ю. Ю. Змеева так переводит этот отрывок: «Правда, когда подруга похвалила мой новый образ, я смогла лишь мрачно пробурчать: «Операция “Поверь в себя” – день первый» [2]. Переводчик заменяет «*self-esteem operation*» на словосочетание «Поверь в себя», и, конечно же, не передает на русский язык слово «*fucking*», которое, хотя и выражает крайнюю степень раздражения главной героини, все еще не может использоваться в литературном переводе. Переводчик все же находит способ показать эту степень раздражения – она компенсирует это императивом «Поверь в себя».

Для перевода авторского стиля Элизабет Гилберт переводчик использует все виды трансформаций – лексические, грамматические и стилистические. В языке перевода зачастую эти трансформации сосуществуют, и называются комплексными, – лексика и стиль, лексика и грамматика, грамматика и стиль, в зависимости от конечной цели перевода, тесно взаимосвязаны и переплетены.

Можно сделать вывод, что переводчику необходимо применить комплексный подход к переводу романа «Ешь. Молись. Люби» Э. Гилберт из-за обилия стилистических средств, индивидуальных особенностей авторского стиля писательницы, чтобы как можно точнее сохранить авторский замысел и передать эстетическую ценность оригинального текста.

Список использованных источников

1. Александрова О. В. Проблемы экспрессивного синтаксиса. На материале английского языка: учебное пособие / О. В. Александрова. – Москва: Высшая школа, 1984. – 211 с.
2. Гилберт Э. Ешь. Молиться. Любить // пер. Ю. Ю. Змеевой. –

Москва: Рипол-Классик, 2019. – 368 с.

3. Комиссаров В. Н. Общая теория перевода. Проблемы переводоведения в освещении зарубежных ученых. Учебное пособие / В. Н. Комиссаров. – Москва: ЧеРо, 1999. – 134 с.

4. Кучинская М. О. Использование наименее продуктивных переводческих трансформаций при переводе художественных текстов (на материале романа Э. Бронте «Грозовой перевал») / М. О. Кучинская, Н. В. Пасекова // Переводческий дискурс: междисциплинарный подход : Материалы V международной научно-практической конференции, Симферополь, 29–30 апреля 2021 г. – С. 161-164.

5. Меленцова М. С. Проблемы языковой вариативности в публицистических текстах: переводческий аспект / М. С. Меленцова, М. Г. Зеленцова // Переводческий дискурс: междисциплинарный подход: Материалы II международной научно-практической конференции, Симферополь, 26–28 апреля 2018 г. – С. 386-391.

6. Норец М.В., Деревянко А.В. Способы перевода индивидуально-авторских неологизмов в романе Нила Стивенсона «Анафем» / М.В. Норец, А.В. Деревянко // Переводческий дискурс: междисциплинарный подход: материалы IV международной научно-практической конференции, Симферополь. 2020. – С. 243-248.

7. Норец М.В., Малугина В.А. Использование переводческих приемов при передаче реалий романа И. Ильфа и Е. Петрова «Двенадцать стульев» на украинский и английский языки / М.В. Норец, В.А. Малугина // Аллея науки. – 2017. – Т. 2. – № 9. – С. 22-27.

8. Рецкер Я. И. Перевод и переводческая практика. – Москва: Международные отношения, 1974. – 216 с.

9. Семченко Р. А. Проблема перевода художественной литературы (лингвокультурологический аспект) / Р. А. Семченко // Конвергентные технологии XXI: вариативность, комбинаторика, коммуникация : Материалы VII международной междисциплинарной научной конференции, Симферополь, 25–26 ноября 2022 г. – С. 156-160.

10. Gilbert E. Eat, Pray, Love / E. Gilbert. New York: Riverhead Books, 2006. 445 с.

УДК 82.821

ВОЕННАЯ ТЕМА В ОДНОЙ СТАТЬЕ ИППОЛИТА ДЕЛАВО**В. П. Трыков,**

*доктор филологических наук, профессор кафедры всемирной литературы,
Институт филологии, Московский педагогический государственный
университет, Москва*

Аннотация. В статье рассматривается трактовка военной темы в статье французского литератора и переводчика И. Делаво (1808–1862) «Военная литература и жизнь в России» (1856). Статья Делаво понимается как реакция французского критика на Крымскую войну. Показано, как эстетические и идеологические ориентации Делаво обусловили трактовку им военной темы, принципы отбора материала, оценки произведений русских писателей о войне, а также России и русских. На примере одного эпизода из «Севастопольских рассказов» Л. Н. Толстого продемонстрированы различия между русским оригиналом и французским переводом, выполненным Делаво.

Ключевые слова: военная тема, русская литература, образ России, перевод

Summary. The article deals with the interpretation of the military theme in the article of the French writer and translator I. Delavo (1808–1862) "Military Literature and Life in Russia" (1856). Delavo's article is seen as a reaction of a french critic to the Crimean War. It is shown how the aesthetic and ideological orientations of Delavo determined his interpretation of the military theme, the principles of material selection, the evaluation of the works of Russian writers about the war, as well as Russia and Russians in the article. On the example of one episode from the "Sevastopol Stories" by Leo Tolstoy, the differences between the Russian original and the French translation made by Delavo are demonstrated.

Key words: military theme, Russian literature, image of Russia, translation.

Ипполит Делаво (1808–1862) – французский писатель, литературный критик и переводчик был до 1860-х годов ведущим специалистом по современной ему русской литературе, ее активным популяризатором во влиятельном парижском журнале «Revue des Deux Mondes». Делаво знал русский язык, переводил на французский язык произведения А. И. Герцена и И. С. Тургенева. С 1854 по 1860 гг. Делаво опубликовал девять статей о русской литературе: «Современный русский роман. Александр Герцен» (1854), «Годы заключения и изгнания русского писателя. Александр Герцен» (1854), «Русский национальный эпос: “Слове о полку Игореве”» (1854), «Роман народных нравов в России. Григорович» (1855), «Литература и военная жизнь в России: 1812 г., Кавказ, Крымская война в произведениях русских писателей» (1856), «Николай Некрасов, сатирический поэт» (1856), «“Семейная хроника” С. Т. Аксакова» (1857), «Религиозные нравы, схизматики русской церкви, староверы в романе и в истории» (1858),

«Сатирический роман о нравах русской бюрократии. “Тысяча душ” Писемского» (1860).

Делаво не был ни авторитетным литературным критиком, ни выдающимся писателем, ни ученым-литературоведом. Он был культурным французом, знавшим русский язык, интересовавшимся русской литературой и стремившимся познакомить с ней французского читателя. Тем показательнее написанное им о русской литературе как отражение представлений рядового культурного француза о России. Более того, как автор крупнейшего и влиятельнейшего парижского журнала Делаво формировал определенный образ России в культурном сознании Франции XIX века.

Статья «Военная литература и жизнь в России» была напечатана в номере «Revue des Deux Mondes» от 15 августа 1856 года, то есть уже после окончания Крымской войны. Парижское мирное соглашение было подписано весной 1856 года. Отголосок недавних не только военных, но и идеологических баталий между воюющими сторонами отчетливо слышен в этой статье французского критика. Едва скрываемое раздражение, смешанное с иронией, сквозит в следующих строчках: «Россия обязана своим величием, главным образом, своей армии, и не приходится удивляться тому, что в ней так быстро нашлись писатели, готовые эту армию воспеть» [2, р. 775–776]. Делаво упрекает русских писателей, писавших о войне 1812 года, в «грехе преувеличения», в том, что они «были судьями слишком пристрастными» [2, р. 778]. Его раздражает и высокомерно-снисходительный тон русских авторов по отношению к поверженным французам. Делаво всячески старается исправить эту ситуацию. Он пытается затушевать несправедливый захватнический характер войны, которую Наполеон начал против России. Примечательно, что в статье ни разу не упомянуто имя Наполеона I, отсутствуют оценки его политики по отношению к России, а Отечественная война 1812 года названа нейтральным словосочетанием «кампания 1812 года». Делаво ничего не пишет о доблести русских воинов, зато акцентирует мужество и стойкость французских солдат, которых не могли не оценить их противники. Из значительного массива литературы о войне 1812 года Делаво выбирает рассказ Бестужева-Марлинского «Латник» (в статье приведено не название, а подзаголовок рассказа «Рассказ партизанского офицера»), из которого приводит два эпизода. В первом рассказчик, который вместе со своим отрядом преследует отступающую французскую армию, живописует страшную картину гибели французских солдат от холода. Особенно внимание русских привлекала фигура замерзшего гренадера, который мертвым стоял, опершись на свое ружье. На его застывшем лице – следы прежней гордости и отваги, «презрение боли, его победившей». Русские при виде такого зрелища испытывают чувство жалости, смешанное с восхищением «эдаким молодцом». Второй эпизод повествует о том, что отряд наткнулся на французов, завязалась перестрелка, а затем и

рукопашный бой, в котором опять русские не могли не оценить «храбрых своих врагов». Делаво характеризует рассказ как «дань уважения французской армии» [2, р. 780].

Если французы, несмотря на поражение, предстают в статье храбрыми и стойкими воинами, то русские – жестокими варварами. Партизанский отряд «преследует остатки французской армии с дикой яростью» [2, р. 779]. Делаво в своем пересказе пропускает тот эпизод в рассказе Марлинского, когда русские взяли в плен французского солдата-барабанщика и, несмотря на предложение одного из персонажей расправиться с ним, сохранили ему жизнь, зато пускается в lamentации о тяжелой доле французских солдат: «Читая некоторые эпизоды военных рассказов Марлинского, невозможно отделаться от тягостного впечатления. Сердце сжимается при виде зрелища французских солдат, побежденных губительным климатом, и русских, с жестокой радостью довершающих дело разрушения, начатое природой» [2, р. 779].

Недовольство критика вызывает и то, что «Марлинский повествует о грустных сценах 1812 года с мрачной безучастностью, которая удивляет и печалит» [2, р. 780]. Показательно, как старательно Делаво избегает называть вещи своими именами, как он уклоняется от слова «война», на сей раз заменяя его «грустными сценами 1812 года» (“les tristes scènes de 1812”). Заметим также, что выше критик упрекал русских писателей в «грехе преувеличения», в чрезмерной страстности, здесь его не устраивает их бесстрастность и безучастность. Это кажущееся противоречие легко объяснимо. Подтекст понятен: Делаво полагал, что русские писатели чересчур эмоционально прославляют победу русского оружия в войне с Наполеоном (в частности, вскользь, не приводя названий, он упоминает «романтические гимны» Жуковского³¹), и они недостаточно эмоциональны в выражении своего сочувствия разбитой французской армии.

Об отражении событий Кавказской войны в русской литературе Делаво говорит весьма коротко. Заметно, что она интересовала его меньше, чем войны, в которых принимали участие его соотечественники: война 1812 года и Крымская война. Он отмечает лишь, что Кавказская война породила очередной всплеск энтузиазма в русском обществе и волну интереса к военной тематике в литературе, упоминает «Кавказского пленника» А. С. Пушкина и «Героя нашего времени» М. Ю. Лермонтова, повести о войне Марлинского и вновь упрекает русских писателей в чрезмерности: «...Этот энтузиазм иногда побуждает их забыть всякую меру» [2, р. 783].

Первый, кому, по мнению Делаво, удалось преодолеть эту «чрезмерность» и правдиво изобразить характер русского солдата, – Л. Н. Толстой. Делаво отмечает у Толстого мастерство создания типов

³¹ Очевидно, имеются в виду такие стихотворения В. А. Жуковского, как «Певец во стане русских воинов», «Вождю победителю», «Императору Александру», в которых поэт славит победу русского оружия, восхваляется неиссякаемой силой русской нации и поэтически осмысливает великое значение Отечественной войны 1812 г.

русских солдат и офицеров, интерес писателя к будничной стороне войны, описанию нравов и отношений людей на войне. Особенно подробно Делаво останавливается на «Севастопольских рассказах» Толстого, в которых, по мысли критика, проявилась «проницательная наблюдательность» Толстого. Романтическим преувеличениям Лермонтова, и особенно Марлинского, Делаво противопоставляет в качестве положительного примера тип повествования, разработанный Толстым: «Простой и детализированный рассказ, наподобие дневника, показывает нам с душераздирающей правдивостью как страдания осажденного гарнизона, так и его воинскую доблесть...» [2, р. 791].

Для Делаво Толстой прежде всего бытописатель войны и внимательный наблюдатель военных нравов. Делаво остается в этом отношении верен себе. Как и в других статьях о русской литературе, его интересуют прежде всего нравственное состояние русского общества, разных его слоев и социальных групп. Толстой-психолог, тонкий аналитик человеческой души не получил достойной оценки в статье. Показательно, что, представляя французскому читателю «Севастопольские рассказы», Делаво в своем подробном и довольно верном пересказе, перемежающемся большими цитатами, опускает внутренние монологи героев, авторский аналитический комментарий их душевных состояний (например, описание чувств Козельцова после посещения блиндажа командира полка).

Отметим и еще одну редукцию, производимую Делаво. В своих переводах толстовского текста он снимает фразы, которые приносят элемент патетики в повествование. Проиллюстрируем это на одном примере: сцене смерти Козельцова-старшего. Вот как она описана у Толстого:

– Что я умру? – спросил Козельцов у священника, когда он подошел к нему.

Священник, не отвечая, прочел молитву и подал крест раненому.

Смерть не испугала Козельцова. Он взял слабыми руками крест, прижал его к губам и заплакал.

– Что, выбиты французы везде? – твердо спросил он у священника.

– Везде победа за нам осталась, – отвечал священник, говоривший на о, скрывая от раненого, чтобы не огорчать его, то, что на Малаховом кургане уже развевалось французское знамя.

– Слава богу, слава богу, – проговорил раненый, не чувствуя, как слезы текли по его щекам, и испытывая невыразимый восторг сознания того, что он сделал геройское дело.

Мысль о брате мелькнула на мгновение в его голове. «Дай бог ему такого же счастья», подумал он [1, с. 250].

Сравним с переводом этой сцены, сделанным Делаво:

– Est-ce que je suis blessé à mort? – lui demanda celui-ci.

Le prêtre ne lui répondit pas. Il prononça une prière et lui tendit la croix à baiser. Le lieutenant prit la croix de ses mains affaiblies, la pressa contre son

cœur, et quelques larmes mouillèrent ses paupières; puis, essayant de se lever, il se tourna vers le prêtre.

– L’ennemi-est-il repoussé? – lui demanda-t-il.

– Nous avons l’avantage sur tous les points, répliqua celui-ci, ne pensant point qu’il fût prudent d’annoncer au mourant que le drapeau français flottait sur tour Malakof.

– Dieu soit loué! dit le blessé, et cette nouvelle parut ranimer ses forces. Puis, le souvenirs de son frère s’étant présenté à sa pensée: il souhaite en lui-même que ce jeune homme eût comme lui rempli son devoir au prix de sa vie... [2, p. 801].

Как видим, Делаво в своем переводе заменяет толстовский пассаж, описывающий чувства умирающего героя, его эмоциональную реакцию на слова священника о победе, якобы одержанной русской армией, и содержащий прямую оценку поведения Козельцова как «геройского дела» («не чувствуя, как слезы текли по его щекам, и испытывая невыразимый восторг сознания того, что он сделал геройское дело») более нейтральной констатацией: «Эта новость, казалось, оживила его силы». Снимает он и фразу «смерть не испугала Козельцова».

Делаво пропускает в своем пересказе и эпизод внезапного героического воодушевления, охватившего до того трусившего Вланга. Французский критик сообщает читателю, что рассказ завершается смертью Козельцова-младшего и затем дает цитату, описание разбитой русской армии, остатки которой на пароходе переплывают на Северную.

Одним словом, в трактовке Делаво, в том, как он представил французскому читателю финал рассказа, доминирует мотив смерти: индивидуальной смерти главного героя и коллективной смерти русской армии. Однако Толстой завершает рассказ иначе. Последняя сцена – диалог двух русских солдат, в котором они выражают уверенность, что победа французов временная и что русская армия вернет Севастополь, и далее следуют патетическое описание отступления русской армии: «Севастопольское войско, как море в зыбливую мрачную ночь, сливаясь, развиваясь и тревожно трепеща всей своей массой, колыхаясь у бухты по мосту и на Северной, медленно двигалось в непроницаемой тесноте прочь от места, на котором столько оно оставило храбрых братьев, – от места, всего облитого его кровью, – от места, одиннадцать месяцев отстаиваемого от вдвое сильнейшего врага, и которое теперь велено был оставить без боя» [1, с. 253]. Это описание и финальные строки «Почти каждый солдат, взглянув с Северной стороны на оставленный Севастополь, с невыразимой горечью в сердце вздыхал и грозил врагам» [1, с. 254] выражают мысль не о смерти, не об окончательном разгроме, а о нравственной несломленности русской армии.

В той части статьи Делаво, которая посвящена отражению событий Крымской войны в русской литературе, образ русского солдата становится более объемным. Теперь Делаво видит в нем не только грубого и жестокого

варвара. Очевидно, находясь под впечатлением от рассказов Толстого, французский критик отмечает самообладание, простоту, отсутствие бравады, дисциплинированность, и, что самое, быть может, главное – человечность русского солдата. Более того, именно человечностью Делаво объясняет поражение русских в Крымской войне: «...Русский солдат отличается чувством гуманности, которому он редко изменяет. В этом, как легко догадаться, одна из причин поражения, которое он потерпел в последней войне <...> Беспощадность, которая отличала нашу армию, должна была, несомненно, обеспечить ей большое преимущество перед русскими, которые лишь неохотно отвечали ударом на удар и не спешили добить противника. Это правда, что русский солдат научился самообладанию, что останавливает его руку; он испытывает воодушевление в пылу сражения, но почти всегда способность сдерживать себя приводит к его поражению» [2, р. 803–804].

Статья завершается, как и почти все статьи Делаво о русской литературе, размышлениями критика о состоянии российского общества и о будущем России. Такая структура реализовывала замысел, лежавший в основе цикла статей Делаво о русской литературе: сквозь призму литературы увидеть тенденции социальной жизни современной России, нравственно-психологическое состояние общества.

Список использованных источников

1. Толстой Л. Н. Избранные повести и рассказы: В 2 т. – М.: Государственное издательство художественной литературы, 1947. Т. 1. – 488 с.

2. Delaveau H. La littérature et la vie militaire en Russie // Revue des Deux Monde. 1856. 15 août. P. 775–805.

УДК 82-311.1

МОДЕРНИСТСКИЙ РОМАН ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЫ XX ВЕКА: ТЕНДЕНЦИИ ПЕРЕВОДА

Э. Р. Тулуп,

*кандидат филологических наук, доцент кафедры английской филологии,
ГБОУВО РК «Крымский инженерно-педагогический университет имени
Февзи Якубова», Симферополь*

М. Р. Куртумерова,

*обучающийся магистратуры, кафедра английской филологии, ГБОУВО РК
«Крымский инженерно-педагогический университет имени Февзи
Якубова», Симферополь*

Аннотация. Данная статья рассматривает специфику перевода романов первой половины XX века эпохи модернизма. Современное изучение модернизма включает в себя проблематику взаимодействия европейской культуры и литературы. Актуальность исследования определяется проблематикой модернизма в литературе, вопросами

взаимодействия русской и европейской литературы в XX в., а также проблематикой переводоведения. Перевод модернистских текстов является сложной задачей, связанной, с одной стороны, с распознаванием тех текстов, с которыми данный текст ведет «межтекстовый диалог», а с другой, с поиском средств воспроизведения этого диалога в тексте перевода. Актуальной проблематике переводоведения посвящено значительное количество современных работ известных российских и зарубежных ученых – исследования С. С. Хоружего, Н. Корнуэла, Е. М. Мелетинского, Е. Ю. Гениевой, Т. Л. Мотылевой, Д. Г. Жантиевой, Д. В. Затонского, Ю. А. Рознатовской и др.

Ключевые слова: модернизм, перевод, стратегия перевода, формализм, буквализм, выразительность языка.

Summary. This article reviews the novels translation specifics of the first half of the XX century in the era of modernism. The modern study of modernism includes the problems of interaction between European culture and literature. The relevance of the study is determined by the problems of modernism in literature, the interaction of Russian and European literature in the XX century, as well as the problems of translation science. The translation of modernist texts is a difficult task, on the one hand, with the recognition of those texts with which this text conducts an “intertext dialogue,” and on the other, with the search for means of reproducing this dialogue in the translation text. A significant number of modern works by famous Russian and foreign scientists are devoted to the actual problems of translation studies – studies by S. S. Khoruzhego, N. Kornuel, E. M. Meletinsky, E. Yu. Genieva, T. L. Motyleva, D. G. Zhantieva, D. V. Zatonsky, Yu. A. Roznatovskaya and others.

Key words: modernism, translation, translation strategy, formalism, literalism, expressiveness of language.

Термин «модернизм» используют для обозначения новых явлений в искусстве XX века, а тем самым – и в литературе как одном из его видов. Слово «модерн» (франц. *moderne*) означает «современный». Как противопоставление реализму, модернизм в литературе, в первую очередь, стремился уйти от принципа правдоподобного изображения реальности. Отсюда стремление писателей-модернистов к фантастическим элементам и сюжетам, стремление приукрасить существующую действительность, преобразить её. Английский модернистский роман зародился в первой трети XX века и продолжался до 1965 года. Во все предыдущие периоды экспериментирование и индивидуализм не поощрялись, однако с наступлением модернизма, обе эти вещи стали достоинством.

Модернизм – уникальное и сложное движение практически во всех творческих областях. В этот период литература пережила величайший ренессанс XX века. Когда закончилась первая мировая война, возник ряд литературных течений современного периода, таких как дадаизм, поток сознания, футуризм, кубизм, экспрессионизм и имажинизм.

Новое художественное мышление, формирующееся под воздействием

динамичной многоаспектной действительности, активно отражается в творчестве писателей-модернистов. Происходят поиски новых приемов и способов самовыражения, раскрытия своего «я». Модернисты выступают смелыми экспериментаторами в поэзии, прозе и драматургии. Не отвергая сделанное их предшественниками, они ищут и находят новые пути, отвергают преграды для развития искусства современности. Развитие литературы модернизма происходит во взаимодействии с другими видами искусства – живописи, музыки, скульптуры, ориентируясь на достижения и открытия в науке, философии и психологии.

Перевод – древний вид человеческой деятельности. XX век считается «золотым веком» устного перевода, который стал основным видом человеческой деятельности благодаря бурному развитию. К середине XX века резко возросло количество международных контактов, возникли многочисленные международные организации, всемирные движения. Бурный рост науки и техники вызвал огромную потребность в обмене информацией. Расширились культурные связи между народами. Все эти изменения в жизни человечества вызвали потребность в переводах и переводчиках. Следовательно, бурная переводческая деятельность вызвала интерес у исследователей, и процесс перевода стал объектом всестороннего научного изучения. Качество перевода определяется степенью его соответствия переводческой норме и характером соответствующих отклонений от этой нормы. Осознание проблем нормы и нормативности в языке уходит своими корнями в глубокую древность. Следуя этой логике нам интересно посмотреть, как подходили к переводу в 30-е годы XX века. А. В. Федоров считает, что проявления формализма и буквализма в переводах 1930-х годов не были единичными, тем не менее, они не являлись основной переводческой тенденцией, так как в целом качество перевода поднялось на более высокий уровень [6]. Кроме сохранения стилистического своеобразия подлинника, переводчики 1930-х годов стремились передать смысловую точность и выразительность русского языка. А также стремились сохранить общую идейную направленность символизма и его философские концепции, что соответствовало современным теоретическим взглядам на перевод. Высказывания представителей академической филологии того времени, а также основные идеи поэтов-символистов содержали общую мысль о невозможности перевода. У «Энеиды» Вергилия в переводе Брюсова была еще одна редакция, предшествовавшая окончательной. Она была свободна от буквализма, в ней не было загадок. Тем не менее, Брюсов забракoвал свою первую версию «Энеиды» и взялся за новый перевод. Молодой Брюсов – это программа «золотой середины»; программа позднего Брюсова – это программа «буквализма», в которой преобладало стремление указывать не только каждую фразу или стих так, чтобы они соответствовали подлиннику, но и каждое слово, включая его грамматическую форму [3]. С каждым вариантом она звучала все более странно и чуждо для русского читателя.

На какие вкусы могли полагаться переводчики 1930-х годов? Данная эпоха модернизма отразилась на большинстве работ переводчиков. Для этого времени характерны такие черты, как отрицание общепринятых норм и замена их новыми идеями; вызов здравому смыслу и рационализму, который подменяется иррационализмом и хаосом; значение и значимость становятся проблематичными и, как следствие, сам язык тоже. Все вышеперечисленные характеристики ведут к буквализму. К концу 1930-х гг. в Советском Союзе с ним начинается борьба. Ее также можно назвать борьбой с буквализмом. Так, 1937 год является годом, когда в России был остановлен перевод «Улисса» Джеймса Джойса, осуществляемый переводчиками школы И. А. Кашкина. Все последующие усилия кашкинцев были направлены на переводы других зарубежных авторов, и эти работы группы получили высокую оценку. Основываясь на выше сказанном, можно сделать вывод, что переводчики 20-30-х гг. XX века при переводе произведения с одного языка на другой полагались на определенные тенденции, существовавшие в то время в литературе и на свои личные предпочтения в этой области.

Список использованных источников

1. Андреев Л. Г. Зарубежная литература XX века. – Москва: из-во «Высшая школа», – 2000. – 555 с.
2. Богословский В. Н. История зарубежной литературы XX века 1891-1917. – Москва: из-во «Просвещение», 1989. – 318 с.
3. Гаспаров М. Л. Брюсов и буквализм // Поэтика перевода. М., 1988. – С. 29–62.
4. Домбровская Е. Я. История зарубежной литературы 1871–1917 гг. – Москва: из-во «Просвещение». – 742 с.
5. Ивашева В. В. Английская литература XX века. – Москва: из-во «Просвещение», – 1967. – 469 с.
6. Михальская Н. П. История зарубежной литературы конца XIX – начала XX вв. – Москва: из-во «Высшая школа», – 1972. – 534 с.
5. Назарець В. М. «Модерністська проза початку XX століття». Журнал «Зарубіжна література в школах України». – Київ: Редакція журналу «Зарубіжна література», 2004. – Випуск 10. – 64 с.
6. Федоров А. В. Основы общей теории перевода. М., Филология Три, 2002. – С. 348.

УДК 811.12

БЛОГОСФЕРА КАК ИСТОЧНИК ПОПОЛНЕНИЯ СЛОВАРНОГО СОСТАВА СОВРЕМЕННОГО АНГЛИЙСКОГО ЯЗЫКА**Э. Р. Тулуп,***кандидат филологических наук, доцент кафедры английской филологии, ГБОУВО РК «Крымский инженерно-педагогический университет имени Февзи Якубова», Симферополь***Э. Б. Шемданова,***обучающийся магистратуры, кафедра английской филологии, ГБОУВО РК «Крымский инженерно-педагогический университет имени Февзи Якубова», Симферополь*

Аннотация. В статье рассматриваются особенности влияния блогосферы на словарный фонд современного английского языка. Проведена попытка классификации лексических единиц из сферы блога и оценена роль блогосферы в качестве источника пополнения словарного запаса английского языка. На сегодняшний день блогосфера – неотъемлемая часть культуры и быта современного общества, в информационном пространстве она конкурирует с официальными СМИ. Начиная с личного дневника в Интернете, блоги стали мощным социальным инструментом. Сегодня блог оказывает влияние на все сферы жизни общества: образование, мода, культура, политика, поэтому блог внес весомый вклад в создание английских неологизмов.

Ключевые слова: блог, блогосфера, блогинг, блогер, неологизмы, словарный состав, лексический состав, лексема, Интернет, СМИ.

Summary.

The article reviews the influence of the blogosphere on the vocabulary of modern English. We have attempted to classify lexical units from the sphere of blogging and subsequently evaluated the role of the blogosphere as a source of English vocabulary replenishment. The relevance of the research is obvious. Nowadays the blogosphere is an integral part of the culture and everyday life of the modern society and it is almost the forefront of the information space, displacing the media. Starting from a personal diary on the Internet, blogs have become a powerful social tool. Today, blogging has an impact on all areas of society: education, fashion, culture, politics. The blog has made a significant contribution to the creation of English neologisms.

Key words: blog, blogosphere, blogging, blogger, neologisms, vocabulary, lexical composition, lexeme, Internet, media.

В эпоху научно-технического прогресса, стремительных глобализационных процессов и в условиях современного темпа жизни, непрерывные изменения в языке не перестают представлять интерес для ученых и становятся объектом их многочисленных исследований. Согласно статистике, английский язык является одним из самых динамичных языков в мире. В период всемирной экономической, политической и культурной интеграции наиболее стремительно подвергается изменениям лексическая

сторона языка, в которой находит свое отражение все происходящее в мире события. По версии известной американской компании *Global Language Monitor (GLM)*, занимающейся документированием, отслеживанием, а также анализом современных языковых тенденций, на сегодняшний день английский язык насчитывает около 1 066 095,9 слов и этот показатель постоянно увеличивается [5].

Процесс формирования новых лексических единиц не ограничивается лишь творческим фактором, а происходит под влиянием исторически сложившихся языковых законов и закономерностей. Традиционные способы словообразования актуальны и по сей день.

Однако в последнее время лингвисты обращают свое внимание на блогосферу в качестве дополнительного источника пополнения словарного запаса английского языка. Согласно данным на сайте *Hosting Tribunal*, в интернете на данный момент насчитывается более 600 миллионов блогов.

Итак, блог (англ. *blog*) – это личный веб-сайт пользователя, который доступен для публичного просмотра. Он состоит из записей, изображений и мультимедиа, обновляемых на регулярной основе, и предполагает дискуссию между читателем и автором. Блоги ведутся на различных платформах таких как *Инстаграм*, *Фейсбук*, *Wordpress*, *Blogger*, *Tumblr*. Совокупность всех блогов в Сети принято называть блогосферой (англ. *blogosphere*, *blogspace*, *blogistan*) [3].

С широким распространением блога лексический состав английского языка стал обильно пополняться новыми единицами. Для более удобного рассмотрения влияния блогосферы на современный словарный состав английского языка предлагаем следующую классификацию.

Первая категория – неологизмы с лексемой *BLOG*. В процессе исследования мы выявили широкий спектр неологизмов, которые являются дериватами лексем *blog* и *log*:

1. *Blogosphere* (сообщество, включающее блогеров, читателей и Интернет-соединение с его функциональными системами);
2. *Blog Post* (информационный контент, который публикуется в блоге);
3. *L Bloggers* (lifestyle-блогеры);
4. *Blogroll* (список ссылок, которые тот или иной блогер рекомендует своей аудитории);
5. *Blog Schedule* (расписание публикаций);
6. *Blogsite* (веб-сайт, на котором размещен контент блога);
7. *Spam Blog Post* (блог, содержащий спам);
8. *Blogiversary* или *Blog Anniversary* (празднование дня создания блога);
9. *Blog Niches* (конкретные темы, о которых идет речь в блоге);
10. *Blogorrhea* (используется для обозначения очень длинной записи в блоге, которая полна неуместных и бессмысленных слов);
11. *Blogsnop* (используется для обозначения блогера, который не всегда отвечает на комментарии в своем блоге, оставленные случайными посетителями);
12. *Blogstipation* (используется для обозначения моментов, когда у блогера заканчиваются идеи о том, что писать дальше);
13. *Blog Storm* или *Blog Swarm* (размещение слишком большого количества сообщений только на определенную тему в надежде привлечь внимание и

сделать сообщение вирусным). 14. *Blogstream* – публикация контента с веб-страниц вместо основного медиаисточника.

Отметим, что большинство неологизмов из сферы блогинга имеют терминологический характер.

Вторая категория – лексические единицы, обозначающие разновидности блога:

1. *Audio blog* – аудио-блог; 2. *edublog* – образовательный блог; 3. *celeblog* – блог, посвященный новостям о знаменитостях либо созданный самими знаменитостями; 4. *story blog* – блог, посвященный публикациям коротких рассказов; 5. *photoblog, photolog, phlog* – фотоблог; 6. *videoblog, vidlog, vlog* – видеоблог; 7. *warblog* – военный блог; 8. *live blog* – блог о событиях в жизни; 9. *ghost blog* – блог, созданный компанией, но управляемый анонимным лицом; 10. *self-hosted blog* – блог, управляемый самостоятельно; 11. *moblog* – мобильный блог (способ публикации записей в блоге с мобильного устройства); 12. *schocklog* – блог с шок-контентом; 13. *legal blog* – юридический блог; 14. *lit blog* – блог о литературе; 15. *milblog* – блог, который ведется от лица военнослужащего; 16. *microblog* – микроблог; 17. *multiblog* – мультитематичный блог.

Третья категория – неологизмы с лексемой *BLOGGING*:

1. *Blogging* – процесс создания контента.
2. *Auto-Blogging* – процесс ведения блога, в котором контент автоматически генерируется с других сайтов с помощью RSS-канала.
3. *Event Blogging* – создание контента в блоге на основании особого дня или события.
4. *Voreblogging* – ведение блога о личном.

В ходе исследования также было обнаружено большое количество терминов с лексемой *CONTENT*:

1. *Nature of Content* (природа контента, его характеристика); 2. *10 Content* (контент, который в 10 раз лучше, чем другой контент с той же тематикой); 3. *Content Aggregation* (автоматический сбор лучших идей для постов в блоге из самого популярного контента); 4. *Content Curation/Content Fetching* (ручной сбор лучших идей для постов в блоге); 5. *Content Automation* (инструмент, который используется для процесса контент-маркетинга без участия человека); 6. *Content Curator* (контент куратор); 7. *Content Farm* (используется для обозначения онлайн-компании, которая производит много кликбейта и низкокачественных статей, чтобы занять более высокое место в поисковых системах с целью увеличения просмотров страниц); 8. *Content Marketing* (вид маркетинга, который включает в себя создание и распространение контента в Интернете для конкретных целевых посетителей); 9. *Content Relevance* (это степень соответствия контента на блоге или вебсайте поисковым запросам посетителей); 10. *Content Scraping* (незаконный способ кражи контента с авторитетных сайтов); 11. *Long-form content* (контент, превышающий 2000 слов); 12. *Pillar Content* (углубленный и информативный фрагмент контента, который широко охватывает полный

ответ на ВОПРОС пользователя); 13. *Evergreen Content* (контент, который остается свежим и актуальным в течение длительного периода времени, независимо от его возраста); 14. *Exclusive Content* (платный контент); 15. *Gated Content* (закрытый контент).

Пятая категория – неологизмы с лексемой *LINK*, в основном обозначающие виды ссылок: *acquired Links; anchor Link; broken link/dead link/link rot; 10 blue links; hotlinking/inline linking/direct linking; hyperlink; hidden texts or links; dofollow links; inbound links; internal links; natural links; reciprocal links; sponsored link* и др.

В качестве шестой группы приведем неологизмы, описывающие структуру или явления характерные для блога:

Monetization – монетизация – способ получения прибыли за ведение блога.
Clickbait – кликбейт – сенсационные и недостоверные заголовки с целью привлечения зрителя.

Like/dislike – лайк/дизлайк – способ выразить одобрение/неодобрение в Интернете.

Subscriber – подписчик.

Hype – хайп, что в переводе означает «обман», «надувательство». Неологизм начал активно использоваться в американском молодежном сленге и популяризоваться блогерами. Согласно кембриджскому словарю, хайпом называют ситуацию, когда что-то активно рекламируется на телевидении, газете, Интернете для привлечения всеобщего интереса [4].

Preview – превью – картинка, которую вы видите до просмотра видео.

Strike – Страйк – жалоба за нарушение авторских прав или принципов сообщества YouTube.

Подводя итог, можем сказать, что вышеперечисленные примеры являются всего лишь небольшой долей всего того лексического многообразия, который принес мир блогинга. Исследование показало, что большинство зафиксированных из сферы блога слов – это специальная терминология [1]. Однако, беря во внимание демократичный характер блогосферы, не исключен факт наличия большого количества сленга и авторских неологизмов на просторах Интернета и блогов, еще не вошедших официально в словари [2]. Так, *The Global Language Monitor* указывает на три основных критерия, которым должно соответствовать новое слово, прежде чем прочно закрепиться в словарном составе английского языка.

Слово должно встречаться:

- минимум в 25 000 цитат в различных СМИ (Интернет, книги, газеты, телевидение, радио);
- в географических регионах, разбросанных по всему миру;
- в различных культурных сегментах и демографических группах.

Таким образом, блогосфера – динамично развивающееся явление, представляющее безграничный простор для дальнейших исследований.

Список использованных источников

1. Горошко Е.И. Интернет-жанр и функционирование языка в

Интернете: попытка рефлексии // Жанры речи. – Саратов: Наука, 2009. – Вып. 6: Жанр и язык. – С. 111-127.

2. Загоруйко И.Н. Языковые клише в блогосфере интернет-дискурса: функционально-прагматический аспект: автореф. дис. ... канд. филол. наук / И.Н. Загоруйко. – Ижевск, 2013. – 24 с.

3. Стратийчук Е.Ю., Эль-Таба А.М. Блогосфера как источник неологизмов в иностранном языке / Е.Ю. Стратийчук., А.М. Эль-Таба – Текст: непосредственный // Библиотека. – 2016. – № 46. – С. 57-62.

4. Cambridge Dictionary Online: Free English Dictionary and Thesaurus. [Electronic Resource]. URL: <http://dictionary.cambridge.org> (дата обращения 27.01.23).

5. GLM/Global language monitor [Electronic Resource]. URL: <https://www.languagemonitor.com> (дата обращения 27.01.23).

УДК 81'25:069.23

ОСОБЕННОСТИ ПЕРЕВОДА СИСТЕМЫ НАВИГАЦИИ В МУЗЕЙНОМ ПРОСТРАНСТВЕ

М. Ю. Фадеева,

кандидат филологических наук, доцент кафедры теории и практики перевода и лингвистики, Институт филологии и межкультурной коммуникации, Волгоградский государственный университет, Волгоград

М. А. Обухова,

ассистент кафедры иноязычной коммуникации и лингводидактики, Институт филологии и межкультурной коммуникации, Волгоградский государственный университет, Волгоград

Аннотация. Статья посвящена особенностям перевода навигационной системы музея. Раскрыто понятие системы навигации, представлена классификация типов навигационных носителей в контексте музейной коммуникации. Проведен анализ оригинальных и переводных англоязычных фрагментов информационных носителей Государственной Третьяковской галереи. Установлены наиболее частотные приемы перевода элементов навигации: транслитерация, лингвокультурная адаптация, генерализация, контекстуальная замена.

Ключевые слова: навигационная система музея, музей 4:0, перевод музейной навигации.

Summary. The article is devoted to the peculiarities of translation of the museum's navigation system. The concept of a navigation system is revealed, the navigation classification in the context of museum communication is presented. The analysis of original and translated English fragments of navigation elements of the State Tretyakov Gallery is carried out. According to the results, the most frequent methods of translating navigation elements include transliteration, linguistic and cultural adaptation, generalization, contextual substitution.

Key words: museum navigation system, museum 4:0, translation

of museum navigation.

Несмотря на функциональные различия аэропорты, больницы и музеи как социальные институты имеют одну общую особенность – они являются площадкой коммуникации множества людей. Туристы, пациенты и посетители зачастую оказываются в указанном месте впервые и могут быть дезориентированы в пространстве. Именно поэтому инфраструктура крупных городов мира предполагает систему навигации в местах наибольшего скопления людей.

Понятие «система ориентации» (англ. *wayfinding system*) в значении специальных сигналов во внешнем окружении (номера домов, дорожные знаки и пр.) впервые использовал урбанист Кевин Линч в книге «Образ города» в 1960 году. В 2000-е данный термин был расширен: навигация не только указывает путь, но способствует постижению транслируемой информации в пространственно-временном контексте [6].

В музее навигация позволяет определить логику экспозиции, задать маршрут посещения выставки и сделать пребывание посетителя максимально комфортным, что соотносится с современной концепцией «Музея 4:0» как пространства диалога с привнесением новых социальных технологий. Более того профессиональная навигация напрямую влияет на посещаемость и доходность музея [3, с. 9]. Неслучайно французские музейеведы выступают за введение в штат нового специалиста в сфере музейной навигации (фр. *signaléticien*), владеющего как цифровыми технологиями, так и навыками интерпретативного дизайна [5].

В целях развития музейного туризма в 2021 году был запущен нацпроект «Музейные маршруты России», направленный на привлечение внимания российской и зарубежной аудитории к уникальному культурно-историческому наследию РФ.

В рейтинге ста самых посещаемых музеев изобразительных искусств за 2021 значатся четыре российских музея. Наибольший рост по числу посетителей за год продемонстрировала Государственная Третьяковская галерея, собравшая 1,58 млн зрителей, каждый десятый посетитель являлся иностранцем [4]. Ребрендинг классического музея в современное цифровое и полиязычное пространство сразу был отмечен ценителями искусства.

Цель настоящей работы – проанализировать приемы перевода различных типов навигационных носителей Государственной Третьяковской галереи с возможностью дальнейшего применения результатов в других учреждениях культуры России.

Актуальность исследования объясняется необходимостью лингвокультурной адаптации системы навигации музея для посетителей, не владеющих русским языком. Материалом исследования послужили навигационные элементы в коммуникативном пространстве Государственной Третьяковской галереи, представленные на русском и английском языках.

Музейному экспонату присущи два уровня коммуникативности: на

первом уровне информация передается через внешние признаки предмета, на втором соотносится со скрытыми характеристиками, требующими комментария об истории предмета, общественных событиях отдельной эпохи. Только комплексное восприятие визуальной и вербальной информации позволяет посетителю выступить равноправным участником диалога с музеем. При переводе навигационной системы музея на иностранный язык следует учитывать лингвокультурные особенности посетителя и горизонт его ожиданий в отношении доступности и комфорта посещения.

В рамках исследования навигация рассматривается как информационно-справочная система, призванная помочь посетителю сориентироваться в музейном пространстве, отличительными чертами которой являются гипертекстуальность, поликодовость и интерактивность. По расположению информационных носителей выделяют:

- внешнюю навигацию (уличные афиши, указатели на дороге).
- внутреннюю навигацию (схема здания музея на лестницах и в вестибюле, план экспозиции и выставок, указатели направления, объявления, режим работы, название залов).
- цифровую навигацию (сайт музея, мобильные приложения с геолокацией, аудиогиды, электронные вывески и стойки) [1].

По назначению навигация делится на 4 вида:

- Направляющая (стрелки-указатели, разметка на полу и стенах);
- Информационная (информация об экспонатах, общая экспликация выставки);
- Опознавательная (вывески, дверные таблички);
- Контролирующая (правила и положения, предупреждения, ограничение доступа) [3, с. 14–15].

Согласно концепции развития Третьяковской галереи каждый посетитель получает возможность погрузиться в атмосферу музея с помощью инструментов, позволяющих легко ориентироваться и знакомиться с экспонатами. Во многом таким инструментом выступает англоязычная система навигации.

Информационная навигация в полной мере подлежит переводу на английский язык. Текст оригинала и перевода размещаются в непосредственной близости друг от друга. В этикетаже для передачи имен собственных используется прием транслитерации (*Владимир Боровиковский – Vladimir Borovikovskiy*), артионимы переводятся с учетом ассоциативно-вербальных связей в сознании реципиента, а также с опорой на устоявшиеся номинации в мировом искусствоведческом дискурсе (ср. «Кружевница», *В. Тропинин – A Lacemaker*; «Вирсавия», *К. Брюллов – Bathsheba*). При переводе экспликации к выставке чаще всего встречается прием лингвокультурной адаптации (ср. *Старшей дочери Ильи Ефимовича Репина Вере (1872–1948) на этом портрете 2 года. Он был начат летом 1874 года в Веле, во Франции, где художник находился в пенсионерской*

командировке / *The eldest daughter of Ilya Repin Vera (1872–1948) is 2 years old in this portrait. It was started in the summer of 1874 in Velay, France, where the artist was on a scholarship trip*). В приведенном примере происходит опущение отчества художника, что соотносится с нормами англоязычной искусствоведческой традиции. Реалия «пенсионерская командировка» передается посредством контекстуальной замены, что представляется полностью оправданным. Пенсионером с XVIII по начало XX века называли выпускника Императорской академии художеств, получившего денежное пособие для дополнительного совершенствования мастерства [2].

Носителями контролирующей навигации в музее выступают таблички-пиктограммы, световые табло, а также текстовые форматы, например, памятки или правила поведения посетителя. В текстах перевода последних отмечается использование приема генерализации (*При входе в Галерею Посетителю необходимо пройти линию розгардиш или службы металлодетекторами, и предъявить сотруднику Росгвардии или службы безопасности Галереи личные вещи для осмотра* / *At the entrance to the Gallery, the visitor must pass the control line equipped with metal detectors and present personal belongings for inspection*), в английском языке преобладают клишированные фразы. На уровне грамматики функцию предписания действий передают, прежде всего, формы императива: *Do not place the pieces too close together*.

Для направляющей и опознавательной навигации не требуется дополнительного перевода, так как данные типы навигации предполагают использование векторных изображений в виде стрелок или пиктограмм. Пиктограмма – это стилизованный знак, который отражает важнейшие узнаваемые черты объекта и является легко узнаваемой глобальным адресатом. Исключение могут представлять комплексные указатели, содержащие стрелку и название отдела/корпуса. Для передачи текстовых фрагментов подобных указателей подбирается эквивалентная замена (*Лекторий – Lecture hall*), применяется лексическая трансформация по типу смыслового развертывания (*Друзья Третьяковки – Members entrance*) или экспликации (*Искусство 20 века – Modern and Contemporary Art*).

Система ориентирования в музее служит для выполнения разного рода задач, в совокупности обеспечивающих комфортное пространство для созидания, общения, погружения в культуру. Поэтому при создании мультязычной музейной среды необходим перевод всех форм навигации.

Наиболее частотными приемами перевода элементов навигации являются транслитерация, лингвокультурная адаптация, генерализация, контекстуальная замена. Также широко применяются переводческие трансформации, а именно смысловое развертывание, экспликация.

Список использованных источников

1. Николаева Т. Ю. Навигация в музее: логика и красота. 2019. [Электронный ресурс] URL: <https://mediashm.ru/?p=15405> (дата обращения 19.01.2023).

2. Пенсионер (Академия художеств) [Электронный ресурс] // Википедия: энциклопедия. 2022. URL: <https://ru.wikipedia.org/> (дата обращения 21.01.2023).

3. Хакимова Л. Н. Визуальное исследование навигации в музеях: выпускная квалификационная работа. Санкт-Петербург, 2021. 171 с.

4. Четыре российских музея вошли в топ самых посещаемых в мире [Электронный ресурс] // МИА «Россия сегодня»: сетевое изд. 2022. URL: <https://ria.ru/20220328/muzei-1780532260.html> (дата обращения 25.01.2023).

5. Jacobi D. Du panneau à la signalétique: lecture et médiations réciproques dans les musées / D. Jacobi, Y. Jeanneret. [Electronic Resource] // La muséologie: 20 ans de recherches. 2013. – Mode of access: URL: <https://journals.openedition.org/culturemusees/708> (дата обращения 21.01.2023).

6. Wolke L. Digital Wayfinding Trends: Lessons Learned from Museums, Healthcare, and Transit Experiences [Electronic Resource] // Sign Research Foundation. 2018. – Mode of access: URL: <https://lesliewolke.files.wordpress.com/2019/01/srf-digital-wayfinding-trends.pdf> (дата обращения 25.01.2023).

УДК 811.512.111

ОРИГИНАЛЬНЫЕ И ПЕРЕВОДНЫЕ НАЗВАНИЯ СПЕКТАКЛЕЙ ЧУВАШСКОГО ТЕАТРА

Э. В. Фомин,

кандидат филологических наук, доцент кафедры гуманитарных и социально-экономических дисциплин, Чувашский государственный институт культуры и искусств, Чебоксары

Аннотация. Работа посвящена изучению переводов названий спектаклей Чувашского государственного академического драматического театра им. К. Иванова. Автором на основе театрального репертуара последних лет анализируются около полусотни онимов, представляющих образцы переводов с чувашского на русский и наоборот. Объективно названия спектаклей являют собой две сущности – чувашскую и русскую, иногда переводную, равнозначную, иногда оригинальную, неповторимую. В последнем случае названия взаимодополняют и развивают друг друга.

Ключевые слова: чувашско-русские языковые контакты, перевод, театральное искусство.

Summary. The work is devoted to the study of translations of the names of performances of the Chuvash State Academic Drama Theater. Based on the theatrical repertoire of recent years, the author analyzes about fifty onyms, which are examples of translations from Chuvash into Russian and vice versa. Objectively, the names of the performances represent two entities – Chuvash and Russian, sometimes translated, equivalent, sometimes original, unique. In the latter case, the names complement and develop each other.

Keywords: Chuvash-Russian language contacts, translation, theatrical art.

Актуальность темы. На афишах чувашских театров названия спектаклей приводятся на чувашском и русском языках, и нередко зрителями отмечается расхождение их оригинального и переводного названий. Обыденное сознание с трудом воспринимает перевод, ставящий целью не буквальность, а образность, а именно последняя превалирует при оформлении театральных афиш.

Материал и методика исследования. Материалом исследования послужили названия спектаклей Чувашского государственного академического драматического театра им. К. Иванова, г. Чебоксары [3]. Театр основан в 1918 г. в г. Казани и является главным профессиональным учреждением, отвечающим за развитие театральных традиций чувашского народа [1; 2]. В настоящее время здесь спектакли идут на чувашском языке с синхронным переводом на русский. Вследствие того, что первым языком театра является чувашский, доминирующими названиями спектаклей следует признать чувашские онимы.

Автором данной работы изучаются чувашские названия постановок и их русские соответствия. Выводы работы строятся на основе количественно-качественных исследований. Всего учтено 44 названия постановок, из которых 24 – чувашские оригинальные, 20 – переводные.

Настоящее исследование является первым, ставящим целью описание культуры речи чувашского театра.

Результаты исследования и их обсуждение. Драматургия является наименее развитым родом чувашской литературы. Прежде всего этим обуславливается значительное число переводных пьес в репертуаре чувашского театра – практически половина всех постановок (табл. 1).

Таблица 1 – Соотношение оригинальных и переводных постановок

Спектакли	Всего	Доля, в %
Оригинальные чувашские	24	54,5
Переводы с русского	20	45,5
Итого	44	100,0

Иноязычные пьесы, в том числе нерусских авторов, переводятся с русского языка, при этом нечувашские тексты так или иначе подвергаются очувашиванию в сценографии, костюмах, интонации, пластике. В итоге чувашские спектакли параллельно существуют в двух вариантах: во-первых, на чувашском языке на сцене; во-вторых, в синхронном переводе в наушниках.

Таблица 2 – Переводы названий спектаклей с чувашского на русский и наоборот

Спектакли	Перевод чувашских названий на русский	Перевод русских названий на чувашский
Равнозначный перевод	22 (92 %)	9 (45,0 %)
Смысловой перевод	2 (8 %)	11 (55,0 %)
Итого	24 (100 %)	20 (100 %)

Названия оригинальных чувашских спектаклей (см. второй столбец

табл. 2) при переводе на русский язык в меньшей степени подвергаются изменениям. В подавляющем большинстве случаев чувашский и русский названия в полном объеме совпадают (92 %). Надо полагать: так проявляются ограничения, обусловленные тем обстоятельством, что русский язык для переводчиков является вторым, заставляющим их ограничиться простым переводом, ср.:

чув. «Хурлăхлă хурама сасси» Д. Гордеева и Г. Кириллова = рус. «Голос печального вяза»;

чув. «Сансăрах санпа» А. Пртта = рус. «Без тебя с тобой»;

чув. «Куккуклă сехет» М. Карягиной = рус. «Часы с кукушкой»;

чув. «Кĕтÿç» В. Николаева = рус. «Пастух»;

чув. «Мĕн вăл телей?» Н. Терентьева = рус. «Что же такое счастье?» и др.

В редких случаях в переводе названий чувашских спектаклей практикуется подход, который можно назвать смысловым (8 %):

чув. «Икĕ каччăн пĕр шухăш» П. Осипова, букв. «У двух женихов одна мысль» → рус. «Соперники»;

чув. «Вĕçсе иртеçĕ кайăксем» А. Тарасова и О. Тургай, букв. «Пролетают птицы» → рус. «Прощальный круг печальных журавлей».

По сути при таком переводе формируется второе самостоятельное имя, состоящее с оригинальным чувашским онимом не столько в условных связях, сколько развивающее и уточняющее его.

Между тем спектакли, поставленные на основе переводных пьес, уточняют названия в большей степени. Причины, обуславливающие подбор новых имен переводным чувашским спектаклем:

1) неудачное звучание прямого перевода оригинального названия:

рус. «Барышня-крестьянка» А. Пушкина → чув. должно быть «Хресчен майра» → факт. «Чунăм, Лиза-Акулина», букв. «Душа моя, Лиза-Акулина»;

рус. «Баба Шанель» Н. Коляды → чув. должно быть «Шанель кинем» → факт. «Шанель пике», букв. «Госпожа Шанель»;

рус. «Прошлым летом в Чулимске» А. Вампилова → чув. должно быть «Иртнĕ сулла Чулимскра» → факт. «Ытарайми су кунĕ», букв. «Изумительный летний день»;

2) несовпадение речевых традиций мыслевыражения:

рус. «Дон Жуан – жертва страсти безнадежной» А. Пушкина → чув. «Дон Жуан – юрату шанчăкне сұхатнăскер», букв. «Дон Жуан – потерявший надежду в любовь»;

рус. «Счастье горькое» Ю. Николаевой → чув. «Инкеклĕ телей», букв. «Горькое счастье», перестановка слов в названии по русскому образцу меняет смысловые аспекты: *телей инкеклĕ* – счастье должно быть с бедой;

3) восстановление исходного названия:

рус. «Чайка» А. Чехова → «Пилĕк пăтлă юрату» ← «Пять пудов любви» (второе название пьесы);

4) желание избежать одинаково звучащих названий разных постановок:

рус. «Женись, сынок, женись» А. Попова → чув. «Ялта пулман пӓтӓрмах», букв. «Небывалый переполох в деревне»; ср.: «Женитьба Дядюкина» Б. Дрозда → «Авланатӓп эпӓ, авланатӓп», букв. «Женюсь я, женюсь».

Основные причины, предусматривающие трансформацию названий переводных спектаклей, – первая и вторая, наименее востребованная – четвертая. Для того, чтобы она сработала, необходимо иметь в актуальном репертуаре несколько спектаклей с близкой тематикой и названием.

Третья причина сложнообуславливается первой и скорее является исключением.

В итоге названия русских спектаклей подвергаются очувашиванию до такой степени, что связать оригинальное и переводное названия уже между собой не представляется возможным:

рус. «Шутки в глухомани» И. Муренко → чув. «Ай, мӓнтарӓн шӓлтӓманӓ», букв. «О, несчастная метель», лексическое оформление которого типично чувашское;

рус. «Жанна. Дальше будет новый день» Я. Пулиновича → чув. «Вӓйлӓ хӓрарӓм» (букв. «Сильная женщина»), возможны дополнительные ассоциации, например, с известной повестью Д. Кибека «Хитре хӓрарӓм» («Красивая женщина»);

рус. «Очень простая история» М. Ладо → «Айӓпсӓр чун» (букв. «Невинная душа»).

Обычно же оригинальные русские названия переводных чувашских спектаклей с указанием имени автора являются ориентирующими зрителей, ср.:

чув. «Хӓв пурнас килнӓ пек ан пурӓн» = рус. «Не так живи, как хочется» А. Островского;

чув. «Чухӓнлӓх инкек мар» = рус. «Бедность не порок» А. Островского;

чув. «Инкеклӓ шӓпа» = рус. «Горькая судьбина» А. Писемского;

чув. «Чунӓм, Лиза-Акулина» = рус. «Барышня-крестьянка» А. Пушкина.

Выводы. Специфика двуязычного существования чувашских спектаклей создала феномен биполярного именованя постановок: собственно чувашского и русского. Русские названия спектаклей чувашского театра в половине случаев не являются переводами, а представляют собой самостоятельные названия, образно обусловленные. Правда, такого рода онимы бытовым сознанием ошибочно воспринимаются в качестве вольного перевода.

Список использованных источников

1. Андреев П. К. Чӓваш театрӓ, тав сана! – Шупашкар: Чӓваш кӓнеке издательстви, 1980. – 120 с.

2. Романова Ф. А. Театр, любимый народом: очерки истории Чувашского государственного академического драматического театра им. К. В. Иванова (1918–1988). – 2-е издание, переработанное и дополненное. – Чебоксары: Чувашское книжное издательство, 1988. – 261 с.

3. Чувашский государственный академический драматический театр им. К. В. Иванова. – URL : <https://drama21.ru> (дата обращения : 04.12.2022).

УДК 82.09

АЛЕКСЕЙ ВАСИЛЬЕВИЧ КОЛЬЦОВ В АРМЯНСКОЙ ПРЕССЕ

К. С. Ханян,

*кандидат филологических наук, доцент кафедры зарубежной литературы
АГПУ им. Х.Абовяна, Ереван*

Аннотация. Серьезную работу, способствующую расширению и развитию армяно-русских литературных отношений, вели армяноязычные газеты и журналы, печатающие на своих страницах рецензии и переводы отдельных произведений. Заметным явлением, раскрывающее творчество Кольцова для армянского читателя стали исследования литературоведов М. Берберяна «А. В. Кольцов» в журнале «Нор-Дар», статьи известных критиков А. Калантара «В память народного поэта» и П. Закаряна «Алексей Васильевич Кольцов» в газете «Мшак».

Ключевые слова: А. Кольцов, «Мшак», «Нор-дар», М. Берберян, А. Калантар, П. Закарян, критика, армяно-русские литературные отношения.

Summary. A considerable work contributing to the expansion and development of Armenian-Russian literary relations was carried out by Armenian newspapers and magazines, publishing reviews and translations of individual works. A notable phenomenon that reveals the work of Koltsov for the Armenian reader was the study of literary critic M. Berberyan "A. V. Koltsov" in the journal "Nor-Dar", articles by well-known reviewers A. Kalantar "In memory of the people's poet" and P. Zakarian "Alexey Vasilyevich Koltsov" in the newspaper "Mshak".

Keywords: A. Koltsov, "Mshak", "Nor-Dar", M. Berberyan, A. Kalantar, P. Zakaryan, criticism, Armenian-Russian literary relations.

Обращаясь к творчеству А. Кольцова, одному из ярких представителей русской классической поэзии XIX века, вольно или невольно сравниваешь его со звездами армянской классической поэзии Петросом Дуряном и Мисаком Мицаренцем. Как и Кольцов, прожив недолгую жизнь, они оставили такое литературное наследие, благодаря которому стали вечными странниками искусства, школой и советом новому поколению.

В то же время, перечитывая поэзию Кольцова, с гордостью и благодарностью вспоминается откровенный ответ суперзвезды армянской литературы Ов. Туманяна русскому литературоведу, арменоведу

Юрию Веселовскому, где он отмечает, что новая армянская литература образовалась и развивалась под благородным влиянием русской классической литературы, одновременно подчеркивая важность избавления одаренного писателя от сфер влияния, вступления на путь оригинальности.

Наблюдая за процессом развития русской литературы и отзывом по этому поводу армянских писателей и литературоведов, снова и снова убеждаешься в откровенной благодарности Ов. Туманяна и других известных армянских классиков в том, что они своими учителями считают Пушкина, Лермонтова, Гоголя, Л. Толстого, Гончарова, Некрасова, Достоевского и других гигантов. Вдвойне приятно от того, что в ряду русской классической поэзии звучит имя А. Кольцова, о котором с восхищением отзывались Г. Агаян, Ов. Туманян, С. Шах-Азиз, Р. Патканян, Ал. Цатурян, Ал. Ширванзаде и др. Одновременно появляются приятные чувства, когда знакомишься с мнениями представителей армянской критической мысли XIX века, представленные на страницах армянской печати. В этом отношении серьезную работу во благо нации вели «Юсисапайл», «Нор-Дар», «Мшак», «Мурч», «Тараз» и другие газеты, и журналы, печатающие на своих страницах рецензии и переводы отдельных произведений, способствующие расширению и развитию армяно-русских литературных отношений.

Заметным явлением стало раскрывающее творчество Кольцова исследование «А. В. Кольцов», напечатанное в журнале «Нор-Дар» в 1892 году, автором которого является специалист и знаток армянской и русской литературы Минас Берберян. М. Берберян известный литературовед, переводчик, юрист. Начальное образование он получил в Новом Нахичеване, затем в московском Лазаревском институте, закончил юридическое отделение Московского университета. В 1893 г. вместе с Ю. Веселовским М. Берберян издал первую часть сборника «Армянские беллетристы», ряд произведений о русских и армянских классиках. М. Берберян переводил с армянского языка на русский и наоборот, способствовал укреплению литературных связей двух народов.

В начале статьи, посвященной Кольцову, Берберян напоминает читателям, что в 1887 году исполнилось 50 лет со дня смерти Пушкина, в 1891 г. – со дня смерти Лермонтова, а в 1892 г. 50-летие со дня смерти Кольцова. Непосредственно за этой информацией автор указывает: «Русская литература настолько распространена среди российских армян, и создается впечатление, что мало-мальски развитой армянин знаком с произведениями вышеназванных поэтов. Лермонтов занял отдельное место в нашей литературе, его произведения переводились на армянский язык с истоков новой армянской литературы. Переводились также многие произведения великого Пушкина. Однако наша литература молчит о Кольцове, его стихотворения у нас не переводятся. Действительно, стихи Кольцова переводить намного труднее, чем выше названных поэтов. Но мнение о том, что Кольцов непереволим, ошибочно. Стихи Кольцова можно

с успехом переводить, сохраняя и внутренний дух, и внешний стиль, которые чисто народны» [2, с. 1] (перевод с армянского наш – К.Х.).

Берберян считает Кольцова автором русских народных песен и отмечает, что он в этом отношении занимает первое место в русской литературе. «Среди русских поэтов, – пишет автор – до сих пор не было никого, кто с такой теплотой любил русского земледельца, понимал его жизнь, причины его радости и грусти, правильно представлял его мировоззрение... и все это в красивых песнях, через художественные образы, стиль и форма которых тоже народны» [2, с. 1].

После данной оценки автор статьи знакомит читателя с жизнью Кольцова, находя, что для понимания и оценки поэта необходимо в подробности знать данные его биографии. Берберян приводит слова известного французского литературного критика Ипполита Тэна: «Произведения ума имеют своим источником не один только ум, – весь человек способствует их возникновению: его характер, воспитание и жизнь, его прошедшее, настоящее, его страсти и способности, его качество и пороки – все части его души и деятельности оставляют свою печать на том, что он думает и пишет» [4].

Обобщая свои слова о Кольцове, Берберян замечает, что события прошедшей жизни поэта способствовали созданию его песен и их сущности. После данных наблюдений автор с уверенностью отмечает: «Как объяснить, что какой-то “поэт-човдар”, не имеющий даже начального образования, который до конца жизни не мог грамотно писать, внезапно пишет разнообразные философского содержания “размышления” о существовании бога, о природе и т.п.» [2, с. 1].

Берберян, указывая на философское ядро песен Кольцова и его тяжелую жизнь, обобщает: «Жизнь Кольцова очень занимательна и воспитательна как соперничество двух противоположных частей, как образ двух противоречивых идей» [2, с. 1].

Берберян также приводит слова революционного демократа Микаела Налбандяна о значении окружающего человека общества. Опираясь на мнение Налбандяна, он добавляет, что в России XIX века для общества образование, наука, просвещение были на втором плане. Это явление затрудняло образование Кольцова. Но любознательный Кольцов читает все подряд, что попадает под руки. Автор с сожалением добавляет: «Однако здесь между отцом и сыном начинается конфликт, который усиливается и становится невыносимым. Отец, противник книг и образования, заставляет сына идти в поле, покупать и продавать скот, одним словом, заниматься торговлей. Только свободное время он посвящает чтению, и в этом ему помогает его друг Варгин, который дает Кольцову книги из своей библиотеки, а после завещает любимому другу порядка 70-ти разных книг. Кольцов с восхищением погружается в чтение новых книг» [2, с. 2]. Благодаря этим книгам Кольцов увлекается стихами русских классиков, начинает сам пробовать писать.

В своей объемной статье Берберян не только анализирует и оценивает стихотворения Кольцова, но и с умением психолога раскрывает его образ. Он обращает внимание на любовные стихотворения, отмечает влияние любовной лирики Гете, Данте, Байрона, Лермонтова на творчество Кольцова, дает им свою оценку. На любовную лирику Кольцова повлияла его сильная любовь к служанке, которую отец выгоняет из дома. В эти дни утешением для Кольцова становится знакомство с Сребрянским, по словам Белинского «умным и талантливым человеком». Сребрянский вводит Кольцова в местные прогрессивные литературные кружки, клубы и собрания.

В творческой жизни Кольцова, как отмечает Берберян, судьбоносное значение имело также знакомство с Н. Станкевичем. Станкевич помог Кольцову начать печататься, отправляет его в Москву и Петербург для знакомства с литературными кругами. В 1835 году Станкевич публикует состоящую из 18 стихов первую книгу Кольцова «Стихотворения Алексея Кольцова». Она становится единственной книгой, изданной при жизни поэта.

Продолжение своей статьи о жизни и творчестве Кольцова Берберян печатает в 179 номере «Нор-Дара». В качестве эпиграфа к обеим статьям Берберян приводит следующие слова Кольцова: «Я, живя на свете, хорошего не видел, или видел, да немного...», и приводит отрывок из стихотворения «Лес».

Берберян указывает, что с 1836 года, после посещения Москвы и Петербурга, начинается новый этап в жизни Кольцова. В этот период творческой деятельности в Москве он знакомится с Белинским, Бакуниным, в Петербурге с Пушкиным, Жуковским и др. поэтами. В начале безмолвный, лишь только слушая выступающих, он в дальнейшем очень активно участвует в общественно-политических мероприятиях.

«Литературные новички изучали новейшие философские вопросы, спорили, обсуждали, - пишет Берберян, - в эти времена они были увлечены философией Гегеля. Белинский, Бакунин, Тургенев были готовы целыми днями спорить о природе, идеях, инстинктах или о других замысловатых абстрактных вопросах. Вот в каком обществе мы видим теперь Кольцова, кто с трудом понимал эту полемику, кто путал понятия “субъект” и “объект”, кто у себя на родине, Воронеже, даже во сне не мог видеть столь умных людей» [3, с. 1].

Берберян утверждает, что Кольцов был рожден с теми чертами, которые необходимы поэту - ум и способности, чувствительное сердце, широкое мировоззрение, художественный вкус. Благодаря этим божественным способностям Кольцов входит в богатый мир русской классической литературы и находит там свое достойное место.

Армянский критик высоко ценит пафос народных стихотворений Кольцова, говоря: «Врожденный талант и впечатлительные стихи сделали то, что Кольцов в этой сфере стихотворений превосходит как

предшественников, так и последователей» [3, с. 1]. Параллельно с этой высокой оценкой Берберян отмечает, что Кольцов мог соперничать и в других поэтических жанрах стихотворчества, приведя в пример его думы «Молитва», «Могила», показывающие, что Кольцов не только народный певец, но и передовой сочинитель, честный поэт, искусствовед. Берберян стихи Кольцова «Косарь», «Урожай» и др. считает поэтическими сокровищами, где «выражается прозрачность, честность поэта».

Берберян особенно отмечает высокое искусство народных песен Кольцова и привнесенную в них новизну. Он конкретными примерами утверждает, что до Кольцова тоже были создатели народных песен, однако, по причине далекого отношения к народу этих поэтов, они были слабы. Лишь с Кольцова начинается новый вид литературных песен. Берберян считает Кольцова самобытным певцом, кто очарован красотой природы и понимает язык природы, и добавляет: «Из описаний природы он непосредственно переходит к жизни тех людей, кто наиболее близок этой природе. Здесь чувствуется любовь к труженику, крестьянину, земледельцу, и это человеческое чувство обязательно переходит к читателю, и здесь он начинает чувствовать непонятную любовь и сочувствие к изолированному, днем и ночью страдающему народу» [3, с. 1].

Автор не забывает и с восторгом отмечает, что в поэзии Кольцова богато и красиво описываются переживания многострадального крестьянина. «Отдельное место уделяется любви, и “любовные” песни шагают с особым блеском, несут в себе отдельные, более художественно описанные образы – что в форме, что в выявленных чувствах» [3, с. 1]. По этому поводу Берберян указывает на «Хуторок», «Обойми, поцелуй», «Что ты спишь, мужичок» и другие песни, не сходящие с уст народа.

Высоко оценивая народную лирику Кольцова, Берберян одновременно считает непростительным то безразличие, которое было по отношению к литературному наследию поэта. Согласно мнению армянского критика, Кольцов оставил в богатой сокровищнице русской поэзии такие работы, которые будут окрылять будущие поколения.

В армянской действительности стихи Кольцова воспринимались как красочные общечеловеческие произведения, и не упускались случаи обращения к жизни поэта и его песням.

Так, в 1909 году в 216 номере газеты «Мшак» выходят статьи известных критиков А. Калантара «В память народного поэта» и П. Закаряна «Алексей Васильевич Кольцов», посвященные 100-летию со дня рождения поэта.

Эпиграфом к статье Закаряна приведены строки великого поэта – «Моя юность цвела под туманом густым». Автор с гордостью отмечает, что 2 сентября 1909 года вся образованная Россия празднует 100-летие Кольцова, поэта, кто своими стихами навсегда вошел в сокровищницу русской классической поэзии. Закарян пишет: «Песни Кольцова более 60-ти лет учат наизусть в школах, и не будет лишним в нашей памяти вспомнить

биографию поэта, его характеристику» [1, с. 1].

После кратких биографических сведений автор статьи с болью и удивлением констатирует тот факт, что народным поэтам судьбой предначертано выпивать полную чашу горя. Среди них англичанин Бернс, малорос Шевченко, француз Беранже, русский Кольцов. Далее автор конкретизирует: «Все значение Кольцова находится в 2-3-х десятках оставленных “Думах”, где незатейливые художественные отображения, изображения жизни народа-земледельца и родных степей возвели имя поэта в классику» [1, с. 1].

Автор статьи замечает, что Кольцов имеет свое влияние на армянскую литературу, особенно на поэзию молодого Гамара Катипы (псевдоним Рафаэла Патканяна – К.Х.).

Отношение А. Калантара к поэзии Кольцова как бы обобщает восторженное мнение армянского читателя к его народной лирике.

Не случайно наблюдение автора, что «словами Кольцова говорит сам народ». И благодаря этому стихи поэта непосредственно стали собственностью народа, распространились среди народных масс и вошли в сокровищницу лучших народных произведений. «Стихотворения Кольцова, – пишет Калантар, – также повлияли и на армянских поэтов. И у Патканяна, и в “плужных песнях” других поэтов слышны песни Кольцова как прототип» [1, с. 1].

В положительных оценках «Мшака», «Нор-Дара» мы видим теплое отношение армянского читателя к поэзии Кольцова, его лирике, которая стала также и собственностью армянского народа.

Список использованных источников

1. Мшак. Тифлис, 1909. № 216 (на арм. языке).
2. Нор-Дар. Тифлис, 1892. № 176 (на арм. языке).
3. Нор-Дар. Тифлис, 1892. № 179 (на арм. языке).
4. Тэн Ипполит. Этюд о Бальзаке: Пер. с французского. СПб.: Издание Я. Бермана, 1894 // Нор-Дар. Тифлис, 1892. № 176.

УДК 811.112.2

ПО СЛЕДАМ ПЕРЕВОДОВ ПРОИЗВЕДЕНИЙ Э. КАНЕТТИ НА РУССКИЙ ЯЗЫК

Е. М. Шастина,

*доктор филологических наук, профессор кафедры немецкой филологии,
Елабужский институт (филиал) Казанского (Приволжского)
федерального университета, Елабуга*

Аннотация. Исследуются особенности художественного перевода как разновидности интеллектуальной деятельности, требующей от переводчика уровня сотворчества для достижения адекватности эстетического воздействия оригинала и перевода. Представлен краткий обзор существующих переводов произведений Элиаса Канетти на русский

язык. Проведен сопоставительный анализ литературных текстов австрийского писателя Канетти и вариантов их перевода на русский язык. Особое внимание уделено трудностям перевода названий литературных произведений. Выявлены межъязыковые отличия немецкого и русского языков на основе использования переводческих трансформаций смешанного типа для достижения соответствия – содержательного и стилистического. Доказано, что информационный запас/фоновые знания переводчика о переводимом авторе, об идейно-тематической направленности оригинала способствуют достижению высокой степени адекватности эстетического воздействия художественного перевода на читателя.

Ключевые слова: художественный перевод, Элиас Канетти, переводческие трансформации, адекватность.

Summary. Features of literary translation as a kind of intellectual activity that requires the level of co-creativity of the translator to achieve the adequacy of the aesthetic impact of the original and translation are studied. The article provides a brief overview of existing translations of Canetti's works into Russian. A comparative analysis of the literary texts by the Austrian writer Elias Canetti and options for their translation into Russian has been carried out. Particular attention is paid to the difficulties of translating the titles of literary works. Cross-lingual differences between the German and Russian languages are revealed on the basis of translational transformations of a mixed type to achieve correspondence both content and stylistic. It has been proved that the translator's information volume and background knowledge about the translated author and the conceptual and thematic orientation of the original contributes to the achievement of a high degree adequacy of the aesthetic impact of literary translation on the reader.

Key words: literary translation, Elias Canetti, translation transformations, adequacy.

Знакомство российского читателя с творчеством австрийского писателя Элиаса Канетти (1905–1994) осуществлялось поэтапно. В 1981 году Канетти был удостоен Нобелевской премии по литературе, семью годами позже, в 1988 году, в издательстве «Художественная литература» вышел на русском языке его роман «Ослепление» («Die Blendung») в переводе С. Апта [2]. Роман был написан в тридцатые годы XX века (1931–1932 гг.), ранние его публикации на немецком языке (1935 и 1948 гг.) не вызвали должного отклика у читателей, и лишь в 1963 году роман стал заметным событием в немецкоязычном литературном пространстве. Интересный факт, что до этого, в 1946 году, роман был опубликован в Англии под названием «Аутодафе» (Auto-da-Fe), годом позже в Америке – под названием «Вавилонская башня» (The Tower of Babel) (в обоих случаях в переводе С. V. Wedgwood).

В 1990 году в издательстве «Прогресс» появилась книга «Элиас Канетти. Человек нашего столетия» [3], которая фактически открыла этого самобытного художника для отечественного читателя. Книга с

предисловием Н. С. Павловой включает в себя ряд эссе Канетти о литературе, а также фрагменты практически всех наиболее значимых, прижизненных произведений автора – от автобиографической трилогии, заметок до *magnum opus* – философского исследования «Масса и власть». В работе над книгой приняли участие ведущие переводчики и литературоведы, знатоки немецкоязычной литературы – С. Власов, В. Седельник, Г. Туралина, С. Шлапоберская, М. Харитонов.

У книги «Масса и власть» на русском языке также интересная судьба, в 1990 году отдельные главы этой книги были переведены на русский язык М. Харитоновым [3, С. 392–444], но лишь в 1997 году книга вышла целиком в переводе Л. Ионина, при жизни Канетти был против её перевода на русский язык, считая появление книги в России «преждевременным», по крайней мере до тех пор, пока в стране не наступит политическая, социальная и экономическая стабилизация [4, с. 17].

В последние годы в издательстве «Отто Райхль» вышли две книги автобиографической трилогии Канетти в переводе А. Карельского [6; 7]. Ранее отдельные главы этой трилогии, включая также третью книгу – «Перемигивание. История жизни» («Das Augenspiel. Lebensgeschichte 1931–1937») [11], входили в книгу «Человек нашего столетия» в переводе Г. Туралиной, В. Седельника, М. Харитонova [3, с. 141–224], отдельные главы «Перемигивания» в переводе А. Белобратова можно прочитать в журнале «Звезда» за 2020 год [5].

Априори, что произведения Канетти представляют определенные сложности для переводчика, нередко это прослеживается уже на уровне заглавия. Не всегда переводчик имеет возможность использовать простую подстановку, как, например, при переводе названий романа «Die Blendung» – «Ослепление»; автобиографии «Die gerettete Zunge» – «Спасенный язык»; философского исследования «Die Masse und Macht» – «Масса и власть»; драм «Hochzeit» – «Свадьба», «Komödie der Eitelkeit» – «Комедия тщеславия»; сборников заметок «Die Stimmen von Marrakesch» – «Голоса Марракеша», «Die Provinz des Menschen 2» – «Провинция человека», «Das Geheimherz der Uhr» – «Тайное сердце часов» и др., когда каждому слову оригинала находится пословное соответствие. В отдельных случаях переводчик прибегает к альтернативной подстановке, находит узуальное соответствие в русском языке, например, вышедшая уже после смерти автора автобиографическая книга об английском периоде жизни «Party im Blitz» – «Вечеринка в грозу» и др.

Трудности возникают в том случае, когда на первый план, помимо семантической нагрузки, выходят образность и эмоционально-экспрессивная информация, например, книга литературных миниатюр «Der Ohrenzeuge. Fünfzig Charaktere» [12]. При переводе данного названия использована переводческая трансформация смешанного типа, а именно, семантико-стилистическая трансформация – «Недреманное ухо. 50 характеров» [3, с. 225] (перевод С. Власова), дословный перевод

лексической единицы «Ohrenzeuge» – «свидетель, слышавший что-либо собственными ушами (лично)» [1, с. 169]. В русском языке существует устойчивое выражение «недреманное око», означающее постоянный, неусыпный надзор кого-либо над кем-либо или чем-либо. «Главный» персонаж из пятидесяти представленных автором на обозрение характеров эпохи, «Недреманное ухо» – своеобразный прототип Канетти, для которого акустическое всегда было важнее визуального. Переводчик предлагает окказиональное выражение, чтобы подчеркнуть важную составляющую образа автора – создателя теории «акустической маски», чье «ухо не дремлет». Данное произведение Канетти может быть также использовано в качестве иллюстрации того, насколько сложно поддаются переводу литературные антропонимы, способствующие усложнению смысловой многомерности художественного текста при создании словесного образа с обогащенной контекстной семантикой [9]. Книга состоит из пятидесяти небольших по объему глав, каждая из которых уже в названии представляет отдельный характер. Естественно, что переводчик учитывает, наряду с лексическим, также грамматический аспект, в частности, гендерная принадлежность антропонимов задана определенным артиклем, который в немецком языке является показателем рода имени существительного, например, Слепой (Der Blinde), Маэстро (Der Maestro) и др. В отдельных случаях эквивалентность достигается при помощи калькирования, например, Бумажный Пьяница (Der Papiersäufer) Возгласительница Королей (Die Königskünderin), при этом учитывается, что сложные слова, образованные способом словосложения, традиционно передаются на русский язык словосочетаниями с сочинительной или подчинительной связью. Обращают внимания «вольности» переводчика, когда для достижения эстетического воздействия художественного текста, нарушается степень соответствия отдельных грамматических явлений, например, Придуманная (Die Erfundene) причастие II от глагола erfinden – erfunden путем субстантивации переходит в разряд имени существительного, однако сохраняет глагольные категории в видовом отношении, причастие II имеет значение совершенного вида прошедшего времени. В следующем примере Искушаемая (Die Versuchte) переведено причастием несовершенного вида настоящего времени. Можно предположить, что переводческое решение продиктовано стремлением показать активность характера, поскольку этот характер подвергает окружающих искушению.

Однако, в большей степени, переводчик работает со значением слова и содержанием текста, например, Переносчик (Der Hinterbringer), дословный перевод слова Hinterbringer – разглашатель чужих тайн, сплетник, доносчик [1, С. 634], в данном контексте это тот, кто стремится донести обидное слово до каждого, «он не в силах держать при себе что-либо, что может кого-то обидеть» [3, с. 227]. Хрустальные Уста (Die Silbenreine), Поспешно-Словечко (Der Wortfrühe), Скопидомки (Die

Habundgut) и др. – примеры удачного переводческого решения, при котором учитывается идиостиль Канетти, поскольку жанр литературной миниатюры требует от автора, а также от переводчика предельной краткости, афористичности мышления, естественно, не в ущерб содержанию.

Продолжим разговор о переводе названий. Существуют варианты перевода автобиографических книг Канетти: „Die gerettete Zunge. Geschichte einer Jugend“ [10] – «Спасенный язык. История одной юности» (пер. Г. Туралиной, традиционно в справочной литературе о Канетти фигурирует именно это название). А. Карельский перевел заглавие как «Спасенный язык. История одного детства» (пер. А. Карельского) [7]. В книге рассказывается о шестнадцати годах жизни протагониста (1905–1921), фактически с момента рождения до его совершеннолетия, время, включающее в себя и детство, и юность. Если учесть, что основное значение слова Jugend, согласно Большому немецко-русскому словарю под редакцией О. И. Москальской: 1. молодость, юность; 2. молодежь, юношество; 3. *диал.* младенец, новорожденный [1, с. 684], то можно предположить, что переводчики по-разному выделяют периоды жизни героя, подчеркивая тем самым их значимость.

Название второй книги автобиографической трилогии «Die Fackel im Ohr. Lebensgeschichte 1921–1931» [13] также имеет два перевода: «Факел в ухе. История жизни 1921–1931» (пер. В. Седельника) [3] и «С факелом в голове. История жизни 1921–1931» (пер. А. Карельского) [6]. Налицо две интерпретации произведения Канетти. Общеизвестный факт, что Канетти в венский период с 1926–1928 года находился под влиянием Карла Крауса, писателя-сатирика, великолепного оратора, редактора влиятельнейшего в то время журнала «Факел», по признанию Канетти, именно Краус научил его слышать («Die Schule des Hörens») [13, с. 201–209]. Можно предположить, что в переводе В. Седельника слово «факел» имеет двойную коннотацию, указание на важность акустического канала восприятия, а также на журнал с одноименным названием, поклонником которого Канетти являлся в то время. В переводе А. Карельского речь скорее идет о том, что именно в венский период жизни у Канетти возникла идея его будущего романа, которая, подобно факелу, «горела» в его воображении, идея написать роман, отображающий «мир в состоянии распада», стала своеобразной идеей-фикс, «факелом в голове»: «Целый год я был в его власти. <...> С этой книги началось мое прозрение и познание мною мира» [6, с. 369]. Примечательно, что А. Карельский главу под названием «Die Schule des Hörens» переводит по-разному: «Наука слушать» [6, с. 163] и «Искусство слушать» [6, с. 220].

Естественно, что примеров, иллюстрирующих творческий подход переводчика к текстам Канетти, значительно больше. Приведенный в данной статье сопоставительный анализ оригинала и перевода, выполненный разными переводчиками, не претендует на полноту охвата проблемы, нуждающейся в дальнейшем исследовании. Напрашивается вывод относительно «вовлеченности» переводчика в «творческую

мастерскую художника». Критерии оценки художественного перевода вряд ли могут претендовать на объективность, поскольку не могут быть представлены в категориях «удачный», «хороший» – «неудачный», «плохой», поскольку не отражают «существа той значимой цели, которую ставил перед собой переводчик» [8, с. 22]. Очевидно, что погруженность в «контекст личности» автора позволяет расширить диапазон возможностей переводчика для достижения поставленной цели, и, следовательно, для реализации более высокой степени адекватности эстетического воздействия на читателя.

Список использованных источников

1. БНРС – Большой немецко-русский словарь: В 2-х т./ Сост. Е. И. Лепинг, Н. П. Страхова, Н. И. Филичева и др.; Под рук. О. И. Москальской. – М.: Рус.яз, 1980. – Т.1. – 760 с; Т.2. – 656 с.
2. Канетти Э. Слепление: Роман. Пер. с нем. С. Апта; Редкол.: Т. Балашова, Д. Затонский, С. Никольский и др.; Предисл. Д. Затонского. – М.: Художественная литература, 1988. – 496 с.
3. Канетти Э. Человек нашего столетия. Пер. с нем. / Сост. и авт. предисл. Н. С. Павлова; Коммент. Р. Г. Каралашвили. – М.: Прогресс, 1990. – 474 с.
4. Канетти Э. Масса и власть. Пер. с нем. Л. Г. Ионина. – М.: Астрель, 2012. – 574 с.
5. Канетти Э. Из книги: «Перемигивание: История жизни: 1931–1937»: Пер. А. В. Белобратова [Электронный ресурс] // Звезда. – №11. – 2020. – // URL: <https://magazines.gorky.media/zvezda/2020/11/iz-knigi-peremigivanie-istoriya-zhizni-1931-1937.html>
6. Канетти Э. С факелом в голове. История жизни: Пер. с нем. А. Карельского. – М.: Отто Райхль, 2020. – 372 с.
7. Канетти Э. Спасенный язык. История одного детства: Пер. с нем. А. Карельского. – М.: Отто Райхль, 2021. – 354 с.
8. Солодуб Ю. П. Теория и практика художественного перевода: Учебное пособие для студ. лингв. фак. высш. учеб. заведений. – М.: Издательский центр «Академия», 2005. – 304 с.
9. Шастина Е. М. Функционирование литературных антропонимов в произведениях Э. Канетти и К. Хоффера // Научный диалог. – 2020. – № 1. – С. 257–269.
10. Canetti E. Die gerettete Zunge. Geschichte einer Jugend. Frankfurt am Main: Fischer Taschenbuch Verlag, 1994. – 333 S.
11. Canetti E. Das Augenspiel. Lebensgeschichte: 1931–1937. Frankfurt am Main: Fischer Taschenbuch Verlag, 1994. – 306 S.
12. Canetti E. Der Ohrenzeuge. Fünfzig Charaktere. Frankfurt am Main: Fischer Taschenbuch Verlag, 1995. – 99 S.
13. Canetti E. Die Fackel im Ohr. Lebensgeschichte: 1921–1931. Frankfurt am Main: Fischer Taschenbuch Verlag, 1996. – 348 S.

УДК 81`374: 81`373.6

**ПОЭТИЧЕСКИЕ СРЕДСТВА ВЫРАЖЕНИЯ, ВОССОЗДАЮЩИЕ
ОБРАЗ УРСУЛИ ЕЕ ОТЦОМ ЯНОМ КОХАНОВСКИМ И В
СТИХОТВОРНОЙ СТРОКЕ БОЛЕСЛАВА ЛЕСЬМЯНА*****В. Шетэля,****кандидат филологических наук, доцент, доцент Дирекции
образовательных программ Московского городского педагогического
университета, Москва*

Аннотация. В статье предпринята попытка проанализировать новый лексико-фразеологический материал стихотворных строк тренов № VIII и X польского поэта XVI века Яна Кохановского, воссоздающий образ своей покойной дочери Урсули. Поэт, творивший в период рассвета польского Возрождения (Ренессанса) на родном (польском) языке, а не на латыни, создает новый польский поэтический язык способный в стихотворной форме выразить чувство боли об утрате. В статье делается попытка сопоставить эти выражения с аналогичными в переводе на русский язык. Автор статьи счел нужным привлечь стихотворение Б. Лесьмяна «Урсуля Кохановская» в подлинной языковой версии и в русском переводе, в котором от лица Урсули дан «ответ» отцу о ее прибывании в загробном мире.

Ключевые слова: авторская новация, польский поэтический язык, средство поэтического выражения, стихотворное произведение, текст перевода, трансформация, трены

Summary. The article attempts to analyze the new lexical and phraseological material of the poetic lines of trens No. VIII and X of the 16th century by the Polish poet Jan Kochanowski, who recreates the image of his late daughter Ursula. The poet who wrote in his native (Polish) language, not in Latin, during the dawn of the Polish Renaissance, creates a new Polish poetic language capable of expressing the feeling of pain about loss in poetic form. The article attempts to compare these expressions with similar ones in the text of the translation into Russian. The author of the article considers it necessary to draw readers' attention on B. Leśmian's poem «Ursula Kochanowska» in the original and in the Russian translation in which Ursula's «answer» about her stay in the afterlife is given.

Key words: author's innovation, the Polish poetic language, means of poetic expression, poetic work, translation text, transformation, trens

Ян Кохановский (Jan Kochanowski, 1530 –1584) – выдающийся поэт польского Возрождения (Ренессанса), равный которому появился в польской литературе несколько столетии позже и имя его – Адам Мицкевич (1798 – 1855).

Ян Кохановский или иначе пан Ян из Чарноляса (Pan Jan z Czarnolasu) первоначально создает свои произведения только на официальном языке Польши – латинском языке, а затем предпринимает успешную попытку создания произведении различных жанров на родном (польском) языке.

Высоко оценен обществом его перевод из латинского языка на польский «Давыдов Псалтырь» («*Psalterz Dawidów*»), а также создание ряда драматических произведений, песен, фразшек и тренов.

По сути, Ян Кохановский своей литературной деятельностью поднял статус родного языка до уровня польского литературного языка, языка поэзии, языка богослужения и молитв.

Среди литературных жанров, созданных Кохановским можно отметить **трены** (польск. *treny* – рус. «плачи») – цикл из 19 стихотворений-плачей, посвященных умершей в 1579 г. дочери Урсуле (Уршуле) и умершей несколько лет позже Ханне. Трены были изданы в 1580 году.

Трен № VIII польского выдающегося поэта эпохи Ренессанс Яна Кохановского входит в школьную программу по отечественной литературе.

14-гистрочный трен № VIII анализируют и учат наизусть в школах Польши [3, с.66]. Трен № X насчитывает 18 строк [3, с. 68].

Перевод Д. Самойлова на русский язык трена № VIII также насчитывает 14 строк [1, с. 153], а перевод Л. Мартынова трена № X строк 18 [1, с. 156].

Выдающийся поэт, ближе нашего времени, Болеслав Лесьмян (*Bolesław Leśmian*, 1877 – 1937) по данной теме тренов Я. Кохановского пишет, изданное в 1936 г., 24-тирострочное стихотворение «Урсула Кохановская», которое является «ответом» от первого лица (от Урсули) своему отцу Яну [6, с.315–316]. Перевод М. Живова стихотворения Б. Лесьмяна насчитывает столько же 24 строк [2, с. 201 – 202].

Отметим, что для создания тренов Кохановского и стихотворения Лесьмяна были употреблены каждым из авторов, в каждой из эпох новые средства выражения. Новые полные новаторских решения единицы у Кохановского базируются на польском языке XVI века. Авторские средства поэтического выражения Б. Лесьмяна создавались в XX веке, т.е. на языке XX века, но возможно, что поэт во многом подражал в создании подобных поэтических средств из наследия Кохановского. По своей народной форме польская речь XVI в. вполне понятна носителю польского языка века XX и XXI.

Но здесь важно отделить то, что являлось собственностью общенародной польской речи XVI – XXI веков, в «чистом» виде, без авторского «вмешательства», от того, что действительно являлось авторской новацией каждого из авторов для своего времени. Допускаем, что словообразовательные образцы Б. Лесьмян заимствовал у Я. Кохановского – учился у него.

Интересно проследить как эти поэтические авторские средства выражения Я. Кохановского и Б. Лесьмяна отразились в переводах их произведений на русский язык.

В трене № VIII пан Ян обращается к своей 7-летней дочке и говорит о большой пустоте в доме после ее смерти. Нехватка этой маленькой души создала пустоту в многолюдном доме. Здесь нас много, а как будто никого

нет. Ты со всеми разговаривала, всем пела. Побывала в каждом из уголков дом. Не позволяла беспокоиться матери. Своим смехом и лаской снимала головные проблемы у отца. Сейчас пусто. Нет игрушек. Из каждого угла веет грустью. Сердце высматривает ребенка и все надеется.

Первая строка трена № VIII начинается со слов, которые знакомы и стали чуть ли не крылатыми для целых поколений поляков.

«Wielkieś mi uczyniła pustki w domu moim, Moja droga Orszulo, tym zniknieniem swoim!» [3, с. 66].

Если эти строки «перевести» на современный польский язык, то в нашем понимании, они звучали бы следующим образом: «Wielkie tyś mi sprawiła pustki w moim domu, moja droga Orszulo, tym swoim zniknięciem» или проще: «Napełniłaś smutkiem nasz dom i moją duszę swoim zniknięciem» (переводы наши. – В.Ш.).

Как видим, здесь изменения незначительны, см.: в подлиннике: *wielkieś mi uczyniła* – совр. польские: *wielkie tyś mi sprawiła* – в переводе Самойлова: «Как ужасно мой дом ты опустошила» [1, с.153]. Отметим употребление имени в звательном падеже, обращение: *Orszulo*, совр. *Orszulo*, а в переводе Самойлова: *Оршуля* (звательная форма отсутствует, но это все же обращение).

Другие выражения Кохановского: *Jedną maluczką duszą* – совр. *jedną malutką duszą* – Самойлов: «Когда душеньки малой одной недоставало» [1, с. 153]; *za wszystkie mówiła, za wszystkich śpiewała* – совр. *za wszystkich mówiłaś, za wszystkich śpiewała* – Самойлов: «Ты болтала и пела за всех» [1, с. 153] и другие.

В переводе на русский язык не обошлось без определенной трансформации строк, которая видна в исполнении первой строки: «Как ужасно мой дом ты опустошила, Оршуля, когда нас покинуть решила» [1, с. 153].

Как пример трансформации приводим строку 7 и 8 в подлиннике и переводе: «Nie dopuściłaś nigdy matce sie frasować Ani ojcu myśleniem zbytym głowy psować» [3, с. 66] и «Ты и матери грусть утешить сумеешь, И отцовские думы, бывало развеешь» [1, с. 153]. Таким образом, речь XVI века (*sie frasować, głowy psować*) переводится на современный русский язык XX века. Здесь в этом высоко художественном переводе, признаем, до читателя донесены образы и чувства, которые одолевают Автором.

Ряд вопросов, задаваемых отцом своей усопшей дочурке в трене-плаче № X оформлены следующим образом: «Orszulo moja wdzięczna, gdzieś mi się podziła? W którą stronę, w którąś sie krainę udała?» [3, s. 68] и перевод: «Оршуля, милая, поведай мне – куда ты, В какую невидаль скрылась без возврата» [1, с. 156].

«Итоговый» вопрос и просьба: «Pociesz mię, jako możesz, a staw sie przede mną Lubo snem, lubo cieniem, lub marą nিক্ৰেমনা» [3, s.68] и «Будь ласкова, явись, [...] Но все-таки приди хотя б как сновидение, хотя бы призраком, хотя бы только тенью» [1, с. 156].

Отметим прилагательное *wdzięczna* в совр. польском в знач. «благодарная», а здесь в знач. «милая»; *teskliwie* – совр. *teśkliwy*; *maranickiemna* – «незначительный, незаметный призрак» и др.

Время Яна Кохановского – время Возрождения, было эпохой поисков новых выражений и форм для осуществления поэтических замыслов. До него были стихотворные произведения, созданные на польском языке. Вспомним хотя бы гимн «*Bogurodzica*», которого истоки следует искать в старославянском языке и древнегреческом Θεοτόκος [5, с. 27]. Вспомним Николая Рея, которого одно из стихотворений было посвящено Кохановскому.

Определенный опыт в стихосложении Кохановский приобрел, работая над переводом из латинского на польский язык «Давыдов Псалтыря».

В 1840 г. творчество Яна Кохановского было высоко оценено в лекциях по славянской литературе в Collège de France в Париже Адамом Мицкевичем. Кстати, некоторые свои лекции А. Мицкевич посвятил творчеству А. С. Пушкина.

Определенные литературные традиции Я. Кохановского, А. Мицкевича, осуществлялись Б. Лесьмяном.

Возвращаясь к тренам – ответ от имени Урсулы на обращение отца (Яна Кохановского к дочери) в тренах VIII, X был дан столетиями позже Б. Лесьмяном.

В стихе Б. Лесьмяна «Урсула Кохановская» Урсула говорит: «*Gdy po śmierci w niebiosów przybyłam pustkowie, Bóg długo patrzył na mnie i głaskał po głowie*» [6, с. 315 – 316] и ее слова переданы переводчиком М. Живовым: «Когда после смерти взнеслась я к небесным пределам, Подозвал меня Бог и долго в глаза мне глядел он» [6, с. 201]. Наш возможный перевода на русский язык: «Когда после смерти попала в пустоту неба, Бог долго смотрел на меня и гладил по голове». Но все же смыслы Живовым переданы.

Урсула просит, чтобы опять быть дома. Все сотворил устроил Он и Урсула ждет родных. «... *słuchać kroki i do drzwi pukanie ... Więc zrywam się i biegnę! Wiatr po niebie dzwoni! Serce w w piersi zamiera ... Nie! ... To – Bóg, nie oni!...*» [6, с. 316]. Урсула испытывает разочарование, которое переводчиком Живовым передано следующим образом: «Когда я шаги услышала и в дверь постучались. Я в страхе бегу. Ветра гул сотрясает чертоги. Но нет ... Не они ... Это Бог меня ждет на пороге» [6, с. 202].

Возможно, что в прошлом уже была предпринята попытка сопоставить данные тексты произведения Яна Кохановского и Болеслава Лесьмяна. Мы предприняли сделать это еще раз, но в сопоставлении этих поэтических текстов с переводами их на русский язык. Безусловно, каждый из авторов использовал новые, не встречаемые раньше в польском языке, поэтические средства выражения. На сколько эти выражения возможно было перевести на русский язык – вот основной вопрос, который ставился нами и был показан на отдельных примерах.

Список использованных источников

1. Кохановский Я. Стихотворения. / Пер. с польск. и латин. – М.: Худож. лит., 1980. – 191 с.
2. Лесьмян Б. Безлюдная баллад, или Слова для песни без слов: поэзия, театр, проза / Пер. с польск.; ред.-сост. А. Базилевский. – М.: Вахазар: РИПОЛ классик; Пултуск: Высшая гуманитарная школа, 2006. – 791 с.
3. Kochanowski J. Dzieła polskie. – Warszawa: Państwowy Instytut Wydawniczy, 1953. – Т. III.
4. Matuszewski R. Literatura współczesna // Warszawa: Państwowe Zakłady Wydawnictw Szkolnych, 1968. – S. 58 – 69.
5. Miłosz Cz. Historia literatury polskiej do roku 1939. Przełożyła na język polski M. Tarnowska. Kraków: Wydawnictwo Znak, 1996. – 526 s.
6. Poezja polska od średniowiecza do współczesności // Wybór: Anna Rajca, Jerzy Polanicki. Warszawa: SARA, 2001. – S. 306 – 318.

УДК 81'25

ВЕРОЯТНЫЕ ИСТОКИ УРОВНЕЙ ЭКВИВАЛЕНТНОСТИ**В. Н. КОМИССАРОВА***Д. Н. Шлепнев,*

*доцент кафедры теории и практики французского языка и перевода,
Высшая школа перевода, Нижегородский государственный
лингвистический университет им. Н. А. Добролюбова*

Аннотация. Настоящая статья посвящена установлению прямых предшественников и истоков чрезвычайно влиятельной в советском и постсоветском переводоведении модели уровней эквивалентности, разработанной В. Н. Комиссаровым.

Ключевые слова: уровни эквивалентности, теория перевода, история перевода, история переводоведения, история идей.

Summary. The paper aims to identify the direct origins and predecessors of Vilen Komissarov's 'levels of equivalence', a well-known and very influential translation model in Soviet and post-Soviet Translation Studies.

Key words: levels of equivalence, translation theory, Translation Studies, history of translation, history of Translation Studies, history of ideas.

Известность и влиятельность в отечественном переводоведении модели уровней эквивалентности В. Н. Комиссарова (как и иных его теоретических построений) неоспоримы. Но каковы ее непосредственные истоки? Задача настоящей статьи – попытаться их обнаружить. Конкретных комментариев на этот счет у самого В. Н. Комиссарова нет, что приведет к необходимости произвести своего рода мини-расследование, выводы которого были бы обоснованными и логичными. Может быть, на взгляд шовинистически (в широком смысле) настроенных защитников любого кумира, кем бы он ни был, подобные изыскания подрывают

«революционность» и авторитет предмета анализа. В действительности же они позволяют нам увидеть и оценить научную преемственность и вообще эволюцию научных идей, увидеть их более адекватную, целостную картину. А авторитет – когда он есть и заслужен – от этого не страдает.

Из соображений экономии модель В. Н. Комиссарова здесь не приводится: она всем известна. Напомню лишь, что «Слово о переводе», где она представлена, появилось в 1973 г [6]. Впоследствии [7; 8; 10] автор, видимо, в стремлении к ясности и логичности, менял наименования некоторых уровней, но само содержание их оставалось неизменным.

Здесь не будет производиться критический анализ ни этой модели, ни иных, не будут выноситься оценочные суждения о сравнительных достоинствах и недостатках того или иного построения и о том, кто из авторов «правее»: это совершенно другой вопрос.

Можно было бы, конечно, сказать, что источником идей и вдохновения послужили все проанализированные в «Слове...» предшествующие модели и концепции [6, с. 30–74]. Но подобный – в духе «влияти все» – уровень обобщения а) бесполезен, б) малоинтересен и в) вряд ли во всём верен. Ключевой эпитет к истокам – «непосредственные», т.е. способные оказать прямое влияние на конструкцию или непосредственно послужить триггером. Так, вынесены за скобки первопроходцы, увидевшие в переводе акт коммуникации (что приводит к мысли об интенциях-функциях-эффектах). Не включена в список и гипотеза К. Черри об иерархии семиотических уровней, высказанная вне переводческих штудий и интересов (другое дело, что некоторые переводоведы стали на нее опираться, что мы увидим ниже).

Результаты состоят из трех пунктов. Для целей изложения материал представлен в обратном хронологическом порядке.

1. А. Нойберт и три семиотических уровня эквивалентности

По-видимому, именно А. Нойберт первым выдвинул в докладе 1967 г. и соответствующей публикации [16] гипотезу трех иерархически устроенных *семиотических* уровней эквивалентности, где прагматическая эквивалентность подчиняет себе семантическую, а та – синтаксическую.

Семантический уровень здесь не разветвляется, как нет соответствия и самому низкому уровню В. Н. Комиссарова. Итак, в замечании А. Нойберта можно было усмотреть потенциал развития, совершенствования и доработки.

Стоит отметить, что разбираемая Н. К. Гарбовским [5, с. 295–297] работа Г. Егера [1, с. 137-156] (тогдашнего коллеги А. Нойберта) к числу «первоисточников» не относится: ее оригинал вышел позднее «Слова о переводе». Более того, Г. Егер, строго говоря, отнюдь не строит эксплицитно модель уровней, и Н. К. Гарбовский справедливо отмечает, что таковая именно «выводится» из его рассуждений [5, с. 297].

Хотя работа А. Нойберта не представлена в библиографии к «Слову о переводе», знакомство с ней В. Н. Комиссарова весьма вероятно. Он

цитирует иные труды немецкого ученого; однако этот доклад включен в список литературы к опубликованному в том же 1973 году учебнику его близкого коллеги А. Д. Швейцера [11, с. 279] (уровни эквивалентности, впрочем, в тексте учебника не упоминаются).

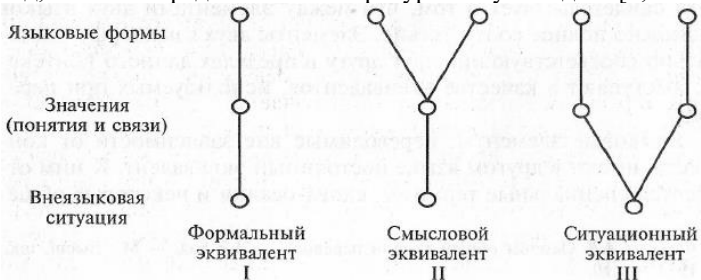
Любопытно, что сам А. Нойберт не стал развивать свою гипотезу. В дальнейшем этот пионер прагматики перевода разрабатывал концепцию коммуникативной эквивалентности на уровне текста – и именно текста [17, с. 142-146]. Действительно, анализ подобных уровней эквивалентности возможен лишь этажом (или несколькими) ниже – при работе с высказыванием, что мы и видим у В. Н. Комиссарова (и не только у него).

Не менее любопытно и то, что заявление А. Нойберта не особенно было замечено и другими, в частности западными учеными. Я обнаружил два эксплицитных (и доброжелательных) упоминания: в работах С. Басснет и Ю. Хаус [12, с. 35; 15, с. 6]. Более того, не владея немецким, именно из этих двух работ я о гипотезе А. Нойберта и узнал. В книге П. Фосетта, посвященной лингвистическим теориям, где, кстати, достаточно подробно освещена модель В. Н. Комиссарова (и на скорую руку, причем с ошибкой в истолковании, В. Г. Гака), А. Нойберт не упоминается, а авторство идеи о трех семиотических уровнях эквивалентности приписано ван ден Бруку, причем в более позднем (1978 г.) по дате публикации труде [13, с. 60].

2. В. Г. Гак и его трехуровневая ситуативная модель

В 1962 г. – за 11 лет до «Слова о переводе» – появился «Курс перевода» В. Г. Гака и Ю. И. Львин [3]. Второе издание вышло в 1970 г., т.е. за три года до «Слова» [4]. В 1980 г. последовало третье, а с 1997 г. учебник издается с иным соавтором и новым текстовым материалом.

В этом учебнике, так хорошо знакомом всем, кто изучал французский перевод, В. Г. Гак представил свою трехуровневую модель [4, с. 10]:

Языковые формы: одна и та же предметная ситуация описывается теми же понятиями в аналогичной языковой форме.

Понятия и связи: та же ситуация описывается в иной языковой форме, но в целом тем же способом – с сохранением тех же элементарных значений (понятий и логических связей между ними).

Ситуация: та же ситуация описывается по-иному. Это главный и минимально необходимый уровень, подчиняющий себе два прочих.

В глаза бросаются пять вещей (кроме даты публикации): 1) модель иерархическая; 2) рассматривается уровень высказывания; 3) самое главное – очевидно соответствие уровней эквивалентности В. Г. Гака трем срединным уровням В. Н. Комиссарова (структура высказывания, способ описания ситуации, указание на ситуацию); 4) нет «прагматического» уровня и 5) нет аналога низовому уровню В. Н. Комиссарова.

Соответственно, если считать перевод актом коммуникации, то вопрос о прагматическом уровне может возникнуть сразу (доработать? надстроить?). Далее могут появиться и иные вопросы, в частности, о трактовке и соотношении «ситуации» и прагматики, о чем будет сказано чуть ниже. Что же касается уровня языковых знаков В. Н. Комиссарова, считать ли, что он де-факто включен в уровень языковых форм, и – при любом ответе на этот вопрос – требуется ли его дифференцировать?

Удивительно, что столь стройная модель В. Г. Гака не разбиралась в 1973 г. (а учебник, соответственно, не указывался в списках литературы) ни В. Н. Комиссаровым, ни А. Д. Швейцером. Оба переводоведа, разумеется, В. Г. Гака цитируют, но иные его труды – впрочем, так или иначе связанные и с этой моделью (ср. три модели языкового синтеза, идеально точно соответствующие трем уровням [2]). В. Н. Комиссаров приводит эту модель лишь в куда более поздней обзорной работе [9, с. 58–60].

Итак, степень сходства такова, что приоритет в немалой степени (причем в ключевых, в т.ч. для дидактики, аспектах) стоит отдать В. Г. Гаку.

Но не следует думать, что В. Н. Комиссаров лишь произвел надстройку двух уровней. Он переосмыслил (или по-другому мыслил) содержание ситуативного уровня, как бы «вычистив» оттуда все, на его взгляд, неуместное ((около)прагматические составляющие). Причем уловить это можно не из сопоставления голых схем и названий уровней, а лишь из примеров и комментариев самого В. Н. Комиссарова и из других работ В. Г. Гака (не из учебника). Так, при перечтении некоторых примеров перевода на уровне цели коммуникации, вдруг понимаешь, что для В. Г. Гака (и для Ж.-П. Вине и Ж. Дарбельне, о которых см. далее) они явно покрываются понятием ситуативной эквивалентности. В. Н. Комиссаров не зря позднее отмечал, сколь много зависит «от того, какое содержание вкладывается в понятие “ситуация”» [7, с. 99]. А В. Г. Гак, в свою очередь, говорил о включении в «ситуацию» прагматических аспектов (см., например [14, с. 139]). Попутно замечу, что «цель коммуникации» и «ситуация» В. Н. Комиссарова еще ждут своего критического анализа.

Закономерен вопрос: а каковы же истоки модели В. Г. Гака? С одной стороны, это продукт его собственных лингвистических работ, но уже в приложении к переводу; с другой – и в данном контексте это интереснее, – В. Г. Гак развивает не что иное, как *ситуативную модель* перевода, и будучи специалистом по французскому языку, продолжает линию Ж.-П. Вине и Ж. Дарбельне, однозначно заявивших, что переводческая эквивалентность есть эквивалентность ситуаций [18, с. 22].

Хотелось бы напомнить отечественным читателям и авторам, что ситуативная модель не исчерпывается И. И. Ревзиным и В. Ю. Розенцвейгом. Канадские ученые и В. Г. Гак – ее виднейшие представители, причем а) более ранние и б) идущие дальше и с большей детализацией. Т.е. даже критика ситуативной модели должна уже строиться в чем-то по-иному. Не касаюсь деталей, требующих более глубокого анализа. К сожалению, вне франкоязычного контекста модель В. Г. Гака упоминается в отечественном переводоведении, мягко говоря, несколько реже уровнейых моделей В. Н. Комиссарова и А. Д. Швейцера, что – независимо от отношения к ним вместе и по отдельности – несправедливо.

В п. 2 упоминалась ошибка П. Фосетта в отношении В. Г. Гака. Опираясь на статью В. Г. Гака 1992 г., он соотнес «ситуацию» с уровнем прагматическим, принял всю модель за семиотическую триаду и увидел в ней по сути лишь вариацию уровней ван ден Брука (образца 1978 г.).

3. Ж.-П. Вине и Ж. Дарбельне и их приемы перевода

Канадские ученые издали свой знаменитый труд в 1958 г. Отечественным переводоведам он был знаком, в библиографии включен.

Здесь мы становимся, говоря о непосредственных предшественниках, на более зыбкую почву, но не совсем без оснований. Выделенные приемы перевода заставляют, при внимательном анализе, задуматься о том, как вообще подойти к «ситуации», как трактовать – и как Ж.-П. Вине и Ж. Дарбельне трактуют – это понятие (ср. выше и [1, с. 13]). Кроме того, примеры адаптации, где в ИТ и ПТ описываются разные предметные ситуации, говорят о наличии некоей прагматической задачи («прагматического» уровня?), а эквиваленции, модуляции и транспозиции заставляют также задуматься о категории способа описания ситуации. В итоге можно захотеть усовершенствовать или изменить то, что было сочтено нелогичным. Категория же «прямого перевода» соотносима, вероятно, с двумя низовыми уровнями В. Н. Комиссарова.

В заключение можно повторить, что по данной проблематике видны перспективы для дальнейшего (в частности, после Н. К. Гарбовского) метатеоретического анализа. Этот вопрос отнюдь не исчерпан.

Список использованных источников

1. Вопросы теории перевода в зарубежной лингвистике: Сб. статей: пер. с англ., нем., франц. / Вступ. ст. и ред. В. Н. Комиссарова. – М.: Международные отношения, 1978. – 232 с.
2. Гак В. Г. О моделях языкового синтеза. «Иностранные языки в школе». М., 1969. – № 4. – С. 15–22.
3. Гак В. Г., Львин Ю. Д. Курс перевода. Французский язык. – М.: «Международные отношения», 1962. – 436 с.
4. Гак В. Г., Львин Ю. Д. Курс перевода. Французский язык. Изд. 2-е, перераб. – М.: «Международные отношения», 1970. – 400 с.
5. Гарбовский Н. К. Теория перевода: Учебник. 2-е изд. – М.: Изд-во Моск. ун-та, 2007. – 544 с.

6. Комиссаров В. Н. Слово о переводе. – М.: Международные отношения, 1973. – 216 с.
7. Комиссаров В. Н. Лингвистика перевода. – М.: Международные отношения, 1980. – 166 с.
8. Комиссаров В. Н. Теория перевода (Лингвистические аспекты). – М.: Высш. шк., 1990. – 253 с.
9. Комиссаров В. Н. Лингвистическое переводоведение в России. Учебное пособие. – М.: ЭТС, 2002. – 184 с.
10. Комиссаров В. Н. Современное переводоведение. Уч. пособие. 2-е изд., испр. – М.: Р.Валент, 2011. – 408 с.
11. Швейцер А. Д. Перевод и лингвистика: о газетно-информационном и военно-публицистическом переводе. – М.: Воениздат, 1973. – 280с.
12. Bassnett S. Translation Studies. Third edition London & New York: Routledge, 2002. – 176 p.
13. Fawcett P. Translation and Language: Linguistic Theories Explained. Manchester & Northampton: St Jerome, 2003. – 160 p.
14. Gak V. G. Pour un calcul logique des équivalents de traduction. Meta, 37(1), 1992. – P. 139–148.
15. House J. Translation quality assessment: past and present. Abingdon / New York: Routledge, 2015. – 160 p.
16. Neubert A. Elemente einer Allgemeinen Theorie der Translation // Actes du Xe Congrès International des Linguistes. Bucarest 28 août 2 septembre 1967. Bucarest: Editions de l'Academie de la Republique Socialiste de Roumanie, 1970. Vol. II. – P. 451–456.
17. Neubert A. Shreve G.M. Translation as Text. Kent, Ohio: The Kent State University Press, 1992. – 169 p. (Translation Studies, no 1).
18. Vinay J.-P., Darbelnet J. Stylistique comparée du français et de l'anglais. Méthode de traduction. Paris : Didier, 1972. – 331 p.

УДК 81'25

ЛОЯЛЬНОСТЬ ПЕРЕВОДЧИКА: СОДЕРЖАНИЕ И ИЕРАРХИЯ

Д. Н. Шленнев,

*доцент кафедры теории и практики французского языка и перевода,
Высшая школа перевода, Нижегородский государственный
лингвистический университет им. Н. А. Добролюбова*

Аннотация. В настоящей статье предпринята попытка описать объекты лояльности переводчика и их иерархию. Также утверждается, что этическая составляющая должна рассматриваться как часть требований к переводу и переводческих норм.

Ключевые слова: лояльность, переводчик, этика, переводческие нормы.

Summary. The paper tries to define to whom and in which order translators owe their loyalty. It is also argued that ethical component should be regarded as part of translation norms and requirements for translation quality.

Key words: loyalty, translator, ethics, translation norms.

1. «Лояльность» К. Норд: происхождение и содержание понятия

Этот термин, как известно, ввела в переводоведение К. Норд [10, с.123-129; 11; 12, с. 32-33; 13] в стремлении преодолеть крайности скопос-теории и теории переводческого действия (см., например, [2, с. 193–197]). В отличие от «верности» и «эквивалентности», «лояльность» распространяется не на межтекстовые отношения, а межличностные. Это этическая категория, подразумевающая верность переводчика интересам основных сторон: а) целям Заказчика / Инициатора, б) коммуникативным намерениям Отправителя и в) потребностям и ожиданиям Получателя.

Задача переводчика – найти баланс между соблюдением интересов всех трех сторон. Цели перевода должны быть так или иначе совместимы с целями ИТ, а свобода в ее постановке ограничивается ответственностью переводчика перед всеми сторонами. Это может оказаться невозможным, если ожидания сторон совершенно различны. Переводчик, следовательно, должен предвосхитить и предотвратить коммуникативный конфликт. Более того, поскольку стороны принадлежат к разным культурам и могут не иметь о них представления, то они могут даже не знать, что между ними имеется какое-то несоответствие, какой-то конфликт.

Лояльность распадается на четыре компонента [13, с. 36–38]: предупреждение конфликтов, профессионализм, доверие (надежность), добросовестность. Возможно, это более позднее дополнение вдохновлено идеями Э. Честермана [5, с. 152]. (Такое деление представляется несколько условным и терминологически неоднозначным. Так, не объемлет ли «профессионализм» все (или почти все) четыре составляющих?)

В случае конфликта интересов переводчику необходимо сделать ответственный выбор. К. Норд не дает однозначного ответа, какой именно, говоря (в более поздних работах) лишь о его необходимости.

Так можно ли как-то иерархизировать требования лояльности?

2. Д. Жиль: две попытки иерархизации

Попытку иерархизировать лояльность дважды предпринял Д. Жиль. Он вводит принцип переменной лояльности, и – в первом издании своего учебника – констатирует необходимость выбора, какой из сторон отдать приоритет. По его словам, приоритет, как правило, отдается Отправителю [6, с. 28–31, 45], что есть стандарт эквивалентно-ориентированного подхода. Д. Жиль, впрочем, предупреждает и о возможном конфликте интересов. Во втором издании французский ученый к функционалистам ближе: в норме переводчик должен быть прежде всего лоялен Заказчику, затем – Отправителю, если его интересы не противоречат интересам Заказчика. Переменная лояльность не забыта: в некоторых видах перевода переводчик может выбрать одну из сторон (по сути, наиболее уязвимую), независимо от

ее статуса Заказчика или Отправителя [7, с. 31–35, 48].

Если не учитывать случаи сильного конфликта интересов (когда проблема возникает во всей силе), то принцип переменной лояльности в описанной форме выглядит сомнительно: соблюдение интересов одной из сторон вовсе не обязательно перечеркивает интересы другой. Не вернее ли говорить здесь не столько о смене лояльности, а, допустим, об эмпатии, нейтральности переводчика и т.д. (например, в социальном переводе)?

3. Предлагаемое решение

Иерархия Д. Жилия может показаться очевидной. Однако я полагаю, что схема иная – и структурно, и количественно:

0. (сверхрегулятор) **Общечеловеческая этика (высшие ценности) + личная этика.**

1. **Лояльность переводческому сообществу.**

2. **Лояльность Инициатору / Заказчику.**

3. **Лояльность Получателю** (его потребностям и ожиданиям).

4. **Лояльность Отправителю** (его коммуникативным интересам).

Начнем с уже известных нам пунктов 2–4. Роль Заказчика и принцип соответствия цели очевидны для любого, кто хоть раз в жизни предлагал что-то в рамках товарно-денежных отношений: продукт должен быть функциональным – способным «работать». Но это не означает слепое исполнение воли Заказчика (в духе крайностей скопос-теории) или поведение слуги. Переводчик может заранее отказаться от работы. Есть случаи, когда инструкции Заказчика противоречат (по незнанию и т.д.) его же интересам. Когда взгляды и установки расходятся. Вариантов ситуаций и поведения достаточно. Но если ты согласился взять деньги, то в норме ты должен поставить работающий продукт, соблюсти интересы Заказчика и во всяком случае не причинять им вреда (см. кодекс Д. Гуадека [8, с. 237]). Отсылаю также к своей классификации целей перевода [3].

Перестановка Получателя и Отправителя может показаться некоторым теоретикам жестом странным или даже оправдывающем произвол переводчика, чрезмерное стремление потрафить Получателю и т.п. На деле все обстоит с точностью до наоборот. ПТ функционирует – и должен функционировать – в принимающей культуре, для определенной категории Получателей / Пользователей, определенным образом использующих ПТ. Более того, я полагаю, что *лояльность Отправителю реализуется на практике через лояльность Получателю*. Так, если Получатель идентифицирует текст как переводной («явный»), или «открытый перевод» в терминологии Ю. Хаус [9, с. 54, 56]), он не ожидает, что его будут вводить в заблуждение. Получатель сегодня предполагает увидеть некое честное отображение ИТ, а не бесконтрольный полет фантазии (те же аннотации или реферативный перевод, будучи явной переработкой, должны при этом корректно передавать смысл ИТ). Если не знает («скрытый перевод» по Ю. Хаус: руководство пользователя и т.д.), то ожидает, скажем так, эффективности и истинности. Но таковые достижимы

в т.ч. через надлежащее отношение переводчика к ИТ. Об этическом следствии из этого (информирование об установках) см. ниже.

В описательном плане такая диспозиция корректнее отражает все разнообразие ситуаций и решений переводчика, в т.ч., как ни странно: а) и оправданное вмешательство в текст (правку и т.п.), и вмешательство, на чей-то взгляд, неоправданное или спорное – иначе бы не возникали по сию пору длящиеся дискуссии (переводчики тут как бы по-разному сдвигают «бегунки» своей шкалы); б) крайности и одомашнивания, и отчуждения (последнее, кстати, тоже зиждется на отношении к Получателю, а не на коммуникативных интересах автора как таковых)...

В плане прескриптивном (в т.ч. дидактическом) – это средство обучения, выработки рекомендаций по эффективной, корректной (или даже однозначно правильной – зависит от материалов) работе.

Переходим к первой надстройке, превалирующей над лояльностью Заказчику. *Лояльность переводческому сообществу: работа переводчика не должна причинять вред сообществу и в целом блюсти его интересы.*

(Эта идея обязана своим появлением как самой практике, в т.ч. попыткам сообщества отрегулировать свою деятельность, так и некоторым мыслям Э. Пима (например, [2010, с. 174]); к слову, я скептически отношусь к его, на мой взгляд, нереалистичной идее переводческого сообщества, по определению существующего на перекрестье культур, не в рамках определенной культуры, но усматриваю практический вывод: переводчику полезно и необходимо умение смотреть отстраненно на нормы соприкасающихся культур.)

Этот параметр означает также приверженность переводчика профессиональной этике. Добросовестная качественная работа идет на пользу сообщества. Незачинное, недостойное поведение переводчика, произвол, согласие на недостойные условия работы есть нарушение этого требования, бьющее по всем нам.

В большинстве ситуаций этот параметр находится в балансе с другими требованиями. Подтверждением его существования может служить также стремление переводчика снискать признание и одобрение со стороны коллег (и порой в первую очередь). Все мы встречались и с его нарушением: с нечестным (вне честной конкуренции) отъемом заказа, с согласием работать в недостойных условиях за недостойную плату...

Осознание этого параметра как требования имеет важнейшие последствия для благосостояния и развития всей профессии, утверждения и повышения ее престижа, авторитета, социальной роли.

Появление этого пункта на первой позиции, перед лояльностью Заказчику, дополнительно подчеркивает, что переводчик не есть слепой исполнитель. Это означает осознание переводчиком своей высокой миссии, уважение к профессии и – что не менее важно (и о чем порой забывают) – требование к окружающим уважать профессию. Не только переводчик должен вести себя прилично. Мы вправе требовать и этического поведения по

отношению к нам. И вообще работать на повышение статуса профессии и препятствовать его понижению.

В разработке профессиональных этических кодексов и в принятии их положений действующими переводчиками проявляется не что иное, как действие этого параметра, осознание де-факто его значимости.

Попутное примечание. Лояльность коммуникативным интересам не означает борьбу за жизненные интересы сторон. Так, перевод для суда материалов о подсудимом противоречит жизненным интересам последнего. Перевод данных радиоперехвата – жизненным интересам их Отправителя. Однако корректный, не вводящий в заблуждение перевод верно отражает исходные смыслы. Получатель приобретает возможность адекватно судить о них, о коммуникативных интересах Отправителя – как они выражены в данных материалах, несмотря на радикальную смену функций ПТ. Такова и была цель Заказчика. Баланс соблюден.

Куда хуже обстоит дело с той сознательной манипуляцией, которую способен проделывать переводчик и которую Получатель, не имея доступа к ИТ, в принципе не может заметить. В этих случаях цель Заказчика соблюдается с полным пренебрежением к интересам других сторон.

Причем это может встречаться не только в военном деле, в пропаганде..., но и в областях, казалось бы, невинных. Например, в литературе, когда перевод полностью искажает лицо автора, его мировоззрение, его идиостиль (не в силу традиций, не по ошибке и т.д., а, например, с сознательного решения издательства), а Получатель свято верит в истинность предъявленного ему материала. А ведь по функционированию это мало чем отличается от пропагандистского или коммерческого трюка с рерайтингом заголовков в духе: «Предприниматель из города X заявил о несогласии с политикой правительства в отношении N» (ИТ) ⇒ «Бизнесмены страны осуждают политику...» (ПТ).

Вероятное *этическое следствие* (кроме ситуаций, когда это неосуществимо): пользователь должен иметь представление об установках переводчика, если таковые отклоняются от традиций, норм, ожиданий. Например, через предисловия, комментарии и т.п. К. Норд здесь права. Даже в стандартных случаях они полезны. Такого рода предисловия и пояснения стоит только приветствовать в принципе. Конец примечания.

Продолжим. Над этими четырьмя пунктами возвышается *сверхрегулятор*, обозначенный как «общечеловеческая этика», «высшие ценности» вкупе с *личной этикой* переводчика. Именно этот сверхрегулятор позволяет переводчику совершать оправданные (оправдываемые) высшими принципами и/или допускаемые его моралью действия. В прескриптивной модели личную этику следовало бы убрать из схемы. Но в дескриптивной или дескриптивно-прескриптивной – необходимо оставить: просто потому, что через нее все преломляется.

Именно действием этого сверхрегулятора можно объяснить

героическое поведение немецкой медсестры, которая своей ложью в глаза фашистам спасала пленных концлагеря, сознательно искажая содержание перехваченных записок [1, с. 386]. Или же читатель применит буквально скопос-теорию и заклеит ее позором как нарушителя принципов?

Деонтологию можно прописать. Этику же на подобном уровне прописать невозможно. Но сбрасывать со счетов не стоит. Не пытаемся ли все мы быть все-таки приличными людьми?

Этический аспект следует рассматривать и среди требований к переводу / критериев оценки качества [4, с. 410–412], и среди переводческих норм. Содержание этой статьи можно считать попыткой структурированного (но неокончательного) описания этической нормы.

Список использованных источников

1. Прунч Э. Пути развития западного переводоведения. От языковой асимметрии к политической. / Пер. с нем. М.: Р.Валент, 2015. – 512 с.
2. Шлепнев Д. Н. Переводческая деятельность и целеполаган е. Часть II. Целеполагание в переводоведении: анализ и критика [Электронный ресурс] // Перспективы Науки и Образования. –2018. – № 2 (32). – С. 192-199. <https://pnojurnal.wordpress.com/archive18/18-02/> (дата обращения: 27.01.23).
3. Шлепнев Д. Н. Цели перевода: попытка типологии. Юридический перевод и иные виды перевода // Филологические науки. Вопросы теории и практики. Тамбов: Грамота, 2018. – № 2(80). – Ч. 2. – С. 398 – 401.
4. Шлепнев Д. Н. Теория перевода: введение в ремесло. Учебник. М.: Р - Валент», 2020. – 528 с.
5. Chesterman A. Proposal for a Hieronymic Oath // The Translator. Volume 7, Number 2, 2001. – P. 139-154.
6. Gile D. Basic Concepts and Models for Interpreter and Translator Training. Amsterdam/Philadelphia: John Benjamins, 1995. – 274 p.
7. Gile D. Basic Concepts and Models for Interpreter and Translator Training. Revised ed. Amsterdam/Philadelphia: John Benjamins, 2009. – 283 p.
8. Gouadec D. Translation as a Profession. Amsterdam/Philadelphia: John Benjamins, 2007. – 396 p.
9. House J. Translation quality assessment: past and present London & New York: Routledge, 2015. – 160 p.
10. Nord C. Translating as a Purposeful Activity: Functionalist Approaches Explained. Manchester: St.Jerome Publishing, 1997. – 160 p.
11. Nord C. Loyalty revisited. Bible translation as a case in point // The Translator. No. 7 (2), 2001. – P. 185-202.
12. Nord C. Text Analysis in Translation. Theory, Method, and Didactic Application of a Model for Translation-Oriented Text Analysis. Amsterdam-New York: Rodopi, 2nd. revised edition, 2005. – 284 p.
13. Nord C. Loyalty and Fidelity in Specialized Translation // Confluências Revista de tradução científica e técnica. No. 4, 2006. – P. 29–42.

УДК 81

**ИЗ ИСТОРИИ ПЕРЕВОДОВ ДРЕВНЕТЮРКСКОГО
ГАДАТЕЛЬНОГО ТЕКСТА «ЫРК БИТИГ»****О. Б. Элькан,**

доктор искусствоведения, доцент, профессор кафедры общественных дисциплин и истории искусств, Санкт-Петербургская государственная художественно-промышленная академия имени А. Л. Штиглица, Санкт-Петербург

Вань Диньчень,

аспирант, Санкт-Петербургская государственная художественно-промышленная академия имени А. Л. Штиглица, Санкт-Петербург

Аннотация. В статье обобщаются сведения об истории переводов древнетюркского литературного и мантического (гадательного) памятника Ырк Битиг («Книга гаданий» или «Книга предзнаменований»), обнаруженного в XX веке на территории монастыря в провинции Дунхуан (Китай). Предлагается краткий анализ переводческих версий поэтического текста манускрипта, составленного на одном из диалектов тюркского языка и записанного с использованием так называемого орхоно-енисейского рунического письма, представляющего собой «прогностический» или «мантический» текст, насыщенный сложным и глубоким символизмом. Рассмотрены особенности интерпретаций древнего текста Б. Виногородского, И. Г. Закировой, С. Е. Малова, Ф. Черницына, В. Томсена. Особое внимание в статье уделено признанному сегодня наиболее удачным переводу китаеведа Б. Виногородского, опубликованному в Казахстане и России, вместе с примечаниями и толкованиями самого Б. Виногородского и Ф. Черницына.

Ключевые слова: письменный памятник, Ырк битиг, тюркский язык, орхоно-енисейское руническое письмо, перевод.

Summary. The article summarizes information about the history of translations of the ancient Turkic literary and mantic (fortune-telling) monument Yrk Bitig ("Book of Fortune-telling" or "Book of Omens"), discovered in the twentieth century on the territory of a monastery in Dunhuang province (China). A brief analysis of the translation versions of the poetic text of the manuscript, composed in one of the dialects of the Turkic language and recorded using the so-called Orkhon-Yenisei runic script, which is a "prognostic" or "mantic" text, saturated with complex and deep symbolism, is proposed. The features of the interpretations of the ancient text by B. Vinogradsky, I. G. Zakirova, S. E. Malov, F. Chernitsyn, V. Thomsen are considered. Special attention in the article is paid to the translation of the sinologist B. Vinogradsky, which is recognized today as the most successful, published in Kazakhstan and Russia, together with notes and interpretations by B. Vinogradsky and F. Chernitsyn.

Key words: written monument, Yrk bitig, Turkic language, Orkhon-Yenisei runic writing, translation.

В начале XX века, после открытия некогда замурованной «Пещеры

тысячи будд» в северо-восточном Китае, недалеко от города Дуньхуан, были обнаружены и приобретены экспедицией Аурела Стейна множество (десятки тысяч листов) ценных и достаточно древних письменных памятников. Среди которых оказался и документ, вызывающий сегодня повышенное внимание всего тюркологического сообщества – и даже всего тюркского мира в целом. Речь идет о древнем мантическом сборнике, который принято обозначать как «Ырк битиг» («Книга гаданий» или «Книга предсказаний») [6].

Сегодня данный документ находится в Британской библиотеке, в коллекции китайских и центральноазиатских рукописей, обнаруженных экспедицией Стейна. Манускрипт, составленный на одном из диалектов тюркского языка и записанный с использованием так называемого орхон-енисейского рунического письма, представляет собой «прогностический» или «мантический» (гадательный) текст, насыщенный сложным и глубоким символизмом.

Хотя можно весьма аргументированно предположить серьезное влияние на создателей «Ырк битиг» еще одного подобного текста – знаменитой китайской И Цзин, или «Книги перемен», – многочисленные данные свидетельствуют, что представления о Судьбе (в том числе как «записанной» в неких источниках информации об этой Судьбе) в фольклоре средневекового тюркоязычного мира были достаточно распространены. Так, И. Г. Закирова упоминает выражение «язмышлар китабы», что так и переводится с татарского языка как «книга судьбы»; она же приводит свидетельства существования веры в подобные «книги судеб» в сохранившихся записях народно-поэтического творчества алтайских тюркоязычных народов. Интересно, что, как и в случае «Ырк битиг», найденной в пещере буддийского храма, эти верования оказываются тесно связаны в том числе и с влиянием буддийских традиций, получивших широкое распространение в этом регионе. Аналог татарской «язмышлар китабы» у алтайцев назывался «Судур», варианты – «Ай-Судур» либо «Судур-Бичик». Если «бичик» в последнем случае – альтернативная транслитерация того же слова «битиг», что и в «Ырк битиг» («бичик, или битиг, на древнетюркском означал – описание, книга» [3]), то слово «Судур» исследователи возводят непосредственно к санскритскому *sutra*, «сутра». Санскритское же «сутра», в свою очередь, буквально переводится как «нить», на практике же означает обычно некое священное писание, чаще всего – с изложением буддийского учения. «В уйгурских памятниках также упоминается книга судеб «Ан Битиг» или «книга предопределения». Здесь описывается жизнь человека, ее длительность, то есть отведенное судьбой время для его жизнедеятельности» [3].

Китаевед Б. Виноградский рассказывает также о существовавшей издавна у тюркских народов системе «кумалла» – гадания на камнях, раскладываемых в определенном порядке, подобно тому, как выстраиваются стебли при гадании по китайской системе «И Цзин»:

«кумалла» «позволяет раскладывать фигуры, имеющие символично-числовую основу, и эти фигуры ты «накладываешь» на какие-то истории свои, на которые у тебя возникают вопросы – ты «заглядываешь в будущее, строя стратегию своего поведения, в первую очередь...» [1]. Автор подчеркивает, что в обоих случаях – в отношении как китайской, так и тюркской «книги судеб» – затрагиваются очень важные и глубинные вопросы, в частности, связанные с существованием / несуществованием у человека свободной воли: оба текста базируются на абсолютной вере в то, что судьба человека predetermined «свыше».

Колофон «Ырк битиг» указывает, что текст, возможно, был изготовлен в манихейском монастыре. По поводу даты написания сохранившегося до нашего времени экземпляра «Ырк битиг» среди ученых до сих пор существуют определенные разногласия. В том же «официальном» колофоне рукописи такой датой указывается «пятнадцатый день второго месяца в год Тигра» – однако, как известно, в восточном гороскопе годы, «посвященные» тем или иным животным, повторяются циклически, с периодичностью в двенадцать лет. Одни ученые называют дату 17 марта 930 года, другие 4 марта 942 года; наиболее вероятным считается все же, учитывая лингвистические особенности текста, относить время его создания к 9 веку нашей эры [8].

«Ырк битиг» – единственный древнетюркский текст, написанный руническим шрифтом, который сохранился в виде полной книги; он также является самым объемным из всех известных нам текстов, написанных руническим письмом. Современные ученые придерживаются мнения, что он, вероятно, представляет собой исконно тюркское сочинение, а не перевод с какого-либо другого языка. Древнетюркский текст содержит около 100 страниц, но до и после него есть также 15 страниц с содержанием, написанным на китайском языке. «Китайские» страницы содержат два буддийских текста, не имеющих очевидной связи с основным тюркским текстом гадания. Рукопись вызвала значительный научный интерес, почти все исследования были сосредоточены на древнетюркском тексте, который действительно является исключительным во многих отношениях. Нет сомнений в значении текста гадания для изучения ранней тюркской культуры, поскольку он имеет важные последствия для развития языка, письменности, культуры, литературы, общества и религии [7].

Современные реставраторы переплели рукопись, находящуюся в Британском музее, в темно-красную твердую обложку, тем самым в значительной степени скрыв первоначальную форму рукописи. Более того, они укрепили внутренний край фолианта плотной консервационной бумагой, и сегодня это фактически не позволяет нам увидеть физическую структуру книжного листа. К счастью, датский лингвист *Вильгельм Томсен* (1842-1927), которому приписывают расшифровку рунического письма, описал структуру рукописи такой, какой она была до консервации.

До начала работы над «Ырк битиг» В. Томсен уже прославился как

русист, опубликовавший фундаментальный труд «Русью и Скандинавией и происхождение русского государства» [9]. После того как А. Стейн отправил рукопись «Ырк битиг» в Данию, Томсен смог лично ознакомиться с ней в одной из публичных библиотек. Томсен сосредоточил свое внимание на лингвистических особенностях древнетюркского текста, хотя он также предоставил краткое описание физической формы рукописи, отметив, что листы были «не сшиты вместе, а склеены с обратной стороны, один за другим». Он также отметил, что книга, в то время все еще находившаяся в отличном состоянии, не имела никакого переплета, а сложенные листы были склеены только у корешка. Почти десять лет спустя в подробном отчете Стейна также отмечается, что раздвоенные листья были склеены, а не сшиты вместе сзади. Действительно, этот тип склеенного кодекса, в котором отдельные двусторонние листы склеены вместе по внешнему краю их сгиба, представляет собой один из двух основных типов китайских кодексов из Дуньхуана [7].

Главная заслуга В. Томсена – в том, что он перевел тюркский текст «Ырк битиг», а уже на этой основе фактически смог расшифровать древние тюркские руны, к которым у ученых до его исследований фактически не было никакого «ключа».

В 1950-х годах видный советский лингвист-тюрколог, специалист по древним тюркским языкам С. Е. Малов предпринял попытку перевода «Ырк битиг» на русский язык. Однако, несмотря на признанную высокую квалификацию С. Малова в области тюркологии и тюркских языков [4], существенным недостатком его перевода было то, что он опирался не столько на оригинальный текст, сколько на уже имеющийся английский перевод В. Томсена. Впрочем, ту же претензию можно отнести и к одной-двум попыткам перевода «Ырк битиг», осуществленных в тот период за рубежом. Как поясняет современный российский тюрколог Ф. Черницын, «когда читаешь эти переводы, видно, что за базу бралась английская версия текста, и наши тюркологи работали с ней. Малов больше сосредоточивался на переводе древних камней-стел, которые есть на нашей территории. А что касается книги «Ырк битиг», ей он посвятил самую последнюю главу своей монографии, где назвал ее «гадательной книжкой», предпочитая думать о ней как о некоем инструменте ритуальной культуры древних тюрков, который использовался для гаданий или толкования снов. Это слабо коррелируется с объективной реальностью» [Цит. по: 2].

Наиболее удачным и «аутентичным» переводом тюркского оригинала на русский язык признается сегодня перевод, сделанный Б. Виногородским. Данная русскоязычная версия «Ырк битиг», вместе с примечаниями и толкованиями самого Б. Виногородского и Ф. Черницына, была опубликована сначала в Казахстане, а совсем недавно – и в России [5].

Бронислав Виногородский – известный китаевед, долгие годы посвятивший исследованию китайской «Книги перемен» – которую он, наряду с «Ырк Битиг», относит к «базовым осевым текстам» человечества,

к тем «матрично-образным структурам», позволяющим удерживать и сохранять сложившуюся систему образов и символов человеческой культуры. По утверждению Б. Виногородского, в книгах, подобных «И Цзин» и «Ырк битиг», практически отсутствуют «случайные» слова и знаки («гуа» в китайской традиции, «ырк» в тюркской): в основе каждого из них – стройная, глубокая, отработанная система, определяющая его присутствие именно «в нужном месте в нужное время». Важную роль при этом играет структура этих «гуа» или «ырк» [1].

Как известно, более привычная для нас «авраамическая» традиция – библейская и кораническая, – во всяком случае официально, не поддерживает подобное желание человека «заглянуть в будущее». Однако стоит иметь в виду, согласно Б. Виногородскому, что тексты «И Цзин» или «Ырк битиг» следует рассматривать не как примитивное бытовое гадание, а гораздо более расширительно – скорее даже как «описание динамики структуры сознания», как «темпорально-семантический кодер».

В целом можно констатировать, что Б. Виногородский и Ф. Черницын сделали существенный вклад в развитие не только отечественной, но и мировой истории переводов древнего тюркского литературного и мантического памятника «Ырк Битиг», завоевавшего к настоящему времени столь широкую и заслуженную популярность во всем мире.

Список использованных источников

1. Доклад Б. Б. Виногородского: Симпозиум «Вопросы Времени» [Видео] // URL: <https://yandex.ru/video/preview/6523959632249284196> (дата обращения 03.02.2023)
2. Древняя тюркская книга «Ырк битиг» («Книга гаданий», «Гадательная книга», Ырк битиг) [Эл. источник] // URL: <https://live.bronislav.ru/blog/598808> (дата обращения 03.02.2023).
3. Закирова И. Г. Мотив «написанной» судьбы в тюркском фольклоре (рецензирована) // Вестник Адыгейского государственного университета. Сер. 2: Филология и искусствоведение. – 2010. – № 4. – С. 16-19.
4. Малов С. Е. Памятники древнетюркской письменности Монголии и Киргизии. – М.-Л.: Издательство АН СССР, 1959. – 112 с.
5. Ырк Битиг. Книга знаков. Руническое руководство евразийской мудрости. Перевод и толкования Б. Виногородского и Ф. Черницына. М.: Издательский Дом «Русская Философия», 2020. – 396 с.
6. Элькан О. Б., Вань Д. Ancient turkic yrk bitig: “At the crossroads of cultures” // Культурология, искусствоведение и филология: современные взгляды и научные исследования: сб. ст. по материалам LXVII Международной научно-практической конференции. – № 12(60). – М., Изд. «Интернаука», 2022. – С. 55-59.
7. Galambos I. The Bilingual Manuscript with the Irk Bitig: London, British Library, Or.8212/161 // Medieval Multilingual Manuscripts. Case Studies from Ireland to Japan / Ed. M. Clarke, M.N. Mhaonaigh // Series Studies in Manuscript Cultures, vol. 24. – Berlin: De Gruyter, 2022. – P. 83-97.

8. Tekin T. Irk Bitig. The Book of Omens. – Wiesbaden: Harrassowitz Verlag, 1993. – 134 p.
9. Thomsen V. The Relations Between Ancient Russia and Scandinavia and the Origin of the Russian State. – København: Book on Demand Ltd., 2013. – 180 p.

СОДЕРЖАНИЕ

<i>Адживапов А. М., Меметов И. А.</i>	
Стратегии машинного перевода в контексте крымскотатарского языка.....	3
<i>Абдульмянова Д. Р., Арсентьева А. И.</i>	
Метафоризация лингвистических терминов в академическом дискурсе в переводческой перспективе.....	9
<i>Баканова М. В., Станчина Е. Р.</i>	
Анализ лексических средств выразительности как основы идиостиля автора и способов их передачи на русский язык (на материале произведения Д. Киза «Цветы для Элджернона»).....	14
<i>Банман П. П.</i>	
Траслатологическая специфика сводки минобороны России как военно-информационного текста (русско-английское направление)..	19
<i>Богомолова А. В.</i>	
Национально-прецедентные феномены как переводческая проблема.....	24
<i>Болдова Т. А.</i>	
Некоторые особенности перевода карикатур.....	30
<i>Борботько Л. А., Ильина Е. Г.</i>	
Толерантность как ментальный фильтр позитивной коммуникации...	35
<i>Вихриева И. В.</i>	
Об учебном пособии по русскому языку как иностранному: сельское хозяйство и ветеринария.....	39
<i>Волкова И. Д.</i>	
«Простой язык» как инструмент эффективной интернет-коммуникации (на примере медицинских текстов).....	46
<i>Глухенькая Л. Н.</i>	
Лирика Кэрол Энн Даффи: стратегии интерпретации и перевода.....	51
<i>Горшкова В. Е., Морева О. В.</i>	
Фрейм «телодвижение» в русле переводоведения.....	57
<i>Демидова О. Р.</i>	
Петербургская школа перевода в именах и текстах.....	61
<i>Джапарова Э. К., Зейтуллаев Э. Э.</i>	
Особенности перевода военной терминологии.....	66
<i>Жулидов С. Б., Золотова М. В., Иванов С. С.</i>	
Русизмы как контекстуальные соответствия и достижение адекватного перевода (на материале американской прозы).....	70
<i>Зеленцова М. Г., Козлова А. Т.</i>	
Новые вызовы отраслевого переводчика.....	75
<i>Зеленцова М. Г., Маликова Н. Г.</i>	
Особенности перевода звукоподражаний в комиксах (на материале комикса «Lore Olympus» и его перевода на русский язык).....	81

<i>Зеленцова М. Г., Маркова Т. Е.</i>	
IT-перевод: от теории к практике.....	85
<i>Зеленцова М. Г., Файзуллин В. Л.</i>	
История переводов психологических романов Мэри Вестмакотт на русский язык.....	88
<i>Злобин А. Н.</i>	
Эрратологический конвенциональный анализ перевода немецких инструкций по эксплуатации бытовых приборов.....	96
<i>Злобина Н. Ф.</i>	
Индивидуальный стиль двух переводов повести Р. Бредбери «Вино из одуванчиков».....	102
<i>Иванашко Ю. П., Процукович Е. А.</i>	
Достижение эквивалентности при передаче референциальных значений: методический аспект.....	106
<i>Iskakova A. Z.</i>	
Equivalence is the core concept of translation.....	111
<i>Исмаилова М. Т.</i>	
Особенности перевода антонимов киргизского языка на русский (на материале эпоса «Манас»).....	118
<i>Каламзина Б. А., Кауфман В. Е.</i>	
Трудности перевода юмора на примере сериала "Our flag means death".	125
<i>Каримова К. К., Жапарова А. А.</i>	
Analysis of translation techniques and transformations in rendering publicist texts.....	131
<i>Карпухина В. Н.</i>	
Стратегии передачи средств поликультурной национальной идентичности персонажей в переводе.....	135
<i>Катышева В. А., Куницына Е. Ю.</i>	
Термины-метафоры в нефтегазовой отрасли: переводческий аспект.....	140
<i>Кирпикова В. В.</i>	
Проблемы передачи прагматических значений при переводе современной прозы.....	144
<i>Ласкова М. В., Лазарев В. А., Ивченко, М. В.</i>	
Лингвовизуальные средства выразительности в политической карикатуре.....	149
<i>Латышева О. Е.</i>	
Отличительные особенности ненецкого языка в сопоставлении с русским и их учет при переводе фольклорных текстов.....	155
<i>Лиховид А. А.</i>	
Гендерная идеология викторианской эпохи и лингвистические средства ее репрезентации в тексте романа «Север и юг» и его переводов на русский язык.....	160
<i>Лукинова М. Ю., Бабенко К. В.</i>	

Жанровый компонент при переводе художественного текста (на примере романа-триллера Дж. Макмахон «Люди зимы»).....	166
<i>Лукинова М. Ю., Бахолдина О. А.</i>	
Особенности перевода графических романов в жанре young adult (на примере графических романов из серии «Юные титаны»).....	172
<i>Лукинова М. Ю., Безверхняя А. И.</i>	
Переводческая стратегия и тактики ее исполнения.....	178
<i>Лучникова А. В.</i>	
Использование смешанной формы обучения на занятиях по английскому языку в неязыковом вузе.....	182
<i>Лушикова Г. И., Загребельная М. С.</i>	
Кулинарный дискурс в романе Джули Кэплин «Маленькая кондитерская в Бруклине».....	190
<i>Макаревич И. И.</i>	
Отраслевые термины дискурса цифровой трансформации как репрезентанты научной картины мира в парадигме цифровой культуры.....	193
<i>Макаревич О. И.</i>	
Ценностные риски создаваемых цифровых экосистем: правовой аспект.....	199
<i>Макаревич Т. И.</i>	
Мировой рынок переводов и языковых услуг: состояние и перспективы развития.....	204
<i>Мартынюк Е. Б.</i>	
Прованс как культурный миф (роль заимствований и иноязычных вкраплений в создании образа французского мира в травелогах П. Мейла).....	208
<i>Маршанья К. М.</i>	
Лингвокультурная специфика значений имени собственного (на материале русских переводов стихотворения «Макавити» Т. С. Элиота).....	214
<i>Медведева М. С.</i>	
Медицинский дискурс с точки зрения лингвистических особенностей и трудностей перевода.....	218
<i>Михнёнок В. А.</i>	
Особенности перевода квазиреалий (на материале романа Э. К. Криспин «Западня в раю» и перевода на русский язык Я. Кельтского и А. Бугреевой).....	223
<i>Мохаммади Я.</i>	
Особенности трансляции образных средств при переводе на русский язык стихотворения Сильвии Плат «Медуза».....	227
<i>Назарова Г. А.</i>	
О некоторых аспектах использования публицистических текстов при обучении иностранному языку.....	233

<i>Николаева И. Н.</i>	
Специфика перевода текстов политического дискурса.....	237
<i>Новоспасская Н. В., Каратаракис Н., Пипераки Р. М.</i>	
Концепт «ξενος» в межкультурной коммуникации.....	241
<i>Норец М. В.</i>	
Элементы фантастического в романе Габриэля Гарсия Маркеса «Сто лет одиночества».....	247
<i>Норец М. В., Азизова А. Р.</i>	
Особенности локализации игры «Метро 2023».....	252
<i>Норец М. В., Гайдай Е. Д.</i>	
Особенности перевода комического в сериале «This is us».....	257
<i>Норец М. В., Османова Л. А.</i>	
Формирование переводческих тактик при локализации имен собственных игровых персонажей в игре «Honkai impact 3 rd ».....	262
<i>Панычев В. В.</i>	
Современный образ шпиона в игровой индустрии.....	268
<i>Пасекова Н. В., Агафонова Д. А.</i>	
Особенности локализации диалогов в игре Cyberpunk 2077.....	272
<i>Петрова О. В.</i>	
О теоретических воззрениях преподавателя и практике подготовки переводчиков.....	276
<i>Полоник А. Д., Пасекова Н. В.</i>	
Художественный перевод как интерпретация: на материале романа Д. Сэлинджера «The catcher in the rye» и его переводов на русский язык.....	281
<i>Разумовская В. А.</i>	
«Грозовой перевал» Э. Бронте: обретение «силы» в других вербальных и невербальных семиотических системах.....	286
<i>Резеньков В. Е.</i>	
Культурный перевод как инструмент формирования петербургской идентичности.....	290
<i>Рейнова А. В., Норец М. В.</i>	
Перевод авторских неологизмов в романе Дж. Р. Р. Мартина «Пламя и кровь».....	295
<i>Росляк В. О.</i>	
Кризис маскулинности (как части гендерной картины мира) в шпионских романах.....	300
<i>Саломахин А. Ю.</i>	
Лингвопрагматические особенности перевода аудиовизуального текста.....	303
<i>Серебрякова С. В., Кибкало Р. И.</i>	
Особенности трансляции сложно структурированного научного знания (на материале сложноподчиненных предложений).....	308
<i>Скидан О. Г., Голубничая Ю. А.</i>	

Перевод имен собственных при локализации компьютерной игры «Heroes of the storm» на русский и немецкий языки.....	313
<i>Смирнова Л. Е., Чикина А. А.</i>	
К вопросу о трансформации фразеологизмов в англоязычной рекламе.....	317
<i>Солодилова В. В.</i>	
Проблема жанровой идентификации террористического шпионского романа «9/11».....	323
<i>Стрельцов А. А.</i>	
Трудности перевода геральдических терминов в художественном произведении.....	326
<i>Тарасевич А. Р., Пасекова Н. В.</i>	
Проблема адекватности поэтического перевода с русского языка на английский.....	331
<i>Тарнаева Л. П., Осипова Е. С.</i>	
Корпусное направление в дискурс-анализе: лингводидактический аспект.....	334
<i>Татевосян Р. В.</i>	
Стихотворение Лермонтова «Любовь мертвеца» в армянских переводах.....	339
<i>Ташкенова Д. К.</i>	
Роль коллокаций в изучении английского языка.....	346
<i>Тихомирова Ю. А.</i>	
Русский романсный дискурс и современные культурные практики: переводческий аспект.....	350
<i>Трофимова Т. Н., Трофимова В. С.</i>	
Переводчица С. А. Никитенко и ее перевод романа «Дача на Рейне» Б. Ауэрбаха.....	356
<i>Труфанова А. Ю.</i>	
Языковые особенности романа Э. Гилберт «Ешь. Молись. Люби» и специфика его перевода.....	361
<i>Трыков В. П.</i>	
Военная тема в одной статье Ипполита Делаво.....	366
<i>Тулуп Э. Р., Куртумерова М. Р.</i>	
Модернистский роман первой половины XX века: тенденции перевода.....	371
<i>Тулуп Э. Р., Шемданова Э. Б.</i>	
Блогосфера как источник пополнения словарного состава современного английского языка.....	375
<i>Фадеева М. Ю., Обухова М. А.</i>	
Особенности перевода системы навигации в музейном пространстве.....	379
<i>Фомин Э. В.</i>	
Оригинальные и переводные названия спектаклей чувашского театра.....	383

<i>Ханян К. С.</i>	
Алексей Васильевич Кольцов в армянской прессе.....	387
<i>Шастина Е. М.</i>	
По следам переводов произведений Э. Канетти на русский язык.....	392
<i>Шетэля В.</i>	
Поэтические средства выражения, воссоздающие образ Урсули ее отцом Яном Кохановским и в стихотворной строке Болеслава Лесьмяна.....	398
<i>Шлепнев Д. Н.</i>	
Вероятные истоки урвней эквивалентности В. Н. Комиссарова.....	402
<i>Шлепнев Д. Н.</i>	
Лояльность переводчика: содержание и иерархия.....	407
<i>Элькан О. Б., Диньчень В.</i>	
Из истории переводов древнетюркского гадательного текста «Ырк битиг».....	413

Для заметок

Для заметок

Для заметок

Научное издание

**ПЕРЕВОДЧЕСКИЙ ДИСКУРС:
МЕЖДИСЦИПЛИНАРНЫЙ ПОДХОД**

Материалы VII международной научно-практической конференции

*Симферополь
27 – 28 апреля 2023 года*

Верстка Н. К. Норец

в авторской редакции

Формат 60x84/16. Усл. печ. л. 24,88. Тираж 100 экз.

ИЗДАТЕЛЬСТВО ТИПОГРАФИЯ «АРИАЛ»
295015, Республика Крым, г. Симферополь, ул. Севастопольская, 31-а/2.
Тел.: +7 978 71 72 901, e-mail: it.arial@yandex.ru, www.arial.3652.ru

Отпечатано с оригинал-макета в типографии «ИТ «АРИАЛ».
295015, Республика Крым, г. Симферополь, ул. Севастопольская, 31-а/2.
Тел.: +7 978 71 72 901, e-mail: it.arial@yandex.ru, www.arial.3652.ru